РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

МОНГОЛИЯ В ДОКУМЕНТАХ ИЗ АРХИВОВ ФСБ РОССИИ

(1922–1936 гг.)

Москва
ИВ РАН
2019

ББК 63.3 (5 Мо) 61
М 77

К 200-летию
Института востоковедения

Научный редактор:
академик РАН В. В. Наумкин

Редколлегия:
К. В. Орлова, В. В. Грайворонский (ответственные редакторы)
С. Л. Кузьмин, чл.-корр. РАН В. С. Христофоров

Рецензенты:
доктор исторических наук Н. Л. Жуковская,
доктор филологических наук А. Д. Цендина

М 77 **Монголия** в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): (Сборник документов) / Науч. ред. В. В. Наумкин, отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 528 с.

ISBN 978-5-89282-905-2

В сборнике впервые публикуются рассекреченные документы из Центрального архива ФСБ России и архива УФСБ России по Омской области, которые относятся к различным сферам отношений между СССР и МНР (политика, оборона, экономика, международные отношения, культура) в 1922–1936 гг. Публикация документов позволяет раскрыть нюансы советско-монгольских отношений, роль СССР, РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна, советского полпредства, советников и специалистов, работавших в МНР. Документы также отражают особенности политического и социально-экономического развития МНР, внутренней и внешней политики правящей Монгольской народно-революционной партии и правительства МНР, роль известных политических, государственных и военных деятелей Монголии и их отношение к России/СССР.

Сборник предназначен для историков, востоковедов, политологов, дипломатов, преподавателей и студентов ВУЗов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей Монголии и российско/советско-монгольскими отношениями.

ББК 63.3 (5 Мо) 61
ISBN 978-5-89282-905-2

© ФГБУН ИВ РАН, 2019
© Центральный архив ФСБ России, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателям сборник представляет собой научное издание архивных документов о Монголии, которые хранились под грифами «секретно» и «совершенно секретно» в Центральном архиве ФСБ России (ЦА ФСБ России) в Москве и УФСБ России по Омской области и до недавнего времени были недоступны для исследователей и широкого круга читателей. В XX веке Россию и Монголию на протяжении более 70 лет связывали особо тесные союзнические, идейно-политические, торгово-экономические, военные и культурные отношения. Для Монголии это был период исторического эксперимента, состоявшего в построении социализма, минуя капитализм (1921–1993 гг.).

Сборник подготовлен Институтом востоковедения РАН в сотрудничестве с Центральным архивом ФСБ России. Цель публикации – ввести в научный оборот и сделать достоянием общественности новый крупный массив архивных документов, относящихся к фактам и событиям истории Монголии и советско-монгольских отношений в 1922–1936 гг. Публикуемые документы дополняют сведения, содержащиеся в изданиях, подготовленных российскими и монгольскими архивистами и историками за последние 20 лет, в том числе «Коминтерн и Монголия» (Улан-Батор, 1996, на монг. яз.); «Монголия в документах ВКП(б) (1920–1952)». Т. I–III (Улан-Батор, 2002, 2005, 2009, на монг. яз.), «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)». Ч. I–II. Улан-Удэ, 2012; «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)». Ч. I–II. Москва – Улан-Удэ, 2008 и др.

В сборник вошли специальные сообщения, письма, сводки, обзоры политической, экономической, военной и религиозной ситуации в Монголии.

Представленные материалы показывают, что Советский Союз придавал важное политическое, экономическое, геополитическое и стратегическое значение отношениям со своим ближайшим соседом и союзником Монголией, оказывал ей всестороннюю помощь, стремясь сохранить ее в сфере своего идейно-политического, экономического, военного и культурного влияния, но не ставил цель оккупировать Монголию, включить ее в состав СССР. Публикуемые документы проливают дополнительный свет на характер и особенности советско-монгольских отношений в указанный период.

Хронологические рамки сборника обусловлены прежде всего временными характеристиками рассекреченных документов. Сборник охватывает не весь период

советско-монгольских отношений (1921–1993), а лишь небольшую, но чрезвычайно важную, дискуссионную часть этой истории – 1922–1936 годы, т. е. первые 15 лет после победы революции 1921 г. В Монголии это были самые трудные годы становления новой власти, время коренного переустройства, смены государственного строя, перехода сначала от абсолютной теократической формы правления к ограниченной монархии (1921–1924), затем – к республике (с 1924).

Начались революционные преобразования с ограничения и упразднения прав, титулов и званий привилегированных классов старой Монголии, преодоления их сопротивления, поиска путей строительства светского, республиканского государства, создания новых отраслей экономики и культуры, привлечения к управлению страной народных масс, преимущественно из бедняцкого и середняцкого слоев аратов-скотоводов. Первые монгольские революционеры, приступая к модернизации традиционного кочевого общества, ориентировались на пример Советской России, опирались на опыт и всестороннюю поддержку СССР и Коминтерна. Руководители правящей Монгольской народной партии (МНП, с 1924 г. – Монгольская народно-революционная партия) и правительства страны избрали главным направлением развития государства обеспечение политических и экономических условий для построения социалистического общества, минуя капитализм, и проводили этот курс в 1920–1930-е годы.

Традиционное кочевое, скотоводческое, буддийское общество подверглось глубокой и всесторонней модернизации, коренному реформированию политических и социально-экономических институтов. Монголия на этом нелегком пути немало преуспела в строительстве национальной государственности, экономике, культуре и добилась широкого международного признания своего суверенитета и независимости. На 1922–1936 годы приходится обострение внутреннего положения, вызванное политикой МНРП и правительства, направленной на подрыв в стране традиционных политических и экономических позиций феодалов и высшего слоя буддийского духовенства. В то же время внутри самой МНРП развернулась борьба между сторонниками постепенного, умеренного развития общественной системы, рыночных отношений, а также преодоления международной изоляции страны, установления связей не только с СССР, но и с другими странами Европы и Азии («правый уклон» в МНРП в 1926–1928 гг.), с одной стороны, и поборниками «левой», социалистической, просоветской ориентации, ускоренной ликвидации класса «светских и духовных феодалов» и «пережитков феодализма», модернизации монгольского общества по советскому образцу, форсированного строительства социализма («левый уклон» в 1929–1932 гг.), с другой.

Межгосударственные отношения СССР и МНР в указанный период определялись особыми, тесными связями и высокой степенью взаимного доверия между ВКП(б)/РКП(б), Коминтерном и Монгольской народно-революционной партией.

Как свидетельствуют документы, Монголия, добившаяся больших социально-экономических успехов, оказалась в сильной односторонней политической и экономической зависимости от СССР, и наряду с СССР понесла многочисленные жертвы при развернувшихся в конце 1930-х годов массовых политических репрессиях, утратила немалую часть традиционного культурного наследия.

Несмотря на объективные и субъективные трудности в отношениях двух стран, руководители СССР и МНР нашли взаимоприемлемое сочетание коренных национальных интересов, путей преодоления возникавших противоречий и препятствий и постарались в дальнейшем исправить допущенные ошибки и просчеты: обеими странами были осуждены пороки тоталитарной политической системы (культ личности, необоснованные политические репрессии и др.).

* * *

При подготовке сборника издатели руководствовались следующими основными принципами:

– Стремление к определению исторической истины и объективной оценке.

– Опора на установленные факты, отказ от использования недостоверных сведений.

– Отказ от идеологизированных оценок и противопоставлений («красные – белые», «отсталый – передовой», «прогрессивный – реакционный» и др.), касающихся важнейших событий или относящихся к политическим деятелям СССР и МНР.

– Поиск новых, ранее неизвестных или малоизвестных сведений, фактов, оценок, которые сохранили свою актуальность и значение для прояснения существующих по сей день «белых пятен» в истории Монголии и двусторонних советско-монгольских отношений в рассматриваемый период.

– Стремление дать по возможности полные биографические справки о представителях СССР, работавших в МНР, а также о политических, государственных, военных и других деятелях Монголии.

Сотрудники Института востоковедения РАН В. В. Грайворонский, М. И. Гольман, С. Л. Кузьмин, К. В. Орлова, Е. В. Бойкова, Р. Т. Сабиров просмотрели в общей сложности 27 папок (около 7300 л.) и отобрали для публикации 163 документа.

Тематически сборник охватывает прежде всего те материалы, которые могут служить важным дополнительным источником информации по широкому кругу вопросов, включая межгосударственные отношения между СССР и МНР (№ 56, 66, 89, 126, 143, 150, 156 и др.); отношения между РКП(б), Коминтерном и МНРП (№ 88, 115 и др.); изменения во внутренней и внешней политике МНРП и правительства страны в указанный период (№ 114, 130 и др.); борьба между «правыми» и «левыми» в правящей партии Монголии (№ 66, 106, 111, 113 и др.); политика МНРП и правительства, касающаяся буддийской церкви и духовенства (№ 61, 62, 68, 77, 83, 95, 104, 116, 119 и др.), антиправительственные настроения, выступления и вооруженные восстания (№ 83, 110, 112, 120, 128, 155 и др.); попытки внешних сил (Китай, Япония, США) оказать влияние на МНР с целью изменения ее внешнеполитического курса и подорвать авторитет Советского Союза и доверие к нему (№ 6, 14, 41, 44, 45, 51, 53, 71, 76, 129, 136, 138 и др.). Часть выявленных и публикуемых документов касается деятельности полномочных представителей, советников и инструкторов СССР в Монголии (№ 5, 13, 21, 25, 34, 70, 139, 162 и др.).

В 1920–1930-е годы советско-монгольские отношения активно развивались почти во всех областях – политической, торгово-экономической, военной, культурной, образовательной и научной. В то же время в политической сфере возникали подчас сложности, недопонимание, порой существенные, принципиальные расхождения.

Например, стороны не всегда могли найти общий язык по вопросам принадлежности бывшего Урянхайского края (Тувы), отношения к Японии и другим странам, положения в Монголии русских поселенцев, бурят-эмигрантов. Кроме того, внутриполитическая ситуация в Монголии, в частности, наличие «правого и левого уклонов» в МНРП и правительстве во второй половине 1920-х годов вызывали дискуссии о необходимости отказа от ориентации на СССР, а также панмонголизм, формы и методы борьбы с влиянием буддийской религии и высших иерархов буддийского духовенства и др.

Большой массив документов, включенных в сборник, относится к различным аспектам религиозной ситуации в Монголии в указанный период (№ 62, 77, 83, 93, 95, 104, 112, 113, 123, 124, 125 и др.). В документах освещаются, например, столь важные вопросы, как реакция буддийского духовенства и его высших иерархов на политику МНРП и монгольского правительства, направленную на ограничение влияния буддийской церкви, монастырей, а также антиправительственные настроения, выступления и восстания (1925, 1929, 1932 и другие годы).

Для реализации советского влияния в Монголии существовали различные политические и другие каналы, в том числе полномочное представительство России / СССР в Улан-Баторе, представители Коминтерна (до 1932 г.), Монгольская комиссия при ЦК РКП(б), советские советники в ЦК МНРП и правительстве, министерствах и ведомствах, военные советники и инструкторы в вооруженных силах МНР, регулярные встречи и консультации руководителей МНР с руководителями СССР, в частности, с И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, К. Е. Ворошиловым и другими членами Политбюро ЦК ВКП(б) и др.

В указанный период особое место в политике Монголии занимали ее отношения с бывшим Урянхайским краем (Танну-Тува, ныне Республика Тыва в составе РФ). Тувинский фактор оказывал заметное влияние на развитие советско-монгольских отношений (№ 31, 38, 46).

Особый интерес и ценность для исследователей представляют документы, в которых дан оперативный анализ причин возникновения и распространения антиправительственных выступлений и восстаний (1932 и другие годы), представленный по горячим следам событий советскими советниками, входившими в состав монгольских правительственных комиссий (№ 120, 121, 123, 126, 139, 156, 157 и др.).

Ряд документов (№ 3, 10, 17, 18, 23, 24, 47, 24, 36, 47, 50, 64, 94, 122 и др.) может служить ценным дополнительным источником для изучения истории экономической и социальной политики МНРП и правительства страны, анализа ошибок и просчетов.

Часть документов сборника в некоторой степени раскрывает основные цели, задачи, формы и методы работы сотрудников ОГПУ СССР в специфических условиях Монголии тех лет. Многим советникам и инструкторам не хватало осведомленности об истории и современном развитии страны, структуре и функционировании ее традиционного общества, знания языка, религии, традиций и обычаев монгольского народа.

Особый интерес представляют документы, содержащие сведения об отношениях Монголии с Китаем и Японией, о разведывательной деятельности этих стран в МНР (№ 71, 76, 129, 136 и др.).

* * *

Публикация документов соответствует Правилам археографической обработки текстов. Каждый документ имеет регест: вид документа (шифрограмма, сводка, сообщение, письмо, доклад, докладная записка и др.), указание адресата: кому и куда направлялся документ. Дата и место написания документа приводятся под заголовком, в некоторых случаях, когда не указано время создания документа, он датируется в соответствии с содержанием: «не позднее», «не ранее», «по смежным документам». Слева под заголовком документа указаны: исходящий номер, а если такового нет, то помечается «б/н» (без номера), место написания и адресаты рассылок; справа под заголовком – дата документа, степень секретности (в случае ее указания: «совершенно секретно», «чрезвычайно секретно», «секретно», «серия "К"», «литера "К"») и достоверности текста («заслуживает доверия», «заслуживает внимания», «не проверено», «только лично», «оглашению не подлежит»). Текст каждого документа сопровождается легендой. В ней указаны сокращенное название архива, номер фонда, описи, дела, листов, подлинность или копийность документа, а также способ воспроизведения. Все документы представлены на русском языке, некоторые даются в переводе с монгольского, китайского и тибетского языков (№ 56, 61, 82, 86, 90, 109, 110, 112).

Следует учесть, что текст многих документов не всегда гладок, нередки погрешности и ошибки (например, в передаче на русском языке монгольских имен, географических названий). В этом случае слова исправляются без оговорок.

В целом же публикация полностью сохраняет язык и орфографию оригинала. Например, оставлены без изменения устаревшие формы склонения некоторых слов (вместо «монголов, аратов, киргизов» сохранены «монгол, арат, киргиз» и т. п.). В некоторых случаях неправильное по современным нормам написание оставлено в исконной форме с пометой в комментариях: «так в тексте», «приводится по документу». В публикуемых шифрограммах предлоги, опущенные для краткости сообщения, не воспроизводятся, сокращенные слова не раскрываются. Вынужденные купюры и неясные места помечены отточиями в угловых скобках.

При неполном печатании документа он снабжается примечанием «публикуется в сокращении». Купюры текста и неясные места ввиду их неразборчивости помечены отточиями в угловых скобках (<…>) без особых оговорок. Слова и части слов, пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу, воспроизведены в квадратных скобках.

Научно-справочный аппарат включает именной и географический указатели, глоссарий, список сокращений и список литературы.

Документы сопровождаются комментариями по их нумерации.

Работая над комментариями, члены редколлегии опирались на следующие фундаментальные издания: Коминтерн ба Монгол (Баримтын эмхэтгэл) [Коминтерн и Монголия (Сборник документов)]. Улаанбаатар, 1996; Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. документов. Ч. I–II. Москва – Улан-Удэ, 2008; «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)». Ч. I–II. Улан-Удэ, 2012; ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 гг. М., 2007; Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Т. III: Советско-китайские отношения

(сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.). М., 2010; Советско-китайские отношения. 1952–1955. Сб. документов. М., 2015; и др.

Составители сборника – В. В. Грайворонский, М. И. Гольман, С. Л. Кузьмин, К. В. Орлова, Е. В. Бойкова, Р. Т. Сабиров. Руководитель рабочей группы – зам. директора по науке ИВ РАН Н. Г. Романова. Сверка документов (включая их архивные шифры) проведена сотрудниками ЦА ФСБ России и Е. В. Бойковой. Комментарии к документам подготовили В. В. Грайворонский, С. Л. Кузьмин, К. В. Орлова при участии Е. В. Бойковой; именной и географический указатели, глоссарий – В. В. Грайворонский, С. Л. Кузьмин, К. В. Орлова при участии Е. В. Бойковой.

Редколлегия выражает благодарность члену-корреспонденту РАН, руководителю Центра публикации источников по истории России XX века Института российской истории РАН В. С. Христофорову, ученому секретарю Института истории и археологии АН Монголии, профессору, PhD Норовсамбуугийн Хишигт, ученому секретарю Института науки и культуры монастыря Гандантэгченлин Норовцэдэнгийн Амгалану (Монголия) за разъяснение отдельных монгольских терминов и биографий некоторых государственных монгольских деятелей, главному редактору журнала «Буддизм России» А. А. Терентьеву за консультации по буддологическим вопросам, а также сотрудникам Центрального архива ФСБ России.

В. В. Грайворонский, К. В. Орлова

ДОКУМЕНТЫ

№ 1
Шифрограмма от сотрудника Восточного отдела НКИД РСФСР С. С. Борисова[1] о переговорах с А. Доржиевым[2] и Б. Вампилоном[3] по вопросу о Тибетской экспедиции[4]

Из Иркутска
Вх. № 3057/с

Получена 24 апреля
Расшифрована 25 апреля 1922 г.
Совершенно секретно

Москва, Карахану[5]

Я телеграфировал в середине марта Шумяцкому[6] в Москву о результатах переговоров, ведшихся мною по его поручению с Агваном Доржиевым и Вампилоном по вопросу о Тибетской экспедиции. Прошу сообщить, утверждены ли спроектированные в Иркутске и переданные Шумяцким в Наркоминдел основания отправки экспедиции, в которой мне было предложено участвовать в качестве ответственного лица. Если вопрос об экспедиции решен положительно и окончательно и мое участие необходимо, нужно немедленно приступить к практической подготовке сначала в Москве, потом в Урге[7]. Для этого прошу, во-первых – вызвать через Букатого[8] меня в Москву, во-вторых – вызвать туда же из Читы через Янсона[9] Вампилона, в-третьих – оказать содействие при проезде в Москву Агвану Доржиеву, который будет в Иркутске на днях. Если же вопрос об экспедиции все еще под сомнением или решен отрицательно, прошу сообщить мне, чтобы я мог считать себя от обязательства в этом согласии свободным.

От Борисова

Букатый

ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 219. Л. 1. Машинописная копия.

№ 2
Шифрограмма заместителя Полномочного представителя РСФСР в Монголии А. Я. Охтина[1] заведующему Восточным отделом НКИД РСФСР Л. М. Карахану о прибытии в Монголию американской научной экспедиции

б/н
г. Иркутск. Вх. № 3551

14 мая 1922 г.
Получена и расшифрована 17 мая

г. Москва
Карахану

1922 г.
Совершенно секретно

В связи с прибытием и работой в Монголии американской третьей Азиатской экспедиции[2] естественного исторического музея[3] монголы обратились с просьбой дать человека для прикомандирования к экспедиции по наблюдению и установле-

нию определенных рамок последней. Ввиду срочности вопроса и невозможности дождаться присылки соответствующего кандидата из Москвы прошу Вашего срочного распоряжения через ПУР <…> откомандировать в мое распоряжение для этой цели ответственного политработника Подива Беликова Георгия Никитича[4], окончившего в [19]14 г. естественное отделение Харьковского университета, каковой для этой работы безусловно подойдет. Беликов при экспедиции будет прикомандирован как монгол под чужой фамилией. Жду Вашего срочного распоряжения.

Охтин

Букатый

ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 219. Л. 4. Машинописная копия.

№ 3
Шифрограмма заместителя Полномочного представителя РСФСР А. Я. Охтина[1] о текущей ситуации в Монголии

б/н
г. Иркутск

15 мая 1922 г.
Получена и расшифрована 16 мая 1922 г.
Совершенно секретно

Москва, Карахану[2]
Срочно

1) От имени Военного Совета[3] Сухэ-Батор[4] полуофициально обратился ко мне с просьбой передать Реввоенсовету[5] о необходимости большую часть 308-го полка перевести к русской границе, оставив в Урге отобранный качеством отряд в пятьсот человек. Заявление свое мотивировал бесчинством красноармейцев, грабежами и убийствами в марте месяце, недовольство Богдо-хана[6] этим. Отмечено, что имел неоднократно разговор с министром иностранных дел по поводу бесчинств, кончающийся обещанием принятия мер. Причиной невозможности урегулировать положение полка служит его исключительная подчиненность армейскому командованию, не могущему предусмотреть необходимые мероприятия, что сильно тормозит работу местного представительства.

2) В связи с переходом в Хатхыльском районе[7] без предварительного уведомления меня границы ротой наших войск для охраны ценностей Центросоюза[8] монгольское народно-революционное правительство получило донесение о якобы появлении белого отряда в девятьсот человек, разгоняющего монгольские учреждения, убивающего население. Этот же факт в Кобдоском районе[9] послужил появлением сведений о том, что в Хатхыле якобы находится отряд японских войск. Приняты меры для урегулирования создавшегося положения.

3) 21 апреля постановлением монгольского нар.-рев. пр-ва разрешен въезд в Монголию американской научной геологической экспедиции, посланной музеем Национальной истории в Нью-Йорке[10]. 2 мая прибыла первая партия. Экспедиция технически обставлена хорошо. Маршрут: южная, возможно, западная часть Хал-

хи[11]. Наши косвенные попытки препятствовать въезду экспедиции ни к чему не привели. 6 мая прибыл в Ургу американский консул Сокобин[12], по-видимому, в связи с приездом экспедиции. На пути в Ургу находится группа американцев с целью получения в Монголии концессий.

4) Выяснилось, что бывшие министры монгольского нар.-рев. пр-ва <…> после своего отстранения в январе обратились к Сокобину с просьбой помочь им освободиться от приглашенных силою необходимости помочь Монголии русских, вмешивающихся теперь во внутренние дела. Указанная компания имела три совещания. В результате Далай-лама[13] должен был ехать с Сокобином в Китай. Косвенные участники передают, что Сокобин на их предложение ответа не дал. Выяснение этого дела продолжается.

5) Группа крепостных Цэцэнхановского аймака[14] подала монг. нар.-рев. пр-ву заявление с просьбой разъяснить, имеют ли право князья взыскивать теперь в свою пользу налоги. Монг. нар.-рев. пр-во 5 мая отменило все налоги населения в пользу князей, уничтожив класс крепостных.

6) В Урге состоялся 1 мая совместный парад русских [и] монгольских войск с красным знаменем Интернационала. В параде участвовали Народная партия, Союз молодежи. Рабочие и служащие, русские и монгольские заявляли нынешним Первым Маем освобождение монгольского народа, всех борющихся трудящихся, выражая благодарность революционной России, помогающей освобождению монгольского народа. Участвовало до пяти тысяч народу. Город разукрашен плакатами, арками.

Охтин

Букатый

ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 219. Л. 3. Машинописная копия.

№ 4
Шифрограмма заместителя Полномочного представителя РСФСР в Монголии А. Я. Охтина[1] об указе Богдо-гэгэна[2] от 22 мая 1922 г.

№ 1259
г. Иркутск

29 мая 1922 г.
Расшифрована 30 мая 1922 г.
Совершенно секретно

Москва, Карахану

Передается сообщение Мининдела от 23 мая № 167. 25 числа 3-й луны 12-го года правления Монголии и Многими Возведенного 22 мая по европейскому стилю[3] последовал указ богдыхана на имя председателя Совета Министров монгольского нар-рев. пр-ва Дамдинбазара[4] следующего содержания: «По слухам, за последнее время в китайских и других иностранных газетах распространились известия о том, что будто бы я обращался к китайскому правительству и просил удалить из Монголии русские войска, ввести китайские войска и создать из Монголии китайскую провинцию. Эти слухи являются сплетнями и ложными толками, моею единственною и главною задачею и стремлениями является непоколебимая поддержка

существующего Народного правительства, и я питаю постоянные надежды, что, благодаря посредничеству российского советского пр-ва в переговорах между Монголией и Китаем, будет достигнуто то дружеское соглашение, которое внесет успокоение и спокойную жизнь обоих народов. Сие предлагаю опубликовать внутри страны и за границей. Настоящее сообщаю, во исполнение указа об изложенном, зампредставителю российского советского правительства в Монголии Охтину и прошу передать своему правительству».

Охтин

Букатый

ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 219. Л. 6. Машинописная копия.

№ 5
Шифрограмма заместителя Полномочного представителя СССР в Монголии А. Я. Охтина заведующему Восточным отделом НКИД СССР Л. М. Карахану о ситуации с расквартированием полка охраны посольства

№ 1244 29 мая 1922 г.
Иркутск Расшифрована 31 мая 1922 г.
Совершенно секретно

Москва, Карахану

Передаю телеграмму Охтина: «До сих пор находящийся в Урге наш полк расквартировывается в районе торговли, в центре города. По поводу грабежа красноармейцами возникли частые недоразумения с монгольским нар-рев. правительством. В настоящее время полк переведен в здание представительства, в район консульства в трех верстах от города. Полк размещен ненормально, так как все здания в период китайцев и унгерновцев[1] разрушены и требуют ремонта. С наступлением же зимы положение станет невозможным. Необходимо немедленно приступить к ремонту. При производстве ремонта хозяйственным способом полка необходимы строительные материалы в общей сложности на сумму десять тысяч золотых рублей для ремонта одиннадцати зданий, в которых разместится весь полк. Прошу срочно ассигновать для этой цели указанную сумму. Срочно сообщите о Вашем решении».

Охтин

Букатый

ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 219. Л. 7. Машинописная копия.

№ 6
Шифрограмма
заместителя Полномочного представителя РСФСР в Монголии А. Я. Охтина зав. Отделом Востока НКИД С. И. Духовскому[1] о приезде в Ургу консула США в Калгане С. Сокобина

Вх. № 4443
г. Иркутск

5 июля 1922 г.
Расшифрована 6 июля 1922 г.
Совершенно секретно

Москва. НКИД. Духовскому

Сводка

Первое. 15 июня опять прибыл в Ургу калганский американский консул Сокобин в сопровождении одного англичанина, который, по агентурным данным, является агентом контрразведки американского посольства. 26 июня Сокобин снова выехал в Калган. Перед отъездом при визите у предсовмина хвалил монгольскую народную власть и говорил, что как представитель дружественной монгольскому народу державы, должен высказывать свои опасения о будущем народной власти, ибо таковая может остаться в одиночестве изолированной, так как, по его сведениям, договор с Россией никакой силы не имеет, ибо полпред в Пекине Пайкес[2] на запрос Пекин. правительства, заключен ли договор с Россией китпровинцией Монголией, ответил, что никакого договора нет и дело китправительства урегулировать отношения с Монголией[3]. Сокобин высказывает мысль, что монголам необходимо подумать по этому вопросу, ибо, видимо, Россия в пользу своих интересов отказалась от договора с Монголией. Чжан Цзолинь[4] указывал, что в свое время Богдохан обратился за посредничеством к американскому правительству, и Америка, видно, это забыла[5]. Сокобин уверял, что это не так, но якобы нет <…>[6] еще время. Установлено существование антинародно-правительственных группировок среди монгол, причем одна группа связана с русскими белыми и китайцами, другая же интригой Сокобина. Есть предположение, что первая группировка основана японской агрессивной линией, проводящейся через Чжан Цзолиня. Особенности Семенова[7]; по непроверенным сведениям, японцы прикладывают все усилия в случае поражения Чжан Цзолиня объединить его с Семеновым для похода на Ургу и осуществления декларации Чжан Цзолиня [об] автономности трех провинций[8]. Семенов, находясь в Тяньцзине, отдал все свои войска, две тысячи человек под командованием генерала Афанасьева[9], в распоряжение Чжан Цзолиня. Также замечено установление связи с унгерновскими сподвижниками-монголами. Второе. Группировка; начавшаяся от Бодо компания[10] освещена моим № 1179. Несомненно, является необходимой Госохрана в целях борьбы с контрреволюцией и другим. Принять меры усиления охраны востграницы[11]. Третье. Принять меры [к] точному выяснению этих группировок и продуктов американской политики, проводимой посольством У Пейфу[12]. Четвертое. Русский полк в Урге согласно приказу от 28 июля постановлением военсовета монголармии в связи с демобилизацией сокращается до четырехсот человек. Военсовет монгармии, считая невозможным такое сокра-

щение, просил РВС опять <…> заменить сокращенную ими часть кавполком. Последний вопрос в связи с общим положением на Востоке очень важен. Прошу [с] Вашей стороны принять нужные меры.

Охтин

Букатый

ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 219. Л. 9. Машинописная копия.

№ 7
Шифрограмма заместителя Полномочного представителя РСФСР в Монголии А. Я. Охтина заведующему отделом Востока НКИД РСФСР о создании Государственной военной охраны[1]

№ 1428 8 июля 1922 г.
г. Иркутск

г. Москва
Духовскому

От Охтина. Передаю исправление в дополнение к нашему № 528. Третий пункт 28/6: постановлением Военного Совета монгольской армии учреждена Военная охрана в целях борьбы контрреволюцией другим <...>[2]. Приняты меры усилению охраны восточной границы. Четвертое ... Согласно приказу РВС и [в] связи [с] демобилизацией русский полк [в] Урге сокращается до четырехсот человек. Военсовет Монгольской армии считал невозможным такое сокращение, послал РВС просьбу заменить сокращенную пехчасть кавполком[3]. В связи общим положением на Востоке последний вопрос очень важен. Прошу принять нужные меры с вашей стороны.

Букатый

ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 219. Л. 10. Машинописная копия.

№ 8
Шифрограмма полномочного представителя РСФСР в Монголии Н. М. Любарского[1] заведующему Восточным отделом НКИД СССР Л. М. Карахану о послании илийских монголов[2] с просьбой о присоединении к Внешней Монголии[3]

б/н 6 января 1923 г.
г. Урга

г. Москва
Карахану

Мною получено послание уполномоченного Верхне-Олецкого сейма <…> сонбату[4] и уполномоченных десяти районов Илийской провинции[5] на имя Совпра[6] с просьбой оказать им помощь присоединения Внешней Монголии. Послание указывает на угнетение их китайцами и русскими белыми казаками, которые захватили

их земли, жилища, оскверняют религию, грабят. Илийские монголы надеются на покровительство Сов. России в деле национального объединения и освобождения. Аналогичная просьба подана на имя Монголпра[7]. Послание датировано 7 сентября.

Любарский

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 1. Подлинник.

№ 9
Шифрограмма полномочного представителя РСФСР в Монголии Н. М. Любарского заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану

б/н 18 февраля 1923 г.
г. Урга. Вх. № 858

г. Москва. Карахану

15 февраля первый день Нового года[1] ожидалось выступление реакционной партии, свержение Монголпра[2]. Пока все спокойно. Наших военсил пока достаточно для всяких случайностей. Несомненно, соглашение местной реакции с Чжан Цзолинем и японцами[3]. Подробно курьером.

Любарский

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 5. Подлинник.

№ 10
Сводка № 1 по иностранному обозрению Прибайкальского губернского отдела Госполитуправления по состоянию на 1 марта 1923 г.

б/н 9 марта 1923 г.
г. Верхнеудинск Совершенно секретно

г. Чита
Полномочному представителю ГПУ на ДВ
Иностранный отдел По данным на 10 февраля 1923 г.

Монголия

Экономическое состояние

Самым крупным и единственно доходным местом Монгольского государства является таможня, которая берет почти тройную пошлину и является опорой финансового министерства. Следующим менее крупным доходным источником является сбор денег за заграничные паспорта, за права на торговлю и арендные земли. Последняя доходная статья – это штрафы с китайцев за те или иные проступки. Само Монгольское государство не имеет промышленности. Монголы – ничего не делающие кочевники, занимаются исключительно скотоводством[1]. Сама по себе Монголия богата золотом, серебром и другими рудами. Сами же монголы приисков не разрабатывают. Предполагалась сдача старых «монгольских» приисков аме-

риканцам, но пока еще сдача в аренду не состоялась, т. к. в этих районах живут русские колонисты, и прежде чем сдать прииска, нужно их выселить, что и склонно сделать монгольское правительство, в частности, министерство финансов. Вопрос о сдаче приисков, видимо, не разрешится до наступления весны.

Состав и деятельность монголправительства

Состав правительства Монгольского государства остается старым, за исключением назначения на должность начполитуправления гр. Япон-Данзана[2]. Кроме того, по телеграфным данным от 20 февраля Главком монгольской армии Сухэ-Батор[3] умер 20 февраля, причина смерти пока неизвестна.

Правительство Монголии является органом, вмешивающимся во все, иногда даже самые мелочные вопросы жизни государства. Самостоятельно те или другие министерства решают вопросы только ничего не значащие. Ни один важный вопрос самостоятельно ни одним министерством, как военным, так и другими, не разрешается, а переносится на рассмотрение правительства. В самой Урге много иностранцев всевозможных национальностей. Там можно встретить американцев, китайцев, и т.д. Влияния иностранцев в целом на правительство не заметно, но в частности на отдельных высокопоставленных лиц таковое распространяется. Один из ярких фактов влияния американцев-фабрикантов виден на министре финансов Данзане[4], который, подбиваемый американцами, намерен выселить из окрестных районов русских колонистов и прииска сдать американцам. Причины сему следующие: от русских колонистов он ничего не мог получить, в то время как инициатор открытия приисков Менинг[5] (по агентурным [данным]) дал уже крупную взятку Данзану, посему открытие и сдача приисков, безусловно, составляет интерес Данзана. Подходящим за компанию к Данзану является близко стоящий к нему человек, председатель Госконтроля бурят Гочитский[6]. Зачастую Данзан, имея капитал через посредников, берет те или другие заказы для государства и, платя необычайно высокие цены, тем самым набивает себе карманы.

Вообще в составе монголправительства чрезвычайно трудно найти более или менее приличного человека. Одни из них крупные государственные воры, другие – политические авантюристы, заигрывающие одновременно с русскими и китайцами.

Отношение населения к правительству

Население Монголии вообще и особенно население восточных и юго-восточных окраин Монголии относится к правительству с явным недоверием и даже скрытой враждой. Причины – это абсолютная оторванность монгол на окраинах от своего центра. Население совершенно не знает, к чему ведет его народное правительство. Взамен политработы в народных массах усиленно ведется подстрекательная противоправительственная агитация. Эту работу выполняют монгольские князья и ламы, обиженные введением новшеств и симпатизирующие и ориентирующиеся на китайское правительство.

Отношение к РСФСР

По приезде в Ургу Полпреда РСФСР тов. Любарского авторитет представительства России в сравнении с бывшим поднят гораздо выше. Правительство наружно

уважает Советскую Россию и представительство, внутренне же боится. В данное время монголправительство ожидает разрешения монгольского вопроса на русско-китайской конференции, полагая, что Россия передаст Монголию Китаю за хороший торговый договор. Министры и князья центра смотрят на Россию теми же глазами, что и правительство.

Князья окраин, пограничных с Китаем, видят в лице Советской России захватчицу, навязывающую им чужие европейские и даже революционные новшества. Население Монголии – полудикари-кочевники[7], и поскольку среди них ведется не правительственная, а антиправительственная агитация, оно на Россию смотрит далеко не доверчивыми глазами, о России же и ее представительстве монгольское кочевое население, безусловно, никакого представления не имеет. Китайцы, живущие в Монголии, наружно уважают представительство РСФСР, как и прочие иностранцы, обращающиеся иногда в русское представительство за разрешением тех или иных вопросов. Вообще же китайцы смотрят на Советроссию в большинстве своем, как и Пекинское правительство. Китайцы – азиаты считают себя вправе управлять такими же азиатами, но большими дикарями – Монголии. Они ждут этого момента и на Совроссию смотрят как на страну, вмешивающуюся в дела Азии.

О бурятах можно сказать следующее: это люди, которые нас уважают, служат и подчиняются нам до тех пор, пока сила советского оружия охраняет Монголию и пока последняя находится под покровительством РСФСР. В любой момент буряты могут изменить нам, став служаками (кого угодно) взявшего Монголию в свои руки[8].

Монгольская армия

Монголия имеет под ружьем армию в 3132 человека, из коих 1600 человек –регулярная армия, а остальные являются территориальными войсками. Монгол[армия] состоит: из одной бригады двухполкового состава, артдивизион, пулькоманда и военное училище.

Дислокация частей Монголармии представляется в следующем виде: 1) У озера Толбо-Нур (что северо-западнее Кобдо в 120 вер.) – 158 чел. 2) У озера Убей (что юго-западнее Улангома в 60 верстах) – 160 чел. 3) В Улясутае – 200 чел. 4) В Маймачене –Т[роицко]савском – 200 чел. 5) В Урге – 1414 чел. 6) В Уртон-Уде (360 верст юго-восточнее Урги по дороге в Калган) – 200 чел. 7) У озера Холбо-Нор «Дариганга» (северо-восточнее Уртона-Уде 120 вер.) – 158 чел. 8) Колония Харитон-Гоби (что юго-восточнее Керулена 200 верст) – 50 чел. 9) Гурван-Баян (севернее Керулена 60 верст по реке Керулен) – 170 чел. 10) Холбо-Нор и Уныктей (севернее Керулена 80–100 верст) – 60 чел. 11) На реке Улдза (южнее устья реки Яшалки) – 100 чел. 12) На реке Улдза в Баяндуне (в пределах верховья реки) – 200 чел. 13) 170 чел. в трех отрядах южнее озера Барун-Торей. Кавбригада, артдивизион, пулеметная команда и военное училище помещаются в Урге, остальные же части не имеют определенных названий и являются партизанскими отрядами.

На 1923 г. (по-монгольски «13 год Многими возведенного») по Военному министерству составляется расходная смета в сумме 1 155 251 лан 49 фын (подробная смета прилагается).

Несмотря на расходные статьи обмундирования армии (в 168 150 лан 44 фына) цирики (солдаты) Монголармии ходят в монгольских шубах из шкур китайской

выделки. Нательного белья в большинстве случаев нет. О какой бы то ни было санитарии говорить не приходится, т. к. она положительно отсутствует – всюду паразиты, в казармах кучи грязи, гниль и сырость. Результатом этого явления – массовые заболевания накожными болезнями, все это смешивается с венерическими болезнями и в результате всего единственная в Монголии регулярная бригада и та не боеспособна, имея абсолютное большинство в своем составе венериков и проч. больных. За последнее время в рядах армии наблюдаются массовые заболевания оспой (особенно в бригаде). Причиной эпидемии является китайская и тибетская медицина. Первый случай заболевания врачи тибетской медицины использовали как средство добывать от больного заразную жидкость, которую, смешав с различными приправами, давали нюхать здоровым цирикам как прививку, в результате чего у лиц, коим «прививали», получилось натуральное заражение оспой, а от них в один день заразилось до 50 цириков.

По сказанному факту можно судить и об остальной работе, где все культурное европейское стоит на втором плане. Культурно-просветительная работа в армии совершенно отсутствует.

Юнкерское училище[9], где собраны более именитые и родовитые молодые монголы так же невежливы и без дисциплины, как и в полках.

Территориальные части имеют свое обмундирование, довольствуются от хошунов, оттуда же получают снаряжение и конский состав. Там уже совершенно не приходится говорить о дисциплине, знании военного дела и проч. работе, нужной для армии. Цирики живут в монгольских юртах, оборваны, разуты, короче говоря, все территориальные части не носят и тени воинских частей, не говоря уже о боеспособности.

Службы определенных годов в Монголии нет. Учесть постоянный состав армии пока что невозможно, т. к. из частей цирики совершенно свободно расходятся по своим хошунам, одних из них водворяют в части, другие снова уходят. Таким образом, постоянный состав, находящийся на то или другое число, налицо не определить.

В 1923 г. предполагается реорганизация Монгольской армии по типу европейской с обязательной службой определенных годов.

Учета оружия до сих пор нет и нет надежды на то, что он скоро будет налажен. Учет усложняется тем, что масса оружия имеется на руках у жителей Монголии. В последнее время получены огнеприпасы: 2 000 000 японских патрон, 1200 трехдюймовых снарядов и одна бронемашина.

Инструкторский состав в большинстве торгуты[10], часть – русские, все мало подготовлены и потому должностям не соответствуют (прилагается копия доклада наштаглава Монголии)[11].

Военный совет Монголии

Работа Военсовета Монгольского государства за период по 10 февраля с. г. сводилась к рассмотрению, выработке и утверждению штатов учреждений, управлений, отделов, заведений и частей военного ведомства. Особо важных вопросов в Военсовете не рассматривалось (прилагаются копии протоколов заседаний Военсовета)[12]. Ударные задачи перед Военсоветом в связи с реорганизацией армии –

подготовка комсостава и инструкторов, каковые могли быть руководителями революционной армии.

Деятельность контрреволюционных и белобандитских организаций

Контрреволюция главным образом ютится в восточных окраинах Монгольского государства. До сего времени там проявляются бандитские шайки, небольшие по численности. В начале января имел место случай столкновения монгольского отряда в Сан-бейсе[13] с отрядом белых, которых было втрое меньше по численности, чем отряд монгол. При перестрелке ранен инструктор отряда Курсинов[14].

В Урге имеется монгольская противоправительственная организация. В монгольских кварталах живет чахар Шатуб-Женба[15], который является главарем организации. Цель этой организации: вести усиленную скупку оружия и огнеприпасов и отправлять их в центр организации на юго-восточные окраины Монголии. В организацию входят: чежен-глун-лама и коши-лама, придворный лама Богдо-хана, отправляющие ранее оружие в штаб. Один из лам очень похож на европейца и часто вечером ходит к Шатубу-Женбе в европейском костюме. У Шатуба есть родной брат, который служит для поручений и при организации. В конце января Шатуб командировал одного молодого европейца на восток [в] Цэцэнхановский хошун для освещения вопроса о делах в Урге. Из разговоров, которые велись Шатубом с ламами, видно, что в Цэцэнхановский хошун к Цаган Сару (масленица)[16] должен прибыть отряд до 2000 [чел.] под опытным руководством русских, который будет субсидироваться Чжан Цзолинем[17]. Из тех же разговоров видно, что на Цаган Сар должно быть большое народное восстание против правительства, каковое ургинская организация всеми мерами должна поддерживать. По имеющимся данным в этой организации состоят князья Цэцэн-хан, Хатан-Батор-ван и председатель народного правительства лама Жалханза-хутухта, который за последнее время очень часто начал бывать на совещании у Богдо-хана. 8 февраля с.г. полпредом тов. Любарским было получено сообщение о том, что недели две тому назад на монгольский город Керулен (80 вер[ст] от китайской границы Цэцэнхановского аймака, Сайн-бэйского хошуна) был сделан налет значительной смешанной белой банды под руководством русских, подробности неизвестны, монгольскому правительству донесений никаких не поступало. Линия с Цэцэн-ханом не работает с начала февраля. Роль Хатан-Батора в организации заключается в следующем: назначенный сайд восточных отрядов по его инициативе проводит исключительно его идеи на востоке. По последним, вполне проверенным данным, восточные отряды в случае переворота, разве только за малым исключением, все примкнут на сторону Хатан-Батор-вана. На западе его идеи осуществляет и пропагандирует Джа-лама[18] (Мэргэн-ванского хошуна). По заслуживающим [доверия] данным князья Мэргэн-ванского хошуна и др. получили жалованье от китайского правительства и вообще склонны к китайскому подданству.

Об отношении высокопоставленных лиц Монголии, князей и лам, к России можно судить по следующему: в начале сентября месяца в Пекин приехал монгольский князь, или принц, как его называет китайское общество, Цэцэн-хан[19], с ним вместе прибыли три монгола, переодетые в китайскую одежду, два русских и один бурят (с матерью). Один из русских назвал себя Запальным, а бурят – Тобопов. Для маски-

рования своей поездки бурят Тобопов представлялся как едущий по делам Монгольского кооператива, Запальный же говорил, что имеет дела к Центросоюзу. По приезде в Пекин Цэцэн-хан обратился к Пекинскому правительству, [в] Министерство иностранных дел с обширной петицией на монгольском и китайском языке, подписанной несколькими видными монгольскими князьями и даже правительственными лицами. При Мининдел[е] создано специальное бюро по монгольскому вопросу, куда входят военные спецы и даже представители Советской миссии в Пекине. Через названное бюро и была пропущена петиция Цэцэн-хана. В общих чертах в этой петиции от имени высших князей говорилось, чтобы Пекинское правительство поспешило освободить Монголию от красного ига и угнало из Монголии вооруженные с ног до головы советские войска и что монгольский народ задавлен тяжестью налога. Все лица, подписавшие петицию, персонально не установлены, но передают, что в числе всех подписавших была подпись Жалханза-хутухты. Мининдел на петиции наложил резолюцию: «Оставить до русско-китайской конференции». Прожив в Пекине дней десять, Цэцэн-хан отправился в Тяньцзин, оттуда в Шаньхайгуань (на полдороге [от] Мукдена), где и затерялся. Существует предположение, что Цэцэн-хан ездил в Мукден и имел беседу со штабом Чжан Цзолиня. Все сподвижники Цэцэн-хана оставались в Тяньцзине (жили в отеле «Астория» – австрийская концессия), разыгрывая роль коммерсантов. Запальный 27 октября вернулся обратно в Калган. Князь же Цэцэн-хан в последних числах сентября приехал в Ургу.

Одновременно с петицией Цэцэн-хана в Мининдел Пекинского правительства поступила однородная петиция от китайских, Ургинской и Калганской торговых палат, также умоляющих Пекинское правительство принять энергичные меры против насильно засевших в Монголии красных и, что самое главное, против устанавливаемой таможенной системы, виновниками которой коммерческие круги считают всецело советских чиновников (очевидно, советника при Минфине). Петиция также оставлена до русско-китайской конференции. Пекинское правительство, согласно просьбе Монголии, назначает своего уполномоченного в Ургу, одного монгольского князя (выходца из монгол) На-Юан-те[20], который по прибытии в Ургу должен установить дружеские отношения Китая с Монголией. Общественное мнение Урги – Монголии назначением довольно.

Район монгольской территории между Ургой и Троицкосавском более или менее спокойный, никаких группировок не имеется, но есть кое-какие данные, что здесь имеются лица, держащие связь с ургинской организацией. Так, в конце ноября на реке Хор обнаружена пещера, где скрывался белый офицер. После его бегства из пещеры найдены книжки на английском и русском языках и всевозможные записки на китайском и монгольском языках и две винтовки. Куда скрылся указанный офицер, неизвестно.

Прибытие миссии в Алтан-Булак

17 февраля 1923 г.

17 февраля в Алтан-Булак (Маймачен)[21] прибыла монгольская миссия – два монгола и один торгут на предмет ведения переговоров с консулом РСФСР в Алтан-Булаке тов. Шаховым[22] о совместной работе [в] Монголии при случае выступления

Чжан Цзолиня. Полпред РСФСР тов. Любарский сообщает, что все эти переговоры – комедия, их нужно затянуть на несколько дней. Последняя телеграмма тов. Любарского подтверждает необходимость ведения переговоров и сообщает, что на днях по производстве арестов будет выяснена и роль двух монголов (находящихся в миссии). Очевидно, предполагается произвести операцию по ликвидации ургинской противоправительственной организации. Пока подробностей не имеется. Согласно новым телеграммам тов. Любарского видно желание направить эту миссию в Читу, где за ними необходимо посмотреть (особенно за монголами). В случае поездки миссии в Читу о дне выезда будет сообщено. 20 февраля начаты переговоры с монгольской миссией консулом РСФСР тов. Шаховым в присутствии командования 5-й Отд. Кубкавбригады, начпобрига и начособотделения. Результаты пока неизвестны.

Шпионаж

Подозреваемая в шпионаже фирма «Сибирско-Сельскохозяйственной кооперации», связи которой были установлены с Харбином – Тяньцзином и др., в данное время по предположению полпреда ликвидируется. Установлено, что представители [ее] – Валакшин, Майоров и Сергеев руководят этой фирмой и проживают в Харбине и Тяньцзине, а также пользовались покровительством белогвардейского бывшего правительства Меркулова[23] во Владивостоке. К лицам, подозреваемым в шпионаже, можно отнести недавнего приехавшего в Ургу японского врача, который говорит по-русски. Сразу же по приезде в Ургу он начал создавать себе репутацию хорошего человека перед ГВО и вошел в доверие к начагентуры Баторуну[24]. Последний давал ему переводить письма на японском языке и в скором будущем надеется завербовать его. Следующим является управляющий фирмой Мандаль и доктор Ротт. Произведенные ранее обыски у подозреваемых лиц и у доктора ничего не дали, т. к. доктор Ротт перед обыском был кем-то предупрежден.

Органы внутренней охраны

Государственная внутренняя охрана (ГВО) находится в прежнем положении, работа ничем не улучшилась. Имеется проект об агентурных пунктах ГВО в провинциях (прилагается объяснительная записка, инструкция и устав). С прибытием нового следователя в ГВО есть надежда на улучшение технической постановки работы ГВО. В постановке работы ГВО важна хорошая постановка цензуры, таковая совершенно отсутствует или имеется, но как официальный орган, объявивший приказом, что за провоз корреспонденции помимо ГВО виновные будут привлекаться к ответственности. Это говорит само за себя.

Бандитизм

По частным данным, требующим тщательной проверки, Монголправительством было отправлено в Тибет около 1000 винтовок, каковые были отбиты знаменитым в Монголии разбойником Дамби-Джалцаном. По точным данным 23 декабря 1922 г. в местности Маджин-Шан (на карте Мадзин-Шан) в своей резиденции убит знаменитый партизан и разбойник Дамби-Джалцан цириками, подосланными от монгольских частей, имущество его конфисковано, часть роздана на месте, остальное на 600 верблюдах отправлено в Улясутай, а также везут голову и сердце убито-

го Дамби-Джалцана. Единовременно с ним убиты приближенные его ламы в числе 6 человек (и убита его собака, которая делала попытку спасать Дамбу). Весь сброд подневольных отпущен на свободу, большинство подданных его были из Дзасагтухановского аймака, которые возвращены в свой аймак. Крепость его разбита, постройки сожжены, так что гроза и ужас, который наводил Дамби-Джалцан, отошли в область предания.

Обзор прессы

По вопросу о Монголии вообще небезынтересная выдержка из газеты «Русское Слово» от 29 декабря 1922 г. за № 653 «Протест против пребывания красных войск в Урге», Пекин, 28 декабря (Рейтер): «Вчера состоялся чай в Бюро по китайским и монгольским делам, на который были приглашены монгольские принцы и знать. Принц На-Юан присутствовал на этом развлечении. Официальных сообщений относительно этого чая не поступало никаких, но, по частным слухам, чай был организован для обсуждения положения Монголии и для поддержки попыток принца «На» в его стремлении изгнать красных из Монголии. Принцы восточной Монголии собрались на конференцию в Чанчуне 26 декабря под председательством принца Та-джа-хана и была вынесена резолюция протеста против продолжающегося пребывания красных войск в Урге и выработана просьба к правительству настоять на уходе красных войск по возможности скорее».

От 30 декабря: «Вопрос о Маньчжурии и Монголии», Пекин, 29 декабря (Азаг[25]). «В целях производства надлежащего расследования о действительном положении вещей в Маньчжурии и Монголии и, в особенности, вопросов, касающихся КВЖД и Урги, китайское правительство посылает граж. Симсона и несколько китайских чиновников в северную Маньчжурию и Внешнюю Монголию. Генерал Чжан Цзолинь не протестует против посылки миссии Симсона, хотя он и протестовал против посылки миссии граж. Беккера, как предполагала Русско-советская миссия в Пекине».

Граница

Из предыдущих данных видно, что в Монголии до сих пор имеются бандитские группировки и нет никакой надежды, что они скоро будут ликвидированы. Часть мелких банд под руководством разных белогвардейцев, как полковника Маркова, Очирова и других, зачастую ютятся вблизи русской границы, каковая совершенно не охраняется и дает белогвардейщине лишний козырь к возможности объединения с такими же организациями, каковые могут быть на русской территории. К тому же мы стоим перед возможностью организации теократического балагатского движения[26].

Монгольская белогвардейщина, как никто, сумеет это использовать в ее интересах.

Посему необходимы те или иные мероприятия по охране русско-монгольской границы.

Нач. ПрибГубОтдела ГПУ Клиндер[27]
Уполномоченный по иноработе Игнатьев

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 111–125. Подлинник.

№ 11
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина[1] заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану

б/н
г. Урга

14 марта 1923 г.

г. Москва
Карахану

Монголпра постановило немедленном принятии монголподданство проживающих Монголии бурят, ссылаясь заявление руспредставителей при заключении русс-монголдоговора не чинить препятствий такому переходу. Учитывая, что переход бурят [в] монголподданство носит массовый характер, что полпредство своевременно ставило известность Монголправ [о] передаче этого вопроса [на] рассмотрение спецкомиссии. Обращенной правительством ДВР Чите почему вопрос оставался открытым ответил Монголправу, что состоявшееся постановление для нас нежелательно. Жду дальнейших указаний по этому вопросу.

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 7. Подлинник.

№ 12
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД СССР Л. М. Карахану

б/н
г. Урга

23 марта 1923 г.
Совершенно секретно

г. Москва
Карахану

До сего времени в связи с раскрытием заговора арестовано, во-первых, по делу подачи петиции японскому консулу в Харбине. Арестовано на востоке 15 чел., в Урге 5 чел., в числе последних бывший минюст Максаржав[1] и миндвора Хутухты Цог ...арха[2] – Джон-Ван. Второе, по делу бурята Очирова арестовано <....>[3] чел. Следствие по этому делу выясняет зачатки организации их банд вне Урги. Третье, по делу тибетца Шадуб Жамба арестовано 5 чел., в том числе лейб-медик Хутухты, следствие вскрывает противоправительственную организацию [в] самой Урге, также прикосновенность к ней жены Богдо-хутухты. Производятся дальнейшие аресты. Следствие продлится еще недели три.

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 12. Подлинник.

№ 13
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД СССР Л. М. Карахану

б/н
г. Урга

27 марта 1923 г.
Совершенно секретно

г. Москва
Карахану

Нарпартия и Монголпра обратились просьбой послать Москву лечение Ленина от паралича тибетврача. По политсоображениям считаю желательным его поездку. Кроме того, для знакомства Совроссией желает ехать Москву предсовмин Джалханза-хутухта[1]. Не исключается возможность поездки Джалханцзы Германию переговоров заключению торгового договора. Оба предполагают ехать вместо Ринчино[2]. Почему срочно прошу разрешения выдать визы.

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 10. Подлинник.

№ 14
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД СССР Л. М. Карахану

б/н
г. Урга

10 апреля 1923 г.

г. Москва
Карахану

Вчера Монголпра получило сведения, что за время с 25 по 28 марта на ст. Маньчжурия прибыло 8000 кит. войск. По агентурным сведениям, кит. офицеры говорят походе в Ургу в конце апреля. Известия встревожили военсовет МНА, который вопрос этот будет обсуждать в среду. Хатан-Батор[1] неофициально говорил наштаглаву о возможности обращения за военной помощью к России в случае движения кит. войск в сторону Маньчжурии.

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 15. Подлинник.

№ 15
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД СССР Л. М. Карахану

б/н
г. Урга

12 апреля 1923 г.
Совершенно секретно

г. Москва
Карахану

Несмотря на наш протест по поводу постановления Монголправа выселении русских поселка Мандал[1], снесении построек, выселении пределов Монголии Монголпр отдало третьего дня распоряжение проведении своего постановления в жизнь, предупредив русских поселка Мандал, что, если через пять дней они не исполнят распоряжения, – будут высланы вооруженною силою. [В] целях избежания ве-роятного кровопролития считаю необходимым посылку в Мандал отряда красно-армейцев нашего батальона. Жду срочно указаний.

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 17. Подлинник.

№ 16
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану

б/н
г. Урга

14 апреля 1923 г.
Совершенно секретно

г. Москва
Карахану

Только что был у Мининдела Цэрэндоржа[1], которому устно заявил решительный протест. Заявил, что Совроссия рассматривает акт выселения колонистов поселка Мандал как поворотный пункт в наших отношениях, возложив ответственность за последствия на Монголправительство. В результате Мининдел отдает распоряжение об отмене выселения. Для выяснения спорных вопросов назначается смешанная комиссия. Пока инцидент считаю ликвидированным.

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 18. Подлинник.

№ 17
Из сводки уполномоченного ПП ГПУ по Сибири в Монголии В. Ф. Тиунова[1] «Политическое положение Монголии»

б/н

Не ранее 1 июня 1923 г.[2]
Совершенно секретно

В Монголии имеется до 5–6000 душ бурятского населения. Несмотря на историческую связь этих племен с монголами, знание языка, общность быта и проч., все же отношение монгол к ним далеко не доброжелательное. В Урге имеется бурятский комитет[3], который определеннейшим образом ставит на путь контрреволюционной деятельности вместе с представителями монгольских националистов. Между прочим, в правительственных учреждениях имеется несколько инструкторов-бурят, командированных секретариатом Коминтерна для работы, большинство этих инструкторов, если не все, не только отшатнулись от линии Сов. России в своей работе, но даже стали проводить обратную линию поведения – т. е. глубоко антисоветскую. Все наши русские инструктора в один голос заявляют совершенно недопустимое поведение бурят в Монголии, эти отзывы подтверждают и некоторые из среды самих бурят, например нач. ГВО[4].

ГВО предполагает в ближайшее время произвести ликвидацию бурятского комитета

Уполномоченный ПП ГПУ по Сибири в Монголии Тиунов

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 44. Заверенная копия.

№ 18
Сводка Прибайкальского губернского отдела ГПУ по Монголии и указания начальника Пограничного отдела Иркутского Губотдела ГПУ, начальника Особого отделения при 5 Отдельной Кубанской кав. бригаде, уполномоченного по Троицкосавскому уезду Прибайкальского Губотдела ГПУ П. А. Коркина[1] по созданию советско-монгольской Комиссии для обследования положения русских граждан, проживающих в Монголии

№ 1882/с
г. Верхнеудинск

6 июня 1923 г.
Совершенно секретно

г. Чита
Полн. пред. ГПУ на Дальвостоке

При сем препровождается сводка № 4 по иностранному обозрению[2].
Приложение: упомянутое.
Нач. Приб. ГО ГПУ Клиндер
Зам. УполСО Дворкин[3]
Пом. УполСО З. Клиндер[4]

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 191. Подлинник.

Приложение 1

Совершенно секретно

Дополнение к сводке № 4
по иностранному обозрению Прибайкальского губернского отдела Госполитуправления по состоянию на 25 мая 1923 г.[5]

Дата получения сведений
23 мая 1923 г.

Монголия

Экономическое положение

В дополнение к вышесказанному нужно отметить постоянный рост цен на хлеб. Причиной этого служит незначительный урожай прошлого года и ограниченный ввоз хлеба в Монголию.

Упомянутое сокращение штатов и понижение ставок жалованья уменьшили расход государства на 56 %%.

О Военном ведомстве Монголармии

Во главе Военного ведомства Монголии стоит Военный совет и Военное министерство, которые являются в сущности одним целым – первый повелевает, второе исполняет. Военному совету подчинены следующие управления: Регистротдел (переименованный в развед. отдел), Государственная внутренняя охрана Монголии и Политуправление. Далее: Военное министерство со всеми подведомственными ему учреждениями и частями. Для большой ясности при сем прилагается схема подчиненности и организации Военведомства. В схеме указана численность регулярной Монголармии за исключением: 1-й Кавбригады, Артдивизиона, пулеметного эскадрона и Военного училища, точных сведений о численности коих не имеет и Военное министерство. За отчетный период Военведомством проделана следующая работа, заслуживающая хоть какого-нибудь внимания. Главным образом, обсуждались и разрешались вопросы чисто экономического характера, которые в прилагаемых протоколах видны. Военсовет рассматривал вопрос о введении шефов в Монголармии.

Поручено Политуправлению детально разработать этот вопрос и представить на утверждение к следующему заседанию. Утверждено положение об отпусках комсостава, инструкторов и цириков; утверждено новое положение о пограничных частях. Военведомством вырабатываются нарукавные знаки отличия Монголармии. Пока пять попыток специальной Комиссии по выработке знаков прошли неудачно. Словесно поднималось обсуждение наштаглавом и главкомом Данзаном[6] вопроса о замене совбатальона кавдивизионом, на что есть принципиальное согласие Данзана.

Государственная внутренняя охрана

Работа ГВО находится в прежнем состоянии. Агентурная часть ГВО теперь переименована в оперсекрчасть. Вся поступающая и исходящая секретная корреспонденция проходит через таковую.

Работа русско-монгольской Комиссии по обследованию русских колоний[7]

О работе русско-монгольской Комиссии по обследованию русских колоний получены следующие сведения: русских поселков в окраине Монголии, прилегающих к Советской России – 16. В общем, населенность всех поселков исчисляется в 503 жителя, из них жило до революции 108, в 17 году прибыло 43, в 18-м – 79, в 19-м – 55, 20-м – 12, 21-м – 2, в 22-м – 42 и в 23-м – 6. В процентном отношении по имущественному состоянию все население можно разбить на следующие проценты. Кулаков – 10, середняков – 15 и бедняков – 75%. В состав поселков входят следующие[8]: 1) Шаморы, 2) Южный Бакулай, 3) Корнаковка, 4) Судутуи, 5) Бильчир, 6) Болгатаи, 7) Хаза, 8) Дмитриевка, 9) Жар-Галантои, 10) Кудара, 11) Булуктай, 12) Шабартуй, 13) Хандон, 14) Ибицик, 15) Шараголки и 16) Дульгонт[3].

Взаимоотношения монгол и бурят к русскому населению враждебное, взаимоотношение монгол к бурятам пристрастное, с приезжающих бурят из Совроссии никаких документов не спрашивают, буряты получают земельные участки, покосы и пр., столько, сколько им нужно; им же Монголправительство отпустило 3000 лан на обсеменение, причем монгольские чиновники оказывают содействие бурятам в беззаконных их деяниях, как-то: отбор коров, участков земли, сенокосов и пр. Русские часто подвергаются избиению ташурами[9], монголы придираются к каждой мелочи и угрожают выдворением из Монголии. Монгольская комиссия отказалась вести обследование среди бурят. Буряты по отношению к русским чувствуют себя хозяевами страны.

Контрреволюционных группировок нет, за исключением отдельных личностей, которые частью изолированы и оставшиеся влияния не имеют. Отношение колонистов к твердо установленной охране границы хорошее, потому что беспорядочность, в которой до сих пор находятся колонисты, им надоела, причем элемент, вредящий колонистам, больше не проникает; что касается пропусков, необходимых им для перехода границы, то в этом им идут навстречу.

Причины колонизации и общее положение на местах

Экономические недостатки, малоземелье и непригодность ее к обработке на местах приписки в русской территории в связи с разрешением монгольского правительства на организацию сельских хозяйств в Монголии вынудило крестьян в ближайших пограничных селениях перекинуться в пределы Монголии. Когда власть Монголии была прочна и законы были определены, занятие земельных участков происходило законным путем, через посредство арендаторов, каковые арендовывали большие участки земли, приглашая для обработки таковой крестьян из пограничного района. Сам арендатор, безусловно, землю не обрабатывал и, отдавая ее для обработки, получал часть урожая, из коего уплачивал аренду Монголправительству и сколачивал капитал для себя. Крестьяне же, в свою очередь, знали и имели дело только с арендаторами, в результате чего были эксплуатируемы последними. В период ряда политических ситуаций в Монголии за минувшие два года и белогвардейского выступления арендаторы были упразднены, и вопрос о заселении Монголии колонистами принял хаотический характер, селились все, кто хотел, и к урегулированию этого хаоса не было принято соответствующих мер со стороны заинтересованных в этом деле властей. В дальнейшем одни колонисты

разбегались, покидая свое хозяйство из боязни набега всевозможных шаек, другие, несмотря на окружающую обстановку, гонимые нуждой, временно заселялись, а отсюда в основе получилась дезорганизация занятия участков, путаница в расчетах за аренду, разрушение административного аппарата, безвластие и общие экономические недостатки, связанные, помимо, с разорением в [19]21 г. бароном Унгерном и китайцами и неурожаем в минувшем году. Таково объективное положение колоний в настоящее время.

Образ жизни и занятия

В связи с упомянутыми выше условиями нельзя сказать о нормальности жизни колоний. Находясь постоянно под угрозами выдворения и возможности разорения, местным колонистам не представляется возможным в достаточной степени развивать свое сельское хозяйство. В деле организации сельского хозяйства в среде колонистов не чувствуется спайки и организованности. Работает всякий для себя наспех, не будучи гарантирован за благополучие будущего; главным занятием колонистов является сельское хозяйство, хлебопашество, сенокошение и скотоводство, побочным занятием является охота, рыболовство и пр. До сего времени, благодаря перечисленным ненормальностям, развитие сельского хозяйства не могло двигаться вперед и таковое находится в большой зависимости от того, как скоро и насколько прочно будут юридически укреплены русские жители в Монголии.

Политическая обстановка

В русских колониях до 1920 г. никакого политического движения не замечалось и только после [19]20 г. при наступлении барона и др. банд население начало заинтересовываться политическими вопросами. Здесь колонисты разбились на два лагеря. Одни старались провоцировать местных монгол и сохранить за собой старые устои и традиции; к ним присоединились некоторые спекулянты. Другие малоимущие вступили в активную борьбу по примеру Совроссии за свое вековое раскрепощение; отсюда контрреволюционный лагерь всячески склонял провокацией на свою сторону монгол, содержал беглых белых, помогал им материально и, в конечном счете, активно участвуя с Унгерном и другими контрреволюционными бандами, в результате чего получилось разграбление хозяйств в Монголии и зверское расправление над не успевшими скрыться. По ликвидации белогвардейской авантюры контрреволюционный лагерь, несмотря на свое прошлое, сохранил право гражданства и проживание в наших колониях, ведя тихо, но упорно свою политику в сторону разъединения отношения колонистов с монголами и отстаивая свои старые устои вразрез инициативной группе по воссозданию демократических организаций.

Административное управление

Внесенная контрреволюционной агитацией дезорганизация в жизнь колонистов не могла не коснуться административного аппарата. Несмотря на соседство и близкое расстояние колоний друг от друга, таковые вместо централизации по Управлению колоний[10] разъединены на самостоятельные президиумы, члены которых не знают ни целей, ни своих заданий, в административном управлении являются лишь фикциями. Консульством и Представительством в этом отношении почти ни-

какой работы не проделано на местах, отсюда вытекает неразбериха и недоразумение в налоговой системе, земельном вопросе, вида на жительство и т. д.

Партийная и культурно-просветительная работа

Работы по означенным отраслям никакой не ведется. Инициативных лиц и сил нет, а засевший контрреволюционный лагерь к прибывшим людям с инициативой в этом отношении относится враждебно, стараясь всячески провоцировать и заглушать в корне их работу.

Агитация лам и князей

Восстанавливание населения Монголии ламами и князьями против русских принимает все более широкие размеры. Народ настолько наэлектризован, особенно на окраинах, что ламы и князья в любой момент могут использовать в свою сторону не только население, но и находящиеся там воинские части.

Белогвардейщина

18 апреля Ганинская экспедиция[11] прибыла в Ургу, но, вероятно, ей вскоре придется отправиться обратно, так как монгольское правительство навстречу ей не идет. Физиономии предпринимателей этой экспедиции Ганина[12] и Токмакова[13] выясняются.

Переполох с китнаступлением оказался чистейшей провокацией. Недавно вернувшийся из Харбина консул СССР в Алтан-Булаке т. Шахов опроверг все слухи о китнаступлении. Интересно отметить поведение монгольского правительства, искренне поверившего в возможность наступления. В частной беседе Хатан-Баторван[14] заявил неофициально от лица правительства, что, конечно, помощь Совроссии необходима, но не регулярными частями Красной Армии, а как вольные партизанские отряды, работающие у нас за деньги.

Научная американская экспедиция

В начале мая на имя мининдела Монголии получено письмо от американской научной экспедиции следующего содержания: «Его превосходительству Министру иностранных дел Монголии. Милостивый государь, в прошлом году монгольское правительство благосклонно разрешило Третьей Азиатской экспедиции приступить к научным изысканиям в Монголии. Наши попытки были успешны в деле освещения многих важных фактов относительно жизни животных Центральной Азии и с Вашего разрешения мы желали бы продолжать нашу работу этим летом. Экспедиция будет производиться точно в таком же порядке, как и в прошлом году, и будет состоять из следующего: пять автомобилей, 61 верблюд, восемь американцев, девять чахар, и девять китайцев. Нам желательно было бы проехать во Внешнюю Монголию по дороге между Калганом, Сайр-Ус[15] и продолжать свой путь в западном направлении до Цаган-Нура в Сайннойонхановском аймаке[16], где экспедиция путешествовала и в прошлом году. Нам желательно пробыть во Внешней Монголии четыре м-ца и возвратится тем же путем, каким прибыли. Я почтительнейше прошу Ваше правительство издать необходимые распоряжения о разрешении экспедиции проехать в этот район, а также вы-

дать паспорта членам нашей экспедиции и пяти автомобилям. При сем препровождается по четыре фотокарточки каждого участника с их краткими описаниями. Смею заверить Ваше Превосходительство, что экспедиция отправляется исключительно для научной работы и ничуть не заинтересована ни в торгово-коммерческих целях, ни в минеральных разведках.

От имени экспедиции я имею честь преподнести Монгольскому правительству две катушки (круга) кино-фильм[ов], снятых прошлым летом. С совершенным почтением к Вам, Ваше превосходительство, Ваш Рой Чапман Андриус[17]».

Министр иностранных дел запросил относительно экспедиции мнение ГВО. ГВО ответило, чтобы правительство предложило экспедиции взять на свое иждивение одного человека, которого пошлет правительство, и чтобы вся почта проходила через его руки. Ответ экспедиция на это предложение пока неизвестен. Надо полагать, что истинная цель данной экспедиции шпионаж, так как в нее входят несколько военных.

Шпионаж

Шпионаж в Монголии поставлен настолько умело, что фактически следов преступления установить нельзя. Одним из подозреваемых шпионов является доктор Ротт, о котором уже упоминалось в сводке № 2. ГВО была за ним установлена слежка, имеет какое-то основание и разведотдел подозревать его в шпионаже, был у Ротт[а] обыск, при котором кроме до 500 штук негативов всевозможных снимков ничего не обнаружено. В настоящее время Ротт приехал в Троицкосавск. Затем подозревается некто Глубоковский Анатолий, доброволец Унгерна, работающий всецело под руководством доктора Ротт[а].

Троицкосавским пограничным отделением ГПУ 15 мая из Урги получена телеграмма, которая говорит, что на днях слушалось дело по обвинению шайки Дамбижалцана. 12 человек приговорено к расстрелу и 19 человек – к заключению на разные сроки. Подробности будут сообщены дополнительно.

Нач. Прибгуботдела ГПУ Клиндер
Зам УполСО Дворкин
Пом. УполСО З. Клиндер

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 203–209. Подлинник.

Приложение 2

г. Троицкосавск 21 апреля 1923 г.
Совершенно секретно

Приложение к сводке № 4

Тов. Кабим[18]:

Дополнение к данным мною указаниям:

1) Мининдел Монголии поставил вопрос перед нашим представительством о выселении всех русских граждан, начиная с поселившихся с 1921 г., мотивируя нарушением русскими монгол. законов, неуплатой налогов и проч. Представительст-

во, естественно, протестовало против этого и вследствие переговоров и было решено создать Комиссию, членом которой Вы являетесь.

2) В задачу Комиссии входит обследование русских колонистов на местах, их поселения и выяснение справедливости обвинений монгол против них для того, чтобы иметь точное представление о положении колонистов. При сем прилагается шесть форм, каковые предлагается заполнять самыми точными сведениями, записывая всех граждан без исключения.

3) Обследованию подлежат как русские, так и буряты, безусловно, и никакой снисходительности по отношению к ним не допускать, чем, возможно, будут «страдать» члены Комиссии – монголы.

4) Во всех обследуемых поселках создать комитеты, которые от лица поселка и будут сноситься как с монгольскими властями, [так] и русским представительством.

5) Всем колонистам разъяснить, что они должны выполнять все постановления властей Монголии, а если что находят несправедливым, то обжаловать их в русское представительство в Урге или в консульство в Алтан-Булаке, ни в коем случае не устраивать самочинные выступления, указав им, что в Монголии для того и существует представительство РСФСР, чтобы защищать интересы русских граждан.

6) Необходимо быть на страже, чтобы члены Комиссии монголы не позволяли никаких издевательств над колонистами, запугивания их о выселении и вообще вызывающего поведения по отношению к колонистам, что присуще монголам.

7) Немедленное выселение из пределов Монголии колонистов производить только в исключительных случаях, как то: ярых контрреволюционеров, как злостно скрывающихся в Монголии и т. д.

8) В остальном руководствоваться данными мною указаниями и тов. Чекунковым при Вашем отправлении.

При сем прилагаю мандат за № 329, формы и чистой бумаги. Материалы для обработки представьте мне.

С коммунистическим приветом,

Начальник Пограничного отдела Иркутского
Губотдела ГПУ, начальник Особого отделения
при 5-й Отд. Куб. кав. бригаде, уполномоченный
по Троицкосавскому уезду Прибайкальского губотдела ГПУ Коркин

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 217. Заверенная копия.

№ 19
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану

б/н 30 июня 1923 г.
г. Урга

г. Москва
Карахану

Освободившийся за смертью Джалханцзы[1] пост главы правительства породил сейчас уже резко обозначивших три группировки, претендующих каждая своем участии выборах премьера. Первая группировка возглавляется мининделом Цэрэндоржем[2], поддерживается всеми реакционными князьями, духовенством, дворцом Богдо-гэгэна. Кандидатом группа выдвигает Цэрэндоржа с сохранением портфеля мининдела. Эту кандидатуру поддерживает Жамсран[3], оказывающий огромное влияние на монгол. Вторая группа очень малочисленная, самостоятельно не может играть никакой роли, возглавляется главкомом Дазаном[4], который выдвигается этой группой кандидатом пост премьера. Третья группировка состоит из наиболее выдержанных, последовательно революционных членов партии и Союза молодежи, та не многочисленная. Эта группировка только теперь созванная, имеет в виду последовательную борьбу с примазавшимися к партии феодалами, также завоевание ЦК партии и правительства. Сегодня ведутся переговоры между второй и третьей группировками созывании[5] блока против Цэрэндоржа. Третья группа уступает Данзану премьерство, требуя себе пост главкома. Дальнейшем информирую.

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 31. Подлинник.

№ 20
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану

б/н 11 июля 1923 г.
г. Урга

г. Москва
Карахану

Заседание комиссии переходу бурят монголподданство открылось участия моем, Предбуревкома Амагаева[1], представителей Монголпра Япон-Данзана[2], советника Минюста Бадмажапова[3]. После обмена декларации комиссия устанавливает: 1. Бурят-эмигранты переходят монголподданство собственному желанию. 2. Изъявившие желание перейти в монголподданство персонально подают заявления Полпредство, также Монголпра. 3. Для проведения технической стороны созвать две комиссии для восточного, западного районов из представителей Полпредства,

Монголпр, Буркома Урге. 4. Собранный комиссией материал направляется по принадлежности Полпредству и Монголпр на предмет формального проведения выхода из руссподданства приема монголпредства. 5. Установить срок представления заявлений 1 ноября с. г. 6. Нашими представителями комиссиях производится одновременно регистрация бурят, пожелающих сохранить руссгражданство, проживать Монголии положении иностранцев или вернуться на родину. 7. Взаимно освободить переходящих монголподданство бурят консульских канцелярских сборов, возложив на них все расходы по работам двух комиссий, оплате содержания членов комиссии. На втором заседании комиссии заслушано мнение Монголпр по вопросу устройства переходящих в монголподданство бурят, сводящегося к следующему: бурятам, сгруппировавшимся не менее 300 домохозяев, предоставляется право организовать самостоятельные хошун-управления, которые руководствуются положением местных самоуправлений Монголпра. Последнее отводит бурятам земельные участки. Группы бурят в 1502 органов образуют совет мон., 503 органа банк, 102 органа даргу[4]. Указанные группы по своему выбору причисляются к коренным монгольским или бурятским хошунам, не получая особых участков. Монголпра освобождает бурнаселение от общегосударственных налогов, повинностей до конца 1925 г., также воинской повинности до конца [19]24 г. [В] случае необходимости обороны страны Монголпра призывает бурят ранее этого срока, также аннулирует все льготы.

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 34. Подлинник.

№ 21
Письмо Поверенного в делах РСФСР в Монголии В. И. Юдина заместителю начальника ОПО № 1 Ф. И. Бонову[1]

б/н
г. Урга

11 августа 1923 г.
Совершенно секретно

г. Москва
Зам. нач. ОПО № 1 Бонову

г. Иркутск
Нач. Иркутского губернского отдела ГПУ Берману[2]

Уважаемый товарищ!

Еще в бытность Вашу в Урге я неоднократно поднимал вопрос о координировании работы уполномоченного и сотрудников ОПО № 1, работающих в монгольских учреждениях, с Полномочным представительством РСФСР в Монголии. С того времени всякие благие пожелания в этой области продолжают висеть в воздухе и оторванность сотрудников ОО от Полпредства нередко толкает их на столь неосмотрительные шаги, которые серьезно начинают меня беспокоить.

Я не закрываю глаза на то, что, несмотря на оперирование мною фактическими данными, я являюсь совершенно неосведомленным во всей работе сотрудников ОО,

которые (как большинство и так называемых «наших», случайно попавших сюда инструкторов) в Полпреде скорее видят начальственный глаз, которого нужно побаиваться, чтобы, пользуясь авторитетом и силой, Полпредство не причинило им неприятностей. Мои впечатления о работе в Монголии целой плеяды разного сорта и ранга наших работников за 21-й, 22-й и текущий год убеждают меня в необходимости коренной реорганизации постановки нашей разведывательной работы в Монголии.

Но сперва некоторые фактические данные.

Наши товарищи из ОО, работающие в монгольских учреждениях, забывают, зачем они посланы сюда и, отрываясь от Полпредства, становятся приказчиками на службе у монгол.

На прошлой неделе меня посетил Главком Монголармии Данзан[3]. Монгольская ГВОхрана, имеющая за ним наблюдение, получила об этом донесение. В тот же день начальник ГВО Баторун посылает ко мне следователя ГВО тов. Шлихта, дав ему задание узнать у меня, какие вопросы поднимал передо мною Главком. Тов. Шлихт[4] ни одним словом не обмолвился о цели своего визита ко мне, стараясь свой приезд связать с разговорами о Данзане, не представлявшими для меня ничего нового и ценного.

Этот маленький эпизод имеет для нас серьезное значение: во-первых, тов. Шлихт, зная, что Баторун, являясь лакеем прохвоста Ринчино[5], определенно чуждается Полпредства, должен был отказаться от поездки ко мне, вынудив к этому Баторуна, что ставило бы последнего в определенную зависимость от меня и давало бы мне основания взаимно пользоваться сведениями от Баторуна, у которого тов. Шлихт не в большом фаворе, почему и не располагает всеми материалами по ГВО.

Во-вторых, скрывать от меня, что он был послан ко мне с разведывательными целями Баторуном, человеком далеко не нашим – это значит быть круглым дураком и бессознательным провокатором – в лучшем случае.

В своем докладе Баторуну тов. Шлихт по глупости мог передать то, что я говорил ему о разговоре с Данзаном. Речь шла о пустяшном вопросе – предоставлении монголам под казармы одного из зданий, ныне занимаемых нашим батальоном. Далее это перейдет к Ринчино, который, имея у себя верных церберов вроде Баторуна, оказывается, пользует через них и наших головотяпов. Неудивительно, что при таких условиях Ринчино и др. являются самыми осведомленными людьми даже о нашей работе в Монголии. Понятно теперь, почему Ринчино во время своего пребывания в Москве порою вызывающе держал себя, ставя, например, вопрос о выселении русских из Монголии едва не в ультимативной форме.

И в-третьих, давать какие бы то ни было сведения в ГВО о Полпредстве – это значит способствовать здесь антисоветскому шпионажу, т. к. ни для кого не является секретом, что сотрудники ГВО монголы далеко не отличаются однородностью убеждений и преданностью интересам монгольского народа.

Второй факт из деятельности не менее «дальновидного политика» тов. Войцеховского[6].

Я имею сейчас документальные данные, которые определенно говорят, что ГВО через наших сотрудников (из ОО) получает о Полпредстве систематические сводки. Так, тов. Войцеховский в начале августа рапортует «Начальнику секретно-оперативной части Гос. внутр. охраны Монголии» о своем разговоре с врид наштагла-

ва Монголармии Меркуловым[7], где приводит базарные сплетни, что якобы Полпредство осталось очень довольным поведением пьяных красноармейцев нашего батальона, которые при дебоширстве в городе были арестованы монгольской милицией после того, как эти красноармейцы разоружили милиционера, часового ГВО, и навели панику на Баторуна и на Шлихта.

Тот же тов. Войцеховский в своем рапорте (так озаглавливаются его донесения в ГВО) пишет: «За последнее время в Полномочном представительстве РСФСР создалось отрицательное настроение против замначособотделения при 5-й отд. Куб. кавбригаде тов. Бошкина[8] и следователя ГВО тов. Шлихта».

Откуда тов. Войцеховскому известно это, я не знаю, но знаю, что тов. Войцеховский более четырех месяцев не показывается в Полпредстве.

Нужно иметь в виду, что сведения, поступающие таким путем в ГВО, становятся известными монголам, и те, кто послан сюда работать для Совроссии, сознательно или бессознательно работают не только на тех, кто считается нами нашей ориентации, но и на руку контрреволюционному элементу и антисоветскому шпионажу.

Еще несколько слов о тов. Шлихте. Тов. Шлихт, при всей его безграмотности, очень высокого мнения о себе. Сейчас он, без какого бы то ни было соглашения со мною, нахватал ряд должностей: помимо работы следователя ГВО он несет обязанности коменданта ГВО, коменданта города, начальника гарнизона. Такое разбрасывание, естественно, вредит тому делу, на которое он был послан сюда. Естественный отход тов. Шлихта от работы в ГВО на руку Баторуну, который и так не балует тов. Шлихта сведениями по работе ГВО, которые, лишь как крохи с хорошего стола, перепадают тов. Шлихту.

С другой стороны, тов. Шлихт чрезмерно увлекся варварскими азиатскими приемами при ведении следствия. В то время как Полпредство по поручению Коминтерна ультимативно поставило перед Монгольской Народной партией вопрос о прекращении истязаний при следствии, угрожая в противном случае исключить Монг. нар. партию из числа членов Коминтерна, в то время как мы ведем через представителя Коминтерна Молодежи[9] в Монголии агитацию в партии и в Союзе монгольской молодежи[10] об уничтожении варварских форм монгольского судопроизводства, в это время тов. Шлихт усердствует в избиении арестованных при допросах.

Наконец, тот же тов. Шлихт присутствует при казни и лично производит расстрел арестованных. Это явление я считаю совершенно недопустимым. Белогвардейская пресса трубит о том, что мы в Монголии являемся полными хозяевами положения, что, безусловно, не соответствует действительности. И тов. Шлихт своим поведением оправдывает сообщения этих газет.

Характерно отметить, что монголы с монголами же расправляются сами, а казнить русских граждан представляют русским же – тов. Шлихту, нашим торгутам[11] и т. п. Не понимая политической подкладки этого явления, тов. Шлихт с упоением рассказывает о совершаемых им подвигах.

Я считаю настоятельно необходимым раз-навсегда покончить с этою ненормальностью, которая тянется в Монголии вот уже третий год.

Я не поднимаю вопроса о работе секретных сотрудников ГПУ и разведотов, о работе которых за границей и контактировании последней с полпредствами было

посвящено специальное совещание полпредов в Москве с участием ГПУ в начале тек. года. Речь идет о тех сотрудниках ГПУ, которые официально занимают должности в различные рода монгольских учреждениях (Гос. внутр. охрана, [в] разных учреждениях Военного ведомства и т. п.) и которые имеют секретные поручения информировать наши разведывательные органы о положении дел в Монголии.

Эти сотрудники, по моему мнению, должны находиться всецело в ведении Полпредства, почему и связь их с первичной инстанцией (в частности, с ОПО № 1) должна проходить исключительно через Полпредство.

Короче говоря, я мыслю себе, что на Полпредство должны быть возложены функции секретного представительства ОПО № 1, что даст возможность координировать здесь нашу разведывательную работу, а также поможет Полпредству точно ориентироваться в окружающей обстановке.

В последнем случае у Полпредства далеко не все благополучно. Работающие здесь товарищи, к сожалению, являются политически малоразвитыми и удовлетворять запросов Полпредства, при отсутствии их соподчиненности последнему, они не могут. Только заставляя сотрудников работать также и по специальным заданиям Полпредства, последнее может быть гарантировано в получении необходимых материалов и контролировать и направлять деятельность сотрудников ГПУ.

Основываясь на вышеизложенном, я прошу Вас, уважаемые товарищи, сообщить мне Ваши соображения по этому вопросу. Конкретно же я настоятельно ставлю перед Вами вопрос об отозвании из Урги тов. Шлихта, как это уже сделано в отношении тов. Войцеховского. Ни о каком контакте с ним в работе у меня не может быть и речи. При этом я должен поставить Вас в известность, что если и впредь наши сотрудники ГПУ будут заниматься какими бы то ни было доносами в Гос. вн. охрану на Полпредство, я вынужден буду принять решительные меры вплоть до выселения их из пределов Монголии принудительным способом.

С коммунистическим приветом,

Поверенный в делах РСФСР в Монголии Юдин

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 11–13об. Подлинник.

№ 22
Сообщение Начальника пограничного отделения № 1 Прибайкальского губернского отдела ГПУ Коркина П. А. об организации разведывательной работы в Монголии

№ 934/сек 4 сентября 1923 г.

Погранотделение Особого отдела ВСВО Совершенно секретно

Срочно

г. Чита

ПП ГПУ по Дальнему Востоку

Придавая большое значение Урге как разведывательному пункту и принимая во внимание, что разведывательная работа там как в регистротделе, так и в ГВО (особенно в первом) до сих пор не носит планомерного характера и главным об-

разом ввиду отсутствия соответствующих работников и отсутствия единого руководства.

В целях введения работы в твердую колею и постановки ее на твердую ногу выдвигаю нижеследующее:

Я посылаю из числа своих сотрудников одного инструктором в регистротдел[1], второго инструктором в ГВО, третьего (уже имеется) на должность пом. секретаря Военсовета, четвертого следователем в ГВО (тоже имеется). При таком положении все сведения, добытые разведывательн. орган[ами] Монголии, будут в первую очередь представляться в ПО и в Ургe они суммируются одним сотрудником, коему я подчиняю всех остальных. Здесь, значит, не будет ведомственной розни между регистротделом и ГВО, с одной стороны, будет единое руководство – с другой, и так как регистротделу монгольское правительство отпускает средств приличную сумму и ГВО на секрнадобности 30 долларов (равносильно, что ничего).

При едином руководстве средства из сумм регистротдела для надобностей будут отпускаться и для ГВО.

Проведением в жизнь означенного положения, надеюсь, разведывательную работу в Монголии постепенно наладим.

Все сотрудники на означенные штатные должности назначаются как русские граждане через Полномочное представительство РСФСР в Монголии.

Сотрудников ввиду спешной необходимости смены инструктора регистротдела Сороковикова[2], следовательно, общей пертурбации, 3 сентября с. г. в Ургу выслал. Прошу санкционировать проведение, считаю необходимым, ибо иначе совершенно не мыслю налаживание работы в Монголии. Выслал людей до санкции сего от вас, потому что вакансии могут занять не наши люди, и тогда мы не будем иметь возможности получать необходимые сведения.

Нач. Пограничного отделения № 1 Прибгуботдела ГПУ Коркин

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 77об. Подлинник.

№ 23
Из доклада о Монголии начальника пограничного отделения № 1 П. А. Коркина

№ 969/сек 7 сентября 1923 г.
г. Троицкосавск Совершенно секретно

г. Иркутск
Нач. Иркутского губотдела ГПУ
Нач. Прибгуботдела ГПУ

ГВО Монголии

Общее положение: ГВО в настоящее время является почти единственным органом Монголии, на котором обращается минимум внимания и максимум презрения. Такое игнорирование охраны стало особенно бросаться в глаза с первых дней вступления на пост предсовмина Цэрэндоржа[1], ярого китаефила. В глазах монгольских

народных масс охрана – не авторитетная. Основной причиной к этому является невежество монгол[ов], слепо поддающихся влиянию ламства и князей, видящих в охране руку красных, которые хотят уничтожить их религию или нарушить быт. Сама охрана поднять свой авторитет не может, не умея работать и порой ведя дело таким образом, что этим самым восстанавливает против себя. Безошибочно будет сказать, что, начиная с самого начальника и кончая последним цириком в ГВО нет ни одного человека, умеющего работать. Поддержки в своей работе охрана не имеет. Бывший съезд народной партии[2] предполагает в охране ввести коллегиальное управление в составе двух представителей от ГВО, одного – от правительства и одного – от ЦК Народной партии. Президиум съезда за таковую постановку дела в охране, и феодальному элементу не удастся повернуть вопрос в обратную сторону. Разрешение этого вопроса в положительном смысле даст первое целесообразное преобразование ГВО Монголии.

В параграфе 3-м положения о ГВО: все правительственные учреждения Монголии, как военные, так и гражданские, обязаны беспрекословно выполнять все требования ГВО по вопросам, касающимся работы последней.

§ 4. Во всей своей работе ГВО подчинена Военсовету М. Г.[3] и при проведении в жизнь всех своих более серьезных мероприятий обязана предварительно таковые согласовать с Военсоветом.

§ 5. ГВО имеет право в случае необходимости произвести аресты, обыски, вести следствие, устанавливать надзор за нужными лицами и учреждениями.

Исходя из этих пунктов, кажется, можно было бы развернуть работу гораздо шире, чем она есть теперь; однако все эти пункты отдельными лицами сведены на нет. В случае надобности обыска нач. ГВО Баторун идет спрашивать разрешения Военсовета. Ни одно учреждение прежде, чем исполнить требование ГВО, не сделает этого без предварительного совета с главкомом Данзаном или военмином Хатан-Батор-ваном. Даже отдельные американцы не идут в ГВО, а делают что им нужно через Данзана или через предсовмина Цэрэндоржа.

Секретно-оперативная часть ГВО

Секретно-оперативная часть, в свою очередь, еще делится на несколько частей: секретную работу среди простых монгол ведет секретарь ГВО Доржпалам, человек, не имеющий никакого абсолютно понятия о работе ГВО, в результате чего он от своих осведомителей и сексотов в течение 1–2 мес. не получил ни одной сводки, мотивируя это тем, что сотрудники у него не работают. Секретную работу среди ламства, членов правительства, феодалов, среди китайцев и по дворцу Богдо-хана ведет сам нач. ГВО Баторун, – тоже не много понимающий в секретной работе. Эта осведсеть[4] по результатам работы ее – слаба, если не считать сносного освещения жизни дворца. Секретную работу среди русских, бурят и иностранцев ведет русский следователь ГВО, имея сети: гражданскую – в 35 человек и военную – в 15 человек. Силами этой последней сети ведется сносное освещение города Урги, поселка Мандал, района Бороты, пограничный район Мензы, погран. восточн. район к городу Калган с окрестностями и части М. Н. Армии[5]. Заведены информационные дела по освещению вышеозначенных районов и частей армии. С помощью уполномоченного ОПО № 1 тов. Бошкина стала налаживаться работа среди членов

антисоветских партий. Взято на учет 2 эсэра и два меньшевика в гор. Урге. В недалеком будущем предполагается произвести у последних обыски.

Монгольской секретной работы в худоне (степи) вовсе не ведется никакой. Военсоветом утверждено положение об агентурных пунктах ГВО, но последние до сего времени еще не раскинуты, что следует отнести исключительно к халатности нач. ГВО Баторуна. Имеющиеся в худонах сексоты ГВО[6] давно не дают о себе знать, и где они сейчас находятся – едва ли кто сможет сказать.

Не лучше обстоит дело и в общей части, где пишут и выдают пропуска, разрешения и удостоверения всем, кто бы только ни попросил.

Следчасть ГВО

Имеется два следователя – русский и монгол. Следователь-монгол совмещает должность коменданта ГВО и следственную работу не ведет. Единственно видная работа, это – работа русского следователя. В настоящее время в русском производстве имеются три дела: 1) по шпионажу, одно хищение и продажа казенного имущества и одно по обвинению красноармейца в краже.

Шпионаж

Монголия была и осталась удобным заграничным шпионажным пунктом. Поскольку существует беспрерывное автомобильное сообщение Урга – Калган и обратно, постольку через границу быстро и беспрепятственно провозятся все нужные для заграничного шпионажа сведения. Все японские лечебницы в Монголии нужно рассматривать как контрразведывательные пункты, а их персонал – как контрразведчики[7]. Тактика японского шпионажа – прятаться под Красный Крест. Есть основание подозревать в китайском шпионаже Совет торговых китайских старейшин и в Урге отдельных лиц, вроде мадьяра доктора Ротта, японского врача Казима, представителя фирмы американской Вуден – Запарина и других. Работа для заграничного шпиона в Монголии очень легка, и не нужно совершенно выявлять себя, чтобы получить нужные сведения. У монгол нет секретов, что на руку всем шпионам. Достаточно завести дружбу с одним из министров и через него за бутылкой шампанского можно узнать все, что только нужно. То, что министры любят знаться только с людьми богатыми, уже давно учтено заграничным шпионажем, и эта работа великолепно проводится под маркой торговых сделок, и получить живых фактов, уличающих кого бы то ни было в шпионаже, не удалось.

Нач. погранотделения № 1 Коркин

Уполномоченный Войцеховский

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 49–52об.

№ 24
Сводка Прибайкальского Губотдела ГПУ по Монголии

№ 3739/с
г. Верхнеудинск

19 сентября 1923 г.
Совершенно секретно

г. Чита
ИНО ПП ГПУ по ДВО

При сем препровождается сводка № 5 по Иностранному обозрению (Монголия).
Приложение: упомянутое.

Нач. Прибгуботдела ГПУ — Клиндер
Врид нач. Ч. Погрохраны — Зырянов[1]
Пом. упол. ЧПО — З. Клиндер

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 235. Подлинник

Приложение

Сводка № 5 по иностранному обозрению Прибайкальского Губотдела ГПУ по состоянию на 15 сентября 1923 г.

г. Верхнеудинск
г. Чита
ИНО ПП ГПУ по ДВО

19 сентября 1923 г.
Совершенно секретно
По данным на 10 сентября.

Монголия

Экономическое состояние

Ничего нового о промышленности Монголии в данной сводке сказать нельзя. Новых начинаний в этой области нет, а старые возможности, как-то: золотые прииска и др. не использованы.

Торговля также на старых рельсах. По-прежнему засилье китайских купцов, недоверие населения к русским, хотя наша кооперация усиленно борется за рынок.

В этом году монгольским правительством дано несколько разрешений иностранцам на закупку и отправку за границу крупных партий скота. Так, Британской экспортно-импортной компании[2] разрешена операция на 10 000 голов крупного рогатого скота и 70 000 баранов, китайской фирме Юен-Фунг-Трейдинг и Ко[3] был разрешен несколько раз выгон в Китай по 200 и 250 лошадей, американцу Ларсену[4] приходилось выгонять в Китай же несколько раз по большой партии лошадей – последний раз 250 голов. Выгон скота обложен таможенными пошлинами, что в общем дало за истекшее время крупный доход государству.

С 25 июля вступило в силу новое положение о более умеренных таможенных сборах. За товары, ввозимые в Монголию, пошлина понижена таким образом: за спиртные напитки с 50% до 30%, за шелковые товары с 20% до 6%, за табаки с 20% до 12%, на предметы роскоши с 10% до 6%, совершенно отменен гаиль-на-

лог[5]. Пошлина взимается с той стоимости товаров, в каковую она обходится владельцу по привозе его в таможню, т. е. в стоимость товара входит и провоз, и утечка, бой и всякий брак. Таможня принимает все эти расходы за чистую стоимость товара и с этой суммы взимает %% таможенный сбор. Вследствие высоких пошлин заграничные товары очень дороги. Ежегодный доход таможен Монголии от 4 до 5,5 миллионов. Кроме четырех действующих таможен предполагается открыть еще 37.

Нужно сказать несколько слов о контрабанде. Крупное движение контрабанды в Совроссию наблюдается через Желтуринский район[6], где слабость охраны границ дает контрабандисту широкий простор. В Совроссию главным образом ввозится чай, мануфактура и за последнее время тибетские медикаменты. Монг. власти с контрабандой борьбу почти не ведут. Наши охотники все лето охотились на изюбря, сохатого (лося) и этого никто не замечал. Бывали случаи, когда монгольские цирики даже помогали нашим крестьянам охотиться на зверей.

Большая часть расходов Монгольского государства идет на Воен. ведомство, далее на религию (лам, обряды культа, большие празднества, Цаган Сары[7], Майдара[8], Цам[9] и др. чрезвычайные праздники и молебствия). На просвещение и здравоохранение расходов почти нет. Огромный нелегальный расход – взяточничество и казнокрадство, чем заражен весь госаппарат Монголии.

Монгольское правительство и его деятельность

После смерти предсовмина Жалханза-хутухты в общественных кругах Монголии стал усиленно обсуждаться вопрос о новом премьере, причем выявилось три политические группы:

Первая – немногочисленная, но состоящая из наиболее выдержанных и последовательных членов Нарпартии и большей частью Союза молодежи во главе с начполитуправления Буяннэмэхом[10], стоит всецело на стороне Совроссии и находится под ее влиянием. На первом собрании этой группы в июне м-це была намечена линия последовательной борьбы с примазавшимся чуждым элементом, а также завоевание мест в ЦК партии и правительстве.

Вторая группа автономистов, руководимая главкомом Данзаном, также немногочисленна. Сам Данзан происходит из простонародья, мало образован и имеет твердый характер, принимал активное участие в создании Нарправительства, безусловно ориентируется на Совроссию, но отсутствие контроля партии как над министрами, так и над ним дает возможность всяческих злоупотреблений, как-то: взяточничества, казнокрадства и т. д.

И третья группа – реакционная, имеющая на своей стороне феодалов, князей, ламство, придворных Богдо-хана и проч. Реакционный элемент во главе с мининделом Цэрэндоржем[11]. Ярый китаефил Цэрэндорж происходит из чиновничьей среды, был министром и при правительстве Автономной Монголии, и при засилье китайцев, и правительстве времен Семенова и Унгерна, и сумевший сейчас стать мининделом. Хитрый, с сильным характером Цэрэндорж весьма авторитетен в ЦК партии. Он умело ведет работу по проведению себя в премьеры, и среди монгольских общественных деятелей его считают единственным человеком, хорошо ориентирующимся в вопросах международной политики.

В июне первые две группы – революционная Буяннэмэха и автономистов Главкома Данзана – объединились для борьбы с реакционной группой Цэрэндоржа.

27 июня состоялось совещание этого блока, где обсуждался вопрос о политическом моменте и о реорганизации всего правительства. Буяннэмэх выступил с резкой критикой правительства и предложил сделать полный государственный переворот. После всестороннего обсуждения речи Буяннэмэха собрание вполне согласилось с его положениями. Момент действительно был удобный, т. к. лама Жалханза-хутухта умер, Богдо-хан остался без поддержки своей жены, через которую на него имели влияние некоторые ламы и князья. Вследствие слабого здоровья Богдо-хану также грозит смерть, и он как бог восьмого перерождения (по буддийским верованиям) своей смертью прекращает появление перерожденных богов на ханском престоле, что выбивает козыри из рук ламства.

Далее собрание потребовало от Буяннэмэха план практического проведения государственного переворота. Но Буяннэмэх, как человек с монгольской психологией, ни[ка]кого плана не приготовил и не мог ничего предложить. Тогда было постановлено только реорганизовать состав правительства и прежде всего изгнать из него реакционный элемент.

29 июня состоялось вторичное совещание революционного блока, на котором окончательно были утверждены намеченные ранее кандидаты. Между прочим, главком Данзан должен занять пост советника Минфина, сохраняя свою прежнюю должность. Реакционных министров, как то: минвнутдел Сэцэн-хана[12], минюста Сономдоржа[13], военмина Хатан-Батор-вана[14] – заместить другими, причем на пост военмина совещание затруднилось наметить заместителя.

В то же время в реакционной группе произошел раскол. Кроме Цэрэндоржа на пост премьера ламством был выдвинут какой-то «Большой Лама» с запада.

Момент всеобщего замешательства правительственных группировок был умело использован Полпредством РСФСР и заграничными работниками Совроссии.

А приезд Элбек-Доржи Ринчино из Москвы упорядочил работу правительства. Работа стала проводиться более дружно, согласованно, как в экономическом, так и политическом направлении. Не стало единоличных распоряжений и вмешательства отдельных министров в работу политических органов. В отсутствие Ринчино проектировался вопрос об упразднении ГВО и Политуправления. Теперь безусловно об этом нет и речи.

Правительство взяло определенный курс на Совроссию. Из всего видно, что поездка предвоенсовета Ринчино в Москву принесла благоприятные результаты.

29 июня состоялось заседание правительства, на котором утвержден проект министра юстиции по применению смертной казни за следующие уголовные преступления: а) за умышленное убийство, б) убийство с грабежом, в) вооруженное нападение, г) вооруженный грабеж. Утверждено положение об аймачном управлении. Положение составлено применительно к нашему Земскому самоуправлению (выборное начало). Отменяются аймачные цзянь-цзюни, командующие. Вместо них создается четыре отдела в каждом аймаке: 1) военный, 2) общеадминистративный, 3) финансовый и 4) внутреннего хозяйства.

10 августа на заседании правительства обсуждались следующие вопросы: 1) уполнаркоминдел Амагаев, приехавший в Ургу для выяснения вопроса о пере-

ходе бурят в монгольское подданство, обратился в правительство с просьбой об отпуске ссуды для Бурреспублики в сумме 50 000 золотом на восстановление тех предприятий, которые перейдут к республике, и на оплату администрации. Правительство согласилось дать эту сумму на два года без всяких процентов. 2) Далее обсуждался вопрос о посылке в советскую академию трех монголов с сохранением жалованья, кое должно выдаваться их семьям. Это предложение врид наштаглава Меркулова[15], поддерживаемое Хатан-Батор-ваном, встретило горячее возражение предгосконтроля Гочитского[16]. 3) Такой же горячий протест Гочитского вызвало предложение Учкома о выдаче ежемесячной субсидии по 30 лан трем практикантам, прибывшим из Москвы в Учком. К просьбе Учкома были приложены отношения министерства финансов и Госконтроля, которые категорически протестовали против удовлетворения просьбы. По этому вопросу Гочитский высказался: «Вы еще не успели послать своих курсантов в Совроссию, а она вам, монголам, успела прислать и навязать на шею трех человек. И напрасно вы думаете, что Совроссия даст им что-либо бесплатно – она сдерет с вас за все гораздо больше». Если добавить, что Гочитский ведет себя подобным образом на всех заседаниях правительства и что он командирован в Монголию Совроссией, то комментарии излишни. Для пользы дела нужно поскорее убрать Гочитского из Монголии.

Вопреки протестам предгосконтроля правительство постановило удовлетворить просьбу Учкома.

Первый съезд Монгольской Народной партии

16 июля с. г. в Урге открылся первый съезд Монгольской Народной партии[17]. На съезд прибыло 93 делегата от 62 организаций[18]. Первым был заслушан доклад ЦК НП о политическом положении Монголии. Резолюция по докладу отмечает необходимость: 1) поддержание тесного содружества с Совроссией и решительной борьбы как с внешним, так и с внутренним контрреволюционным элементом, стремящимся к разрыву это[го] содружества; 2) чистка партии от примазавшихся чуждых социальных элементов и укрепление рядов партии; 3) укрепление партвлияния в центральных учреждениях и борьба с реакционерами, стремящимися к захвату этих учреждений. Следующий доклад о госстроительстве был заслушан 19 июля, но прения отложены ввиду начала народных праздников. 30 июля съезд снова приступил к работе. Обсуждался вопрос об укреплении платформы партии и было постановлено: 1) укрепление идей Нарправительства через влияние закона о местном хошунном и аймачном самоуправлении и создание представительского учреждения парламента. 2) привлечение [к] государственной административно-хозяйственной работе как в центре, так и на местах всех живых демократических сил страны; 3) установление равного для всех сословий суда с отменой пыток при судопроизводстве и замена телесных наказаний общественными работами; 4) широкая постановка дела школьного и внешкольного образования путем развития издательской деятельности и организации государственной школьной сети для всеобщего обучения; 5) проведение экономической политики, построенной на началах интенсификации народного хозяйства, содействия сбыту его продуктов и обмена с заграницей потребными для населения фабрикатами через организацию национальной кооперации; 6) организация государственной борьбы с эпидемическими болезня-

ми, оказание населению медицинской помощи и устройства приютов и др. учреждений для бедного населения; 7) установление обязательного для всех сословий[19] государственного прогрессивно-поимущественного налога с освобождением от такового бедняцких хозяйств; 8) установление всеобщей воинской повинности и организация регулярной армии по европейскому образцу; 9) отмена принудительных поборов на совершение богослужения; 10) провозглашение и осуществление за всеми гражданами свободы личности.

В докладе с мест отмечено главным образом: 1) отсутствие связи центра с местами; 2) неналаженность за отсутствием руководства из центра внутрипартийной работы; 3) ненормальности во взаимоотношениях парторганизаций с органами власти.

Основные решения съезда по организационному вопросу следующие: 1) не ослабляя своего руководства госстроительством, Центральный комитет должен в будущем уделить серьезное внимание вопросам организации и руководства внутрипартийной работы, причем съезд в развитие этого общего положения дал ЦК целый ряд конкретных директив; 2) в целях оздоровления партии произвести чистку организации от пролезших в нее феодальных элементов. Далее были приняты постановления о членских взносах, внутрипартийной дисциплине, рассмотрен и принят Устав партии.

По следующему докладу ЦК о госстроительстве принято решение: 1) О форме суда: а) неуклонно проводить в жизнь отмену телесных наказаний, б) ускорить издание гражданского Уголовного кодекса законов, а также процессуального, в) организовать курсы для подготовки работников в реформированном суде. 2) О работе министерства финансов: а) поставить на должную высоту деятельность Управления государственными имуществами, б) упорядочить деятельность и аппарат таможен, в) привлечь к работе министерства финансов достаточное количество подготовленных сил. Обсуждение доклада о госстроительстве закончилось 8 августа. Было принято новое положение о Центральном Комитете и произведены выборы членов в числе 15 человек.

Второй съезд Союза молодежи

Одновременно с открытием съезда Нарпартии 16 июля открылся II съезд Революционного союза молодежи. Прибыло 70 делегатов от разных организаций[20]. Первым заслушан доклад о работе ЦК Союза и доклад делегата III Конгресса Коминтерна молодежи[21].

Ввиду праздников прения были отложены. Работа возобновилась 29 июля. В резолюциях по докладу ЦК намечен целый ряд мер, направленных к изысканию средств на организационную и политико-просветительную работу. По докладу о работе среди женщин вынесено постановление о ведении активной работы среди женской молодежи и раскрепощении ее от средневекового феодально-теократического рабства, широкое содействие к проникновению в Наруниверситет[22]. Постановлено ежегодно участвовать в проведении Международного юношеского дня 2 сентября и избрана специальная комиссия для разработки плана проведения этого дня в нынешнем году. По заслушании доклада о политико-просветительной работе Союза, съездом выделена особая комиссия, которая должна конкретно разра-

ботать план будущей работы и резолюцию по докладу. Далее были приняты следующие постановления: 1) произвести тщательную чистку союзных организаций от феодально-дворянских элементов; 2) установить среди членов Союза, особенно находящихся на госработе, строгую дисциплину в смысле подчинения их директивам союзных организаций; 3) принять активное участие в выборах местных самоуправлений и в предстоящих выборах в парламент. ЦК поручено разработать и организовать проведение этих кампаний; 4) укрепить связь Союза молодежи с Нарпартией, для чего Союз должен принять активное участие в проведении агитационных кампаний при мобилизации и выделить ряд своих членов для ведения политпросветработы в частях армии. По вопросу об отношении Союза молодежи к Нарпартии принята резолюция, подтверждающая постановление первого съезда Союза о политической независимости Союза от партии[23].

Объединенные заседания съездов Нарпартии и С. молодежи[24]

По предложению съезда С. молодежи 5, 6 и 7 августа происходили объединенные заседания обоих съездов, на которых обсуждались формы сотрудничества партии и Союза в организации кампании по выборам в местные самоуправления, парламент и по сбору государственного прогрессивно-поимущественного налога. Объединенное заседание целиком приняло предложение съезда С. молодежи по этим вопросам. Далее был заслушан доклад о положении Монгольской кооперации и избрана смешанная комиссия для разработки резолюции о своей линии поведения в отношении кооперации. Выработана следующая резолюция: 1) признать направление работы Монгольского кооператива, управление которым как в центре, так и на местах было захвачено крупными пайщиками в свои руки в целях использования кооператива в интересах личной наживы, не соответствующим задачам кооперации, извращающим ее суть и тем самым подрывающим авторитет ее в глазах народной массы; 2) считать очередной задачей обеих организаций завоевание кооперации в свои руки с применением новых методов работы в массе; 3) поручить ЦК Нарпартии и ЦК С. молодежи немедленно после съездов образовать с участием специалистов особую кооперативную комиссию для детальной разработки мер, ведущих к оздоровлению кооператива, причем постановления этой комиссии должны быть проведены в жизнь ЦК партии через Нарправительство, являющееся дебитором кооператива; 4) ЦК партии и С. молодежи поручить широко ознакомить свои организации с предпринятыми мерами и дать подробные инструкции о формах их участия в кооперативном строительстве на местах; 5) предложить ЦК партии неуклонно осуществлять свой контроль над деятельностью кооперации.

10 августа I съезд Нарпартии и II съезд С. молодежи торжественно закрылись.

Монгольская армия и Военное ведомство

Новый мобилизационный план. За последнее время выработан новый мобилизационный план, по которому мобилизация и обучение юношей происходит на местах, что является весьма целесообразным в монгольских условиях.

По объявленной мобилизации на своеобразные всеобучи в худонах (степь) по 64 хошунам на нынешний учебный год явилось 4298 человек. От остальных 21 хошуна сведения еще не получены.

Оружие. На монгольском артскладе имеется 3551 шт. исправных винтовок, неисправных 2256 шт. У частного населения худона по рукам не менее 7 тысяч, которые выдавались Военминистерством по особым охотничьим свидетельствам за плату 3 доллара в год. Но незарегистрированного оружия, вероятно, вдвое больше, плюс винтовки, имеющиеся у лам, которые считаются неприкосновенным оружием, подаренным богу.

Состояние армии. Общее состояние армии прежнее. Недисциплинированность, отсутствие правильного вооружения, плохое питание и одежда, болезни, отсутствие правильной медицинской помощи, отсутствие политпросветработы и отчасти халатность некоторых наштаглавов не дали возможности создать из монгольской армии хотя бы сколько-нибудь добропорядочную боевую единицу.

Взаимоотношения цириков с комсоставом и инструкторами удовлетворительные. Цирики больше симпатизируют русским инструкторам, т.к. таковые всегда стоят против телесного наказания. Случаи дезертирства очень редки.

На охрану границ обращается мало внимания. Погрохрана Монголии к несению службы плохо подготовлена, был случай, когда цирик, стоя на посту, разобрал свою винтовку и, не сумев собрать ее, обратился к нашим крас[ноармей]цам за помощью.

За последнее время ламы начали усиленно посещать воинские части. Но как будто бы власть религии над цириками стала меньше. Показателен пример со смертью жены Богдо-хана. Богдо-ханом был издан приказ в честь ее смерти три дня поститься. Цирики 1-го кавполка на общем собрании постановили поститься, отчислив трехдневный паек мяса (9 голов рогатого скота) в подарок Богдо-хану. Но, несмотря на постановление, большинство цириков эти три дня где-то доставали мясо.

Новый наштаглав. С прибытием нового наштаглава, человека, видимо, энергичного, тов. Косича[25] и вообще с изменившейся политической обстановкой нужно ожидать постепенное улучшение Монгол. армии. Тов. Косич был всесторонне информирован о положении дела и о всех недочетах и упущениях. На первом же заседании он взял твердый курс по отношению к правительству. Он заявил, что инструкторский состав и он прибыли строить народную армию только с таким условием, чтобы в их работу не было единоличных вмешательств, тормозов и препятствий. На что все правительство одобрительно ответило «дза» (хорошо).

С тов. Косичем прибыл ряд опытных инструкторов на высшие командные должности. Большинство из них – люди партийные, со старым командным стажем. Прежние инструктора, бывшие в Монголии, не приглашенные как эти на особых условиях, стали требовать улучшения своего быта и повышения оклада жалованья применительно [к] окладам новых инструкторов. Целой торгутской группой[26] был подан коллективный рапорт о возвращении в Совроссию. Тов. Косичем этот вопрос улажен. Все старые инструктора штаба армии и отделов Военсовета уравнены окладами с вновь прибывшими. Об увеличении ставок остальным строевым инструкторам поднят вопрос в правительстве. Торгутская группа, видя в Косиче человека, пользующегося авторитетом в правительстве, успокоилась, надеясь, что улучшение ее положения будет достигнуто.

Государственная внутренняя охрана

Не пользовавшаяся большим авторитетом в благоприятное время ГВО с вступлением на пост предсовмина Цэрэндоржа[27] (ярого китаефила) окончательно потеряла всякое влияние. Не умея работать, ГВО не может поднять своего значения и рядом «ляпсусов» восстанавливает против себя массы, которые, глядя глазами лам и князей, видят в ГВО руку красных, желающих уничтожить их религию. Ни одно учреждение не исполнит требование ГВО, не посоветовавшись предварительно с Главкомом Данзаном или военмином Хатан-Батор-ваном. Даже отдельные лица действуют через Данзана или предсовмина Цэрэндоржа. В случае надобности обыска НачГВО Баторун идет спрашивать разрешения Военсовета. Поддержки в работе ГВО ниоткуда не имеет. Съезд Нарпартии предполагал [в]вести в ГВО коллегиальное управление в составе двух представителей ГВО, одного от правительства и одного от ЦК НП. Президиум съезда за это предложение и разрешение вопроса в положительном смысле дает благоприятные результаты.

Секретно-оперативная часть ГВО

Секретно-оперативная часть в свою очередь еще делится на несколько частей: 1) Секретную работу среди простых монгол ведет секретарь ГВО Доржпалам, человек, слабо знакомый с работой, в результате чего он от своих осведомителей и сексотов в течение 12 месяцев не получил ни одной сводки, мотивируя это тем, что сотрудники у него не работают. 2) Секретную работу среди ламства, членов правительства, князей, китайцев и по дворцу Богдо-хана ведет сам НачГВО Баторун. Эта осведсеть по результатам работы также слаба, если не считать сносного освещения жизни дворца. 3) Секретную работу среди русских, бурят и иностранцев ведет русский следователь ГВО, имея сети: гражданскую в 35 человек и военную 15 человек. Силами этой последней сети ведется удовлетворительное освещение Урги, поселка Мандал, района Боротай, пограничного района Мензы, погран. Восточн. района к городу Калган с окрестностями и части МНАрмии. Заведены информационные дела по освещению вышеозначенных районов и частей армии. ГВО ведет усиленную вербовку в информсеть китайцев. Создается инфсеть за границей, в Калгане. Первая работа этой сети – расконспирирование трех человек из контрразведывательного пункта Китая. С помощью уполномоченного ПО № 1 Бошкина стала налаживаться работа среди членов анти-совпартии[29]. Взято на учет два эсера и два меньшевика в Урге. Монгольской секретной работы в худоне (степи) совсем не ведется. Военсоветом утверждено положение об агентурных пунктах ГВО, но последние до сего времени не раскинуты, что следует отнести к халатности НачГВО. Имеющиеся в худонах сексоты ГВО давно не дают о себе знать и где они сейчас находятся, едва ли кто сможет сказать.

Не лучше обстоит дело и в общей части, где пишут и выдают пропуска и удостоверения всем, кто бы ни попросил.

В следственной части ГВО имеется два следователя – русский и монгол. Следователь-монгол совмещает должность коменданта ГВО и следственную работу не ведет. В настоящее время в производстве русского следователя имеется три дела: 1) по шпионажу, 2) хищение [и] продажа казенного имущества и 3) по обвинению красноармейца в краже.

В июне–июле месяце участились случаи грабежей и нападений. ГВО был поднят вопрос перед Военсоветом о создании уголовного розыска при ГВО. Военсовет утвердил положение о розыске, переименовав его в сыскное отделение.

Шпионаж

В Урге в начале июля открыта японская лечебница. Есть предположение, что это японский разведпункт. Наблюдение ведется. Также ведется наблюдение над советом торговых китайских старшин и др. Но ничего существенного до сих пор не выяснено. Работа шпионажа в Монголии чрезвычайно легка. Нужно только побольше денег, т. к. министры любят знаться с богатыми людьми и за бутылкой шампанского расскажут все что угодно.

Деятельность контрреволюционных и белобандитских организаций

Открытых контрреволюционных выступлений, а также заговоров в Монголии пока не замечено. Но во второй половине августа на границе восточной Монголии значительно усилился бандитизм, перешедший в открытые военные действия. Банда в семь человек произвела нападение на пост Кукунора[29] и после перестрелки, ранив одного цирика, скрылась. В следующий же день трое из бандитов были арестованы и доставлены в Ургу. Из допроса выяснилось, что в этом районе оперирует отряд в количестве 60-80 человек под командой Гордеева, расположены около Далай-Нура[30] и часть – около Джалай-нура. По сведениям, банда вооружена винтовками.

Такое же нападение белобанды было на Баргутский пограничный пост в количестве 30 человек. При перестрелке банда убила трех баргутов[31], одного ранила и, забрав оружие, скрылась на территории Монголии. Вслед за этим банда снова напала на пост Кукунор, но части Монгольской армии при перестрелке несколько бандитов убили, двух ранили. Бандиты бежали в район Акши[32]. Преследовавший их монгольский отряд в 30 человек связался с Советским постом для совместного преследования.

Надежды Китая

По агентурным данным, приблизительно месяц тому назад из Внешней Монголии два видных ламы обратились к китайскому правительству, а также два делегата от Чахарской республики[33] – дать им 10 000 солдат для похода на Ургу. Китправительство обещало пока только половину и свое войско предполагает перебросить из Калгана небольшими группами в район Удэ[34], откуда начать наступление на Монголию. Кит. власти по дороге от Калгана в Ургу до монгольской границы Удэ усиленно стали проверять документы у всех отъезжающих в Ургу. Для разведки [и] выяснения количества русских военных частей в Урге китправительство выслало своих разведчиков под видом коммерсантов и для этой цели захватило в свои руки все автомобильное движение Калган – Урга (см. пред. сводки). Среди китайских солдат и высших кругов существует мнение, что скоро Монголия опять станет провинцией Китая. Но благодаря внутреннему беспорядку, царящему в Китае, этим сведениям особого значения придавать нельзя. Для выяснения общего положения в Калган – Маньчжурия высланы несколько сексотов.

Комиссия по обследованию русских колоний

Как уже говорилось в предыдущих сводках, монголправительством и Полпредством РСФСР была создана комиссия по обследованию русских колонистов и эмигрантов, которым монголы приписывали насильственный захват земель, неплатеж податей, неподчинение властям, невыборку монгольских паспортов[35], самовольный переход границы, контрреволюционность и т. д. Обследование почти целиком опровергло возводимые обвинения. В августе правительством обсуждался собранный материал, после чего предполагалась комиссия из наших и монголпредставителей для окончательного решения вопроса, согласованного с интересами обеих стран. Положение русских колонистов в Монголии тяжелое. Сдача в аренду пахотных участков земли обставлена различными препятствиями, как-то: согласие местного населения, сдача тех участков, кои не будут признаны святыми, что дает широкий простор ламам для подставления рогаток русским колонистам.

В это лето было много случаев, когда крестьяне их Прибайкалья и Забайкалья переезжали за границу целыми семьями со всем домашним скарбом. Ни с какими формальностями перехода границы эта масса не считалась. Бежавши от голода и попав в Монголию, они оказывались в положении более худшем, чем у себя на родине. В Монголии был неурожай, монголы относились к пришельцам враждебно. Ни о какой помощи не могло быть и речи. Тяжелые условия породили грабежи, убийства. Борьба с этими явлениями при почти полном отсутствии путей сообщения и технических средств связи была чрезвычайно затруднительна. ГВО своевременно приняты соответствующие меры.

Работа комиссии по переходу бурят в монгольское подданство

В состав комиссии, работавшей с 30 июня по 7 июля, входили Поверенный в делах РСФСР в Монголии тов. Юдин, упол. Наркоминдела тов. Амагаев, от Монголправительства Председатель ЦК Нарпартии Япон-Данзан и советник Минвнутдел Бадмажапов.

Враждебно настроенная бурятская группа (сводка № 4) изменила свою политику к русским (мягкое обращение, внимательность и проч.), но к этой перемене приходится относиться осторожно, т. к. заветная мечта бурят – выдворить всех русских из Монголии и сделаться хозяевами страны, к чему их подстрекает и ламство.

Работа комиссии видна из прилагаемых протоколов.

Культурно-просветительная работа

По инициативе ряда местных общественных и политических организаций, главным образом сотрудников Полпредства РСФСР, в Урге организован Народный дом[36]. Устав Нардома прилагается[37].

Выводы

С приездом Предвоенсовета Ринчино монгольское правительство взяло определенную ориентировку на СССР. К новой Бурреспублике отношения также доброжелательные.

Решения, принятые на съездах Нарпартии, Союза молодежи, показывают, что партстроительство в Монголии уподобляется строительству РКП.

Нужно ожидать улучшения Монголармии, так как новый наштаглав твердо проводит в жизнь данные ему задания. ГВО работает в общем очень слабо.

Нач. Прибгуботдела ГПУ Клиндер Зырянов
Нач. Ч. Погрохраны З.Клиндер
Пом. упол. Ч. Погрохраны

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 236–252. Подлинник.

№ 25
Письмо полномочного представителя ГПУ по ДВО Л. Н. Бельского[1] Начальнику Монголо-Бурятского ГПУ М. Д. Берману[2] о задачах Монголо-Бурятского ГПУ в Восточной Монголии

б/н Не позднее 23 сентября 1923 г.[3]
г. Верхнеудинск Совершенно секретно

Н-ку Монголо-Бурятского ГПУ
тов. Берману

Согласно Вашему назначению в качестве начальника Монголо-Бурятского ГПУ на Вас возлагается закордонная работа в Восточной Монголии, центр коей является Урга.

В целях правильности постановки зарубежного аппарата надлежит немедленно приступить к организации резидентуры, в задачи которой входит выявление политического положения страны, экономического положения страны, политические партии, бандитизм внутренний и зарубежный, монгольская армия вообще – ее численность, настроение, дислокация, постановка политработы, деятельность Военного совета. Характеристика деятелей монгольского правительства, белая эмиграция – жизнь, группировки, деятельность руководителей ее, задачи таковой в настоящем и в будущем, иностранные группировки и объединения, шпионаж английский и японский, контрреволюция – агитация лам и князей, центр таковой, связь таковых с Китаем и другими контрреволюционными группировками, буддизм – его влияние на монгол и бурят и освещение такового как религиозной группировки, связь Монголии с Монголо-Бурятской Республикой, и в чем она выражается.

ПП ГПУ по ДВО Бельский

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 14. Машинописная копия.

№ 26
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину[1]

б/н 9 ноября 1923 г.
г. Урга

г. Москва. Чичерину

6 ноября я передал заверение Монголпра согласно Вашей 64 спец.[2]. Премьер Цэрэндорж ответил мне: первое – Монголпра получена телеграмма своего посланника Москве, что Духовский сделал ему официальное заявление о позиции России на конференции; второе – Россия не будет отстаивать тройственные переговоры; что такая позиция Совправительства вызвала удивление монгольских правящих кругах, а в народе – панику; что Монголпра разговорах Совправительством, также подписание договора 5 ноября [19]21 г.[3] говорило как независимое правительство; что стремление сводится самостоятельности – это непреклонное требование всего монгольского народа, который не может смириться подчинением вековому врагу Китаю. Цэрэндорж задал мне вопрос: окончательно ли решен Россией совместно Китаем монгольский вопрос?

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 49. Подлинник.

№ 27
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину

б/н 3 декабря 1923 г.
г. Урга

г. Москва. Чичерину

От Козлова[1] Совнарком Управдел Горбунову[2]: «Обсудив всесторонне членами экспедиции ее положение, решил ходатайствовать перед правительством разрешении остаться полном составе Монголии до весны. Тем временем могут уладиться международные осложнения. В случае удовлетворения ходатайства будем зимовать на лучших пастбищах окрестностей Урги, продолжать научную работу, поддерживая постоянную связь с Полпредством Урге. Если весною дальнейшее продолжение не разрешится, просим разрешения предстоящим сезоном работать территории Внешней Монголии. Продажа или сдача аренду 60 верблюдов равносильна потере половины их стоимости. Перевозка имущества – зимой обледенелой горной дорогой только Троицкосавск сопряжена риском, требует огромных расходов, противном случае предоставляется возможность сдать хранение всего снаряжения Полпредству <...> ге[3] под наблюдением участника экспедиции. Козлов.»

Желательно получение предписания Козлову выехать без дальнейших отговорок или разрешите это сделать мне. Козлов намерен затягивать отъезд.

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 55. Подлинник.

№ 28
Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину

б/н 8 декабря 1923 г.
г. Урга

г. Москва. Чичерину

ЦК Монголпартии и проект соглашения Баргой, привезенный Субинтаном[1], основные положения которого сводятся: 1) Взаимная выдача преступного элемента политического уголовного. 2) Экономическое сближение. 3) Баргутцы[2] не чинят препятствий переселению бурят на монголтерриторию. 4) Монголпра дает согласие на переход баргутцев на монголтерриторию случае голода и других бедствий. 5) Взаимно разрешен переход границы административными лицами. 6) Взаимное оказание содействия случае войны. Для окончательных переговоров баргутцами и подписания соглашения на границу Баргой выезжает Главком Данзан вместе Субинтаном.

Юдин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 347. Л. 58. Подлинник.

№ 29
Доклад заместителя начальника Особого отделения при 5-й отдельной Кубанской кавбригаде, уполномоченного ОПО № 1 Бошкина о политическом положении в Монголии

б/н Не позднее 25 августа 1924 г.
г. Москва

Совершенно секретно

г. Верхнеудинск
Начальнику Облотдела ОГПУ БМАССР т. Абрамову[1]

Политическое положение Монголии
По состоянию на 25 августа 1924 г.

За отчетный период внутриполитическое положение страны характеризуется тем же отсутствием у членов пр-ва твердой линии, еще до сих пор после объявления Монголии Республикой, в отношении укрепления ее боевой мощи для защиты своей независимости от китайских империалистов, которые по агданным[2], так и прессы и усиленно готовятся к занятию если не мирным, то вооруженным путем Монголии после окончания русско-китайской конференции.

Действия членов пр-ва в целом можно объяснить в следующем: как ЦК партии, так [и] пр-во, зная свою слабость в сопоставлении ничтожной горсти обученных людей военному делу – против армии Китая, одновременно чувствующих себя «оскорбленными» в признании СССР Монголии, как основной и неделимой части Китая, продолжают по-прежнему упорно скептически относится ко всем разъяснениям по поводу соглашения[3]. Отсюда и выплывает в довольно яркую форму нарождающееся русофобство под лозунгом: «Продали нас за КВЖД».

Руководимая, наиболее спаянная и организованная группа теократов, феодалов, главкомом Данзаном, все больше находит себе единомышленников. Так, предсовмин Цэрэндорж и пред. ЦК Япон-Данзан, все время державшиеся нейтралитета между группами Данзана и Ринчино, с ориентацией на СССР, ныне присоединились к группе Данзана с явно открытой ориентацией на Китай, с тем, чтобы только сохранить, в случае занятия китайцами Монголии, в стране господство за теократами и феодалами.

В данное время пр-во ведет неофициальные переговоры с одним итальянцем по закупке оружия (винтовок, пулеметов и даже броневых машин) в Китае, который обещает на 20 и даже больше процентов дешевле закупить оружие, чем в СССР.

Главным участником ведения переговоров по поручении правительства, в частности Ринчино, являлся наштаглав МНА т. Косич, который находит закупку оружия в Китае для Монголии гораздо выгоднее, чем в СССР, мотивируя лично мне тем, что СССР в прошлом году монголам за хорошую цену продал совершенно невыгодное[4] оружие на 50%.

Предвоенсовета Ринчино, главным образом, как это указывалось в предыдущем докладе, объединяет малочисленную, не обладающую политическим весом в монгольской политике группу бурят, которая, безусловно, бороться против монгольского бурофобства[5] бессильна. Сам Ринчино как руководитель как руководитель этой группы после поражения на заседании ЦК партии, где Данзан с помощью других членов-монгол одержал победу в выступлении Ринчино против него как спекулянта и акционера китайского автомобильного синдиката, пошел по пятам соглашения и ведет примирительную политику со своими оппозиционерами, не считаясь с ценой, лишь бы только вернуть обратно потерянный свой авторитет в глазах монгол. Осторожность, или вернее, отказ Ринчино поднять вопрос после смерти Богдо-Гегена в пр-ве в объявлении республики с мотивировкой, что монгольский народ не созрел для этого, вызовет вооружение выступление[6] и т. д., не оправдались, т. к. хотя по скудным данным разбросанной агентсети[7] по всей Монголии еще не установлен ни один факт о стремлении к самообъединению бедняков с середняцким элементом для борьбы и свержения республиканского пр-ва Монголии. Причем необходимо отметить, что несмотря на отдельные случайные явления в получении тех или других известий о деятельности монгольского пр-ва в худоне, все же провинциальные члены партии резко критиковали на съезде деятельность членов ЦК и правительства в непроявлении собственной инициативы в ведении в жизнь всех лозунгов и постановлений против съезда[8].

Монгольская народная партия

Съезд Монгольской народ. партии открылся 4 августа при параде всех воинских частей Ургинского гарнизона. Председателем съезда большинством был избран

главком Данзан. Характеризуя первоначальный ход съезда, необходимо отметить и остановиться на политике, [на]сквозь пропитанной антирусской демонстрацией главкома Данзана и пред. ЦК Япон-Данзана, которые открыто проповедовали свою независимость в делах монгольского государства и правления. В своей речи Данзан, обрисовывая съезду внутреннее положение страны, коснулся политики СССР, которая якобы имеет те же империалистические цели и стремление захватить Монголию, если не вооруженным путем в открытой борьбе, то путем колонизации с введением своих порядков и законов. Япон-Данзан в своем докладе о политико-экономическом состоянии Монголии, призывал съезд поддержать его стремление в сокращении государственных расходов на содержание ненужной им армии и также закупку оружия, а относиться ко всем обещаниям «сегодняшних» друзей скептически, т. к. эти «друзья», когда-то говорившие о полной солидарности и поддержке монгольского народа, уже их продали за КВЖД – могут в конечном итоге оставить Монголию без копейки денег в государственной кассе. Политика этих двух ярых китаефилов и сторонников желтой религии не была поддержана открыто предсовмином Цэрэндоржем, почему и потерпели фиаско со стороны большинства провинциальных членов съезда. Причем Ринчино по директивам Полпреда т. Васильева объединил большинство съезда против политики Данзана и Япон-Данзана. Съездом по вопросу о строительстве и укреплении республики вынесена резолюция: «Установить тесную связь с СССР и Коминтерном на деле, а не на бумаге, как это было до сих пор. Поднять боевую мощь армии, путем усиления инструкторского состава и введения в стране всеобуча». Далее съездом постановлено уничтожить все княжеские звания и титулы, пожалованные Богдо-гэгэном. В отношении смерти последнего со стороны съезда никаких соболезнований вынесено не было.

После доклада о деятельности Правления Центрального монгольского кооператива Япон-Данзан при поддержке Данзана предложил съезду, ввиду неимения у монгол своих работников кооперативов, закрыть кооперацию, потому что якобы работают только буряты и русские. Предложение съезда было отклонено и вынесена резолюция усиленным темпом подготовлять своих работников кооператоров путем открытия кооперативных курсов и привлечения самих монгол на службу в кооператив. Приглашать иностранцев только в исключительных случаях, когда-то или другое место не может быть по техническим соображениям занято монголами. Классовый состав Монгольской Нарпартии, за исключением ныне стоящих у власти феодалов, – большинство из бедняков, которые далеко отстали от занятия ответственных постов в деле правления Монгольской Республикой.

Шабинское (духовное) ведомство

Шабинское духовное ведомство представляет из себя духовную (ламскую) хорошо сорганизованную организацию, которая живет самостоятельной духовной жизнью. Шабинское ведомство не подчиняется никаким светским законам, в которое входят все ургинские ламы, около 10 тысяч человек, из которых небольшая часть является членами Нар. партии.

После смерти Богдо-гэгэна Шабинское ведомство по изъятию оружия во дворце запросило официально пр-во, будут ли выплачены деньги за оружие, т.к. по завещанию Богдо все имущество должно быть передано Шабинскому ведомству.

В данное время «это ведомство» распродает все безделушки Богдо, и занимаются сбором денег для сооружения кумирни-склепа, где будет похоронен Богдо в забальзамированном виде.

Государствен. внут. охрана

16 августа на заседании ЦК партии, в присутствии Пред. ЦК Япон-Данзана, предсовмина Цэрэндоржа, главкома Данзана и начполитуправления МНА Жадамбы было постановлено передать Гос. внут. охрану Монголии в ведение пр-ва. На заседании главкомом Данзаном как инициатором поставленного вопроса на повестку дня был сделан доклад, что до сего времени ГВО эксплуатировали исключительно буряты и русские для их собственных целей в объединении вокруг последней лиц, совершенно чуждых монгольскому народу и его интересам. Выступление Данзана поддерживалось Япон-Данзаном, который в свою очередь коснулся вопроса о том, что ГВО под руководством иностранцев исключительно преследует цель гонения на желтую религию, которую они как последователи буддизма должны защищать и работать в укреплении таковой. В постановлении отмечено, что начальником ГВО должен быть монгол с русским инструктором.

20 августа постановление ЦК партии о передаче ГВО в ведении пр-ва рассматривалось Военным советом, где также принято: охрану передать в ведение пр-ва и организовать при последнем Особый отдел с институтом пограничных уполномоченных (погранпункты). Постановлением В. Совета[9] поручено Косичу выработать общий организационный план и также основные положения как самого отдела, так и погранпунктов. Особый отдел с институтом его уполномоченных должен остаться в распоряжении В. Совета. Какое последует постановление пр-ва – трудно пока предсказать.

ПП СССР в Монголии

Полпред т. Васильев в сущности мало уделяет внимания монгольскому вопросу и его работникам, работающим в невероятно трудных условиях в окружающей монгольской обстановке и действительности. Т. Васильев как член партии РКП(б) совершенно откололся и от самой партжизни, почему некоторые члены партии после того, как т. Васильев в течение шестимесячного проживания в Урге присутствовал всего лишь один раз на общегарнизонном собрании коммунистов, вынуждены были обратиться к общему собранию, чтобы последнее воздействовало на т. Васильева чисто товарищеским путем.

Одним из активнейших участников этого выступления являлся член Бюро Ургинской организации т. Беляев[10], который занимал должность инструктора Политуправления МНА. Спустя неделю после общего собрания наштаглавом тов. Косичем была послана телеграмма в Управление штаба РККА об отзыве по настоянию полпреда т. Беляева как несоответствующего своему назначению. До получения ответа на телеграмму Косичем было отдано распоряжение Беляеву сдать все дела и выехать в СССР без заместителя, и когда т. Беляев обратился к полпреду Васильеву, получил такой же приказ несмотря на его просьбу оставить его только до приезда заместителя. Дела и должность инструктора Беляевым были сданы н-ку Политуправления монголу Жадамбе[11] (прилагаю рапорт Беляева, который состоял у меня осведомителем, и телеграмму Косича).

В данное время весь инструкторский состав МНА настроен не в пользу общего дела, а стремятся как бы скорее выехать в СССР.

Уполномоченный Бошкин

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 206–208об. Заверенная копия.

№ 30
Из Оперативно-разведывательной сводки Отдела пограничной охраны ОГПУ за июнь 1924 г.

№ 368721 30 августа 1924 г.
г. Москва Совершенно секретно

Монголия

Данные ЧПО Сибири № 7060 и ДВО № 1210

О погранохране Монголии

В дополнение к сводке № 366642 от 22 июля с. г. установлено, что 4-й кавполк, стоящий на охране границы Монголии, состоит из мобилизованных солдат Кобдовского округа[1]; комсостав полка состоит из членов МНРП (Монгольская Народно-революцион. партия).

В г. Кобдо при штабе полка находится один эскадрон в составе 150 сабель, остальной состав полка находится на охране границы с Китаем и СССР.

Данные ЧПО ДВО

Вся погранохрана Монголии на границе с ДВО состоит из одного див[изио]на кавалерии, стоящего в г. Алтан-Булак. Дивизион только что сформирован из быв. монгольского эскадрона. Состав див-на[2] 2-х эскадронный: один из них конный, один пеший. Штат див-на 241 челов. Командир див-на русский, быв. командир красного пех. полка Сазонов[3]. В составе див-на 60 человек старослужащих, остальные вновь набранные. Дивизион расположен в городе на казарменном положении. Обмундирован дивизион в русское обмундирование полностью, головные же уборы – шапки-монголки. Вооружение: часть винтовок японские, часть русского образца. Снаряжение дивизион имеет неполное. Конского состава имеется 240, т. е. вдвое больше штатного состава. Фуража ниоткуда не получают и лошади довольствуются подножным кормом. Боевой силы этот отряд из себя не представляет. Военный строй, владение оружием, а также дисциплина у цириков[4] дивизиона слабы. Граница охраняется плохо: едущие с нашей стороны не задерживаются, пропуска не проверяются.

Посты со стороны Монголии расставлены следующим образом: вокруг Алтан-Булака расположено шесть постов. Вдоль границы же имеется лишь три поста: против нашего погранпоста Б. Будара[5], против Букулей (в 15 км от Букулея) и еще пост дальше по границе, место не указ[ано].

Врид Начальника части по Б/Кб ОПО Бабкевич[6]

Вр. уполномоченный ОПО Динариев

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 207–246. Машинописная копия.

№ 31
Письмо заведующего отделом Дальнего Востока НКИД СССР Б. Н. Мельникова[1] Полпреду СССР в Монголии А. Н. Васильеву

№ 302/с
г. Москва

10 сентября 1924 г.
Секретно

г. [Улан-Батор]
Полпреду СССР в Монголии
тов. Васильеву

Уважаемый товарищ,

В связи с прибытием Чрезполпреда тов. Давтяна[2] из Урянхая мы получили в настоящее время целый ряд данных, которые, вопреки Вашим пред[поло]жениям об отсутствии какого-либо активного участия со стороны монгольского правительства в деле подготовки и организации восстания на Кемчике таковое ясно подтверждают. Прежде всего, нужно отметить, что монгольское правительство, считая Урянхайский край неотъемлемой частью монгольской территории, отказывалось вступать в какие-либо переговоры с Танну-Тувинским правительством[3], называя его не иначе, как только «наши урянхайские власти».

Многочисленные письма Танну-Тувинского правительства в Ургу о присылке представителей для урегулирования взаимоотношений, а также и по отдельным вопросам оставались большей частью без всякого ответа. Одновременно с тем монгольское правительство и кобдоские местные власти[4] посылали в отдельные хошуны по различным вопросам всякие циркулярные распоряжения, минуя центральное правительство Танну-Тувы. Вместе с тем, западно-монгольские власти и особенно кобдоский сайд[5] вели вначале подпольную, а затем явную уже работу против тувинского правительства, подготовляя общественное мнение в пользу присоединения к Монголии. В этой работе монгольские власти опирались на богачей, быв. чиновников и лам, недовольных налоговой и законодательной работой тувинского правительства, лишившей их привилегий и направленной в защиту интересов бедняцких и середняцких масс. Монголы интригуют в стремлении сепаратно разрешить урянхайский вопрос[6] и поставить СССР перед свершившимся фактом, посылают многочисленных эмиссаров, всякие письма, якобы от имени «всего народа» того или иного хошуна и, в первую очередь, Кемчикского, в которых «народ», жалуясь на притеснения правительства, просит присоединить Урянхай к Монголии.

Ряд документов, которые это подтверждают, являющиеся творчеством агентов кобдоского сайда и монгольских властей, что должен был признать и сам Максаржав[7], будут Вам досланы со следующей почтой. С начала восстания Кобдоский сайд командировал туда своего представителя, вначале Сандага[8], а затем Батарху мерина[9]. Последний фактически официально руководил всеми делами Кемчикского хошуна до самого дня разоружения восставших на Кемчике смешанной Комиссией из представителей обоих Полпредов и тувинского правительства. Батарху Мерин действует на Кемчике единолично, являясь там полным хозяином, задержи-

вает исполнение[м] правительственные письма хошунным властям и дает на них сам официальные ответы. Из пребывания своего в Урянхае и переговоров с т. Давтян, Максаржав, очевидно, вынес твердое убеждение, что СССР не допустит никаких сепаратных действий со стороны Монголии в Урянхайском вопросе. Максаржав обещал тов. Давтяну призвать к порядку западно-монгольские власти и отозвать кобдоского сайда.

Таким образом, монг. чиновники и особенно кобдоский сайд сыграли активнейшую роль в деле организации и поддержки восстания на Кемчике и руководства действиями повстанцев. Использовав недовольство реакционных элементов населения деятельностью правительства, монгольские чиновники фабрикуют от имени народа ряд писем с жалобами на правительство в форме политических деклараций и посылают их в Ургу и Кобдо в подтверждение наличия воли со стороны самого тувинского народа к присоединению Урянхая к Монголии. Однако если просмотреть протоколы всех съездов, на которых при том всегда руководящую роль играли представители из Кемчика, то можно убедиться, насколько упомянутые письма и декларации, сфабрикованные самими монгольскими чиновниками или [с] их деятельным участием, не выявляют действительных настроений и желаний тувинского народа. Характерно отметить поведение Максаржава в отношении тувинского правительства по прибытии его в гор. Красный. Максаржав, непримиримо настроенный по отношению к тувинскому правительству, настаивал в беседе с т. Давтян, на вызове через голову правительства представителей всех хошунов для выслуш[ив]ания не только их жалоб, но и мнения относительно присоединения Урянхая к Монголии и предлагал провести ликвидацию восстания путем разоружения обеих сторон – и повстанцев, и правительства. Максаржав абсолютно игнорировал правительство, не желая нанести ему даже визита и выжидая, наоборот, визита членов правительства к себе как к начальству. Во время неоднократных бесед с Максаржавом и совещаний с правительством т. Давтян и правительство указывали Максаржаву на недопустимое поведение монгольских чиновников кобдоского сайда. Максаржав в результате не мог не признать действия Батарху Мерина, не в меру перестаравшегося представителя Кобдоского сайда, «неподходящими», и подтвердил об этом как в письме к т. Давтяну 27 июля, так и последующим арестом Батарху Мерина и отправкой его под конвоем для наказания в Ургу. Танну-Тувинское правительство на совместном совещании с представителями СССР и Монголии приводило целый ряд убедительных фактов грубого вмешательства властей Зап. Монголии во внутренние дела Танну-Тувы и полного игнорирования ими интересов тувинского народа.

12 августа в г. Красный съехалась масса представителей со всех хошунов. В течение следующих двух дней т. Давтян и Максаржав совместно с Танну-Тувинским правительством имели длительные совещания с представителями с мест. На этих совещаниях был сделан ряд разъяснений и заявлений, а также принят ряд решений, которые, очевидно, Вам уже стали известными, т.к. тов. Чичаев[10] передал уже Вам протоколы этих совещаний. В общем, представители с мест разъехались успокоенные и удовлетворенные. Перед отъездом т. Давтяна и Максаржава они оба обратились ко всему тувинскому народу с совместной декларацией, имеющей характер серьезного политического акта. Максаржав в этом обращении <…>[11] открыто неос-

новательным рядом жалоб, выдвигавшихся в монгольской фабрикации кемчикскими повстанцами, а также недовольными правительством из других хошунов, как то: о преследованиях религии, об узурпировании русскими советниками при тувинском правительстве власти и незакономерных их действиях, о принуждении правительством отдавать девочек в школу (Максаржав заявил о целесообразности учиться и девочкам), о раздаче правительством земли иностранцам в ущерб населению и о неправильных действиях смешанного русско-тувинского отряда на Кемчике[12] (Максаржав подчеркнул, что отряд мирных жителей не обижал и действовал в боевой обстановке, и исключающий обвинения его в несправедливом обстреле Хурэ[13] и ранении [и] убийстве нескольких лиц). По вопросу о присоединении Урянхая к Монголии обращение фиксирует точно дальнейшее поведение монг. правительства, обязывающего вопрос этот решить непосредственно с правительством СССР на базисе невмешательства обоих правительств во внутренние дела тувинского народа и решения вопроса в согласии с истинными его желаниями. Мирная ликвидация восстания, совместное обращение через полпредов СССР и Монголии к населению и обещание Максаржава призвать к порядку власти Зап. Монголии будут в дальнейшем, как это правильно отмечает т. Давтян, способствовать спокойной работе Танну-Тувинского правительства, и новых осложнений, подобно кемчикским произойти не должно, если, конечно, деятельность правительства будет правильно направляться нашими советниками и консулом в Урянхае, и если колония[14] установит правильные взаимоотношения с тувинским населением и его правительством.

Вот те краткие обобщающие данные, которые по ознакомлении [с] докладом и материалами, представленными т. Давтян, я счел необходимым сообщить в этом письме в подтверждение того основного момента, что монгольское правительство отнюдь не было в стороне от события на Кемчике, а, напротив, в лице Кобдоского сайда, было активным вдохновителем и руководителем компании за присоединение Урянхая к Монголии и восстания на Кемчике. Как я уже сказал выше, соответствующие документы в подтверждение здесь изложенного будут Вам со следующей почтой досланы.

Мы от Вас не получили точных и подробных данных о положении в Монголии, если не считать Вашу шифровку, в которой кратко изложена история ареста и расстрела Данзана[15]. Но кроме этого факта, нам сейчас нужен хороший и точный анализ положения в Монгольской Нарревпартии, анализ положения вообще в Монголии, перспективы Монголии в связи с предстоящими их непосредственными переговорами с китайцами и проч.

Нужен точный учет положения Ринчино в связи с последними событиями[16]. Как бы не получилось из Ринчино, устранившего всех своих противников, скомпрометировавшего Буяннэмэха[17], второго Данзана[18], конечно, с своеобразным уклоном. Во всяком случае, такого обстоятельства нужно всегда бояться и нужно иметь в лице Наревпартии и особенно Комсомола[19] общую революционную базу.

Ваши соображения по этим вопросам прошу с первой же почтой прислать нам.

С Компривetом, Мельников

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 99–103.

№ 32
Оперативное задание советскому резиденту в Монголии по вопросу о ситуации в монгольском правительстве

ИНО ОГПУ
№ 12/РВТ

24 октября 1924 г.
Совершенно секретно

Уважаемый товарищ В.!

Копия: Начальнику Облотдела ОГПУ БМАССР тов. Абрамову

Из материалов, имеющихся в распоряжении КРО ПП ОГПУ, видно, что в монгольском правительстве происходит борьба монгольско-китайского и бурятского влияния и нет равновесия в работе правительства в результате антисоветской линии поведения бывшего Главкома Данзана[1] и Пред. ЦК Япон-Данзана[2].

Ввиду абсолютной необходимости иметь самое точное представление о работе монгольского правительства срочно дайте сведения следующего характера:

1) Вышлите подробный доклад о политическом положении Монголии, дав анализ всей работе монгольского правительства по всем линиям, как то: политической, экономической, военной и т. д., указав все имеющие к тому быть предпосылки в прошлом, настоящем и, по мере возможности, выскажите свои предположения об изменении положения Монголии в будущем; 2) Дайте полные данные о Монгольской народной партии по ее основной работе – политической линии; и 3) Детально осветите положение шабинского духовного ведомства[3], Государственной внутренней охраны и работу ПП СССР в Монголии тов. Васильева.

С товарищеским приветом!

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д 141. Т. 2. Л. 53. Машинописная копия.

№ 33
Из Оперативно-разведывательной сводки Отдела погранохраны ОГПУ за август 1924 г.

№ 372262
г. Москва

22 ноября 1924 г.
Совершенно секретно

Монголия

О погранохране Монголии

Данные ЧПО Киркрая № 16216,
ЧПО Сиб. № 10853
и ЧПО ДВО № 1765

В дополнение к сводке ОПО № 36872 от 30 августа с. г., подтверждаются сведения об охране границ Монголии 4-м кавполком.

Связь между постами исключительно конная. Телефоном связан лишь Штаб Погранохраны с Центром в Урге.

Служба Погранохраны несется применительно к нашему уставу гарнизонной службы. Цирики (солдаты) стоят на посту по 2 часа. На отдаленные посты цирики посылаются на целый месяц и лишь по истечении этого срока сменяются.

Расположение Погранохраны Монголии следующее:

По границе с СССР:

1) в вершине местности Ташанта[1] (57 км от нашей границы) располагается пост в 10 человек;

2) в местности Кемчик[2] и Алаш[3] находится по одному пограничному чиновнику, причем они в своем распоряжении солдат не имеют, а располагают прикрепленными к ним 67 местными жителями, вооруженными винтовками. Цель этих постов – взимание таможенных пошлин и проверка документов.

На охране границы с Китаем:

1) в местности Делюнь[4] (не ориентировано) – 200 чел.

2) в г. Кобдо – 240 чел.

3) в Булугуне[5] – 40 чел.

Строевые занятия в 4-м кавполку производятся ежедневно в течении четырех часов по русскому кавалерийскому уставу. Настроение в полку хорошее, но солдаты немного недовольны трехгодичным сроком службы, считая таковой обременительным. Отбывание воинской повинности проходится в порядке разверстки, но в армию попадают преимущественно бедняки, так как зажиточное население откупается от военной службы.

<…>

Военные мероприятия в погранполосе и глубоком тылу

Отмечается продвижение монгольского отряда численностью в 30 000 человек на Шара-Сумэ[6] – Урумчи с целью занять Алтайский округ[7]. Китвласти организуют сопротивление: мобилизуют местных золотоискателей и приводят в боевую готовность посты на протяжении всей границы.

29 августа в Шара-Сумэ вступила разведка монгольского отряда в числе 100 человек. Главные же силы отряда расположились вблизи от Шара-Сумэ в ожидании результатов переговоров, ведущихся между монголами и китайцами.

Вражда Монголии с Синьцзянской провинцией, в состав которой входит Алтайский округ, вызывается следующими обстоятельствами:

Монголия имеет историческое притязание на Алтайский окр[уг], простирающийся от Черного Иртыша до хребта Саур Монгольского Алтая. В свое время Пекинским правительством этот вопрос был разрешен для Монголии в положительном смысле, но Синьцзяньский губернатор не подчинялся этому решению и оставил Алтайский округ в составе провинции.

Намерению монгольского правительства захватить Алтайский округ силою оружия способствует еще и то обстоятельство, что в этом округе живет около 28 000 калмыков, хорошо вооруженных и стремящихся к объединению Монголии.

Начальник Отдела погранохраны ОГПУ Ольский[8]

Начальник части по охране границ Бабкевич

ЦА ФСБ России. Ф. (8)2. Оп. (8)2. Порядк. № 38. Д. 29. Л. 369–370. Подлинник.

№ 34
Письмо Э.-Д. Ринчино[1] Полномочному представителю СССР в Монголии А. Н. Васильеву

№ 25085 г. Москва 13 января 1925 г.
Совершенно секретно

г. Москва
тов. Волленбергу[2]

Служебная записка

При сем препровождается Вам для использования копия письма члена ЦК Монгольской Нарревпартии Ринчино на имя т. Васильева, а также копия заявления Ринчино в Буробком РКП[3].

По использовании материал просьба вернуть обратно в ИНО.

Приложение: упомянутое.

Нач. ИНО ОГПУ Трилиссер[4]

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 111. Подлинник.

Приложение

Алексей Николаевич,

Сегодня еду в Ургу. С бурработниками[5] как будто удалось столковаться. Не дают только Лаврова[6]. А одного Амагаева[7] для экономического переворота в Монголии как будто будет жидковато. Нужен спец. И здесь надежда на Вас. Буду просить Вас провести ту комбинацию, о которой мы говорили в Урге и дорогой. Это крайне необходимо.

Прилагаю при сем свое заявление в Буробком. По этому заявлению я имел довольно длительную беседу с бурработниками. Из русских работников говорил с Абрамовым. В принципе, как будто все согласны. Теперь Ваше мнение. Если Вы согласны, конечно, Вы сделаете соответствующие выводы, т. е. тезисы заявления проведете через НКИД и т. д. Если найдете возможным, передайте т. Чичерину мою формулу: «Нужно поскорее вернуть Урянхай Монголии, чтобы через 5 – 6 лет получить всю Монголию»[8]. Интересно, что он скажет. Наверное, скажет: «Это происки панмонголистов…». Ну, и бог с ним. Будем судить по результатам: кто и что.

Теперь о бурятских делах. Был дня четыре в провинции. Выезжал за 250 верст от Верхнеудинска. Видел массу народа: коммунистов, комсомольцев, буддийских тихоновцев[9], живоцерковников[10], аратов, кулаков, интеллигентов. Устраивал собеседования со всеми. Читал даже доклад о Монголии на одном собрании комсомольцев и беспартийных аратов. Массы – араты встречали как какого-то мессию. Чему не мало подивился. Не знал, что мои фонды так высоко стоят в Бурятии. Из всей поездки, так сказать, некоторого обследования одного из центральных и типичных районов, я получил почти полное подтверждение тех опасений, о которых говорил Вам. Вот краткая формулировка моих наблюдений:

1. Хозяйство бурят (скотоводческое, без подъема земледелия) быстро идет к разрушению. После Гражданской войны, засух и голодовки последних лет населению не дано передышки. Слезные жалобы на тяжесть налогов.

2. Власть на местах построена на комсомольцах и выходцах из Иркутской губ., которые, т. е. последние, совершенно обруселый элемент, не знают родного языка, местных обычаев, народной психологии. Комсомольцы же в массе политически почти безграмотны: массовый опрос в одной ячейке (хоти-шибарской)[11] показал мне, что члены ячейки в отношении политического развития ниже наших цириков, никакого адм. опыта, никакого твердого и постоянного руководства с верхов, полное отсутствие литературы на родном языке при поголовной безграмотности по-русски, никаких ясных и определенных директив по вопросам местной жизни, антирелигиозной пропаганды и т. д. Это заявление самих комсомольцев и местного населения (Хоти-шибар Эгентуй Джарю Лантуй[12]). Взрослое население, трудовые массы, совершенно не охвачены партвлиянием[13] – отсюда диктатура «мальчиков». Представьте себе, что получается на местах, население волком воет.

Благодаря отсутствию контроля и руководства сверху в комсомол проникают под маркой бедноты степной люмпениат, карьеристы, авантюристы и всякая сволочь, т. е. происходит обрастание власти безответственными элементами, т. е. то, что происходило в Туркестане и Кавказе в 1919–21 гг.

3. Отношение на местах к туз[емной] интеллигенции и беспартийным массам самое бестактное и грубое: почти везде и всюду царит метод административного воздействия, а не политического влияния. Между тем, отношение масс в принципе к сов. власти и партии самое лучшее. Даже буддийские тихоновцы говорили мне: «Принципы новой власти таковы, что мы не можем найти в своих книгах никаких возражений против нее - принципы этой власти взяты у нашего учителя всесовершеннейшего Будды...» Всюду и везде лейтмотив: «Все хорошо, все нужно делать так, как говорит партия, но исполнители... Таких нам не надо…» Один рядовой мужичок-бурят (бедняк) закатил мне целую сцену: «Мы думали, что солнце восходит для нас. Что наконец-то настанут для нас счастливые годы... Что же вышло? Напустили на нас злых кусачих собачек. Спасите нас. Нет возможности терпеть. Вы, и друг. говорили нам о великих днях, грядущем счастье для нас, бедных, что же у нас выходит?..». Это был вопль души, глубоко тоскующей о правде, справедливости. Мне стало больно и стыдно перед этим лукаво не мудрящим человеком. Я его всячески утешал, предлагал войти в партию, говорил, что скоро [все] изменится к лучшему. Он посмотрел на меня и посадил меня в лужу: «Как же пойдем в партию, когда Вы стоите вне партии...». Я вывернулся тем, что указал, что состою в Нарпартии[14], которая состоит в Коминтерне...

Массы жалуются на Ербанова[15] и других вождей, говоря, «что они не ездят к ним, не говорят с ними о их нуждах так просто и доступно, как это Вы делали раньше и делаете теперь...» Или: «Мы боимся говорить с властями, нас так стращают ГПУ...» Причем почти все разговаривавшие со мною при таких разговорах оглядывались на дверь. Не идут ли власти. Так было в 1919–20 гг. при семеновском терроре[16].

Лояльные беспартийные элементы почти как правило не привлекаются к властям

4. В религиозном вопросе допущен ряд серьезных ошибок. Прежде всего, не были приняты меры предварительного укрепления партвлияния на массы и изоляции ламства от масс, и нанесен по ламству ряд грубых и прямых ударов, которые

пришлись не столько ламству, сколько на массы. На местах антирелигиозная пропаганда находится в руках неопытной молодежи, отсюда разные ляпсусы и скандалы, отзвуки которых залетают к нам в Монголию.

Живоцерковники в своих методах борьбы берут пример с молодежи и усиленно подчеркивают то обстоятельство, что якобы власть их поддерживает; в самом деле комсомольцы поддерживают их активно. Живоцерковники, будучи политически безграмотными, допускают ряд ляпсусов и несообразностей.

5. Все изложенное в целом дает в массах следующее: тягу массовой эмиграции в Монголию, сепаратизм в сторону Читы и развитие религиозного фанатизма.

Автомобиль подан. Кончаю. Жду в Урге.

Ваш Ричино[17]
24 октября 1924 г.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 112–114. Заверенная копия.

№ 35
Информационное сообщение полномочного представителя ОГПУ по Дальнему Востоку А. П. Альпова[1] о ГВО Монголии

б/н
г. Хабаровск

15 января 1925 г.
Секретно

г. Москва
Зам. пред. ОГПУ т. Менжинскому[2]

ГВО в Монголии и организация при ней отряда

Положение в Монголии, которую мы некоторым образом обслуживаем, с одной стороны, укрепляется внутри, с другой, осложняется извне. Все усиливающиеся по прессе и аген[турным] данным империалистические домогания на Монголию возможно создадут положение если не открытого похода на нее китайцев, то попытки через монгольских князей сделать переворот изнутри.

Мне сейчас удалось в значительной степени утвердить свое влияние в ГВО (Государственная внутренняя охрана) посылкой группы работников, которая заняла там почти все командные высоты. И теперь можно констатировать укрепление значения самого ГВО.

Моменты национальные, охрану суверенитета в деле организации ГВО сейчас как будто блюдем: выставляем бурят, русских делаем вторыми лицами, сношения негласны и т. д. Уклоны к «великодержавию» все-таки кое-какие еще не изжиты, но боремся с ними.

Теперь поднимается вопрос, чтоб организовать при ГВО свой отряд, ибо у него нет никакой своей физической силы. Цирики (солдаты) войск воспитываются своеобразно и на них далеко не всегда можно рассчитывать, кроме того, их мало сравнительно.

Предварительная подработка вопроса указала, что Монголправительство эту мысль поддержит, денег даст, почва для организации особо надежного отряда найдется среди Союза молодежи.

Таким образом, я целиком поддерживаю эту мысль и полагаю для начала организовать эскадрон 100 сабель. Инструкторов и оружие могу найти у себя. Военвед[3] оружие продавал (между прочим, по ценам втрое дороже иностранного и никуда негодного по качеству), думаю, что нам 100 штук винтовок можно дать бесплатно. Это очень поднимает авторитет нашего инструктора (ГВО) т. Радецкого[4] и немного сгладит нехорошее впечатление от покупки оружия у военведа.

Ходатайствую о разрешении мне провести в жизнь указанное (если можно по телеграфу).

ПП ОГПУ ДВО Альпов

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 117–118. Подлинник.

№ 36
Информационное сообщение ВО ОГПУ о Монголии

Вх. № 25381/4 7 февраля 1925 г.
Секретно

Служебная записка

Начальнику ИНО ОГПУ

При сем препровождается для сведения копия донесения из Монголии от 22 декабря 1924 г.

Приложение: упомянутое.

Зам. нач. ВО ОГПУ Волленберг
Нач. II отделения Дьяков[1]

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 119. Подлинник.

Приложение

Внешняя Халха-Монголия при активной поддержке великого Советского Союза освободившаяся в 1920 г.[2] из-под ига империалистического Китая и образовавшая свое самостоятельное государство, ныне в глазах остальных зависимых монгол принимает образец свободного существования, и к его помощи стремятся остальные монгольские зависимые от Китая среднеазиатские племена Внутренней Монголии, Барги и Синьцзянской провинции[3]. Все они, находящиеся на низких ступенях развития, не вышедшие еще из патриархально-родовых отношений и основывающиеся на примитивных формах скотоводческого хозяйства, задавленные все развивающейся китайской колонизацией, обремененные кабалой того же ростовщического капитала, постепенно лишающиеся своих насиженных мест, принуждены придти к мысли о необходимости активного противодействия ненавистной китайщине, и отсутствие опыта, сил и средств принуждает в первую очередь искать союзника и поддержку в лице родственной, рядом лежащей независимой Халхи-Монголии. Последние события, разыгравшиеся на границе Синьцзяна и Халхи, предложения со стороны Найман-вана[4], приезд группы Мерсэ[5], а также отчасти и Урянхо-Танну-Тувинские события[6] говорят об этом.

1. События на границе Халхи и Синьцзяна, которым слишком много в свое время было уделено внимания и освещение коих принимало иногда чрезвычайно уродливый и раздутый характер, разыгрались приблизительно в июле-августе с. г. Поводом, как ныне достоверно известно, послужил обстрел монгольского погрансъезда[7] в 12 чел. по дороге на перевал Урхогойт[8], что в 8 верстах от озера Даин-куль на границе между Синьцзянской провинцией и Монголией в отрогах Алтайского хребта. Такого рода стычки между китайской и монгольской погранчастями бывают очень часто, но на этот раз, в силу последующих событий они приняли более широкий характер. Штаб Кобдоского военного округа, исходя из того, что по дороге в Шара-сумэ (один из крупных западно-китайских центров) имеются китайские погранпосты, что китайские войска сгруппированы в районе Даин-куля по направлению к Шара-сумэ и что в местности Хамотай и Тойтыш в районе же Даин-куля имеется от 1000 чел. золотопромышленников, тех же большей частью вооруженных китайских солдат, решил для прикрытия пути к Даин-кулю через перевал Урхогайту, являющиеся самой кратчайшей дорогой в Шара-сумэ на территории Монголии, поставить кулак из полтора эскадронов при 4 пулеметах под командой начпогранучастка при русском инструкторе Шамине. В этот же момент был арестован китайский офицер Ян Шиджу с переводчиком дунганином, двумя киргизами и тремя сартами, причем выяснилось, что он был командирован Шара-Сумским Дцзянь-цзюнем[9] вручить письмо в Кобдо с требованием об очищении территории от Даин-куля до правого берега р. Кобдо и кроме того должен был выяснить и состояние монгольск. частей, расположенных в погранполосе Алтая.

Под этими же событиями состоялся съезд князей 4 урянхайских хошунов во главе с урянхайским да-ламой Шултумом[10] (местный светский и духовный глава, святой «гэгэн», перерожденец), на котором как будто бы решено ввести на территорию этих хошунов китайские войска. Опасаясь и предупреждая это, штаокр[11] послал эскадрон в устье р. Елты (резиденция да-ламы)[12] где последний и был арестован, а участники съезда оставлены на свободе. Резиденция да-ламы Шултума находится почти на самой границе, и находившийся вблизи китайский шань[13] с 7 солдатами, бросив все имущество, скрылся ночью в неизвестном направлении, а оставленное имущество было забрано эскадроном. Да-лама по переводе в Кобдо заявил, что он плохо знал новую монгольскую Нарпартию и пр-во, что он заблуждался и ныне принимает их сторону. Ввиду того, что он пользуется крупнейшим авторитетом во всех семи урянхайских хошунах и среди киргизов (3 хошуна управляются китайцами из Шара-сумэ, а четыре – монголами из Кобдо), он был из-под ареста под тайный надзор освобожден и назначен уполномоченным от этих всех семи урянхайских хошунов при сайд-ямыне (управление наместника округа)[14].

После этого все перевалы через Алтай, ведущие на территорию Монголии, были мончастями заняты и на этом пока все и закончилось.

Через непродолжительное после этого время из Урги прибыл в штаокр посланный в его распоряжение эскадрон, каковой и был послан на стоянку на границу в резиденцию да-ламы Шултума, а находившаяся там учебная команда отозвана в Кобдо. Командир указанного эскадрона монгобата и инструктор русский Буньков самочинно перешли границу на территории Торити-ван-хошуна[15], по р. Цаган-Гол взяли в плен находившегося там китайского шаня с двумя писарями, и одного пи-

саря как будто при попытке к бегству убили. Об этом было донесено [в] штаокр, и находившийся в то время там (в первых числах сентября) военмин Хатан-Баторван[16] приказал для выяснения создать комиссию в составе комиссара округа Дэмбэрэла[17], наштаокра Донина и начучкоманды[18], каковая и выяснила, что помимо указанного, Бато и Буньков разграбили мирное киргизское население, убили до 100 чел., из коих 70 женщин и детей, забрали все, что под руку попало и потом награбленное тут же распродали китайцам и разным людям. Киргизы же бежали от них на р. Урунгол. Бато и Буньков арестованы, а оставшееся имущество с соответствующим воззванием возвращено пострадавшим через их начальника, проживающего в Делюне. Указанные и разграбленные киргизы вели переговоры с Кобдо о переходе к монголам и хотели создать партизанские отряды, вместе с повстанцами-сартами из района Шара-сумэ двинуться дальше громить китайцев Синьцзяна. Ныне вместо друзей они превращены во врагов и поверят ли они после похода Бато и Бунькова заверениям монгол, покажет будущее.

Таким образом, стремление монгольских племен Синьцзяна к объединению с Халхой и антикитайскому выступлению здесь благодаря Бунькову и Ко получили пока что полный провал.

Что касается наличия во всех этих событиях приказа монгольского центра о наступлении на Китай, подписанного как будто премьер-министром Цэрэндоржем и главкомом Чойбалсаном, то в самом Кобдо действительно что-то вроде этого как будто было и действительно командующий кругом, наместник края выполнить этот приказ мотивируя невозможностью отказался. Здесь же, в самом центре, Цэрэндорж и Чойбалсан наличия такого приказа не признают, и он через штабарм не проводился. Здесь возможно, по-видимому, из двух одно: или в этот момент острой борьбы в самом центре, связанном с «данзаинадой»[19] Цэрэндорж и Чойбалсан действительно без согласования с кем-либо подписали этот приказ [и] самочинно отправили, или этот приказ на монгольском языке говорит об отступлении или о чем другом [и] доморощенными грамотеями Кобдо был переведен как приказ о наступлении. Во всяком случае, такой приказ быть не мог, и составление подлинника нам [позволит] выяснить все дело[20].

Местный синьцзянский китайский ду-дзюн[21] приказал закрыть монгольскую границу и никого не пропускать, почему торговая связь Кобдоского района и Синьцзяна ныне совершенно прекратилась. Кроме того, имеются данные о том, что в Синьцзянь из Индии недавно прилетел английский аэроплан с 40 чел. пассажиров, кои как будто никто иные как военные инструктора. Данные о Синьцзяне будут сообщены особо.

На этом Кобдоские события закончились и ныне, с закрытием южных переходов Алтая, до весны о столкновениях с Китаем речи быть не может. Также в какие формы выльется антикитайское движение местных киргизов, сартов и др. племен после этого, определить трудно.

2. В самый острый момент русско-китайских переговоров в конце октября с. г. были получены премьером Цэрэндоржем и предвоенсовета Ринчино письма от некоего Найман-вана из Калгана.

Последний, один из известных князей Внутренней Монголии, был одно время советником по монгольским делам при Чжан Цзолине, потом попал к пекинскому

правительству Цао Куня и пристроился к его монголо-тибетскому комитету. В общем, видимо, тип политиканствующего авантюриста, могущего быть у кого угодно, лишь бы платили. Вот этот Намайн-ван[22] по некоторым отрывочным сведениям из Пекина, был оттуда с большой помпой [с]наряжен в путь во Внутреннюю Монголию для организации монголо-китайских частей, причем ему даже дали специальный поезд и свиту. Прибыв в Калган, он и написал свои знаменитые письма Цэрэндоржу и Ринчино, в коих просил оказать содействие освобождению из-под китайского ига Внутренней Монголии (указанные добыть пока не удалось). Одно из этого же характера его писем, адресованное в Хайлар известному Цыден-Еши Цыдыпову[23] (Хаоцесский) попало в наши руки и при сем на русском и монгольском языках прилагается[24]. Судя по нему, Найман-ван считает необходимым использование момента гражданской войны в Китае для освобождения и объединении монгольских племен и к содействию в этом призывает Хаоцейского. Цэрэндорж и Ринчино, насколько нам известно, никаких ответов не дали и на этом вся Найман-вановщина замерла.

Сближая недавний приезд делегации Ордосского гэгэна[25] (об этом ранее писали), а также исходя из действительно крайне угнетенного состояния Внутренней Монголии, в коей усиленно проводится китайская колонизация, можно выступление Найман-вана расценивать как действительное стремление к освобождению последней, к борьбе с китайщиной, к объединению с Халхой в единое национально-революционное движение. Подходя же к нему с точки зрения данного момента, с анализа времени выступления и связывая его с другим аналогичным случаем явления, с другой стороны приходится приходить к несколько иным выводам. Об этом ниже.

3. В этот же самый момент получения писем Найман-вана, в Ургу прибыла делегация баргинской подпольной организации в составе Мерсэ и еще двух–трех дербетов. Мерсэ – известный баргинский деятель, студент пекинского университета, владеет английским, русским, китайским, монгольским языками и до сего времени проявлял себя везде и всюду: то он крутится с Чжан Цзолинем, то у пекинских министров, то у Фэн Юйсяна[26] (Чжан Цзолинь и Фэн Юйсян разные лица – первый ставленник Японии, а второй ныне ставленник первого, и они не могут быть спутаны как нам ранее сообщалось), то вращается в наших полпредских кругах, едет в Москву и т. д., так что его действительная политическая физиономия для нас пока чрезвычайно не ясна. От имени баргинской, вернее, дербетской организации Мерсэ предложил ЦК оказать содействие восстанию Барги против Китая и прислать туда для поддержки вооруженную силу. Мотивы те же, что и Найман-вана, т. е. использовать момент междоусобицы в Китае и освободить Баргу. ЦК была запрошена Москва и дан Мерсэ ответ, «что мы сейчас сил для посылки не имеем», а пока что вы там расширяйте и укрепляйте свои партячейки и готовьтесь к будущей серьезной работе. Так он ни с чем и уехал.

Здесь напрашивается сам собой вопрос о том, каким образом и почему эти два выступления Найман-вана и Мерсэ произошли одновременно. Почему они в мотивах и проч. носили почти во всем одинаковый программно-предначертанный характер и, наконец, почему они оба были сделаны в острый момент русско-китайских переговоров, в коих не последнее место отводилось и Монголии. Невольно

сам собой из этого напрашивается вывод о том, что не были ли они провокацией со стороны кулаков, заинтересованных в надлежащем исходе этих переговоров. Определенно говорить об этом ныне невозможно и последующее все разъяснит.

Во всяком случае, почти почва для национального движения в монгольских провинциях империалистического Китая имеется, о них говорит экономическое положение населения этих провинций Барги, Внутренней Монголии и Синьцзяна, о них говорят изложенные факты и остается только выяснить, в каких случаях они действительны и в каких случаях подтасованы соответствующими кругами борющихся в Китае сил[27].

Вопрос о дальнейшем развитии изложенного, а также и о взаимоотношениях с автономным Урянхаем, Танну-Тувой будет освещен в будущем по приискании надлежащих материалов.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 120–125. Машинописная копия.

№ 37
Сводка № 1 зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 15 февраля 1925 г.[1]

№ 2694 — 17 февраля 1925 г.
г. Ново-Николаевск — Серия «К»

Экземпляр № 1 ИНО ОГПУ
-//- № 2 КРО ОГПУ
-//- № 3 Облотдел ОГПУ АМБО
-//- № 4 ПП ОГПУ по ДВО
-//- № 5 ГО ОГПУ Семипалатинск
-//- № 6 -//- Красноярск.
-//- № 7 -//- Иркутск
-//- № 8 Комвойск СВО
-//- № 9 Секретарю Сибрайкома РКП (б)
-//- № 10 В делах КРО ПП ОГПУ по Сибири

Монголия

Сведения закордонной разведки, полученные 22 января с. г., говорят следующее о жизни города Урумчи.

Население состоит из китайцев, дунганов, сарт и до 5000 русских, часть которых принадлежит к быв. богатым колонистам-купцам и преимущественно – к беженцам из СССР, б/б офицерству[2]. Город представляет собой китайскую провинцию во главе с «корольком» провинции[3].

Из числа русских беженцев до 300 человек занимают должности, как-то: на телеграфе, телефоне, в таможне и т. д. Здесь же проживает б. атаман Анненков[4] вместе со своей семьей, одновременно состоя на службе в Главном Управлении провинции.

Ходят слухи, что якобы в Урумчи в 1924 г. приезжала делегация СССР, которая предъявила «корольку» провинции требование о выдаче СССР русских эмигрантов и б/б офицерства, но последний на это ответил отказом, сославшись на то, что про-

делать это ему не разрешает Англия, Франция, Америка и Япония, которые в этом вопросе имеют одну точку зрения. По тем же данным, в г. Урумчи теми же государствами установлен беспроволочный телеграф и что «королек» провинции уже в 3½[5] существует автономно от Пекина, совершенно не признавая последнего.

Гарнизон Урумчи состоит из китайцев и дунганов[6] (численность не выяснена), последние представляют собой хороших солдат, т. к. по установленным традициям не боятся смерти. Все же китайские и дунгановские части живут отдельно в силу того, что между ними существует национальный антагонизм. Вооружение гарнизона хорошее, состоит преимущественно из английских и японских винтовок.

Из района Шара-Сумэ конкретных сведений нет кроме циркулирующих среди местного населения слухов, что якобы все китайцы бежали, но причины этого бегства остаются неясными.

Из этого же района в Кобдоский округ проникают слухи, что якобы наши торговые организации торгуют не на средства государства, а «на награбленное большевиками-коммунистами».

По Кобдоскому округу имеются следующие сведения: на Всемонгольский съезд[7] в Ургу (происходивший в 1924 г.) от района Тулба[8] ездили 6 выборных делегатов, причем большинство из них было ламами. Всем им было выдано по японской винтовке и 50 шт. патрон, по окончании съезда им было выдано еще по 60 лан серебром. Возвращаясь со съезда, эти делегаты следовали уже не верхом, а на тележках (особая привилегия). При возвращении по местам эти делегаты стали заверять киргизское население (от которого они и были командированы на съезд), что с него в течение 3-х лет не будет браться никакого налога и что кочевать киргизы могут без всяких ограничений.

Распространяемые среди русских киргиз[9] Кош-Агачского района (Ойротская область) слухи о тяжести налогов проникают в Монголию через посредство возчиков монгол и киргиз, обслуживающих транспортом наши торговые организации.

В Монголии монгольскими старыми чиновниками и ламами провоцируются слухи о том, что Монголия якобы находится в подданстве СССР. Эти же лица говорят о том, что они «сейчас убежали бы в Китай и перешли в его подданство, если бы не боялись репрессий со стороны властей». Эта провокация все же дает некоторые результаты, т. к. зафиксировано несколько случаев одиночных побегов.

Недавно в Кобдо прибыла английская фирма (название не выяснено), с широким подбором ассортимента товаров и крупным наличием серебра. Отведенные консульством СССР этой фирме квартиры монголправительством якобы были отобраны, что свидетельствует о том, что монголправительство иметь дела с этой фирмой не хочет.

Вывод:

Эти сведения поступили из первоисточника и поэтому требуют проверки.

Зам. ПП ОГПУ по Сибири Бак[10]

Нач. КРО Валейко

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 23–25. Заверенная копия.

№ 38
Сводка № 2 зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 23 февраля 1925 г.[1]

№ 3152 25 февраля 1925 г.
Экз. № 1 – ИНО ОГПУ Серия «К»
– " – № 2 – ВО ОГПУ
– " – № 3 – ПП ОГПУ по ДВО
– " – № 4 – Облотдел ОГПУ АМБО
– " – № 5 – Комвойск
– " – № 6 – Облотдел ОГПУ Ойратский
– " – № 7 – Секретарю Сибкрайкома РКП(б)
– " – № 8 – ГО ОГПУ Красноярск
– " – № 9 – – " – Иркутский
– " – № 10} В делах КРО ПП
– " – № 11} ОГПУ по Сибири

Урянхай

За последнее время (после ликвидации Кемчикского восстания в 1924 г.[2]) в политической жизни Урянхая стал отмечаться ряд фактов, устанавливающих постепенно усиливающееся влияние Монголии.

Это обстоятельство следует рассматривать в тесной связи с посещением в 1924 г. Урянхая монгольской делегацией во главе с военмином Монголии Хатан-Батор-ваном, договорившимся с Танну-Тувинским правительством о командировании в г. Красный советников от монгольского правительства, с другой стороны – с переменой главы правительства, т. к. на смену Буян-Бадраху[3] пришел Нямжав[4], являвшийся фактически инициатором кемчикской авантюры.

Монголофильская политика Нямжава плюс руководимая Ургой работа монгольских советников привели к тому, что сейчас в области борьбы за политическое влияние на Урянхай мы терпим ряд неудач[5].

Прежде всего, подбор наших советников при Танну-Тувинском правительстве крайне неудачен, заменить же их на месте некем. К тому же, они оплачиваются за счет правительства, в то время как монгольские советники получают жалование из Урги, что дает в их руки лишний козырь при агитации за «бескорыстность» дружбы Монголии.

Монгольские советники свою работу ведут весьма тонко: на банкетах, при официальных разговорах и т. д. они всячески льстят СССР и Коминтерну, произносят[6] [в] их честь тосты «За ту великую роль, которую они сыграли в деле освобождения Монголии», но у себя, за кулисами правительства они ведут противоположную линию, говоря о том, что «только Монголия оказать может поддержку Урянхаю», в то время, как «Советский Союз втирает Урянхаю очки, фактически стремясь к закабалению тувинской свободы».

Характерно, что при старом председателе правительства Буян-Бадрахе работа монгольских советников протекала не таким энергичным темпом – последний она приобрела только по прибытии с Кемчика Нямжава.

Следующие факты характеризуют изменившееся к нам отношение Танну-Тувинского правительства:

1. 2/3 населения Урянхая прислали «письма», требующие присоединения к Монголии. Можно полагать, что этому предшествовала известная подготовительная работа. Танну-Тувинское правительство своего решения по этим письмам еще не вынесло.

2. Нашим торговым организациям Танну-Тувинское правительство предъявляет ряд требований, трудно удовлетворимых. В части торговой связи с нами правительство высказывается, что «нам Монголия ближе», в Монголию уже начинает вывозиться золото (вывезено более 2 пудов).

3. Танну-Тувинское правительство без участия наших советников, видимо, под давлением монгол, выработало новый таможенный[7] устав, тормозящий деятельность наших торговых организаций в Урянхае. Введена внутренняя пошлина, вывозная пошлина также увеличена, в том числе по отношению к золоту – на 20%.

Отделение Госторга[8] в Урянхае в телеграмме уполномоченному НКВТ 30 января сообщает: «Наше положение пошатнулось во всех областях».

Среди русской колонии наблюдается продолжающееся недовольство налоговым вопросом.

Прилагаемые к сводке материалы архива И. Сафьянова[9] (высланного в 1924 г. из Урянхая Исполкомом русской колонии), пользующегося среди части тувинцев и русской колонии большим авторитетом, хотя и отличаются[10] большой тенденциозностью и извращением некоторых фактов, все же могут служить иллюстрационным материалом [к] характеристике понимания известными группами тувинцев и русских нашей политической линии в Урянхае.

Примечание: Помещенные в настоящей сводке сведения получены частью по линии Уполномоченного НКВТ (от Урянхайского отделения) и нашим аппаратом в целом не проверены.

П/п зам. ПП ОГПУ Сибири Бак
Нач. КРО Валейко

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 169–171. Заверенная копия.

№ 39
Сводка № 2 зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 13 марта 1925 г.[1]

№ 4267 14 марта 1925 г.
г. Новониколаевск Серия «К»

1. ИНО ОГПУ
2. КРО ОГПУ
3. Облотдел ОГПУ АМБО[2]
4. ПП ОГПУ по ДВО
5. ГО ОГПУ – Семипалатинск
6. ГО ОГПУ – Красноярск
7. ГО ОГПУ – Иркутск
8. Комвойск
9. Секретарю Сибкрайкома РКП(б)
10. В делах КРО ПП ОГПУ

Монголия

По данным, Ойротского облотдела ОГПУ подтверждается получение командующим войсками Кобдоского военокруга от Высшего командования из Урги приказа о занятии Шара-Сумэ[3]. Причины невыполнения этого приказа следует отнести, по всей видимости, за счет китаефильских настроений комвойск[4], а также за счет того, что приказ был получен уже к концу [19]24 г., когда все проходы через Алтай были занесены снегом.

Вскоре комвойск Гомбочин[5] был отозван в Ургу, новый же комвойск Дэмбрэл[6] ничего в отношении осуществления приказа Урги не предпринимает.

Тот же источник указывает, что по данным штавойск[7] Кобдоского военного округа часть революционно настроенных сартов района Шара-Сумэ высылало в Кобдо свою делегацию с предложением монгольскому командованию своих услуг в деле занятия Шара-Сумэ и захвата находящегося там китайского гарнизона. В этом предложении делегации было отказано, взамен чего штавойск было предложено повести агитационно-организационную работу среди населения Шара-Сумэнского района, подготовляя его симпатии к Монголии.

Выводы

Сведения, касающиеся данной штавойск Кобдоского военокруга директивы о ведении подготовительной работы в районе Шара-Сумэ, требуют подтверждения.

Зам. ПП ОГПУ по Сибири Бак

Нач. КРО Валейко

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 35. Заверенная копия.

№ 40
Письмо начальника областного отдела ОГПУ Бурят-Монгольской АССР В. А. Абрамова Полпреду ОГПУ по Дальнему Востоку А. П. Альпову с отчетом о командировке в Монголию для проверки работы российской резидентуры

б/н 21 марта 1925 г.

Уважаемый тов. Альпов!

Моя поездка в Ургу, согласно Вашему предписанию преследовала в основном две цели:

1) Ознакомление с работой т. Радецкого[1] и его инструктирования в духе вашего предписания и

2) Установление моментов размычки между нами и Монголией.

Зная заранее ургинскую обстановку в связи с происходившей там борьбой между Ринчино и Рыскуловым, я, как Вы знаете, откладывал поездку, ожидая приезда Васильева[2] из Москвы, дабы иметь третью нейтральную силу, которая бы избавила меня от необходимости иметь наружную видимую для постороннего глаза связь с Рыскуловым и тем самым оградить себя от зачисления в лагерь Рыскулова.

Затянувшийся приезд Васильева из Москвы понудил меня выехать в Ургу, не дождавшись его приезда. С самого начала, едучи в Ургу, я поставил себе целью удержаться в рамках полной лояльности к борьбе борющихся групп. Эта необхо-

димость диктовалась как моим ведомственным официальным положением, так и моим партийным. В то же время я полагал свое ведомственное и партийное положение до максимума использовать в деле укрепления и налаживания работы нашей резидентуры[3]. Успел ли я в первом и во втором, Вы увидите ниже.

Из прилагаемого при сем акта обследования работы нашей резидентуры и состояния ее аппарата устанавливается фактическое отсутствие таковой и такового, несмотря на тысячу почти легальных возможностей для ее работы. Полагая, что мой акт обследования, как и прилагаемые к нему материалы дают ясное представление о состоянии резидентуры [в] Монголии, я не буду повторяться в настоящем письме и останавливаться на тех местах, которые отмечены в акте и более или менее ясны. Более подробно остановлюсь на том плане организационной структуры нашего аппарата в Урге, каким он мне представляется.

Я полагаю, что одним из основных упущений нашего ведомства в части монгольской работы является недостаточная оценка узаконенного монгольским правительством положения, при котором ведомству ОГПУ предоставляется право осуществления инструктажа[2] Государственной внутренней охраны Монголии. Недооценка этого положения привела к тому, что до последнего времени взгляд нашего ведомства на русский инструктаж при ГВО сводился просто к взгляду на него, как на легальную форму, прикрывающую нашу резидентуру. Не отрицая удобности [и] приемлемость для успеха нашей работы прикрытия резидента званием инструктора ГВО, по-моему, в то же время нельзя было забывать и опускать из виду и ту ответственность, как юридическую, так и моральную, которая ложится на ведомство ОГПУ за аппарат ГВО. Но это не главное, а главное в следующем: нами не использованы возможности, стоя фактически во главе ГВО, осуществить свое влияние, как в ЦК Нарревпартии, так и в Монправительстве. Недостаточно были оценены нашим ведомством и те возможности, и перспективы, которые предоставляет и открывает Урга в части распространения работы на Китай, Тибет, Индию, с которыми Урга связана исторически, географически, политически, а с Китаем к тому же и экономически. Вышеупомянутые недооценки сказались и на подборе работников, посылаемых для работы в Монголию, и на ограниченности требований, которые к ним предъявлялись. Переходя к конкретным предложениям по вопросу организационного построения нашего аппарата [в] Монголии, первое, что я предложил бы – это юридически уравнять нашего официального работника, работающего при ГВО, с остальными русскими работниками, работающими в Монголии на правах наших наркоматских представителей при отдельных монгольских министерствах. Т. е. я полагаю необходимым учреждение должности советника при Монправительстве по делам охраны республики. Это необходимо как для поднятия авторитета нашего работника, выделяя его тем самым из сотни инструкторов, наводняющих Монголию, так и дать возможность этому работнику вращаться в монгольских правительственных кругах. Это первое положение, от которого я ставлю в зависимость полноту успеха нашей работы, нашего влияния в Монголии и из Монголии. Само собой разумеется, что при разрешении данного положения в утвердительном смысле потребуется и соответствующий подбор работников с опытом и знаниями, понятно, гораздо большими, чем это требовалось от работников, посылаемых в Монголию до сих пор. Тут же нужно сказать, что как неопровержимая истина

должно быть фиксировано следующее положение: работники в Монголии по линии ГПУ, по крайней мере, весь низовой аппарат должен комплектоваться по возможности из выдержанных партийцев из среды бурят и калмыков. Нужно раз [и] навсегда отказаться от посылки в Ургу для работы русских работников, да еще особистов, поскольку таковые работники большей частью не прививаются даже в национальных областях Советского Союза, а в Монголии же они наносят видимый вред даже политике Коминтерна, осуществляя своим представительством казенную форму и не давая зачастую ничего для ведомства ОГПУ по своему содержанию работы. Следующее положение, которое я бы выдвинул – это сделать Ургу той резиденцией, из которой ведомство ОГПУ, пользуясь почти легальными возможностями, могло направлять бы работу в сторону ближайшего к Монголии Китая, Тибета и Индии. Говоря по этому поводу с Васильевым, я встретил такую же точку зрения, причем Васильев сказал, что в части укрепления представительства ОГПУ [в] Монголии [в] Монправительстве особых возражений не будет.

Ясно, что если бы все данные положения прошли бы, то говорить отдельно о резидентуре как таковой не пришлось бы, а пришлось бы говорить о другом – это о подчинении проектируемому мной советнику всех розыскных органов, работающих от ОГПУ [в] Монголии, как например РО монгольской армии[4]. Вот общая принципиальная постановка, выдвигаемая мной.

Теперь к частностям, а также истории и результатам моего месячного невольного сидения в Урге.

Одной из частностей в настоящий момент является укрепление наших достижений [в] Монголии – это проект организации погранчастей ГВО.

Совершенно не прав был Радецкий, когда он присваивал себе инициативу организации этих частей. Мне удалось установить с очевидной ясностью, что не только у Радецкого никогда не рождалось этой инициативы, но когда она была порождена другими, то он не сумел ее претворить в жизнь по крайней мере до моего приезда. Мысль о создании погранчастей родилась в Военном совете МНА после настояния Москвы о сокращении полевых частей монгольской армии, чем самым военное министерство должно было отказаться [от] осуществления охраны границ полевыми частями, что и было им проведено через Великий Хурулдан. Мой взгляд на погранчасти Монголии более или менее подробно изложен в прилагаемом при сем моем письме к Васильеву[5]. В основном я преследовал бы пока на первое время под видом пограничного русского инструктажа иметь надежный аппарат на границах Внутренней – Внешней Монголии и Китая. Отсутствие у Радецкого какого-либо элементарного представления об организации погранчастей, страшно нелепый план и проведенное им положение о Военном-пограничном отделе ГВО побудило меня вызвать в Ургу моего помощника по погранчастям для проработки вопроса на месте и выработки плана (материалы при сем прилагаю)[6]. По вопросу о погранчастях я более или менее откровенно говорил с Рыскуловым и Васильевым и Косичем и в общей форме с Ринчино, который в присутствии Радецкого заявил, что он не мнит иного построения погранчастей, как по принципу русских погранвойск, причем также считает, что для их обучения и воспитания нужен специальный пограничный русский инструктаж. В дальнейшем не представлялась возможность закрепить в окончательной форме вопрос об организации погранчастей и о пригла-

шении русского инструктажа, если бы не ревность Рыскулова и его нетерпимость и страхи, что все приезжающие в Ургу работники специально едут за тем, чтобы быть или с Рыскуловым, или против него (об этом я буду говорить дальше). Уезжая из Урги, мне пришлось ограничиться только тем, что я просил Косича провести этот вопрос, обещая представить его [к] почетному чекистскому знаку (чего Косич очень хочет и чего, по-моему, ему давать нельзя). 2-й частностью, упоминаемой мной в акте обследования – это вопрос об отношениях Радецкого к нач. ГВО Баторуну[7].

Баторун родом из Аларского аймака, по национальности бурят, из Тайшинского рода Баторовых. Окончил 6-ти клас. Черемховское коммерческое училище. При Колчаке учился в Даурской школе комсостава. В период окончательной ликвидации семеновщины на ДВО каким-то образом попал в ряды создающейся монгольской армии и служил переводчиком. Затем по занятии Урги перешел переводчиком в Охрану и постепенно дошел до начальника таковой. Числится в настоящее время кандидатом РКП, член ЦК Монгольского союза молодежи. В настоящих условиях Монголии представляет из себя для нас как ведомства очень ценную фигуру по следующим соображениям: 1) Баторун – монголовед, знает прекрасно всю Монголию. 2) Баторун – бурят, отношение к которому монгол таково, что лишает возможности для Баторуна противопоставить себя нашему инструктажу как политическую фигуру. Из моих личных наблюдений за Баторуном и по словам Балдаева[8] Баторун всегда может быть использован нами при соответствующем подходе к нему в любом направлении и размере. Отношение же Радецкого к Баторуну определяется тем, что Рыскулов и сам Радецкий отнесли Баторуна к группе Ринчино и в этом направлении только к нему и подходят. Если это простительно для упол[номоченного] Коминтерна, а возможно, что это и нужно, то для нашего работника, каким является Радецкий, такой подход к Баторуну непростителен и ведет он к тому, что отдельные русские инструктора, как беспартийный Луковский[9] приходит к Баторуну и начинает крыть его матом и угрожать, что они с ним еще посчитаются. При жалобе Баторуна Радецкому, сделанной в моем присутствии, Радецкий ответил так, что можно было понять, что Луковский прав, когда и по существу в данном случае был прав Баторун, ибо вопрос шел о выдаче денег Луковскому, которых Баторун выдать не мог. Что же касается самого факта отнесения Баторуна к группе Ринчино, то повторяю, что Баторун при известном подходе, если бы таковой у Радецкого был, был бы в группе Радецкого, ибо в прошлом Баторуну не оставалось делать [иного], как быть около Ринчино, т. к. он в служебном порядке был подчинен ему в должности н-ка ГВО, как председателю Военного Совета. Да кроме того, как бурят, естественно, Баторун ищет на кого опереться, на монгол же он опираться не может. Если бы своевременно Радецкий создал бы Баторуну почву, как кандидату партии, почву, на которой он мог бы стоять твердо, то Баторун был бы наш человек.

В настоящее время Рыскулов и Радецкий намерены выдвинуть вместо Баторуна монгола. Для меня этот момент представляется очень опасным, т. к. ЦК Нарревпартии может выдвинуть на пост н-ка ГВО политическую монгольскую фигуру, которая может заявить претензии на политическое и всяческое руководство ГВО, и с которой безавторитетному в монгольских кругах Радецкому, зависящему в на-

стоящее время исключительно от степени авторитетности Рыскулова (авторитет которого, по-моему, близок к падению), будет довольно трудно или почти невозможно противопоставить себя.

Заканчивая на этом в отношении нашей резидентуры и инструктажа ГВО, еще раз отмечу, что работы нашей резидентуры как таковой почти нет, как нет своего секретного аппарата, работа же Радецкого как главного инструктора определяется отсутствием инструктажа не только самого ГВО, но и младших русских инструкторов, работающих при ГВО. При настоящем положении вещей с приездом нового начальника РОМНА возможно, что фактическим резидентским аппаратом станет РО, который таковым являлся до сих пор, имея кое-какую секретную агентуру в Пекине, Калгане, Маньчжурии, и который через РО пользовался Радецкий. Приехавший же новый начальник, назначенный развед. упром, по словам Радецкого, привез от т. Берзина письмо на имя Косича, где Берзин просит оказать Косича содействие в организации в Урге торговой немецкой фирмы, которую проектирует организовать разведупр с разведупровскими целями. Если это на самом деле пройдет в жизнь, то фактически резидентским аппаратом станет РОМНА, подчиненная Косичу.

Теперь перейду к освещению политической ситуации сегодняшнего дня [в] Монголии и тех событий, свидетелем которых я был, которые интересны не как события, а как материал для характеристики главных действующих лиц, проходящих по ним.

Нужно сказать, что материалы от нашей резидентуры, которые позволяли бы мне сделать хотя бы поверхностный анализ не только о политическом положении районов Барги и Синьцзяна, но даже о политической жизни в самой Урге, я получить не мог, как не мог получить ни доклада о настроениях шабинцев, ни освещения правых групп ЦК Нарревпартии, ни [сведений о] жизни иностранных фирм и т. п. Поэтому то освещение, которое я буду делать, является продуктом исключительно моих поверхностных наблюдений и отчасти будет почерпнуто из материалов и бесед с Васильевым, Рыскуловым, Косичем и другими. Положение Внутренней Монголии пока на сегодняшний день определяется не изжитым еще конфликтом, порожденным вторжением монгольских частей под руководством наших инструкторов в Кабдинском[10] районе в пределе Западного Китая, где было вырезано около 200 человек киргиз – китайских подданных. Впечатление о красных в этом районе осталось до сих пор весьма и весьма нежелательным. Китайские-английские агенты (слух о прилете в Синьцзян двух английских аэропланов до сих пор не проверен) используют всячески этот случай для агитации против нас. Китайская власть произвела мобилизацию в ответ на вторжение монгольских частей. Граница с Кобдинским районом закрыта до настоящего времени и тем самым в этот район прекращен доступ хлебопродуктов. Есть сведения, что во Внутренней Монголии ведется кое-какая работа со стороны Монгольской народной партии. С Тибетом связано монгольское духовенство, имеются частные поездки туда и оттуда. О районе Синьцзяна ни у Рыскулова, ни в каком другом месте о работе сведений не нашел (при сем прилагаю письма в переводе, написанные на имя монгольского правительства, ЦК партии и Ринчино из Внутренней Монголии и Барги. Письма мною добыты почти нелегальным путем, по крайней мере без согласия Рыскулова у по-

следнего)[11]. На этом я кончу о Внутренней Монголии, ибо из пальца ничего не высосешь. Можно было-бы поговорить еще о Тибете, о самой Лхасе, ввиду возвращения оттуда экспедиции Борисова, но т. к. он возвратился перед самым моим отъездом из Урги, и я говорил с ним всего лишь два раза, то все сведения, которые получу от него, я сообщу по приезде Борисова в В. Удинск[12].

Теперь о самой Урге и ее настроениях. Настроения ургинских партийных и правительственных кругов определяются пока на сегодняшний день или по крайней мере определялись до последнего пленума ЦК, расходящей[ся] борьбой между Рыскуловым и Ринчино и ожиданием приезда Васильева, который, как предполагалось, должен был примирить две враждующих стороны. У Рыскулова есть уверенность, что борется не Ринчино с ним, а борются две группы в ЦК Нарревпартии – левая и правая, а с последней и Ринчино против левой. Где и с кем Ринчино, я буду говорить ниже. Сейчас же постараюсь опять-таки на основании сторонним путем добытых материалов ознакомить Вас с главными действующими фигурами, определяющими политику Монголии.

С коммунистически приветом, Абрамов

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Л. 44–46. Машинописная копия.

№ 41
Поручение резиденту ИНО ОГПУ в Урге о выяснении планов Фэн Юйсяна[1] в отношении Монголии

№ 447/рвт 26 марта 1925 года
Совершенно секретно

Уважаемый товарищ В.!

Действия ген. Фэн Юйсяна на юго-восточных границах Монголии в связи с возможностью для китайцев на основании русско-китайского соглашения[2], оккупировать Внешнюю Монголию действительно носят подозрительный характер. И слухи о подготовляющемся весеннем походе китайцев в Монголию, по нашему мнению, весьма правдоподобны и вероятны. Поэтому необходимо на действия Фэн Юйсяна у монгольской границы обратить самое серьезное внимание и следить за концентрацией в Калгане войск, вооружения и пр. Все имеющиеся у Вас материалы о планах китайцев на Монголию немедленно высылайте.

С коммунистическим приветом!

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 33. Машинописная копия.

№ 42
Информационное сообщение ИНО ОГПУ об обращении монгольских князей Внутренней Монголии к Фэн Юйсяну[1] касательно отправки секретного агента в Ургу

№ 6763/п — 9 апреля 1925 г.
г. Пекин — Совершенно секретно

т. Альпову
т. Чичерину
т. Берзину
т. Менжинскому
т. Ягода
К делу

Монгольские князья и Фэн Юйсян

Монгольские князья обратились к Фэн Юйсяну с предложением отправить в Ургу их секретного агента для обследования тамошнего положения и в самый ближайший срок военной силой возвратить Внешнюю Монголию Китаю.

Нач. ИНО
Особоуполн.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 30. Заверенная копия.

№ 43
Характеристика монгольских деятелей из Хайлара

ИНО ОГПУ — 3 июня 1925 г.
№ 10302/ п от 3.VI — по данным на 19 мая 1925 г.
Из Харбина 19.V.25 г.

Совершенно секретно

Чичерину
Мельникову[1]
Петерсу
Менж[инскому][2] – Ягоде[3]
К делам
Начино:
Оперуполн:

1. Хулунбуира – из более ярких личностей Хулунбуира можно назвать Фушан, иначе он называется Фу-угурда или Фу-гун. Он находится все время в Пекине представителем Хулунбуира, при Пекинском правительстве. Человек очень хитрый, умный и честолюбивый, по происхождению сын амбаня (Гуй-Фу) ведет все время борьбу с Цэнд-гуном за овладение амбаньством. Благодаря этому в Хулунбуире составились две партии: (даурских) – один поддерживает Цин де-гуна, другие Фу-шана.

2. Коренное население Хулунбуира: 1) Бурят-Барга, 2) Чипчин-Барга, 3) Солоны. Все эти народности недовольны дагурами, т. к. дагуры занимают все высшие административные должности. Из баргинцев наиболее яркой личностью является

Дандайджи-Хоран-Да на погранохраны всего Хулунбуира. Очень любит деньги и власть и не всегда ладит с дагурами.

3. Из солонских начальников наиболее способным является Да-Зангин (Да-Манда), начальник охраны восточной границы Хулунбуира. Очень хорошо относится к русским, и как все монголы, очень корыстолюбивы. Очень хитрый и умный человек.

4. До Син Чжан – глава орочонского племени, с которым очень считается Хулунбуир, так как это племя очень воинственно и зачастую не подчиняется распоряжениям Хулунбуира. На орочонов для Хулунбуира очень трудно влиять, т. к. они все живут в тайге и занимаются охотой.

5. Цыдыпов[4] – бурят, состоит председателем правления и монгольского кооператива, благодаря знанию языка и старым связям (он раньше был представителем атамана Семенова), пользуется большим влиянием на монгол, особенно на Цэндгуна. Русофоб, человек очень скрытный и хитрый, очень корыстолюбивый, ради денег готов на все.

6. Найден-ван – сподвижник барона Унгерна, глава харчин (монгольское разбойничье племя, проживающее в районе Цицикара к югу от него; наиболее интересными являются хошуны (княжества): Джаруд-вана и хошун Дэлэд и др.)

7. В Джаруд-ван-хошуне наиболее влиятельным человеком является Гэгэн-лама, приезжавший к Унгерну в Дэлэд-хошуна тусулагчи, помощн. Князя Уламбаяра. Найден-ван среди них считается героем и полководцем, ему было бы очень легко формировать монгол в боевые единицы, которые можно было бы использовать для любой цели. В данное время Найден-ван состоит советником у цицикарского губернатора У. В 1923 г. Весной у него было оружие, в количестве около тысячи винтовок и нескольких пулеметов, все оружие было скрыто в Солон-уле, там же находилось 300 человек вооруженных монгол. Найден-ван националист монгол.

8. Чин Чан, монгольское имя Баин-Батор – убур-монгол[5]. Бывш[ий] офицер при Унгерне, состоял в одной из батарей, доставлял людей в отряды, может сформировать отряд, по его заявлению, в течение месяца, в 1000 человек, причем 100 чел. могут быть на лошадях и вооружены, остальные могут быть вооружены только частично. Отряд может быть составлен из китайцев и монгол. В данный момент проявляет полную готовность сотрудничать с семеновцами.

С подлинным верно

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 3–4. Машинописная копия.

№ 44
Поручение резиденту ИНО ОГПУ в Урге касательно выяснения планов Китая в отношении Монголии

№ 664/рвт

29 апреля 1925 г.
Совершенно секретно

Уважаемый товарищ В.!

По сведениям из Пекина, Дуань-Ци-Жуй[1] отправил Чжан Цзолиню[2] одного из своих приближенных с целью узнать мнение Чжан Цзолиня относительно возмож-

ности посылки последним мукденских войск в Хайлар и Маньчжурию с тем, чтобы их можно было в любой момент двинуть на Восточную Монголию. Дуань-Ци-Жуй придерживается мнения, что эти войска должны быть на местах, т. е. на границе Хулунбуира прежде открытия русско-китайской конференции[3]. Сам Дуань-Ци-Жуй предполагает командировать в Ургу некоего Фу Гуна[4], брата Лин Гуна[5], близкого родственника хайларского амбаня, для ознакомления с положением дел в Урге. Фу Гун сам является монголом, и эта задача для него не представит особых затруднений. Фу Гун рекомендован Дуань-Ци-Жую монгольскими князьями, находящимися в Китае, и очевидно тесно связан с монгольскими князьями и ведет с ними совместную работу по присоединению Монголии к Китаю. За ним, когда он приедет в Ургу, необходимо установить тщательное наблюдение.

В связи с планами Китая в отношении Монголии в Мукдене недавно состоялось совещание монгольских князей, на котором было постановлено обратиться к Фэн Юйсяну[6] с просьбой в самый короткий срок вернуть силой Монголию Китаю, восстановить права и привилегии князей и т. д. Князья решили со своей стороны содействовать «Монгольскому походу» предоставлением вооруженной силы.

Сообщая Вам все эти сведения для проверки, просим выяснить, что обо всех этих планах Китая известно в ургинских высших кругах и как к ним относятся и на них реагируют сами монголы.

До сих пор от Вас почти нет материалов, освещающих мероприятие китайцев и китаефильствующих монгольских кругов по присоединению Монголии к Китаю, а между тем, из пекинских сведений и даже из английской печати в Китае видно, что китайцы серьезно задумывают произвести оккупацию Монголии и что вокруг этого вопроса ведется большая работа.

Точно так же не может быть, чтобы в Урге все было «тихо и спокойно» и что монголы никак не реагируют на творящиеся у них на границе приготовления к оккупации, в результате которой они потеряют все с таким трудом созданное за последние годы. А между тем, от Вас ничего нет, и в этом основном вопросе сегодняшнего дня Монголии мы лишены возможности отчетливо ориентироваться.

Надеемся, что Вы с получением сего не замедлите выслать нам все имеющиеся у Вас сведения и материалы по затронутым вопросам.

С коммунистическим приветом!

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 17–18. Машинописная копия

№ 45
Оперативное задание резиденту в Монголии по вопросу о планах Фэн Юйсяна в отношении заселения Монголии китайскими семьями

№ 677/грч. 6 мая 1925 г.
г. Москва Совершенно секретно

Уважаемый товарищ А.!

В связи с появившимися в печати заметками о предстоящей переброске маршалом Фэн Юйсяном из Чантунга[1] в Сюйюань[2] (к юго-восточным границам Монголии) 1500 семейств как первый шаг к осуществлению колонизаторской политики

Фэна просьба сообщить, в какие районы намечена эта переброска, каким образом она отразится на прилегающих монгольских районах и не стоит ли эта переброска в какой-либо связи с оккупационными намерениями Китая в Монголии[3].

С коммунистическим приветом.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 41. Машинописная копия.

№ 46
Из информационного сообщения ПП ОГПУ по ДВО о ситуации в Танну-Туве[1]

№ 927/ИНО 16 июня 1925 г.
г. Хабаровск Совершенно секретно
г. Москва
Начальнику ИНО ОГПУ тов. Трилиссеру
Начальнику КРО ОГПУ тов. Артузову

г. Новониколаевск
ПП ОГПУ по Сибири

КРО ПП при этом препровождает Вам для сведения материал об Урянхае, полученный от нашего резидента в Монголии.

Приложение: упомянутое на <…> листах[2].

Зам. нач. СОЧ ПП ОГПУ ДВО Берзин
Зам. нач. КРО ПП ОГПУ ДВО Коркин

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 43.

Приложение

№ 121 14 апреля 1925 г.
Совершенно секретно

Уважаемый товарищ Берзин!

Дела урянхайские

За последние несколько месяцев ургинские партийные (следовательно, и правительственные) круги стали проявлять некоторую нервозность по поводу положения вещей в Урянхае. Монголы считают неопровержимыми свои доводы в пользу присоединения Урянхая к Монгольской Республике. [К] прежним доводам они присоединяют теперь еще один: волю самих танну-тувинцев.

Последних так же, как и монголов, смущает молчание СССР: тов. Давтян обещал скорое и окончательное разрешение вопроса о государственной судьбе Танну-Тувинской Республики, но до сих пор вопрос этот остается открытым.

В моменты раздражения здешние монголы склонны рассматривать это молчание как нарочитое, как попытку СССР «слопать Урянхай» (как выразился премьер-министр старик Цэрэндорж).

Судя по некоторым данным, можно заключить, что пребывание тов. Давтяна в г. Красном, внешне закончившееся как будто разгромом монголофильских группи-

ровок, но на самом деле только ускорило внутреннюю, т. е. действительную победу групп, льнущих к Монголии.

По просьбе тов. Давтяна наше Полпредство, а затем и ЦК Монгольской народной партии снабдил танну-тувинцев литературой на монгольском языке, единственном языке, который доступен грамотным урянцайцам[3]. В этой обычной элементарно-агитационной литературе не было ни единого слова об урянхайских делах, но самый факт ознакомления урянхов с тем, что делалось, делается и, по теории, будет делаться в Монголии для простого народа, не мог не усилить тяги урянхов к той же Монголии.

Большую роль в этом смысле сыграло также пребывание в Красном уполномоченного ЦК Монг. нар. партии и Союза молодежи. Если даже предположить, что, как это уверяет в своем закрытом письме к ЦК своей партии Доржпалам, уполном. партии и Союза молодежи не получили никаких заданий насчет присоединения Урянхая к Монголии, то уже одно пребывание их в Урянхае, не стоившее урянхайцам ни единой копейки, как это подчеркивает тов. Чичаев, неизбежно должно усилить монголофильские тенденции.

* * *

Из беседы с одним интеллигентным и разбирающимся в событиях гражданином, который жил долго в г. Красном и лично знаком с тамошними урянхайскими и русскими деятелями, выясняется следующее:

О каком бы то ни было присоединении Урянхая к Китаю не может быть сейчас и речи, хотя до 1911 г. Урянхай вместе с Внешней Монголией и принадлежал к Китаю. В настоящее время влияние китайцев в Урянхае более чем ничтожно не только в области экономики, но и быта.

Зато очень сильно там влияние Монголии, особенно в Хемчикском районе, который непосредственно с Россией не соприкасается и в котором предшествовавшее правительство относилось с некоторым пренебрежением.

Монгольские симпатии населения основываются не только на общности быта, религии и письменности, но и на следующих обстоятельствах:

а) необходимость содержать собственный государственный аппарат вызывает необходимость в больших налогах;

б) урянхайцам кажется, что присоединение их к Монголии избавит их если не от всех и всяких, то, во всяком случае, от наиболее тяжких податей.

Большинство влиятельных урянхайцев пока что конкретно не представляет себе, во что именно выльется присоединение Урянхая к Монголии. Если финансовое положение самой Монголии в связи с огромными тратами ее на армию не улучшится, то, возможно, что спустя два-три года после проблематического воссоединения Урянхая с Монголией урянхайцы пожелают себе полной государственной независимости.

Из наиболее ярких и откровенных монголофилов можно назвать: Намжава, старика, ламу, наиболее крупного государственного работника Урянхая, и Орги, пятидесятилетнего ламу, быв. мин. иностранных дел, всячески покровительствовавшего хемчикским повстанцам.

Если версия о недавнем аресте Орги соответствует действительности, то факт этот может лишь усилить монголофильские тенденции в Урянхае, и лично Орги окружит ореолом маленького мученика.

Среди монголофилов выделяет[ся] еще Нармандах, уполномоченный хемчикских повстанцев, сам участвовавший в восстании, человек богатый и влиятельный.

Русофильские стремления проявляются у той части населения, которая непосредственно сталкивается с русскими пограничными районами, хотя русофильство это весьма относительно и не всегда искреннего происхождения.

Зато определенно искреннее проявляется русофильство у отдельных деятелей бывшего правительства, вроде быв. премьера Буян-Бадраха, хемчинского князя, человека умного и, на местный масштаб, незаурядного, или вроде Данзан-Ола, быв. заместителя предсовмина, главкома и товарища председ. ЦК Урянх[айской] Нар. партии.

Данзан-Ол – лет 33 от роду, также выходец из ламства, родом бедняк, по внешности наиболее европеизированный (носит френч и т. д.). В годы борьбы урянхов с русскими колонистами Данзан-Ола вел себя очень свирепо, участвовал в резне и грабежах русских, зато теперь он упорно и прочно (пожалуй, и искренне) льнет к СССР.

Данзан-Ол потерся среди людей, усвоил себе чисто советский, т. е. энергичный и темпераментный, метод работы, но ему во многом мешает приверженность к водке. В пьяном виде он, между прочим, и бросился с оружием на Максаржава, крича ему: «Если ты чойджин, то посмотрим, выдержишь ли ты мою пулю...».

После этого инцидента Данзан-Ола был удален из правительства, а во время пребывания монгольского уполномоченного в г. Красном Данзан-Ола содержался в тюрьме. Сейчас, если верить Данзан-Паламу, Данзан-Ола задумал чуть ли не свержение настоящего монголофильского правительства.

Надо отметить, что термин «русофил» вовсе не означает здесь сторонника присоединения Урянхая к СССР. В Танну-Туве никто об этом не думает, даже ответственные инструктора из русских, которых монголы подозревают в «империалистических» вожделениях, ни разу не высказывались в этом смысле. Под русофильством надо понимать здесь курс независимой от Монголии и самостоятельной Танну-Тувинской Республики на культурное и экономическое сближение с СССР.

Из русских деятелей в Т.Т.[4] надо упомянуть прежде всего Иннокентия Сафьянова, сына Георгия Сафьянова[5]; последний был большим дельцом хищнического типа, создал в Урянхае огромные предприятия и вообще являл собою пример рыцаря первоначального накопления.

Иннокентий Сафьянов, человек лет 50, торговец, колонизатор, при Колчаке (в 1919 г.) был арестован в качестве большевика. По ликвидации колчаковщины Инн. Сафьянов избрал видную роль в урянхайских делах. Человек властный, почти самодур, он записался все же в коммунисты, был председателем Рев. Воен. Совета, уполномочен. Внеторга и представителем Центрсоюза.

В настоящее время он отставлен от всех дел в Т.Т. республике. Видную роль в Т.Т. играет в настоящее время Павел Сафронович Медведев[6], который в переведенных с монгольского на русский яз. письмах Доржпаламу всюду именуется «Вавилой» (исковеркан[ное] имя Павел).

Лет 35 от роду, племянник колониста-богача Медведева, получил в свое время большое наследство, попал в круг золотой молодежи и отличался отчаянными кутежами. Будучи, однако, человеком даровитым, умным и способным на крупные

дела, Медведев скоро поддался облагораживающему влиянию идей коммунизма, и в настоящее время представляет собою тип большого и талантливого советского работника.

В Т.Т-ском правительстве и Консульстве СССР взамен тов. Фальского тов. Медведев играл и играет исключительную роль, что помимо его дипломатических талантов и преданности делу объясняется также и тем, что он прекрасно владеет танну-тувинским языком.

Интересно отметить, что, будучи сам выходцем из колонистов, тов. Медведев далеко не всегда и не во всем покровительствует русским жителям Т.Т. Республики. В этом смысле представление о нем монголов как о беспощадном колонизаторе сафьяновского типа не соответствует действительности.

Вслед за П. С. Медведевым идет тов. Накоскин, пожилой, лет 40, коммунист, советник Мин. фин. Т. Накоскин не колонист, в г. Красный прибыл из Улясутая, где он вел торговые дела, отчасти в качестве служащего.

Работает он как вол, большой политики не делает, зато беззаветно и искренне предан тувинским делам, предан настолько, что мог бы стоять за присоединение Урянхая к Монголии, если бы того потребовали сами тувинцы. В этом отношении официальная принадлежность тов. Накоскина к РКП и необходимость подчиняться директивам партийных органов иной раз ставит его в конфликт с собственными настроениями и симпатиями.

Советником при Мин. внутр. дел состоит тов. Григорий Богданов, родом из Троицкосавска, студент Восточного института, кандидат в члены РКП. Рядовой работник, Богданов большим влиянием на политику Т.Т. не пользуется.

По калибру и влиятельности Богданова напоминает Григорий Сафронович Медведев, младший брат «большого» Медведева, состоящий при отделе снабжения М[инистерства] финансов.

Гораздо большую роль в урянхайских делах играет тов. Чугунов, скромный и мягкий человек, секретарь райбюро РКП, несколько лет подряд живущий в Урянхае, и потому очень отставший от больших (теоретических и практических) проблем советской и партийной действительности.

Из товарищей, работавших в недавнем прошлом в Урянхае, надо выделить Н. Н. Нелидова, ж.-д. техника, старого большевика, очень крупного деятеля (крупнее даже Павла Медведева), руководившего райбюро РКП и Исполкомом колонистов.

Председателем Исполкома был одно время тов. Стрелков, сам не из колонистов, но все же типичный воспитанник Иннокентия Сафьянова.

С коммунистическим приветом,

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 43а–50.

№ 47
Информационные сообщения ИНО ОГПУ о политической ситуации в Монголии летом 1925 г.

Из Рабочей сводки № 15
2 отделения ВО ОГПУ

№ 12412 — 24 июня 1925 г.
г. Москва — Совершенно секретно

Монголия

Князь Гун-ван[1] посылал представителей в Мукден к Чжан Цзолиню[2], но безрезультатно. Найман-ван[3] вернулся в Пекин и организует там Монг. кооперативное т[оварищест]во.

В Ургу от кит. Мин-ва колоний[4] командированы для выяснения положения два эмиссара – У Шанхай[5] и Фу Минтай[6].

Князья На-ван[7] и Пин-ван подали петицию кит. пр-ву, в которой жалуются на «партию монгольской молодежи», которая, объединившись в РКП[8], притесняет князей.

На-ван продал китайцам 4 монгольских места в Пекинском парламенте за 15 000 долларов. Новые депутаты не смогли попасть на чрезвычайное заседание и теперь привлекают На-вана за мошенничество.

№ 12396 — 16 июня 1925 г.
г. Москва

Фэн Юйсян[9] созвал 4 мая в Калгане съезд монгольских племен в количестве 50 чел. Оделив князей подарками, провел решение о том, что монголы не будут препятствовать кит. колонизации, и в Калгане будет организовано Центральное управление всеми хошунами.

В Чахаре производится секретный набор монгольских солдат[10].

К Фэну прибыл один христианский миссионер. Японский ген.-майор Коазума Судзуки (он же Лин Му) вел с Фэном переговоры о «дружественных» отношениях.

Фэн, сославшись на враждебную розницу[11] японской газеты «Шуньтянь жибао»[12], отклонил беседу.

ПП СССР в Монгол[ии]

№ 3731 — 2 мая 1925 г.

Тов. Линдэ поднимает вопрос о назначении представителя ОГПУ в Монголии, т. к. в связи с последними событиями на Д.В.[13] оно приобретает крупное значение как база нашей работы в Китае.

№ 28117 23 июня 1925 г.

После прошлогодних событий в Синьцзяне[14] китайцы произвели демонстрацию дунган[15] и торгутов[16] за счет мобилизуемых китайцев. Из Урумчи в Байтак-Богдо[17] выслан китайский отряд при восьми орудиях 600–700 чел. Концентрация китайских войск на монгольской границе преследует цель усиления пограничной охраны. Ожидать агрессивных действий Китая в Монголии в данное время не приходится т. к. все недоразумения улажены. Но китайцы ведут сильную агитацию через богатых монгольск. князей. Вся агитация исходит из Урумчи, Сан-Джи[18] и Шара-Сумэ. Под влиянием этой агитации монголо-подданные киргизы откочевали из района Кобдо в Синьцзян.

Монгольским пр-вом издан указ об изъятии русской царской валюты. Проводится успешно.

б/н 11 июня 1925 г.
ПП Сиб.

По сведениям Ойратского обл. отд., в районе Улангома и Намира 8 мая наблюдаются возбуждения. 7 мая улангомских лам[19] в Намирскую курью[20] прибыли посланцы, с которыми всю ночь шло совещание, а наутро главенствующие ламы выехали в Улангом. Выясняется, что на почве переписи скота в районах Улангома и Намира ламы готовят восстание. Кобдоским в[оенным] окр. посланы отряды.

Предполагаемое восстание ликвидировано. Арестовано 30 человек.

Наши меры:

Предупреждено телеграфно ГВО Монголии через Бур. отд. Запрошен ПП Сиб.

Амагаев[21]

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 498. Л. 32–33. Заверенная копия.

№ 48
Сводка № 9 зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 6 июля 1925 г.[1]

№ 11428 7 июля 1925 г.
г. Новониколаевск
Экземпляры: № 1 – ИНО ОГПУ, № 2 – КРО ОГПУ, № 3 – Облотдел ОГПУ АМБО, № 4 – ПП ОГПУ по ДВО, № 5 – ГО ОГПУ – Семипалатинск, № 6 – ГО ОГПУ – Красноярск, № 7 – ГО ОГПУ – Иркутск, № 8 – Комвойск, № 9 – Секретарю Сибкрайкома РКП (б), № 10 – в делах КРО ПП ОГУ С.

Монголия

В дополнение нашей сводки передаются подробности предполагаемого в Монголии восстания:

В ночь на 8 мая все ламы Намирского и Улангомовского районов прибыли в Намирскую курью[2], где предполагалась группировка главных сил повстанцев.

Численный состав предполагаемого восстания при начале должен был быть в 350–400 человек, причем местом нахождения главного повстанческого штаба был избран Намирский монастырь.

Собравшееся в Намирской курье ламство под видом собрания заявило о том, что они категорически отказываются признавать в дальнейшем народную власть Монголии, мотивируя тем, что народная власть давит население налогами и подрывает их религию.

Главари повстанцев командировали своих нарочных во все хошуны двух дербетских аймаков и в хошуны алтайских урянхайцев с воззванием выступить против народной власти Монголии, одновременно призывая все мужское население присоединится к восстанию и в течение 5–6 дней выступить на лошадях, захватив, у кого имеется, оружие и продукты, на речку Кобдо, где все прибывающие должны были получить дальнейшие директивы.

По всем хошунам повстанцами был издан приказ об аресте и разоружении всех одиночек-военных с препровождением в повстанческий штаб.

На речке Кобдо (вблизи Мунджикского монастыря) повстанцами были арестованы и разоружены 4 солдата Монгольской армии, находившиеся на заготовке дров.

Пользуясь слабым надзором, арестованные солдаты забрали отобранное у них оружие и, арестовав трех главарей из повстанческого штаба, представили таковых в распоряжение штаба военного округа г. Кобдо.

Посланные повстанческим штабом нарочные с воззваниями по другим хошунам вернулись без результата, ибо другие хошуны принять участие в повстанческом движении отказались.

Одно время повстанцы намерены были двинуться на г. Кобдо и, разоружив воинские части, захватить власть в свои руки, но означенное намерение было по неизвестным причинам отставлено.

По получении сведений о предполагаемом восстании гарнизон г. Кобдо был приведен в боевой порядок, причем в Улангомский район немедленно выслан отряд численностью в 60 чел. при 2 пулеметах под командой т. Донина[3], каковой по прибытии арестовал 30 главарей повстанческого штаба. Выявление активных участников предполагаемого восстания и их аресты продолжаются. Одновременно ведется следствие и восстановление порядка. Имеются сведения, что в данной группе повстанцев замешаны китайцы, но пока арестованных из последних только один.

Состояние Кобдоского округа[4]

В г. Кобдо находится 300 человек цириков и около 260 – в провинции Кобдоского округа на расстоянии 25–30 верст от г. Кобдо. Инструктор кавалерийского полка т. Кульцмеев происходит из торгоутцев (член партии), который руководит инструкторской частью. Начальником штаба является т. Донин, в период революционного времени командовавший одной из бригад Забайкальской области (партиец). В данную местность командирован ургинским Народным правительством как инструктор штаба монгольского кавполка. Кроме того, имеются еще три инструктора эскадронов (русские) один из них партиец, командированный из Урги.

Занятия с цириками (солдатами) проводятся по русскому уставу через посредство переводчика. Проводятся занятия как строевые, так и политические, ежедневно, дисциплина и боевая способность части удовлетворительная.

Взаимоотношение монгол-солдат с русскими инструкторами хорошее, инструкторов считают как своих учителей и относятся к ним с доверием. При каждом эскадроне имеется комиссар, прошедший партшколу в Урге, происходит преимущественно из монгол. Политическая подготовка их слабая, в результате чего лекции преподаются под непосредственным руководством инструкторского состава (русских).

Пограничный район Монголия – Китай

По сведениям штаба КВО от 2 мая 1925 г. в пограничном районе Китая с Монголией сгруппированы в значительном количестве войска в районе Байдаг-Богдо, состав этих войск расположен: в районе Булун-Тохой – 1000 солдат и в Шарсуминском – 1500. Во всей китайской армии, стоящей на границе, имеется 6 горных орудий и несколько десятков пулеметов. В число вооружения входят разносистемные оружия[5], но преимущественно японские винтовки. Род войск: пехота и незначительная часть кавалерии.

По непроверенным сведениям, в Шарсуминском районе началась мобилизация лошадей, причем командующий Шарсуминским округом был намерен произвести также мобилизацию киргиз, но эта попытка не удалась, так как киргизы якобы от несения какой бы то ни было службы в рядах армии категорически отказались, а обязались лишь оказывать материальную помощь в виде предоставления китайской армии необходимого количества лошадей. В Далайхановском хошуне[6] отношение населения к монгольской власти и СССР враждебное, это объясняется тем, что в указанном районе проживает большое число русских белогвардейцев, которые и ведут монгольскую и советскую агитацию.

Экономическое положение Монголии

На сезон 1925 г. в Кобдоский округ прибыла новая британская фирма «Интернационал» (продуктовая компания), но торговой операции[7] компания до сего времени не производила по следующим причинам: означенная фирма не имела соответствующего разрешения на право торговли от Центра. Местные власти г. Кобдо в лице нач. штаба Донина, комиссара округа Топетьджи[8] и друг. старались всячески препятствовать в работе фирмы, так как таковая может явиться опасным конкурентом Монгольского кооператива[9]. Тем не менее, по сведениям от 25 апреля с. г. из района Хух-Хото (Китай) фирмой выбрасывается 19 палаток, причем каждая палатка имеет груз (с чаем, табаком, далембой) на 100 загруженных верблюдах и по 50 000 долларов, 4 палатки намечены в Кобдоское отделение… <…>

Палатки идут с рабочими и торгагентами преимущественно из китайцев, и таким образом британская фирма намерена провести свои торговые операции через посредство китайцев. В связи с тем, что представители фирмы повели среди населения агитацию в том смысле, что фирма будет покупать все и исключительно на серебро, представители монгольской власти в Кобдо в первых числах мая издали циркуляр всем хошунам и хошунным управлениям с объявлением населению о

том, что всякая торговая операция с британской продуктовой компанией строго воспрещается. За неисполнение этого циркуляра всякий замеченный в торговле с фирмой будет арестовываться и направляться в штаб Кобдоского военного округа. Этот же циркуляр предлагает населению все излишки своего хозяйства, продуктов и товаров продавать исключительно Госторгу и Монгольскому кооперативу, а представителям фирмы категорически запрещает производить какую бы то ни было закупку. Означенный циркуляр подписан командующим войсками Кобдоского округа Ульдзием, наштакор, военкомкор Топьджи[10] и бароном Там-Сури[11].

Находящиеся в Кобдоском округе китайские фирмы за отсутствием у них товаров и непропуска через границу никакой торговли не ведут. Отношение населения [и] у властей г. Кобдо к нашим торгорганизациям весьма хорошее. Проводимая отделением Госторга компания «бойкота китайского доллара» монгольскими властями не опротестована.

Выборы хошунных правителей

За последнее время зафиксировано несколько фактов выбора правителей хошунов. До этого правители хошунов не избирались: каждый князь передавал управление хошуном своему сыну или родственнику. Так переходило из поколения в поколение.

В данное время всех старых князей совершенно убирают с занимаемых ими постов, а на место их выбирают лиц более активных и способных к работе. Нередко в правители хошуны избирают из членов Народной партии, доверие к которой с каждым днем растет.

Вр. Зам. ПП ОГПУ по Сибири Богословский
Зам. нач. КРО Дербенев

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 239–243. Подлинник.

№ 49
Инструкция уполномоченному Государственной внутренней охраны МНР при 3-й Азиатской экспедиции американца Рой Чемпон Эндрюса[1]

№ 1555/614/к 28 июля 1925 г.
г. Хабаровск Совершенно секретно

г. Москва Лично
Иностранный отдел ОГПУ
Копия: КРО ОГПУ

В дополнение к ранее посланным материалам по разработке «Третья Азиатская экспедиция» при этом препровождается инструкция уполномоченному Государственной внутренней охраны при 3-й Азиатской экспедиции американца Рой Чемпон Эндрюса.

Приложение: упомянутое.
Зам. нач. СОЧ ПП ОГПУ Берзин
Зам. нач. КРО ПП ОГПУ Коркин[2]

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 247. Подлинник.

Приложение

Совершенно секретно
Оглашению не подлежит

Инструкция уполномоченному Государственной внутренней охраны МНР при 3-й Азиатской экспедиции американца Рой Чемпон Эндрюса

1. Уполномоченный ГВО при экспедиции является официальным лицом, обязанным следить за тем, чтобы со стороны экспедиции или отдельных ее членов не было нарушения законов страны, а также и особых условий, и договоров, заключенных правительством МНР и отдельными министерствами с экспедицией.

2. Также уполномоченный обязан в нормальной работе экспедиции оказывать возможное содействие как в отношении средств передвижения, так и в продовольствии и пр., особенно, когда потребуется иметь отношения с местным населением и органами власти.

3. Экспедиция права сношения с органами местной власти и населением не имеет и все такого рода случаи проходят с согласования с уполномоченным ГВО.

4. Уполномоченный обязан строго следить за тем, чтобы ни один предмет, запрещенный к вывозу из страны, не отправлялся Экспедицией за границу и в этом отношении он должен руководствоваться ст. 1, 2, 4 договора Учкома МНР с Эндрюсом.

5. Он должен следить за тем, чтобы экспедицией или отдельными ее членами не производились запрещенные работы как военно-топографические снимки, раскопки курганов и т. д. согласно договорам с правительством МНР.

6. Он обязан смотреть за тем, чтобы копии маршрутных съемок, фотоснимков и т. д. обязательно представлялись в Учком МНР согласно соответствующим статьям договора.

7. Уполномоченный правительства все разрешенные к вывозу предметы при упаковке детально осматривает и в случае отсутствия в том числе запрещенных к вывозу предметов скрепляет упакованное своей печатью. В случае обнаружения в этих отправках запрещенных к вывозу предметов уполномоченный несет персональную ответственность перед ГВО.

8. Во всех случаях нарушения экспедицией или отдельными ее членами законов страны и заключения договоров с пр-вом МНР уполномоченный ставит в известность (письменно) начальника экспедиции, от коего также требует письменного ответа и по получении такового, не приостанавливая лично данных действий экспедиции, немедленно доносит о случившимся в ГВО.

9. Кроме начальника экспедиции уполномоченный ГВО никаких официальных переговоров с кем бы то ни было не ведет.

10. Обратить особенное внимание на общение с участвующими в экспедиции монголами и бурятами.

11. Во всех остальных, не предусмотренных настоящей Инструкцией случаях, уполномоченный под личной ответственностью действует по своему усмотрению, но немедленно не ставит о принятых мерах в известность ГВО.

12. О своей работе Уполномоченный обязан полностью отчитываться и нести ответственность перед ГВО.

П.п. нач. ГВО Баторун
Нач. СОЧ Сандуйжап
Верно: Пом. Упол. КРО Веледерский

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 248–248об. Заверенная копия.

№ 50
Информационное сообщение КРО ПП ОГПУ по Сибири о Юго-Западной Монголии[1]

№ 1556/8183/с 28 июля 1925 г.
г. Новониколаевск Совершенно секретно

КРО ПП при этом препровождает Вам для сведения копию материалов о юго-западной части Внешней Монголии.

Приложение: упомянутое.

Зам. нач. СОЧ ПП ОГПУ Берзин
Зам. нач. КРО ПП ОГПУ Коркин

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 81. Машинописная копия.

Приложение

Краткое описание
части юго-западной окраины Халхи (западно-алтайских хошунов), граничащей на юге, юго-западе и западе с Китаем (Кит. Туркестаном).
Хошуны: Тув-Засаг, Дайчин-ван, Дархан-бэйлэ (халха), Барун-Амбан-Урянхай, Гун-бэйлэ и Жанжин-гун (захчины) и Дамби-Ольд (олецы)[2]

1) Урянхайцы, захчины и оледцы в силу своего непосредственного соседства с Китаем по большей части, а особенно верхах (чиновничество), представляются китаефилами. Можно думать, что кит. правительство намеренно относилось к ним лучше, чем к халхасцам, имея в виду воспитать в них проводников своего влияния в Монголии. Так, по рассказам халхасцев, в отношении отдельных представителей этих племен в пограничных городах Китая (куда ездят жители пограничных хошунов с торговыми целями) допускаются некоторые льготы, например, бывает так, что китайские власти запрещают вывозить из какого-нибудь города предметы продовольствия – муку и тому подобное, и халхасцам приходится уезжать домой ни с чем, тогда как оледцы и другие племена получают право вывоза. Их чиновники-тушемилы[3] в большинстве знают маньчжурский письменный и разговорный язык и до 1924 г. получали жалование от дуцзюня[4] Синьцзянской провинции, куда ездили на поклон вплоть до времени присоединения их к Халхе. Между прочим, в это время князь Дзахчинского хошуна Гун-бэйлэ сбежал в Гучен, когда стало известно, что его хошун входит в Халху. В своих хошунах чиновники пользуются большим

авторитетом, население даже в случаях частного характера обращается к ним за советом (как-то: в делах торговых или частной жизни). Отношение населения и чиновничества этих вновь присоединенных хошунов к центральной монгольской власти и проводимым ею новым порядкам внешне лояльное, но пассивное.

Замечается некоторое сожаление по поводу лишения власти князей, но рассуждений по этому поводу услышать трудно, так как эти племена кажутся более несловоохотливыми, чем халхасцы, или их удерживает другое чувство – сказать трудно.

Все же в этих «новообращенных» хошунах по примеру халхасцев на основании распоряжений из центра гладко проводятся задачи внутреннего переустройства, образуются ячейки Монг. нар. партии и Комсомола. Учреждены военные отделы при таморганах, весь старый аппарат власти заменен новым. Ропота относительно вводящегося порядка не слышно, лишь некоторую панику населения вызвала перепись населения и учет скота – одна, а потом ввиду сомнений о верности цифр другая перепись и распространившиеся слухи о том, что де предстоит конфискация утаенного скота и личная ответственность тушемилов за укрытие действительного количества населения и скота.

Слухи о том, что в связи с предполагавшимся будто бы наступлением на Кобдо китайских войск летом 1924 г. население Кобдоского округа склонно примкнуть к ним и оказать содействие, по крайней мере в отношении описываемого края, считаю не основательными. <…>

<…>

5) Киргизы

Поездка монгол в Китай всегда бывает сопряжена с возможной неудачей покупки там муки, если в силе запрещение (а таковые запрещения случаются чуть не каждый год), и кроме того, и самое, пожалуй, важное, это грабежи монгольских караванов в пути шайками киргиз, которые, между прочим, китайские караваны не грабят, очень редко нападают на сартов[5] и занимаются частыми грабежами исключительно монгол, нередки и случаи убийств при этом вожатых караванов. Помимо того, что киргизы нападают на караваны, они шайками в 20–30 человек делают набеги на население пограничных хошунов: Тув-Засаг, Дайчин-вана и Дархан-бэйлэ. В 1924 г. было до десяти случаев набега и увода и угона скота, набеги сопровождались почти всегда убийствами и нанесением ранений жителям. Местные жители рассказывают, что несколько лет тому назад большая шайка киргиз, человек в 500, произвела нападение на хошун Дархан-бэйлэ, разграбила и угнала скот и увела в плен детей мужского пола и женщин. В 1924 г. в результате обращения населения к кобдоскому сановнику на границе (в южной части Дайчин-ванского хошуна) в местности Бичжийн ам[6] был учрежден пост из 50 цириков, и, кроме того, хошуны сами мобилизовали по 30 цириков для самоохраны.

Киргизы, разбойничающие в данном районе, по словам монгол, являются одним, несколько отдельным от западно-алтайских племен племенем, кочующим в непосредственной близости к городу Баркуль и подчиняющимся кит. властям (номинально), и считаются занимающимися почти исключительно грабежом, тем не менее, в своем хошуне, дома, они как будто терпимо относятся к китайцам и монголам (первые имеют там свои постоянные торговые отделения, а вторые приезжа-

ют, т. е. бывают наездом), и с ними можно де безопасно торговать, но нельзя останавливаться на степи, когда ездят по их хошунам, а нужно обязательно заезжать на ночевку в кочевья киргиз, где, т. е. в своих жилищах, они бывают довольно гостеприимны. Иностранных фирм в киргизских хошунах и ближайших к ним пунктах не имеется, торгуют исключительно и в небольших размерах китайские фирмы, очень развито земледелие в Баркуле и прилегающем к нему районе Сан-тао-фуй и садоводство, которое ведется исключительно китайцами.

Описываемый район (семь хошунов) в торговом отношении тяготеет в Дайчинвану как к центральному торговому пункту. В Дайчин-ване имеется свыше 10 китайских торговых фирм, отделение Интернациональной экспортной Ко[7] и Монгольский кооператив[8]. До сего года там работало также отделение фирмы В. Кауфман[9], но в конце 1924 г. было ликвидировано.

6) Китайское влияние на торговлю (на рынке)

Торгующие здесь фирмы рассылают в течение целого года своих агентов и палатки по всем указанным хошунам. Кроме того, каждую весну в район приходят из Гуйхуачэна отдельные караваны торговцев-китайцев, торгуют, передвигаясь с места на место, распродают свои товары, меняя на всевозможное сырье, пушнину и баран и с наступлением холодного времени возвращаются в Гуйхуачэн[10], увозя на своих верблюдах сырье, шерсть и угоняя баран, причем когда идут вперед, то торгуют исключительно в кредит, давая монголам в большинстве случаев в долг (падкие на покупку в долг, монголы в этом случае бывают очень сговорчивы и берут товары почти не торгуясь), а дойдя до известного пункта и распродав товар на возвратном пути, собирают долги.

Китайские фирмы, постоянно торгующие в том районе (наиболее крупные): «Дашэнкуй»[11] (районная контора на Кобдо реке) ввозит всевозможные товары на сотни тысяч долларов, включая сюда же ввоз муки, рис, просо из Гучена, вывозит шерсть и сырье, а главным образом выгоняет баран, которых покупает, задавая[12] за несколько месяцев ранее, причем считает их по баснословно дешевой цене. Так, в минувшем году «Дашэнкуй» задавали под баран, считая условной единицей обмена чай за два лана, а барана 2-х лет – 1 лан, 3-х лет – 2 лана 20 фын и барана 4-х лет – 5-ти лет – за 3 лана[13]. С появлением на рынке крупного скупщика баран Интернациональной Экспортной Ко, конечно, «Дашэнкуй» уже не могла покупать по этим до смешного малым ценам и вынуждена были совершенно прекратить покупку, но для них сбыт товаров и покупка, вообще-то, являются делом побочным, т. к. она больше занимались сбором долгов с хошунов, исчисляемых в десятках и сотнях тысяч лан.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 82–87.
Заверенная копия.

№ 51
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о положении в Монголии

№ 17769/п
г. Москва

14 августа 1925 г.
Совершенно секретно

Положение в Монголии

(Сведения из Мукдена от 2 августа)

Положение в Монголии совершенно не изменилось. Начатый генералом Фэном[1] бойкот английских товаров продолжается, несмотря на протест великобританского генерального консула в Калгане. Английское правительство предложило всем британцам, проживающим в Монголии, воздержаться от каких-либо выступлений против китайцев и монголов до тех пор, пока британское правительство сочтет нужным самому резко выступить против нынешних владык Монголии.

Крупная шведская контора Ларсена[2] получила предложение от шведского посланника усилить свою собственную охрану, так как намечающиеся события [в] Монголии могут привести к полному разорению фирмы. Несмотря на это, закупки мяса и сырья продолжаются в тех же размерах, как и раньше. Советское правительство добивается установления добрых отношений между генералом Фэном монгольским правительством, причем целью этого сближения является укрепление общего политического положения Монголии. Маленький Сюй[3] возвращается из Берлина и примет участие во всех мероприятиях Чжан Цзолиня[4], направленных против Монголии и против генерала Фэна.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 123. Машинописная копия.

№ 52
Информационное сообщение ИНО ОГПУ об отправке военной комиссии из Японии в Монголию для изучения русского влияния

№ 17760/п
г. Москва

14 августа 1925 г.
Совершенно секретно

Япония и Монголия

(Из Токио 8 августа)

Маршал Чжан Цзолинь получил уведомление от японской военной комиссии, что, по распоряжению японского правительства, в Монголию отправлена военная комиссия для обследования русского влияния.

Японское правительство заявляет, что в случае возобновления какой-либо борьбы против советской власти в Монголии японское правительство будет сохранять строгий нейтралитет и не препятствовать официальной поддержке со стороны СССР Монголии, которая, пока Японией признана де-факто, как самостоятельное государственное образование[1].

Это заявление японского правительства вызвало большое ликование в Мукдене. Чжан Цзолинь после приезда «маленького Сюя» снова начнет военную кампанию по овладению Монголией[2].

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 124. Машинописная копия.

№ 53
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о подготовке генерала Сюй Шучжэна к борьбе с монгольским правительством

№ 20276/п
г. Москва

15 сентября 1925 г.
Совершенно секретно

Подготовка борьбы против Монголии

(Мукден, от 7 сентября)

Маршал Сюй (маленький Сюй) в ближайшее время выезжает в Японию для переговоров с крупными японскими политическими деятелями, и, в частности, с генералом Оой, Такаянаки и Танаки[1] по вопросу о положении в Монголии. Как Вам уже в прошлом году сообщено, на последнем съезде мукденских князей было решено начать борьбу с коммунистическим правительством в Монголии. Теперь, после возвращения одного из сторонников этой вооруженной борьбы в Китай, вопрос о борьбе с монгольским правительством стоит на первой очереди. Японское и английское правительства готовы поддержать Сюя в вопросе войны с народной Монголией, причем сейчас они заняты формированием тех военных кадров, на которые должна опереться будущая китайская армия. Эти военные кадры будут сформированы из монгол, бурят, русских и китайцев. Великобританское правительство предложило маленькому Сюю начать в этом году пропаганду среди монголо-бурятов, которые впервые за все время жизни монголо-бурятов в СССР призваны на военную постоянную службу, как и все остальные русские граждане. По мнению англичан, эти кадры легко использовать для начала восстания.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 165. Машинописная копия.

№ 54
Доклад инструктора Ведомства пограничной охраны Куликова о японской экспедиции на территории МНР

б/н

Не ранее 1 ноября 1925 г.[1]

17 июля сего года в местность Далай-Булак на территорию Монгольской Народной Республики прибыла японская экспедиция в числе 13 чел. членов экспедиции и 15 чел. рабочих-китайцев, которая была задержана пограничным постом и препровождена в местность Егузер[2] в 19-й Отдельный кавалерийский пограничный эскадрон[3]. По прибытии в эскадрон экспедиция не была тщательно осмотрена, благодаря чему некоторые вещи и документы изъяты не были и экспедиции их удалось сжечь. 4 сентября сего года была командирована от ГВО комиссия с задачей выяснения причин задержки и намерений экспедиции. Комиссии посредством предварительного опроса и имеющихся документов удалось установить следующее:

Экспедицию возглавляет некий Енде-Жуген[4], японский подданный, командированный обществом Южно-Маньчжурской железной дороги[5] «Кан-Тай-Гунсе»[6], а также в составе экспедиции находятся два человека, командированные военными властями, т. е. 1-й – Такасита, командированный Главным штабом Военного мини-

стерства Японии из Токио, и 2-й – Окояма – Штабом дивизии, расположенным в г. Порт-Артуре; остальные 10 человек являются как будто агентами Южно-Маньчжурского общества железной дороги. По отобранным документам и показаниям самих членов экспедиции установлено, что последняя прибыла с нижеследующими заданиями: обследовать Китай, Внутреннюю и Внешнюю Монголию и Маньчжурский край по следующим вопросам:

1) Обследовать местность Монголии и сличить имеющиеся у экспедиции географические карты с действительностью.

2) Выявить положение японских подданных, находящихся на территории Монголии, а также ознакомиться с деятельностью монгольской администрации.

3) Выяснить торгово-промышленное состояние Монголии.

4) Собрать сведения о положении милиции, таможенных учреждений, министерства финансов; количество имеющихся фирм, богатство Монгольской Республики, выяснить, через какие местности проходит железная дорога, состояние дороги и складов на ней.

5) Количество коммерческих товариществ, состояние гостиниц, быт крестьянства, хлебопашество и состояние пароходства.

6) Установить доходы и расходы отдельных хозяйств Монгольской Республики, количество кочующего населения, обследовать все богатства Монголии, а также годовой расход, производимый самим населением Монголии.

7) Выяснить оборотные суммы каждого района в отдельности и внутреннего рынка Монгольской Республики, а также экономический быт монгольского народа.

8) Установить существующие цены на разные предметы.

9) Обследовать состояние транспорта для передвижения грузов, а также установить положение рабочих и цены на труд.

10) Выявить положение коммерсантов, не имеющих определенных отраслей торговли.

11) Выяснить, какие имеются фабрикаты и заводы в Монголии и какая потребность в них.

12) Выяснить площадь посевов, количество домов, занимающихся хлебопашеством и количество населения, работающего в этой отрасли, количество едоков, виды хлебопашества, виды урожаев, в какое время производится посев разных хлебных злаков, виды посевов, какой способ применяется для улучшения посевов, есть ли орган, ведающий изучением и наблюдением за хлебопашеством, и какие применяются способы для реализации урожаев.

13) Какие районы преобладают лесными богатствами, размеры площадей, занимаемые лесами, качество лесов, для какой цели употребляются леса и способ наблюдения за лесами.

14) Как построены фабрики, какая связь фабрик с районами, обладающими природными богатствами, что производят фабрики, а также хорошие или плохие стороны производимых фабриками предметов и куда собираются фабрикаты.

15) Выяснить, какие имеются в Монголии горные богатства.

16) Выяснить районы, обладающие хорошо развитым скотоводством, какая порода скота, общее количество скота в Монголии, чем кормят скот, ес[ть] ли орган, который наблюдает и изучает скотоводство, а также способ собирания сырья.

17) Выяснить рыбное богатство и способ добывания соли.

18) Какие имеются коммерческие органы, в каком положении государственные склады, в каком положении торговля и промышленность государства.

19) Какие имеются органы для выпуска денег, какие ходят деньги на территории Республики, векселя, акции и какие взимаются проценты.

20) Законы правительства, существующие в стране.

21) Обследовать состояние городов в Монголии.

22) Какое имеется иностранное влияние в Монголии и ее международные отношения.

23) Климатические условия страны.

24) В каком положении находятся ваны и гуны (князья) и их влияние на монгольское население.

К докладу прилагаются копии протоколов допроса членов означенной выше экспедиции.

Инструктор ВПО Куликов

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 45–47. Машинописная копия.

№ 55
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о докладе датского посланника в Пекине Г. Кауфмана по ситуации во Внешней Монголии

№ 24679/и 17 ноября 1925 г.
г. Москва Литера «К»
Тов. Альпову[1]

Копии разосланы:
тт. Уншлихту[2], Карахану[3],
Аралову, Мельникову[4], Менжинскому[5], Ягоде[6],
Артузову[7], Ш.

При сем препровождается для сведения доклад датского посланника в Пекине Генриха Кауфмана о положении во Внешней Монголии. Доклад составлен на основании личной поездки Кауфмана в Ургу в августе – сентябре 1925 года.

Приложение: упомянутое.

Нач. ИНО ОГПУ Трилиссер[8]

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 176. Подлинник.

Приложение

№ 24679/п
г. Москва

16 ноября 1925 г.
Совершенно секретно

тт. Уншлихту
Карахану
Мельникову
Менжинскому
Ягоде
Артузову
Альпову
Ш. (2 экз.)
К делу

2 ноября 1925 г.

Доклад датского посланника в Пекине Генриха Кауфмана о положении во Внешней Монголии, основанный на личной поездке Кауфмана в Ургу в августе–сентябре 1925 г.

Пекин. 20 сентября 1925 г.

В сообщении датский посланник делится впечатлениями, вынесенными во время недавней поездки в столицу Монголии – Ургу.

Несмотря на обширность территории, занимаемой страной, площадь которой в 3 раза больше площади Франции, во Внешней Монголии до сих пор нет железных дорог. Весь транспорт производится при помощи верблюдов, автомобилей и лошадей. За последнее время автомобильное сообщение сильно развилось и на всем протяжении дороги, которая тянется на расстоянии 1000 километров, и которая ведет из Калгана в Китай, в течение месяца проходит несколько сот автомобилей через монгольские степи и через пустыню, проходящую из Гоби в Ургу. Делая по 12–14 часов в день, это расстояние пути, вдоль которого почти повсюду проходит Кяхтинская телеграфная линия Об-ва «Большой Северной телеграфной компании» (Датский телеграф), можно проделать на автомобиле в течение 4–5 суток, тогда как караваны верблюдов употребляют на это расстояние от 1 до 2-х месяцев. Но так как автомобильный транспорт обходится все же дороже, то пользование им еще очень ограничено. Экспорт страны, главные предметы которого составляют шерсть, мех и кожа, и импорт хлопчатобумажных тканей и чая производится, как и тысячи лет тому назад – через посредство караванов.

Население, составляющее приблизительно 600 000 человек, находится на гораздо более низком культурном уровне, чем китайцы. Кроме монахов (лам), которые почти все живут в монастырях, большинство населения ведет кочевой образ жизни, в палатках, которые они переносят с места на место, по мере того, как ищут новые места для проживания. Богатство страны составляют главным образом овцы, лошади и другие виды скота.

В данный момент Монголия является страной, где больше, чем где бы то ни было, поражает борьба между старым и новым. В Урге, например, наряду с прекрас-

ными храмами можно встретить разбросанные повсюду серые палатки и построенные в европейском стиле деревянные дома. На улицах разгуливают в национальных пестрых костюмах, большей частью верхом, монголы, не исключая женщин и священников, тут же можно встретить русских в европейских костюмах. Звон колокольчиков караванов верблюдов сливается с автомобильными гудками. Наряду с радиостанциями и телеграфными проводами повсюду встречаются почти непроходимые каменистые тибетские дороги. Недалеко от города находятся места, где разбросанные трупы пожираются собаками и волками.

В одном из своих последних сообщений датский посланник в Пекине отмечает громадное влияние, которым пользуется во Внешней Монголии Сов. Россия, и он во время своего последнего путешествия мог констатировать, что это влияние все усиливается. Большинство иностранцев в Урге составляют русские. Находящееся в стране небольшое количество англичан, американцев и датчан почти не пользуется никаким влиянием. Официально в Урге представлена только Сов. Россия. Представительство ее насчитывает около десяти человек. Не будет преувеличением сказать, что представитель Сов. России в Урге, его сотрудники и многочисленные русские советники распространяют свое влияние почти на все учреждения монгольского пр-ва и фактически являются правителями страны.

Формально Монголия является автономной страной, находящейся под китайским суверенитетом, а фактически во Внешней Монголии Китай не имеет никакого влияния, и китайцы даже с трудом получают разрешение на въезд в Монголию.

Мало-помалу монгольскому пр-ву удалось заручиться контролем над всей страной. Во главе управления страной, во всяком случае на бумаге, стоит демократическое пр-во, ответственное перед выборным собранием.

Во главе пр-ва стоит премьер-министр, которому подчинены все остальные члены «кабинета». Теперешний премьер – Цэрэндорж[9], очень властный человек, сумевший удержаться у власти и во время господства лам, китайцев, барона Унгерна[10] и теперь при господстве большевиков. Он очень умный человек и обладает большим политическим чутьем. Датскому посланнику удалось его посетить. Визит этот был устроен при содействии русского шарже д'афер Юдина[11], с которым посланник познакомился через посредство Карахана. Во избежание всяких недоразумений датский посланник попросил, чтобы при его аудиенции с монгольским премьером присутствовал и переводчик из советского представительства. Этот переводчик, довольно хорошо говоривший по-немецки, переводил все заявления датского посланника на русский язык, которые потом переводились на монгольский. Во время аудиенции, на которой также присутствовали кроме премьер-министра министр иностранных дел и министр просвещения, датский посланник умышленно избегал затрагивать политические вопросы. Самым интересным в интервью было не содержание обмена мнениями, а скорее вся окружающая обстановка.

Премьер-министр, который до сих пор носит косу, принял датского посла, согласно монгольским обычаям, в очень поношенном грязном костюме для верховой езды, сидя в кожаном кресле. Кругом были всякого рода предметы монгольского происхождения, так же как предметы импорта, полученные из Европы и Америки. Рабочий кабинет премьера был убран с претензиями на «европейский стиль» и ук-

рашен тремя портретами: наряду с портретом Ленина, портрет Хутухты и портрет одной женщины. Главным участником беседы были монгольский премьер и датский посланник. Мининдел, который судя по сведениям русского шарже д'афер, был когда-то пастухом, недавно получил портфель мининдела и во время упомянутой аудиенции оставался безучастным.

Все наиболее важные вопросы решаются премьер-министром. Формально все управление государством разделено между несколькими министерствами. В-последних, так же как и в «секретной тайной полиции», имеются русские советники, которые пользуются очень большим влиянием, отчасти благодаря своему более высокому культурному уровню. Благодаря этому влиянию в Монголии за последнее время был создан довольно сложный государственный аппарат по примеру СССР. Монголия, которая раньше была страной, где население пользовалось большой личной свободой, превратилась в страну, где нельзя сделать ни одного шага, не входя в конфликт с правительственными учреждениями, как, например, необходимо заручиться особым разрешением для сбора ягод в лесу и необходимо платить особый налог для ввоза их в город[12]. Введен целый ряд новых налогов, причем старые значительно увеличены. Самыми большими налогами облагается домашний скот. В случае если какая-либо семья не может платить налогов, то она может вместо налогов платить трудовой повинностью.

Взимаемые налоги идут на содержание гос. служащих, на зарплату рабочим, на военные расходы. Монгольская армия была снабжена русским снаряжением, артиллерийскими орудиями и даже несколькими русскими аэропланами.

Недавно был открыт Монгольский банк, управление которым находится всецело в руках русских, который вскоре приступит к выпуску банкнот. Это явится первым шагом к введению собственной монгольской монеты. До сих пор циркулировали в стране китайская серебрян. и медная монета и русские золотые царские рубли[13]. До сих пор применяется и будет продолжать применяться система товарообмена. Одновременно стала функционировать монгольская почта[14], которая, кажется, до сих пор работает далеко неправильно.

Цензура, которой подвергается вся почта, вызывает большое замедление в доставке почты. Монгольские почтовые марки до сих пор еще не признаны за пределами Монголии и России[15]. Письма, направленные в Китай с монгольскими марками, считаются неоплаченными, то же самое происходит с письмами, отправляемыми в Монголию из Китая.

Положение иностранцев в Монголии, за исключением русских, довольно ненадежно. Собственно, подданные союзных стран должны были бы пользоваться в Монголии экстерриториальностью как в Китае, но с тех пор, как Монголия отделена от Китая, права экстерриториальности не соблюдаются. Очень распространена система доносов. Люди подвергаются арестам при малейшем подозрении, без всяких на то оснований. Так как Монголия не признана независимым государством и так как кроме России ни одна страна не имеет там своих представителей, то в случае необходимости почти невозможно никакое вмешательство иностранных дипломатических и консульских властей в пользу своих соотечественников. В тех редких случаях, когда такое вмешательство имело место и когда иностранные консулы посылались в Ургу, их вмешательство не приводило почти ни к каким резуль-

татам. Ввиду этого, а также ввиду того, что русские стараются всячески вытеснить из Урги иностранцев, число последних значительно уменьшилось и многие иностранные закупочные бюро были закрыты. Продолжают в Монголии работать некоторые капиталистические предприятия, как «Бритиш Американ Тобакко Компани» или «Интернационал Экспорт Компани». В экономическом отношении русские имеют в Монголии все права первенства и в их руках находится контроль над некоторыми промышленными областями. Они ведут усиленную политическую пропаганду, особенно среди молодежи и с довольно большим успехом. В северной Монголии происходит усиленная колонизация сибирскими крестьянами[16], и если какие-либо неожиданные события не приостановят политику экспансии со стороны русских, то проводимая ими колонизация Монголии может в будущем привести к уничтожению ее политической независимости.

Согласно сведениям, полученным датским посланником из частных, но заслуживающих доверия источников, монгольское пр-во недавно получило конфиденциальное предложение присоединиться к Союзу ССР[17]. Нужно, между прочим, отметить, что такое предложение противоречит заключенному между Россией и Китаем временному соглашению от 31 мая 1924 г.[18] На этот раз у монголов хватило мужества отклонить это предложение, неизвестно, как дело будет обстоять в будущем.

Нач. ИНО

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 177–184. Машинописная копия.

№ 56
Заграндонесение об отношениях между Внешней Монголией и Советской Россией

№ 1167/к
г. Верхнеудинск

30 декабря 1925 г.
Совершенно секретно
Только лично
Хранить наравне с шифром

Начальнику Бурято-Монгольского Облотдела ОГПУ
тов. Ермилову[1]

КРО ПП при этом препровождает Вам для сведения заграндонесение «Отношения между Внешней Монголией и Советской Россией»

Приложение: упомянутое.

Нач. Секроперупр. ПП ОГПУ — Кантер
Зам. нач. КРО ПП — Канарейкин

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Поряд. № 141. Д. 235. Т 2. Л. 185. Машинописная копия.

Приложение

г. Харбин

18 декабря 1925 г.
Чрезвычайно секретно
Документально

Секретно «В»
Информация № 123

Отношения между Внешней Монголией и Советской Россией[2]

§ 1. Борьба с ламаизмом

Помехой советскому правительству на пути управления Внешней Монголией является живой Будда[3]. Советское правительство стремится уничтожить религию среди монгол Внешней Монголии так же, как оно притесняет религию у себя в России. Поэтому оно, в первую голову, стало всяческим образом притеснять живого Будду, который является центром монгольской религии. Но так как эти притеснения вызвали среди монгол только одну оппозицию и враждебное отношение к Советской России, то советское правительство ослабило свои притеснения и обратило свое внимание на монгольскую молодежь, среди которой оно задумало уничтожить религию путем пропаганды ленинизма.

Когда в марте прошлого года умер живой Будда, то советские власти в Урге не позволили объявить об его смерти на том основании, что опубликование о его смерти вызовет среди монгол волнения и нарушит общественное спокойствие[4]. Только после того, как в Пекине были закончены русско-китайские переговоры и подписан договор, что произошло в мае месяце, агентство «Роста» сообщило о смерти живого Будды. Никто не знает, по какой причине умер живой Будда, монголы глубоко убеждены в том, что он убит русскими.

Монгольский живой Будда обыкновенно выбирался в Лхасе (Тибет), он был религиозным главой Монголии и в то же время светским правителем ее. Вся политическая власть находилась в его руках. Для Монголии приглашение живого Будды из Лхасы было всегда очень серьезным делом. Ургинское правительство каждый раз в таком случае расходовало миллионы денег. Несколько лет тому назад из Лхасы был приглашен пятилетний живой Будда, но он умер на следующий же год после приглашения. Тогда пригласили другого ламу, который был избран живым Буддой. Вследствие этого Ургинское правительство совершенно обеднело и в течение нескольких лет после этого испытывало чрезвычайные финансовые затруднения[5].

Хотя в настоящее время большая часть монгольского народа горячо желает иметь живого Будду, но финансовое состояние Ургинского правительства не позволяет этого сделать. Кроме этого, советское правительство противится изо всех сил этому. (Дальше две строчки относительно живого Будды не вышли. – *Прим. пер.*[*]).

[*] Здесь и далее имеются в виду примечания переводчика с китайского.

Ленинизм, который проповедуется советским правительством во Внешней Монголии вместо ламайской религии, заключается в требовании равенства и уничтожении эксплуатации. Кроме этого, советское правительство, пропагандируя его, изо всех сил старается вызвать рознь между монголами Внешней Монголии и китайцами.

В этом смысле оно ведет пропаганду, указывая при этом:

Пункт 1. Что Монголия и Китай в прошлом не составляли одного целого.

Пункт 2. Что письменность и язык совершенно различные, каковое обстоятельство является самым лучшим доказательством того, что Монголия и Китай не одно и то же.

Пункт 3. Что история Монголии и Китая не одна и та же, что Монголия и Китай населены разными народами.

Пункт 4. Что хотя во время Цинской династии Монголия и была вассалом Китая, но в настоящее время с падением Цинской династии Монголия не обязана оставаться вассалом Китая.

Пункт 5. Что в Монголии должно быть создано Монгольское правительство из монгол.

Пункт 6. Что в настоящее время мы переживаем эпоху самоопределения народов.

§ 2. Образование Советской Республики Внешней Монголии

Когда в прошлом году 31 мая было подписано Русско-китайское соглашение, то Советское правительство объявило о смерти живого Будды, каковая скрывалась под величайшим секретом в течение трех месяцев.

19 июня Народная партия Внешней Монголии решила ввести во Внешней Монголии республиканский строй (*Прим. пер*. Дальше в тексте не вышло несколько строчек, но поскольку можно уловить, смысл этого пассажа следующий: Сов. правительство после интервенции в Монголию старалось образовать монгольско-народную партию в духе коммунистических принципов, с тем чтобы в будущем при ее помощи больше визировать всю Внешнюю Монголию и управлять ею).

В этот момент советский правительственный вестник напечатал следующую передовую статью, посвященную резолюции о введении во Внешней Монголии республиканского строя. (*Прим. пер*. Перевод передовой настоящей статьи опускается).

Таким образом, на Народном собрании Внешней Монголии, которое открылось в Урге 8 ноября[6], была принята Конституция Внешней Монголии, было объявлено об образовании Монгольской Трудовой Республики[7], был выбран Совет народных комиссаров (кабинет министров) и вместе с тем лидер Народной партии Внешней Монголии Янданзан[8] был назначен в Москву в качестве представителя Внешней Монголии.

Далее Народное собрание 11 ноября того же года избрало почетными председателями Народного собрания Внешней Монголии членов московского правительства Зиновьева, Калинина и Чичерина. Кроме этого, советский представитель в Урге Васильев[9], а также представитель 3-го Интернационала[10] (фамилия неразборчива) и председатель Совета Народных Комиссаров автономной Бурято-Монгольской Республики (фамилия неразборчива) были избраны членами почетного комитета и

в этот же день народному комиссару по иностранным делам СССР была отправлена следующая резолюция:

«Так как Союз Советских Социалистических Республик является страной дружественной Монгольской Трудовой Республике, то хозяйственное развитие последней должно обязательно пойти тем же путем, что и СССР. Лозунги Октябрьской Революции… (*Прим. пер*. Иероглифы не вышли.) Поэтому Монгольское народное собрание избрало своими почетными представителями Зиновьева и Калинина, чем оно выражает свои дружественные отношения к СССР.

Согласно Конституции, которая принята Монгольским народным собранием, земля и прочие богатства принадлежат государству. Все договоры, заключенные с иностранными государствами, а также все иностранные долги объявлены недействительными и упразднены все привилегии привилегированных классов. Согласно той же Конституции, свобода во всех ее видах и привилегии признаются только в интересах пролетариата (бедного трудового населения)»[11].

(*Прим. пер*. Дальше иероглифы неясны и потому нельзя перевести две строчки.) Затем далее следуют основные права трудового населения, согласно Конституции из 13 пунктов. Перевод этого абзаца опускается.

§ 3. Политическая организация

Народное собрание называется Хуралдан. Оно является высшим органом республики Внешней Монголии. Оно соответствует Советскому съезду советов. Постоянным центральным административным органом является Народный комитет[12], который является ответственным перед Народным собранием. Народный комитет ведает внутренней политикой, внешней политикой, финансами, армией, просвещением и юстицией.

Кроме Народного комитета и Высшего народного хозяйственного совета имеется еще Военный совет[13]. Председателем Народного комитета в настоящее время является Чиорторген[14]. Его тов. председателя Амо[15], вместе с этим носящий обязанности комиссара по внутренним делам. (*Прим. пер*. Дальше несколько строчек не вышли. В них, судя по иероглифам отдельным, идет речь о том, кто из народных комиссаров выполняет какие обязанности.) На местах простые административные единицы называются хошун (соответствует деревне).

Вторым решающим пунктом является аймак. Аймачный совет выбирает членов Хуралдана.

§ 4. Военное дело

Точных цифр относительно количества советских войск, которые находились во Внешней Монголии, не имеется. С 1920 г., когда сов. правительство произвело интервенцию во Внешн. Монголию, по 2 февраля текущего года, когда Карахан официально объявил Пекинскому правительству об эвакуации из Монголии, в течение приблизительно четырех лет Внешняя Монголия находилась во власти советских красных войск. С самого начала советские офицеры вели обучение по новейшим методам и таким образом они создали базу под ногами Красной Армии.

Когда эвакуация [советских войск из] Внешней Монголии на основании Русско-китайского соглашения стала неизбежной[16], то сформирование Монгольской советской армии (Народной армии) было ускорено. После создания Монгольской Республики количество монгольских народных войск достигло 4 дивизий. Она состоит из 48 000 человек, на которых приходится пехоты 36 000 и кавалерии 7000, а остальные приходятся на кавалерию[17].

Офицеров имеется 940 человек, из них 1/4 часть приходится на долю советских офицеров. Как передают, во время сформирования Народной армии (14 сентября прошлого года) советское правительство дало Внешней Монголии 6 артиллерийских орудий большого калибра, 35 артиллерийских орудий малого калибра, 48 пулеметов и 2200 винтовок.

В ноябре прошлого года в дополнение к Конституции были приняты следующие основные военные законы[18]. Правительство Республики монгольского трудового населения, ввиду внутреннего и внешнего положения оставляет за собой право устанавливать дружественные отношения с капиталистическими странами, но во всяком случае оно будет решительно бороться против того, кто будет покушаться на самостоятельность Монгольской Трудовой Республики. В связи с этим Народным собранием[19] принимаются на основании Конституции следующие основные законы:

§ 1. (*Прим. пер*. Так как во многих местах иероглифы совершенно не вышли, то перевод этого пассажа опускается.)

(*Прим. пер*. Послед. несколько строчек, иероглифы которых не вышли, следует полный текст военного секретного договора между Россией и Монголией.)

Пункт 1. Сов. правительство гарантирует правительству Внешней Монголии снабжение оружием.

Пункт 2. В случае военного столкновения между Внешней Монголией и Китаем сов. правительство не будет поддерживать китайского правительства.

Пункт 3. Сов. Россия и Внешн. Монголия совместно несут охрану границ красной Монголии. Кроме этого, в том случае, когда это будет необходимо для поддержания общественного спокойствия, Внешняя Монголия может обратиться к сов. правительству с просьбой, чтобы была оказана помощь со стороны советских войск.

Пункт 4. Правительство Внешней Монголии поручает обучение монгольской армии 270 офицерам. (*Прим. пер*. Часть текста в этом пункте не вышла.)

Пункт 5. Китайским войскам не разрешается находиться во Внешней Монголии и, кроме этого, запрещается китайская колонизация.

Пункт 6. Что касается мероприятий монгольского правительства по отношению к Китаю, то Советский Союз не будет на них возражать, поскольку эти мероприятия не будут затрагивать интересов Советского Союза.

§ 5. Монопольный захват прав и интересов Сов. Россией

а) Банковское дело.

В Урге находится объединенный русско-монгольский банк. Он является органом Сов. Союза и единственным банковским органом Внешней Монголии.

Вместе с этим он является банком правительства Внешней Монголии. Деятельность его защищена законами. Этот банк монополизировал банковские дела Внешней Монголии. (*Прим. пер*. Последняя часть фразы испорчена.)

б) Автомобильный транспорт

Между Калганом и Ургой очень часто ходят грузовые автомобили, которые производят перевозку пассажиров и грузов. Одно время количество этих автомобилей доходило до 125 штук. На пробег автомобилей туда и обратно нужно было 10 дней. Чистая прибыль доходила, по крайней мере, до 300 чел. в месяц.

Этим делом занимались китайцы, русские, англичане, шведы, немцы и австрийцы. Но совсем недавно правительство Внешней Монголии запретило частную эксплуатацию автомобилей. В настоящее время между Ургой и Калганом курсируют только автомобили советского Дальгосторга[20], а также одной китайской фирмы, принадлежащей Фэн Юйсяну: как говорят, Фэн Юйсян в целях изыскания источников доходов вел по этому вопросу переговоры с советским правительством и в результате получил полумонополию. Само собой разумеется, что автомобили, совершающие пробег между Ургой, Кяхтой и Читой и Верхнеудинском, принадлежат советскому правительству.

в) Постройка железных дорог и концессии

Советское правительство намерено провести железную дорогу от одного из пунктов на Сибирской жел. дороге к Урге и далее вывести ее на Калган.

Относительно постройки жел. дороги Верхнеудинск, Кяхта и Урга недавно заключено соглашение[21] между правительством Внешней Монголии и СССР. На постройку дороги деньги будут даны Русско-монгольским банком в сумме 500 000 з[олотых] руб. К работам будет приступлено в ближайшем будущем. Договор на постройку названной дороги, по китайским сведениям, состоит из следующих статей:

Статья 1. Советское правительство проводит во Внешней Монголии жел. дороги вместо монгольского прав-ва и прокладывает железнодорожный путь от Урги до Читы.

Статья 2. Для постройки жел. дороги между Ургой и Читой создается специальное общество. При этом четвертую часть расходов несет монгольское правительство, а 3/4 всех расходов принимает на себя советское правительство.

Статья 3. Жел. дорожные инженеры приглашаются из России. Надзор за железной дорогой принадлежит сов. прав-ву.

Статья 4. На постройке жел. дорог пользуются монгольскими рабочими. В постройку дороги монгольское правительство вмешиваться не может.

Статья 5. На протяжении 100 миль вдоль линии жел. дор[оги] русские могут свободно строить дома или же покупать их.

Статья 6. Русские имеют право разрабатывать горные и лесные богатства в 100 русских верстах вдоль полосы железной дороги.

Статья 7. Почта, телеграф и телефон вдоль линии жел. дороги находятся под контролем советского правительства.

Статья 8. После окончания постройки жел. дороги обязанность охранять линии лежит на советском правительстве.

Статья 9. Служащие дороги назначаются сов. правит[ельств]ом.

Статья 10. Поступления и расходы настоящей жел. дороги должны находиться под контролем Советского Союза.

Статья 11. Через 50 лет после постройки настоящей жел. дороги она может быть выкуплена монгольским правительством.

Статья 12. В том случае, если в названный срок монгольское правительство не сможет выкупить жел. дорогу, то тогда сов. правительство обязано ее вернуть бесплатно монгольскому правительству через 90 лет.

§ 6. Запрещение въезда в Монголию всем иностранцам

Все иностранцы, которые приезжают во Внешнюю Монголию, должны иметь при себе разрешение (хучжао[22]), выданное Ургинскими властями. Сборы за хучжао 5 долл. в том случае, если оно выдано на один год, и два доллара, если оно выдано на полгода.

Обыкновенно в действительности разрешение на въезд во Внешнюю Монголию выдается только немногочисленным китайцам, которые имеют торговые отношения с Ургой; китайцам, не имеющим никаких торговых дел, и вообще иностранцам разрешение на въезд совершенно не выдается.

Но, несмотря на это, советские граждане могут приезжать во Внешнюю Монголию совершенно свободно. (*Прим. пер*. Дальше текст настолько испорчен, что ничего нельзя разобрать.)

§ 7. Действительные намерения советского правительства

(*Прим. пер*. В начале настоящего параграфа иероглифы не вышли, а далее следует): действительно намерения советского правительства заключаются в том, чтобы отторгнуть Внешнюю Монголию от Китая, применив для этого принцип национального самоопределения. Что это действительно так, в этом не приходится сомневаться, принимая во внимание изложенное выше. (*Прим. пер*. Дальше текст опять совершенно испорчен.) Среди ответственных членов Ургинского правительства имеются лица, которые втайне обеспокоены расширением советского влияния во Внешней Монголии и которые хотели бы изгнать советское влияние, противопоставив ему китайское влияние. Но эти лица принадлежат к китаефильской партии, которая не имеет никакой силы и совершенно не может тягаться с русофильской партией. Так как китайский лозунг создания республики из пяти народов[23] для монголов равносильно насаждению в Монголии китайского империализма, то Внешняя Монголия постепенно отделяется от Китая.

§ 8. Фэн Юйсян и Внешняя Монголия

Внешняя Монголия естественно должна находиться в сфере влияния северо-западного дубаня[24], то есть Фэн Юйсяна, но, как изложено выше, Внешняя Монголия совершенно подчинена советскому влиянию.

Кроме этого, монголы настолько враждебно относятся к Китаю, что их враждебность смягчить не представляется возможным. Проявлением этого враждебного отношения монголов к Китаю являются те притеснения, которые монголы чинят при въезде в Ургу китайцев и проживанию в ней. В марте месяце настоящего года советское правительство послало Фэн Юйсяну оружие на 45 автомобилях, которые должны были выйти из Урги в Калган. Но эти автомобили были арестованы монгольским правительством и были отпущены только после переговоров с ними советского правительства.

Так как Внешняя Монголия является помехой Фэн Юйсяну для его сношений с Советской Россией, то он старается так или иначе смягчить отношение к себе со стороны Внешней Монголии и обеспечить себе единственный путь за границу. Есть признаки того, что он готов для этого пойти на всевозможные жертвы. (*Прим. пер*. Далее текст опять испорчен.)

Однако, что в будущем отношение Внешней Монголии к Фэн Юйсяну может смягчиться, мы этого не предполагаем. Советское правительство по-прежнему продолжает беспрерывно посылать Фэн Юйсяну оружие и боевые припасы через Внешнюю Монголию. Оружие, пересылаемое таким образом, Фэн Юйсяном получается в одном пункте, который отстоит от Урги и на котором не простирается действительная власть монгольского правительства. Затем далее оружие пересылается до станции Пиньдисюань по Дзинсуйской (Пекин – Калганской) железной дороге.

Конец

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 186–192.
Машинописная копия.

№ 57
Информационное сообщение о планах Дугара[1] во Внешней Монголии

№ 22/БРС — Не позднее 28 февраля 1926 г.
г. Верхнеудинск

Уважаемый товарищ Б.!

При этом препровождаем копию заграндонесения о намерениях Дугара – для принятия соответствующих мер и разработки. О результатах разработки просим Вас регулярно информировать.

Приложение: на одном листе.

С компривetом, Ермилов

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 221.
Подлинник (факсимиле).

Приложение

Планы Дугара

В Суйюане (особый округ Внутренней Монголии к западу от Калгана) находится очень крупная китайская фирма «Дашэнкуй»[2], ведущая торговлю со Внутренней и Внешней Монголией в течении многих десятков лет. Эта фирма имеет за монголами Внешней Монголии до двух миллионов долгу. По установлении во Внешней Монголии Народного правительства эти долги для фирмы стали безнадежными. Поэтому фирма изыскивает всевозможные способы, чтобы получить хотя бы часть этих долгов. Она заявила, если найдется человек или группа лиц, могущих свергнуть Народное правительство Внешней Монголии, то она поможет им всеми средствами, находящимися в ее распоряжении; свои же издержки по этому предприятию она надеется получить с избытком с монголов после их покорения. С этой фирмой в очень близких отношениях находится некий Дашням-тайджи, монгол из Мэргэновского хошуна Внешней Монголии, бежавший в Ордос со своей всей семьей после установления Народного правительства во Внешней Монголии. Этот Дашням дружен также с Дугаром (из комсостава Нарревармии, бежал из Урги) и Цэвэнноровом. Теперь Дугар, Цэвэннорбо и Дашням предполагают созвать в Суйюане группу своих единомышленников, выработать план будущих действий и обратиться с ним к фирме «Дашэнкуй» для получения субсидии. Эта субсидия будет взята по официальному договору между организационной группой повстанцев и фирмой «Дашэнкуй». По получении денег они предполагают войти в контакт с Чжан Цзолинем и начать партизанские набеги на Внешнюю Монголию со стороны Ордоса и горы Соельджи. (Соельджи находится там, где сходятся границы Барги, Внутренней и Внешней Монголии.)

Весной нынешнего года Дугар виделся с Чжан Цзолинем и говорил с ним о своих планах. Чжан Цзолинь предложил ему для окончательных переговоров приехать к нему осенью и в скором времени Дугар должен уехать в Мукден.

Дугар и Цэвэннорбо до сих пор проживает в Утайшане[3] (монастырь в провинции Шаньси).

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 224.
Заверенная копия.

№ 58
Государственная внутренняя охрана Монголии[1]

б/н
г. Москва

Совершенно секретно

Приложение 1

Положение
об отделах Государственной внутренней охраны

1.

Главное Управление Государственной внутренней охраны имеет три отдела:

1) Общий административно-хозяйственный.

2) Секретно-оперативный.

3) Военно-пограничный.

2.

На Общий административно-хозяйственный отдел возлагаются следующие задачи:

а) Правильная постановка работы общей канцелярии и своевременное исполнение входящей и исходящей корреспонденции и переписки Главного управления, проходящей через общую канцелярию вообще.

б) Выработка сметы Государственной внутренней охраны, получение по ней сметных ассигновок и всех видов довольствия и отчитывание по ним.

в) Содержание в чистоте помещений, занимаемых Управлением, принятие своевременных мер к ремонту, оборудованию, приспособлению и отоплению их.

г) Исправное содержание, внутренний распорядок и санитарное состояние мест заключения Главного Управления.

д) Правильная постановка охраны как помещений Главного управления, так и мест заключения.

е) Правильная постановка приема и учета арестованных в комендатуре.

ж) Исправное состояние связи в чем бы она ни выражалась, принятие своевременных мер к ремонту средств связи и передвижения.

з) Прием и учет поступающих в распоряжение Главного управления официальных сотрудников, выяснение и обследование неясных сведений из анкет вновь поступающих, наведение справок о них и добыча характеристик с прежних мест службы.

к) Изыскание источников пополнения сотрудниками.

л) Плановая переброска сотрудников.

м) Составление послужных списков сотрудников.

н) Разработка дислокаций, подчиненных Главн. управлению органов.

о) Наблюдение за правильным толкованием и применением к работе положений, инструкций и приказов, разъяснение и растолкование непонятных организационных вопросов.

3.

На Секретно-оперативный отдел как на оперативный орган Главного управления возлагается выполнение тех функций, кои указаны в пунктах 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 раздела III Общего положения Госвнутрохраны.

Начальник Секретно-оперативного отдела является первым заместителем Начуправления ГВО и утверждается правительством.

Секретно-оперативный отдел возложенные на него задачи осуществляет через подчиненные ему отделения: информационно-агентурное, активное и иностранное.

1. На информационно-агентурное отделение возлагается:

а) Всестороннее освещение районов республики, населения, проживающего на территории республики, работы государственных учреждений в целом и отдельных их сотрудников, предприятий и т. д.

б) Выявление преступных деяний целых групп или отдельных личностей.

в) Вербовка и инструктирование осведомителей.

г) Сбор сведений и обработка таковых.

д) Суммировка полученных сведений и обработка таковых на предмет выяснения причин ненормальных явлений и изыскания средств к их удалению.

е) Наружное и отчасти внутреннее наблюдение за подозрительными и уличенными в преступных деяниях элементами.

ж) Розыск преступного элемента.

з) Суммировка и обработка агентурных сведений.

к) Вербовка и подготовка нужных агентов.

л) Выполнение специальных заданий, даваемых нач. ГВО, нач. ВПО[2], нач. сек.-опер. отдела и начальниками активного и иностранного отделений.

м) Руководство информационно-агентурной работой в подчиненных Главн. управл[ению] аппаратах.

н) Регистрация лиц и групп согласно специальной инструкции.

о) Выдача справок и сведений о зарегистрированных личностях.

п) Составление списков зарегистрированных, разыскиваемых лиц для сообщения в другие органы розыска.

р) Политический контроль корреспонденции и зрелищ.

2. На Активное отделение возлагается:

а) Разработка дел и направление борьбы с различными преступлениями, борьба с коими входит в функции ГВО.

б) Разработка материалов.

в) Концентрация сведений о таковых и изучение их.

г) Всесторонняя разработка дел по обвинению в преступлениях, развитие разработки и производство ликвидационных и пресекающих операций.

д) Производство допросов, собирание, подбор и изучение уличающих документов, сведений и фактов.

е) Суммировка всех обвинительных материалов (заключение по делу).

Активное отделение кроме общих средств осведомления, выявления, розыска и регистрации имеет своих секретных агентов, лично подчиненных тому или иному уполномоченному Активного отделения.

Начальник Активного отделения является первым заместителем начальника Секрет-оперативного отдела.

3. На Иностранное отделение возлагаются те же задачи что и на активное отделение только с тем расчетом, что оно свою работу распространяет на иностранцев.

Иностранное отделение, как и Активное отделение, имеет своих секретных агентов. Начальник Иностранного отделения является вторым заместителем начальника Секоперотдела.

На Военно-пограничный отдел возлагаются следующие задачи:

а) Детальное, всестороннее освещение Народной армии и своевременное информирование Военного совета на предмет принятия нужных мер по устранению всего, что отрицательно действует на мощь армии.

б) Разработка дел и направление борьбы со шпионажем в различных видах его проявления, контрреволюцией, технической изменой и крупными должностными преступлениями в войсках и учреждениях Нарармии.

в) Организация осведомительной сети в частях и учреждениях Нарармии.

г) Руководство работой уполномоченных при частях М. Армии.

д) Выработка мероприятий по вопросу усиления мощи МНА[3] и представление таковых на рассмотрение Военному Совету и проведения затем их в жизнь.

е) Учет и наблюдение за админхозполитсоставом армии.

ж) Выработка мероприятий по политической охране границ и проведение таковых в жизнь.

з) Наблюдение за правильным проведением в жизнь мероприятий охраны границ подведомственными ГВО аппаратами.

к) Выработка мероприятий по борьбе с контрабандой и проведение таковых в жизнь.

л) Повседневное руководство работой уполномоченных при частях, пограничных пунктах, постах и контрольно-пропускных постах.

м) Инспектирование подведомственных ВПО аппаратов.

н) Выработка новых методов и приемов в работе и преподание таковых всему составу ВПО в целом.

о) Выполнение специальных заданий Военного совета.

Поскольку Военно-пограничный отдел имеет специальные задачи и значение, постольку положение о ВПО должно быть составлено отдельно и утверждается Военным Советом.

Начальник Военно-пограничного отдела является вторым заместителем начальника Государственной внутренней охраны и утверждается Советом министров и Военным советом.

Местный аппарат Государственной внутренней охраны конструируется следующим образом:

а) В Кобдоском округе создается аппарат Кобдоского окружного отделения, которое ведает работой ГВО как в округе, так и по границе.

б) В аймаках создаются пункты, которые возглавляются уполномоченными Государственной внутренней охраны.

в) В пограничных районах создаются пограничные пункты Госвнутрохраны, которые по границе имеют свои пограничные посты.

г) На самых оживленных дорогах, ведущих за границу, создаются для контроля проезжающих контрольно-пропускные посты.

д) При отдельных войсковых соединениях МНА учреждаются официальные представители Военно-пограничного отдела Государственной внутренней охраны.

Положение
об аймачных пунктах Главного управления Государственной внутренней охраны Монгольской Народной Республики

Раздел I

1. Аймачный пункт непосредственно подчиняется Главному управлению Государственной внутренней охраны, коему и отчитывается во всех своих действиях.

2. Во главе аймачного пункта стоит уполномоченный, назначаемый Главным управлением Госвнутрохраны.

Раздел II

Аймачный пункт Госвнутрохраны имеет следующие основные задачи:

1. Информирование Главного управления ГВО и аймачного председателя о политическом и экономическом состоянии аймака.

2. Информирование Главн. управ. ГВО и аймачного председателя о степени успешности проведения в жизнь в аймаке главнейших мероприятий правительства и аймачного самоуправления как аймачными государственными органами, так и отдельными работниками таковых.

3. Информирование Главн. управл. ГВО и аймачного председателя о деятельности аймачных учреждений.

4. Информирование Главн. упр. ГВО о деятельности иностранных учреждений и отдельных иностранцев.

5. Выполнение заданий Главного управления ГВО по борьбе с контрреволюцией во всех ее видах и проявлениях, бандитизмом, шпионажем, должностными преступлениями, саботажем, крупным взяточничеством, крупной контрабандой и др. преступлениями, кои будут иметь место в аймаке, обслуживаемом уполномоченным.

Раздел III

В соответствии с задачами, возлагаемыми на аймачный пункт, функции такового следующие:

1. Организация и насаждение осведомительного аппарата в багах, сомонах, хошунах и аймачных отделах и учреждениях.

2. Инструктирование и руководство осведомительной сетью в аймаке.

3. Собирание, обработка, систематизация и сообщение в Главн. управлен. ГВО всех сведений и материалов, получаемых при помощи своего аппарата.

4. Всестороннее освещение, при помощи осведомительной сети политического и экономического состояния аймака и выявление причин, влияющих на изменение в ту или иную сторону этого состояния.

5. Детальное освещение при помощи осведомительной сети и информации аймачных госорганов и отдельных лиц степени успешности проведения в жизнь в аймаке главнейших мероприятий правительства и аймачного самоуправления как аймачными госорганами, так и отдельными работниками таковых. Выявление всех ненормальностей, дефектов и преступлений.

6. Детальное освещение при помощи своего осведомления и сведений, получаемых от госорганов и отдельных граждан, деятельности всех аймачных государственных органов.

Выявление всех ненормальностей, преступлений. Своевременное принятие нужных мер как через аймачного председателя, так и с санкции Главн. управления ГВО самому непосредственно.

7. Учет, негласное наблюдение и выяснение цели нахождения на территории аймака иностранцев и в случае надобности с санкции Главн. упр. ГВО принятие соответствующих мер (предупредительные меры, пресечение, ликвидация).

8. Выявление преступных деяний как отдельными гражданами, так и групп, находящихся в аймаке, борьба с коими входит в компетенцию ГВО. Обработка всех материалов по выявлению вышеуказанных действий, сообщение этих сведений в Главн. упр. ГВО и принятие согласно директив Главн. упр. дальнейших мероприятий.

9. Учет, регистрация и наблюдение политически неблагонадежного элемента, проживающего на территории аймака.

10. Выполнение заданий Главн. управл. ГВО по розыску.

11. Производство по заданиям Гл. упр. ГВО дознаний.

12. Проверка и учет личностей приезжающих в пределы аймака.

13. Выдача Гл. упр. ГВО справок, нужных таковому для заключений по въезду и выезду иностранцев, а также для выдачи разрешений на право хранения оружия и покупки боеприпасов.

14. Выдача Гл. упр. ГВО справок о благонадежности тех или иных лиц, проживающих на территории аймака.

15. Учет всего оружия, находящегося на руках у лиц, проживающих на территории аймака.

16. Наблюдение за почтово-телеграфными конторами, находящимися на территории аймака.

Раздел IV

Возложенные Главным управлением Госвнутрохраны задачи аймачный пункт выполняет посредством своего секретного осведомительного аппарата.

Раздел V
Права аймачного пункта Госвнутрохраны

1. Аймачный пункт ГВО в процессе своей работы должен использовать наряду с неофициальными материалами и официальные, почему все отделы, госорганы, предприятия и отдельные граждане должны по первому требованию уполномочен-

ного госсведения, будь то устного характера, будь то в письменном виде, представлять в аймачный пункт ГВО.

2. Аймачный пункт имеет право производства выемок, обысков и арестов лиц, заподозренных и уличенных в преступных деяниях, борьба с коими возложена на органы ГВО.

Примечание: 1. Все обыски, выемки и аресты аймачным пунктом производятся только с ведома и санкции Главного управления ГВО. 2. Самостоятельно аймачный пункт производит обыски, выемки и аресты только в случае необходимости принятия экстренных мер. В этом случае Уполномоченный ГВО доводит до сведения аймачного председателя и немедленно после ареста доносит в Главное Управление ГВО. 3. Все арестованные аймачным пунктом после предварительного опроса направляются в Главное Управление ГВО.

3. Аймачный пункт имеет право требовать от лиц, возглавляющих те или иные отделы и учреждения, создания ревизионных комиссий с участием представителей аймачного пункта ГВО.

4. Все контрольные и ревизионные комиссии, создаваемые в аймаке, проводят свою работу с представителями аймачного пункта ГВО.

Примечание: В случае если уполномоченный ГВО не будет иметь возможности послать одного из сотрудников пункта, он может уполномочить участвовать в комиссии другое лицо.

5. Аймачный пункт имеет право производить выемки и задержания контрабандных товаров [у] лиц, проживающих на территории аймака, согласно на то указаний Главного управления ГВО.

Раздел VI

Денежные суммы на расходы аймачный пункт получает от Главного управления Государственной внутренней охраны, коему отчитывается в израсходовании таковых.

Раздел VII

Право контроля над деятельностью аймачного пункта Госвнутрохраны имеет исключительно Главное управление Государственной политической охраны[4].

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 187–196. Машинописная копия.

Приложение № 2

1 марта 1926 г.

1. Инструкторский состав ГВО

1. Инструктор СОЧ – Балдаев[5] (ныне врид главного инструктора ГВО). Член РКП с января 1920 г., бывший нач. Востотделения отдела ОГПУ Бурреспублики, бурят.

2. Инструктор Иностранного отделения СОЧ – Дубровский Б. (Давыдов). Член РКП с 1917 г., ленинградский рабочий, бывш. нач. КРО Забайкальского, Амурского отделов ОГПУ, русский.

3. Инструктор ИнфоСОЧ – Дудиков Д. Б. Член РКП с <…> г.[6], бывш. нач. ИнфоОтдела ОГПУ БМР и НачСОЧ Троицкосавского погротряда ОГПУ, еврей.

4. Инструктор Военпогранотдела Куликов (один). Беспартийный, бывш. нач. Акиинского погротдела ОГПУ.

2. Рядовой совсостав ГВО

Уполномоченные:

5. Виттэ. Беспартийный, работал на Сексети Инфо ПП ДВК, русский.

6. Тарантаев. Член РКП с 1920 г., бывш. п/уполн. Отдела ОГПУ БМР и Тр.-Савского Погротряда ОГПУ, бурят.

7. Балыков. Кандидат РКП, комсомолец, был ранее на партработе, бурят.

8 Золотухин. Член ВКП, работал комдивизионом в войсках ОГПУ.

9. Доржиев (комендант). Кандидат ВКП. Командирован в [19]21 г. Дальсекретариатом ИККИ и РВС 5 на армейскую работу, калмык.

10. Катков В. Бывший резидент ГВО в Маньчжурии, беспартийный, русский.

11. Бассейн. Бывший телеграфист, беспартийный, знает английский язык, русский.

Балдаев

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 212. Машинописная копия.

№ 59
Докладная записка врид главного инструктора ГВО Балдаева о Государственной внутренней охране Монголии[1]

б/н 1 марта 1926 г.

Руководство ОГПУ

I. Задачи ГВО и ее роль в государственном строительстве Монголии и ее политическая жизнь

Госвнутохрана, созданная в процессе развития национально-революционного строительства независимой Монголии и существующая на правах отдела правительства, имеет перед собой те же задачи (в собственных монусловиях[2], конечно), что и ОГПУ СССР и построена она по тому же принципу, что и ОГПУ. Отсюда она, как твердое орудие революционной борьбы, по сравнению с другими органами госуправления, имеет особо серьезное значение для руководящей страной Нарревпартии и от нее пользуется большими, чем другие органы, вниманием. Кроме своего основного назначения органа, борющегося с происками контрреволюции, она для ЦК НРП еще тем важна и серьезна, что в условиях политической жизни нынешней Монголии она, смотря по обстоятельствам, используется борющимися внутри руководящего состава НРП группами и отдельными лицами как оружие борьбы с своим противником, и примеры Бодо[3], Данзана[4], Ринчино[5] определенно говорят и доказали, что в борьбе отдельных групп в ЦК роль ГВО огромна и отсюда, как следствие этого, необходимость держать ее в крепких руках и ни на минуту не ослаблять к ней внимания для ЦК ясна. Поэтому и ныне малейшие изменения в настроениях ЦК в первую очередь отдаются на ГВО, и в зависимости от соотноше-

ния сил в нем в ГВО начинается смещение и размещение ответственных работников и пр. Для примера можно привести историю смещения нач. ГВО Баторуна[6] и назначения нынешнего Насан-Бата и начсоч Жамцарана – нынешним Сэрэтэром. В условиях нынешней Монголии, где у правящей страной НРпартии нет прочных классовых основ, когда в ней особенностями исторического развития и национально-революционного движения скоплены социально-разнородные элементы (феодалы, ламы, чиновничество, нацинтеллигенция и т. д.) и когда, наконец, в ней социальная разнородность и противоречие интересов этих, составивших правящую партию разношерстных выходцев начинает сказываться, это положение и специфическая роль ГВО по отношению к правящей партии, пожалуй, понятна и иначе быть и не могло бы. С этой стороны, стало быть, ГВО, помимо своего прямого назначения – органа партийной и государственной диктатуры, является еще некоторым показателем, барометром настроений правящих кругов НРпартии. Это положение еще более усугубляет и заостряет значение ГВО для нас, и в этом направлении одной из наших задач должно быть, по Вашему мнению, подробное изучение этой особенности и, в зависимости от результатов, выработка надлежащей линии [и] методов в направлении использования или ликвидации этой ее особенности.

II. Масштаб работы и аппарат ГВО

Несмотря на то, что ГВО является госорганом, обслуживающим или долженствующим обслужить всю страну, на самом деле, вплоть до последнего времени ее работа, главным образом, концентрировалась в самой Урге (столице Монголии) и за ее пределы почти не выходила. Это объясняется, конечно, не тем, что у руководящих работников не было на это желания, или чем-нибудь в этом роде, а тем, что вся политическая жизнь Монголии за пределы Урги не распространялась, что Урга, как единственно крупный экономический и политический центр, собирал и воплощал жизнь всей Халхи, и отсюда она должна была быть главной ареной деятельности ГВО. Только за последнее время в связи с некоторым оживлением худонской жизни, развитием партийной и государственной работы на местах (худонах – районах и уездах) и масштаб работы ГВО выходит за пределы Урги и ее аппарат ныне создается по всем аймакам, и приступают к организации погранохраны. Таким образом, к настоящему моменту масштаб работы ГВО распространяется на всю территорию Внешней Монголии (Халхи) и ее аппарат создается по всем ее районам.

Центральный аппарат состоит из отделов: 1) административно-общего, 2) военно-пограничного (с совмещением функций особого отдела) и 3) секретно-оперативного. Последний, в свою очередь, делится на: а) информационно-агентурное, б) активное и в) иностранное отделения. Функции тех и других тождественны с функциями отделений наших отделов. Во главе ГВО стоят назначаемые ЦК и правительством начальник и комиссар, а во главе отделов представляемые ими и утверждаемые правительством и ЦК начальники отделов и отделений. Штаты Центрального управления на 1926 г. разработаны в 68 человек и утверждены правительством в 53–60 чел. (Точно не помню, ибо с собой их не имею.) (Положение о ГВО и его отделах см. прилож. 1). Кроме указанного руководящего монсостава ГВО обслуживается еще специальным инструкторским составом в лице пяти ответствен-

ных инструкторов и целым рядом рядовых наших работников, так что в общей численности по своему составу она делится на 75% монгольских и 25% советских работников. (Списки наших работников ГВО см. прилож. № 2).

Местный аппарат ГВО – аймачные уполномоченные назначены по всем аймакам, и штаты им даны в среднем в пять человек.

III. Взаимоотношения инструкторского и совсостава ГВО с монсоставом работников и система работы инструктажа[7]

Права инструкторского состава ГВО официально ни в одном из существующих договоров и соглашений с Монправительством не оформлены, и инструктаж существует и выполняет свои задания в пределах фактически возможного, не заходя в своих требованиях до каких-либо конфликтов, кои регулировались бы существующими соглашениями. Это формально неопределенное положение инструктажа, конечно, ненормально, и со временем на почве возможных взаимонепониманий из-за этого могут быть различные недоразумения. Поэтому в настоящий момент, когда нужно вплотную приступить к строительству ГВО, этот вопрос перед нами встает в первую очередь и требует наискорейшего разрешения в виде определенного соглашения между ПП СССР и Монправительством.

В повседневной работе инструктажа каких-либо эксцессов не замечается, и взаимоотношения с монсоставом, как будто, нормальны. Много недоразумений и препятствий нормальной работе создает, конечно, незнание инструктажем языка, но кроме этого иных явлений, указывавших на серьезные расхождения, нет.

Инструктаж свои задачи по строительству ГВО выполняет путем разработки тех или других мероприятий, и законы, касающиеся деятельности ГВО, представляет в пр-во через нач. ГВО. Положительное же разрешение своих вопросов в ЦК и пр-ве инструктаж обеспечивает предварительным согласованием их с Полпредом СССР и уполн. ИККИ, каковой и должен надлежащими путями провести их в ЦК и пр-ве (смотря по обстоятельствам, когда это удается).

Единственный за все время работы инструктажа крупный скандал произошел летом п[рошлого] г[ода] в связи с безответственными выступлениями некоего т. Нетупского[8], действовавшего от имени ОГПУ (в частности т. Трилиссера), вербовавшего нач. ГВО Баторуна и Насанбата, спевшегося с Ринчино и пустившего слух о том, что в «ГВО сидят шпионы» с персональным указанием на некоторых инструкторов. (Материалы ПП ОГПУ ДВО, специальное следствие НачКРО ПП т. Берзина, по линии НКИД и Коминтерна.) В связи с этим монголы поставили вопрос так, что, «несмотря, мол, на Ваши дружественные отношения, на предоставление нами инструкторских мест в своем аппарате, СССР посылает своих шпионов смотреть за ЦК и правительством», почему через некоторое время со стороны правых групп ЦК была сделана попытка сократить инструкторский состав ГВО до минимума, что не удалось, и ныне все, как будто, вошло в нормальное русло.

IV. Монсостав работников ГВО в качественном отношении и задачи инструктажа

Этого вопроса приходится касаться для большого выяснения обстановки и возможностей работы инструкторского состава и для выяснения возможной подготов-

ки хорошего кадра чекистов из самих монгол. В последнем отношении вопрос обстоит очень плохо, что объясняется отсутствием хороших работников-монгол вообще, а, с другой стороны, тем, что состав ответработников ГВО до сего времени в силу изложенного в начале сего постоянно менялся, а при текучести состава ясно, что создать квалифицированный кадр работников невозможно. В ближайшем будущем создание такого кадра довольно трудновато по той объективной причине, что: а) худонский аратский состав безграмотен и не приспособлен совершенно для работы; б) грамотные же в большинстве различные чиновники, выходцы из феодальных [и] вообще зажиточных элементов, из коих ГВОских работников не сделаешь. Остается ждать подготовки состава из худонской молодежи, а это в один год не произойдет. Пока что остается отбирать самое лучшее и отвечающее нашим требованиям из наличного кадра монработников и добиться твердого закрепления их за ГВО. Иного выхода, пожалуй, не остается. Последнее же связано с необходимостью закрепления их за ГВО, т. е., исходя из изложенного в начале, совершенного освобождения ГВО от всякого вмешательства в различные интриги, происходящие в ЦК, и достижение для ГВО такого положения, при котором она, не вмешиваясь в интриги, была бы всегда в курсе политжизни страны и шла бы за большинством ЦК во всякий момент, безотносительно к тому, из кого это большинство состоит.

В силу этой качественной слабости монсостава работников, их неподготовленности к выполнению поставленных перед ними задач и инструкторская работа приобретает особо важное, чрезвычайное значение. При таком положении, когда монработники не в состоянии разбираться в обстановке, когда они не могут понимать особенностей отдельных моментов и стоящих перед ними задач, перед инструктажем встает двойная задача – тащить воз за себя и за них. Нормально – дело инструктажа дать свои спецзнания, спецподготовку, а дело местных работников эти спецзнания, приспособив к своим условиям, общими силами провести в жизнь. Здесь этого нет, здесь инструктор должен быть, по нашему мнению, и солидным чекистом своего масштаба, и солидным «монголом», знающим моособенности, для того, чтобы к ним привить свои знания, чтобы в этой обстановке приспособиться, ее понять и плодотворно строить монгольское ГПУ. Методами Нетупского не только не построить ГПУ, но и своих друзей отбросить в стан врагов. Отсюда, видимо, как одна из задач, встает необходимость подбора делового и подходящего к местным условиям кадра инструкторов.

V. Местный аппарат ГВО

Выше было изложено о местном аппарате. Кроме указанных аймачных уполномоченных, ранее существовали на местах т. н. местные резиденты в г. Кобдо, Улясутае, Самбейсе, Алтан-Булаке и Уддэ. Ныне этот секаппарат, как самостоятельное целое, ликвидируется и вливается в аппарат ай[мачных] уполномоченных. В связи с созданием аймачного аппарата внутри страны ребром встал вопрос о создании погранаппарата – погранохраны. Ныне существующий Военнопогранотдел, не имея погранотрядов, фактически сидит целиком на особистской работе, что, несомненно, мелочно, недопустимо и нужно отнести к одному из больших пробелов ГВО работы. Первейшей нашей задачей в этой области ныне, видимо, должно

стать скорейшее оформление погранотрядов по восточной и юго-западной границе с Китаем для того, чтобы они на всякий случай были фактически нашими погранпостами на китайской границе (граница с Маньчжурией, Фэновской территорией[9] и Синьцзяном). Конкретно это может быть проведено без особенных препятствий путем выделения и передачи в ГВО (ВПО) местных армейских частей и переформирования их в надлежащем направлении. Тогда и армия освободится от несения пограничной сторожевой службы и перейдет на нормальное строительство своего основного состава.

VI. Секретный состав ГВО

Он весь объединен в информации СОЧ и составлен из китайцев, монгол, русских и в небольшом %% других национальностей. Спецсостав: по ламству, феодалам, иностранцам и т. д. в спецотделениях. Увязка работы проводится по той же системе, что и у нас, через НачСОЧ и НачГВО. Основная масса работников сосредоточена в Урге и отдельные резиденты с своими группами – по районам (ныне влились в аймачный аппарат). В качественном отношении при надлежащем подходе и тщательной выработке сексостав может быть достаточно хорошим (цифр не помню, с собой нет). Работают главным образом за деньги, а русские в большинстве случаев за страх, с надеждой реабилитироваться в своем белогвардейском эмигрантском прошлом. Руководящий состав работников ИНФО сейчас с работой не справляется, определенной системы в работе еще не добились, и постановка инфоработы стоит перед нами в первую очередь (это объясняется тем, что нач. и инструкт[оры] ИНФО сменены, а новые только приступают с одной стороны, а с другой – общими условиями работы).

VII. Средства ГВО

Смета ГВО за 1926 г., составленная в сумме около <…>[10] тыс. утверждена правительством на 50% (цифр не помню). В общем, отпущенные средства вполне будут достаточны для развития работы на этот год. На секретные расходы приблизительно ГВО может в этом году располагать суммой до трех тысяч в месяц, что вполне, пожалуй, достаточно. Расходование отпущенных сумм производится ГВО совершенно самостоятельно и только в конце года особая, выделяемая правительством комиссия проверяет правильность произведенных за отчетный год операций. Вообще в отношении средств в известных пределах ГВО достаточно удовлетворено.

VIII. Достижения в работе и наличие препятствий

Аппарат ГВО в отношении своей авторитетности среди населения, особенно иностранцев, довольно, пожалуй, солиден. Для коренного населения «хамагалха»[11] и для иностранцев «охранка» – обозначают нечто грозное, страшное, чего нужно на каждом шагу остерегаться и постараться туда не попасть. Из этого можно судить о том, что этот авторитет ГВО себе сумело создать своей работой, достижениями. В настоящее время ГВО в Монголии является <…>[12] таким органом, куда почти каждый гражданин обязательно попадает. Приезжающие, уезжающие, берущие документы и т. д. – все, прежде всего, должны получить «благословление» ох-

ранки, без ее разрешения нельзя выехать из Урги даже на две версты, и все это в населении создает впечатление, что «охранка – все, а все остальное ничто». Такова нынешняя роль охранки в жизни моннаселения. Содержание же его, пожалуй, во многом этой оценке не отвечает по той простой причине, что все это внешнее от нее впечатление является продуктом раз созданной системы, формальной работой заведенного аппарата без полного использования этого аппарата. А это, в свою очередь, провести довольно трудновато и полностью почти невозможно, ибо весь этот аппарат хорошо, содержательно может работать только тогда, когда каждая его часть дополняет другую, и все вместе в каждый нужный момент служит поставленным целям. Добиться же этого очень трудно, ибо здесь мы упираемся на такие чисто объективного характера условия, как неподготовленность основного кадра работников, неумение их работать, с одной стороны, и незнание языка инструктажем – с другой, плюс к сему технические обстоятельства вроде ведения делопроизводства на двух языках, отсутствие переводчиков и т. д. Поэтому ГВО, как раз созданный аппарат, работает формально хорошо, а как ГВО по содержанию – плохо.

Большую роль в отрицательную сторону здесь играет то, что инструктаж ГВО до сего времени принужден был распылять свои силы на два фронта: работа по строительству ГВО и работа по резидентуре. При таком положении получилось, что, с одной стороны, сил не хватало, а с другой, и так скудные силы распылялись, и в итоге ни тут, ни там ничего цельного не получалось. Этому, бессомненно, должен быть положен конец: инструктаж должен направить все силы на ГВО и за его достижения отвечает головой, а резидентура должна выделиться в особый от ГВО аппарат с единым руководством и согласованием работы того и другого из единого центра.

Все разработки ГВО вплоть до последнего времени, главным образом, касались выявления и учета белогвардейского, особенно иностранного населения, контрреволюционных элементов из коренного населения и прощупывания шпионской работы иностранцев. Из первого состава многие выселены, частью осуждены на разные сроки или высланы за границу без права въезда, а из второго единственно с результатами проведена работа по японцам. Работу иных шпионских организаций выявить пока не удалось.

За последнее время в связи с оживлением экономической жизни страны, проведением целого ряда экономмероприятий и отсюда усилением вообще хозстроительства Монголии, начинает приобретать первостепенное значение экономработа, согласованная с общими партийными и госмероприятиями, в проведении коих роль ГВО огромна. Достаточно указать чистку Монценкопа[13] от негодного элемента, предание суду ряда работников, участие ГВО в насаждении «тугрика» и т. д. Это только начало, и в дальнейшем эта работа должна углубиться. Поэтому уже ставится вопрос перед ЦК и правительством о создании экономотдела из пяти чел., который мог бы специально заняться этой областью работы ГВО.

Закордонная работа ГВО ограничивается наличием резидентов в Маньчжурии (Хайларе), Калгане и Пекине. В последнем работают ныне вошедшие в ЦК НРП Внутренней Монголии и т. д. Цэрэндондов, Фуминтай[14] и др. Работа их проходит исключительно в постоянной информации о положении халхаских эмигрантских

групп князей и, по возможности, в выуживании их из Китая в Халху. (Вывоз Дугар-бэйсэ, Лубсанцэвэга). Хайларская резидентура занимается информацией об общем положении района и по возможности японских приисков. Пекинская работа находится в руках калганцев – Ц. Дондова и др. и осуществляется посылкой секов[15] в Утай и др. монгольские эмигрантские центры без наличия в них постоянных работников.

IX. Общие выводы

Из всего изложенного, по нашему мнению, единственный, пожалуй, основной вывод – это изжить старые ненормальности, обусловленные неопределенностью положения инстр[укторского]состава и отсутствием договоренности, оставить кустарничество и перейти на нормальные рельсы строительства ГВО, поставив себе задачей изыскать все пути и возможности и добиться постепенного превращения ГВО по своему содержанию к нашему ОГПУ и открытому официальному сближению ее к нему и его местным органам. Пути к этому должны быть найдены в ближайшее время. Только поставив на нормальные рельсы взаимоотношения ГВО и ОГПУ можно добиться изжития всех больших и малых ненормальностей, часто дающих из-за копеечной пользы рублевые отражения на дружественные отношения Монголии к Советскому Союзу.

С компривetом, Балдаев

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 204–211. Подлинник.

№ 60
Служебная записка Нельхайского об этапировании Дугара-бэйсэ из Китая в Монголию

№ 49/с
г. Улан-Батор, Монголия

16 июня 1926 г.
Совершенно секретно
Только лично

Уважаемый тов. Медведь[1]; копия т. Трилиссеру

Возвращая при сем Ваши №№ 22, 1900[2] и копии протоколов допроса Дугар-бэйсэ сообщаю, что по моему заданию он вывезен из Китая и ныне находится в центральной монгольской тюрьме.

Судебный процесс должен состояться в скором времени.

Приложение: упомянутое на 10 листах[3].

С компривetом, Нельхайский

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 220. Подлинник.

№ 61
Информационное сообщение ВО ОГПУ о прениях по ламскому вопросу на V съезде МНРП

№ 155943 19 мая 1927 г.
г. Москва Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибири
тов. Заковскому

При сем препровождаются переводы выступлений на V съезде Монгольской народно-революционной партии Жамцарано (пред. Ученого к-та Монголии) и других делегатов по ламскому вопросу и статьи по тому же вопросу[1], помещенной в газете «Правда», издающейся в Улан-Батор-Хотоне (Урге) – для сведения.

Приложение: упомянутое.

Пом. Нач. ВООГПУ Петросьян[2]
П/Нач. 1-го отд. Бак[3]

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 9. Подлинник.

Приложение 1

26 марта 1927 г.
Совершенно секретно

Отчет V съезда Монгольской нар.-рев. партии, г. Улан-Батор

Из речи Цыбен[а] Жамцарано[4]

«…В предложениях нашей комиссии[5] имеется пункт, касающийся приема лам в партию. У нас в Монголии находится более 115 000 лам (хувараков). Ввиду того, что они являются людьми здоровыми и в здравом уме и, кроме того, происходят из народа, нельзя их оставить совершенно в стороне и не обращать внимания. Основная цель нашей партии и основа религии одна и та же – помочь народной массе, не может быть никаких трений между ними, а наоборот, они должны объединиться для общей пользы.

При своем основании наша партия выдвинула лозунг: «Установление народного государства и укрепление, возрождение святой (чистой) религии» и приняла красно-желтое знамя[6]. Если некоторые члены партии, не читая учения бога, воображают себя сверхреволюционерами и начинают говорить, что учение бога несовместимо с целями и задачами партии, то они глубоко ошибаются и смущают народ. Такие явления наблюдаются среди некоторых членов партии. Это недопустимое явление. На знамени (гербе)[7] нашей (партии) Республики помещен знак молитвы богу Демчик, означающий совместное возрождение религии и государства. В России рассматривают религию вредной как опиум. Причины же этому там другие. Учение Христа основывается на создателе всей вселенной и при научном анализе эта версия уничтожается, и поэтому она вредна для народной свободы. И ре-

лигию, и религиозное учение там третируют. Вам же святой учитель[8] проповедовал, что если вы своими научными познаниями соглашаетесь с моим учением, то будьте моими последователями, если же ваше научное признание не соглашается с моим учением, то оставляйте его. Поэтому нашу религию ни в коем случае нельзя объединить с захватническими религиями Христа и Магомета.

Наша религия Шигемуни, пользуясь научным познанием, хочет вывести человечество на путь культуры и развития. Возьмем вопрос об образовании материи. Будда проповедовал теорию атомов[9] – сейчас все ученые Европы удивляются и восхищаются этим. Если сейчас со стороны коммунистических партий третируют религию и лам (духовенство), то это совершенно не относится к нашей религии бога Шигемуни[10].

Наша партия почитает тех лам, которые держат в чистоте божественное учение и возрождают его, учась и находясь в храмах, и свято следуют закону «Самвара»[11]. Тех же лам, которые пьют вино, водятся с женщинами, занимаются развратом или же преследуют свои личные цели и выгоды и этим оскверняют религию, наша партия сурово осуждает и борется против них. Когда говорят, что этим самым мы притесняем религию, то это, конечно, совершенно неверно. Мы при обсуждении вопроса о религии должны тоже это ясно различать и быть очень осторожными и предусмотрительными, т. к. наши решения и наши мероприятия будут обсуждаться и рассматриваться, начиная с Внутренней Монголии, до Амдо и Центрального Тибета. Из всех лам можно принимать в партию тех лам, которые соглашаются с целью и задачами нашей партии. Ламы хорошо понимают это, что если государство будет укрепляться, то и религия будет укрепляться, если же государство придет в упадок, то и религия придет в упадок. Некоторые ламы говорят: «Мы готовы не только вступить в партию, но если будет такое время, что придется с оружием в руках защищать свое государство и религию, то мы пойдем в армию, оставив свои монашеские обеты. Препятствий этому не будет». Но нужно принимать лам в партию очень осторожно, среди ламства есть и наши друзья, и враги. Вредных для партии людей нельзя принимать в партию, за этим все граждане должны хорошо следить. При приеме лам в партию нужно отбирать лучшую часть ламства, худшую надо отметать. Нужно издать особое положение о членах партии – ламах, живущих в храмах, приспособив это положение к монашеским обетам. Нужно установить, что ламам, которые солидаризируются с целью и задачами нашей партии, не обязательна военная служба. Еще один вопрос. На нашем настоящем съезде в течение нескольких дней говорили о том, что у девушки Цэнджав-Идоган[12] (шаманка) родился святой (хубилган) сын. Я думаю, что дело этой девушки Цэнджав не особенно важное. Здесь нужно говорить об одном основном. Это основное – отношение нас к святым, перерожденцам и установление нашего взгляда на это. Возьмем недавний пример. Для установления перерожденца Ялаганза-хутухты[13] были составлены списки нескольких младенцев и представлены Панчен-Богдо[14]. Панчен-Богдо указал на одного младенца. Пока это изречение привезли домой, тот младенец, которого Панчен-Богдо объявил перерожденцем, умер. Наверное, душа Джалханза-хутухты ушла в высшие миры (рай). Прежде во времена Цинской династии для выяснения перерождения высоких хутухт составляли список младенцев и в Пекине. Министр Китайского управления и занчия-хутухта писали на отдельных

листочках имена трех младенцев и клали в золотой кувшин урла (бумба), затем вынимали листок, и чье имя было записано на нем, того и провозглашали хутухтой. В Лхасе начальник Китайского управления и Далай-лама проделывали ту же процедуру для установления хутухты[15]. Во времена Маньчжурской династии все крупные хутухты должны были ежегодно ездить в Пекин на поклонение Богдо-хану. При шествии Богдо-хана во дворце они должны были, находясь на левой стороне от дверей дворца, принести верноподданническую присягу. После возвращались сторонниками династии. Это было привлечение хутухт на сторону существующей династии и создание надежного оплота. Халхаский Джебзун-Дамба-хутухта являлся восьмым перерожденцем[16]. Первый хутухта был Ундур-гэгэн (Высокий святой), он вел вражду с царем угэлыдов Галдан-Бошокту, и когда Галдан начал побеждать его, Ундур-гэгэн обратился за помощью к маньчжурскому хану Энх Амгалану и перешел для спасения Халхи от Галдана в подданство Маньчжурской династии[17]; с тех пор Джебзун-Дамба-хутухты, принося большую помощь религии и народу, дошли до восьмого перерожденца. Он хотел держать в руках верховную и светскую власть, освободив Внешнюю Монголию от китайцев, создал Автономную Монголию. Этим самым он положил основу, начало нашей народной власти, в этом его большая заслуга. Время восьмого перерожденца явилось последним периодом перерожденцев. Мы все знаем пророчество о том, что его душа переселится в страну Шамбала (райская страна) и будет начальником всех войск[18]. В тайном завещании (пророчестве) пятого перерожденца указано, что ламы будут неосуждаемой сущностью, хувараки тоже, титулы тоже. Если теперь подумать, то восьмой перерожденец представился[19], больших учеников нет, титула гэгэна нет, и все это совпадает с пророчеством пятого перерожденца. При обсуждении вопроса о хубилганах и хутухтах наши члены должны быть осторожными. Легко думать нельзя. Неизмеримы пути руководства богов-бодисатв[20] человечеством. Пути человека, могущего принести пользу народу, могут быть раньше определены, узнаны учителями святыми Наганзана и Богдо Цзонхвай[21]. Историческое появление обыкновенных хутухт и хубилганов можно объяснить тем, что это в каком-либо месте появляются хорошие ламы, приносят много пользы народу и после смерти оставляют много добра, имущества, и так как этому имуществу нет хозяина, то стали находить перерожденцев. Если же рассматривать соответственно современной обстановке найденных младенцев-перерожденцев и рассматривать их с точки зрения пользы религии, государству и нации, то в большинстве случаев они по окончании обучения становятся угнетателями. Для нации бесполезны[22]. Что же касается религии, то, конечно, можно думать, что появление ученых и начитанных лам принесет пользу религии, но мы, простые темные люди не можем судить, например, о Джебзун-Дамба-хутухте, нам это трудно. И поэтому все эти вопросы нужно выяснить у Далай-ламы и [в] др. высоких местах».

«Программа нашей партии не расходится с религиозным учением, а, наоборот, они одинаковы. Что же касается отделения религии, то это преследует лишь цель – очищение религии. И при приеме лам в партию нужно их подразделить на несколько категорий. Среди лам есть такие, которые искренне сочувствуют нашей партии, а также есть [такие, которые], как и миряне, имеют имущество и которые клевещут и ругают партию. Этих партия рассматривает как своих врагов. Лам-бед-

няков и середняков мы должны рассматривать как своих друзей и лучших, образованных, умных привлекать к партии. Может быть они себе не ясно еще представляют задачи партии, тогда нужно им прийти на помощь[23].

Что же касается хутухт и хубилганов, то вопрос возникновения революционного движения из среды ламства не основателен, а оно возникло благодаря Богдо. Это уже бесспорный факт. Например, Довчин-хубилган[24] говорит, что образовалось незаконное правительство, обратился для подавления народного правительства к помощи Японии и старался вести борьбу против нас. Он старался только для своих личных выгод и для этого хотел причинить народу неслыханные бедствия. Вовлечь его в горькие мучения огня и воды. Сейчас в местности Ялбаг так наз. «девушка-мудрец»[25] распространяла различные слухи, ею руководили ламы-богачи, ранее состоявшие при дворце Богдо. И если теперь будет подниматься вопрос о перерожденцах Джебзун-Дамба, о его пророчестве, то это будет увеличение сил черных и желтых элементов[26] (захватчиков). Пользы и умиротворения народу нет никакой. Поэтому прошу съезд вынести определенное постановление, решение в отношении хутухт и хубилганов[27].

Перевод с монгольского.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 10–12. Заверенная копия.

№ 62
Информационное сообщение ВО ОГПУ о прениях по ламскому вопросу на V съезде Монгольской народно-революционной партии

№ 156028/СВО — 25 мая 1927 г.
г. Москва — Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибири
тов. Заковскому[1]

В дополнение нашего № 155943, при сем препровождаются переводы дальнейших прений – для сведения.

Приложение: упомянутое.

Пом. нач. ВО ОГПУ — Петросьян
Пом. нач. 1-го Отд. — Бак

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 17. Подлинник.

Приложение

V съезд Монгольской народной революционной партии

Прения по ламскому вопросу (продолжение)

Делегат Банзарагч: Большинство выступавших говорили о хутухтах и хубилганах и об их приглашении[2]. Я думаю, что «желтые харгисы»[3] считают до сих пор нашу партию и правительство своими врагами и пугают их. Если же сейчас мы встретим приглашение хутухт и хубилганов, то пойдут всякие слухи и от этого будет вред партии и правительству.

Делегат Дариганга[4]: Я думаю, что прием лам в партию вполне правилен. В худонах, в хийдах во время молебнов народ рассуждает, что религия и партия имеют одинаковую цель. Поэтому всех лам и нойонов нельзя считать «харгисами», нужно отбирать в партию из них.

Делегат Чойбалсан: Наша партия стремится поднять ламское образование и отчистить религию от грязи и поэтому думает так же как народ. Мы не смотрим на лам как на своих врагов. Поэтому препятствий для приема лам в партию нет, но если мы поставим задачей вовлечь все ламство, то будет ошибочно, потому что ламы не одинакового положения. Среди них имеются различные слои. Если мы будем принимать богатых лам, то это не принесет никакой пользы и ухудшит положение партии. Поэтому к приему лам в партию нужно относиться очень осторожно. И привлекать лам-бедняков и середняков. Относительно хубилганов и хутухт, совершенно не нужно ставить вопрос таким образом, что этого приглашать, а этого нет, нужно принципиально решить вопрос о всех. Никакого вреда для нас не будет, если воспретим приглашение их. Наша партия и правительство существуют уже несколько лет и все время укрепляются и подобного рода волнения сумеют подавить. Поэтому нужно прекратить приглашение хутухт и хубилганов и надо дать возможность выявлению ученых лам полезных для народа, этим мы предоставим народу возможность почитать религию по его желанию. Поэтому нам нужно рассмотреть предложения выделенной комиссии и утвердить их.

Делегат Чимид[5]: Выступавшие в прениях товарищи разделились на две стороны, одни говорили, что нужно прекратить приглашение хубилганов и хутухт, другие говорили, что если мы это сделаем, то восстановим массу против себя. Тов. Чойбалсан сказал, что приглашение хутухт и хубилганов приносит только вред, и поэтому нужно окончательно прекратить это явление, но это не подходит настоящему положению масс и партии. Хутухты и хубилганы в течение нескольких столетий были центрами почитания масс, были ли в желтой религии[6] хорошие или плохие стороны, масса верила во все. И поэтому массы стремятся к приглашению хутухт и хубилганов, в особенности к приглашению Богдо-гэгэна. Члены нашей партии в основном религиозны, это каждый знает. Поэтому если мы сейчас постановим о прекращении приглашения перерожденцев[7], то это будет большим вредом для партии. Мы потеряем доверие и поддержку масс. Мы совершенно отделили религию от государства[8] и приглашение перерожденцев вроде Богдо-гэгэна – это дело самой религии, и они не имеют права вмешиваться в государственные дела, им труднее будет по-прежнему руководить народными массами. Поэтому при вынесе-

нии решения по этому вопросу нужно также считаться с мнением масс. Относительно лам-бедняков и середняков тов. Чойбалсан сказал правильно. Я думаю, агитация среди ламства для привлечения их в партию может быть основана на пяти моментах: 1) Ламство само по себе неоднородно, среди них есть истинные, искренние религиозные ламы, есть обновленцы[9]. Поэтому их нужно привлекать к партии, делать их своими союзниками и через них вести работу среди всего ламства. 2) Среди ламства есть несколько классов. Самые нищие ламы, банди, это слуги богатых и высших лам и поэтому их положение одинаковое с аратами, и их нужно принимать в партию наравне с аратами. 3) Нужно укрепить Духовный совет и издать[10] таковые на местах[11]. Нужно добиться, чтобы в эти советы, начиная с высшего и кончая советами хийдов и [дац]анов, выбирались ламы, сочувствующие нашей партии, искренне религиозные и активные элементы ламства, и таким путем постоянно улучшать религию, очищать ее от всяких ненужных элементов. 4) Постановление правительства о том, что все ламы, живущие в хидонах[12] и имеющие жену (семью), занимающиеся торговлей, должны считаться мирянами, до сих пор как следует не проведено в жизнь. Поэтому нужно предписать всем местным органам власти энергичнее провести это постановление в жизнь. 5) Ламство в стране чрезвычайно развилось. Нужно принять меры к упорядочению этого явления. Поэтому нужно всех детей раньше обучать монгольскому языку и письму и только после этого отдавать их в ламы, или же нужно установить так, раньше 18 лет воспретить отдачу детей в ламство и после 18 лет каждый по своему желанию и своему стремлению может поступить в ламы.

Делегат Чойбалсан[13]: Хотя тов. Чимид в основном правильно указал на отделение религии от государства, но неправильно указывал он, что ламы также отделены от гос. власти. Ламство не может жить совершенно отдельно, не подчиняясь государственной власти и не имея связи с ним. Наша партия и желтая религия имеют одинаковые цели, и если будет прочная государственная власть, положение религии тоже укрепится. Поэтому думать, что если мы вопрос о приглашении хутухт и хубилганов решили отрицательно, то этим мы потеряем доверие среди народа и это принесет вред нашей партии, совершенно неправильно. Этим мы доверия партии не потеряем, если и будут волнения и толки. Но почему мы обязательно должны бояться этого? Например, если масса скажет, что Народная партия не нужна, то мы не можем по боязни ее ликвидировать. Если мы воспретим обучать иностранному языку молодежь до 18 лет, в особенности тибетскому языку, то этим мы уничтожим основу ламства. Это совершенно очевидно. Наша партия только стремится к очищению религии, а не уничтожению ее. Мы хотим очистить только от хутухт и хубилганов, которые занимаются обманом и мошенничеством. Если появятся ученые ламы, то мы не будем чинить препятствий для почитания их. Это будет воля самого народа.

Тов. Жадамба[14]: Тов. Чойбалсан говорил, что если народ скажет, что не нужно партии, то мы на [этом] основании ликвидировать партию не можем; я думаю, что народ этого не скажет. Народные массы нашего государства почитают желтую религию, молятся богу и ламам. Наша партия тоже, как и народ, почитает религию. Поэтому вопрос о хубилганах и хутуктах поднят немного рано. Нужно прислушиваться к мнению масс. Некоторые товарищи выступали очень резко.

В вопросе о религии нужно придерживаться ранее изданных постановлений партийных и правительственных органов. Я думаю, что принимать желающих лам в партию нужно по-старому, как мы их прежде принимали. Те, которые хотят резко поставить вопрос, не учитывают нашего положения масс. Нужно внимательно прислушиваться к мнению масс. Это нельзя сравнивать [и] отождествлять с революцией 1911 года[15].

Тов. Гэндун[16]: Тт. Жадамба и Чимид говорили, что вопрос о хубилганах (и хутухтах) поднят рано. Мы не говорили, что воспретим народу почитать религию. Только говорили о хутухтах и хубилганах, которые приносят вред массе, о мерах прекращения этого явления никто не говорил, чтобы мешать народу почитать ученых лам. Я думаю, что прекращение приглашения хубилганов и хутухт правильно.

Тов. Чимид: Я хочу ответить на выступления товарищей в нескольких пунктах: 1) Я не говорил, что раз религия отделена от государства, партия не должна вмешиваться в религиозные дела, наоборот, я имел в виду это отделение религии, хотел указать на связь партии с религией. 2) Я говорил, что большинство членов партии религиозны, но этим я вовсе не сказал, что все члены партии не должны быть религиозными. Я только указывал что народ, благодаря своему непониманию, неумению различать обманщиков, загрязняющих религию от истинных лам, отвернется от партии. 3) Я не говорил, что Высший Духовный совет должен силой управлять низшими, я только говорил о том, чтобы, начиная с высших и кончая низшими Советами, улучшить работу. 4) Говоря о том, что лам у нас очень много, я хотел только указать, что нужно упорядочить это явление, а не уничтожать, уменьшить желтую религию. Говоря относительно того, чтобы молодежь раньше обучалась родному языку, а потом [они] вступали бы в ламы и учились тибетскому языку, я имел в виду то, что в других государствах молодежь обучается раньше всего своему родному языку и после этого другим, у нас прежде в Монголии этого не было. Одной из основных задач нашей партии является руководство массами, выражение их стремлений и мнений. Я говорил, что наша партия должна притянуть к себе мнение масс и руководить, но я не говорил о том, что мы должны руководить независимо от мнения народа, его отношения к партии.

Тов. Дамбадорж[17]: Прежнее выступление тов. Чимида было путанно, сейчас он это исправил. Тов. Жадамба говорил, что обсуждение этого вопроса преждевременное, я лично думаю, что это неверно. На прежних партийных съездах ламский вопрос не поднимался, только на этом съезде мы говорили, обсуждали это в течение нескольких дней. Среди ламства имеются различные классы (сословия)[18]. Некоторые ламы интересуются и соглашаются с нашей партией. Некоторые настроены враждебно и поносят нашу партию. Это явление всем членам партии хорошо известно. Поэтому вмешательство нашей партии в ламские дела даже немного запоздало. Например, говорят, что Богдо-Джебзун-Дамба-хутухта переродился за восточными воротами Пекина в китайской семье, некоторые говорят, что он переродился в местности Залбаг[19] в ребенка девушки Цэнджав. Этим слухам, которые очень противоречивы, верить нельзя. Эти слухи распускают наши враги, а не друзья. Поэтому нужно на этом съезде решить вопрос о хубилганах и хутухтах со всей осторожностью, согласно силы нашей партии и ее задач. Если после съезда где-нибудь переродится Богдо и будут требовать его приглашения, какой ответ мы да-

дим? И как мы будем знать мнение народа по этому вопросу? Поэтому необходимо на этом же съезде решить окончательно этот вопрос и дать директивы.

Председательствующий Самбу: Наш съезд уделил очень много времени ламскому вопросу, о хубилганах и хутухтах, о приеме лам в партию, о работе среди ламства, поэтому думаю, что нужно вынести по этому вопросу определенные решения.

Делегат: Предлагаю вопрос о хубилганах, хутухтах и ламах передать в комиссию для составления резолюции по этому вопросу. Предложение принято единогласно.

Перевод с монгольского.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 18–20. Заверенная копия.

№ 63
Справка представителя ОГПУ и главного инструктора ГВО МНР Я. Г. Блюмкина[1] о новом составе монгольского правительства

№ 157611 — 29 ноября 1927 г.
г. Москва — Совершенно секретно

Нач. Буротдела ОГПУ тов. Ермилову
г. Верхнеудинск

ПП ОГПУ по Сибкраю тов. Заковскому
г. Новосибирск

При сем препровождается справка о новом составе монгольского правительства – для сведения.

Приложение: упомянутое.

Пом. нач. ВО ОГПУ — Петросьян
Нач. 1 отделения — Бак

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 25. Подлинник.

Приложение

Совершенно секретно

О новом составе монгольского правительства
(после IV Великого Хурулдана)

В новом составе Монгольского народно-революционного правительства, избранного на только что закрывшемся IV Великом Хурулдане Монгольской Нар. Республики, произведены такие политически-отчетливые изменения, которые не оставляют сомнения в явном поправении правительства. Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что лидер новой группы Гэндун, председатель Малого Хурулдана, заменен Дамдинсурэном, Пред. ЦК Ревсомола. Этот кардинальный политический итог IV Хурулдана свидетельствует о том, что левая группа потеряла свою

единственную и последнюю позицию, Президиум Малого Хурулдана. Вместе с тем отмеченная персональная замена Гэндуна Дамдинсурэном[2] означает полную ликвидацию какой бы то ни было активности со стороны Малого Хурулдана по отношению к правительству и превращение этого, по конституции, высшего органа власти в республике в формальный и законопослушный придаток правительства.

Во главе же последнего по-прежнему оставлен Цэрэндорж и его зам. Амар, самая реакционная, правая, антисоветская фигура Монпра, который, ввиду тяжкой и смертельной болезни премьера, является фактически руководителем Монпра. При этом положение Амара в весьма значительной степени усилено тем, что одновременно Амар избран председателем Экономического совета республики[3]. Последний факт означает, что Амар получает практический доступ к руководящей хозяйственной работе. В свое время бывш. Полпред СССР в Монголии тов. Никифоров[4] и уполн. Коминтерна Амагаев[5] расценивали как значительную политическую победу над правыми то, что нам удалось на III Вел[иком] Хурулдане снять Амара с поста министра нар. хозяйства, на каковом посту он вел по всем хозяйственным вопросам антисоветскую политику. Теперь, через год Амар возвращается к более расширенному влиянию на хозяйственные дела Монгольской Республики, в качестве председателя Экономического совета. Эконом. совет есть тот орган, который утверждает сметы и штаты различных ведомств, который может видоизменять последние и т. п. Это значит, что можно ожидать со стороны Амара, под флагом провозглашенного «режима экономии», сокращения штатов различных ведомств, инструкторских должностей и т. п. Последнее становится особенно вероятным, если вспомнить, что весной этого года Эконом. совет без Амара постановил произвести такое сокращение (несмотря на утверждение его бюджетной комиссией и правительством) штата ГВО, которое означало его фактическую ликвидацию. Тогда понадобился исключительный нажим на Пред. ЦК Нар.-Рев. партии Дамбадоржа, чтобы добиться отмены такого решения Эконом. совета.

Ныне же можно ожидать подобных сюрпризов с той особенностью, что преодоление их при Амаре будет весьма трудно, если не невозможно.

Факт оставления на посту министра иностранных дел Дорлигжава[6], который моментами считался нами левым, сторонником Гэндуна, не должен оставлять какие-либо иллюзии. Не говоря уже о том, что, имея в наших глазах репутацию как бы левого, Дорлигжав разговаривал с нами тоном демонстративной монгольской великодержавности, нет сомнения в том, что миндел Монголии есть по существу правый карьерист. Необходимо отметить, что с этой оценкой Дорлигжава полностью согласен Полпред СССР в Монголии тов. Охтин.

В новом правительстве имеется три худонца[7]: Нанзад[8], Шарав[9], бывш. гэндэновец, во время VI съезда партии выдавший Гэндуна с головой, и Санжаажамц. Однако это обстоятельство нужно рассматривать не как серьезный курс на худонцев, а как чисто формальную демагогическую уловку правых.

Первые два худонца выдвинуты на должности секретарей Малого Хурулдана, который, как уже сказано, с уходом Гэндуна превращается в ничтожный привесок чисто правого правительства. Третий худонец из перечисленных назначен минвнуделом, но это министерство, которое играет самую ничтожную роль среди

прочих министерств, оно ведает ургинской милицией, пожарной командой и т. п. областями.

Таким образом, правые, формально пополнив правительство тремя новыми худонцами, реально не дали ни крупицы влияния. Во всем остальном правительство оставлено без изменения. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Батухан[10], один из деятелей Бурятской группы, оставлен на должности минпроса.

Несмотря на замену, состоявшуюся еще до Хурулдана, умершего военмина Магсаржава[11] Дэндэвом (не смешивать с недавно посетившим Москву начальником ПУРа Монармии мальчишкой Дэндэвом[12]), армия по-прежнему оставлена в руках Жадамбы и Чойбалсана.

Указания о том, за кем оставлен пост министра нар. хоз., занимавшийся Жадамбой, пока нет.

Анализ правительства нового состава позволяет сделать вывод, что правая группировка овладела правительством полностью, усилилась по линии экономического руководства и ликвидировала оппозиционные усилия Гэндуна со стороны Малого Хурулдана. Последнее нужно рассматривать как окончательный разгром и без того ничтожной левой группы. А между тем последняя могла бы резко усилиться, если бы не запретили ей быть активной на последнем VI съезде партии. До следующего хурулдана, на ближайший год-полтора, Монгольская Республика получила правительство, консолидированное из правых элементов, недоступное революционному воздействию и враждебное СССР.

Блюмкин

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 26–28. Заверенная копия.

№ 64
Сводка ВО ОГПУ по Монголии за апрель–сентябрь 1927 г.

№ 157707/СВО — 12 декабря 1927 г.
г. Москва — Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибири
тов. Заковскому

г. Верхнеудинск
Нач. Буротдела ОГПУ
тов. Ермилову

При сем препровождается краткая сводка по Монголии за апрель–сентябрь м-цы – для сведения.

Приложение: упомянутое.

Пом. нач. ВО ОГПУ — Петросьян
Нач. 1 отд. — Бак

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 29. Подлинник.

Приложение

Краткая сводка по Монголии по материалам на апрель–сентябрь 1927 г.

Худоны

1) Общее политическое настроение населения определяется усиленной антиправительственной агитацией за период апрель–июнь м-цы и ослаблением агитации за август-сентябрь, которая заключалась главным образом в том, что распространялись различного рода слухи, имеющие целью взбудоражить население и подорвать авторитет правительства.

2) Основными моментами агитации были: наступление Панчен-Богдо[1] с 200 000 войском на МНР, в помощи ему со стороны Чжан Цзолиня (Улзгольский и Халхингольский хошуны)[2], что в столкновении войск Панчен-Богдо с войсками МНР последние перешли на сторону Панчен-Богдо и Чойбалсан (главком МНК партии[3]) пленен и казнен (Кобдо, Богдо-хан-ульский аймак), что войсками Панчен-Богдо уничтожаются все русские красные[4].

В связи с таким положением мон. правительство разрешило беспрепятственно ездить к Панчену на поклонение (Норте-Буинульский хошун[5]). Наряду с указанными слухами, с целью подогревания недовольства населения, также распространялись слухи о лишении Монправительством всего ламства сана (Норте-Буинульской хошун), о свидании Панчена с ванами (князья) и что он уже приезжает во Внутреннюю Монголию.

3) Усиление агитации и распространение слухов среди населения нужно рассматривать в связи с предполагаемой поездкой Панчен-Богдо во Внутр. Монголию (Долоннор) и исходит в основном от ламства, имеющего связь с заграницей.

Особенно заслуживает внимания активное участие в распространении слухов и агитации бурят (Улзгольский и Халхингольский хошуны), что указывает на связь последних с Внутренней Монголией и участие в антиправительственной работе.

4) Бандитизм в МНР проявляется в виде мелких уголовных шаек. Бандшайка в составе шести человек угнала 100 лошадей (Гурбун-баин. хошун[6]). Бандшайка, оперирующая в районе бур. хошунов и Санбейска, за последнее время отчетного периода активно себя не проявила.

В районе Хан-Тайшир аймака[7] наблюдались частые налеты киргиз[8], которые грабили монгол и угоняли скот. Отношение к бандитам со стороны населения явно отрицательное.

5) Особенно необходимо отметить влияние б. нойонов (князей) на монгольское население.

Здесь характерно то, что нойоны в своей агитации выставляют такие моменты, как эмиграция в Китай. Насколько б. нойоны связаны с китайцами видно из того, что некоторые старые чиновники получают жалование от кит. губернатора в Урумчи.

Наряду с эмиграцией, под влиянием б. нойонов, в Китай, среди эмигрировавших наблюдается стремление вернуться обратно на свои места. Последнее объяс-

няется тем, что китвласти и эмигрировавшие князья не исполняют свои обязательства по отношению эмигрировавших монгол (освобождение от налогов, земельные наделы).

б) Несмотря на вышеуказанные моменты (распространение провокационных слухов, антисоветская агитация, влияние нойонов и др.), общее настроение населения МНР спокойное.

Ламство

1) За время май–август основным вопросом, занимавшим ламство, является вопрос об изыскании средств для содержания монастырей.

В связи с все уменьшающимся притоком средств со стороны населения, ламство вынуждено было начать изыск[ив]ать пути добывания нужных средств[9].

Среди руководящего состава ламства по этому вопросу имеются разные мнения, выражающиеся:

а) в необходимости обратиться к правительству за помощью, указывая на бедственное положение религии,

б) в необходимости апеллировать к населению, будируя религиозные чувства верующих,

в) основное – нужен глава Церкви Богдо-гэгэн.

На последнем сходится большинство ламства, как единственном исходе из критического положения церкви.

2) Ввиду того, что этот вопрос со стороны ламства еще окончательно не оформлен, ламство пускается с духовной точки зрения на различные авантюры. Так, вопреки постановлению ламского совета[10], переходят за деньги в высший сан лам и т. д.

С этой же целью верхушка ламства обратилась к низовому ламству с предложением, что кто хочет получить сан «габджу», будет переведен, если внесет 70 лан серебра в кассу монастыря.

Указанные действия высших лам вызывают противодействие среди бедной части низового ламства.

Наряду с погоней за источниками дохода наблюдаются тенденции к уходу лам из монастырей в связи с настойчивым требованием со стороны правительства уплаты налогов.

3) Тяжелое материальное положение (по сравнению с прошлым) верхушечного ламства побуждает изыскивать ряд мер и способов, чтобы увеличить приток приношений в монастыри.

В этих целях (как мы выше указывали) ламство добивается от правительства приглашения Богдо-гэгэна, который бы являлся духовным главой Монголии. Для достижения этой цели в ряде монастырей (Гандан, Манджушри-хийд, Дзун-хурэ и др.) происходят собрания лам и выносятся решения о ходатайстве перед правительством о приглашении (нахождении) Богдо-гэгэна.

Наряду с такими действиями наиболее реакционные главари ламства (Ганжур Гобан[11] и др.), учитывая, что монправительство не пойдет на провозглашение Богдо-гэгэна, усиленно повели агитацию среди молодых лам за собирание средств для посылки делегации к Панчен-Богдо с целью приглашения его в МНР.

4) Верхушки ламства в своих действиях не считаются с интересами низового ламства (производство за деньги в высший сан, расходование средств на свои нужды и др.), что вызывает со стороны последних сильное недовольство, доходящее до открытых выступлений (Цэцэрлэг-Мандал аймак, Гугус-Гулинул хошун, Синчи-Мори дацан[12]).

Эти недовольства толкают низовое ламство на обращение с жалобами к правительственным учреждениям, отталкивают их от своих руководителей и создают почву для раскола.

5) Наряду с усилением деятельности против монг. правительства со стороны верхушечных слоев ламства за указанный период отмечается усиление деятельности хубилганов, выражающееся в их усиленных разъездах по Монголии, сеянии различных и слухов, и, в частности, о Панчен-Богдо.

Одновременно с поездкой хубилганов по районам к ним присоединялись ряд князей, что создавало в глазах отсталой массы монгол весьма величественное впечатление (на молебны, устраиваемые этими хутухтами, собиралась масса населения).

Эта агитация, безусловно, имела своей целью настраивать аратские массы против существующего строя.

Пом. нач. ВО ОГПУ Петросьян

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 30–33. Заверенная копия.

№ 65
Выписка из информационной сводки ГВО МНР за ноябрь 1927 г.[1]

№ 30509/СВО 24 февраля 1928 г.
г. Москва Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю
тов. Заковскому

При сем препровождаются выписки из инфсводок ГВО за октябрь и ноябрь м-цы 1927 г. – для сведения.

Пом. нач. ВО ОГПУ Петросьян

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 49. Подлинник.

Приложение

Бывший нойон Захчин хошуна Гомбо-Очир, укочевавший несколько месяцев тому назад <…>, уводя захчинцев[2] на киттерриторию[3], ныне выражает желание перекочевать обратно в Монголию. Мать его, Цаган, находящаяся на монг. территории, собирается ехать к Гомбо-Очиру с верблюдами, желая якобы помочь при перекочевке, хочет выхлопотать пропуск, в котором анги[4] ГВО намерено отказать ей.

Захчинцы <…>, живущие за границей, начали тайком от китвласти перекочевывать на монгольскую территорию. За последний период перекочевало восемь семейств. Этому примеру следуют другие. Несколько семейств, собравшихся перекочевать, были встречены ламой-унзат[ом] Сунгробом, который, рассказав им, что едет из Монголии за мукой и что он хорошо знает кратчайшую дорогу, просил обождать его.

В то время как захчинцы ожидали ламу, прибыли китсолдаты и всех арестовали за исключением девочки, ускакавшей на монг. территорию и давшей эти сведения.

На погранполосе Чандмань-Уул[ьского] района имеется сто юрт никому не подчиняющихся. Занимаются грабежом, делая набеги, главным образом на территорию МНР, угоняя скот.

Количество угнанного этой бандой скота исчисляется в 8000 голов. Скот этот продают в г. Бурчуме на кит. территории. Во время редких набегов на территорию Урумчи шайка попадалась в руки китвойск, но все сходило благополучно благодаря взяткам. Возможно подстрекательство Урум[чинского] команд.[5] для набегов на МНР. Шайкой руководит Гарамсан-Бичим.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 51. Заверенная копия.

№ 66
Краткий обзор по монгольскому студенчеству в Москве и Ленинграде[1]

№ 30853/СВО
г. Москва 28 марта 1928 г.

ПП ОГПУ по Сибири тов. Заковскому Совершенно секретно
28 марта 1928 г.

При сем препровождается обзор по монстуденчеству в Москве и Ленинграде – для сведения.

Приложение: упомянутое.

Пом. нач. ВО ОГПУ Петросьян
Нач. 1 отдела Бак

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 56. Подлинник.

Приложение

Общие сведения

Всех монгол, учащихся в Москве и Ленинграде, 49 человек, молодежь от 20 до 30 лет; почти все они из аратов (скотоводов), учащиеся до КУТВа[2] в разных партийных школах и имеющие небольшой опыт в практической работе на местах. Все они члены Нарревпартии или Ревсомола.

Условия нахождения их в СССР само собой говорят о необходимости и возможности создать из них в будущем молодой кадр революционно настроенных работников. Однако общая политическая обстановка в Монголии (частичный правый курс)[3] и руководство здесь со стороны Монполпредства создают известные отри-

цательные настроения в среде монгольского студенчества. Так, мы имеем еще не оформившиеся группировки среди них, усиливающиеся националистические настроения и критическое отношение к СССР и к Коминтерну как к руководителям МНР. Наряду с этим мы имеем часть студентов, получивших достаточную политическую подготовку, кои являются определенной левой группой монгольского студенчества. Это касается группы активных студентов (8–10 чел.).

Правое влияние и полпредство в Москве

Правый курс политики МНР, обострившиеся отношения с СССР[4], частичная ориентация на Китай отдельных монгольских руководителей, политика поддержки ламства и т. п. имеют свои отражения и на монгольских студентов, находящихся в СССР на учебе.

В этом вопросе большое значение приобретает руководство мон. полпредства в Москве, руководство ламы Очирова в Ленинграде, связь отдельных студентов со студентами, находящимися в Германии и Франции[5], связь с такими «идеологами», как Ринчино, с его панмонголистским уклоном, Гочитский[6] и др.

Вся эта руководящая головка стремится соответствующим образом и обработать монгольское студенчество, следствием чего отдельные наиболее слабые монстуденты не могут получить правильной марксистской подготовки, отражая все эти правые и панмонголистические настроения в своей среде. Особенно эти настроения отражаются на молодых, недавно приехавших, у которых имеется большой запас националистических и китаефильских настроений.

В подтверждение этого можно указать следующие моменты:

Наиболее характерными из них являются суждения, что поражение китайской революции, ухудшение взаимоотношений СССР с Китаем (разгром наших консульств) может вызвать войну с Китаем и что это для Монголии невыгодно, т. к. наша Красная Армия должна будет проходить через Монголию, тем самым втянув последнюю в войну с Китаем.

Такие рассуждения, несомненно, имеют связь с общим настроением руководящих кругов МНР и главным образом ориентирующиеся на Китай (на Нанкин[7] и Фэн Юйсяна), и в конечном счете выражают известные настроения о необходимости уменьшить свою зависимость от СССР не только в экономике, но и в политике.

Весьма характерными являются разговоры с приехавшим из Германии студентом, который говорил, что там все хорошо и дешево, а в СССР все плохо и дорого, плохо обучают и т. п. С такими выводами некоторые студенты соглашались, заявляя, что монгольскому пр-ву нужно больше посылать молодых людей за границу, чем в СССР.

В том же духе, но с явной антисоветской окраской, имел место разговор ламы Очирова (руководителя Ленингр. мон. студенчества) с секретарем Монполпредства Гомбо, где основная тема была, что монгол в СССР не обучают хорошо, не воспитывают их в религиозном духе, а монголы должны быть набожными, что СССР недолго удержится, т. к. к нему плохо относятся другие страны, что необходимо ориентироваться на другие европейские страны и посылать молодежь обучаться только туда, с чем и был согласен Гомбо.

Отношение Монполпредства в Москве к монстудентам также подтверждает наличие правых и левых течений в их среде. В этом отношении характерным являются моменты не только общего руководства, но и ведения борьбы полпредства с левыми элементами монстуденчества и поддержки правых, путем воздействия своим авторитетом, стремясь также рядом экономических мероприятий оторвать от левых наиболее влиятельных и сильных товарищей.

Для достижения этой цели практикуются такие вещи, как неравномерное распределение пособий, отстранение руководства парткомиссий (левой) и т. д. и т. п.

Левые элементы мон. студентов
и критика руководства МНРП и правит[ельства]

Большая часть монстуденчества настроена против политики полпредства и является крепкой частью левонастроенных товарищей, получивших революционную подготовку, разбирающихся в полит. вопросах, крепко стоят за союз с СССР и критикуют политику ЦК МНРП как по внутренним вопросам, так и за его отношение к СССР.

Из всех политических вопросов, касающихся нынешнего положения МНР (результаты последнего Великого Хурулдана, съезда МНРП и т. д.)[8], до сего времени на партсобраниях разобраны только вопросы культурного и национального строительства. Результаты же съезда партии и Вел. Хурулдана с разбором оттягиваются (влияние полпредства).

Приводим в качестве характеристики наиболее существенные факты отношения некоторых студентов к политике ЦК МНРП и пр-ва, по ряду вопросов:

На докладе в КУТВе о буддизме всплыл вопрос о статьях Жамцарано, помещенных в журнале ЦК Ревсомола – «Буддизм и задачи членов Ревсомола» и центр[альном] органе ЦК партии «Унэн» – «О ламстве», где последнее бралось под прямую защиту (очищение религии)[9]. Товарищи, выступавшие в прениях по этому вопросу, высказывались, что линия ЦК и правительства в печатаемых статьях поддерживает ламство и что нужно встать на путь более решительной борьбы с ним, не оказывая ему, как это делается сейчас, той или иной поддержки.

Левонастроенные студенты приходят к выводу, что им нужно готовиться к борьбе с ламством, вернее, с линией ЦК по этому вопросу[10]. Отсюда и большой интерес, проявляемый к буддизму со стороны монстуденчества.

Наряду с критикой политики ЦК по ламскому вопросу, левонастроенная часть студенчества в ряде своих выступлений указывает на засилье в ЦК и прав. чиновничьих и мелкобуржуазных элементов, которые ведут свою политику затирания левых худонских элементов и пр.

В этой части наиболее характерной является формулировка задач, которые ставит себе левонастроенная часть монстуденчества.

1. Ввиду ухудшения положения китайской революции[11] возможен захват Внутренней и Внешней Монголии при помощи ламства и нойонов (князей). Это положение нужно разъяснить широким массам населения и готовиться к отпору.

2. Нужно очистить правительство от старых чиновников.

3. Союз молодежи должен вместе с левой частью партии вести борьбу против правых.

4. Вместе бороться против тех, кто против руководства СССР.

Указанные формулировки являются продуктом обсуждения вопроса о положении в Монголии как в среде Ревсомола, так и НРП, как в Москве, так и Ленинграде.

Все они приходят к выводу, что работать им будет трудно, ибо нужно будет в основном бороться с засилием правых, следствием чего основная масса студентов, [о]кончивших КУТВ, считает необходимым ехать в худоны в глубину масс и оттуда вести борьбу против правых.

Наряду с этим отдельные товарищи поговаривают о необходимости ведения в Монголии нелегальной работы против правых (имеется в виду создание ячейки компартии) и в случае необходимости даже дойти до террористических актов по отношению к руководителям правых.

Последний момент заслуживает нашего особого внимания, ибо он показывает, что ряд товарищей заходят слишком далеко, не имея должного руководства в их политической борьбе.

Выводы

1) Монстуденчество в СССР не имеет своего необходимого руководства, меж тем как основная их масса настроена оппозиционно к настоящему политическому курсу в Монголии. Это положение в значительной мере содействует наличию слабо подготовленных товарищей с националистическими уклонами, настроенных отрицательно к СССР.

2) В среде монстудентов имеются оформляющиеся правые и левые группировки, ведущие между собой борьбу.

3) Правая часть студенчества имеет руководство и поддержку со стороны полпредства и разделяет политику ЦК МНРП, левая же часть этого руководства не имеет, в связи с чем может пойти по ложному пути (террор, нелегальщина).

Пом. нач. ВО ОГПУ Петросьян
Нач. 1 отд. Бак

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 57–60. Подлинник.

№ 67
Информационное сообщение ВО ОГПУ по ламскому вопросу за март 1928 г.

№ 31587/СВО 9 июня 1928 г.
г. Москва Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибири
тов. Заковскому

При сем препровождаются «Сводки по ламству за март» и «Жизнь бурят в Улан-Батор-Хото» – для сведения.

Приложение: упомянутое[1].

Пом. нач. ВО ОГПУ Волленберг[2]
Нач. 1 Отдела Бак

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 84. Подлинник.

Приложение

Сводки по ламству за март

В Цаган Саре на дверях Духовного управления Эрдэнэ-Булган-ульского хошунского хурэна (монастыря) Цэцэрлэг-Мандальского аймака[3] была расклеена анонимная записка, направленная против шести руководящих лиц Духовного управления и предвещающая им якобы грозящую опасность. Через некоторое время один из руководителей Духовного управления лама Шара Дамба переселился в северо-западную окраину хурэна. В одну ночь Шара Дамба, лежа в постели, заметил, что к двери его юрты подошел какой-то человек и, внезапно открыв дверь и бросив в юрту какой-то предмет, поспешно удалился.

Мысль о погоне за неизвестным только возникла в голове Дамбы, как он почувствовал горение брошенного предмета и испускаемый им удушливый запах, вскруживший его голову. Охваченный паническим страхом, Дамба пролежал до утра и утром обнаружил, что брошенный неизвестный предмет есть не что иное как китайский глиняный кувшинчик, наполненный порохом и снабженный фитилем, который успел часть[ю] сгореть, но дошедший только до запала.

Произведенным по этому поводу следствием со стороны власти обнаружено, что такой кувшинчик с порохом год тому назад находился под полом у хубилгана Сандуя и был обнаружен истопником Намжилом. Но к моменту покушения на Шара Дамбу кувшинчик куда-то исчез. Приблизительно то же самое показали и хубилган Сандуй, и брат его Самбу.

Кстати, нужно отметить, что лама Шара Дамба являлся руководителем прогрессивного течения среди ламства данного хида и, выступая против представителей консерваторов, в том числе и хубилганов, заслужил ненависть со стороны последних.

Покушение является результатом обостренной внутренней борьбы между прогрессистами и консерваторами[4] (следст[венное] дознание ведется Цэцэр[лэгским] уполномоченным ГВО).

Характерным примером истощения монастырских средств по УБХ[5] являются следующие два факта:

1) По данным от 29 марта с. г. среди ламства идут разговоры о том, что в силу недостатка средств расходы по содержанию жертвенных принадлежностей в храмах б. богдоского дворца[6] сокращаются вдвое. Например, по храму Сайн Хоносо и Джанчинтумба вместо горевших ранее двух вечных дзоло (лампад) установлена одна. По священным обычаям гашение вечной лампады считается большим святотатством, но неумолимый закон экономики вынуждает современных служителей культа вступить на путь нарушения святых традиций.

Расходы по другим храмам также уменьшаются, например, из 1000 т. до 500, из 200 т. до 100 т. и т. д.

Наряду с этим отмечаются непрекращающиеся случаи казнокрадства ламами-нирбами. Так, в большой казне цогчина у нирбы Пунцага и др. 4 человек обнаружена растрата 2260 тугр. Указанием нирбы отстранены от должности.

Вообще говоря, отсутствие твердого учета поступлений и расходов по духовным джасам (казна) дает большое поощрение злоупотреблению со стороны нирб. (Считается глупостью, если нирба не наживается на монг. джасе).

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 85–86. Машинописная копия.

№ 68
Информационное сообщение из Улан-Батора о ламстве Гандана и Хурэ

№ 31594 11 июня 1928 г.
г. Москва Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю тов. Заковскому

При сем препровождается «Доклад о состоянии ламства в Монголии» – для сведения.

Приложение: упомянутое.

Пом. нач. ВО ОГПУ Волленберг
Нач. 1 Отдела Бак

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 94. Подлинник.

Приложение

Улан-Батор-хото 15 июня 1928 г.[1]
1 июня 1928 г.

Совершенно секретно
Оценка: заслуж. довер.

Ламство Гандана и Хурэ

Особых изменений в жизни ламства Гандана и Дзун-хурэ[2] за отчетный месяц не произошло. Отмечавшиеся ранее случаи компрометирований друг друга и расклейка анонимных писем на воротах продолжаются. Некоторые, не ограничиваясь растратой монастырских денег, производят растрату средств, собранных путем пожертвования. Распространяются слухи о якобы скором прибытии Панчен-Богдо[3] и предстоящем аннулировании ранее выпущенных банкнот и о выпуске новых. Отмечается ростовщичество, при котором деньги одалживаются ламами под колоссальные проценты. Имеют место случаи картежной игры и занятия спекуляцией. Распространяются провокационные слухи политического характера о налоге и о предстоящем государственном перевороте. Например, в Цаган Саре текущего года по-прежнему в хийде Дэчингалба[4] перед редкой святыней Балдахалой[5] совершено гадание путем бросания домино («Шо»[6]). Результаты таковы: относительно Панчена-Богдо и духовенства показания хорошие, отношения Далай-ламы[7] и светского населения по примеру прошлого года плохие. По этому поводу ёнзон-хамбо-лама[8]

предложил своим товарищам хамбам[9], цорджи и др. составить план выполнения преподанных им аборалов и гуримов[10]. Среди ламства идут разговоры о том, что по словам ламы Манджушри[11], Панчен-Богдо должен прибыть сюда в текущем году и что, якобы, он даже прибыл в хийд Пандита-гэгэна[12] (на востоке). Наряду с этим отмечаются праздные разговоры о том, что тибетец-лама (перерожденец) Симбаримбучи[13] с одним человеком от народников[14] поспешно выехал в Пекин, что Чжан Цзолинь стал совершенно непобедимым, что в год Дракона (тек[ущий] год) Панчен-Богдо должен прибыть сюда. Особенно отличается лама Дондовлин аймака[15] Лувсангомбо, который говорит, что делами существующего государства правят русские. Последние якобы говорят, что поскольку мы коммунисты, постольку не имеем права самоуправствовать, ибо наша задача только обучать и инструктировать на основе исторических поучений и литературных данных. Когда предложат, мы готовы вернуться на родину во всякое время. Он же говорит, что приедет Панчен-Богдо, которому якобы дали 10 000 солдат. В настоящее время он пребывает на юге от сунитского[16] Цаган обо в одном из хийдов, так что его приезд факт ближайшего будущего. В Хара-усу[17] находится 150 солдат, долженствующих вести разведывательную службу. Остальные войска находятся в Хайларе. Барон[18] дал завет прибыть три раза, о чем писано в книге. Один раз уж был, следовательно, осталось два его прихода[19]. В Бурятии монастыри занумерованы и со скота и имущества взимаются налоги, вследствие чего религия идет на упадок с подъемом вверх и понижением. «Очередь дойдет и до Вас, когда здесь распространится такой же порядок», – говорил мне один худонец[20], старик-бурят. На дверях Гандана[21] неоднократно наклеивались листовки следующего содержания: «Гескуй Дагам дацана Цэдэндондог берет крупные взятки с производящихся в габджи лам и в первую очередь проводит их через дамджа (экзамен), это есть недопустимое явление и поэтому ему необходимо уйти перед началом тосомын дамджа[22]. Почему такого жадного человека не выгоняют, а терпят на должности заведующего дворца (ордо[н]). Цэдэндондог, ты не позорь религию, ибо [есть] много лам, которые говорят, что не будут посещать хуралы[23] пока ты служишь. Цэрэндондог есть лицо, признанное историей для уничтожения обители, где существует религия Богдо. Нет кроме тебя негодяев, которые самовольно упразднили утвержденные Богдо положения путем сокращения служителей и творения всяких безобразий. Убирайся заранее. Если хочешь служить, то надень халат с короткими рукавами (символ светского)».

При производстве проверки отчетности и кассы у казначеев большого цогчина[24] Пунцага и Навана обнаружена недостача в сумме 2260 тугриков, каковую предложено внести им за свой счет. Хубилган Гомбожав, живущий в 6-м хороне и служащий в хурале Шамбала[25], под предлогом сбора пожертвований для поддержания истощенной казны взял с собою несколько служителей хурала и в течение прошлой осени собрал в худонах до 500 туг. денег, скота и лошадей восемь голов, много хадаков и пр., которые до сего времени в хурал не сдал. Благодаря этому богослужения в указанном хурале почти прекращены. Гэскуй Сангай-аймака Гурсэд рассказывал следующее:

«Духовное управление под большим секретом предложило мне выяснить лиц аратского убеждения, идущих на Восток (в город) на службу. В исполнение этого

написал, что ходят служащие в Учкоме одного со мною аймака – халхасец Эрдэнэпэл и бурятский доромбо Гэлэг-джамцо. Скоро приедет Панчен-Богдо. Живущий близ дворца на реке лама улясутайский Шавгар-мэргэн, будучи сильно пьяным, говорил другим, что нет Главкома и Наштаглава[26], которые недавно проехали через западную границу. Панчен-Богдо приедет с 30000 тибетских войск. Он якобы послал письмо в правительство, но это письмо до сего времени находится под спудом. Ламы Сангай-аймака Дзагда, Лхасурэнжав и Дзугай-аймака габджу Пунцаг говорили, что государственные кредитки[27], по обесценении их, будут аннулированы и вместо них будут выпущены в обращение новые банкноты с золотым обеспечением, причем габджу Пунцаг указывал на громадный ущерб, который якобы этим будет причинен населению. Зав. Гунчанойлон дацана Гомбосурэн потребовал от лам Шутэн-аймака Буя и Дамдина основного долга 100 тугр. с годовыми процентами в 100 тугр., итого 200 тугриков. Но когда у последних не оказалось денег для погашения всего долга, то Гомбосурун дал им в кредит нужную сумму из дацанской кассы и 30 годовых и таким образом взыскал свои деньги. Гескуй того ж Шутэнского аймака Лувсанцэрэн, Сунрав и Номон-Хан-аймака Жигжид занимаются спекуляцией путем закупки прибывающей из худона крупной партии молока и перепродажи ее другим на кабальных условиях, когда на рынке молока не бывает. В юрте ламы Сунги аймака Дармы производится картежная игра, в которой участвуют ламы Шара Хурши и др. в количестве четырех человек. Ламы Вангай-аймака Сэрээтэр и Нойон-аймака Иш скупали и обменивали китайские янчаны[28] на монгольские тугрики, а также производят поиски продавцов китянчан.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 96–98. Заверенная копия.

№ 69
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о монгольской контрразведке

№ 14646 4 июня 1928 г.
г. Москва Совершенно секретно
тт. Артузову, Ольскому[1]
к делу

Монгольская контрразведка

История систематической контрразведывательной работы монгол против сов. инструкторов берет свое начало, очевидно, со времени работы в ГВО Балдаева или даже раньше. Это видно из неоднократных предупреждений нач. ГВО Хаянхирвы[2], который, как отмечалось раньше, указывая на дело Вульфовича[3], на попытку вербовки шофера ГВО Балдаевым и Дубровским для освещения деятельности нач. ГВО, сведений уполкоминтерна <… > деятельностью Блюмкина и якобы кражу разных дел ГВО и т. д.

Позднее же образование оппозиции в ЦК, подозрительное поведение Блюмкина и пр. вызвали усиление контрразведывательной деятельности монгол. Начальником контрразведки был назначен Хаянхирва, который начал создавать спец. Сеть. Помощниками у него были б. русский упол. ГВО (б. белоофицер) Катков, переводчик ГВО (б. переводчик ген. Резухина) Юмтаров Д.[4], нач. Инфасо ГВО Бавуу-

дорж, нач. Актив. отделения Очиржав и др. В первое время (до Каткова) групповодом у него был Юмтаров (собственные слова последнего), который остался на этой должности до сего времени. Он сейчас является одновременно и переводчиком контрразведки.

В начале текущего года Х. Х. пытался завербовать русского уполномоченного Зимина, но эта попытка ему не удалась. После этого он завербовал переводчика Цыдыпова перед поездкой последнего на аршан (горячие воды) Иро. При вербовке берется только честное слово под страхом тяжелой ответственности и никаких бумажных формальностей не ведется. Завербованному Цыдыпову Х.Х. сказал следующее: «Инструктора шпионят за нами. Все наши важнейшие государственные секреты становятся достижением Полпреда Москвы. Поэтому нам нужно хорошо организовать контрразведку против сов. инструкторов. Блюмкин и Балдаев почти открыто крали наши секретные бумаги. Теперь то же самое будут делать инструктора ИНО и иностран. разведота Клярфельд[5]. Вообще всякому инструктору верить нельзя. Ты по приезде должен создать хорошую сеть для наблюдения за инструкторами и сов. разведкой. У самостоятельного государства должна быть самостоятельная контрразведка, иначе мы обратимся в игрушки в руках иностранцев». С этими словами Х. Х. дал Цыдыпову на лечение 300 тугриков, также кипу русских сводок для перевода. Почти все сводки были написаны однообразным почерком вполне грамотного человека. Сам Цыдыпов полагает, что они были написаны инструктором ПУРа, так как по сводкам фигурировали и его подписи (этому, конечно, трудно верить, пока не будет добыт образец почерка). Смысл сводок сводился к тому, что б. инструкт. Дудиков имел свою особую спецсеть для наблюдения за Х. Х. и др., что Блюмкин был связан с Москвой и поддерживал секретную связь, передавая все мои секреты, что инструкт. разведота штаба берет все секретные бумаги и почти ежедневно ездит докладывать полпреду, что Ханзен делает то же самое и в своей квартире перепечатывает секретные бумаги, вызывая свою машинистку, что у Ханзена в квартире есть уборщица-бурятка, которую можно использовать по возвращении из Аршана. Цыдыпов был назначен спец. уполномоченным Актив. Отделения. Х. Х. дал ему задание организовать хорошо подобранную русскую сеть в количестве до 20 человек и работать исключительно под личным его руководством, и не обращаясь к инструктору СОО и не расконспирируя перед ним осведот.

В настоящее время в сети насчитывается около 10 человек. Все же более надежным считается Юмтаров, которому Х. Х. передает переводы сводок своей сети. Надо полагать, что в связи с выездом Каткова <…> [ду]мает вернуться и для работы по линии Монголтранспорта в Соловьевске Санбейского района и «приключением» с Евстифеевым и В.-Удинске, сеть руководится теперь непосредственно самим Х.Х. и Юмтаровым. К последнему Х.Х. частенько ездит ночью. Один раз в бытность в квартире Юмтарова, Цыдыпова и Баинова (переводчик ГВО) приехал ночью Бавуудорж и вел в отдельной комнате секретные разговоры. Перед поездкой председателя ЦК Дамбадоржа в Москву последний был снабжен Х.Х. данными контрразведки. Юмтаров переводил потухавшее дело Вульфовича. Это сделано с целью доказать где нужно о шпионской и провокационной работе сов. инструкторов и компрометирования последнего. В связи с последним делом инструктора

СВУ С <...> Х. Х. вызывал Цыдыпова, предложил усилить наблюдение за инструкторами и выявить их разговоры между собою. В вознаграждение за усердную работу Х. Х. предполагает представить Юмтарову в лето т/г подолжительный отпуск на 5 месяцев. Юмтаров предполагает первое время отпуска использовать на охоте, а потом поехать к родителям в Кударинский караул СССР. Помимо Юмтарова «усердным служением» «снискал» доверие монгол-переводчик военсовета (б. переводчик Унгерна и ком. отд. отряда) Байсанов, который якобы тоже работает в контрразведке.

Необходимость расширения и развития контрразведывательной работы осознается ими по мере того, как обнаруживаются или проваливаются разведчики с советской стороны. Так, например, после приезда в У-Б-Хото двух лам из Бурреспублики дней через 7 по монгольской линии поступили две сводки. В одной из них говорилось, что приехавший в Дзун-хурэн лама габджи Агинского дацана Шираб есть бывший матерый контрреволюционер, работавший в войсках Семенова и до сего времени поддерживающий контрреволюционную связь с Маньчжурией, Хайларом, Пекином, а также неоднократно предпринимающий личные поездки в эти города. В сводке приводилось предположение, что он, наверное, приехал для контрреволюционной работы, так как выдает себя за паломника. В другой сводке приводились слова его товарища Габджи Рамшила, который якобы говорил, что бурятский Хамбо-лама осенью с. г. едет в Лхасу, куда он и хотел ехать, но ввиду дороговизны здесь и недостатка денег думает вернуться и запастись деньгами, чтобы выехать совместно с Хамбой. «У нас в Бурятии религиозная жизнь духовенства поставлена на здоровую ногу по винайским принципам[6]. Когда я был здесь раньше, то женщины в Дзун-хурэн допускались только днем в сопровождении цагды. Теперь же этого нет, и женщины свободно гуляют днем и ночью. Почему такая разница – не знаю, хотя все остальное много переменилось к лучшему. Сам Х. Х. заметил: «Я лично знаю этого Шираб-габджи как явного контрреволюционера и семеновца. Надо бы его арестовать», но пока дал задание вести наблюдение. Предположительно можно сказать – сводку на Шираба дал студент МИЖВЯ[7] Дорджи Балдано (агинец и монг. подданный) живущий у Чжалицара, но который имел с Ширабом какие-то старые личные счеты.

После этого Шираб и через него его товарищ с соблюдением должной осторожности были нами предупреждены, что их нащупала монгольская сеть и что нужно соблюдать максимум осторожности (вообще связь с ними не поддерживалась). Недели почти две не было о них никаких сведений. В это время в ГВО доставлен из Алтан-Булака задержанный там «сов. шпион», некто бурят Галсан Жамсаранов или Намсараев. Если он Намсарай Галсанов, по происхождению из Еравнинского хошуна БМР, который попав в горсуд Алтан-Булака по делу иска с него каким-то старым его знакомым 20–30 рублей, на допросе на суде по поводу отсутствия у него загранпаспорта намекнул, что может быть его знает местный сов. консул. В дальнейшем он сознался, что, приехав в Троицкосавск и будучи безработным, он встретился с одним русским, который, обещав дать ему прибыльную работу, свел с его сотрудником (сказано начальником) погранотряда. Последний предложил ему заполнить анкету и дать подписку, что он и сделал. Прежде чем заполнить анкету «начальник» осведомился: умеет ли он стрелять.

После утвердительного ответа дал ему винтовку и предложил выстрелить в мишень. Попадание оказалось хорошим, и поэтому обещали после дать ему винтовку и коня, а пока что предложили отправиться на монгольскую территорию в Алтан-Булак собирать и передавать сведения о контрабандистах. Через границу его переправила погранохрана в районе Кирана, сказав при этом, что кроме него также нелегально переправлено 3 человека. На вопрос Жамсаранова, как быть, если его задержат как безпаспортного, начальник ответил, что в таком случае нужно обратиться в консульство.

Горсуд, совершенно случайно разоблачив «шпиона», направил его с показанием в алтан-булакское отделение ГВО, а последнее после тщательного обыска в У-Б-Хото. Хаянхирва потрясал протоколами-допросами, возмущался, что в Монголию посылаются «шпионы» (дело ведет по монг. линии в исключительно секретном от инструкторов порядке). Возможно, что допытываются, не предлагали ли ему связаться с каким-нибудь инструктором. Не прошло и полной недели после указанного случая, как Х. Х., вызвав меня, сообщает, что 12 мая с. г. задержан и препровожден сюда Шираб-габджи, у которого якобы обнаружены разные бумаги, в том числе бумага <…> Х. Х. сказал, что это фашистский знак. На самом деле это была печать старого Клисингского дацсовета, наложенная на одно старое удостоверение Рампила. Из последнего факта было очевидно, что задержан также и Рампил. Однако другие бумаги Х. Х. не показал. Следствие по делу задержанных ведется под руководством Х. Х. в особо конспиративном порядке нач. ИНФАСО Бавуудоржем и его помощником Лубсанцэрэном, как лицами, пользующимися особы доверием Х. Х. Задержание их, по словам одной ехавшей с ними старушки-бурятки (освобожденной здесь), произошло на одном из ближайших к Алтан-Булаку уртонов цагдой, выехавшим к ним навстречу из Алтан-Булака и произведшим обыск под предлогом, что они выехали из У-Б-Хото, миновав таможню (на самом деле они на лошадях выехали через сев. пост.) Озн[аченные] ламы, по словам той же старушки, собирались свернуть с Алтан-Булака на юго-запад в Амарбаясгалант или Дора-Эосин-хийд.

Самое опасное теперь в том, что они главным образом под строгим давлением монгол-следователей могут открыться и провалить все. Этому способствует то, что почти в момент задержания их, т. е. 10 мая с. г., за № 490 по монг. информац. поступила приблизительно след. сводка: «В беседе с ламой Сангай-аймака (Гандан) Ишдоржа последний говорит, что в 4 больших дацанах БМР – Янсяжинском, Цугольском, Анинском и Чельтайском произошел раскол ламства на два лагеря – «старых и новых», придерживающихся решений ряда духовных съездов в Верхнеудинске, Москве и т. д. По остальным дацанам то же самое, но в некоторых случаях «старые» строят отдельные молитвенные дома. В Агинском дацане существует группа нирванистов[8], проповедующих аскетизм и отрицающих всякие культовые обрядности, как противоречащие учению Будды. В В.-Удинске существует группа безбожников до 30 человек и в Хори до 20 чел. приблизительно. Осенью текущего года в В.-Удинске предполагается созыв буддистского собора с приглашением представителей из Монголии. Поэтому работающим в ЦДС Балджинима Бадмажаповым посланы сюда для выяснения обстановки и пропаганды идеи «новых» (обновленцев) ламы Ш. и Р., которые знакомились здесь с разными лицами и распро-

страняли постановления Московского собора. Я ходил вместе с ними в Дамбадаржа-хийд[9], где ламе Лувсандамдину из Дзуд-дацана Намдалин-аймака вручен 1 экземпляр постановления, Урлуд-аймака Лувсану 1 экз. и др. по 1 экз. Едва ли от их работы что выйдет.

Из этого видно, что лама Ишдорджи Лобсанов, коему доверились пришедшие, разболтал монг. информатору «Сурэну» (Эрдэмпил). Это послужит хорошим наводящим материалом для следствия и допроса Ишдорджи и др. Вчера Х.Х. сообщил, что Ш. имел связь с реакционером-ламой, который морочит окружающих своей способностью летать в воздухе без машины и распространяет разные провокационные слухи. Имя этого ламы якобы отмечено в записке Ш. Последний также был у Манджушри-ламы, который считается явным контрреволюционером. «Ясно, что такой жулик не может сблизиться с хорошими людьми и всегда находит себе подобных – мы все расследуем – закончил Х.Х.».

Приведенные выше факты сами говорят за себя и не требуют фиксирования специальных выводов. Одно лишь несомненно, что посылка людей со столь серьезной миссией, не допуская при этом связи и руководства ими здесь, дала свои определенные результаты, с одной стороны, насторожив бдительность и подозрительность монгол и с другой стороны, дав в их руки солидный материал и опыт по борьбе с «иноземным шпионажем».

Нач. ИНО подпись

Уполном. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 12–18. Подлинник.

№ 70
Из информационного сообщения «Современная Красная Монголия»

б/н Не позднее 28 июня 1928 г.[1]

Совершенно секретно

Охрана Полпредства СССР

Охрана Полпредства состоит из 250 человек отобранных красноармейцев. Представлены все виды оружия: пехота, артиллерия, кавалерия, пулеметная команда, авиационный парк. Последний имеет в своем распоряжении 5 учебных аппаратов, да, кроме того, выделил еще 2 аппарата «Добролету» для постоянной почтово-пассажирской связи Улан-Батор-Хото с Верхнеудинском с остановкою в Алтан-Булаке. Монголы-летчики обучаются в Москве, но пока, как говорят, безуспешно.

Высший контроль Коминтерна

Высший контроль над деятельностью правящей партии (МНРП), Великого и Малого Хурулданов, Совета министров МНР и Полпредства СССР принадлежит аккредитованному при правительстве МНР особому уполномоченному Коминтерна, которым до самого последнего времени состоял бурят М. И. Амагаев – Амуга, возглавлявший в то же время Высший экономический совет Республики. <…>

ГВО

Исполняя функции монгольского ГПУ и будучи подчинена непосредственно главе правительства, Государственная внутренняя охрана (ГВО) является первым по силе и значению государственным учреждением коренной Монголии: нет ни одной стороны государственного строительства, нет ни одного государственного деятеля и рядового работника, который не находился бы под бдительным надзором всесильной ГВО.

ВЭС

Находящийся в руках уполномоченного Коминтерна Высший экономический совет (в который в числе прочих отделов входят Государственный статистич. отдел и Государственный контроль) вырабатывал до самого последнего времени план хозяйственного строительства республики по директивам Коминтерна и поэтому ВЭС является вторым после ГВО по своему значению государственным управлением страны.

Уполномоченный Коминтерна, Полпред СССР, ЦК МНРП, ГВО и ВЭС – вот кто общими усилиями управляет современной красной Монголией.

Советско-монгольский деловой клуб

Для укрепления и развития советско-монгольских деловых связей в Улан-Баторе уже третий год существует советско-монгольский деловой клуб, издающий собственный журнал на русском и монгольском языках – «Хозяйство Монголии». Начиная с февраля с. г. журнал этот помимо прежних экономических вопросов начал обсуждать еще и вопросы политические.

Объединяя всех виднейших монгольских и советских хозяйственников в МНР, этот клуб представляет собою как бы биржу Улан-Батора. <…> При клубе организован недавно кружок по монголоведению, члены которого со временем станут новыми полезными сотрудниками «Стормонга». Лекции в кружке этом читаются Полпредом и торгпредом СССР, а также виднейшими деятелями «Стормога» и Ученого комитета МНР.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 395–417.

№ 71
Информационное сообщение Спецотдела ОГПУ[1] о меморандуме посольства Японии в Москве по поводу посылки официального японского представителя в Монголию

б/н

Не ранее 27 июля 1928 г.[2]

Из материалов Спецотдела

Меморандум

На телеграмму яппосла в Москве от 27 июля за № 365 в Токио МИД, что ввиду исключительной важности советско-монгольских взаимоотношений для нашей политики в отношении Китая, Танака[3] полагает, что было бы вполне возможно приступить к переговорам с Монголией относительно посылки туда нашего предста-

вителя, имея в виду признание монгольского правительства. Разумеется, мы должны всячески избегать слова «признание», и порядок переговоров следовало бы установить следующий: сперва Танака посылает местному монгольскому полпреду уведомление о том, что японское правительство решило послать своего дипломатического представителя в Ургу с тем, чтобы монгольский посланник довел бы до сведения своего правительства; таким можно будет попытаться послать нашего представителя на вышеуказанных основаниях. Если же монгольская сторона не пойдет нам навстречу, мы приступим ко второму способу: послать сообщение монгольскому мининделу о том, что японское правительство решило признать монгольское народное правительство единственной законной властью в Монголии, причем, чтобы обеспечить допущение нашего представителя в Монголию, поручить ему непосредственно вручить означенное письмо монгольскому правительству в Урге. В том случае, если на основе второго способа будет установлено соглашение, следует заявить китайскому правительству о том, что этим самым Япония отнюдь не игнорирует суверенные права Китая, что она считает по-прежнему Монголию составною частью Китая, но идет на признание только потому, что ныне власть китайского правительства не распространяется на Монголию, ввиду чего японцам необходимо признать фактически существующую власть для обеспечения своих прав, полагающихся по японо-китайскому договору[4]. Япония этим самым имеет в виду воспрепятствовать установлению исключительного влияния на Японию[5] со стороны СССР, пользующегося тем, что власть китайского правительства ныне не распространяется на Монголию. Таким образом, этот акт Японии будет даже выгоден для самого Китая. Япония выражает надежду, что Китай, который молчаливо признал обмен послами между Монголией и СССР, не будет протестовать против посылки японского представителя в Монголию.

Разумеется, строго говоря, означенный проект имеет дефекты, но мы вынуждены в целях нашей китайской и маньчжурской политики идти на такого рода не совсем обычные комбинации, тем более что имеем дело с Монголией, которая имеет специфические взаимоотношения с СССР. Нам остается именно такой путь, чтобы парализовать закулисные контрманевры советского правительства. По ряду причин я считаю нецелесообразным послать в Монголию военных чинов прежде дипломатов, т. к. это вызовет препятствия и нежелательные осложнения. При посылке нашего представителя необходимо избрать лицо, занимающее достаточно высокое положение и имеющее солидный стаж.

В качестве последнего способа можно попытаться послать представителя в Монголию с тем, чтобы не было необходимости в советской визе, т. е. через Калган. В конечном счете нам придется в той или иной степени пойти на признание монгольского правительства, ибо в противном случае вряд ли можно надеяться на осуществление нашего проекта.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 214.
Машинописная копия.

№ 72
Меморандум
Материалы спецотдела

№ 135 15 августа 1928 г.
Из Улан-Батора от МИД

Совершенно секретно

В Москву Монг. Полпредству

Сообщение за подписью Баянгэрэл и Эрхимбато о том, что уполномоченный Коминтерна обещал съезду баргинской партии помощь: 50 000 патронов; 1000 винтовок для поднятия революционного движения. Все подготовлено к выступлению и вопрос этот нами уже решен. В Улан-Батор приехали представители Барги за советом и помощью, но нет уполномоченного Коминтерна. Полпред СССР категорически возражает против выступления, но Коминтерн молчит и не дает ответа. Сообщаем, что ныне прекратить революционное движение в Барге трудно, поэтому просьба узнать обо всем в Коминтерне и срочно сообщить.

Баянгэрэл, Эрхимбато
Верно. Подпись

Меморандум
Материалы спецотдела

б/н 16 августа 1928 г.
Из Улан-Батора от МИД

В Москву Монг. Полпредству

Сообщение за подписью Гэлэгсэнгэ

Поступили сведения, что население Барги перекочевывает на нашу территорию. Отряды баргинских хошунов идут к Хинганскому перевалу с целью захвата туннели и оттеснения китайских войск.

Представители Барги в тяжелом положении и просят поддержки оружием[1]. В случае, если не будет оказано содействие, Барга не сумеет освободиться. Срочно телеграфируйте Ваше мнение.

Гэлэгсэнгэ

Верно подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 47. Оригинал.

№ 73
О переговорах баргинцев с монгольским пр[авитель]ством (в доп. к № 81769 от 17.08.28 г.)

№ 8186 21 августа 1928 г.
ОГПУ Совершенно секретно
ИНО

т. Менжинскому
т. Т.
т. Ольскому
т. Артузову
т. Дерибасу
К делу

Нач. ИНО
Уполномочен.

Приехавшие в Ургу баргинцы стараются склонить Монгольское пр[авитель]ство к активной поддержке восстания. Местные панмонголисты во главе с профессором Жамцарано[1] поддерживают их. Предполагают, что выезд пред. воен. совета Джадамбы на восток находится в непосредственной связи с восстанием. Точно установлена связь прибывших делегатов с местными японофилами. Член ЦК Внутренней Монголии, японофил Эрхимбато связался с руководителем восстания Фумингтаем[2]. В Ургу из Барги прибыл видный лама Агван Джамцо.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Л. 378. Л. 51. Машинописная копия.

№ 74

Информационное сообщение ИНО ОГПУ о бандитизме на северо-восточной границе МНР

№ 1475 3 сентября 1928 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. Ольскому
2. Кацнельсону[1]
3. К делу

Бандитизм на северо-восточной границе МНР

27 мая с. г. в 14 часов в 5-м пограничном кавказском дивизионе[2] было получено сообщение из Дэлгэрмунх-уул сомона Баянтумэн-хан-уул хошуна[3] о том, что в районе данного сомона в местности Дун Цаган-нор появилась банда в количестве 10 человек, грабящая местное население.

Помощник командира дивизиона тов. Дамба совместно с инструктором и 16 цириками выехал на автомобиле на место появления банды. Здесь выяснилось, что в составе банды было 11 человек, из них четверо бурят и 7 русских, вооруженных

винтовками русского и японского типа, при наличии 70–80 патрон на каждую винтовку. Одежда бандитов – разношерстная. Седла разного типа, большей частью бурятские. Патронташи китайского типа – далембовые. У бандитов имелся один бинокль.

Указанная банда, по имеющимся сведениям, ограбила 8–9 юрт, захватив оттуда много серебряных монет, серебряных и золотых вещей, а также около пяти местных граждан-монгол. Один из них был отпущен до перехода бандой границы Барги, а четверо были уведены за границу. Следует отметить, что всех забранных лошадей банда вела на поводу[4], а также захватила много лишних седел. Следует также отметить, что пограничные цагды военно-пограничного отдела ГВО оказались недостаточно бдительными и не заметили перехода банды на территорию МНР.

По сообщению инструктора дивизиона от 12 июня, четверо граждан, уведенные бандитами, возвратились домой невредимыми. Они передают, что бандиты намереваются опять сделать набег на местность Галын-гол, находящуюся в 60–70 верстах от мест расположения.

Одновременно инструктор дивизиона доносит о том, что по <…>[5]

Нач. ИНО [подпись]

Уполномочен. [подпись]

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 73. Подлинник.

№ 75
Информация ИНО ОГПУ о переселении монголов и казахов из Синьцзяна в МНР

№ 14750 6 сентября 1928 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ольскому
2. т. Петросяну
3. К делу

Переселение монгол из Синьцзяна в МНР

Несколько лет тому назад из пределов Монгольской Народной Республики эмигрировали в Синьцзян монголы в составе более чем 50 юрт из хошуна быв. князя Намжи-Вандана[1] и около 10 юрт из хошуна Хошууч. Эмигрировавшие монголы обратились прежде всего к дубаню Синьцзянской провинции с просьбой об отводе им участка земли для местожительства. Дубань разрешил пришельцам поселиться в районе г. Гучена на пустынных местах, где совершенно отсутствует всякая растительность. Это обстоятельство повлияло на состояние хозяйства эмигрантов, так как скот их в большом количестве стал гибнуть из-за отсутствия корма. В первое время якобы они получали в течение года некоторое количество муки по распоряжению китайских властей, но затем лишились всякой поддержки. В 1927 г. поселенцы перекочевали из района Гучена в район Байтак-Богдо, где и остались зимовать. Их положение здесь также оказалось незавидным вследствие отсутствия мест, подходящих для занятия скотоводством или хлебопашеством. К этому присоединились еще невзгоды от болезней и вследствие притеснений китайских вла-

стей. В результате монголы из района Байтак-Богдо в количестве свыше 60 человек прибыли к настоящему времени на территорию МНР в район хошуна бывш. князя Максаржава, где и занялись хлебопашеством. По их словам, все монголы, находящиеся в районе Байтак-Богдо, желают снова стать подданными МНР, но этому препятствуют китайские власти, не соглашающиеся выпустить с ними принадлежащее им имущество.

Кроме того, население трех монгольских хошунов, принадлежащих племени «хасык» или «хасак»[2] и известных под названием Баянхадам, Хухо-Молодо и Широжи, обнаружило стремление перейти из Синьцзяна на территорию МНР и переменить подданство. Часть жителей этих хошунов, в частности из хошуна Широжи, осталась на территории Синьцзяна, другая же часть перекочевала в приграничный район МНР, в местность, лежащую приблизительно в 100 верстах на северо-запад от правого фланга расположения постов 37-го погран. эскадрона.

Между жителями хошуна Широжи, с одной стороны, и хошунов Баянхадам и Хухо-Молодо – с другой, происходят раздоры на почве имевших место ранее несправедливостей в дележе земельных участков и проч. В мае с. г. более 200 человек из хошуна Широжи, в большинстве вооруженные, отправились в поход против хошунов Баянхадам и Хухо-Молодо, жители которых сочли нужным встретить своих врагов с большим радушием и почетом, по-видимому опасаясь суровой расправы. Жители хошуна Широжи, добившись удовлетворения и, в частности, получив 100 голов крупного скота в качестве компенсации за убитого когда-то своего соплеменника, вернулись обратно в свой район.

Судя по донесению командира 37-го эскадрона, это нападение было совершено именно теми жителями хошуна Широжи, которые остались в китайском подданстве.

Возвратившись в МНР, монголы, равным образом и те, которые ранее проживали в Синьцзяне, а теперь прибыли на территорию МНР, хорошо отзываются о порядках Монгольской Народной Республики, ее правительстве и Красной Армии.

Нач. ИНО подпись

Уполномочен[ный] подпись

Примечание: Разведотдел МНКА

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 76–77. Подлинник.

№ 76
Оперативная информация ИНО ОГПУ о политике США и Японии в Маньчжурии

№ 82304 10 сентября 1928 г.

ОГПУ Совершенно секретно

Иностранный отдел

1. т. Менжинскому
2. т. Ягоде
3. т. Т.
4. т. Сталину

5. т. Рыкову[1]
6. т. Ворошилову
7. тт. Уншлихту – Берзину
8. т. Чичерину
9. т. Пятницкому[2]
10. т. Дерибасу[3]
11. т. Артузову[4]
12. К делу

Американская и японская политика в Маньчжурии

Из Харбина сообщают: «По сведениям из американских кругов, в циркуляре Государственного департамента САСШ[5], разосланном североамериканским дипломатическим представителям за границей, говорится, что нужно принять к неуклонному руководству положение о том, что американское правительство не признавало и никогда не признает специальных прав Японии в Маньчжурии и Монголии».

В том же циркуляре американским консулам в Маньчжурии предписывается обратить особое внимание на деятельность Японии в Маньчжурии и в Монголии.

В переписке между американскими консулами в Сев. Маньчжурии говорится, что ультиматум, предъявленный Хаяси, японским генеральным консулом в Мукдене, Чжан Сюэляну[6], заключал ряд требований Японии по поводу КВЖД. В этом ультиматуме Япония требует восстановления на КВЖД международного контроля, осуществляемого Международным советом[7] и существовавшего на дороге до конца 1922 года, причем Япония предполагает, что СССР будет иметь своего представителя в этом международном совете.

В сепаратных переговорах с Чжан Сюэляном и Чжан Цзосяном Япония выставляет следующие пункты требований:

1. На территории Маньчжурии и Внутренней Монголии образуется под протекторатом Японии буферное государство, под названием «Независимая Маньчжурская Республика».

2. Японией будет оказано содействие для включения в новое буферное государство Внешней Монголии.

3. Финансовая и налоговая система нового государства реорганизуется под контролем и при содействии Японии.

Нач. ИНО подпись

Примечание: Агент. материал. Заслуж. внимания.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 78. Подлинник.

№ 77
Информационное сообщение о тибетских лекарях в Монгольской народной армии и по ламскому вопросу. Запись беседы сотрудника Полпредства СССР в Монголии И. Минина с Ц. Жамцарано

№ 32252/СВО
г. Москва

14 сентября 1928 г.
Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибири
тов. Заковскому

При сем препровождаются материалы о тибетских лекарях в Монгольской Народной Красной Армии – для сведения.

Приложение: упомянутое и ряд других.

Пом. Нач. ВООГПУ Петросьян
Нач. 1-го Отд. Бак

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 125. Подлинник.

Приложение 1

О тибетских лекарях в Монгольской Народной Красной Армии[1]

Вопрос о «работе» так называемых «эмчи» (тибетских лекарей) в МНКА, их параллельном сотрудничестве с европейским (русским) медперсоналом и вредном влиянии на армию – в полной мере назрел и требует своего разрешения.

Ежедневные наблюдения показывают, что к тибетским лекарям (между прочим, по национальности они почти все монголы и только изучили тибетскую медицину) в большинстве случаев ходят совершенно здоровые люди и задерживаются у них на приеме непомерно долгое время, что в свою очередь благоприятствует развитию симуляции, переходящей в прямое уклонение от службы и учебы.

Отношение тибетских лекарей к такого рода явлениям с достаточной ясностью выявилось в процессе работ медицинских комиссий, назначаемых для определения состояния здоровья цириков, направленных в школу подготовки младшего комсостава. Тибетские лекаря, принимавшие участие в работах этих комиссий, соглашались с тем, что почти все цирики, прошедшие через комиссии, относительно здоровы и пригодны для несения военной службы; на приемах же тибетских лекарей, производимых в специальных околотках, наблюдается совершенно иная картина. Всякий пришедший в тибетский околоток считается больным, получает объемистое количество «задачек» (так называются все тибетские лекарства) и весьма часто к тому же – освобождение от занятий и нарядов. Достаточно сказать, что за время с 1 января по 1 апреля 1928 г., т. е. за три месяца, в тибетских околотках по МНКА было 44 882 посещения и при этом дано освобождений от занятий в общей сложности на 7117 дней.

Такая потеря громадного количества учебных дней за какие-нибудь три месяца превосходит всякие нормы, существующие в этом отношении, и это явление необходимо признать прямым результатом соответствующих действий со стороны тибетских лекарей.

Но тибетские лекаря не ограничиваются только освобождением здоровых людей от занятий и выдачей здоровым людям лекарств – «задачек». Они применяют и такие методы лечения, как хождение с цириками в монастыри для их «отчитывания»[2] и к тому же в части занятий, что, напр., имело место в 5-м погранкавдизионе, расположенном в Гурван-Баяне, в местности, изобилующей монастырями.

Из других методов лечения тибетские лекаря часто практикуют кровопускания, оканчивающиеся иногда смертью больных, подвергшихся «лечению».

Тибетские лекаря при лечении сифилитиков затягивают эту болезнь до такой степени, что затем больного невозможно поправить даже способами европейской медицины, или приходится лечить его с большими затруднениями в течение длительного времени. Часто тибетские лекаря, запустив и растравив болезнь, отказываются от больного и передают его на лечение в европейский околоток. Хотя такие случаи происходят ежедневно почти и считаются обычным явлением, все же следует отметить наиболее яркие из них и наиболее преступные.

В 3-м (пулеметном) полку тибетский лекарь Шарав полтора года лечил цирика, больного сифилисом; вследствие неумелого лечения болезнь перешла в третий период: все тело больного покрылось большими язвами, начали гнить кости. Доведя больного до такого состояния, Шарав затем бросил его на произвол судьбы, отказавшись от дальнейшего лечения, после чего цирик был передан в европейское отделение военного госпиталя.

Недавно имел место следующий не менее характерный случай. Бывший командир эскадрона 4-го полка, потерявший совершенно зрение от взрыва гранаты, вздумал прибегнуть к помощи тибетской медицины и начал лечиться у ламы. В результате этого лечения, сопровождавшемся применением самых ядовитых средств, Очир свалился и в бессознательном состоянии был доставлен в госпиталь, где через три часа скончался. Европейская медицина в этом случае поправить дела уже не смогла.

Главный «эмчи» тибетского отделения Военного госпиталя Санжжав лечил больного гонореей курсанта Дамче-Сурува, после чего у курсанта возникло общее воспаление мочеполовых органов: мочевого пузыря, мочеточников, мочеиспускательного канала и даже почек; появилось сильное кровянистое выделение мочи и гноя. Больной слег в постель. Приняты меры к переводу его в европейское отделение госпиталя.

Еще случай. Тибетский лекарь 5-го погранкавдивизиона внушил цирикам, что стричь волосы в некоторых случаях нельзя, ибо это служит причиной болезней. В результате цирики этого дивизиона в большом числе не стригутся и вследствие этого в дивизионе имеет место в сильной степени вшивость и болезни волосистых частей тела.

Если посмотрим, во сколько обходится содержание тибетских лекарей, то увидим солидную сумму. Всего в армии имеется 20 тибетских лекарей, одно жалование которых за год составляет 18 840 тугриков; кроме того, каждый тибетский ле-

карь имеет казенную лошадь, на которую получает казенный же фураж. К тому же и тибетские медикаменты стоят не так уж дешево, а некоторые, вроде кабарговой струи, медвежьей желчи и вовсе дорогие; на тибетские медикаменты за последние годы ассигновывается по смете Военведа 19 и более тысяч тугриков в год. В то же время, неся такие непроизводительные расходы на тибетскую медицину, монголкомандование проявляет отсутствие должного понимания значения военно-санитарного дела в армии и сочло возможным упразднить должность инструктора санчасти (сняв с этой должности врача Душина), вместо которого в настоящее время поставлен лекпом Макарычев, носящий довольно неясное звание «консультанта санчасти» при начальнике санчасти – монголе.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 126–128. Машинописная копия.

Приложение 2

О красношапочниках[3]

Красношапочники развивают большую деятельность в городе среди мирян, в монастырях, особенно в Гандане, их деятельность очень стеснена. Они имеют школы, где обучают тибетской грамоте и початкам своего вероучения, как молодежь, так и взрослых. Они имеют большой успех среди мирян и среди лам, благодаря энергичным своим проповедникам, во главе коих стоит здесь бурят Лобсан Дорже <…> человек начитанный, умный и бойкий, по словам Ц. Ж. Жамцарано, даже пройдоха.

Монгольское правительство допускает красную церковь наряду с желтою, но само не разрешает красным селиться в Гандане, а только в городе. Насколько всерьез пр-во берет красную веру видно из того, что оно удовлетворило просьбу красных считать за лам их лам, несмотря на то, что последние женаты; дело в том, что по красному вероучению лама обязательно должен быть женат[4].

Что касается желтых, то они активно не борются с красными, так как считать их врагами им запрещено. В самом деле, красные отличаются от желтых преимущественно тем, что они признают цуд (эротический мистицизм) единственным путем к спасению, тогда как желтые допускают цуд наряду с другими путями[5]. Дисциплина желтых монастырей еще может предохранять их монахов до известной степени от красного влияния, но в борьбе за мирян желтые против красных бессильны. Мало того, желтые признают за красными особое мастерство и особую благодать в области цуда (в котором ведь красные особенные специалисты) и главари желтой церкви всегда стараются для увеличения своих религиозных заслуг и авторитета получить какое-нибудь особое, тайное и могущественное посвящение от главарей красных. Этим объясняется то, что дэд-хамбо[6], второй после ёнзон-хамбо, главарь желтой церкви в Урге, является «учеником», (т. е. принявшим посвящение от известного здешнего красношапочника, тибетца Ца-Бурэлгу) и, в свою очередь, наделил его другим посвящением, так что они взаимно являются и «учителем», и «учеником» друг друга. (Сейчас они вместе уже около месяца живут вдвоем около Гандана и занимаются длинной церемонией «посвящения», или «передачи» Ганджу-

ра). Красные имеют свой монастырь в б. Мэргэн-вановском хошуне[7]. Кроме красных и желтых есть еще смешанные, т. е. признающие отчасти красную, отчасти желтую веру. Их называют «пестрыми» или «пегими» (алаг), и правительство их признает как особую религиозную организацию[8]. Как тибетские, так и монгольские красные ведут проповедь и среди бурят. Так, недавно Гусиноозерский дацан[9] почти целиком обращен был в красную веру, туда ездил кажется тот же Лобсан Дорце. Тибетский красношапочник ездил в Агинский дацан[10], но был оттуда изгнан.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 144–145. Машинописная копия.

Приложение 3

Из беседы с Жамцарано <…> секретаря Полпредства СССР в Монголии И. Минина

М[инин] предупреждает, что его миссия не является в данном случае официальной, так как вопрос, по которому он намерен побеседовать, не имеет прямого отношения к делу правительственных взаимоотношений. Сообщает о предполагаемом открытии Бурятского Духовного Собора в В.-Удинске, на которое Бурятск. ЦДУ приглашает представителей монгольского духовенства. Так как подобные моменты способствуют вообще сближению Бурятии с Халхой, то мы считаем не лишним оказать содействие к проезду делегатов монгольского духовенства, ежели таковое приглашение будет принято. Так как уважаемый профессор имеет связи в ламских кругах, то было бы желательно в этом направлении информировать местный ламский Совет.

Ж[амцарано], справившись о времени открытия собора и порядке дня, выражает сомнение, что приглашение это найдет отклик здесь по следующим соображениям: 1) поездка монгольских делегатов на Всесоюзный собор в Москву не дала положительных результатов, так как наши делегаты не смогли извлечь непосредственной пользы и использовать здесь свои впечатления в надлежащем порядке, 2) ламы наши вообще очень «кряжисты», когда дело сопряжено с расходами по поездке. Они без того жалуются на недостаток средств и вряд ли смогут достать необходимые деньги на дорогу, 3) там у Вас существует «союз безбожников»[11], по-видимому, он тоже будет выступать на этом соборе. Эти безбожники пугают наше духовенство. Дальше Жамцарано подчеркивает, что, по его мнению, эти же союзы безбожников только усиливают фанатизм масс, примером чего может служить открытие целого ряда новых дацанов в западных районах (б. Иркутск. губерн[ия]). Затем Жамцарано отмечает круг вопросов, которые могли бы заинтересовать монгольское ламство в обновленческом движении бурятского духовенства[12]. Это вопросы внедрения современной европейской культуры в научную, медицинскую, бытовую жизнь буддийских монастырей. Преподавание общеобразовательных наук в монастырских школах, организация колхозов при монастырях, применение методов европейской медицины тибетскими лекарями и т. п. Ж. осторожно намекает на то, что монгольские ламы могут вывести с Бурятского собора вообще не благожелательные впе-

чатления, так как будут иметь соприкосновение с различными течениями и слоями бурятского духовенства.

В заключение Ж., пытаясь отмахнуться, рекомендует также в частном порядке снестись по этому делу с представителем правительства в местном духовном Совете.

М., отвечая на затронутые вопросы, возражает: 1) О расходах. Насколько известно, по принятому обычаю Бурятский Духовный совет примет на себя расходы по пребыванию делегатов в В.-Удинске. Конечно, дорога стоит не дешево, но, по всей вероятности, ЦДУ может оказать некоторую помощь на обратный проезд двум монгольским гостям; 2) «Союз безбожников» к ЦДУ и Собору никакого отношения не имеет и на Соборе выступать не может и не будет. Если профессор здесь имеет в виду известное обновленческое движение (Ж. отрицает это), то это течение исключительно религиозное, столь же отрицательно относящееся к «безбожникам», как и противоположное ему крыло старого духовенства; 3) Возникновение новых дацанов (их немного) связано скорее не с антирелигиозной пропагандой, а идет по линии вытеснения шаманизма буддийской церковью, получившей возможность свободного развития с осуществлением декрета об отделении церкви от государства. (Ж. соглашается с этим положением.); 4) Круг вопросов, затронутых Вами, насколько мне известно, также входит в программу реформаторских принципов хамбо Агвана Доржиева. Кроме того, эта программа затрагивает ряд моментов не только бытовых, но и догматических. А так как моменты догматических расхождений имеются и у монгольского духовенства, то не лишним будет последнему поближе ознакомиться с новым течением в Бурятии.

Бурятский ЦДУ, вероятно, не имеет опасений, что монгольские гости будут осведомлены из противоположных обновленцам источников. Сноситься по затронутому вопросу с Ламским советом[13] мы считаем неудобным. Мы можем лишь засвидетельствовать, что окажем содействие к проезду монгольских делегатов. Вы же могли бы установить, как Совет отнесется к приглашению, и, возможно, пользуясь Вашими связями в духовном мире, указать на целесообразность такой поездки. Конечно, если духовный Совет не пожелает послать делегатов, это его дело. Но мы одинаково оказали бы содействие и отдельным лицам, которые пожелают посетить собор, например, ламе Эрдэнэпилу[14].

Ж. Да, это верно, что вопросы догматической и бытовой реформации представляют здесь большой интерес. Жалко лишь, что нет такого широкого реформаторского движения, которое могло бы захватить все буддийское духовенство.

У нас при ЦК партии существует комиссия по делам религии[15], в которой состою и я. У нас в отношении к ламству принято держаться такой линии, чтобы не давать возможности ламству сорганизоваться. Они имеют здесь Совет для Гандана и Дзун-Хурэ. На местах есть хошунные советы, но центрального совета и периодических соборов не имеется. В условиях Бурятии это возможно, так как там достаточно силен и государственный аппарат, и партийный контроль (опять подчеркивает Союз безбожников), а здесь мы не можем допускать подобных съездов. Нам кажется, что участие наших лам в подобных съездах в Бурятии и Москве приведет к тому, что ламы воспримут организационные формы советского духовенства и впоследствии постараются их применить в Монголии. Монгольское духовенство

не разборчиво в приемах. В свое время как пресмыкались ламы перед Богдо, а едва он умер, стали растаскивать его имущество[16].

К поездке Эрдэнэпила Ж. относится отрицательно: «Лучше послать свежих людей из числа таких ученых влиятельных лам. К тому же Эрдэнэ занят, он у нас библиотекарем в Учкоме».

«Я обещаю поразнюхать в Ламском совете, получено ли это приглашение и как они отнесутся к нему. Если же вопрос будет стоять в религиозной комиссии ЦК, то постараюсь высказать те соображения в пользу поездки, которых мы здесь касались».

М. У нас есть сведения о прибытии сюда из Санбейсе молодого хубилгана – 12 лет, которого в ламских кругах выдают якобы за перерожденца Богдо. Его появление было сопряжено с массовыми стечениями верующих на поклонение.

Жамцарано. Если ему 12 лет, то он не может быть перерожденцем Богдо, который умер только 3 года назад. Определение перерожденцев дело очень сложное, сопряженное с особыми гаданиями, пророчествами, признаками. Перерожденец может появиться только через год после смерти, в определенное время и [в определенном] месте.

М. Напоминаем историю с «Мэргэн-хухэн».

Жамцарано. Да, но там поразительно подошли все эти признаки, указывающ[ие] на ее ребенка как перерожденца. Что касается упомин[ания] Вами, то, по всей вероятности, это один из небольших хубилганчиков, откуда-нибудь из Внутренней Монголии, вероятнее всего, из Джеримского сейма, где их очень много. Конечно, появление перерожденца здесь может вызвать большую смуту при царящем здесь фанатизме, но не забудьте, что это может последовать только с санкции Далай-Ламы и Панчен-Богдо, которые должны утвердить перерождение. Конечно, Далай-Лама стремится к этому, но мы стараемся не допустить появление нового перерожденца. Нас уже осаждают с вопросами, в связи с возвращением делегации из Тибета[17], поставили ли мы перед Далай-Ламой вопрос о Богдо. Не знаю, как еще мы отделаемся от этих вопросов.

Разговор переходит на тибетские темы в связи с возвращением делегации.

В заключение Ж. просит осведомить его о времени выезда акад[емика] Ольденбурга, которого он намерен встретить в Алтан-Булаке, если Полпредство даст возможность воспользоваться машиной Стерлота.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 148–151. Машинописная копия.

№ 78
Информационное сообщение ИНО ОГПУ «О тибетском донире в Урге»

№ 15076/с Не ранее 22 сентября 1928 г.[1]

22 сентября. Сообщил[2] дониру, что, согласно сообщению «Норт Чайна Стандарт»[3], нанкинцы намерены использовать в своих целях Панчен-Богдо. Донир заметил: «Плохо, очень плохо». На вопрос: пошлют ли тибетцы своего представителя в нанкинскую учредилку[4], Д.[5] сказал: «Наверное, пошлют для вида, но действи-

тельного присоединения не будет». – «А не может ли их страх перед англичанами толкнуть на сближение с нанкинцами?» Ответ: «Тибетцы англичан не боятся, т. к. теперь сами обучаются военному искусству».

25 сентября. Продолжался разговор на тему об англичанах. По словам донира, аэропланов тибетцы не боятся, т. к. в Гималаях имеется магнитная гора, которая заставит снизиться любой самолет, направляющийся из Индии в Тибет. Кроме того, неподалеку от границы устроен ряд подземных ходов, сходящихся в одном центре. В случае наступления англичан (пути этого наступления известны) через эти подземные ходы будет произведен ряд взрывов. Это дело хранится в строгой тайне. Знают об этом в Тибете только 50 чел. Сам он, донир, об этом узнал недавно из письма и говорит также под секретом. «Тем не менее, тибетцам нужны вооружение и аэропланы. Об этом они просили у русских, но те, к сожалению, не дают. Русские узнали, что в тибетской армии приняты вооружения и форма исключительно английского образца и отсюда сделали вывод, что тибетцы дружат с англичанами. Таково же было впечатление и Чапчаева. Но на самом деле у тибетцев имеется припрятанное русское оружие, данное им раньше советской властью, только они его никому не показывают, чтобы об этом не узнали англичане. Но если тибетцам случится воевать с англичанами, они пустят в ход свое русское оружие. Так что я стараюсь доказать Охтину, что нам не дают оружие исключительно по недоразумению».

Из тибетских новостей, донир сообщил, что, по последним сведениям, Рерих находится уже в Дели, где он еще ранее соорудил буддийский храм[6]. В этом храме живет ок. 30 тибетских лам, лично преданных Рериху и верящих в подлинность его буддизма[7]. Они родом из долины Чумби[8] и кроме тибетского владеют немного и индусским. В этом храме Рериха и остановились. Относительно сына Рериха Георгия донир сообщил, что, будучи здесь, Георгий говорил, что он намерен изучить в Тибете военное дело. Для чего – донир полагает, что для того, чтобы организовать впоследствии что-то вроде «Шамбалийского войска»[9].

10 октября. Донир сказал, что тибетский купец Котоба едет в Тибет. Ожидает лишь прибытия тех 10 лам, которых Агван Доржиев отправляет в Тибет, чтобы выехать вместе с этой экспедицией.

На след. день донир спросил, виделся ли [я] с Агван Доржиевым и что он говорил. «Говорил, что бурятские консерваторы в своих письмах в Тибет изображают его врагом веры». На это донир высказал ряд размышлений: «Я полагаю, что они врут на него, хотя ручаться не могу, т. к. в сущности мало его знаю. Я познакомился с ним лишь здесь, в Урге. Но, вообще клеветы много. Вот, например, когда умер покойный Богдо, в Тибете кто-то пустил слух, что его убили красные. О достоверном же положении вещей тибетцы узнали от сотрудника Учкома Эрдэмбаяра, который в то время прибыл в Тибет. Точно так же, например, и здесь меня теперь обвиняют в том, что я стал красным, что у меня много знакомых красных русских и монгол. Как про меня теперь думают в Тибете, я не знаю, боюсь, что и там моя репутация испорчена. Тибетцы видят, что я куда-то хожу, с кем-то знакомлюсь; вот меня и подозревают». Затем донир перешел на тему об отношениях с СССР: «Вообще мы давно думаем о необходимости сближения с Россией. Я имел поручение от Далай-ламы о закупке оружия. Я обратился к полпреду и раз получил 2 года то-

му назад 300 ружей и 100 револьверов. Затем я рассчитывал получить такое же количество на след. год, но мои просьбы остались безрезультатны. И так остается до сих пор. Неужели это означает, что русские хотят с нами сближаться? Хотя и непонятны их истинные намерения, но во всяком случае это очень печально[10].

Что касается того, что можете ли Вы ехать в Тибет, то мы, конечно, считаемся с англичанами, как Вы знаете это из предыдущих разговоров и из моих сообщений о судьбе Рериха, но не следует думать, что мы стали бы их запрашивать, не имеют ли они что-либо против того, чтобы Вы там жили. Вообще отношения с ними не имеют отнюдь твердо установленного характера и нет ничего невозможного в том, чтобы Вам разрешено было жить в самой Лхасе и в то же время учиться в монастыре Бребен.

Что касается книг, которые Вас интересуют, то я познакомлю Вас с Котобой, и Вы с ним сговоритесь о заказе этих книг. Фотографии с санскритских рукописей я могу попросить сделать моих родственников, служащих при дворе Далай-ламы. Если они согласятся и это окажется технически выполнимым, я не вижу препятствий к выполнению этой Вашей просьбы».

3 октября. Донир сообщил, что граница с Маньчжурией закрыта, по-видимому в связи с баргинскими делами. К сожалению, об этих делах он ничего не знает, мог бы узнать кое-что от амдосцев, живущих в Барге, но он тоже с ними не видался. Дальше разговор перешел на тему о Богдо-гэгэне. По словам донира, нынешние разговоры о Богдо среди лам – простая болтовня, имеющая успех среди «невежественной толпы». Верхи ламства чужды, по его словам, этой болтовне. Вообще, было бы естественно, когда бы меньшая братия, если она хочет Богдо, довела бы об этом сведения старших, а те поговорили бы с монгольским правительством. Но меньшая братия не умеет создавать организованного общественного мнения для выражения своей воли через старших. А если бы и умели, то старшие все равно не пошли бы к монгольскому правительству, так как боятся, как бы их не бросили в тюрьмы. По личному мнению донира (он подчеркивает, что это частное мнение), следовало бы поступить так: «Во-первых, если решать пригласить Богдо, надо это сделать организованно и найти надлежащие формы для договора между ламством и светским правительством. Чего может опасаться монгольское правительство, это того, как бы Богдо не захотел узурпировать его власть. Надо заранее установить, чтобы Богдо ведал только делами веры, а правительство – делами светского и государственного характера. Для того, чтобы обе стороны могли сговориться, необходимо, чтобы от имени харахунов (мирян) выступил в качестве представителя Полпред СССР, а от имени ламства – Агван Доржиев. Они оба будут своего рода председателями на собрании уполномоченных обеих сторон, которые на этом собрании заключают договор о взаимном разграничении функций и прав для того, чтобы этот договор имел надлежащую форму. Он должен быть письменно зафиксирован и скреплен печатями, в том числе, и печатью Далай-ламы, который тем самым поручится за непревышение власти будущим Богдо. В случае превышения власти Далай-лама отзовет Богдо-гэгэна. Ручательство Далай-ламы – достаточная гарантия хотя бы даже из того, что в противном случае получится международный скандал. Сам же Богдо, ежели он будет приглашен, вовсе не должен жить здесь с самого начала. Вольное поведе-

ние покойного Богдо очень подорвало авторитет духовной власти. Надо, чтобы будущий Богдо был в Тибете под строгой дисциплиною, замкнуто, в обществе не более пяти человек (повар, чаечерпий, лакей, завхоз и учитель), должен периодически являться к Далай-ламе, который будет его экзаменовать. Когда он сделается большим ученым, он должен приехать сюда, жить в Дзун-хурэ очень строгой жизнью, причем должен быть строгий учитель-представитель Далай-ламы для надзора, постоянного оказания давления на него и для отзыва его в Тибет в случае неподобающего поведения. Он должен вести жизнь ученика, никуда не отлучаться по собственному желанию и лишен женщин. Миряне к нему должны допускаться для поклонения в строго определенные дни месяца, вне которых он ни с кем из них не может видеться. Он ведает всеми духовными делами и только. Такого Богдо-гэгэна монгольскому правительству бояться нечего». Во время этой тирады донир часто вздыхал, повторяя: «Да, трудно, трудно».

По поводу этой беседы н/ист. имел разговор с одним из ганданских лам, который по этому поводу заметил: «Да, тибетцы, наверное, придумают такие планы, чтобы снова нас закабалить. Они не хуже англичан в этом отношении. Много денег теперь потечет к ним».

2 ноября. Донир сообщил, что Агван Доржиев на днях уезжает. Он, донир, тоже хотел бы с ним поехать в Москву, но удастся ли это, не знает. У него мало денег, и поездка должна обойтись в 1000 руб., и он ожидает, что Агван ему в этом деле поможет. По словам донира, Агван едет в Москву с политической миссией в качестве после Далай-ламы. На вопрос о делах богдоских донир сказал, что он говорил раньше об этом, надо рассматривать исключительно как его частное мнение. Донир сообщил, что Котоба уже не едет в Тибет, а едет другой из его приближенных.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 87–91. Машинописная копия.

№ 79
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о конфликте на монголо-китайской границе

ОГПУ
Иностранный отдел
№ 82623

24 сентября 1928 г.
Совершенно секретно

1. Сталину
2. Карахану
3. Пятницкому
4. Ворошилову
5. Уншлихту–Берзину
6. Менжинскому
7. т. Т.
8. Артузову
9. Ольскому
10. Дерибасу
11. К делу

К конфликту на монголо-китайской границе

Из Урги сообщают: 3 сентября переговоры между Председателем ЦК нар.-рев. партии Внутренней Монголии и китайцами прерваны. Представитель Чжан Сюэляна ген. Цзин выехал в Мукден с докладом. 7 сентября повстанцы вновь пытались наступать. Мерсэ опять выступил в район Хинганских гор. Баргуты бегут на территорию Внешней Монголии. Уже перекочевало несколько юрт. 10 сентября китайцы форсировали границу, причем ими было заявлено, что «мы ничего не имеем против Внешней Монголии, но будем вылавливать всех беженцев, перешедших на вашу территорию». 11 сентября в Гурван-Баяр прислано письмо китайского амбаня. Краткое содержание письма следующее: «С Вашей территории в Баргу перешли люди, которые произвели беспорядки, смущая народ. Поскольку они граждане Внешней Монголии, отзовите их, иначе наши войска перейдут границу на Вашу территорию».

12 сентября китайский отряд численностью в 300 чел. подошел к пограничному пункту Хар-Торол[1], предъявив ультиматум о выдаче беженцев, угрожая военными действиями.

13 сентября китайский отряд численностью в 200 чел., на семи автомобилях, с пулеметами, перешел границу и открыл огонь по монгольской пограничной охране.

14-го утром из Сан-бэйсэ выступил 5-й пограничный дивизион. Китайцы ушли обратно, захватив несколько беженцев.

Нач. ИНО подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 99. Подлинник.

№ 80
Информационное сообщение о движении лам за реставрацию власти Богдо-гэгэна

№ 15064 29 сентября 1928 г.
Улан-Батор-Хото Совершенно секретно
Оценка: заслуживает доверия

Движение среди лам за реставрацию власти Богдо

Прибывший из Лхасы совместно с монгольским послом Гомбо-Идшином[1] лама Гэндэнсодном рассказывал ламам: «В бытность в Лхасе я, будучи озабочен судьбой своего Богдо Джебцзундамба-хутухты, обращался к видному перерожденцу красной секты Санджи-Панчену, или Санджи-Богдо[2] с просьбой указать вновь переродившегося Богдо. Для этого, учитывая возможность перерождения его в Монголии, я написал несколько имен родившихся и соответствующее время и одаренных известными признаками детей. Санджи-Панчен в числе намеченных мальчиков признал перерожденцев Богдо – сына Ялбагской “Мэргэн”-хухэн[3] и приложил свою печать над его именем в списке».

По словам ранчжамбы Рабдана – ламы из Шутэн-аймака, лама Гэндэнсондом, прибывший из Лхасы совместно с послом Гомбо-Идшином, рассказывал, что по прорицанию известного Санджи-Панчена перерожденцем Богдо признан сын Ялбагской Мэргэн-хухэн.

Лама Дзоогай-аймака Гэндэнсондом привез от Санджи-Панчена и еще одного гэгэна письмо, в котором последние удостоверяют перерождение Богдо в лице сына Мэргэн-хухэн. Это письмо ламой Гэндэнсондомом представлено Монгольскому народному правительству, которое будто бы предполагает вынести его на обсуждение Великого Хурулдана, предстоящего этой осенью.

В Гандане ожидается собрание, посвященное приглашению Богдо. 13 сентября состоялся обширный обед для лам (примеч[ание]: по-видимому, этот обед связан с выпуском философской школы Цаннид-Чойра)[4].

В Дзун-хурэ лама Гомбодорж говорил: «Правительство отправило Духовному совету особое извещение по поводу поисков и приглашения 9-го Богдо-гэгэна, находя это целесообразным в данный момент. За последнее время особенно много стало нарождаться детей, имевших признаки на перерождение Богдо в северном и восточном районах республики. Особенно большое подозрение на перерождение вызывает один, родившийся в Китае, но пока еще точно не установлено, кто именно из этих детей является подлинным перерожденцем. По всей вероятности, перерожденец будет найден внутри Монголии, а из Китая ни в коем случае приглашать не будут. Наши монголы ждут с нетерпением выяснения вопроса о перерождении, и даже члены правительства, например сайд Амар, в свою очередь, являются активными сторонниками восстановления власти Богдо, об этом известно тибетскому <…>. Окончательно вопрос о приглашении Богдо еще не решен, вероятно, будет служить предметом обсуждения в ближайшее время».

По словам живущего в Гандане габджу Банзрагча, происходящего из Авзага-Хайрхан-ульск[ого] хошуна Богдо-Хан-ульского аймака[5], дня два-три тому назад габджу и аграмбы Гандана имели совещания по вопросу о приглашении 9-го Богдо. Они решили, на основании привезенного ламой Гэндуном прорицания тибетского Санджи-Богдо о перерождении 9-го Богдо в Монголии где-то возле Улан-Батора, обратиться через Духовное управление в правительство МНР с требованием признать перерожденцем 9-го Богдо сына известной Мэргэн-хухэн.

Лама Джадгар-аймака Цэвэн говорит, что по предсказанию древнего знаменитого мудреца буддийского мира Ловона Бадамжуная[6] 9-й перерожденец Джебцзун-Хутухта должен явиться человеком исключительной интеллектуальной силы и могущества. Поэтому с вопросом о признании (выявлении) 9-го перерожденца надо спешить в целях общего благополучия. По словам Цэвэна, эту мысль подает ламству один влиятельный старик – лама Цэцэн-тойн аймака.

Ламство Гандана и Дзун-Хурэ, мечтающее о приглашении Богдо, с нетерпением ожидало возвращения с Востока Манджушри-ламы[7], рассчитывая с прибытием его при его авторитетной поддержке продвинуть поскорее вопрос о Богдо. По агент. сведениям, Манджушри прибыл 24 сентября в УБХ и остановился в Шутону-аймаке Дзун-Хурэ.

С 24 сентября по инициативе трех гарамб производится в Улан-Баторе сбор по 10 мунгу[8] с состоятельных граждан для преподношения мандалы Очирдари[9] и др. святыням в связи с приглашением Богдо. Ламы говорят, что главным руководителем движения за приглашение Богдо является лама Дагарай аймака Балдан. В связи с этим ламы обсуждают вопрос, кому нести ответственность в случае чего перед властями. В Номон-Хан аймаке ок. 30 гарамб собрались в одной юрте, зашел спор,

некоторые говорили, что нельзя указывать персонально на одного, так как если арестуют дряхлого и престарелого Балдана, то получится семейный разлад во многих семьях, и будут большие недоразумения. 24 сентября на хурале цанид во время трапезы шел разговор среди габджу и гарамб Гандана на тему о приглашении 9-го Богдо. Габджу-лама из Дагарай аймака Балдан явился главным инициатором и вызвался в случае чего принять на себя всю ответственность. Активным инициатором приглашения Богдо является лама Вангай аймака Минджур, усиленно агитирующий лам своего аймака за выступление в пользу приглашения Богдо.

26 сентября среди лам усиленно распространяется пророчество Санджи-Богдо относительно появления перерожденца Богдо на северо-востоке от Улан-Батора в семье бедного монгола. Ламы говорят, что этим перерожденцем является именно сын Мэргэн-хухэн.

Тибетский донир по вопросу о приглашении Богдо сообщил: «В настоящее время в монгольских правительственных кругах идут споры по вопросу о приглашении Богдо-Гэгэна. Сторонники приглашения выставляют тот мотив, что восстановлением Богдо будет усилен авторитет правительства среди горожан, степняков и всего буддийского мира, а в особенности в глазах тибетцев, которые считают монгольское правительство «красным». Авторитет монгольского правительства сильно упал за последние годы, именно благодаря его чрезмерной «красноте», и он может быть восстановлен только приглашением нового Богдо. Покойный Цэрэндорж[10] был также сторонником восстановления Богдо.

Мнение прогрессивных слоев ученых лам Гандана также склоняется в сторону признания нового Богдо-Гэгэна. Ученые ганданские ламы с презрением относились к последнему Богдо, так как он, по их словам, был неучем, едва умел читать и вообще, по их словам, единственно чем он держался, так это способностью ясновидения, да и то очень незначительной[11]. Он мог, например, предсказать пожар за три дня и т. п. Эта способность, притом очень ограниченная, мало импонировала ученым ламам, а невежество покойного Богдо и его семейная жизнь[12] отталкивали их. Ученые ламы принципиально не возражают против приглашения нового Богдо, но считают, что все дело в том, в чьи руки будет отдано воспитание нового Богдо. Если оно будет предоставлено ученым ламам, то он сделается настоящим «великим ламой», не только по своему положению, но и по своему духовному облику, что будет весьма полезно для дела веры[13]. Такого условия призвания Богдо держится цвет ученой братии в Гандане, насчитывающей примерно 1000 человек. Подавляющее большинство ганданских лам является все же сторонниками безоговорочного приглашения. Остальные относятся безразлично. Убежденных противников приглашения Богдо наберется не более 20 человек во всем Гандане, да и те не рискуют открыто выступать по этому поводу. Что же касается Дзун-Хурена, то там почти все ламы стоят за приглашение Богдо, т. к. во времена Богдо именно в их руках была сосредоточена власть. Хамбо Агван Доржиев по поводу приглашения Богдо заявил: «Приглашение Богдо – дело хорошее, но при том условии, если признанный перерожденец-мальчик с малолетства не будет воспитываться в развращенной и отрицательной среде, как это имело место раньше».

По словам ламы Намдолин-аймака Лувсанцэрэна, Агван будто бы предложил монгольским ламам: «Давайте я возьму на себя за свой счет дело приглашения вам Богдо-Гэгэна».

29 сентября поступило сообщение, что сегодня ночью (по другой версии послезавтра ночью) ламы собираются объявить Богдо. В Дзун-Хурене происходят конспиративные совещания лам. На северной окраине Дзун-Хурена находится на привязи много оседланных лошадей. Новоявленный Богдо признается, будто бы 5–6-летний мальчик (предположительно – Далай-хутухта), находящийся в хийде Манджушри-ламы, который является его воспитателем. По словам Хаянхирвы[14], предсказание тибетского Санджи-Панчена относительно перерождения Богдо в лице сына Мэргэн-хухэн действительно было доставлено из Тибета ламой Лувсансодномом[15], прибывшим вместе с Гомбо-Идшином, что Санджи-Богдо приложил свою печать под именем этого мальчика. Предсказание это решено было не разглашать и хранить в правительстве, после чего письмо было действительно доставлено в правительство. Каким-то образом двое хамбо, ёнзон и гужир, оказались посвященными в этот секрет и распространили его среди лам. Ламы последнее время проявляли исключительный интерес к приезду Манджушри-ламы. На днях он прибыл сюда на машине из своего хийда с секретарем монгольского Полпредства в Москве Орос Гомбо[16]. Перед этим Гомбо был на квартире у Хаянхирвы и спрашивал разрешение на приобретение и пользование автомобиля от имени Манджушри, который якобы предполагает приобрести его для личных разъездов между УБХ и своим хийдом. Это разрешение было дано на общих основаниях для частных лиц.

В связи с ожидающимися событиями поднято на ноги все ГВО, Секр[етный] опер. отдел наготове в случае принятия оперативных мер.

Вечером 29 сентября в обоих монастырях наблюдались усиленные богослужения, ламы жгли много цзиригов[17] и беспрерывно трубили в трубы, употребляемые при торжественных хуралах.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 152–155. Машинописная копия.

№ 81
Информационное сообщение КРО ОГПУ о предложении Посольства Японии в Москве признать Внешнюю Монголию

№ 337412 2 октября 1928 г.
г. Москва

В ИНО ОГПУ

КРО ОГПУ сообщает, что японское Посольство в Москве предложило своему правительству признать Внешнюю Монголию и послать в Ургу своего представителя. Для того чтобы не просить СССР о визе, предполагается посылка представителя через Калган.

Просьба принять меры для наблюдения за всеми приезжающими японцами на предмет выявления представителя.

Пом. нач. КРО ОГПУ Пузицкий[1]
Нач. 5-го Отд. КРО Тубала[2]

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 237. Машинописная копия.

№ 82
Информационное сообщение о деятельности Агвана Доржиева по признанию Богдо-гэгэна

№ 15071 5 октября 1928 г.
Улан-Батор-Хото Совершенно секретно
Оценка: заслужив. доверия

Деятельность Агвана Доржиева в пользу признания Богдо

Среди лам идут разговоры о том, что мысль о признании Богдо была подана им хамбо Агваном Доржиевым, который старался воздействовать на них говоря: «Вы, видимо, не только не хотите действовать за приглашение Богдо, но даже избегаете говорить на эту тему».

Агван-лхарамба[1] собирается увезти к себе на родину Лашин-хубилгана[2] из Богдо-Очир-ульского хошуна Цэцэрлэг-Мандальского аймака. Он командирует за ним двух лам из Гандана, которым дал трехдневный срок. Один из этих лам говорит, что Лашин-хубилган в настоящее время находится в одном из малых монастырей Ундурхан-ульского хошуна. Он читает проповеди, на которые не допускаются члены Нар. партии, так как Лашин их страшно ненавидит. Гарамба Лувсандорж по поручению Агван-лхарамба выехал 28 сентября в Ундурхан-ульск. хошун за Лашин-хубилганом.

Примечание: Лашин-хубилган – известный реакционер, выступавший активно против Рев[олюционного] правительства. Были попытки его арестовать, но он, вооружая свою братию, уходил в горы и оказывал вооруженное сопротивление.

Ламам известно, что Агван-лхарамба приехал сюда с крупными суммами, собранными из приношений на отправку делегации в Тибет. Часть этих приношений будет послана Далай-ламе, часть же будет израсходована здесь на закупку медикаментов.

По вопросу о приглашении Богдо Агван говорит, что эта мысль не противоречит интересам МНР, так как новый Богдо должен быть лишь на положении духовного иерарха, не имеющего светской власти. Он должен быть тут же по призвании отправлен в Тибет на воспитание, где пробудет до своего совершеннолетия. За это же время обстановка изменится. Таким образом, опасности в этом никакой нет.

По словам Цэдэн-Еши Гочитского, Агван в вопросе о приглашении Богдо действует по указаниям и советам Жамцарано. Будто бы Гочитский и Дугаржав пытались отговорить Агвана вмешиваться в эту историю, которая может повредить ему, но безуспешно. Агван видит в этом деле широкое движение, охватившее ламство сверху донизу и хочет сыграть свою роль в деле признания Богдо.

3 октября. С Агваном имел беседу полпред, пытаясь воздействовать на него, чтобы он не вмешивался в ламское движение здесь. Агван на это заявил, что как верующий он стоит за призвание Богдо. Он подчеркивает, что движение за призвание Богдо носит массовый характер, и считает, что в целях успокоения ламства надо пойти на уступку. Одновременно Агван пытался развить панмонголистские идеи в связи с признанием Богдо, доказывая, что авторитет Богдо может сыграть роль в деле объединения монгольских племен от Каспийского моря до Великого океана. Чувствовалось, что Агван говорит словами Жамцарано.

В разговоре с ламами Агван-лхарамба сообщил: «Я приехал сюда с целью закупить тибетских медикаментов и подготовить отправку в Тибет нескольких бурятских лам, которые сюда прибудут на днях. У нас, в Бурятии, образовалось Общество «безбожников»[3], выпустившее свои агитационные брошюры. В этих брошюрах Будда-бурхан изображается как шарлатан, преследующий цель личной наживы. Против такого ложного понимания личности Будды мною написана и сдана в прессу статья, в которой я провожу ту мысль, что по отрицательным поступкам лам-шарлатанов и развращенных элементов, носящих название последователей Будды, нельзя ни в коем случае вести дискредитирующую пропаганду, направленную против непорочной личности самого Будды и его глубокой философской системы. Такое поверхностное агитационное выступление безбожников, не достигая какой-либо цели, способно лишь озлобить верующих и разжигать фанатизм масс». Тибетец Манджур говорит следующее: «Ездивший в Тибет с послом Гомбо-Идшином калмык Сандуджап, увидев в Лхасе жертвенные принадлежности и священные лампады, спрашивал с явным презрением, для чего это нужно. Эти слова дошли до сведения правителей, которые вслед за ним отправили запечатанный пакет, который был доставлен морским путем в Тибетскую миссию шанцзотбе в Пекине[4] с тем, чтобы пакет был переслан дальше в Ургу для дальнейшей срочной передачи Агван[у]-лхарамбе. Шанцзотба затруднялся переслать этот пакет ввиду крайней трудности провезти его через границу. Но нашелся попутчик в лице Симба Ринпоче, который и доставил пакет в Западную казну Далай-ламы в Улан-Батор». В препроводительной бумажке на имя Агвана Доржиева говорится: «Таких сомнительных людей к нам в дальнейшем не посылайте». Надо полагать, что посылка Агваном людей в Лхасу объясняется получением означенного пакета. Среди лам идут разговоры о том, что ожидается прибытие бурятского хамбо-ламы из его резиденции – хамбо-хурэ[5] (Гусино-Озерского дацана). Некоторые опасаются, что он будет содействовать здесь развитию внутренней смуты среди монгольского ламства.

В беседе с бурятским ламой Сандаком Агван Доржиев, касаясь бурятских лам, сообщил, что лама Челутайского дацана[6] Добчин Доржиев старается доказать, что он, Агван Доржиев, является перерожденцем известного врача Шакьямуни, Ширелба, который при смерти своей заявил: «Я буду перерождаться вновь, чтобы препятствовать религии». Добчин уверяет, что Агван и есть именно перерожденец этого врага религии. Агван Доржиев при этом говорил: «Добчин Доржиев говорит так на меня за то, что я явился основателем новой группы[7], противостоящей консервативному ламству, которое враждебно относится к нынешней власти. Их цель – обострить отношения между ламами, благодаря чему религия распадается. Я же нисколько не стараюсь разрушить религию, а, наоборот, принимаю все меры к тому, чтобы укрепить ее. За это на меня и возводят обвинения в том, что я будто бы являюсь врагом религии Будды». В разговоре бурятский лхарамба Агван Доржиев сообщил: «Я приехал сюда для подготовки отправки в Лхасу людей из Бурятии и Калмыкии. Здесь договорился об отправке их на верблюдах с попутчиками, которые согласились взять их с собой. Уже имею сведения, что ожидаемые мною люди группируются в г. В.-Удинске. Относительно приглашения Богдо идут какие-то разговоры среди ламства. По-моему, приглашение Богдо – дело хорошее, только если выявленный мальчик с малолетства будет воспитываться в развращенной сре-

де, то и выйдет впоследствии развращенным человеком, от которого никакой пользы в деле распространения и сохранения чистых принципов религии не будет. Другое дело, если новоявленный Богдо будет воспитываться в Тибете, в строгой моральной обстановке около Далай-ламы, тогда можно ожидать, что такой Богдо будет действительно полезен для религии. В первое время после моего приезда сюда ламы Гандана и Хурэ часто навещали меня и интересовались. Теперь они почему-то стали избегать моего общества. Я ждал гуджир-хамбо Бадма-Гарбу, но он не приходит, придется сделать ему визит».

Многие ламы говорят, что Агван-лхарамба сам собирается в Тибет для ходатайства перед Далай-ламой об утверждении религии в Бурятии.

Есть разговоры, что Агван Дорджиев будто бы заявил: «Если халхасцы не пригласят Богдо, то это сделают буряты и поведут монгол за собой». Говорят также, что Агван использует собранные им в СССР суммы в деле призвания Богдо.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 165–167. Машинописная копия.

№ 83
Показания ламы Гэндэнсоднома о ламском заговоре[1]

№ 15068 — 8 октября 1928 г.
Улан-Батор-Хото — Совершенно секретно
Оценка: документально

«Уезжая отсюда в Лхасу совместно с монгольской дипломатической миссией Гомбо-Идшина, я на правах верующего человека имел в виду получить в Лхасе предсказания насчет судеб перерождения Богдо Джебцзундамбы. По прибытии в Лхасу неоднократно беседовал на эту тему со знакомым мне по прошлой совместной жизни там ламой (цорджи) Хорло, происходящим из Дзун-Хурала[2]. Он сказал мне, что обращение к Далай-ламе с просьбой предсказания перерождения Богдо будет сопряжено с большими расходами на ритуальные процедуры и приношения. Поэтому рекомендовал обратиться к Санджи Панчен-Богдо, живущему за Лхасой в монастыре Ташилунпо (резиденция Панчен-Богдо). Поскольку у меня существовала глубокая надежда, что сын ялбагской Мэргэн-хухэн является воплощением Богдо, я решил во что бы то ни стало разрешить свои сомнения, отправившись лично к Санджи-Богдо. В начале прошлого года я получил отпуск у сайда Гомбо-Идшина под предлогом паломничества в святые места и совместно с попутчиками-тибетцами отправился в хийд Ташилунпо. Резиденция Санджи-Богдо[3], как светской личности, оказалась несколько в стороне от главного хийда. Я отправился туда и был принят им без особых затруднений. Подал ему составленный доклад через означенного выше цорджи Хорло. В этом докладе приводились данные о появлении сына Мэргэн-хухэн и меры, принятые против него народниками путем дискредитации в газете, выпуска специального обращения правительства по вопросам религии, приглашение Богдо и т. д. Этот доклад мною был подан Санджи-Богдо с приношением – 15 тугриков денег из личных средств. В ответ Санджи-Богдо тибетской скорописью написал письмо (аборал[4]) и приложил свою печать. Находившийся при аудиенции тибетский лама, говоривший немного по-монгольски, сообщил

мне, что этот документ свидетельствует о подлинности Богдо в лице сына Мэргэнхухэн. Бесконечно обрадованный результатами обращения к Санджи-Богдо, я вернулся и сообщил о случившемся сайду Гомбо-Идшину. Но последний, взяв письмо Санджи-Богдо, заявил, что его сожжет, и предложил мне об этом деле никому ничего не говорить, а все хранить в строжайшей тайне. Раздосадованный поведением Гомбо-Идшина, я обратился к цорджи Хорло и рассказал ему о случившемся. На это цорджи Хорло сказал: «Приглашение новоявленного Богдо зависит не от самодурства Гомбо-Идшина и ему подобных, а от силы веры монгольской массы». Приехав сюда в конце летнего месяца, я продолжал хранить молчание. Но на одном из недавно состоявшихся хуралов во время трапезы у меня возникло непреодолимое желание передать сущность дела ламам, и я действительно сказал кое-что высшим ламам габджу и мяндагба. Со дня приезда сюда с сайдом Гомбо-Идшином виделся не более трех раз, и в каждом случае разговоры на тему о приглашении Богдо не велись.

Справка: Гэндэнсодном ранее привлекался к ответственности по линии ГВО в 1924 г. за сокрытие шелковья, краденного из богдоского склада после смерти Богдо. Несколько месяцев сидел в подвале.

Перевод с монгольского.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 161–162. Заверенная копия.

№ 84
Информационное сообщение КРО ОГПУ о Бюро по обследованию Внешней Монголии

№ 338582 20 октября 1928 г.
г. Москва

г. Хабаровск
ПП ОГПУ ДВК

По имеющимся закордонным сведениям, Чжан Сюэляном организовано Бюро по обследованию Внешней Монголии[1], возглавляемое князем Внутренней Монголии Дархан-ваном. Бюро сконструировано из монгол и русских белогвардейцев. Если данное бюро нашло себе отражение в Ваших материалах, КРО ОГПУ просит осветить его по следующим вопросам: а) схема построения бюро; б) количество лиц, входящих в бюро, с указанием, по возможности, их фамилий и имен; в) их общественное положение, авторитетность и связь в клике Чжан Сюэляна и среди эмиграции; г) как распределена между членами работа; д) отношение к бюро и популярность его среди толщи эмиграции; е) основная задача, положенная в основу организации бюро; ж) план работы; и) материальные средства, коими обладает бюро, и возможности пополнения их; к) какую в настоящее время ведет работу бюро.

Попутно необходимо выяснить: кого из монгол бюро посылало в Дайрен к атаману Семенову[2]; цель поездки и результаты переговоров.

Пом. нач. КРО ОГПУ Пузицкий
Нач. 5-го отд. КРО Тубала

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 224. Подлинник.

№ 85
Информационное сообщение о нелегальной отправке А. Доржиевым лам в Тибет

№ 15072 23 октября 1928 г.
Улан-Батор-Хото Совершенно секретно
Оценка: заслуж. доверия

А. Доржиев организует отправку нелегальн. лам в Тибет

Дава Цыбиков – бурят-монг. подданный, служащий МЦКопа 7 октября был приглашен на чай к Агван[у] Доржиеву, который ему говорил, что он, Агван, в [19]26 г. нелегальным образом отправил в Тибет молодых хувараков. Об этом бурятские власти сообщили в центр с жалобой на нелегальные действия Агвана. «Также было поставлено в вину, что я отправлял тибетские медикаменты без всяких на то разрешений. На этом основании меня в центре привлекли к допросу. Я показал, что отправил в Тибет хувараков – бурят не из Бурреспублики[1], а из числа проживающих в Урге без паспортов. На сей раз, после моего приезда, ко мне приехал Полпред СССР, который предупредил меня, что, согласно телеграмме центра, я опять собираюсь отправить без разрешения хувараков в Тибет. При этом Полпред предложил мне всех появляющихся здесь нелегально прибывающих хувараков выслать обратно, иначе они будут арестованы. Из этого видно, что со стороны Полпредства ведется слежка за приезжающими из Бурятии хувараками. Надо каким-нибудь образом таких хувараков переодеть в монгольские одежды и, не имея с ними пока свидания в Хурене (Урге), отправить куда-либо. Иначе меня будут опять вмешивать в это дело». Отсюда следует, что Агван по примеру 1926 г. собирается отправить нелегально прибывающих из Бурятии хувараков, под видом проживающих продолжительное время в Урге.

Из Бурятии прибыли двое лам. Остановились в Гандане у бурятского ламы Дамбы. Фамилии их: Генденов Дамбижалсан и Галсанов. Они говорят, что прибыли якобы сюда учиться.

По словам Даваасамбу (служ[ащий] Монголтранспорта), из Чесанского дацана[2] (БМАССР) нелегально прибыл лама Лубсанов, который некоторое время нелегально проживал где-то в худоне. Недавно он имел свидание с Агван[ом] Доржиевым, который ему сказал: «Вам, ученикам, придется как-нибудь нелегальным путем выехать и направиться в Тибет, т. к. экспедиция, направляемая в Лхасу, догонит Вас по дороге». Даваасамбу заключает, что Агван собирается отправить в Тибет учеников- лам секретным путем, не говоря никому об этом.

На днях из Бурреспублики нелегально приехал лама (имя и фамилия не установлены). Он по приезде оставил лошадей у бурята Бадмацырена, а сам поселился у какого-то ламы в Гандане. Прожив там несколько дней, он уехал в местность Керулен (120 в[ерст] от Улан-Батора). Этот лама привез будто бы несколько писем Агван[у] Доржиеву.

В беседе с бурятом Самбу 15 октября Агван сказал: «Я работаю во имя свободного распространения желтой религии и для этой цели приехал в Улан-Батор, чтобы ознакомиться с положением местных лам и откомандировать учеников-лам в

Лхасу. На эту командировку требуются громадные средства, и поэтому мне пришлось поручить бурятскому хамбо-ламе собрать деньги с верующего бурятского и калмыцкого населения СССР». Агван просил Самбу, если у него имеются состоятельные знакомые в У.-Баторе, предложить им оказать материальную помощь едущим в Тибет бурятским ученикам. На это Самбу охотно согласился и теперь агитирует своих знакомых за оказание поддержки едущим в Тибет.

Лама Сандаг, проживающий в Дзун-Хурене, сообщает, что из опасения ареста монголами прибывших из Бурятии учеников, едущих в Тибет, Агван Доржиев сказал, что они им отправлены в худоны. Прибыло всего четверо бурятских лам: двое из Чесанского дацана и двое из Челутайского дацана. Агван сказал Сандагу, что в случае задержки экспедиции, т. е. несвоевременного прибытия отправляемых в Тибет бурят и калмыков, придется этих учеников направить вперед с тем, чтобы экспедиция могла догнать их в пути следования в Тибет. «Если их обнаружат и задержат монголы, для меня будет большая неприятность», – сказ[ал] Агван.

Бурятский лама Чойсон говорит: «Ламство Гандана и Дзун-хурена намеревается послать одного человека в Лхасу к Далай-ламе для того, чтобы осведомить его относительно последнего движения за восстановление Богдо и сообщить о предпринятых правительством репрессиях. Отъезд этого человека приурочивается к отправке Агван[ом] Доржиевым его делегации. Об этом уже был разговор с Агваном, и он согласился.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 169–170. Машинописная копия.

№ 86
Выписка из протокола заседания Духовного совета о Богдо-гэгэне

№ 15069 — 25 октября 1928 г.
Улан-Батор-Хото — Совершенно секретно
Оценка: заслуж. доверия

Решение Духовного совета о Богдо
Протокол № 16 заседания Духовного управления 3 октября 1918 г.[1]

Слушали: Сообщение уполномоченного правительства Гэлэгсэнгэ[2] следующего содержания: несмотря на то, что перед соответствующей высшей инстанцией в стадии разрешения находится вопрос о нахождении и приглашении последующего лика 8-го Богдо-гэгэна, ныне муссируются напрасные слухи и разговоры о приглашении последующего перерожденца. Желательно путем агитации и разъяснения срочно прекратить подобные явления и водворить спокойствие.

Постановили: Срочно разослать письменные разъяснения всем аймакам, цогчин[ам], дацанам и дворцам (ордон) о том, что недопустимо распространение ложных слухов и разговоров по вопросу, который впоследствии будет разрешен высшими органами.

Перевод с монгольского.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 159. Машинописная копия.

№ 87
Служебная записка КРО ОГПУ по вопросу о признании МНР Японией[1]

№ 337412 20 октября 1928 г.
г. Москва Совершенно секретно
ИНО ОГПУ

КРО ОГПУ сообщает, что японское посольство в Москве предложило своему правительству признать Внешнюю Монголию и послать в Ургу своего представителя. Для того чтобы не просить СССР о визе, предполагается посылка представителя через Калган.

Просьба принять меры для наблюдения за всеми приезжающими японцами на предмет выявления представителя.

Пом. нач. КРО ОГПУ Пузицкий
Нач. 5 отделения КРО Тубала

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 239. Машинописная копия.

№ 88
Сводка ИНО ОГПУ о политическом положении в Монголии

№ 32731/СВО 6 ноября 1928 г.
г. Москва Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибири
тов. Заковскому

При сем пересылается копия сводки ИНО «О современном политическом положении в Монголии».

Приложение: упомянутое.

П/нач. ВООГПУ Петросьян
Нач. 1 Отдела Бак

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 176. Подлинник.

Приложение

№ 83446 20 октября 1928 г.
ИНО ОГПУ Совершенно секретно

Современное политическое положение в Монголии

Из Урги 29 октября[1] сообщают:

Среди левых намечается раскол, выражавшийся в отходе лидера худонской оппозиции[2] Бадраха[3], идущего на компромисс с Жадамбой. Левая молодежь настроена против Бадраха. Военный министр Дэндэв[4] из группы Жадамбы ведет антисо-

ветскую пропаганду среди худонских делегатов, раздувая опасность со стороны «Красного империализма».

Левые во главе с Гэндуном (быв. пред. Малого Хурулдана) наметили состав будущего кабинета без представителей нынешнего руководства. Из состава старого правительства предполагается ввести трех человек: Чойбалсана, Довчина[5] (мин. финансов) и Дорлигжава (мининдел). Этот список еще не окончательный.

В военных кругах циркулирует другой список, во главе с Жадамбой и с преобладанием военных кандидатур.

Среди бурятской верхушки заметно тревожное настроение; часто совещаются между собой. Жамцарано собирается уйти с политической арены. По его мнению, Монгольская Народная Республика должна лавировать между Китаем и СССР, не допуская руководства ни со стороны Китая, ни со стороны Коминтерна.

Инструктор Минерхоза[6] Сампилон готовится к сдаче дел и отъезду из пределов Монголии, т. к., по его мнению, съезд выберет левое очень правительство.

Дамбадорж на съезде[7] пришел в открытое наступление против Джа-Дамба; на съезде партии произнес речь с намеками на разоблачение, обещает выступить в прениях с конкретными материалами.

Начальник ГВО Хаянхирва усиленно заискивает перед советским инструктажем ГВО, обещая наладить хорошие взаимоотношения с ним. Он собирается после съезда выехать в Москву с докладом т. Менжинскому.

Направление съезда партии внешне определенно оппозиционное, хотя конкретно съезд еще не выявил своего отношения к группе Жадамбы и группировке Гомбо, которой дано право выступить на съезде со своей платформой.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 177–177об. Заверенная копия.

№ 89
Информационное сообщение о высказываниях заведующего организационным отделом ЦК МНРП Б. Дугаржава[1] о политике Советского Союза

№ 15128 5 декабря 1928 г.
Улан-Батор-Хото Совершенно секретно
Оценка: засл. доверия

Дугаржав о советской политике

Заведующий Орг. отделом ЦК партии Дугаржав говорил Цэвэн[у] Такшиеву (бурят.-монг. поддан[ный]): «Возникший в партии раскол ведет свои корни из Советского Союза, стремящегося к колонизации Монголии. Как первый шаг к тому, СССР желает укрепить здесь свое политическое господство. Эту политику проводит здесь Амагаев, действующий через некоторых членов партии. Когда Амагаев прибыл сюда первый раз по приглашению, то он как будто бы держал курс на поддержку молодого монгольского государства и вел национальную политику. На самом же деле он оказался мерзавцем, который старается продать Монголию в руки иностранного государства. С этой целью принимаются все меры к тому, чтобы расстроить национальное единство страны». На вопрос, имеют ли основание слухи о том, что на место Сампилона будет назначен зав. Монголтранспортом Цокто Бад-

мажапов, Дугаржав ответил отрицательно и сказал, что уж если Сампилона уволят, то Цокто Бадмажапова и подавно выгонят.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 178. Машинописная копия.

№ 90
Информационное сообщение об обращении китайского штаба к МНР о восстановлении торговых отношений

№ 15195 20 декабря 1928 г.
Улан-Батор-Хото Секретно
Оценка: документальн.

Из документов Баргинской делегации

«От штаба Маньчжурия-Хайларск[ого] (района) Полицейской охраны Хэйлунцзянской провинции на имя правительства Внешней Монголии от 6-го числа 12-й луны, 17-го года[1] Китайской Республики. За № 4.

С момента объявления Почтенным Правительством независимости всякие взаимоотношения с нашим государством были прерваны. Это обстоятельство послужило (во вред) торговле, от чего обе стороны терпели убытки и ощущался недостаток в необходимых предметах, что ставило обе стороны в тяжелое положение. Особенно это отражалось на Правительстве Внешней Монголии и ее населении.

Наше Северо-Восточное бюро (желает) восстановить регулярные сношения с Внешней Монголией путем установления правильной торговли, что для обеих сторон создаст удобства и пользу. Наше Бюро не только не будет препятствовать приезду людей и ввозу товаров, но будет этому оказывать всяческое содействие. Мы позволяем надеяться, что это обстоятельство входит в планы Почтенного Правительства. Ныне мы предлагали бы прежде всего восстановить сообщение от Урги до ст. Маньчжурия и Хайлара. Но, прежде чем приступить к исправлению пути, мы полагали бы предварительно проработать этот вопрос, и для согласования этого вопроса назначен Хан-Сицзу (Нямжав н/примеч.[2]).

Если же Вы согласны с нашей точкой зрения, то просим назначить своего представителя по возможности в скором времени для выработки положения и порядка выполнения означенного проекта.

Что же касается Урги и Калгана[3], то мы полагали бы впредь до выработки положения обсуждение этого вопроса отложить».

Перевод с китайского (неполный).

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 138–139. Машинописная копия.

№ 91
Информационное сообщение о переговорах между Баргой и Внешней Монголией

№ 33197/СВО
г. Москва

24 декабря 1928 г.
Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю
тов. Заковскому

ВО ОГПУ при сем посылает Вам копию аг[ентурного] донесения о переговорах между Баргой и Внешней Монголией, для сведения.

Приложение: упомянутое.

Врид пом. нач. ВО ОГПУ Балдаев
Пом. нач. 1 отделения Приходько

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 181. Подлинник.

Приложение

О переговорах между Баргой и Внешн. Монголией

6 декабря сообщают, что из Барги ожидается посылка делегации от лидера Баргинского восстания[1], перешедшего на сторону китайцев Мэрсэ[2]. На следующий день Гос. внутр. охрана МНР перехватила переписку завед[ующего] Санбейским отд. Монценкопа Цыден-Еши Цыдыпова[3] на имя Джадамбы и Главкома Чойбалсана, трактующего об установлении торговых отношений между Баргой и Внешн[ей] Монголией. К этой переписке приложены письма баргинских князей, приглашающих Цыдыпова для начала официальных переговоров в Хайлар, причем баргинские князья гарантируют монгольской делегации неприкосновенность.

В той же переписке сообщается о предстоящей посылке специальной баргинской делегации в Улан-Батор, во главе с быв. пред. Баргинского комитета Нар. партии Внутр. Монголии, лидером Баргинского восстания Нямжавом.

14 декабря в Улан-Батор прибыла баргинская делегация в составе шести человек. Делегация привезла несколько писем на имя монгольского пр-ва и отдельных министров Внешней Монголии от штаба Чжан Сюэляна, баргинских князей и Мэрсэ.

Делегация именуется китайско-монгольской; официально уполномочена на заключение договоров.

На совещании у полпреда решено посоветовать Гэндуну изолировать прибывших баргинцев и затем немедленно водворить обратно как японских агентов.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 182. Машинописная копия.

№ 92
Информационное сообщение о прекращении обращения в МНР советских денежных знаков

б/н

26 декабря 1928 г.
Совершенно секретно
Сведения заслуж. доверия

По Монгольскому сектору

Распоряжением монгольского правительства валюта и денежные знаки Союза ССР совершенно воспрещены в обращении в Монголии[1]. Имеется на это официальное объявление как монгол. правительства, так и вице-консульства СССР в Сан-бэйсэ. Лица, у коих будет обнаружено хранение червонцев СССР, помимо конфискации привлекаются к ответственности.

Объявлением Монголбанка в Сан-бэйсэ червонец котируется в приеме ниже на 10% монгольского рубля[2]. При переводах из СССР через банк также принимаются и при выдаче стоимость уменьшается от 3 до 5%.

Червонец СССР нелегально все же имеет хождение в Монголии; некоторые лица скупают по дешевке у проезжающих бурят и крестьян, уменьшая стоимость до 30% и отъезжающим продают, наживая от 20 до 25% с рубля. Фамилии данных лиц-«скупщиков» будут сообщены дополнительно.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 237.
Машинописная копия.

№ 93
Информационное сообщение о попытке организации ламской либерально-клерикальной партии

№ 174/ВО
г. Верхнеудинск

28 декабря 1928 г.
Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибири
тов. Заковскому

При сем препровождаем для сведения копии материалов, полученных от тов. Д.
Приложение: упомянутое.
Начальник ОО ОГПУ БМР — Ермилов
Пом. начальника — Буда
Начальник ВО — Намжилон[1]

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 183.
Подлинник.

Приложение

№ 15151 6 ноября 1928 г.
Улан-Батор Хото Совершенно секретно
Оценка: заслуживает доверия

Попытка организ. ламской либерально-клерикальной партии

4 ноября. По приказанию Нач. ГВО арестован уполномоченный активного отделения Далхасурэн, работавший ранее район[ным] уполномоченным в Улангоме. Причина ареста, будто бы, подстрекательство отдельных делегатов парт. съезда поднять вопрос о возможности организации ламской религиозной партии. Обстоятельства дела таковы. В бытность Далхасурэна в Улангоме председатель Духовного управления Улагомского хийда[2] лама Гунчин-Чойнджур, брат Бадраха, по предложению последнего поднимал вопрос об организации ламской либерально-клерикальной партии, ставящей своей целью борьбу с «отрицательными» консервативными порядками в религиозной жизни и отстранение реакционных руководителей духовных управлений, воссоздание правил, отвечающих духу времени в отношении внутреннего распорядка и образования ламства. Сам Гунчин-Чойнджур так формулировал задачу: «Мы, семь лам нашего Улангомского хийда – Гунчин и Джимба, Кобдоского хурэ[3] – Хух-Эрэнцэн, Туйхумского хийда – Гэндун и др. решили образовать особую инициативную группу по организации религиозной партии, ставящей перед собой задачу улучшения состояния религии путем борьбы с отрицательными явлениями в ламской жизни и замены старых руководителей более соответствующими духу современности и интересам религии. В религиозную партию будут приниматься исключительно ничем не опороченные ученики Цаннид-Чойра. К сожалению, из нашей группы оторвались: Гунчин [и] Джимба – в Алтай-Урянхайский район для организации духовных управлений, а Хух-Эрэнцэн – в Гандан, в Улан-Батор». Таким образом идея организации ламской партии была подана лидером левого крыла Бадрахом. С благословления партийцев, таких как Далхасурэн, Гунчин-Чойнджур начал действовать. Сам Далхасурэн не был уверен в том, насколько жизненно целесообразно и политически допустимо поощрять организацию такой партии, поэтому своевременно обратился к нач. аймачн[ого] Отдела ГВО Очиржаву, но не получив от него удовлетворительного ответа, решил обратиться к делегатам съезда. Через одного военного представителя – Дэндэва на съезде был задан вопрос об организации ламской партии. Ответ был дан Амагаевым отрицательный: организация такой партии недопустима, т. к. это даст возможность ламству найти крепкую организационную форму для консолидации своих разрозненных сил.

Арест Далхасурэна вызвал сильное недовольство среди сотрудников ГВО, которые требуют его освобождения, ссылаясь на то, что здесь нет состава преступления и что арестом нарушается принцип свободы дискуссии, тем более что Далхасурэн, прежде чем обратиться к делегатам съезда, действовал сначала по инстанции, но не получил ответа. На это Хаянхирва возразил, что арест Далхасурэна согласован с Амаром и что освобождения Далхасурэна добиваются те, кто хочет скомпрометировать Бадраха и подорвать его авторитет. В то же время Хаянхирва

опасается, что этот арест может также повлиять на его карьеру и послужить поводом к обвинению в превышении власти и нарушении лозунга самокритики. Во всяком случае, предложение развить и разработать это дело Хаянхирва саботирует из личных соображений. Очевидно одно, что под давлением Амара Хаянхирва стремится выручить Бадраха от скандальной истории, связанной с ламским движением.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 184–185. Заверенная копия.

№ 94
Из информационного сообщения о политической ситуации в МНР за октябрь–ноябрь 1928 г.

№ 15100 Не позднее 31 декабря 1928 г.[1]
г. Улан-Батор Совершенно секретно

Внутрипартийные группировки в период пленума ЦК и начала съезда[2]

По мере приближения съезда стали четко выявляться все существующие в партии группировки. В процессе же развертывания дискуссии происходила беспрерывная перегруппировка сил.

1. Группа Дамбадоржа (китаефильская группа). Сюда следует отнести из состава руководящей верхушки – Гэлэгсэнгэ (секретарь ЦК, связан с китайск. землевладением и кит. купечеством), верхушка Монценкопа, в частности Намсарай[3] (связи с китайск. торгов[ым] капиталом), Хаянхирва (в течение пленума и съезда постоянно маневрировал, перекочевывая из одной группы в другую), Дугаржав (впоследствии переметнулся к центру) и группа примыкающих (преимущественно аппаратчиков ЦК).

Группа количественно небольшая, не имеющая глубоких социальных корней, представляющая часть городского чиновничества, оторвавшегося от худонов, установившего смычку с китайск. капиталом и ориентирующегося на Китай. Такова краткая характеристика этой группы. Выступая со своим политотчетом на пленуме, Дамба[4] рассчитывал парализовать оппозицию своими либерально-примиренческими формулировками и рядом радикальных предложений, смазать принципиальные разногласия словесными уступками, войти в соглашение с оппозицией и вместе с ней сосредоточить удар на группе Жадамбы. Известную уверенность в этом придавали ему некоторого рода авансы со стороны Полпреда[5] (формула: худонская оппозиция во главе с Дамбой), отчасти расчет на то, что по ряду существенных острых моментов (аресты, Баргинское дело[6], провал хозяйств[енной] политики, налоговая политика и т. п.) он сумеет выкрутиться ссылкой на отсутствие в период пребывания в Москве. Отсюда – стремление доказать, что принципиальных расхождений между политотчетом ЦК и платформой оппозиции не существует и желание совместить эти два документа. Дамба недоучел роль центра, колебнувшегося в этот момент в сторону противоположной группы и тем определившего первый этап борьбы. С этого момента начался отход сторонников Дамбы, который начал метаться в поисках выхода (разговоры о побеге и проч.), очутившись под перекрестным огнем со стороны группы Жадамбы, оппозиции и группировки Гомбо[7]. Широко разоблаченный, окончательно изолированный, лишенный права выступать с

отчетом ЦК на съезде, Дамба предпринял попытку разоблачить Жадамбу (3-й день съезда). Хотя это выступление имело некоторый эффект, но не было доведено до конца, т. к. при вторичном выступлении на съезде Дамба занял опять неопределенную позицию (по-видимому, уяснив, что тем самым поднять собственный авторитет он не в состоянии). Опасение перед возможной расправой заставило Дамбу ускорить решение вопроса об отъезде в Москву[8]. Теперь [он] возлагает надежды на будущее («впереди VIII съезд»). Последнее время наметились признаки сближения его с Жадамбой. Вполне возможно, сойдутся в Москве.

Характерно, что Дамба не рискнул пойти на разоблачение группы Гомбо, имея на то достаточные основания. Последний, в свою очередь, сделал также шаг в сторону сближения, подав ему записку, выражающую свою признательность.

2. Группа Жадамбы. Крепкая националистическая группа, идеологически оформившаяся. (Панмонголизм). Имея в руках командные высоты в государственном аппарате, армии, ревсомоле, хозяйственных органах, приобрела руководящее значение к VII съезду. Ее кадры составляет та группа чиновничества, которая ищет приложения ресурсов первоначального накопления внутри страны. Имеет прочные связи с имущественной верхушкой худона, торговыми посредниками («панзычи»[9]), торгующими монастырями. Заинтересована в развитии местной промышленности (курс на капиталистическое развитие). Имеет свои противоречия с китайск. капиталом и потому во внешней политике ищет ориентации на третью силу (Германия, Америка). Идеологом этой группы является Жамцарано. Действующими фигурами – Балдан-Доржи[10] (заместитель Жадамбы по Миннархозу), Дэндэв (военный министр), Сампилон, Довчин (Минфин), Ц. Е. Цыдыпов (Сан-бэйсэ), Даридзап[11] (инспектор армии) и др.

Поведение этой группы и ее отношение к происходящей борьбе определяло в основном ход дискуссии. Учитывались два момента: или возможность контрреволюционного путча и разгон левого съезда (предпосылки к тому были, почему все внимание в период пленума и съезда было обращено на армию) или – маневр влево в расчете на поглощение и растворение оппозиции. В первые дни пленума Жадамба старался сохранить молчание, ограничившись двумя жестами в сторону оппозиции (освобождение арестованных и согласие на дискуссию). Эта неопределенная позиция вызвала естественную напряженность и настороженность со стороны оппозиции и н/руководства. Положение осложнялось двумя моментами: 1. Активное вмешательство в борьбу третий силы (группа О. Гомбо) с ее курсом на вооруженное выступление и террористич[еские] акты. Представлялось вероятным и возможным использование этой силы данной группой с целью скомпрометировать оппозицию, физически расправиться с группой Дамбадоржа и обеспечить свое влияние на съезде. 2. Колебания внутри н/руководства, повлекшие опрометчивую установку на использование группы Жадамбы, как «не изжившей себя окончательно» (т. Амагаев) и вытекающий отсюда курс на соглашение оппозиции с этой группой. В результате Жадамба, выступающий с отчетом ЦК на съезде, сохранял свои позиции, вырастал в глазах худонской массы и обеспечивал свое влияние на руководящую группу оппозиции (Бадрах). Если бы не выступление Дамбадоржа и мобилизация КУТВянской оппозиции, направившие дальнейший ход прений в русло здоровой критики экономической линии руководства, то, возможно, мы имели бы

иное соотношение сил к концу съезда. По мере развертывания прений и намечающегося отхода части сторонников (Чойбалсан, Довчин) стало колебаться положение Жадамбы и менялось его отношение к оппозиции. Его настроение вылилось в форму своеобразной обструкции съезда, когда в продолжение двух дней он давал ответы на заданные вопросы и ни на один из этих вопросов не дал ответа по существу. Тем не менее, Жадамба сумел использовать разброд внутри левой оппозиции, взяв под свое влияние Бадраха, отход которого грозил внести разложение оппозиции в решающий момент на съезде.

Надо полагать, что нынешнее поражение этой группы на съезде не является решающим. Жадамба постарается сохранить свои кадры, возможно в виде нелегальной партии или группы (указания на это имелись в донесениях, касающихся Дэндэва, а также в сообщении о нелегальном собрании у Жадамбы после съезда). Лично сам также не будет сидеть без дела в Москве; его влияние будет просачиваться через группу центристов, оставшихся в ЦК, через Бадраха, если не будет обеспечено влияние на него через отдельные панмонголистские элементы. Во всяком случае, в лице данной группы мы имеем наиболее опасного, устойчивого, имеющего здесь глубокие корни противника.

3. Центристская группа. Ее лидером и идеологом является Председатель правительства Амар. Его основная политическая установка: ориентация на север, независимо от того, какова политическая форма и внутреннее содержание этой связи, а в силу т[ак] ск[азать] исторически сложившихся отношений. Является ли Россия царской или советской – безразлично. Без поддержки со стороны России Монголия не может существовать, она должна использовать эту связь с максимальной для себя выгодой, обеспечивая в то же время себя на случай вторжения с юга. Таково его направление во внешней политике. В области внутренней политики – стремление подчеркнуть имеющиеся достижения, желание сгладить противоречия, опасение радикальных реформ. Таков именно смысл всех известных нам выступлений Амара. Хотя в моменты перегруппировки сил центр периодически пополняется, однако нельзя считать эту группу устойчивой и идеологически оформившейся. Нет у нее и определенной социальной базы: отчасти она выражает интересы ламской верхушки (Амар), отчасти средние и низшие слои духовенства (Лосол[12]), частью – старое чиновничество.

Сохранение этой группы в составе нового ЦК и, в частности, самого Амара (несмотря на сильное противодействие со стороны Бадраха, имеющего с ним счеты за разоблачение Амаром дербетского движения[13]) диктовалось исключительно тактическими соображениями и личным авторитетом Амара в глазах духовенства. Возможно, теперь с переменой в составе ЦК центристская группа возрастает за счет введенных в ЦК представителей старого руководства[14], но сможет ли она играть какую-либо самостоятельную роль, будет зависеть от руководящей линии большинства.

4. Японофильская группировка: стала выявляться с момента появления Орос Гомбо здесь. Отдельные японофильские элементы, бывшие у нас на учете, стали проявлять заметную активность. Наметились некоторые взаимные связи: Эрхэмбат и Луннайжав, Орос Гомбо и Манджушри-хамбо, Луннайжав – Казима (яп. доктор) и т. д. Сразу по возвращении из Москвы Гомбо принял левую ориентацию. Ему

удалось связаться с группой кутвянцев[15], вовлечь и широко использовать Баяра (ЦСПС), завязать связи с армией: (Буян-Дэлгэр и Гончиг, ныне члены ЦК), проникнуть в партшколу, где вскоре образовывается группа его единомышленников (Лхумбэ[16] и др.). Одновременно Гомбо успевает участвовать в Богдоском ламском движении[17], подписывает левую платформу и вербует сторонников левой оппозиции, сносится с Жамцарано и в то же время поддерживает какую-то тайную связь с Хаянхирвой. Результаты активной деятельности Гомбо стали сказываться в начале пленума. В тех армейских частях, где ему удалось завязать связи, появляется брожение. В партшколе возникает террористическая группа, ставящая себе целью расправу над Дамбадоржем. Ревсомольская верхушка поддается провокационным настроениям и требует ареста Дамбадоржа. Сам Гомбо усиленно агитирует за анархические методы внутрипартийной борьбы, стараясь доказать возрождение данзановщины[18]. Наконец, лично пытается убедить и руководство оппозиции, и делегацию ИККИ в необходимости репрессивных мер против руководства (его заявление Гэндуну, личная беседа его и Баяра с делегацией).

Сопоставление всех этих фактов привело к определенному убеждению, что в лице Гомбо и его единомышленников действует «третья сила», пытающаяся сорвать дискуссию и партийный съезд. Вольно или невольно ближайшим помощником Гомбо стал Баяр: история с анонимной запиской 24 октября не оставляет у нас решительно никаких сомнений в том, что автором ее явился Баяр. Необходимость требовала решительных действий против этой группировки. Тем не менее, с самого начала была проявлена странная нерешительность со стороны руководства. Оппозиция, несмотря на настойчивые предложения, не пожелала отмежеваться от этой группы и снять подписи Гомбо и Баяра со своей платформы. Начавшаяся кампания по разоблачению «3-й силы» не была доведена до конца, оппозиция воздерживалась от персонального упоминания Гомбо и Баяра, не были приняты решительные меры даже тогда, когда стали выявляться террористические тенденции, имеющие непосредственную связь с деятельностью группы Гомбо, наконец, не были приняты меры в отношении Баяра, тогда, когда разработками ГВО было доказано его отношение к анонимке. В то же время съезд предоставил право Гомбо выступить со своими объяснениями по поводу его сношений с японцами в Москве, а Баяру – по существу своих отношений с Гомбо.

Понятно, частичное разоблачение Гомбо и Баяра заставило их действовать осторожнее; мы же лишились возможности дальнейшего их освещения. Теперь, вероятно, японофильские элементы постараются изменить свою тактику и методы работы, но, во всяком случае, бездействовать не будут.

5. Левая оппозиция по существу являет совокупность разных мелких группировок. Из них главные: а) худонская группа, возглавляемая Гэндуном, представляет бедняцко-середняцкую аратскую массу, имеет на местах (по всем аймакам) своих представителей и пользуется доверием и популярностью. До настоящего момента держалась тактики противопоставления худонских элементов городскому чиновничеству, определенной программы не имеет, представляет сырой материал, требующий обработки; б) кутвянская группа. Несмотря на свою малочисленность представляет в настоящее время основное ядро оппозиции. Не лишена различных противоречивых оттенков и способна при отсутствии должного руководства под-

даться постороннему влиянию. Такие примеры имели место до съезда. В настоящее время сорганизованы в самостоятельную ячейку; в) кобдоская группа во главе с Бадрахом. Представляет дербетское национальное движение, заражена автономистскими устремлениями и имеет свои частные интересы в оппозиционном движении. До настоящего момента их интересы совпадали с интересами худонской группы, поскольку их устремления встречали сопротивление со стороны центра. Худонскую ориентацию Бадрах представляет себе в форме широкого местного самоуправления, вплоть до автономии отдельных аймаков, составляющих добровольный союз – нечто вроде Американских Соединенных Штатов. Данная группа – ненадежный попутчик левого крыла. Колебания Бадраха в сторону Жадамбы во время съезда и последующие его выпады против кутвянской группы говорят за то, что в ближайшем будущем можно ожидать различных осложнений с этой стороны.

Ограничиваясь пока краткой и общей характеристикой левой группы, рассчитываем вернуться к этому вопросу в последующем обзоре при анализе итогов партийного съезда и предстоящего В[еликого] Хурулдана.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 142–158. Машинописная копия.

№ 95
Информационное сообщение ВО ОГПУ об арестах лам в связи с движением в поддержку Богдо-гэгэна

№ 70031/СВО
г. Москва

4 января 1929 г.
Совершенно секретно

г. Саратов
ПП ОГПУ по НВК
тов. Каширину[1]

г. В. Удинск
Нач. Буротдела ОГПУ
тов. Ермилову

Копия:
г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибири
тов. Заковскому

По достоверным сведениям из Дариганги (Вост. р-н), 2 декабря в Пандита-гэгэновский монастырь (Шилингольский сейм Внутрен. Монголии на 350 км севернее Калгана) прибыл Панчен-Богдо в сопровождении 200 чел. свиты и 10 телохранителей. Среди населения мобилизовано 200 подвод и много верблюдов для его встречи. Местный князь встретил его торжественно. В монастырях Дариганги распространяются слухи о предстоящем приезде Панчен-Богдо в Монгольскую Народную Республику (Внешняя). Ламство рассчитывает при содействии Панчен-Богдо восстановить власть Богдо-гэгэна в МНР. ЦК МНРП решил закрыть южную границу для паломников. Наблюдается большое оживление среди лам, в восточном р-не

ведется агитация среди населения со стороны последних, что на VII съезде МНРП[2] победили безбожники.

Просьба выяснить, какие наблюдаются толки среди духовенства и населения подведомств[енной] Вам территории в связи с приездом Панчен-Богдо во Внутреннюю Монголию и победой левого курса на последнем партсъезде МНР.

Одновременно с этим посылаем Вам для сведения материал[3] по монгольскому ламству и о деятельности Агвана Доржиева за время его пребывания в Улан-Баторе.

Приложение: упомянутое.

ВРИД Пом. нач. ВО ОГПУ Балдаев

Пом. нач. 1 отделения Приходько

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 34–34об. Подлинник.

Приложение

Оценка: заслуживает доверия

Аресты лам в связи с движением в пользу Богдо

30 сентября [1927 г.]. По предложению нач. ГВО были разработаны суммированные выводы относит[ельно] ламского движения (см. прилож.)[4] на предмет представления в ЦК. Нач. ГВО не согласился с предложением об арестах, опасаясь, что активные меры вызовут восстание лам. ЦК решил все же прибегнуть к арестам, дав санкцию ГВО на арест 5–6 зачинщиков, не трогая пока Манджушри-ламу. В отношении князя Гомбо-Идшина[5] решено ограничиться устным внушением, вызвав его в ЦК (к Гэлэгсэнгэ) и в ГВО. Были намечены к аресту след. лица: 1) габджу Гэндэнсодном, 2) габджу Балдан, 3) габджу Минджур, 4) габджу Найдансурэн 5) габджу Лувсандорж и еще один ганданский лама.

30 сент. Манджушри-лама читал проповедь в Дзун-хурэ при громадном стечении верующей массы. Присутствовало свыше 3000 челов[ек], преимущественно госслужащих, среди которых были члены партии, ревсомола и их семьи. Манджушри восседал у входа в главный храм.

Выясняется, что Гомбо-Идшин привез из Тибета грамоту Санджи-Панчена, в которой говорится о перерождении Богдо в Монголии в лице сына Мэргэн-хухэн[6] или воспитанника Манджушри-ламы. Эту грамоту Гомбо-Идшин надолго задержал у себя, показывая ее видным руководящим ламам: ёнзон-хамбо[7], Манджушри и др. Только поле того, как прав-во узнало об этом, грамота была передана правительству.

С Востока получена телеграмма: «Хухэн-хутухта[8] просит разрешение на выезд в Баргу для свидания со своим учителем». Поездка эта связана также с приглашением Богдо.

Ночью 2 октября произведены первые аресты. Арестован: габджу Балдан и Банзрагч. Предполагается сегодня арест Лувсандоржа, Цэвэна и Гэндэнсоднома. Срочно разрабатывается материал на Минджура, гэскуя Лувсана, лам: Хух-Гэндэна и Майдари. В общем операция прошла пока частично и очень плохо. Движения в связи с арестами пока нет. Манджушри-лама сегодня в сопровождении представителя ГВО отправлен в свой хийд. Перед отъездом ламы Дзун-хурэ преподнесли ему дорогую

раковину и литавры[9], что Манджушри рассматривает как хорошее предзнаменование в деле приглашения новоявленного Богдо (именно его воспитанника).

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 36–37. Машинописная копия.

№ 96
Информационное сообщение о планах монгольских сторонников автономии относительно присоединения Синьцзяна к МНР

б/н

Не ранее 1 февраля 1929 г.[1]
Совершенно секретно

Планы монгольских автономистов присоединения Синьцзяна к МНР

После Баргинского восстания[2] группа кобдоских автономистов[3] (лидеры которых после VII съезда МНРП заняли ряд главенствующих постов в монгольском правительстве и ЦК МНРП, а именно Бадрах – один из секретарей ЦК, Лаган[4] – пред. ЦКК, Дэмбэрэл – секретарь Малого Хурулдана) выдвинула план усиления положения МНР на Востоке путем присоединения к МНР Синьцзяна, обосновывая это следующими соображениями.

До последнего времени в целях усиления своего положения на Востоке, МНР поддерживала нац. движение во Внутренней Монголии. Эта поддержка, обходясь МНР очень дорого, практически ничего не дала, поэтому необходимо перенести центр внимания с Востока на Запад и взять курс на поддержку национального движения в Синьцзяне и объединение, под флагом Монгольской Народной Республики, родственных монголам торгоутских племен. В территорию МНР должна войти в первую очередь северная часть Синьцзяна, включая Илийский округ вплоть до Тяньшанского хребта. Укрепившись на Севере, впоследствии можно будет продвинуться к югу на Кашгар и присоединить к МНР весь Синьцзян. Присоединение Синьцзяна, защитить который национальное правительство Китая, за трудностью сообщения с ним, не сможет, укрепит положение МНР и даст возможность ведения более решительной политики на Востоке.

Лидер кобдосцев Бадрах предлагает следующий конкретный план присоединения Синьцзяна к МНР: так как китайцы сохраняют свое положение в Синьцзяне, используя существующую между торгоутами и уйгурско-джунгарскими племенами[5] национальную вражду, исторические корни которой относятся еще ко времени покорения китайцами Джунгарии в союзе с монголами, то для борьбы с кит. властью в Синьцзяне необходимо использовать эту нац. вражду и направить ее против китайцев. Нужно организовать в Синьцзяне восстание джунгарских и торгоутских племен, причем опорой движения должен быть торгоутский командный состав Синьцзянской армии. Бадрах предлагает уже теперь приступить к печатанию прокламаций на нац. языках для распространения в Синьцзянской армии и пытается привлечь на сторону данного плана ряд крупных работников МНР.

Характерно, что подобный же план создания из Синьцзяна плацдарма для борьбы за независимость имеется и у монгол Внутренней Монголии. В начале 1929 г. проживающий в Пекине один из князей Внутренней Монголии Яримпил совместно с членом ЦК НРП Внутренней Монголии Цицидарма прислал в Ургу в ЦК НРП

Внутренней Монголии письмо с изложением плана борьбы за независимость Внутренней Монголии путем захвата Синьцзяна с последующим развертыванием оттуда при помощи синьцзянских монгол борьбы с Китаем за независимость Внутренней Монголии и с просьбой помощи и руководства при осуществлении данного плана.

Нельзя упускать из виду также возможность использования нац. движения среди синьцзянских монгол англичанами. В связи [с этим] необходимо усиление в последнее время работы англичан среди карашских и юлдузских монгол[6] <…> и проектируемый связанным с синьцзянскими монголами англоразведчиком Шомбергом перенос своей постоянной резиденции из Кашгара в Кульджу, наиболее удобный пункт для ведения работы среди синьцзянских монгол.

В случае своего осуществления данный план кобдосцев грозит нам исключительно серьезными политическими осложнениями как в Синьцзяне, так и вообще на Дальнем Востоке.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 242–242об. Машинописная копия.

№ 97
Информационное сообщение о контрреволюционной организации в МНРА

б/н 24 апреля 1929 г.

В частях Монгольской армии наблюдаются волнения. Обнаружена организация в 3-м полку, возглавляемая группой богатых цириков. Организация повела систематическую провокационную агитацию за борьбу с правительством вооруженным восстанием и соединением с силами Панчен-Богдо, собирающимися якобы вступить на территорию МНР.

Эта группа имеет связь с ламством Гандана. Организация ставит себе, по приказу Панчен Богдо задачей: изгнание советских инструкторов, уничтожение аэропланов и уход в горы для ведения партизанской войны. Они неудачно пытались созвать митинг в полку.

По распоряжению ЦК, ночью 28[1] арестованы зачинщики, в числе 6 чел.

3-й полк ненадежен, т. к. комполка Намдинсурэн связан с ламами.

Имеются признаки провокационной аналогичной работы в других частях, возможно, центром работы является Орос Гомбо.

В дополнение № 53303 от 30 марта [19]29 г.[2]

Намдинсурэн – комполка 3-го был связан с прибывшим из Кобдо князем Чжан Чжа-бэйсэ, который арестован. Сейчас арестовано 9 чел. Арестованные признались, [что хотели] частично уйти к Панчен-Богдо. Связи с ламством не отрицают, но не выдают его роль.

Между Ургой и Манджушри-хийдом установлена конспиративная квартира заговорщиков.

Примечание: Манджушри-хийд – большой монастырь в 12 верстах от Урги в Богдоских горах[3].

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 195. Заверенная копия.

№ 98
Информационное сообщение по материалам из разных источников о ламстве в Улан-Баторе и на местах и о бывшем военном министре С. Дэндэве

№ 195 с/ВО
г. Верхнеудинск

25 мая 1929 г.
Серия «К»

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибири
тов. Заковскому

При сем препровождаем для сведения закордонные материалы, полученные от тов. Д.

Приложение: упомянутое.

Вр. начальника ОО ОГПУ БМР Буда
Начальник 2-го отд. Намжилон

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 218. Подлинник.

Приложение 1

№ 41286
Улан-Батор-Хото

7 апреля 1929 г.
Совершенно секретно
Оценка: засл. дов.

Брожение среди лам в Улан-Баторе и на местах

Городское ламство за последнее время проявляет большую активность в смысле распространения разных провокационных слухов. В противовес прошлому, когда движение шло под лозунгом приглашения 9-го Богдо, сейчас ламы применяют более сложную комбинацию, агитируя о приближении Панчен-Богдо, располагающего якобы несметными полчищами войск. Вместе с ним идет 9-й перерожденец Джебцзундамба-хутухта. С Востока и с Запада на Монголию ведется вооруженное наступление русских белогвардейцев и китайцев. На западе сосредоточена 20-тысячная армия противника, продвигающаяся к Кобдо[1]. Туда на разведку выезжал Пред. Воен. Совета Шарху. Народники сильно встревожены и переживают последние дни своего правления. Это подтверждается тем, что за последние дни они стали усиленно налегать на религию, устанавливая прогрессивную систему обложения джас[2]. Ламы, видимо, взяли ставку на разложение армии. Расклеивают тибетские листовки (одна появилась на большой улице). Агитация направлена против партии с целью подрыва ее авторитета. «Народники дают своей партии клятву с приложением красной печати из крови, делают через русских докторов прививки, вызывающие ненависть к ламству, родным и знакомым»[3]. Все это говорит за то, что поднялась новая волна контрреволюционной кампании подобно тем, которые ранее проходили под лозунгом приглашения нового Богдо. Активное участие в этой пропаганде проявляют вновь прибывшие из Бурятии бурятские ламы[4], находящиеся в Гандане в числе до 50 человек. Возможно, что силы всех недовольных существующим положением будут консоли-

дироваться вокруг лам. Нужна решительная операция, иначе оттяжка приведет к обратным результатам.

Усилилась антисоветская агитация бурятских лам в Гандане. Их сообщения о тяжелом положении религии и духовенства в Бурятии вызывают живой отклик со стороны монгольских лам. Происходят дискуссии о положении буддийского духовенства в СССР и МНР. Сегодня под утро произведены поджоги в городе. Ночью возник пожар на Богдо-уле, затем в городе. В этих местах сожжены небольшие, незначительные постройки, но в промежутке между этими пожарами подожжен Сангинский мост[5] (в «…» верстах[6] от Улан-Батора), который был облит керосином или бензином и сгорел дотла прежде, чем комендант города добрался к месту пожара. Виновники поджога не установлены, но факт умышленного поджога очевиден.

Злоумышленники, поджегшие мост через Толу, пока не обнаружены. Существуют два предположения: или это дело рук лам, или безработных китайцев, которые на постройке хотели подработать. Правительством намечено к выселению около 1000 китайцев. Брожение среди лам усиливается. Не исключена возможность восстания. Появились провокационные слухи о движении Панчен-Богдо на МНР, имела место расклейка антиправительственных прокламаций на тиб. яз. Тревожные сведения идут с Востока. Стоящий в Егузер-хийде (к югу от Баян-Тумэна) 19-й пограничный эскадрон разложен ламами, которые подкупают цириков и комсостав, снабжая их молоком, мясом и друг. продуктами. Перед Воен. Советом поставлен вопрос о немедленной замене эскадрона. Отд. ГВО в Югодзыре молчит, ничего не сообщает о ламах и Панчен-Богдо. Там также люди ненадежные. Панчен-Богдо перебрался ближе к н/границе[7]. Его население местное встречает не особенно охотно, т. к. приходится платить большие налоги, устанавливаемые им и его приближенными произвольно. К тому же в Силингольском сейме выпал глубокий снег, благодаря чему наблюдается падеж скота. Панчен-Богдо выпускает множество прокламаций, изготовляемых во Внутренней Монголии, которые просачиваются в н/восточный район[8].

В Гандане вырезывается ксилограф какого-то лундэна Панчен-Богдо, появление которого в печати ламы ожидают с нетерпением. Отпечаток лундэна представлю дополнительно. В каком аймаке это происходит – ламы не говорят, держат в секрете.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 228. Заверенная копия.

Приложение 2

№ 41298 — 29 апреля 1929 г.
Улан-Батор-Хото — Совершенно секретно
Оценка: засл. дов.

О Дэндэве (справка по заданию)

Бывш. Военмин Дэндэв возвращается в У.-Батор по истечении предоставленного ему отпуска. За ним послана подвода в худон. В ближайшие дни он прибудет. ЦК МНРП наметил командировать его в Бурреспублику в состав Буручкома по за-

просу последнего. Намечавшийся ранее кандидат в Буручком Бат-Очир ранее работал в монг. Учкоме, где находится теперь – неизвестно.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 228. Заверенная копия.

№ 99
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о деятельности тибетских лекарей в Монголии

№ 42345 30 мая 1929 г.
ОГПУ Совершенно секретно
Иностранный отдел

1. т. Ольскому
2. т. Балдаеву

Активность тибетских лекарей

Под руководством старшего эмчи городской больницы Цэрэндоржа тибетские лекаря за последнее время стали проявлять исключительную активность. Они начинают организованный поход против русских врачей, русской медицины и поднимают травлю против Хаянхирвы (завед. здравотделом), которого открыто обвиняют в том, что он продался русским, и объявляют его «врагом монгольского народа». Хаянхирва жалуется, что он не в состоянии работать. Чтобы на время хотя отделаться от Цэрэндоржа, Хаянхирва командировал его на чуму вместе с д-ром Макаренко. Перед отъездом (примерно недели полторы т. н.[1]) Цэрэндорж созвал собрание всех тибетских эмчи и дал им указания, как нужно действовать в борьбе с европейской медициной. Он заявил, что европейская медицина и русские доктора – их главные враги и надо стремиться всеми силами отвоевывать свои позиции. Поэтому Цэрэндорж поручил эмчи за время его отсутствия постараться отвоевать у русских один корпус больницы. Эмчи принялись за дело: они загрузили свой корпус больными без разбора, среди которых есть хроники, симулянты и лодыри; затем на основании перегрузки своего корпуса потребовали дополнительного помещения. Они вызвали на заседание докт. Конапатского и заявили, что, если им откажут дать другой корпус, они пойдут с жалобой в правительство, используют все средства, но добьются своего. В Министерстве внутр. дел имеется какой-то старый чиновник, сторонник и покровитель эмчи, который давно служит в МВД и фактически ворочает министерством.

Следует отметить, что вопреки решениям В[еликого] Хурулдана в работе здравотдела отдается предпочтение тибетской медицине, которой правительственные органы идут широко навстречу, удовлетворяя все их требования, увеличивая смету и т. д. В то же время по части европейской медицины чувствуется зажим. Прием поднялся до 9000 [чел.] в месяц, дело расширяется, а сметные ассигнования сокращаются. Масса недостатков в гор. больнице (особенно отсутствие белья) объясняется недостатком денежных средств.

В тибетском отделении администрация здравотдела ввела должность санитара в помощь эмчи, а в европейск. части сократили даже переводчика, и все доводы сов. врачей о невозможности работать без переводчика не принимаются в расчет. Когда

вопросы штата обсуждались в подкомиссии, тибетские эмчи всячески издевались над русскими врачами.

Примечание: упомянутый чиновник МВД, предположительно – князь Циин, старый феодал, маньчжурский чиновник и заядлый реакционер.

Нач. ИНО подпись

Уполномоч. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 323–323об. Подлинник.

№ 100
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о настроениях в Монгольской народной армии

№ 41326 30 мая 1929 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ольскому
2. т. Балдаеву
3. к делу

Настроения в армии

В армии все время неспокойно. Сказывается влияние лам, среди которых брожение продолжается. Основные вопросы, волнующие лам: а) вопрос о запрещении перерождений, б) налоговый вопрос, от которого монастыри ожидают крупного материального ущерба и в) газетная кампания, поднятая в связи со слухами о приглашении Панчен-Богдо. Эти настроения просачиваются и в армию, где передаются шепотом слухи о приближении Панчен-Богдо, предстоящей войне и т. п. Цирики говорят между собой: если Банчен Б. выступит против МНР, стрелять не будем, перейдем на его. Комсостав ненадежен; много бывш. лам. В течение апреля имело место два случая появления ламских прокламаций: одна была расклеена на Больш. улице, а другая на воротах Чиван-ламы. Последний был вызван в ГВО и ему предложили обязательно разыскать автора.

В армейских частях проходя собрания, ставятся доклады о международном положении. Цирики относятся пассивно.

Вернулся из Кобдо воен. мин. Дарьзав. Отношения между Дарьзавом и Шарху натянутые. В деловой практической работе этого незаметно, но в личных отношениях сказывается неприязнь. Сотрудник отд. снабж[ения] бурят Сырет говорит про Дарьзава: «Он сторонник правого крыла. Был ставленником старого руководства. Мы узнали их на работе, каковы они. Когда выдвигали какое-либо целесообразное предложение, его прятали. Много дельных проектов было сожжено в штабе».

В 5-м пограничном полку обнаружена организация, аналогичная раскрытой здесь в 3-м полку. Дело также связано с ламской пропагандой. Арестовано 4 цирика. На место послана комиссия. Представители от ГВО возьмут на месте в Гурван-Баяне. Подробностей пока нет.

В частях наблюдалась до сих пор страшная распущенность. Самовольные отлучки были массовым явлением. Уходили и не показывались два-три дня, как ци-

рики, так и низшие командиры. Теперь заметно подтянулись. По армии недовольство, и местами распространяются слухи, что строгости эти связаны с осложнениями на границе.

В школе Сухэ-Батора[1] проведена ночная пробная тревога. Многие курсанты растерялись и плакали, не понимая, в чем дело. Однако построились быстро, в течение пяти минут. После того, как им объяснили цель тревоги, успокоились. Прибыл нач. школы Сухэ-Батора Наванлувсан. Перекинут откуда-то с границы. Человек недалекий. Пока инициативы не проявляет. Командир эскадрона Дэндэв очень обижен неверной аттестацией, данной на него политруком. Аттестация гласит: «Заним. должности соответствует. Недисциплинирован». Такая аттестация действительно не вполне соответствует. Снабжение школы улучшилось: получены шинели, обувь, летние гимнастерки.

Отношение комсостава к расстрелу Раднабазара и Аюрзаны сознательное. Говорят: «Так и следует бороться с растратчиками».

В отделе снабжения полная бесконтрольность. Нет никакого учета. Ревиз. Комиссия бездействует. Особенно бросается [в глаза] безалаберщина в вещевом отделе. В монг. газете «Унэн» протащили отдел снабжения за его постоянную волокиту (2 недели «маргаш»[2] из-за трех фунтов гвоздей). Переданные с н/склада патроны трехлинейные [19]21 года дают задержку в пулемете, т. к. разница в ширине и толщине шляпки дает ½ миллиметра. Благодаря этому при пристрелке получается неудобное положение, в которое попадают инструктора, обязанные объяснить причину задержки. На складе отд. снабжения имеется до 60 пулеметов Люиса. К ним нет запасных частей. В СССР так же нет зап. частей к ним. Также 40 пулеметов «Кольта» бездействуют по той же причине. Придется эти пулеметы снимать с вооружения. По армии издан приказ – всем военнослужащим одеть форму. Старики-чиновники армейск. управлений, встретили приказ недружелюбно. Выполняют его неохотно.

Нач. ИНО Логинов

Уполномочен. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 128–128об. Машинописная копия.

№ 101
Информационное сообщение по Восточному району МНР[1]

№ 41576 8 октября 1929 г.

Восточный район
(Полит. информация)

По Вашему заданию № 3 от 21 августа с. г. сообщаю:

1. О вторжении баргут[ов] на территорию Тамсаг-Булага и угона лошадей Тамсагского погранкавэскадрона

По наведенным данным, в конце мая с. г. во время бури на территорию Тамсаг-Булага, в район погранохраны Тамсагского кавэскадрона был загнан гурт

скота пограничного населения Барги. В поисках этого скота выехало два баргута (имена неизвестны), которые, явившись в Штаб погранохраны, просили помощи, но в помощи командиром эскадрона было отказано и предложено им немедленно выехать. Но последние, невзирая на распоряжение комэска, соединившись с группой в 5 человек банды солонов[2], поехали искать свой скот, во время которого из мести к эскадрону угнали и принадлежащие ему 10 гол[ов] лошадей. Во время погони бойцами эскадрона оба эти баргута были убиты, а солоны успели скрыться за границу. Командир указанного эскадрона, боясь ответственности за самовольную расправу с указанными двумя баргутами, по инстанции никому не донес, о чем стало известно только после того, как местные монголвласти были запрошены центром.

2. О перестрелке с китайцами в 18 человек

По наведенным данным в конце июля с. г. в местности Бахалой погранзазставой 5-го полка были задержаны на тарбаганьей охоте 18 человек китайцев. Китайцы эти никакого сопротивления не оказывали, а по неосторожности одним из бойцов заставы был убит ни в чем неповинный китаец-охотник. После же этого случая, дабы замазать его, была продемонстрирована перестрелка с указанной группой китайцев-охотников, т. е. официально зафиксировано, что китаец убит во время перестрелки. По сведениям, вооружение у задержанных китайцев было исключительно охотничьего образца. Все они в данное время находятся в заключении [в] Ундурханской тюрьме.

3. Об организации особой чрезвычайной комиссии по охране границы

В связи с событиями на востоке в целях охраны границы, по директивам центральных монгольских властей в Баян-Тумэне была организована так называемая «Чрезвычайная комиссия» по охране границы в Восточном районе. В комиссию эту вошли:

1) Дамба – комполка [№] 5

2) Сэрээтэр – Пред. Хан-Хэнтэй-ульск[ого] айм. управления.

3) Намсарай – сотрудник Главн. управл[ения] ГВО, командированный сюда на временную работу вместе с т. Мальгаузе.

4) Мальгаузе – инструктор и спец. Уполномочен[ый] ГВО, командированный также на временную работу.

5) Морозов – старш. инструктор 5-го кавполка.

6) Шира-Базар – военком 5-го кавполка.

В круг своей деятельности комиссия эта ставила рассмотрение военных вопросов – агитация и пропаганда среди населения, внешняя и внутренняя разведка, регулирование торговли и народного хозяйства. В данное время никакой работы она не ведет, так как все ее члены в разъезде по описи имущества феодалов. Причем член-председатель комиссии, комполка Дамба с тов. Мальгаузе ездил в Даурию для согласования ряда вопросов, во время чего ему там была оказана большая честь, специально для него был устроен военный парад, катали его на военном самолете, вообще, видимо, продемонстрировали перед ним боевую мощь даурских частей РККА.

Такое отношение к нему советского командования произвело весьма благоприятное впечатление и после этого, по сведениям, стало заметно в нем весьма воодушевленное настроение, видимо, вполне уверился в силе и мощи соседа.

4. О чистке госаппарата и партии

Чистка госаппарата и партии производились специальной комиссией, приезжавшей вместе с генсеком ЦК МНРП Гэндуном. Работу таковая закончила, но результатов еще не объявляла официально. В работе комиссии в качестве членов принимали также участие представители местных монгольских партийных и госорганизаций. Причем, по некоторым неофициальным данным, комиссией исключен из рядов партии уполномочен. МИД Цэвэнсурэн со снятием с занимаемой должности, вместо которого уже на днях прибыл новый уполномоченный из МИД – Дамбадорж, который пока еще в достаточной степени не изучен. Исключен также по сведениям из партии переводчик упол. МИД известный бурят Жамьян Жамбалов, но продолжает оставаться на службе, работник местного кооператива Улымжи-Батор и др. В отношении работы указанной комиссии будет представлено дополнительно.

5. О ноте Баргутского амбань-ямыня[3] уполномоченному МИД Цэвэнсурэну

По имеющимся данным, быв. уполн. Цэвэнсурэн действительно получил какую-то ноту от Баргутского амбань-ямыня, по сведениям, по вопросу убитых баргут в числе двух чел. Тамсакским кавэскадроном. Но точных данных нет, так как теперь этой ноты Цэвэнсурэн никому не оглашая, направил в Министерство иностранных дел.

Сведения о Колобове Александре Ивановиче

По имеющимся данным по Сан-бэйсэ, среди обывательщины носятся слухи, что Колобов Александр Иванович, проживающий в данное время здесь, ездил от местного отделения ГВО в Маньчжурию за сведениями.

Сам Колобов при разговоре с ним в одном случае говорит, что он совершенно не ездил в Маньчжурию, ездил искать утерявшихся верблюдов до местности Бахалай и вернулся обратно; в другом случае говорит, что он ездил в Маньчжурию, но в самом городе не был, при этом объясняет о существующем там курсе денег, в общем, объясняет, что в Маньчжурии все тихо и спокойно, но жизнь замерла, крупные фирмы позакрылись, и все уехали из Маньчжурии.

Комментируя эти данные, сообщаемые Колобовым, местная обывательщина говорит: «Нашло же местное ГВО кого послать за сведениями». Дальше говорят, что отец Колобова – Колобов Иван Иванович – против в Маньчжурии, ярый бароновец[4], и в данное время бандит, который в позапрошлом году еще или раньше из ненависти к красным на базаре в Маньчжурии убил демобилизованного красноармейца, за что кит. судом был судим и короткое время сидел в тюрьме. Отзываясь так о Колобове, обывательщина говорит: «Что может дать сыну столь ярый ненавистник красных; разве может сделать так, чтобы сын приносил пользу красным? Если бы у Колобова не было бы здесь в Монголии обоза верблюдов, то никогда бы его здесь в Сан-бэйсэ не видать».

Сведения о Неверове Алее и Большакове Леониде Ивановиче

По имеющимся данным, в связи с арестом Неверова Алей Абдуловича за нападение в пьяном виде и оскорбление секретаря консульства[5] тов. Гергель А. А., многие его единоверцы-татары готовы взять его на поруки, но не знают, куда и как обратиться: в Консульство или ГВО, но пойти сами в оба эти учреждения не решаются, боясь каждый испортить себе репутацию. Поэтому они обращаются к Большакову Леониду, чтобы он похлопотал в ГВО и Консульстве об освобождении Неверова. Причем Большакова все они представляют как секретного сотрудника ГВО, хотя последний именует себя бандитом и говорит, что он не имеет сов. гражданства, но местная обывательщина вся говорит, что он сек. сотрудник ГВО.

По имеющимся данным, гр. Чаплакидзе Николай, прожив. в данное время в местности Тынгелик, Онон-гольского хошуна, рассказывает, что Большаков Леонид Иванович (брат уполномочен. Центросоюза Большакова) служил у Семенова, после ликвидации коего, живя в Маньчжурии, принимал участие в убийстве одной женщины, ехавшей из Совроссии в Японию. Дело обстояло следующим образом: как передает указанный Чаплакидзе, в 21 г. из Совроссии через Маньчжурию ехала в Японию какая-то женщина (фамилия неизвестна), якобы с целью коммунистической пропаганды, и ехала она в совершенно секретном порядке. Но на ст. Маньчжурии каким-то образом о ней стало известно Большакову, и он совместно с Эповым, прожив. в данное время в Маньчжурии (имя тоже неизвестно), взяли ее с вокзала и увезли ее на кладбище, где и, взяв от нее все документы и ценности, убили, предварительно изнасиловав. Об этой проделке говорит, что ему передавал сам Эпов.

Дальше указанный Чаплакидзе передавал данные о том, что Большаков принимал участие в ограблениях с бандой ездивших на грабеж в Монголию, а также идущих туда грузов. Однажды во время сенокоса, когда Чаплакидзе был на покосе в районе ст. Харанта, КВЖД, то Большаков с тремя неизвестными с ним бандитами пришли к нему в балаган и попросился ночевать. Во время ночевки все эти бандиты сговорились между собою ехать в Монголию за табуном, но так как они были пешими, то наутро угнали у него лошадей. Зная заранее, что лошадей его угнали они, он стал их преследовать и нагнал их в г. Хайларе, где их, по заявлении его кит. полиции, арестовали и посадили в тюрьму. Но так как кит. полиция берет взятки, то они через месяца полтора все были освобождены. По своем освобождении Большаков трижды являлся на покос к Чаплакидзе с целью отомстить ему. Однажды, когда Большаков в одно из таких посещений Чаплакидзе хотел убить его, то последний, взяв имевшуюся при нем винтовку, заявил: «Ты не езди сюда, если пришел убивать меня, то убивай, а то я тебя тоже не пострашусь убить». После этого Большаков больше не приезжал к нему.

Сведения о китайце Номто

По имеющимся данным, предполагавшийся выезд 25 сентября с. г. представителей кит. фирм Егузера в Узэмчин за будой, неожиданно местным отделением ГВО были задержаны. Мотивы к задержанию были – дождаться возвращения служащего кит. фирмы Цаган-Малагай, уехавшего в Узэмчин. Но наутро снова было разрешено выехать в назначенный срок.

Комментируя этот случай, китаец Номто, близкий друг Югодзыр-ламхая, говорит, что такое распоряжение ГВО последовало в связи с приездом из Узэмчина одного ламы Шара-Цэдэнгэй-Агвана, который служит секретным сотрудником в ГВО. Последний аккуратно два раза в месяц приезжает в Югодзыр и заезжает только в отделение ГВО, где, побыв часа два, а иногда до утра, снова возвращается в Узэмчин. По словам указанного Номто, названный лама Цэдэнгай-Агван давно сотрудничает в ГВО, а также считает агентурой ГВО кит. фирму Цаган-Малагай, так как последнее пользуется у местного отделения ГВО исключительным расположением и ездит в Узэмчин и другие пункты Внутр. Монголии, когда понадобится.

Из разговоров с кит[айцем] Номто, последний рассказывает, что ушедший за мукой и будой кит. обоз в составе 347 подвод в Узумчин, если не наладится работа местного отделения Банка по приему переводов в Китай, а также не разрешат вывозить сырье и кобылиц, то обоз этот привезет не более одного куля буды на каждую подводу и кроме того около ста подвод не вернется совсем, так как это число подвод были ранее арендованы в Шудорин-голе и остались здесь в связи с закрытием границы.

2. Приезд в Югодзыр комиссии по реквизиции имущества феодалов

3 октября с. г. в Югодзырское хошунное управление из Улан-Батора приехала комиссия в количестве 5 человек, именующая себя «Особо-уполномоченной Комиссией по реквизиции имущества феодалов». В комиссии этой состоят: член ЦК МНРП и пред. Мал. Хурулдана Содном, зам. минфина Журмудэй-Нима и остальные три неизвестных по имени. Утром 3 октября с. г. с участием случайно приезжих из района лиц, при закрытых дверях в хошунном управлении было собрание, после которого комиссия эта в сопровождении местного хошунного судьи пошла в ламхайский хийд и опечатала все «джасы» (имуществ. склады), лично принадлежащие Егузэр-ламхаю и его дома, а также опечатано личное имущество гэгэна дархан-цорджи[6]. Опечатана также столовая на паях «гунза»[7], владельцем коей на паях состоит китаец Номто, близкий приятель Егузер-ламхая.

4 октября комиссия среди ламства хийда устраивала собрание. Ламы пока ничего не говорят и никуда за пределы хийда не выходят.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 204–210. Машинописная копия.

№ 102
Информация ОО ОГПУ БМР по Монголии (по состоянию на сентябрь 1929 г.)

№ 196с/ВО
г. Верхнеудинск

20 октября 1929 г.
Серия «К»

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю

При сем препровождаются копии материалов, полученных из Монголии (2 экз.) – для сведения.

Приложение: упомянутое.
Начальник ОО ОГПУ БМР Бодеско[1]
Начальник Восточного отделения Кичиков

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 253. Подлинник

Приложение

№ 41513 23 сентября 1929 г.
Оцен.: не проверен.

Сводка разных донесений за сентябрь месяц [1929 г.]
Ламские настроения

Бурятский лама Добдон, проживающий в Гандане, ездил недавно нелегально в Бурятию и, вернувшись оттуда, рассказывал бурятскому эмигранту Цыдыпу, проживающему в Дзун-хурэ, что в Бурреспублике положение скверное: все страшно дорого, нет необходимых товаров. Беспрерывно по секрету отправляются войска на восточную границу, где уже начались военные действия.

Из всех современных хубилганов в Монголии наибольшим уважением и авторитетом пользуется Егузер-хутухта. Его влияние весьма сильно со времени борьбы за автономию 1911 г., когда Егузер в 1910 г. сумел под видом большого религиозного праздника собрать на совещание всех князей и провел его, несмотря на усиленную слежку со стороны китайцев.

Вторым авторитетом является ургинский Ёнзон-хамбо, которого араты очень хвалят за его строгий образ жизни. На Западе пользуется возрастающим влиянием Дамби-габджу – прогрессист, находящийся в Ярунском хурэне[2] в Улясутае. Что касается Манджушри-гэгэна, его авторитет падает с каждым днем. Его не уважают за светский образ жизни[3].

По словам ганданского ламы Тувдэна из Дугар-аймака, среди ганданских лам распространился слух, что правительство не прочь разрешить приезд Панчен-Богдо в Улан-Батор, но в единственном числе, а в случае военного похода на Монголию, организованного им, будет сопротивляться до конца.

Гурванжав из Джуд-дацана[4] говорит, что, по словам бадарчинов, бродивших по городу, на митинге с трибуны было сообщено, что монгольские войска на восточной границе дважды имели столкновение с противником и понесли значительные потери, благодаря чему сократилась численность армии.

Ганданские ламы говорят, что на Восток беспрерывно отправляются войска, т. к. китайцы продвигаются к границе[5].

Упомянутый Тувдэн из Дугар-аймака говорил гр. Арзагай Мызыгену, что 7 августа всех китайцев вывели из города и убеждали идти на войну против своих же китайцев. Это делается по инициативе правительства, которое запугивает китайцев расстрелом в случае неповиновения. Все это проводится под давлением русских.

Сегодня в Гандане случился пожар. Загорелось в пустом байшине с юго-восточного угла, и под влиянием легкого ветра занялись соседние постройки. Пожар продолжался 4½ часа. Выгорел целый квартал ламских построек. Дацаны не пострада-

ли. Причина пожара пока не установлена. Возможно, поджог произведен самими ламами с целью произвести на этой почве поборы [с] населения.

Во время вчерашнего пожара на месте одного сгоревшего хашана найдены в железном ведре взорвавшиеся в огне японские винтовочные патроны в количестве около 50 штук. Пожарные утверждают, что во время тушения пожара слышен был треск рвущихся патрон[ов]. ГВО ведет следствие.

Прибывший из Лхасы бурятский лама Дэмчик Норбоев, проживающий в Дзун-хурэне, говорит, что после захвата КВЖД положение на юго-восточной границе Монголии весьма опасное[6]. Для Монгольской Республики нынешнее положение можно считать безнадежным.

13–14 сентября во всех аймаках Дзун-хурэна состоялись ламские собрания, созванные по инициативе МНРП. С докладами о внутреннем и внешнем положении страны выступали представители партии и правительства. Собрания привлекли большое количество лам. Настроение присутствующих было неопределенное. Все недоумевали, почему правительство так поспешно собрало ламские собрания, к тому же объявили о собрании только накануне. Некоторые объясняют эту поспешность тем, что внутренние затруднения, связанные с внешними осложнениями в связи с событиями на Востоке[7], вынудили правительство обратиться к ламству, чтобы оно поддержало Народное правительство и партию в этот трудный момент, грозящий наступлением белого переворота. Часть высших лам говорит, что правительство путем таких поспешных собраний намерено повести борьбу с религией и ламством, которое будет всеми мерами принуждать выйти из дацанов и для того пользуется агитационными методами. Часть лам говорит, что это очередной трюк со стороны правительства, направленный своим острием в ламское сердце. По мнению дэд-хамбо, это очередная вылазка народников, предпринятая с целью подготовить почву в ламской среде, т. к. правительство зашло в тупик в связи с событиями на Востоке.

Дэд-хамбо говорит, что происходившие на днях собрания лам по аймакам преследовали одну цель – уничтожение ламства и религии. По содержанию докладов представителей правительства и партии видно, что под видом разъяснения внутреннего положения в стране народники пытались развить антирелигиозную пропаганду. Так, один из докладчиков очень тонко дал намек, указывая на разбитую фарфоровую чашу, что так же должна развалиться религия, как этот фарфор, изживший свое существование и пригодность. Он же указывал дальше, что остатки бывш. князей, хутухты и хубилганы, также имущие ламы представляют собою в данное время контрреволюционный лагерь, с которым правительство ведет борьбу. Исходя из всего вышеизложенного, нужно констатировать, что правительство и партия серьезно занялись вопросом ликвидации нашей религии и что существование религии в опасности со времени VII съезда партии и 5-го Хурулдана.

Симба Ринпоче: «Народное правительство становится все тверже и жестче в отношении к религии. Наблюдается тенденция со стороны представителей правительства высмеивать лам и устраивать всякого рода притеснения и гонения на религию и служителей культа. Так что религия наша переживает время великих потрясений. Если не придет избавление извне, то нет никакой надежды на улучшение положения ламства. Спасение извне может быть только в лице Панчен-Богдо, яв-

ляющегося единственным покровителем буддизма в Монголии. По всем данным он должен прибыть сюда с военной силой. Народное правительство постановило отобрать имущество ламской верхушки: гэгэнов, хутухт, Зая-пандиты[8] и князей-ванов и гунов по той причине, что они в свое время, используя государственную власть, обирали аратскую массу. Таким образом, наступление на религию и старые порядки идет по всем линиям. Я очень беспокоюсь, что меня могут потревожить новые порядки, хотя я живу здесь на положении иностранца, но не имею уверенности, что конфискации минуют меня».

По словам ганданского ламы Довдан из Барги-аймака, «Егузер-хутухту вызвали сюда по той причине, что он был главным руководителем в пользу приглашения Панчен-богдо из Внутренней Монголии. К этому у Егузера все было готово, но власти не допустили этого. Наше правительство в отношении к религии и к ламству становится все тверже и жесточее».

Ученик Егузера Дорж: «Нашего учителя пригласило сюда Народное правительство без всяких причин, но, по нашему мнению, причиной служат события на Востоке и сооружение Егузером новых дуганов. Сейчас к Егузеру все время ходят на поклонение верующие араты».

В Гандане закончились выборы уполномоченных в Духовный Совет. По этому поводу Шотуб (бурятский лама), которого выбрали уполномоченным говорит: «Меня выбрали потому, что я – бурят, чтобы на нас, бурят, свалить всю ответственность, за то, что произойдет в будущем». Сам он очень недоволен своим избранием. У других лам известие о выборе уполномоченным Эрдэнипэла (прогрессист) служит доказательством никчемности института уполномоченных. Вообще Эрдэнипэл у сколько-нибудь серьезных лам, которые не связаны с ним личной дружбой, вызывает презрение. По поводу предвыборных <…> аграмба Гомбоджав (Керулен-хийд), заметил, что представители правительства высказывались приятно в том духе, что представители правительства считаются с ламами и хотят с ними познакомиться и сойтись поближе.

Ламы страшно встревожены наклейками-объявлениями на помещениях джас и складов, которые гласят о начавшемся учете имущества и запрещают впредь, до распоряжения властей, пользоваться имуществом. Ламы ожидают, что правительство приступит к поголовной конфискации всего имущества монастырей и лам. Среди лам циркулируют слухи, что в Кобдо таким путем уже отобрали монастырское имущество. Это известие ламами почерпнуто в письмах из Улясутая, откуда пишут ламам их родственники, что в Кобдо началась конфискация монастырских владений (скота) и что в связи с этим ожидают со дня на день таких-же действий и в Улясутайском районе, а потому, дескать, не рассчитывайте теперь на нашу материальную помощь.

По этому поводу на днях был разговор между Ц. Бадмажаповым и Дудукаловым[9] (нач. вет. управления). По мнению Дудукалова, дележ скота в Кобдоском округе – признак угрожающий, если это распространится на всю Монголию, то гибель скотоводческого хозяйства неизбежна, т. к. не будут дорожить даровым скотом и загубят его. Другое дело, если одновременно будет проводиться коллективизация, тогда еще есть некоторая надежда на спасение части скота. Конечно и при коллективизации будет не легче, но все же из двух зол – меньшее. Ц. Бадмажапов

совершенно не верит в возможность коллективизации и настроен мрачно; он побаивается за свое личное имущество и говорит, что в течение нескольких месяцев не может продать свой дом, т. к. никто не покупает. Видимо, правительство имеет какие-то виды на его недвижимость.

Гомбожав-аграмба говорит, что конфискации подвергнется только одна десятая часть имущества и потому нечего особенно беспокоиться.

Равжа (ганданский прогрессист) по поводу слухов о появлении перерожденца Богдо говорит, что ни один кандидат в Богдо-гэгэны не может быть провозглашен без санкции Панчен-Богдо или Далай-ламы (особенно важна и имеет решающее значение санкция Панчена). До сих пор ни один из сторонников Богдо-гэгэна не мог добиться такой санкции. А без этой санкции ни один из монгольских гэгэнов не может объявить Богдо, т. к. ни один из них не обладает влиянием, простирающимся на всю страну. К примеру: Манджушри-гэгэн имеет некоторую известность в районе Урги, а на Западе его совсем не уважают.

Относительно пожара в Гандане 9 сентября – все ламы в один голос передают следующую версию: за несколько дней до пожара в том доме, откуда начался пожар, загорелись сложенные в ящике праздничные одеяния. Тогда удалось потушить. Через день в этом же доме загорелась балка на потолке, опять потушили. Наконец, 9-го вдруг сразу в том же доме вспыхнуло сильное пламя и разыгрался пожар. Причину ламы видят в действии злых духов или злоумышленников.

Егузер-хутухта: «Причиной моего ареста послужили события на Востоке и в связи с этим непосредственная опасность со стороны Китая и Панчен-Богдо, который находится целиком под влиянием китайских властей. Мне предложили покинуть свой хийд с тем, чтобы парализовать меня и изолировать от враждебного якобы лагеря Панчена и Китая. Второй причиной является возведенная мной постройка дугана в своем хийде в целях обслуживания верующего населения моего прихода. Ко мне здесь обращаются верующие с вопросами, касающимися событий на Востоке, они уверяют, что китайцы скоро в союзе с Панчен-Богдо предпримут наступление на Монголию. Я стараюсь давать неопределенные ответы, как человек неосведомленный в политических делах».

Дэд-хамбо: «Единственное спасение нашей религии в скорейшем приходе Панчен-Богдо. Если он не придет, то религия обречена на гибель. Все мероприятия, направленные против религии, проводятся под диктовку красных русских. Дело с приглашением 9-го перерожденца Богдо окончательно провалилось. Об этом невозможно и говорить при данном строе».

Тибетец Лувсанданзан, проживающий в 3-м хороне: «Со времени VII партсъезда политика Народного правительства приняла весьма жестокий и радикальный характер по всем вопросам государственного строительства. Дело еще более ухудшилось с момента появления здесь представителя Красной Армии (видимо, уполн. КИ[10]) что видно по направлению налоговой политики, применяемой в отношении богачей, лам и хубилганов. Эта политика преследует цель уравнения богачей с низшими аратами. Усилились приготовления к войне на Востоке. Говорят, скоро китайцы начнут наступление на Монголию, и правительство ежедневно отправляет на границу войска».

Примечание: отдельными сводками прилагаются сведения М/инф.[11] по худонскому ламству и сводка по собранию уполномоченных и отношение лам к событиям на Востоке по данным М/инф.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 262–264. Заверенная копия.

№ 103
Информационное сообщение об эвакуации Егузэр-ламхая в Улан-Батор

№ 196 с/во — 20 октября 1929 г.
г. Верхнеудинск — Серия «К»

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю

При сем препровождаются копии материалов, полученных из Монголии (2 экз.) – для сведения.

Приложение – упомянутое.

Начальник ОО ОГПУ БМР — Бодеско
Начальник Вост. отд. — Кичиков

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 253. Подлинник.

Приложение

№ 41528 — 12 сентября 1929 г.

Восточный район (сводка за август)

Об эвакуации Егузэр-ламхая[1] в Улан-Батор и о смятении ламства Егузэр-хийда

По имеющимся достоверным данным в первых числах августа м-ца с. г. из Егузэр-хийда в Улан-Батор неожиданно «эвакуирован» Егузэр-ламхай. Операция эта проводилась специальной комиссией, прибывшей из Улан-Батора в составе двух или трех человек. Комиссия эта попутно проводила чистку местного административно-хозяйственного аппарата[2]. Событиями по изоляции Егузэр-ламхая ламство Егузэр-хийда сильно опечалено и находится в состоянии полной растерянности и неожиданности. На собрании местной партийной и ревсомольской организации и общественности членами комиссии было объявлено о причинах «эвакуации» ламхая, коими выставлялись неспокойствие на границе и в связи с близостью границы к Егузэр-хийду, о непосредственной угрозе личной безопасности ламхая и т. п. Ламство же со своей стороны заверениям членов комиссии, что с ламхаем в связи с его эвакуацией вглубь страны ничего худого не случится и что это делается в целях обеспечения его личной неприкосновенности и т. п., совершенно не верит, а считает все сплошным вымыслом и ложью, т. к. на границе ничего тревожного нет[3]. Факт удаления ламхая вглубь страны продолжают рассматривать как несправедливый поступок со стороны существующего строя, равносильный аресту столь общеизвестного во многих странах ламы, имеющего несравненно большое образование и почтенный возраст (по-монгольски: осыдын-гурун-ун-эрдымта[4]), и гово-

рят, что ламхай ничего худого не сделал и преступлений никаких против существующего строя не совершал, поэтому такое удаление ламхая из насиженного им спокон веков святого хийда, его шлют вглубь страны, считают простым и несправедливым арестом. 10 августа вслед за отходом машины, увезшей ламхая, ламством Егузэр-хийда выслано несколько человек верховых лам, чтобы проследить, куда и как будет увезен ламхай. Кроме того, на днях из Егузэр-хийда выезжает группа влиятельных лам во главе с «Манба-ламой»[5]с той же миссией, что и верховые гонцы-ламы.

По полученным последним сведениям, члены комиссии, производившие «эвакуацию» ламхая, допустили частично некорректные отношения к нему и провели эту операцию с недостаточно соответствующей обработкой местной парт. и ревсомольской организации и общественности. Поэтому не исключена возможность небольших осложнений среди верующих – мирян и духовенства – лам и работа последних в этом направлении. Необходимо принять надлежащие меры ввиду возможных эксцессов в Егузэрском районе.

P. S. Наблюдение за Егузэр-хийдом ведется, на днях будут дополнительные материалы о движении ламства в связи с эвакуацией ламхая по всему восточному району.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 259. Заверенная копия.

№ 104
Информационное сообщение о настроениях ламства в связи с конфискацией имущества хубилганов и феодалов

№ 196 28 октября 1929 г.
г. Верхнеудинск Серия «К»

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю

При сем препровождаются для сведения материалы тов. Д.
Приложение: упомянутое.
Начальник ОО ОГПУ БМР Бодеско
Начальник ВО Кичиков

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 271. Подлинник.

Приложение

№ 41548 12 октября 1929 г.

Ламские настроения в связи с конфискацией имущества хубилганов и феодалов

Ганданские ламы говорят: «Народное правительство не вмешивается пока в духовные дела. Трудно предвидеть, что будет в будущем, а пока наши монголы поистине становятся на путь русских».

Настроения лам в связи с собраниями: ламы средних и высших слоев и молодежь одобрительно относятся к тому, что говорится на собраниях, а высшее ламство, как аграмбы и габджу, шепчутся между собою. Содержание их разговоров не выяснено.

По поводу расклеенных обращений, лама Барги-аймака Дагвадорж говорит, опасаются, что ламы неправильно поймут это, но опасаться нечего, т. к. у нас единая с цириками точка зрения.

Ганданский лама Дэндэвцэрэн из Дзугэй-аймака: «Сейчас опечатывается имущество богатых лам, которое, по-видимому, собираются отобрать. В связи с этим наблюдается стечение лам у ёнзон-хамбо».

У Чойджин-хамбо опечатывалось имущество. Присутствующие ламы говорили: «Очень страшно, когда приходит много вооруженных людей. Конечно, неприятно, когда реквизируют номов[1] и бурханов, но лучше немедленно, не скрывая показать и отдать». Ламы были весьма подавлены этим.

Дэмбэрэл из Ламнар-аймака, ездивший по сбору пожертвований для Джуд-дацана, говорит: «Несколько лет жили преспокойно за счет имущества покойного Богдо. Теперь это имущество прожили и, конечно, начнут грабить имущество лам».

Казначей Номчи-аймака Лувсанжамц по прозвищу «Нигудак», тахилч Шутэн-аймака Бат и Дамбадорж из Цэцэн-Тойн-аймака говорили между собой: «Опечатывание имущества богачей не что иное, как дневной грабеж. Запечатывают с тем, чтобы захватить монастырские ценности и уничтожить религию».

Ламы говорят по поводу опечатывания имущества и отобрания ключей у богатых лам: «Это справедливо в отношении таких лиц, как чин-ван и Ялгусан[2] т. к. они нажили это имущество, раздирая кожу и мясо 10 тысяч шабинаров. Следовало бы еще прихватить брата Лувсанбалдан-сайда – джудинского гэскуя Цэрэндэндэва[3], который является очень богатым реакционером, собравшим имущество четырех аймаков и много шаби. Он имеет знакомство по южной части (т. е. связь с Китаем).

Относительно конфискации имущества, большинство лам рассуждает так: конфисковать имущество бывших чиновников следует, т. к. в прошлом сидели на шее народа, заставляли его платить подати. А что касается лам, то они не заставляли аратов отдавать им свои вещи, а просто каждый добровольно подносил посильное пожертвование.

На днях в Манджушри-хийд явились представители власти с четырьмя цириками реквизировать имущество. Манджушри-хутухте оставляют только зимнюю одежду, остальное все забирают. Об этом говорил лама Дзун-хурэ Чултэм.

Левые члены Духовного совета требуют полной отчетности джас перед Духовным советом. Правые истолковывают это как предстоящую конфискацию джас.

Прогрессивная ламская молодежь Гандана (так наз. ламская интеллигенция[4], их насчитывается в Гандане свыше 2000 человек), одобряет конфискацию имущества богатых лам, поскольку, согласно уставу Виная, ламы не должны иметь собственности. Но их тревожат получаемые с мест письма родственников, которые предупреждают их о возможности прекращения материальной поддержки, в связи с предстоящей конфискацией, если она примет широкие размеры.

Дэд-хамбо, касаясь конфискации, говорит: «При данной обстановке ничего удивительного в том, что конфискуют имущество бывш. чиновников и феодалов, нет. В прошлом они держали власть в своих руках, получали большое жалование и эксплуатировали аратское население. Но что касается конфискации имущества богатых лам, то тут, здраво рассуждая, поступают не совсем справедливо. Со стороны лам никаких принуждений аратов к пожертвованию не было и быть не могло, ибо каждый верующий мирянин добровольно отдавал сообразно своему имущественному положению посильную лепту. Раз народное правительство начало отбирать имущество лам, то в будущем, нужно полагать, будет издан особый закон, запрещающий всякие жертвоприношения со стороны мирян. Сейчас отбирают имущество самых богатых, а с будущего года начнут конфискацию имущества середняков. Вся инициатива конфискации принадлежит коммунистам, т. к. это должно быть коммунистическое правило о насильном захвате чужой собственности. Нынешнее данное мероприятие расчищает дорогу к беспрепятственному проникновению коммунизма в Монголию. В следующий раз обчистят таких, как я, и будет торжествовать полный коммунистический строй, а ламы будут влачить жалкое существование. Одним словом, все, что делается в данное время в Монголии, проводится по указаниям Коммунистической России, которая через находящегося в Хурэ (Урге) своего представителя[5], или как его называют “представителя Коминтерна”, проводит свои директивы. Со времени появления здесь этого представителя положение резко изменилось не в нашу пользу, а пользу бедноты».

Ганданский лама Барги-аймака Шарав: «Сейчас начинается период конфискации имущества феодалов и богатых лам, а также имущества джас. У нас, в Гандане, тоже намечено несколько человек во главе с Бадмадоржи-шанцзодбой. Все это ведет свое начало со времени VII съезда партии, со смены старого руководства и прихода русских инструкторов. Прежнее руководство Народной партии тоже отличалось твердостью в проведении мероприятий, но не [в] такой все же степени, как нынешний состав, который далеко превосходит старый своей наступательной политикой, в частности, в отношении к ламству. В данное время ламство переживает период не имевшего в истории примера нажима со стороны власти. В этих условиях трудно даже продолжать дело просветления религии. Если так будет продолжаться в будущем, то не миновать серьезного кризиса, грозящего гибелью самой религии».

Лама Санского аймака Дзун-хурэ Чултэм: «Дело ликвидации религии идет форсированным темпом. Власть проявляет усиленное гонение на хубилганов. Таких высокопоставленных лиц, как Югодзырь-хутухта, Манджушри-гэгэн, Хухэн-хутухта и др., держит под домашним арестом. Это в полном ходу политика СССР, т. к. все мероприятия правительства диктуются оттуда. Конфискация джасских владений повлечет за собой голодное нищенское существование тысячных масс ламства и в особенности хувараков».

Член Духовного управления Эрдэнэпил: «Народное правительство является действительно аратским правительством. Оно отвечает всем интересам и запросам аратских масс, а также делу очищения буддизма. Непонятно одно, почему правительство конфискует имущество лам. Реакционные ламы, конечно, не любят нынешнее правительство за преследование лам, нарушающих канонические правила

и [совершающих] разные шарлатанские действия. Но это нисколько не противоречит принципам самого буддизма. Нармантха, молодой ганданский прогрессист: «То, что запрещают перерождение хубилганов – хорошо, что проводят конфискацию имущества богатых лам – тоже очень хорошо, т. к. это соответствует уставу Виная[6]. Но вот плохо делает правительство, что устраивает школы монгольского языка для лам вне монастырей. В этих школах ламы будут помещаться вместе с харахунами и женщинами[7]. Если даже эти школы будут устраивать в пределах монастырей, то все же эти занятия будут отвлекать лам от основных занятий. У нас в Гандане большинство лам настроено прогрессивно, но ламы все же опасаются крайних мероприятий со стороны правительства. Что касается Дзун-хурэ, там много консервативно-настроенных лам, но мы не считаем даже его за монастырь, т. к. там живут харахуны и женщины».

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 276–277. Заверенная копия.

№ 105
Информационное сообщение ВО ОГПУ о ситуации в Ученом комитете МНР

№ 41587 29 октября 1929 г.

Помещены свед., засл. доверия

В Учкоме[1]

Чертежник Учкома Большаков Федор – сын белого казака, очень здоровый физически, пьяница, скандалист и антисемит. Летом в 1927 г. Большаков участвовал в экспедиции Кондратьева А. С.[2] в Хангай, где отличился рядом хулиганских выходок: изнасиловал одну девушку-монголку, из-за чего получился скандал с монголами, и бил рабочего Гончарова за то, что тот сообщил Кондратьеву о попойке, устроенной Большаковым, избил шофера в Чингультушке[3] так, что тот лег в больницу. Большаков очень близок к Симукову и лично для него чертит какие-то карты в нескольких экземплярах.

У Симукова на квартире хранится лично ему якобы принадлежащая буссоль для топогр. съемок, компактного типа, какие употребляются для военно-разведывательных целей.

На днях закончил свои работы [в] комиссии по ревизии Учкома. Акт еще не представлен. По мнению Кондратьева, ревиз[ионная] комиссия признает работу Учкома неудовлетворительной. Эрдэмбаир намерен переменить службу и подать заявление в Стормонг[4] на должность переводчика. В конце июля у сотрудника Учкома Симукова[5] и Эрдэмбаяра были произведены обыски и арестован китаец – повар Кондратьева. Кондратьев говорит, что все это результат придирок и подкапывания со стороны бухгалтера Чойдагвы, который будто бы сделал ложное донесение на них в ГВО. Кондратьев также считает сотрудником ГВО Даши Будаина и предупреждает Большакова, чтобы он был осторожен с ним.

Вернулся из экспедиции проф. Иконников[6], который выезжает на днях домой. Работа в Учкоме идет вяло по причине враждебного отношения со стороны бухгалтера Чойдагвы ко всем сотрудникам, а особенно к русским, которых он старается всячески запятнать, подозревая в растратах и т. п. Он заменяет старых сотрудников новыми, устраивая на службу своих родственников и близких знакомых. Вообще

видно, что Чойдагва старается всячески затруднить работу и стереть с лица земли это ненавистное кому-то учреждение. Симуков был в отпуску на заимке Ц. Бадмажапова. Вернувшись, чертит карту для штаба[7]. Кондратьевы[8] ездили на Иро ставить метеорологическую станцию и там жили у зав. Ирогольским лесопильным заводом – Гнандберга. Этот Гнандберг, по сведениям Кондратьева, ранее жил в Самаре. Во время Гражданской войны он бежал оттуда вместе с братом Н. Рериха[9], пробирался через Джунгарию в Китай, но застрял в Монголии, которая ему очень понравилась. Кондратьев говорит, что Гнандберг просто увлечен Монголией.

Симуков чертит карту Монголии для штаба и для проф. Рачковского[10]. Имеет предложение преподавать метеорологию на ветеринарных курсах. Симуков разделяет идею практического уклона в работе Учкома и вдохновлен этим в противовес Кондратьеву, который считает, что эту работу надо продолжать так же, как и раньше. Симуков имеет какую-то связь со многими русскими поселками в Монголии. Он прекрасно знает расположение разн. малоизвестн. дорог. Знает, например, один контрабандный путь от У.-Батора вплоть до русской границы, по которому можно проехать, не встретив ни одного человека.

По словам Кондратьева, Ц. Г. Бадмажапов находится в очень затруднительном материальном положении: взял у него взаимообразно 50 тугр. и до сих пор не может отдать.

Симуков передает по секрету, что Даши, служащий чертежником в Учкоме, состоит агентом ГВО, в чем он убедился на двух случаях подозрит[ельного] поведения Даши.

Нина П. Шастина хвастается своими связями с Полпредством и старается показать, что она в курсе П[ол]Предских дел. Бывают такие фразы: «Сегодня в Полпредстве тревожное настроение». Исходит это от Калинникова, который приносит Шастиной какие-то книги из П[ол]Предства. О Калинникове[11] Шастины[12] отзываются иронически – берет, мол, взаймы деньги по мелочам и старается не возвращать.

Симуков совместно с Иконниковым разбирает экспонаты для музея из добытых Иконниковым экземпляров. Эти экспонаты будут переданы в музей. Кондратьев продолжает работу по метеорологии, занят установкой новых станций. Предполагалось наладить химическую лабораторию, но за отсутствием денежных средств и перемещения временно отложили. Библиотека приведена в порядок. Жамцарано занят тибетской литературой и устройством хоз. части.

Учкомовцы (по-видимому, Кондратьев и Симуков) были у Амагаева, и тот заметил им, что надо изучать хубилганство[13] и лам в связи с экономическим положением духовенства. Отсюда Жамцарано сделал такой вывод, что теперь буддологов будут использовать для «обирания» хубилганов. Жамцарано еще раз повторил высказанное мнение о конфискации (насчет развязанной стихии), но, тем не менее, заявил, что надо будет произвести осмотр конфискуемых вещей, возможно, действительно найдется кое-что ценное для музея.

Проф. Гейнишь[14] сообщил Жамцарано, что сведения о монгольском Учкоме появятся в очередном ежегоднике «Минерва», издающемся в Германии.

Учком предполагает открыть метеорологическую станцию на вершине Богдо-Ула; Жамцарано намерен там поселиться.

Гомбожав (Мерген-гун) предложил купить Учкому свою библиотеку, оценив ее в 1000 тугр. Бухгалт. Чойдагва сначала оценил ее в 100 тугр., а потом, рассмотрев книги вместе с Симуковым, согласился выдать 1000 тугр., но потребовал, чтобы был составлен протокол, что книги эти Учком приобретает по требованию Ц. Жамцарано.

Последний теперь очень перепуган, полагая, что этот документ понадобился к предстоящей чистке аппарата, где он будет фигурировать как обвинительный материал против него, Жамцарано. Гомбожав говорит, что деньги он уже израсходовал в уплату долгов. По словам Гомбожава, он получил приглашение из Буручкома[15] – на службу, но вряд ли поедет в В.-Удинск, т. к. получил место преподавателя в сов. школе и рассчитывает все же поехать учиться в Ленинград.

Уполномоченный Академии наук проф. Рачковский закончил работу по заключению договора с акад[емией] СССР. По заключенному договору Академия наук в продолжение пяти лет ежегодно будет направлять в МНР несколько отрядов научных экспедиций по разным научным отраслям, причем академия обязалась делиться с Учкомом добытыми материалами. По словам Симукова, Академия наук намерена иметь в монгольск[ом] Учкоме своего постоянного уполномоченного, который будет заранее подготовлять все необходимое для экспедиций: документы и инвентарь, проводников и проч. Это дело было предложено Эрдэмбаяру, но он будто бы отказался. По словам Эрдэмбаяра, завскладом Учкома бурят Базар бежал из СССР в [19]25 или [19]26 г., скрываясь от преследования советских властей за какое-то уголовное преступление. Первое время, не имея заработка, Базар жил на его, Эрдэмбаяра, иждивении. В [19]27 г. он пристроился к Учкому, но через полгода был уволен по сокращению штата. После этого он служил в Нардоме[16], а теперь, благодаря близости к Чойдагва, опять перешел на службу в Учком. Базар принял здесь монг. гражданство. Предстоит в Учкоме чистка аппарата, по поводу которой Симуков говорит, что, вероятно, старые сотрудники будут увольняться и заменяться новыми и что молодые ученые сотрудники подвергнутся основательной чистке.

По поводу увольнения Дудукалова из Ветуправления Жамцарано говорит, что это сделали монголы, а не советские, что теперь «стихия развязана» и монголы так разошлись, что советские за них больше не могут отвечать.

Кондратьеву Жамцарано рассказал, что Учком хотел уволить библиотекаря Восточн. отд. библиотеки Доёда (ставленника Чойдагвы) за безграмотность, но из профсоюза пришел ответ, что необходим классовый подход при увольнении и что профсоюз сам разберется, кто грамотен и кто безграмотен. Все заинтересованы предстоящей чисткой и интересуются, коснется ли она советских граждан.

В библиотеку Учкома был принят Доёд как знающий русск., монг. и тибетский языки. Но теперь обнаружилась его непригодность, и Учком решил его уволить. Однако в дело вмешался профсоюз, который нашел, что Доед происходит из аратской семьи и поэтому его важно сохранить на службе. Учкомовцы этим возмущены, говоря, что профсоюз ведет очень странную политику – заставляет держать на службе неграмотных по-монгольски людей. Бухгалтер Чойдагва все исследовательские материалы и документы выдает на хранение ненадежным людям, как коменданту. Он всячески сопротивляется развитию исследовательск. работы и крити-

кует постановку учкомовск. работы. Принял на службу своего тестя. На собраниях выдает себя особо уполномоченным высшими гос. органами и добивается присутствия на всех заседаниях. Из-за него подал заявление об освобождении от работы сотрудник Кондратьев. Мин. прос. Дугаржав предложил сотруднику Учкома Нацагдоржу[17] преподавать на курсах банковских работников, с жалованьем 200 руб. Нацагдорж согласился, а потом Дугаржав заявил, что, если он примет его на службу, Миннархоз будет возражать и будут говорить, что принят из-за большого оклада, и отсоветовал Нацагдоржу браться за это дело.

Гомбожав (Мэргэн-гун) говорит: «К Жамцарано теперь со всех сторон очень плохое отношение. Насколько оно несправедливо, видно уже по тому, что однажды Цыбен Жамцаранович сказал быв. полпреду Никифорову во время банкета по какому-то поводу: "У Вас, знаете, получается нечто вроде Красного империализма". Теперь эти его слова раздули в целое дело и говорят об этом до сих пор. Сейчас об отношении к Жамцарано играет большую роль в личной карьере отд[ельных] лиц. Например, при чистке в Шухэ-ямыне[18] (суд) одну сотрудницу-бурятку спросили, как она относится к Жамцарано. Она, хотя знакома с Жамцарано и бывает у него, но заявила, что не знакома с ним, но знает, что Жамцарано – очень вредный человек и знакомиться с ним не желает». <…>

Гомбожав и Кондратьев рассказывают, что зам. пред. Учкома Лувсан получил предписание профсоюза уволить всех тех сотрудников-монгол, которые совместно с Симуковым вели кампанию против Чойдагвы (как то: Гава, Жаргал и др.). Ц. Жамцарано подал в отставку.

Гомбожав говорит о себе: «Со мной будьте осторожны, так как я человек не простой, а настоящий монгольский аристократ – гун, феодал, так что осторожнее якшайтесь со мной и имейте это в виду».

Преподаватель средней школы Будари Дымчиков рассказывает: «Жамцарано обвинили на VII парт. съезде в панмонголизме, а он ответил им на съезде: "Я старый панмонголист и отказываться от панмонголизма не могу"». С ним ничего не могли сделать, т. к. по существу он прав, ибо стремится поднять культурный уровень всех монгольских племен, которые, как мы знаем, слишком отстали, чтобы можно было сейчас всерьез говорить об интернационализме, хотя партийцы, и в особенности окончившие КУТВ, кричат с высоты трибуны везде, где нужно и не нужно, об интернационализме, о международном капитализме и о мировой революции. Это – пустая болтовня; сначала нужно поднять экономический и культурный уровень страны, а потом уже кричать "Да здравствует мировая революция", "Долой капиталистов". А теперь кричать об этом рано. Лучше было бы, если бы учили монгол тому, как лучше вести животноводческое хозяйство, как организовать ряд маслодельных, сыроварных и колбасных предприятий. Проще говоря, создать молочно-пищевую промышленность, плюс использование своих сырьевых ресурсов: шерсти, кости, рога. Да что говорить: у нас все богатство пропадает даром. А тут кричат обо всем, только не об этом, только не о хозяйстве. Кричать-то можно, только толку от этого будет мало».

Получены сведения о том, что Жамцарано советовал кому-то убить Амагаева. На квартире Жамцарано, согласно тем же сведениям, хранится оружие и какие-то документы секретные. Приняты меры к проверке этих сведений.

Примечание: по дополнит. сведен[иям] информация эта исходит от Даши (см. н/№ 41448)[19], в этом случае не заслужив. доверия.

Сегодня Жамцарано беседовал с преподавателями средней монг. школы: Нуннай Джапом, Намсараем и др. Жамцарано говорил им следующее: «У меня сняли телефон. Это, конечно, не имеет большого значения, хотя составляет для меня большое неудобство, т. к. я старик, а мне приходится бегать по 3–4 учреждениям, я ведь, знаете, занятый человек. Но все это пустяки. Есть дела почище. Вот, например, изъяли из употребления некоторые книги по монгольской литературе как книги якобы реакционного содержания, "вымысел, не соответствующий действительности". В таком случае, все литературно-художественные произведения вымысел, ибо нет литературно-художественного произведения, соответствующего действительности, и все они суммируют отдельные мелкие факты жизни. В известном смысле все они – вымысел, потому что литература, как и все художественные произведения, очень условна, поэтому и непонятна нашим руководителям "левого" или "ультрареволюционного" крыла нашей партии. Возьмите такие произведения, как "Шидиту-хур", "Биеермачжит" и др. Все они являются, если хотите, классиками мировой литературы, наравне с произведениями Лао-Цзы[20], Ляо Чжай и др. Когда пытаешься им объяснить это, то на меня не обращают внимания, потому что я "правый уклонист". В прошлом году пытался им объяснить Бимбаин Ринчин[21]. Его назвали примиренцем и сторонником правоуклонистов. Вот и возьмите их. Что будешь делать? Это еще полбеды, если иметь в виду данный факт. А ведь надо ожидать, какие скверные будут последствия. Ведь по утверждениям теперешних "ортодоксальных революционеров", стоящих у власти, молодежь должна учить постановления партии и власти вместо литературы. Это нужно было придумать. Как можно воспитывать целое поколение на официальных циркулярах, на постановлениях партии и власти? Смешно. Вот, отсюда и качество данного курса, взятого партией – вырождение целого поколения, литературное вырождение. Без литературного наследства ничего не сделаешь. Ни один народ без него не обойдется. Лезть вверх по лестнице можно, но берегись, не расставляй широко ноги, моментально их вывихнешь. Мы хотим сразу освободиться от старого наследства, сделаться культурными, освободиться, в частности, от старой литературы. Но ведь это очень трудно. Нужна ли ведь в конце концов какая-то преемственность, последовательность, связь. А наши люди хотят переделать все старое. Едва ли это удастся. Еще раз повторяю: ноги широко не расставляй, а то совсем их потеряешь». Присутствующие одобрительно соглашались с мнением Жамцарано.

Благодаря проискам и разн. каверзам со стороны бухгалтера Чойдагвы весь руководящий состав Учкома подает в отставку[22]. Председатель Учкома Жамьян-гун[23] подал заявление об отставке, Жамцарано просит освободить его от обязанностей руководителя Учкома, оставив его рядовым членом. Кондратьев под разными предлогами просит освободить его от работы. Ожидается подача таких же заявлений Бимбаиным, Эрдэмбаяром и др. В общем вся работа Учкома развивается[24] и идет насмарку.

Нацагдорж просил Дамдинсурэна[25] командировать его в заграничный технический вуз. Дамдинсурэн обещал исполнить просьбу и направил его заявление Минпросу.

Ламы с некоторых пор не ходят к Жамцарано, стараются почему-то избегать его. Часто посещают Жамцарано Ц. Нацагдорж и Дамдинсурэн (маленький) из Профсовета[26]. Недавно был у него бывш. джонон-ван Ширниндамдин. Он жаловался, что у него все имущество опечатали и что ему осталось влачить нищенское существование. Жамцарано успокаивал его тем, что конфискуют не все, а оставят 100 единиц на содержание семьи. Ширниндамдин заметил, что у него на несколько сот единиц долгов и если их покрыть, то все равно придется нищенствовать.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 305–307. Заверенная копия.

№ 106
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о партийной чистке в Улан-Баторе

№ 41438 1 ноября 1929 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Пятницкому
2. т. Уншлихту
3. т. Кагановичу[1]
4. т. Карахану
5. т. Ольскому
6. т. Дьякову[2]
7. К делу

В ЦК МНРП

Чистка партии по Улан-Батору проходит весьма успешно. Ячейки принимают довольно активное участие; часто чистит не столько проверочная комиссия, сколько сами присутствующие на собрании. Имели место случаи весьма откровенных заявлений и ответов. Например, Япон-Данзан (бывш. полпред МНР в Москве) заявил: «Я стою за объединение всех монгольских племен. Будучи в Москве, я говорил с Лениным и Троцким. Ленин был согласен со мной, а Троцкий был против. Теперь Ленин умер и нам рассчитывать в этом на поддержку СССР не приходится. Осталась надежда только на Японию»[3].

Жамцарано был задан вопрос: как он относится к панмонголизму. Жамцарано ответил: «Панмонголизм – это моя идея. Я стоял и до конца жизни буду стоят за объединение монгольских племен».

Нач. ИНО подпись
Уполном. подпись

Примечание: Сводка агентсообщ. за июль–август [19]29 г.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 395. Подлинник.

№ 107
Информационное сообщение ОО КРО ОГПУ Бурят-Монгольской области о ситуации в Северо-Восточной Монголии

№ 174/во
г. Верхнеудинск

28 декабря 1928 г.
Совершенно секретно
Серия «К»

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю
тов. Заковскому

При сем препровождаем для сведения копии материалов, полученных от тов. «Д.».

Приложение: упомянутое.

Начальник ОО ОГПУ БМР Ермилов
Начальник ВО Намжилон

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 183. Подлинник.

Приложение

б/н

18 ноября 1929 г.

Агентурные сведения о сев[еро]-восточ[ной] части МНР

1. После окончания работ VII партсъезда МНРП, на котором переменилось партийное руководство, на местах создалось напряженное положение, ибо до этого во всех учреждениях сидели приверженцы правого крыла в подавляющем большинстве.

В центральном аппарате МНР смена работников уже проходит, но до низовых аппаратов, по крайней мере в сев[еро]-восточном районе МНР это еще не докатилось.

Все старые работники со дня на день ждут смены, и благодаря этому ничего не делают. Никакой работы разъяснительного характера о решениях, принятых VII съездом МНРП, не ведется.

Заметно, что правые круги начали вести работу по объединению единомышленников, распускают ложные слухи и проч., к ним примыкают высшее ламство и быв. чиновничество.

Особенно это стало заметно за последнее время, с наступлением тепла. Этому благоприятствует и то положение, что на границе с МНР во Внутр[енней] Монголии, в Удзумчине[1] подъехал Панчен-Богдо с целой свитой своих служителей. По некоторым данным Панчен-Богдо окружают японские инструктора под видом коммерсантов. Панчен-Богдо имеет намерение, по сведениям, весной выступить против МНР с целью изгнания большевиков.

Местное население намерено весной пойти к нему на поклонение, и с этим временем, возможно, будет связано и его выступление.

В Югодзырском районе имеет постоянное пребывание так называемый Югодзыр-лама, этот лама нынче отлучался куда-то из своей резиденции на довольно продолжительное время, предполагается, что он ездил к Панчен-Богдо для установления связей.

О баргутах:

Большая часть из них кочуют обратно в пределы Барги, есть данные, что среди [н]их желание бороться за независимость Барги не остыло.

Доверие к Мэрсэ сильно пошатнулось, считают его изменником.

Правые круги сеют среди баргутов недоверие к СССР, говоря, что Халха оказала бы им помощь во время восстания, но СССР запретил это сделать[2].

Начальник ООКРО ОГПУ Б.-М. области Костандогло

Уполномоченный КРО Волохов

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 194. Заверенная копия

№ 108
Информационное сообщение ВО ОГПУ о положении на Дальнем Востоке

б/н Не позднее 31 декабря 1929 г.[1]

Материалы, поступающие за последнее время с Дальнего Востока, говорят об усилении японской агрессии на Внешнюю Монголию и наш ДВК. Эта агрессия идет как по линии усиления экономических позиций и закрепления политического влияния во Внутренней Монголии (монгольские районы собственно Китая), так и усиления разведывательной работы на Внешнюю Монголию и ДВК[2].

1. Японская работа во Внутренней Монголии

Работа японцев во Внутренней Монголии идет по линии использования феодально-ламской знати, под лозунгом создания «Автономной Монголии», свободной от китайского влияния. Так, на состоявшемся в ноябре 28 г. съезде монгольских князей в Мукдене японские представители Во-И-Цзен и Во-Шоу-Цзи[3] заявили: «...Япония глубоко чувствует все притеснения и обиды, наносимые Китаем населению Внутр. Монголии. Япония видит, как у монгол отнимаются земли, как монголы, хотя и считаются подданными Китая, не имеют никакого политического влияния. Несмотря на это, Япония, ввиду возможности дипломатических осложнений, не может явно оказать помощи Внутрен[ней] Монголии. Но японцы имеют возможность оказать помощь косвенно. В Японии собран капитал в 20 миллионов долларов, который предназначается на работу по организации из Монголии автономного государства. Сначала надо устроить школы, улучшить способы ведения скотоводства и т. д. Для организации войск в хошунах Япония даст средства и вооружение и т. д.».

Дело не ограничивается только этим заявлением, а находит конкретное претворение в виде отпуска монг. князю Чжан Гуанлиню нескольких десятков тысяч долларов, который вместе с японскими агентами отправился в Джоудаский сейм для

работы. Одновременно ЮМЖД[4] – японская [сторона] отпустила крупную сумму на подготовку автономистского движения в Монголии. Эти деньги были переданы монг. князьям Чжан Вэню и Чжао Хуаминю с контролем над ними со стороны Во-И-Саня[5].

Для большего укрепления своего влияния над этими князьями японцы созывают целый ряд совещаний, создают ряд «обществ», призванных объединить их, направить их действия в нужном направлении и заставить проводить японскую работу в мон. р-нах. Так, в январе [19]29 г. в Мукдене создано «Общество сближения между японцами и монголами», в Дайрене организовано «Общество самоопределения монгольской и маньчжурской народностей» и т. д.

2. Баргинское восстание и японцы

В свете этой установки характерно Баргинское восстание [19]28 г., по документальным данным оказавшееся простой японской инсценировкой, направленной на создание беспорядков в Маньчжурии (для ввода войск и занятия КВЖД[6] для «сохранения порядка») с одной стороны и, с другой, для вовлечения в эту авантюру Внешней Монголии с последующим возможным образованием «Объединенного Монгольского государства», под протекторатом той же Японии. Так, бывший главком «Баргинской повстанческой армии» Ульдзий на допросе показал: «...Связь с японцами поддерживалась через Хайларского японского резидента, а руководство исходило от японского консула в Мукдене. Связчиком Мерсэ (предатель, б. член Президиума Профинтерна, руководитель Баргинского восстания, японский агент) являлся Мажап».

В другом месте: «...Японцы укоряли Мерсэ в том, что он неправильно разрушал железнодорожное полотно, т. е. вместо того, чтобы выдернуть костыли и вызвать крушение поезда, снимал рельсы и шпалы, а это заметит всякий машинист. Японцам, по-видимому, нужен был большой эффект».

Дальше: «... Мерсэ просил японцев о помощи оружием и воздействования на китайцев (Чжан Сюэляна) в предоставлении автономии Барге, обещая [в] благодарность за это помочь агрессивным тенденциям Японии во всей Монголии и проведению стратегической железной дороги к Халхин-Халун-Аршану[7]. В письме Мерсэ указывал, что он сумеет осуществить японские планы в отношении Внешней Монголии».

Для большей иллюстрации японо-монгольских отношений в Баргинском восстании, прилагаем копию проекта договора между повстанцами и японцами[8].

3. Японская работа на Внешнюю Монголию и ДВК

Эта работа японцев не ограничивается Внутренней Монголией, но делает попытки к распространению и на Внешнюю Монголию. Так, начальник японской военной миссии в Харбине полковник Андо, в телеграмме на имя капитана Терада (разведчик), писал: «...Подлинным врагом монгольских племен является Красная Россия, угнетающая ныне Внешн. Монголию».

Характерна в этом отношении вербовка японцами ганчжурского гэгэна (глава одного из монастырей Внутр. Монголии)[9]. Так он сам (гэгэн) на допросе показал: «...Японский консул в Маньчжурии, пришедший ко мне, преподнес 2000 тугриков

и заявил, что им необходимо получить на материке немного сухой площади земли». Затем предложил повести политику присоединения Внешн. Монголии к Барге и просил у меня поехать, в сопровождении одного японца, в г. Улан-Батор для ознакомления с политическим положением во Внешней Монголии...»

Кроме использования для разведывательно-шпионских целей отдельных представителей ламско-княжеской знати, японцами проводится большая работа по использованию бурятских эмигрантов, находящихся в пределах Барги и Маньчжурии. Так, в Баргинском восстании активное участие принимал известный белый эмигрант Цыден-Еши Цыдыпов, а полковник Тапхаев является японским резидентом в Хайларе в течение уже ряда лет. Последняя попытка массовой эмиграции бурят Агинского аймака АМБР[10] в пределы Маньчжурии, как теперь выявляется, была подготовлена ламско-кулацкой подпольной организацией, имевшей непосредственные связи с закордоном и получавшей оттуда соответствующие директивы.

Все эти факты активизации японской работы во Внутренней Монголии, на Внешнюю Монголию и ДВК показательны в том отношении, что, видимо, являются конкретным претворением известного японского стратегического плана 1927 г.[11]

4. Китайская агрессия на Внешнюю Монголию

Одновременно с усилением японской работы, наблюдается также усиление китайской агрессии на Внешн. Монголию. Так, на собрании в Нанкине, посвященном памяти Сунь Ятсена, некто Чан-Чи свою речь закончил словами: «...Урга находится под контролем Красной России. Ее нужно вернуть».

В связи с избранием на последнем монгольском хурулдане (съезде) нового правительства в китайской печати появилось сообщение: «...В новом монгольском прве большинство русофилов, члены центрального военного аппарата присланы из России; Россия выдает монголам деньги на расходы, новое монг. пр-во нужно рассматривать как филиал правительства СССР... Китайцы должны обратить на это сугубое внимание».

Этими настроениями дело, однако, не ограничивается. Правительства Нанкина и Мукдена[12] развернули во Внутр. Монголии и Синьцзяне чрезвычайно интенсивную подготовительную работу для покорения «взбунтовавшейся», по их мнению, Внеш[ней] Монголии.

Так:

1) В пограничных с Внешней Монголией р-нах Синьцзянской провинции и Внутр. Монголии, по приказу Нанкинского пр-ва, сосредотачиваются «на всякий случай» значительные войска.

2) Во Внутр. Монголии ведется усиленная проработка феодально-реакционного элемента: князей, ламства и чиновников. Характерен в этом отношении съезд монгольских князей в Мукдене, на котором генерал Чжан Сюэлян, предлагая «стремиться к достижению полного согласия между князьями и провинциальными властями», уверял, что он «приложит все старания, чтобы сохранить за князьями их привилегии». Далее, на состоявшемся здесь же частном совещании Чжан-Сюэлян ставил два вопроса:

а) О расквартировании во Внутр. Монголии, в пограничных с Внешней Монголией р-нах, китайских воинских частей, о нарезке им земли и устройстве, таким

образом, военно-земледельческих поселений для, как говорилось, «обороны границ».

б) О практических мероприятиях по возвращению в состав Китая Внешней Монголии.

Целый ряд монгольских организаций в Нанкине и Мукдене: «Союз монгольской культуры», «Общество изучения Монголии и Амдо», «Комитет по монгольским делам», «Монголо-китайский клуб» и т. д., возглавляемых китаефильскими князьями и интеллигенцией, подготавливают во Внутрен[ней] Монголии общественное мнение для будущего захвата Внешней Монголии.

3) Одновременно усилились репрессии к левым элементам Народно-революционной партии Внутренней Монголии. Так, генерал Янь Сишань[13], пользуясь открытым переходом на их сторону лидеров последнего Баргинского восстания (Мерсэ и др.), объявил всю прежнюю работу МНРП Внутрен[ней] Монголии[14] «вне закона» как коммунистической и распорядился об изгнании из Внутрен[ней] Монголии всех членов МНРП, которые в прошлом вели активную народно-революционную работу.

4) Чжан Сюэлян использует в своих целях Панчен-Богдо, известного буддийского «святого», пользующегося чрезвычайно большим авторитетом в монгольских массах и во время последней поездки Панчена во Внутр. Монголию поручил ему вести среди монгол агитацию за «объединение всех монгольских племен под протекторатом Китая». Чжан преподнес Панчену в подарок 20 000 долларов. Далее, постановка в последнее время Чжаном вопроса об организации в Мукдене «Монголо-маньчжурского клуба» с назначением председателем этого клуба Панчен-Богдо свидетельствует о том, что Панчен все больше и больше вовлекается в захватнические планы Чжан Сюэляна.

Все эти данные, а также происки отдельных представителей Нанкинского пр-ва, [в целях] найти поддержку в самой Внешн. Монголии, в руководящих кругах ЦК [М]НРП и правительства достаточно ярко характеризуют ту реальную угрозу независимости Внешн. Монголии, которая имеется со стороны Китая.

Здесь нужно учесть невозможность найти грань между работой, проводимой японцами и китайцами, ибо все эти «общества» и проч. одновременно руководятся как китайцами, так и японцами, с известным преобладанием в тех или иных случаях.

5. Положение во Внешней Монголии

При наличии активизации японо-китайской работы на Внешн. Монголию особое значение имеет политическое положение в самой Внешн. Монголии. Следующие моменты:

а) рост в стране активности реакционных, ламско-феодальных элементов, идущей под знаком приглашения нового Богдо «на смену народно-революционной власти»;

б) появление Панчен-богдо в пограничных районах Внутр. Монголии и связанное с этим брожение не только среди населения, но и армии Внешней Монголии;

в) рост «панмонголистских» настроений, которые проникают даже в руководящие круги [М]НРП (секретарь ЦК МНРП Бадрах пытается развернуть широкую

работу среди монгольских племен Синьцзянской провинции с тем, чтобы добиться объединения этих монгол с МНР и образования «объединенной Монголии». Кроме того, Бадрах поддерживает еще другой проект левых членов ЦК МНР[П] Внутр. Монголии об организации самостоятельного союза монг. племен с мусульманами Ганьсу и Синцзяна;

г) сохранившееся влияние ламства и феодальных элементов и враждебное отношение их к новому «левому» руководству – все это говорит о том, что политическое положение в самой Внешней Монголии нельзя считать пока что устойчивым.

Отсюда, при возможной авантюре на синьцзяно-монгольской границе (линия Бадраха), возможных выступлениях в отдельных районах самой Внешн. Монголии, при наличии дальнейшего усиления японо-китайской агрессии встает реальная опасность потери Внешн. Монголии и превращения ее в плацдарм для интервенции против СССР (унгерновщина, ставка на отторжение ДВК).

П.п. Врид пом. нач. ВО ОГПУ Балдаев

Пом. нач. 1 отделения Павлов

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 211–212об.
Машинописная копия.

Приложение

Проект договора баргинцев с японцами

1) Просим добиться полной автономии Барги путем давления как с государственной стороны, так и со стороны внешней на правителя 3-х Восточных провинцийй Китая – Чжана.

2) Просим немедленно задержать посылку войск из 3-х восточных провинций в Баргу.

3) Имущество японских граждан, находящихся в Хулунбуире, мы обязуемся всемерно охранять.

4) Просим прислать своего представителя, чтобы договориться о формах нашей связи и помощи.

5) В будущем будем оказывать всяческую помощь подданным Японии, которые будут заниматься торговлей и промышленностью в Хулунбуире.

6) Просим оказать помощь войсками и оружием в борьбе Хулунбуира за автономию.

7) Наш союз будет посредником в установлении связей Японии с Внешней Монголией и всячески этому содействовать.

8) После завоевания автономии Хулунбуира – немедленно поднимем борьбу за автономию всей Внутренней Монголии, в этом также надеемся на помощь Японии.

Верно: уполномоченный КРО ПП (Широков).

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 213.
Машинописная копия.

№ 109
Информационное сообщение по восточному району МНР за ноябрь–декабрь 1929 г.

№ 41635 2 января 1930 г.
г. Улан-Батор

О ходе работы по конфискации имущества феодалов

По данным от 16 ноября 29 г. комиссия, проводившая реквизицию имущества бывш. феодалов по Егузэрскому хошуну[1], в лице зам. нач. местного отделения ГВО Бат-Очира и быв. военкома 5-го кавполка Ширабазара, ныне отозванного в Улан-Батор, допускала некоторые неправильности. Так, например, продавая реквизированные байшины (здания), заранее распределяла кому какой байшин продать и предлагала китайцам и Стормонгу[2] уже намеченные для них постройки. Причем одна усадьба с домом была оставлена для общественной столовой, но на самом деле в этом доме поселился указанный Бат-Очир – член комиссии. По словам местных жителей и китайцев он эту усадьбу купил для себя. Кроме того, при описи имущества Егузэр-ламы выявлено очень мало ценностей. Так, оказалось описанным: около 30 штук ямб[3] серебра, 87 шт. лян золота и незначительное число разных тырлыков[4] и шуб. Совсем не оказалось ни одной шубы на пушном меху; разных седел с серебряной и золотой оправами, между тем, того и другого у Егузэр-ламы было значительное количество. Нынешним летом во время торжественного празднования им своего юбилея было собрано около 10 000 тугриков, но денег тоже не оказалось совсем. Видимо, все его ценности попрятали его нярбы – завхозы.

Настроения в связи с конфискацией имущества феодалов

По данным от 30 ноября [19]29 г. переводчик восточной райконторы «Монголтранса»[5] Барлой, по происхождению бурят, член Ревсомола, в прошлом правоуклонист и ближайший родственник и приверженец известного бурята Жамьяна Жамбалова[6], ныне исключенного из МНРП и уволенного по чистке госаппарата со службы из Управ. уполн. МИД, рассказывает, что феодалы, подвергнутые конфискации имущества и чистке из рядов партии и госаппарата, сильно недовольны примененными к ним мерами правительства и говорят, что они все равно, рано или поздно постараются восстановить свое прежнее положение времен монархии при помощи китайцев. О некоторых мерах, предпринимаемых феодалами в этом направлении, ничего пока не известно, и он ничего не говорит.

Сведения из Егузэра[7] (перевод с монгольского)

1) Председатель данного хошунного управления (Егузэрского) избран гр. Содов. Характеристика его такова: в прошлом бывший лама, в прошлом году он управлением ламства был исключен из звания ламы и перешел в гражданство. В нынешнем году он поехал в аймак (Ундурхан) на службу в тамошний дивизион, где прослужил в течение нескольких месяцев, получил небольшое образование. Управделами и зав. административным отделом избран по назначению военного

министерства один молодой человек (фамилия неизвестна) из Цэцэрлэгского аймака, который по прибытии приступает к приему дел и должности.

На остальные второстепенные должности избраны гр. гр. местного хошуна, кои уже работают. Работоспособность их еще в достаточной степени не выявлена.

2) При второй чистке летом и осенью партийной ячейки № 4 и ячейки молодежи № 5 и ячейки № 6 вычищено очень много членов, поэтому настоящих членов за эти несколько месяцев осталось очень мало.

3) Имущество феодалов в данном хошуне собрано, из коего в целях создания разных видов артели собирали собрания аратов. Последние хотя сразу не согласились на этом, приступают к организации, но многие еще не вполне представляют себе значение этих организаций. Поэтому впоследствии могут поднять разные разговоры (факты не указаны).

4) Из ламства данного хошунного хийда (Егузэр-хийда), начиная с осени с. г., некоторые стали пьянствовать, в пьяном состоянии ругать и угрожать посторонним, позволяют весьма развратную жизнь среди женщин, а также по личной воле уходящих из хида очень много. Всего ушло уже свыше 70 человек лам.

5) Проживающим в местном хошуне китайцам на выезд им в родные города существует запрещение, но в последнее время им было разрешено раза два съездить. Закупленное ими здесь сырье, как то: кожа скотская и т. п. вывозить за границу запретило отделение ГВО. В данное время в районе ощущается недостаток разных предметов. Поэтому нужды многих аратов все больше увеличиваются.

6) Местный пограничный 19-й эскадрон, охраняющий границу, от черты границы расположен вовнутрь на расстоянии более одного уртона (станции). Проживающих в несколько сот юрт аратов на южной окраине данного хошуна они не пускают к старым жилищам, заняв эти места сами под свои жилища и под пастьбу своего скота. Поэтому араты указанной окраины, будучи лишены своих старых стоянок, сильно недовольны, говоря, что нас стреляют и настало такое нехорошее время.

О стремлении лам к переходу в светское состояние

По данным от 16 октября с. г. с 15 октября по 2 ноября рядовые ламы Егузэр-хийда подают заявления в Егузэрское хошунное управление о желании перейти в светское состояние. За указанный период подано около 70 штук заявлений. Из разговоров лам видно, что в текущую зиму перейдет в светское состояние не менее чем половина ламства Егузэр-хийда. Заявления подает в большинстве молодежь. Всего лам в хийде насчитывается около 2000 человек.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 168–181. Машинописная копия.

№ 110
Воззвание участников собрания в г. Улангом в защиту религии

195с/ВО
г. Верхнеудинск

6 января 1930 г.
Совершенно секретно
Серия «К»

г. Новосибирск
ППОГПУ по Сибкраю

При сем препровождаются копии монгольских материалов (сводки) по 2 экз. – для сведения.

Приложение: упомянутое.

Нач. Облотдела ОГПУ БМР Бодеско
Нач. Восточного отделения Кичиков

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 294. Подлинник.

Приложение

№ 41570 4 ноября 1929 г.

Улангомское воззвание[1]

«Да будет блажен мир во вселенной.

Наступает восьмая годовщина и начало девятого года, как установилась власть (государство) данной партии. Это, как говорят, вполне определенно и в положительном смысле выяснилось; но если задать вопрос, какая ситуация сложилась после захвата власти проклятыми судьбою и как в действительности познает наше братство, то очевидно, что привело к потере добродетелей у тех, кто был одарен судьбою: не видно хорошего, а, наоборот, развелось много худого. В чем заключается худшее? Оно заключается в том, что ламам монастырей стало трудно сохранять религию; чувствуется весьма сильное стеснение, таково стало состояние религиозной жизни.

Если взглянуть на настоящую жизнь и настроение аратства худонского, то при жизни лишь смута. Надо избавиться. Внутреннее погибло, впав в спячку под землей. Пишут в газете. Плохо то, что заглушалось прежней мыслью. Существующий строй еще не дошел до угнетения всех живых существ, но все же гнет стал сильнее».

Членов пять, аратов 40, аратов худона – 10, опять за ними – 55, и элементов три с объединенного согласия[2].

Перевод с тибетского на монгольский и русский.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 298.
Заверенная копия.

№ 111
Информационное сообщение Облотдела ОГПУ БМР о настроениях в тибетских кругах

№ 195с/ВО
г. Верхнеудинск

6 января 1930 г.
Серия «К»
Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю

При сем препровождаются копии монгольских материалов (сводки) по 2 экзем. – для сведения.

Приложение: упомянутое.

Нач. Облотдела ОГПУ БМР Бодеско
Нач. Вост. отделения Кичиков

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 294. Подлинник.

Приложение

№ 41589

11 ноября 1929 г.

В тибетских кругах

По словам бурятского лекаря Демчика Норбоева (см. № 41468[1]) какие-то два тибетца, выехавшие в Лхасу в прошлом году, убиты там. По этому поводу Гун Гомбоджав (учкомовский) говорит, что надо ожидать, такая же участь постигнет и донира по возвращении в Тибет.

Тибетский торгпред Няньдигла говорит о себе: «Я в течение 15 лет работаю у Далай-ламы по торговле с Монголией. Во время русско-германской войны я приезжал в Монголию и оттуда ездил в Бурятию; жил в Троицкосавске у Бамбаева (переводчика) и закупал разные ценные вещи, вроде коралла и т. п. Затем я отправился в Тибет и вскоре вернулся в Монголию. Последний раз я приехал сюда в 1927 г. с уполномоченным советского правительства Чапчаевым[2], который ездил в Тибет с визитом к Далай-ламе. Я много помогал ему в Лхасе при свидании с высшими чинами и самим Далай-ламой, но вскоре я на опыте убедился, что во время обратного следования по пути в Монголию, что он – нехороший человек, не может держать себя при дипломатических и прочих разговорах. Человек весьма нервно настроенный, злой, в нем отсутствует минимальная доля добродушия, весьма с большим сомнением, упрямый и жестокий на словах. С ним, по-моему, может ужиться только китаец, потому, что китаец такой народ, они все время будут смеяться, сколько бы ни впитывали в себя злобу против вас. Мы все время не ладили с Чапчаевым и его спутниками. По-моему, он человек недостаточно образованный и главное, недостаточно воспитанный. Думаю, что он мог бы быть хорошим слугой в доме, а не вести дипломатическую работу. Будучи в Лхасе, Чапчаев ругался с секретарем Далай-ламы за то, что тот не ус-

коряет дела свидания с Далай-ламой. Вообще он старался не подчиняться законам страны, которые, кстати, писались действительно не по характеру Чапчаева. Когда мы ехали из Лхасы, у Чапчаева и его спутников были яки, а у нас верблюды. Пожалев Чапчаева, я предложил ему в пустыне Сартын пересесть на верблюда, за что он даже не поблагодарил. Частенько выпивая, Чапчаев говорил совершенно безответственные слова тибетцам в Лхасе (какие именно безответствен. слова, Няньдигла уклонился сказать). Вот Борисов[3], по сравнению с Чапчаевым – человек с большим умом. Хотя он допустил в 1925 г. по возвращении из Лхасы в Урге резкую грубость против меня и донира и даже обругал нас за то, что якобы мы подавали письменное ложное представление Далай-ламе о гонениях со стороны красных на религию в Бурятии, которую они, мол, стремятся совершенно уничтожить. Борисов тогда говорил: «Я не против правдивых докладов Далай-ламе, но врать совершенно не допустимо». В то время мы никаких докладов Далай-ламе не писали, т. к. нам тогда это не удалось бы и сделать, ибо письма доходят через 7–8 месяцев, даже через год.

Няньдигла говорит, что здесь заказал через Полпредство СССР в Стормонге парчу, и если она не будет готова скоро, то думает сам съездить в СССР – в Москву и Ленинград, если только сейчас в России все спокойно.

24 сентября я посетил Чойбалсана[4], говорить с которым не удалось, так как он очень занят на сессии М. Хурала. Но мое внимание обратила [на себя] фотографич. карточка тибетского ламы Дольма-Лхакана, имеющаяся у Чойбалсана. Чойбалсан объяснял, что Дальма-Лхакан является его бакшой (учителем). Прим. прошл. донесениям известно, что Дальма-Лхакан имел тесную связь с Орос-Гомбо и был, очевидно, посвящен во все его планы (см. № 41169[5]). По словам одного тибетца, брат Дольма-Лхакана – английский шпион.

Согласно заданию о связях местн. тибетцев с монголами, из разговора с тибетским дониром Лобсан-Чойдоном он выяснил, что тибетцы имеют связь по торговым делам с Чойбалсаном, Гэлэгсэнгэ, а по делам правительственным только с мин. ин. дел Гурсэдом и управделами МИД Амгаланом, который по временам захаживает к ним, т. е. дониру и Няньдигла. Связи с монг. ламами донир как будто не имеет, помимо чисто официального знакомства с дэд-хамбо.

Донир хвастает, что теперь часто видится с т. Охтиным и ведет с ним какие-то важные переговоры, но разошлись во взглядах и вряд ли удастся сговориться. Ни каких переговоров с дониром не ведется.

Няньдигла говорит: «Мы имеем знакомство с русскими представителями, но никаких официальных связей не имеем и близости избегаем. В позапрошлом году, перед тем как послать людей в Тибет, мы получили взаимообразно несколько дес. тыс. рублей (всего ок. 60 000 руб.) у русских и сейчас нам надо уплатить в погашение их 30 000 р. Люди, кажется, думают, что мы в очень хороших отношениях с русскими представителями в Монголии, но это совсем не так, ибо мы стараемся связываться с ними постольку, поскольку этого требуют в данное время интересы развития торговли между Монголией и Тибетом. В свое время мы послали через своего представителя Лобсан-Чойндона трех тибетцев в Россию для того, чтобы они получили соответствующее образование. Таково было желание Далай-ламы, который является вообще сторонником посылки молодых людей на учебу за границу. Им, конечно, пора вернуться на родину, но у них этого желания нет, и они

все время настаивают остаться еще на несколько лет в России. Имеются долги, которые нам нужно собрать с некоторых аратов за продажу им тибетского сукна и др. предметов тибетского производства, привезенных нами из Тибета, которые мы рассчитывали собрать до весны 1930 г., после чего сразу мы намерены отправиться на родину, т. к. обстановка в Монголии резко изменилась и нам приходится опасаться возможной конфискации нашего достояния, вернее, казны Далай-ламы.

Тибетец Чойнцзодба, поступивший слушателем в У.-Баторск. Партийную школу, говорит, что в Монголию прибыл 5 лет т[ому] наз[ад] и принял монгольск. гражданство. В партшколу поступил по своему желанию через ЦК МНРП. Связи с тибетцами будто бы не имеет.

Примеч.: Чойнцзодба – брат того тибетского гэгэна, которого рассчитывали вместе с его учениками послать в КУТВ, но он отказался. Была предпринята попытка, послать Чойнцзодба, но он также не пожелал ехать в Москву.

Тибетцы снарядили караван верблюдов в Тибет, который вчера отправился, повидимому, в путь, т. к. у донира застал лам, которые по обыкновению читали напутственные молитвы.

Торгпред Няньдигла говорит: «В Монголии жить стало невозможно. Много приходится встречать неприятностей, особенно со стороны местного законодательства. По-моему, в скором времени в Монголии тибетцев совсем не останется, т.к. монгольское правительство не пропускает людей из Тибета, задерживает их на границе. Для того чтобы приехать в Монголию надо иметь на руках разрешение правительства, а заполучить это разрешение, находясь в Тибете, очень трудно. Наши тибетцы, находящиеся при мне и при донире поедут на родину; а вместе с нами и еще некоторые тибетцы, проживающие в Монголии, останутся здесь лишь те, которые по материальным и другим соображениям не смогут выехать. Из оставшихся тут тибетцев вряд ли кто останется в живых; все умрут и через короткое время ни одного представителя нашей нации не будет в Монголии. Мы рассчитываем выехать в декабре будущ. 1930 г. Донир останется здесь до тех пор, пока Далай-лама не пошлет на смену ему другого человека, а может быть, Далай-лама и вовсе не сочтет нужным посылать представителя в Улан-Батор; тогда донир со всеми своими слугами поедет на родину. Об этом он давно сделал представление и ждет ответа от Далай-ламы. Наши тибетские студенты останутся в СССР еще на три года, а потом, когда кончат учебу и получат специальность, тогда они поедут все втроем в Тибет. Опасаюсь, как бы они не разложились; хотя, по-видимому, русское правительство уделяет много внимания их воспитанию, но как молодые люди, они могут быстро поддаться дурным влияниям. На вопрос, рассчитывает ли Няньдигла вернуться опять в Монголию, ответил: «Все будет зависеть от Далай-ламы: если он прикажет опять ехать в Монголию – поеду, прикажет ехать в СССР, Китай или Индию, также обязан буду поехать. Если бы тибетцам не запрещали доступ в Монголию, как это было раньше, то в это время уже приехали бы, или, по крайней мере, ожидались бы в Улан-Батор тибетские торговцы. Но теперь вот уже второй год никто не приезжает оттуда и не будут приезжать в будущем, т. к. знают, что это запрещено монгольским законодательством».

Касаясь экономического положения Монголии, Няньдигла говорит: «Чем могут монголы гордиться, это только войлок и войлочные юрты, которые еще кое-как,

благодаря своим овцам, производят монголы, а все остальное они ввозят из Китая и из Советского союза. Они (монголы) не могут даже заниматься землепашеством и производить всякие вещи домашнего обихода. Тибетцы по сравнению с монголами ушли далеко, они производят не только спички и посуду (горшки, чашки, тарелки), но даже сукна, ковры и оружие. Когда я ехал сюда, то подарил русскому полпреду глиняный чайник с подставкой (зеленого цвета) тибетского производства; он очень интересуется такими вещами. На нашем тибетском военном заводе производят винтовки собственного образца, такие же, как русская пятизарядка. Когда я ехал сюда, то вез с собой одну такую тибетскую пятизарядку, которую хотел подарить также русскому представителю, но во Внутренней Монголии меня предупредили, что монгольская власть не пропустит оружия, и я вынужден был оставить ее там. Русский представитель очень интересуется Тибетом; говорит, что Тибет – это таинственная и очень богатая страна; он говорил это, наприм[ер], у себя на банкете. Когда я спросил, откуда он знает, он ответил, что так написано в книгах. Я сказал, что в книгах пишут одно, а на деле бывает другое; он с этим согласился. Потом мне русский полпред сообщил, что ехать в Тибет на аэроплане нельзя, а нужно на особом воздушном шаре». Няньдигла очень беспокоится о своем заказе на парчу и опять намекал на необходимость ехать в Москву, чтобы поторопить исполнение заказа, иначе не удастся выехать на родину в будущем году. Опять ругал Чапчаева, доказывал, что такой человек может только повредить государственным отношениям.

Потом Няньдигла сообщил, что от посторонних людей ему стало известно, что Агван Дорджиев должен в нынешнем году приехать в Улан-Батор и видимо, желая как бы проверить, спрашивал, где находится Агван в данное время и действительно ли приедет сюда.

Донир очень хорошо отзывается об Агван Дорджиеве, считая его умным и энергичным человеком.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 308–311. Копия.

№ 112
Информационное сообщение Облотдела ОГПУ БМР о настроениях в среде ламства

№ 1966/ВО — 13 февраля 1930 г.
г. Верхнеудинск — Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю

При сем препровождаются копии монгольских материалов (сводки) – для сведения.

Приложение: упомянутое.

Нач. Облотдела ОГПУ БМР — Бодеско
П/упол. ВО — Дашепылон[1]

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 331. Подлинник.

Приложение

№ 41647 5 января 1930 г.
г. Улан-Батор

Ламство[2]
(сводка за ноябрь–декабрь 1929 г.)

Гэскуй (настоятель) хошунного монастыря Дачин-бесе хошуна Дэмбэрэл-сан по собственной инициативе произвел сбор продуктов для голодающего населения и пытался раздавать их, но большинство аратов отказались (за исключением двух) воспользоваться этими продуктами. На почве помощи голодающим ламы хотели завоевать авторитет в ущерб мероприятиям правительственных организаций[3].

Лама Чултэм Дуйнхор-аймака Гандана распускает слухи о том, что комиссия по конфискации имущества феодалов присваивает себе часть конфискуемого. Лама Батмунх из Дзун-Хурэ распространяет слухи о том, что арестованный Заяын-Гэгэн обладает сверхчеловеческой силой, при помощи которой он сможет уйти из тюрьмы.

Ламы недовольны конфискацией имущества феодалов, уверяя, что это повлечет за собой сокращение поступлений пожертвований на хуралы.

В одном из аймаков Гандана при выборах уполномоченных большинством прошел Ванчиг-лама, консерватор из высших лам. Низшие ламы, пытавшиеся провести своего кандидата, опротестовали его избрание.

Богачи и ламы Хоёр-Ульдзийт Агулинского аймака собрали средства в помощь голодающим, но бедняки отказались принять эту помощь.

Лама Сунги-аймака Дашням уговаривает лам лояльно относиться к современной власти, указывая на то, что религия не преследуется и по-прежнему процветает спокойно. Среди лам циркулируют слухи, что вслед за конфискацией имущества богачей, последует конфискация монастырских ценностей.

По мнению прогрессиста Сэрэтэра (ганданский габджу) аграмба Гомбожав и Эрдэнэпил (прогрессисты, члены Духовного совета) – неважные люди. Возглавлять реформацию церкви они не могут, но их и не приходится рассматривать в качестве таких великих реформаторов. Их роль довольно скромная. Гомбожав играет теперь роль прежнего шанцзотбы, который управлял духовными делами при Богдо-Гэгэне, и он во всяком случае лучше прежнего шанцзотбы. Шанцзотбы всегда были плохими ламами: пили, курили, развратничали. Очевидно, самая эта должность предрасполагает людей к этому[3]. Нынешний «шанцзотба» Гомбожап тоже плохого поведения, как и близкий к нему Эрдэнэпил, но так же, как и прежние шанцзотбы, отличается знанием монгольской письменности. Но если прежние шанцзотбы ничего кроме монгольского письма не знали, то Гомбожав все же не без образования (в смысле знания тибетской литературы). Про Эрдэнэпила этого нельзя сказать. Напрасно также обвиняют Гомбожава, что он не по праву перенял печать шанцзотба-хамбо. Ранее эта печать была у шанцзотбы, а с упразднением этой должности перешла к ёнзон-хамбо и теперь к Гомбожаву. В Гандане пока подвергся конфискации один лишь габджу Сандагдорж (о нем сообщалось ранее),

но у него взяли так мало, что закрадывается сомнение, не заодно ли с ним те, кто проводил конфискацию. У Завадамдина (см. пред. сводку) опечатали имущество по той причине, что у него оставил свое имущество его родственник – небольшой хубилган.

Член Духовного совета Шотдов говорит, что в Сангай-аймаке проживает лама Дамби, близкий друг Эрдэнэпила, который, будучи нирбой своего аймака в течение года сильно разбогател, по-видимому нечист на руку. Теперь Эрдэнэпил сделал его штатным ламой при дворце Богдо-гэгэна в Дзун-хурэ. Он растащит все имущество дворца. Духовный совет затрудняется куда сдать золотую печать Богдо-гэгэна и грамоту его[4], т. к. их могут украсть.

Аграмба Гомбожав жалуется, что против него и Эрдэнэпила расклеиваются какие-то листовки в Гандане. Он по-прежнему очень интересуется Марксом и Лениным.

Тибетский донир жалуется, что монголы чинят препятствия на въезд тибетцам в МНР.

Лекарь Дэмчик Норбоев рассказывает, что получил письмо от Агвана Доржиева через Ц. Е. Гочитского с предложением немедленно вернуться на родину, но сделать этого не может до тех пор, пока не приедет сам хамбо Агв[ан] Доржиев. Был по этому поводу у Дашипилона-Гочитского Ц. Е., который ответил так: «Когда я был в Москве, то хамбо Агван Дорджиев говорил мне об этом, но я ему ответил: “Вы сами не можете найти себе места в Советской России, к чему же хотите затащить сюда Дэмчика, которому придется столкнуться с теми же притеснениями, какие испытывает каждый несоветский человек”».

По словам бурятского ламы Шойсорона, проживающ. в Сунги-аймаке в Гандане, один ганданский лама (фамилию ламы скрывают) в конце лета ездил в Панчен-Богдо на поклонение[5] и вернулся через три месяца. Он рассказывает, что Панчен живет в Пандита-гэгэновском хийде и по временам дает священные наставления «ван и лун»[6]. К нему из Внешней Монголии часто ездят паломники на поклонение. У дверей помещения Банчена стоят двое монгольских цириков в качестве его телохранителей. Во Внутренней Монголии спокойно и нет никаких притеснений, люди живут по-старому. Шойсорон говорит, что его мать два года тому назад поехала в Утай-Шань, и с тех пор он о ней не слышал, а указанный лама ее встретил у Банчена. Она поехала дальше в Утай-Шань и послала мне привет и просила передать, что вернется на родину только в том случае, если установится прежний строй.

Из Пандита-гэгэновского монастыря приехал бурятский лама Пурбо из Цонгольского дацана[7]. Выехал из Пандита-гэгэна 17 августа. Там жил около 10 лет. По его словам, Банчен прожил в Пандита-гэгэновском хийде до конца лета и в октябре со свитой своей около 40 чел. выехал на автомобилях в Мукден.

По словам дэд-хамбо, хуралы в Дзун-Хурэ проходят с большими перебоями. Ламы, которые раньше отпускали большие деньги на хуралы, теперь прекратили их субсидирование, потому что большинство богатых лам подвергают конфискации. Результаты конфискации уже сказываются. Ламы не в состоянии дольше выдерживать натиск народного правительства и партии. Постановление правительства об обязательном обучении хувараков монгольской грамоте[8], влечет за собой

фактически отмену хувараков, т. к. теперь их будут воспитывать (обучать) представители правительства и партии. А они, во всяком случае, не будут ограничиваться преподаванием языка, а будут стараться вдолбить в головы хувараков идеи невыгодности посвящения себя в духовное звание.

Тибетский перерожденец Долма Лхакан: «В Монголии все меняется к худшему: чуть приметили богача, сейчас же начинают его притеснять налогами, конфискацией имущества и т. п. Вновь избранные члены Духовного управления – люди недостаточно выдержанные, легковерные, добивающиеся какой-то «чистой», священной реформы. По моему мнению, в год «белого коня» (1930) произойдет хоть маленькая, но неизбежная перемена власти. В противном случае не останется надежды на светлое будущее. Характер монгол, особенно членов партии и Ревсомола, все ухудшается. Власти давно охотятся за нами с Сэмба-гэгэном[9], но мы, благодаря своей хитрости и умению, пока благополучно ускользаем».

14 числа Духовное управление[10] устроило собрание лам по аймакам, на котором выступали члены Духовного совета с докладами о работе Духовного управления и предлагали на усмотрение лам намеченные мероприятия по отмене почетных званий гэгэнов и почетных сидений в дацанах[11] (сиденья хамбо, цорджи и др.). Также предлагали рассмотреть вопрос о монгольской грамоте для лам и учета джасского имущества.

Бадма-Ёга дацан[12] в Гандане представляет центр всяких ламских процедур, связанных с чтением «гурэмов» по пророчествам высших лам. Все слушатели этого дацана являются последователями красношапочников, на этом основании их не терпят разн. ученые ламы-философы. (Примеч.: По заданию в связи с предпринятым ламами походом против данного дацана, закрытия которого добивается гандановский габджу (см. предыд. сводку).

Дэд-хамбо говорит, что представитель правительства в Дух. совете бывает редко на заседаниях. Старые ламы к нему относятся отрицательно, а прогрессист – доброжелательно.

Дзун-хурэнский лама Шутэн-аймака Наван говорит, что после VII съезда партии наблюдается выдвижение молодежи. Старые члены партии (выше 40 лет) систематически оттираются молодежью. В связи с такой переменой в политике партии, усиливается гонение на религию и ламство. Монголия во всем начинает подражать Красной России. Уже заговорили об объединении имущества, создании коммун и артелей.

Прибывший из Пандита-гэгэновского хийда бурят. лама Пурбо по фамилии Будаев происходит из Хилгантуйского (Цонгольского) дацана. В Пандита-гэгэне жил 12 лет, изучал философию Чойра. Жил на средства Пандита-гэгэна (вновь провозглашенный 6 лет т. наз. гэгэн) и получил деньги из Барги. Нынешним летом присутствовал на большом пророчестве Панчен-Богдо и удостоился звания ученика Его Святейшества Панчен-Богдо. На родину едет исключительно для сбора средств, необходимых для сдачи церемониального экзамена на габджу, звание которого должен получить через 7–8 лет. Выехал с намерением через год вернуться обратно, но не уверен в этом, т. к. сейчас очень усилились притеснения лам при переходе границы, как на монгольской, так и на русской стороне. Подал заявление о выдаче визы в сов. консульство и ждет разрешения, намерен выехать в Алтан-Бу-

лак, где у него имеется брат – Гомбожав. Если не дадут ему пропуск обратно в Монголию, то намерен остаться на родине в Цонгольском дацане.

Нижеследующая листовка на монг. языке подброшена сегодня в помещение Минпроса:

«Всем освобожденным, получившим государственное право, многим друзьям наша глубокая радость. Неотложных – два вопроса, да будете по ним следовать: 1. Доставьте монгольской ламской массе радость права и свободы беднейших и средних слоев ламства. 2. Беспощадно вырвите бич (усмирительную палку, применяемую для наказания лам у гэбгуенаров[13], блюстителей порядка в дацанах, пользующихся бамбуковыми дубинками). Этот бич есть инструмент угнетения низших лам деспотически-теократическим строем. Этот остаток деспотизма надо уничтожить раз и навсегда. Будет лучше, если вместо дубинки каждый у себя на дому будет соблюдать религиозный культ. В учении Будды говорится, что если ты совершил грех, то вымоли и очистишься от него, сам осуждая себя за нечистоплотные деяния, которые совершены тобою. Дубинка способствует лишь разжиганию антагонизма и вражды внутри ламства; она также способствует появлению злых намерений многих лам в отношении к своим. Так учил нас великий Будда[14]. Просим в срочном порядке отобрать дубинки у гэбгуенаров и поставить в известность об этом большинство лам к 1 декабря. Давайте все мы, как бедное, так и среднее ламство, решительно осуществим подавление богатых лам – представителей деспотической теократии. Будда говорил, что, может быть, мне придется в трудные минуты для моей религии прибегать ко всяким способам вплоть до перерождения. На основании сказанного выше учитель Ленин есть подлинное воплощение Будды.

Многим спокойным и способным товарищам – правителям страны шлем радостное приветствие среднего и беднейшего ламства.

Да живет долгие годы Монголия – мать народной власти.

Будем помогать строить государственную власть и религию, используя средних и бедных лам для обучения себя грамоте.

Да здравствует освобождение всего человечества от бедствий войны и радостная веселая грядущая жизнь.

Да здравствует освобождение из-под гнета бедных и средних лам и помощь их в религиозных и государственных делах.

Да здравствует освобождение большинства угнетенных бедных и средних лам из-под власти лам-реакционеров, богачей и угнетателей.

Да здравствует свобода бедных и средних лам.

Будем стараться находить своих врагов и возьмем их в руки. Тем самым вольемся в семью революционного светлого красного солнца.

Да здравствует эта радость».

Листовка украшена пятиконечными звездами и монг. государственным гербом. О ее происхождении существуют две версии: или она написана ламами в целях провокационных, или, возможно, авторами ее являются ревсомольцы или партийцы. (28 ноября. Перевод с монгольского с приложением фотоснимка).

Баргинец габджу Энх-Дугар-аймака Лувсанцэрэн рассказывает, что в Шутэн-аймаке стали группироваться реакционные ламы во главе с хубилганами и Кичик-габджу. Предположительно, их группа насчитывает свыше 20 человек. К ним при-

мыкают габджу озн[аченного] аймака – Пэрэнлэй, Наван-Осор. Возглавляет их организацию габджу Хубилган-аймака Лувсаншарав, который руководит этим движением. От них он был делегирован с поручением в Духовное управление и посетил его. Лама Ганданского субургана Тойсомлин-аймака Ёнзон говорит, что в Дашчоймбол дацан приходил Эрдэнэпил, который хотел через гэскуя собрать лам. Но ламы отнеслись к нему несколько недоброжелательно, что он покинул дацан ни с чем. Если еще кто появится там из Духовного управления, то ламы намерены устроить демонстрацию против него.

Бурятск. лама Шойсорон говорит, что [по] пророчеству 5-го Богдо осенью нынешнего года война была неизбежной[15], но она не выявилась почему-то в достаточно яркой форме. В том же предсказании указано на переворот в Монголии. По-видимому, войны не будет до весны, а с наступлением тепла она разгорится в широкой форме. Современное положение в Монголии не может быть дольше терпимо. Развернутое наступление на богачей и чиновников рано или поздно будет осуждено большинством аратов.

По словам Дзун-хуренского ламы Сандаг-рабджамба из Санги-аймака, Дзун-хурэнский лама Шамби в пр[ошлом] году осенью ездил в Утай-Шань и попутно отвез письма (кому – неизвестно). В нынешнем году летом на обратном пути он заезжал в Пандита-гэгэновский хийд, где виделся с Панчен-Богдо, которому поклонялся. В данное время этот лама проживает в Шутэн-аймаке.

Сандаг очень резко отзывается о политике нар. прав-ва. «Конфискация очень вредно отразится на аратском хозяйстве. В городе – масса русских, и они все прибывают. Можно сказать, что У.-Батор заняли русские. Русские устанавливают новые порядки и внесли в среду самих монгол разлад и вражду. Конфискация имущества феодалов – это дело рук русских. Этим мероприятием русские заложили основы (начало) обнищания монгол, а тем самым и окончательное их подчинение русским.

Бурятский лама Сондуй Санджеев из Цонгольского дацана прибыл недавно из Тибета, куда выехал в 1926 г. и жил в Лхасе. Выехал оттуда в октябре [19]28 г., по пути посетил Гумбум, Лавран[16] и Утай-Шань, а потом через Пандита-гэгэновский хийд вернулся в Ургу и намерен выехать в свой Цонгольский дацан. Сондуй Санджеев ехал в Тибет вместе с лекарем Дэмчик Норбоевым, который был командирован к Далай-ламе Агваном Доржиевым с подарками. В числе этих подарков была парча и устав новой власти в России (очевидно, Конституция), «Устав Красных», переведенный на тибетский яз. Агваном Доржиевым. Сондуй Санджеев живет в 1-м хороне, 8-й двадцатник, хашан № 233.

Ганданский лама Пандита-аймака Лувсандугар говорит, что старшие ламы Гандана, получившие звание габджинаров[17], недовольны новым составом Духовного управления, особенно прогрессистами. Большинство лам говорит, что Духовное управление намерено закрыть Бадма-Ёга дацан как противоречащий основным принципам «Дулбо-Виная». По этой причине ламы недовольны Духовным управлением нового состава, хотя официально о закрытии данного дацана еще ничего неизвестно, но ламы уверены, что этот вопрос разрабатывается в Дух. управлении. Ламы-старотеченцы[18] говорят, что Ёнзон-хамбо[19] маскирует себя в глазах народной власти, делая вид, что он прогрессист и проявляя некоторую активность в

смысле проведения всех советов народного правительства, а на самом деле был и остается истинным идеологом консерваторов (30 октября).

Лама Бадма-Ёга дацана Норбу говорит: «Наш дацан основан при 5-м Богдо и является особым исключением, отличным от желтой церкви тем, что мы строим все свои процедуры и ритуалы на основе «тарни» (заклинательный жаргон, похожий на иероглифы), а желтошапочные «Богдосы»[20] основой своего учения считают «Сотор» – обыкновенные простые религиозные обряды в виде сожжения Дзонхавы[21]. Прогрессисты являются настоящими идейными последователями желтошапочной церкви и нашими идейными противниками. Они не считают нас просветителями буддийской религии, никогда не ходят в наш дацан и не молятся вместе с нами. К нам очень недружелюбны их философы «чойри». Отсюда очень часто у нас происходят столкновения с прогрессистами и отчасти с консерваторами». Ламы Бадма-Ёга дацана ожидают, что прогрессисты скоро начнут усиленное наступление на них вплоть до закрытия дацана при поддержке правительства.

Дэд-хамбо: «Красная власть усиливает свое наступление на ламство. Уже декретировано, что в каждом аймаке Дзун-Хурэ и Гандана в обязательном порядке открываются школы для обучения хувараков монгольскому языку. Каждый раз правительство выпускает новые законы, по которым ламство так или иначе притесняется и ограничивается. Боюсь, что предстоящий VIII съезд народников[22] вынесет постановление, запрещающее посвящение в духовное звание и предлагающее всем ламам перейти в светское состояние».

Донир Лувсан-Чойдон говорит, что от Агвана Доржиева получено сообщение, что он сюда не приедет и скоро возвращается в Москву. Сюда намерен приехать весною.

Сэмба-гэгэн уже около двух недель никого не принимает, занят мистическим процессом «созерцания».

Шотдуб (член Дух. управления) говорит, что в нескольких местах в Дзун-хурэ расклеены листовки, призывающие к убийству аграмбы Гомбожава. Там говорится, что Гомбожав – враг религии и потому его убийство не грех, а заслуга. Неизвестно, кто сочиняет эти листовки, но поневоле подозрение падает на габджу Лувсаншарава из Хубилган-аймака, который за последнее время развил энергичную деятельность против Духовного совета. Он утверждает, что власть должна принадлежать 70 выборным (тулелекчи[23]), а не 10 членам Дух. совета (эрхэлекчи[24]), и что шесть членов Дух. совета особенно опасны. Затем в качестве пособников можно подозревать уволенных недавно сойбонов (стольников) из дворца Богдо-Гэгэна в Дзун-Хурэ и подобных им лиц, пострадавших от последних мер Дух. совета.

Лама Очиров[25] (быв. настоятель буддийского храма в Ленинграде) служит заведующим тибетской аптекой на Широкой улице, возле Гандана, и там же живет. Говорит, что прибыл сюда в июле с. г., будучи экстренно вызван монгольским полпредом из Ленинграда. Обещал на днях зайти.

По словам прогрессиста Равжи главное отличие новой философской школы («чойре-цанид-дацан»), основанной габджу Лувсандоржем в Пурбуджаповском хошуне[26], состоит в том, что в ней отсутствует софистика. Во всех остальных «чойре» в основу преподавания положены так наз. «тоджоды», т. е. трактаты, освещающие философские принципы буддизма не в философском духе, а в духе софистики,

т. е. чисто словесного искусства спорить. Первоначальным ученым руководством софистики, т. е. того, с чего начинается обучение, являются так наз. «дуйра» (первоначальный учебник софистики)[27]. Габджу Шагдар в Гандане проявил уже большую смелость, когда объявил, что не следует придавать такое исключительное значение софистике и необходимо ее ограничить. Лундун-Дорж (упомин. в наш №) одна совсем отвергает[28] как «таджоды», так и «дуйра» и основывает все учебное дело на непосредственном изучении классических трактатов Цзонхава и его ближайших учеников, в которых не было и следа софистики. Главный источник софистики – монастырь Лавран. В последние столетия она получила оттуда сильное распространение, как в Тибете, так и в Монголии, нанеся ущерб «истинному» буддизму. Все же к чести монголов надо сказать, что их выдающиеся умы – Алашаньский Дандор-лхарамба (18 в.) и ургинский Балдандорж (19 в.) были также чужды софистике, а Лундун-Дорж продолжает их дело, несмотря на то, что со всех сторон встречает только насмешку и вражду.

Прогрессист Сэрэтэр так отзывается о Лувсаншараве: «Он человек не очень ученый, но все же не без знаний. Особенно хорошо он знает четвертую из цанидских наук («обмбодзод» – метафизика). Он ходил в Дух. совет и затевал споры, утверждая, что Гомбожав и Эрдэнэпил превысили власть, а теперь самолично отправился в правительство жаловаться на неправильные действия Дух. совета.

Сегодня у нас большой переполох: ожидается выступление со стороны лам. Дело в том, что в обоих городских монастырях появились погромные листовки против нынешнего Духовного совета, в которых призывают к прямой расправе с прогрессистами – членами Дух. совета. Во главе этого движения стоит реакционный габджу из Гандана Лувсаншарав. Он подал в правительство свою докладную записку (см. приложение с фотоснимком[29]). По имеющимся в ГВО сведениям, консервативные габджу имели секретное совещание, на котором решили устроить активную демонстрацию протеста против Дух. совета и требовать отвода из состава совета: аграмбы Гомбожава, Эрдэнипэла и др. прогрессистов. Последние очень взволнованы и просят о помощи со стороны правительства. Вчера состоялось совещание ЦК по этому поводу и решено не допустить никаких выступлений со стороны лам: приведены в готовность некоторые части и аппарат ГВО.

Насколько удалось установить, смысл современной борьбы против Дух. совета заключается в тех мероприятиях, какие проводит Дух. совет в смысле сокращения и упразднения фиктивных должностей при дворе Богдо. Так, упразднено звание «сойбон» (стольник) и «донир» (придворный секретарь). Эта реформа лишила содержания около 100 человек из придворной Богдоской камарильи, которая питалась за счет Дух. ведомства. Лишенные этих титулов очень озлоблены против Дух. совета. Большое недовольство вызвала также начавшаяся по инициативе Дух. Совета проверка монастырских джас (касс).

Лама Джамцо из Сангай-аймака Гандана распространяет слухи о том, что высшие монгольские государственные деятели устроили совместное с русскими совещание, на котором монгольские деятели указывали, что религия совершенно не нужна и предлагали ее уничтожить. Но тогда русские высказались против, указывая на возможность дискредитации власти в глазах аратских масс и обосновывали свои доводы тем, что ламство, начиная от низших категорий – банди, гецулов и до

высших: габджу и аграмбы должны жить по твердо установленной единой дисциплине.

Лама Пурбо Будаев (см. выше), касаясь возможности возвращения в Пандита-гэгэновский хийд, говорит, что если ему не удастся проехать открыто, то он проедет в Югодзырь-хийд, где живет много бурятских лам и через них он проберется в Пандита-гэгэн. В данное время едет в Алтан-Булак.

Лама Барги-аймака (Гандан) Дабдан говорит, что габджу Лувсаншарав, проживающий в Хубилган-аймаке, известен ганданскому ламству по имени «Цэнхэр габджу» и «Тугдур-габджу» (сутулый)[30]. Он – крупный идеолог реакционного ламства. Имеет от роду 48 лет. Пользуется авторитетом среди габджинаров. Он возбудил дело против нового состава Дух. управления, в частности, против Эрдэнипэла, аграмбы Гомбожава и Гомбо(до)-гэскуя за то, что они рушат старый, веками установленный ламский строй в целях какой-то реформы и устройства новых, антибуддийских положений и порядков. В частности, Лувсаншарав выступает против предложения Духовного управления о сокращении количества получаемых габджинарами «бову»[31] (лепешки) с трех до одной. Тем самым Дух. управление приравнивает габджу к средним и низшим слоям ламства. Резко также высказывается против отобрания почетных «олбоков» (подушки на сиденьях высших лам в дацанах, которыми пользуются габджу в монастырях). Лувсаншарав говорит, что эти мероприятия Дух. управлен[ия] надо рассматривать как предательство членами Дух. управления интересов всего ламства и идущие на руку тем красным, которые стоят за скорейшую ликвидацию ламства и нашей священной религии. «Все это должны понять истинные ученики Будды и не допустить покушения на нашу религию». По словам Дабдана, Лувсаншарав подал по этому поводу заявление на Дух. управление в Монг. Высш. суд[32]. Лувсаншарав принимал активное участие в прошлогодней ламской кампании по Призванию нового Богдо-гэгэна. Вокруг него группируются все старые ганданские ламы, считающие его человеком твердым.

Ганданский лама Шутэн-аймака Гэндэн говорит, что неделю тому назад в Гандане и Дзун-Хурэ были расклеены листовки, содержание которых он лично не видел, но по словам некоторых лам, они были наклеены на дверях Богдоского Шарадугана[33] в Дзун-Хурэ (где помещается ныне Дух. управление) и на хашанах во всех аймаках. Эти листовки направлены против Дух. совета, в частности, там фигурируют имена Эрдэнипэла и аграмбы Гомбожава, т. к. они являются «главными инициаторами ламской смуты». А те в свою очередь ссылаются на правительственные распоряжения, что мол надо же выполнять волю народа и республики. А на самом деле никаких правительственных решений по затронутым вопросам нет. В воззваниях указано прямо, что отмеченные два члена Дух. управления являются ставленниками красных и проводят их директивы.

Лама Гандана Урлуд-аймака Лыксок: «За последнее время наблюдается раскол в ламской среде, который выражается в скрытой борьбе между прогрессистами и консерваторами. Причиной раскола явились последние выборы в Дух. управление, т. е. введение реформаторов в состав Дух. совета наподобие Анги Шагдара и его учеников Эрдэнипэла и др. Анги Шагдар и Эрдэни еще при жизни Богдо-гэгэна проповедовали эту левую прогрессивную точку зрения, подвергая критике ламские

порядки, существовавшие в то время и сохранившиеся по сейчас. В то время они расходились с большинством лам по вопросам внутреннего распорядка в монастырях, но не имея сил, а теперь войдя в состав Дух. управления, прогрессисты получили возможность осуществить свои идеи. Сейчас они работают по указке народного правительства и бурятских инструкторов. Тем самым они добиваются ликвидации нашей религии. Ведь от бурят ничего хорошего ожидать не приходится: они – люди с плохим характером, что давно известно монголам.

По словам габджу Лувсанцэрэна из Анундар-аймака, в Шутэн-аймаке под руководством Лувсаншарава организуется группа консервативных лам, габджу в количестве более 20 человек. В эту группу входят: хара габджу Пэрэнлэй, Наван-Осор и др. При выборе гэскуя в Дашчоймбол дацане, они хотели устроить обструкцию (возглашая хо-хохой) члену Дух. управления Эрдэнэпилу, который пытался проводить своего кандидата.

Молодые люди из Сунги-аймака во главе с Дэндэвом говорили о необходимости взыскать с недостойно пролезших в габджу все «бову» лепешкой сверх нормы, взятые ими за время пребывания в данном звании, а если не смогут внести, то поставить вопрос об исключении их с хуралов.

Гэскуй Дашчоймбол дацана сделал гневное внушение ламам, указав, что в дацане имеются люди, стремящиеся ухудшить религию. На это означенные молодые ламы во главе с Дэндэвом потребовали от гэскуя, чтобы он конкретно указал имена лам, создающих такую смуту среди ламства, а не делал бы голословных выпадов против всех молодых лам, составляющих большинство. Гэскуй сразу подал в отставку и Эрдэнэпил был командирован выбирать другого гескуя, но ламы не слушая, подняли шум и разговоры.

Сразу же после выборов Дух. управления возникли две ламских группировки: Гомбожав-аграмба придерживается личных интересов и, пользуясь своим знанием, воспользовался сидением в кресле Богдо, а Эрдэнэпил и др. воспрепятствовали, после чего он заметно притих. В докладах на аймачных собраниях прогрессивные члены Дух. совета отмечали, что почетные звания и привилегии высшего ламства частью ограничены и частью упразднены совершенно, а Гомбожав, наоборот, в своих выступлениях указывал, что они сохранены в силе. На этой почве возникли разногласия. Лувсаншарав из Хубилган-аймака заявил духовному управлению: «Говорят, что наша религия не имеет старых дьяков[34]. Неужели Вы – несколько человек, думаете руководить всей духовной жизнью Халхи? Докладывали, что Чойнхор-габджу сожжен, а потом оказалось, что это слухи. Почему необоснованные слухи официально докладываются массе как факт? Почему 70 представителей Духовного управления устранены от руководства? Выборы дацанской администрации производятся под диктовку Духовного совета. Это создает смуту в религии и смешивает понятия о государстве и религии. Существует реальное различие между высшими и низшими должностными лицами и упразднять его – значит домогаться свести принципы управления церкви к принципам государственного строя, а стало быть смешивать религию со светским строем».

28 ноября в 10 ч. Лувсаншарав-габджу спросил Эрдэнипэла, в каком положении поднятые им вопросы. Эрдэни ответил: «Мы ведем дела по постановлению 70 выбранных представителей, и Вы можете говорить что угодно». Тогда Лувсаншарав

запросил, будет ли его заявление передано правительству. Ему ответили утвердительно и отправили в правительство его заявление. Перед этим Лувсаншарав молился перед субурганом 8-го Богдо, повесив хадак и прося выполнить задуманное им дело. На трапезах и в друг[их] публичных местах Лувсаншарав говорил, что пусть за ним не идет тот, кто боится за свою голову.

По словам Бато-дуганчи, при выборе гэскуя в Дашчоймбол дацане Эрдэнипэл, вызвав дзиданных[35] администраторов, бранил их за то, что не могли управиться с ламами. Те передали своим ламам. Теперь в случае попытки нового собрания возможно непосредственное выступление лам. Очевидно, ламы этого дацана таким путем ведут борьбу с Дух. управлением.

Член президиума Дух. управления Шагдар ругал Дашчоймбольск[ого] гэскуя за то, что Цогтдамба учинил скандал. Этот Шагдар человек очень вспыльчивый и возможно теперь умышленно будет противодействовать тенденциям Дух управления.

По словам Дэндэва из Шутэн-аймака, габджу Лувсаншарав сказал, что если его посадят в тюрьму, то за ним не последует никто из лам, но если не попадет в тюрьму, то за ним последуют многие. Он имеет связи с аграмбой Наваншарав из Шутэн-аймака.

По словам Лувсанцэрэна из Андунар-аймака, вокруг Лувсаншарава группируются большей частью габджу имущих дацанов.

Салхи-Наджил из Шутэн-аймака, Цамба, Дойсилана, Тэчигэр-хара Пэрэнлэй из Хубилган-аймака и Джива из Дугарын-аймака собираются бороться с Духовным управлением. Во время трапезы Тэжичер-габджу сказал другим: «Я затеял спор с одним из членов Дух. управления. Помолитесь гению-хранителю. Я никого с собой не возьму. Пойду и кончу один». Некоторые как бы это одобряют, а другие говорят, что не следовало бы одному страдать за многих.

По словам Лувсанцэрэна, сообщником габджу Лувсаншарава является аграмба Чойджин из Хубилган-аймака, член Дух. совета, а наталкивают Лувсаншарава на активные действия брат Чойджина Гончигжав-аграмба, Дамчой из Джидарын-аймака, Салхи-Намджил и Лувсандамдин из Шутэн-аймака, габджу Джуннай, хара Пэрэнлэй, аграмба Наван-Осор и габджу Ёндонжамц.

Перевод с тибетского письма, наклеенного 30 ноября под курдою[36] на западной стороне Дзун-Хурена: «Шесть человек во главе с Гомбожавом-аграмбой вредны как религии, так и аратскому государству. С ним вместе провоцирует гэскуй Гомбодорж. В старое время Гомбожав-аграмба жил с братом Богдо-ламою Чойчимидом в одном доме, пользуясь из гэгэновского казначейства лундуном, и за чужое имущество сделался габджу-аграмбой. Он выклянчил себе звание цорджи и хотел пользоваться этим званием в аймаке и дацане, но весь хурэ воспротивился этому. Теперь также многое в поведении цорджи Гомбожава не соответствует правилам религии Дэнлима. Живя в Керуленском хурэ, он не сжился с цорджи-ламою, возникли склоки, после чего стал жить у Дархан-сойбона и с ним не мог ужиться и все ищет семью, где может ужиться, а найти не может. После того как Гомбожав-аграмба взял духовную власть, появились плохие предзнаменования как для религии, так и для народного правительства от болезней и пожаров, и это каждый знает. Сегодня же устраним и очистим[37] четырех человек, пришедших по неправильному благожеланию.

Пусть укрепляется аратское государство, в котором распространена религия. Таково желание нашего хуварачества бедняков.

Партийцы и молодежь, просвещенные по конституции учителя Ленина, напишите, пожалуйста, в газету в Халхе, где только есть религия. Во главе: Гомбожав-аграмба, цогчин-гэскуй Гомбодо, Эрдэнэпил и Шагдар».

Перевод с тибетского другой листовки, наклеенной на воротах хашана Дзутинск[ого] дацана Дзун-Хурэ, утром 30 ноября: Халхаский Джибзундамба-хутухта восемь раз переродился в Халхе, развивая религию и давая счастливую жизнь для живых существ. Это знает каждый, даже люди пяти языков[38], и животные знают. В пяти аймаках Халхи много хошунных монастырей, в Хурэ (в Урге) – 30 аймаков, 10 дацанов. А у Гомбожава не только аймака, нет даже шалаша. Выходит, как бы дали шашку в хобот бешеного слона. Будем же стараться подавить этого врага».

Ганданский лама Дзу-аймака Гомбо говорит о настроении ганданских лам по поводу предстоящего VIII съезда Народной партии: переживаемый в данное время период характеризуется все усиливающимся возмущением большинства аратов мероприятиями народной власти и партии по конфискации имущества и гонений на религию. На этом основании, возможно, съезд Народной партии изменит свою политику. Тогда будет неплохо: все пойдет по-старому[39]. К этому, кстати, предрасполагает настроение цириков, что очень характерно, т. к. среди цириков много таких, которые недовольны политикой народного правительства и партии. Если же этого не произойдет, то нужно ожидать худшего – именно развития дальнейшего наступления на религию.

Лама Барги-аймака (Гандан) Шарав говорит, что габджу Лувсаншарав сейчас ведет борьбу с новым Дух. управлением, вернее, отстаивает старые, веками установленные обычаи. По его мнению, ламство должно сохранить старые, действительные буддистские порядки. Он говорит, что нынешние члены Дух. совета: Эрдэнэпил, Гомбожав-аграмба, Гомбо-до-гэскуй и Анги-Шагдар против приглашения перерожденца Богдо-Гэгэна, и постановлено под их давлением Богдо не приглашать. Такие люди не могут считаться истинными учениками Будды и не могут разрешать вопрос многотысячной ламской массы. Далее Лувсаншарав говорит, что Богдо-Гэгэн был официально признан всеми иностранными государствами и народами всего мира как духовный глава и его игнорировать никто не имел права. Поэтому данный вопрос – о реставрации строя Богдо и порядков старых – должен быть поставлен на аратском Хурулдане и, вероятно, правительство вместе с народом обсудит данный вопрос. Во всяком случае, приглашение или опознание перерожденца Богдо будет зависеть от желания самих аратов, и если большинство аратов будет за это голосовать, то Богдо вновь будет водворен на престоле.

Ганданский лама Дархан-Эмчи-аймака Галсан говорит, что правительство не считается с религией и с ламами. Распространяются слухи, что правительство, якобы, вынесло постановление о запрещении врачевания по способу тибетской медицины. Кроме того, в Гандане говорят, что предстоящий 8-й съезд партии примет решения более крутые по отношению к ламству и тибетской медицине, чем были до сих пор. По мнению ганданских лам, Амар, по всей вероятности, будет смещен как сугубо религиозный человек. Он уже состарился и неохотно проводит левые мероприятия.

Член Дух. управления Шотдуп говорит, что прежним представителем правительства в Дух. совете был Лосол (бывш. пред. ЦКК, ныне – член прав[ления] М. банка[40]. Раньше он был чойджином (прорицателем), но, как большинство людей этой профессии, ничего в делах религии не понимал. Не знал он ничего и в делах государственных и потому был как представитель правительства совершенно ни к чему. Другое дело – нынешний представитель Дэндэв (министр юстиции). Он прекрасно осведомлен в законодательных и правовых вопросах. Это видно уже по тому, что он отвечает на задаваемые ему вопросы. Знаком ли он с религиозными делами, сказать трудно, т. к. по этим вопросам не говорит, больше молчит и производит весьма солидное впечатление. Он – член Малого Хурала.

Что дальше сталось с Лувсаншаравом после его обращения в правительство, неизвестно, кажется ничего не случилось: ему как будто посоветовали вновь обратиться в Дух. совет. Во всяком случае, мне кажется, что власть ведет курс на раскол ламства, т. к. вместо того, чтобы убирать с дороги таких людей как Лувсаншарав и тем помогать реформационной деятельности Духовного управления, правительство оставляет его на свободе. Я недавно подал в Дух. управление заявление, содержащее след. предложение: 1. Обращать внимание в своей деятельности не на мелочи духовного быта, как было до сих пор, а на главное, а именно, на хуралы и учебу, взявшись за их улучшение. 2. Устроить библиотеку научного типа во дворце Богдо-Гэгэна и Дзун-Хурэ, т. к. там богатейший подбор книг, упакованных в ящики; пора перестать их мариновать. 3. Необходимо обратить внимание на улучшение быта также и в провинциальных монастырях, т. к. у нас здесь не только местный, но и центральный Духовный совет. Необходимо опубликовать Жаяг и Дэглэм[41], которые теперь недоступны большинству лам и находятся в руках гэскуев и др. административных лиц. 5. Надо устроить, чтобы габджу провинциальных монастырей, где условия экзаменов до смешного снисходительны, не считались бы здесь у нас за габджу. Все эти тезисы я долго обдумывал и теперь представил в ДС ультимативно, если не примут, уйду из состава ДС.

Чойджин пока не ходит в Дух. совет: он взял месячный отпуск, срок которого еще не истек; странно, что он будет делать в Совете. Ведь он, как видно, шабинских взглядов. Сейчас правых членов в ДС только два: оба хамбо. Из них – Ёнзон-хамбо молчит, а дэд-хамбо все время говорит, отстаивая правую точку зрения.

Дней 10 т[ому] назад из Лхасы приехали два бурятских ламы: один из Тункинского аймака, другой неизвестно откуда. Оба остановились в Гандане. Выехали из Тибета год тому назад. К этому времени никаких перемен в Лхасе не наблюдалось кроме невероятного повышения цен на товары: вещи, стоившие 1 р[убль], стали продаваться по 4 рубля. Говорят, что по письму Агвана Доржиева доступ в Тибет – беспрепятственный, а иначе попасть очень трудно, т. к. весьма тщательно проверяют на границе.

В Абциг-Хаир (или сайхан) хан-ульского хошуна Богдо-Ханского аймака ламы-дзурхайчин предрекли грядущие эпидемии и эпизоотии, о чем сообщили хошунному управлению. Последнее, в свою очередь, послало циркуляр по сомонам, в котором говорится, что «наши астрологи предвещают эпидемии и эпизоотии, о чем надо известить народ и предложить отслужить такие-то и такие-то молебны. Все это примите к исполнению».

Очиров Бадма-Намжил заведует тибетской аптекой на Широкой улице. Имеет близкое знакомство со след. лицами: Гочитским Ц. Е., Дашеевым Церен-Дорджи – переводчиком отд. здравоохранения, бур. эмигрант[ом]. Рампил-Батор[ом] – переводчик[ом] М[онгол]транса, Балмасо Цыреновым (брат Гочитского).

Дэмчик Норбоев говорит, что хамбо Агван Доржиев посылает письмо за письмом о немедленном моем возвращении на родину. Последний раз телеграфировал мне о немедленном выезде в Бурятию и ожидает моего возвращения. По поводу этой телеграммы я ходил посоветоваться с Гочитским Ц. Е., который мне сказал: «Я не вижу никаких перспектив для твоей работы в Бурятии, тем более сейчас, когда ламство находится под постоянным обстрелом со стороны власти. К тому же хамбо Агван состарился и не может ориентироваться как следует в политике и сделать правильные выводы из того, что ему говорят советчики, поэтому ты там замучаешься с ним. Лучше живи спокойно здесь». Норбоев получил письмо от Цыдыпа Церенова (через него от кого-то из Бурятии), в котором сообщается, что всех руководителей Ацага Чолутайского дацана в количестве 10 чел. арестовали и заключили в В[ерхне]-Удинск[ую] тюрьму. Поэтому Норбоев опасается ехать, чтобы [избежать этого:] «чего доброго посадят и меня». Поэтому он намерен телеграфировать Агвану о том, что не приедет.

Дзун-хурэнск. лама Намдомлин-аймака Дансорон считает, что разногласия в Духовн[ом] управлении сводятся к вопросу об изменении внутреннего распорядка монастырей (отмена почетн[ых] сидений в дацанах, ограничение в правах гэбкуев и выработка нового положения о внутренней жизни монастырей (дэд-хамбо и ёнзон-хамбо внешне соглашаясь с принятием данных радикальных реформ, упрекают прогрессистов в том, что они хотят форсировать осуществление реформ без всякой подготовки). Ёнзон-хамбо полагает, что это форсирование вызовет недовольство широких слоев ламства и они будут обвинять нас, совершенно не причастных, мол, к этим мероприятиям, связывая с ними наши имена. Ламы наблюдают временный блок Ёнзон-хамбо с прогрессистами, но они не сомневаются в том, что это временный союз, т. к. с одной стороны, прогрессисты вынуждены искать поддержку у авторитетного Ёнзон-хамбо, а с другой стороны сам Ёнзон-хамбо вынужден идти на уступки прогрессистам из боязни репрессий со стороны народного правительства, т. к. он известен как один из руководителей движения за восстановление Богдо и приглашение Панчен-Богдо.

Ганданские и дзун-хурэнские ламы уговорили габджу Лувсаншарава прекратить дело, возбужденное им против Дух. совета, ибо правительство всецело поддерживает прогрессистов и всякие действия, направленные против прогрессистов, встретят противодействие со стороны правительства. Да притом, нельзя во время все возрастающих [действий] против лам со стороны власти резко сопротивляться мероприятиям правительства. Ламы заметили Лувсаншараву: «Ведь ты одинок в своей борьбе с Духовным управлением; надо сначала создать опору».

Лама Дугар-аймака Гандана Гангэн-хубилган: «VIII съезд партии, по-моему, немного улучшит положение, т. к. все пророчества ганданских дзурхайчи (астрологов) говорят о мирном улучшении положения ламства». Но что касается мнения большинства лам, то, по слухам, положение еще более ухудшится и гонения на религию усилятся. По пророчеству Богдо-гэгэна, в год «белого коня» (1930) ожида-

ется передышка (радость). Конечно, глупо рассчитывать, что 8-й съезд партии ликвидирует свою красную власть, но в то же время нельзя не ожидать некоторого смягчения нынешнего режима. Тут двух крайностей быть не может: либо немножко смягчится народная власть, либо положение еще ухудшится; начнется очередной наплыв бакшинаров[42] (учителей) – инструкторов-бурят, как после VII съезда, к ликвидации ламства и религии. Среди руководящих работников Монгольской партии усиливается тенденция подражать русским коммунистам и бурятским инструкторам: они даже иногда забывают о религии и о небесных существах. Это – влияние русских и бурятских соргакчи[43] (инструкторов). Их теперь уважают и почитают больше, чем своих отцов и матерей. К тому же, высокие посты связаны с большим жалованьем и веселой жизнью.

Ганданский лама Цэцэн-тойн-аймака Лувсанцэрэн говорит по поводу предстоящего VIII съезда партии: «Руководители Народной партии все время откладывают открытие съезда по той причине, что среди широких слоев партийной и беспартийной массы раскусили неприемлемость для Монголии той политики, которую проводит Народная партия, в частности: гонение на ламство, конфискация и т. п. Все это дало отрицательные результаты. Сейчас ЦК партии ищет выход из создавшегося положения и ждет представителя из Москвы с инструкциями Коминтерна. Прежний представитель Амагаев заложил фундамент для ликвидации ламства, а представитель, который будет назначен после VIII съезда, будет форсированным темпом проводить эту ликвидацию в жизнь.

Дэд-хамбо считает, что VIII съезд партии не изменит существующего положения в смысле нажима на ламство и богачей. По слухам, циркулирующим среди лам, VIII съезд даже усилит политику дальнейшего гонения на религию и наступления на богачей и чиновников. Теперь монгольское прав-во и партия стали проводить объединение аратских хозяйств на коммунистических началах, но пока это мероприятие отложено (или приостановлено). Есть предположение, что монгольское правительство получило директиву из Москвы воздержаться от создания коммун[44], т. к. якобы, не назрел еще момент для создания коллективов в Монголии.

Касаясь работы Дух. управл[ения], Дэд-хамбо говорит, что члены Дух. управления: Гомбодо-гэскуй, Гомбожав-аграмба и Эрдэнипэл являются активными проводниками новых мероприятий по ламству. Они, наприм[ер], настаивают не считать тех лам, которые находятся в отпуску в худонах, ламами, а исключить их из списков, предложив им предварительно вернуться в дацаны. После этого тех, кто не явится в хурэ, того механически будут исключать с передачей списков исключенных лам в военно-статистическое управление военного министерства для принятия на учет как военнообязанных. По этому поводу на днях будет принято постановление, подтверждающее это положение. Мне так же, как и остальным членам Духовного управления, приходится соглашаться с такими мнениями не из-за желания принять такое решение, а из-за необходимости делать так, как хочет Народное правительство. Мы все вынуждены помимо своей воли принимать такие недоброжелательные нам мероприятия. Сейчас в некоторых ламских кругах наблюдается недовольство членами Дух. совета: Гомбо-до, Эрдэнипэлом и Гомбожавом-аграмба из-за их радикальных реформ. Идейным противником трех указанных прогрес-

систов является ганданский габджу Лувсаншарав, который очень умело аргументирует свою точку зрения по вопросам реформ внутренней жизни ламства. Но он одинок и положение его безвыходное. У него нет пока идейных сторонников – друзей, которые могли бы умело и искренне отстаивать сохранение старых ламских порядков. Боюсь, как бы его не терроризировали.

Сэмба-гэгэн полагает, что предстоящий съезд Народно-революционной партии будет проходить в обстановке, когда страна наполнена коммунистическими элементами. В области хозяйственного строительства съезд, вероятно, будет настаивать на усилении того темпа, который был намечен еще на 7 съезде партии, и политика партии ничуть не ослабится, а наоборот, усилится. Состав ЦК будет изменен: все старые, у кого сохранилась вера в бога и почитание лам, будут заменены молодежью, окончившею русскую школу в Москве[45]. Так что управление государством попадет в руки людей моложе 30 лет. Это вытекает из практики всей работы Народной партии и правительства.

Д. Норбоев получил от Агвана Доржиева след. телеграмму: «Когда приедет обещает Норбу Доржиев». В тот же день Доржи-габджу с Иро от имени Дэмчига спросил эту телеграмму.

В Гандане насчитывается до 2000 габджу и аграмба. Они пользуются привилегированными пайками, на которые устраивают коллективное питание. Эти пайки составляются из взносов, которые делает каждый посвящаемый в габджу – до 2000 тугр. с каждого. Так как почти кажд[ую] неделю кто-нибудь посвящается в габджу, то эти взносы фактически обеспечивают бесплатное питание всех привилегированных представителей ламской верхушки в течение года. В этом направлении было бы целесообразно, в видах расслоения ламства, или уничтожить эти поборы с габджинаров совершенно, или же поступающие взносы разверстать на общее питание всех лам, уничтожив практику этих отдельных трапез.

Можно также попытаться ограничить пожертвования, поступающие в джасы и идущие на совершение хуралов, передавая излишки на распределение между всей ламской братией поровну. Но уничтожить джасы тем или иным путем вряд ли возможно, т. к. вопрос о существовании джас является вопросом о совершении или прекращении хуралов.

В Дзун-Хурэ при школе монг. яз. для лам образован так наз. «буле»[46] (красный уголок). Там один из монгольских партийцев (кто именно не выяснено) преподает ламам географию, естествознание и т. п. общеобразоват[ельные] предметы. Курсантов насчитывается до 40 человек. Аграмба Гомбожав посещает занятия и очень доволен. Он интересуется политикой: спрашивает, что такое колхоз и можно ли не вступать в него, или вступление в коллектив теперь обязательно. Шотдуб (друг. член Дух. упр.) недоволен кружком из-за Сэрэтора-габджу, который является в кружке так сказ[ать] «душой общества», но отличается своим аморальным поведением. Одно из предложений Шотдуба (см. выше), именно о библиотеке принято Дух. упр. Библиотека приводится в порядок. Что касается остальных предложений, вопрос пока оставлен открытым. Проверка джас продолжается. Выявлена халатность, запущенность, полное отсутствие отчетности, но крупных злоупотреблений не обнаружено. По словам Шотдуба, казначеи джас показывают честно, ничего не утаивая. Аграмба Гомбожав жалуется, что в Дух. управл[ении] нет телефона, а ему

приходится много ходить ежедневно по разн[ым] учреждениям, не имея средств передвижения.

На днях арестовали четырех габджу: Лувсаншарава, Пэрэнлэй-габджу, Намжила (переведенный в Гандан из Мандзушри-хийда. Он не причастен к группе Лувсаншарава, но, кажется, возражал против деквалификации худонских габджу) и Лувсанцэрэна. Прогрессисты очень довольны этими арестами.

О представителе правительства в ламской комиссии Дэндэве ламы говорят: «Он хитрый, себе на уме, все молчит». Но на днях Дэндэв заговорил. Обращаясь к Духовному управлению с информацией об аресте четырех габджу, Дэндэв заявил Ёнзон-хамбо и Дэд-хамбо: «Вы должны нам, правительству, говорить все откровенно и честно, что Вас затрудняет. Мы меры примем. Но предупредите лам через своих аймачных представителей, что мы с собой шутить не позволим. Это будет лучше и для лам, т. к. тогда у вас не будет раскола внутри». Это предупреждение было принято Дух. советом с большим удовлетворением, и в тот же день через гэскуев ламы были предупреждены, чтобы вели себя спокойно.

В конце ноября Дашипилон-Гочитский Ц. Е. ездил в Троицкосавск для свидания с Агваном Доржиевым. От него привез письмо на имя лекаря Дэмчика Норбоева. В этом письме Агван Доржиев пишет, что он создал в центре все условия для беспрепятственного приезда Норбоева и имеет на то согласие центральн. бурятс[ких] органов. Было ли также послано письмо и посылка дониру, выяснить пока не удалось.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 332–341. Заверенная копия.

№ 113
Информационное сообщение о ламстве при правом руководстве МНРП

№ 196с/во — 10 марта 1930 г.
г. Верхнеудинск — Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю

При сем препровождаем закордонные материалы (монгольские) – для сведения.
Приложение: упомянутое.
Нач. Облотдела ОГПУ БМР — Бодеско
Вр. Нач. КРО — Гриневич

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 349. Подлинник.

Приложение

Ламство при правом руководстве

Правое руководство МНРП, официально признавшее желтую религию наиболее приемлемой для народной власти, не только не ставило себе задач активной политики в ламском вопросе, а, наоборот, в лице ламства видело серьезную для себя опору, могущую в нужный момент выступить в его защиту[1].

Само же ламство стремилось использовать выгодность своего положения и, с целью добиться от правого руководства наибольших уступок для себя, не переставало вести агитацию за приглашение 9-го Богдо и Панчен-Богдо.

Примеры робких попыток ламства к защите терпящего крах правого руководства изобиловали во время VII съезда МНРП (сожаление по поводу ухода Джадамбы, Дамбадорчжи и др., а также агитация о том, что они якобы на самом деле поехали не в Москву, а бежали в Китай, к Панчен-Богдо и т. д.).

VII съезд МНРП и его директивы по ламскому вопросу[2]

7-й съезд партии, исходя из учета социальной разнородности ламства, дал директиву о проведении классовой политики по отношению к ламству.

В частности, съезд даже дал конкретную директиву насчет упразднения культа приглашения последующих «перерождений» Богдо и других хутухт и хубилганов, а также уточнения и систематизации всех ранее принятых законоположений по ламскому вопросу.

Классово-революционные мероприятия власти и сопротивление ламства

Во исполнение директив партсъезда правительством на основании постановлений V Великого Хурулдана в феврале 1929 г. было опубликовано постановление об упразднении порядка приглашения Богдо и других хутухт и хубилганов, а также принят закон о классовом принципе обложения монастырского скота[3]. В связи с этими мероприятиями, проводимыми одновременно с целой системой других мер, нажима на капиталистические элементы в стране, обостряется классовая борьба и усложняются приемы и методы противодействия контрреволюционных сил.

Ламство не могло не учесть того положения, что в связи с крахом правого руководства и принятием ряда мероприятий, бьющих по желтой религии, ранее применявшаяся ими тактика пассивной самообороны оказывается недействительной. Отсюда ламство ставит задачу себе перехода от самообороны на более усложненные способы противодействия со ставкой на политический переворот в стране. В связи с постановкой такой задачи ламство стремится составить тесный блок со всеми враждебными партии элементами, особенно правыми, и мобилизовать в свою пользу общественное мнение[4]. Начинается выпуск контрреволюционных листовок, рассчитанных на обработку мнения верующей массы в пользу ламства; усиленное распространение пророчеств и изображений Панчена-Богдо, якобы долженствующего явиться в Монголию в образе главнокомандующего священной армией «Шамбалы»[5] и избавить страну от красных; ожидается попытка разложения армии путем использования религиозных предрассудков и отсталости цириков (заговор Амара и других из пулеметного полка, собиравшихся дезертировать к Панчену-Богдо с оружием в руках); отдельные агитаторы ламства, вроде хубилгана Джанцандамбы (расстрелян ГВО), разъезжают по глухим районам (Хан-Хэнтэй) и, пользуясь слабостью местных органов власти и взиманием бесплатных общественных подвод, агитируют о предстоящем священном походе шамбалинского воеводы Панчена на МНР, распространяя в то же время в соответствующем духе составленный лундун (пророчество).

Улан-Баторское ламство, в виде пробного шара с целью нащупать настроение правительственных кругов, выделяет группу лам, преимущественно бедняков, во главе с Салба и Идамом, которые навязчиво доказывают то одному, то другому ответработнику выгодность допущения въезда в МНР Панчена-Богдо. Характерны мотивы их доказательства, что Панчен-Богдо, якобы находясь за пределами страны, но в близком соседстве, играет роль организующего фактора внешних и внутренних сил контрреволюции, а будь он здесь в Улан-Батор-Хото под непосредственным наблюдением власти, то всякая вредная для народной власти деятельность его была бы совершенно парализована. Этот факт надо рассматривать как определенную вылазку ламства с целью поколебать неустойчивые ряды партии. Характерно то, что отдельные члены партии на эту приманку попадались и готовы были, не рассуждая о последствиях, поднять совместно с ламством вопрос о «выгодности» приглашения Панчена в МНР.

Ламские разговоры о том, что при Панчене находится 9-й перерожденец монгольского Богдо, имели свою историческую почву, ибо еще в 1926 году циркулировали слухи о рождении где-то на южной границе МНР, ребенка со всеми признаками святости и увода этого ребенка в Шанхайгуань[6] по опознании в нем 9-го Богдо. Не ограничиваясь одной лишь агитацией, ламство в виде мер обеспечения внутренней организационной крепости монастырской жизни усиливало палочную дисциплину против хувараков-банди, пресекая этим самым их стремление к светской учебе и ликбезу по монгольскому языку. Также отмечалось усиление сборов приношений в пользу постройки новых храмов и дацанов. В этом отношении большую активность проявили бурятские приграничные хошуны, как, например, Халхин-Гольский, Ульдза-Гольский, Онон-Гольский и Иро-Гольский, в коих это стремление стимулирова[лось] реакционными беженцами ламами из БМР и местным кулацко-ноенатским[7] элементом. Заслуживает внимания факт составления тесного блока между ламами-авантюристами из БМР и ламами-эмигрантами и белыми эмигрантами в Монголии с целью организовать для себя опорные базы [на] территории МНР в виде дацанов-монастырей, долженствующих явиться убежищем для всяких контрреволюционных беглецов и проходимцев. В результате строго законспирированной работы ламы-авантюриста Агвана Доржиева совместно с членом правления Монценкоопа Цыден-Еши Гочитским, его братьями Балмасо Цыреновым (заведующий монгольской бухгалтерией Монголбанка) и Амабазаром (кулак Ирогольского бурятского хошуна) и ламой-беженцем из БМР Дагдан Дамбаевым произведен нелегальный сбор средств среди населения означенного хошуна на постройку дацана в местности Их-Булак. Общий сбор выражается в 10 000 с лишним тугриков (дело ликвидировано без принятия репрессивных мер по отношению к руководителям, а ограничившись лишь конфискацией и обратной раздачей собранных средств). В Онон и Ульдза-Гольском хошунах Хан-Хэнтэй-ульского аймака под руководством подобных же элементов и с той же целью собрано деньгами 2 424 тугр., крупного рогатого скота более 1000 голов и мелкого скота 16 419 голов (дело ликвидировано в том же порядке, как и в предыдущем случае).

При объявленной монополии на сурка[8] ламство совместно с частниками агитировало за невыгодность суркового промысла (понижение лимита по сравнению с прошлым годом); при ощущении товарного голода ламство в союзе с китайскими

купцами агитировало за необходимость китайской ориентации; при конфискации имущества феодалов ламство старалось сорвать колхоз[ное] строительство, доказывая, что вырезанный кусок чужого мяса не пристает к другому, так же как неблагоприобретенное имущество не пойдет на счастье других. Не ограничиваясь такого рода контрреволюционной агитацией, ламство, пользуясь слабостью местного госаппарата, использует в своих интересах классово неустойчивых из его руководителей. Например, в конце 1929 года в Абцок-Хайрхан-ульском хошуне Богдо-Хан-ульского аймака ламство местного монастыря через свое Духовное управление сообщило хошунному управлению, что по предсказанию астрологов данного хийда ожидается ряд несчастий и эпидемий на людей и скот, [и] что поэтому в целях предотвращения будущих несчастий нужно населению отслужить молебствия (в отношении Духовного управления перечисляется целая серия разорительных для верующего населения богослужений). В заключение Духовное управление просит объявить об этом населению. Хошунное управление, не задумываясь над вопросами отделения церкви от государства, рассылает сомонным даргам (председателям) циркулярное предписание (с перечислением всех молебствий) для широкого опубликования среди населения. Вмешательством ГВО и айкома партии последствия этого явления предупреждены, и хошунная администрация привлекается к ответственности.

Точно такие же факты за последнее время имели место в Хангай-Хайрхан-ульском хошуне Цэцэрлик-Мандальского аймака.

Не обошлось дело без распространения контрреволюционных листовок даже в худонах, так, например, в связи с конфискацией имущества феодалов в монастыре [в] Хан-Тайшир-ульском аймаке расклеена листовка, в которой приводится угроза по адресу аратской власти, якобы долженствующей пасть в год «железного коня» под ударами объединенных сил Панчен-Богдо и Дамби-Джанцана (известного западного бандита-авантюриста, расстрелянного в 1924 году)[9], якобы находящегося в живых в ущельях одной из западных гор во главе своих войск и ждущего сигнала к выступлению. В другой листовке, расклеенной в Улангомском монастыре (Чандамани-ульском аймаке) говорится, что аратская власть есть власть проклятых судьбой, стремящаяся опозорить людей, одаренных судьбой, и разрушить устои религии. Приводится призыв к худонской массе избавиться от существующего строя. Подпись такова: «Членов [партии] 5, аратов 40, аратов худона 10, вслед за ними 55 и элементов 3 с объединенного согласия».

Заслуживает внимания в этих анонимных листовках то, что в первой проявляется стремление воскресить известного бандита авантюриста Дамбиджанцана, надо полагать, с целью подготовки выступления какого-либо поборника религии на западе, который, быть может, подобно Дамбиджанцану будет пытаться использовать дербетский национализм против Халхи. Во втором случае приводится неприкрытый призыв к свержению аратской власти.

Хутухты и хубилганы

Серьезных выступлений со стороны хутухт и хубилганов на местах не наблюдалось, за исключением отдельных фактов, к коим относятся: а) выступление хубилгана Джанцандамбы в Хан-Хэнтэй-ульском аймаке (отмечалось выше); б) выступ-

ление Зая-пандита-хутухты в Цэцэрлэге с контрреволюционной проповедью перед верующей массой (арестован и дело передается в политсуд); в) бегство перерожденца Бакш-гэгэна[10] из района Егузэра на восточной окраине в Шилингольский сейм Внутренней Монголии (причины побега – конфискация имущества феодалов).

В связи с тревожным положением на восточной границе (события на КВЖД[11]) и конфискацией имущества феодалов водворены вглубь страны наиболее влиятельные из хутухт и хубилганов, например: Егузэр-хутухта с востока, где он в компании с китайскими предпринимателями содержал столовую, занимался огородничеством и эксплуатировал транспортные средства своего монастыря, а также Дилова-хутухта[12], занимающий ответственные должности в госаппарате, – с запада, вызваны в Улан-Батор-Хото и живут здесь в монастыре Дзун-Хурэн (ведется разработка по одному существенному поводу, связанному с стремлением определенных контрреволюционных кругов использовать авторитет Дилова-хутухты). В отношении второго по святости после Богдо-хутухты Донхор-Мандзушри[13], обязанного к безвыездной жизни в своем монастыре близ Улан-Батор-Хото, имеется рад данных, позволяющих судить о его контрреволюционном прошлом и настоящем (отношение к делу Орос Гомбо, сокрытие от конфискации обрабатываемого под огороды и пашни земельного участка в Октоме и т. д.).

Концентрация в Улан-Батор-Хото и его окрестностях знатнейших хотокт и хубилганов обязывает соответствующие органы к максимальной бдительности в смысле сохранения общественно-политической безопасности, как в центре, так и на местах.

Опыт работы партии по разложению ламства Улан-Батор-Хото

Состоявшийся летом 1929 года 2-й Пленум ЦК дал соответствующую оценку ламскому вопросу и наметил конкретные мероприятия, долженствующие лечь в основу дальнейшей работы по ламству. Вслед за этим состоялось принятие в ЦК кратких предложений (тезисов) по открытой и нелегальной работе среди ламства (см. приложение). Не входя в критику ряда принципиальных недостатков тезисов, можно сказать, что основная мысль их сводилась к характеристике социальной сущности ламства и использованию в интересах классовой политики партии экономических и правовых противоречий между высшей (правящей) и низшей категориями ламства с одновременным расчетом использования также догматических разногласий (возврат к первоначальной «чистоте религии» – принципу Виная). Необходимым условием создания первой трещины в ламской организации признавалась необходимость предоставления низшей категории ламства с 18 лет права участвовать в управлении (избирать и быть избранными) духовными делами данного хийда, упразднение почетных званий высшей категории ламства и уравнение последней в получении паев при раздаче приношений и подаче пищи во время богослужения; отмена телесных наказаний и разорительных приношений при производстве в ученые звания, обучение ламской молодежи монгольской грамоте, разработке уставов и положений о внутренней жизни ламства на основе Виная и т. д.[14]

Практическое осуществление намеченных мероприятий в виде первого опыта проводилось на 5-м духовном соборе ламства Гандана и Дзун-Хурэна Улан-Батор-

Хото в сентябре 1929 года. Этот собор, состоявшийся при активном участии низшей категории ламства, принял все перечисленные выше предложения и выбрал новый состав Духовного управления, который и приступил к дальнейшей реализации постановлений собора (см. приложение[15]). Нужно сказать, что собор происходил в момент осложнения внешней политической обстановки (события на КВЖД) и активизации враждебных сил внутри (конфискация имущества феодалов)[16], но, несмотря на это, прошел под знаком господства прогрессивных или лояльно расположенных к правительству элементов. Однако нельзя сказать, что первый опыт выборов духовного управления прошел безукоризненно (в смысле превалирования низшей категории среди избранных), ибо подавляющее большинство из 70 уполномоченных в 30 аймаках являются консерваторами или лицами, облеченными в звание габджу, и в силу этого не так заинтересованными в материальном и правовом ограничении самих себя. Что же касается рабочего состава Духовного управления, то из десяти членов Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг (тибетец, наставник Богдо-хана), Дэд-хамбо Б. Дамдин (джасын цорджи), агримба[17] Гомбожав и другие в числе шести человек, занимающих руководящие должности, являются наиболее видными представителями консервативного ламства, занимавшего в прошлом (в бытность Богдо) ряд должностей в Управлении Ургинского Эрдэнэ Шанцзотбы (управление Шабинского ведомства[18]) и других учреждениях. Стало быть, они меньше всего понимают интересы низового ламства, не говоря уже о том, что в силу большой развитости чинопочитания и преклонения перед авторитетами они не в состоянии сблизиться с ними. Новый состав Духовного управления, не нащупав соответствующих методов и форм работы по привлечению на свою сторону низового ламства, долженствующего служить его опорой в проведении важнейших директив собора, приступил к упразднению почетных званий цорджи, частичному уравнению паев между высшей и низшей категориями ламства, отмене телесных наказаний с заменой их обязательством высиживать на служении определенным святыням сверх установленной нормы (ламы в шутку называют это «заключением в тюрьму такого-то бога»), организации школ для обучения монгольской грамоте и общеобразовательным предметам (в настоящее время в школе при духовном управлении обучается 105 человек, из коих ламской молодежи до 18 лет, обучающейся монгольской грамоте – 50 человек, а остальные взрослые ламы, так называемые «кружковцы»[19], обучаются общеобразовательным предметам, преподаватели в числе шести человек выделены из ЦК партии). В ламских кругах преподается также политграмота. По этому вопросу необходимо отметить, что при отсутствии четко поставленной антирелигиозной пропаганды, многочисленности ламства и недостатке квалифицированных работников-просвещенцев, не говоря уже об общей отсталости населения, такой метод «разложения» ламства угрожает отвлечь значительные квалифицированные силы на просвещение лам и превратить монастыри в опасные культурные центры.

Несмотря на то, что эти мероприятия проводились путем административно-бюрократического нажима аппарата Духовного управления, высшая и, отчасти, средняя категория ламства встретили их с явно выраженным недовольством и даже активным противодействием. В результате среди верхушечной группы ламства образовалась та трещина, о которой говорилось выше. Недовольная линией поведения

Духовного управления часть ламства, видя в проводимых мероприятиях опасность разрушения устоев религии изнутри, старается всю вину свалить на Духовное управление. Методом работы они избрали обработку низового ламства путем расклейки анонимных листовок, рассчитанных на подрыв авторитета Духовного управления и натравливание против него низшей и средней категории ламства. Этому способствует социальный состав руководителей Духовного управления и стремление некоторых из них по старой традиции заполучить почетные звания (стремление председателя агримбы Гомбожава получить звание цорджи должностного, тогда как само же Духовное управление упраздняет звания почетных цорджи). Характерно отметить, что консерваторы в данном случае выступают под видом рьяных сторонников народной власти и свои листовки обычно начинают с похвал по адресу «священного» правительства, но затем обращаются к руководителям Духовного управления и обвиняют их в принадлежности к старому шабинскому ведомству (стремление восстановить историческую вражду между шабинцами и хошунниками[20]). Председатель агримба Гомбоджаб награждается эпитетом подхалима и старого пройдохи; он и член Духовного управления Эрдэнипэл относятся к числу врагов религии, и обращается призыв к ламству умертвить их, доказывая, что уничтожение врагов религии является добродетельным поступком. В некоторых листовках все же между строк проводится сожаление по поводу отсутствия главы религии в лице Богдо. Отдельные представители консерваторов, вроде габджи Лувсаншарава (арестован за контрреволюционные листовки), открыто выступают перед Духовным управлением с декларацией насчет того, как нельзя улучшать внутреннюю жизнь ламства, копируя формы светского управления и тем самым якобы нарушая принципы отделения церкви от государства. Отмечается наличие группировок в 20–30 человек консервативных габджи, стремящихся путем созыва нового собора столкнуть существующее духовное управление и вместо него засесть самим. Отмечались также случаи нелегальных группировок с явно контрреволюционной целью. Например, в октябре 1929 года пять лам-консерваторов из Бадма-Ёго дацана начали вербовать сторонников из низшей категории ламства, утверждая, что народники (партия) делают ставку на привлечение к себе ламских низов и что пока они не успели сделать этого окончательно, надо им (консерваторам), успеть перетянуть их на свою сторону. Эта группировка агитировала о том, чтобы восточный теократ Хухэн-хутухта якобы послал в правительство ультимативное письмо с требованием восстановления его в прежних правах, а раз Хухэн-хутухта пошел на это, то, стало быть, он чувствует за собой серьезную опору, рассуждали ламы. «Если мы (ламство) объединимся, то “свалить” существующий строй можно легко». Из этого видна органическая связь между консервативным ламством и бывшими теократами, с коими они выступают единым фронтом. Независимо от провокационной работы означенной группы, имелись сведения, что находящийся в Мукдене Панчен-Богдо сильно беспокоится за здоровье Хухэн-хутухты и даже хотел завязать с ним отношения. Здесь имеются определенные данные говорить за наличие известной связи между группой из Бадма-Ёго и Панченом через Хухэн-хутухту, ибо в 1928 году, когда в Бандида-Гегеновском хийде находился Панчен-Богдо, Хухэн-хутухта под предлогом болезни хотел послать в означенный хийд за якобы лекарем своего бли-

жайшего помощника-ламу и настойчиво добивался в правительстве пропуска на переход границы.

В выдаче пропуска ему было отказано, но наличие нелегальной связи с Панченом не исключено, тем более что этому в то время способствовало состояние охраны (пограничной) на востоке (по делу группы ведется разработка). В виде замечания к приведенным фактам нужно сказать, что реакционное ламство, так легко пошедшее на борьбу внутри себя, видело в лице Духовного управления опасного ставленника власти, оказалось не столь дальновидным, как это можно было ожидать из предыдущей его деятельности. Если бы оно, не проявив своего недовольства против новшеств, пошло по линии показного обновления и продолжало в основном скрыто вести свою контрреволюционную работу, то результат от проводимых мероприятий получился бы совершенно другой.

Из области оперативных мер за последнее время можно указать на арест семи лам во главе с Лувсаншаравом, Саралжиндондовом, Намжилом и др. по обвинению в расклеивании анонимных листовок контрреволюционного характера и нарушении закона об отделении церкви от государства.

Деятельность Духовного управления УБХ и настроение низового ламства

В противовес деятельности консервативно-реакционного ламства по линии Духовного управления пока ничего серьезного не сделано и сделать что-либо оно не в состоянии.

На работе Духовного управления отражается наличие разногласий среди его членов (консерваторов и прогрессистов). Разногласия эти сводят заседания Духовного управления в непрекращающиеся дискуссии. За последнее время проводится ревизия денежных отчетностей джас Улан-Баторских монастырей, обнаруживающая ряд растрат и мошеннических проделок нярб[21] (казначеев). Выясняется, что в джасах, являющихся центром ростовщического капитала и своеобразным кредитным учреждением для пандзачинов-ростовщиков и орудием закабаления бедноты, имеется значительное количество китайских серебряных долларов и весового серебра. Не подлежит сомнению, что ламство, вопреки всем постановлениям правительства, умышленно скупало их, ожидая политической перемены (меры по этому поводу принимаются).

Для ясности следует заметить, что Духовное Управление не имеет прямого отношения к джасам и не распоряжается ими; они всецело находятся в ведении данной монастырской администрации, которая располагает по своему усмотрению.

За последнее время в Духовном управлении дебатировался вопрос о том, чтобы за счет сокращения паев из кружечки печенья (дугуй) у высшей и средней категории ламства усиливались паи для низов.

Когда по этому вопросу разгорелись прения, то один из членов пошел еще дальше и предлагал, не ограничиваясь только усилением нормы за счет высшей категории, практиковать вспомоществование неимущим низам за счет средств джас. Против него высказалось большинство Духовного управления, и только голос представителя правительства, поддержавшего предложение данного члена, заставил их замолчать (в таких случаях они не соглашаются и не возражают, предпочитая провести молчанием). Конкретного решения по существу вынесено не было. Этот во-

прос, видимо, затронул заинтересованные категории ламства, ибо на одном из богослужебных собраний (хуралов) молодежь высказывалась за необходимость не только сократить нормы на «дугуй» у габджи, но и арифметически начислить, сколько данный габджи или агримба со дня производства в это звание получил лишних «догуев» против установленной теперь нормы, и в принудительном порядке взыскать с них в пользу бедноты[22].

Однако на такие требования низовой ламской массы Духовное управление реагирует крайне слабо, вследствие чего часть низов впадет в уныние и разочарование. Некоторые же, не зная, что делать, проявляют анархические тенденции, выступая и против консерваторов, и против Духовного управления (пример с устройством обструкции члену Духовного управления Эрдэнэпилу при проведенных им перевыборов гескуя одного из дацанов).

Опасность такого явления в том, что это упадочное настроение части низов ламства и отсутствие определенной линии поведения может быть легко использовано консервативно-реакционным элементом, выступающим под видом последовательной народной власти и даже с некоторыми прогрессивными лозунгами (осуждение бюрократизма Духовного управления). Вопрос о выработке новых джанков и диглимов (положение и устав) остается пока непродвинутым, а между тем они могли послужить направляющим руководством для всего прогрессивного движения.

Результаты работы среди ламства УБХ

Проведенный опыт работы среди городского ламства, несмотря на наличие ряда таких существенных организационных недочетов ее как отсутствие четко намеченной принципиальной установки и единого руководства, можно сказать, оправдал установку партии в ламском вопросе и дал некоторый положительный результат в смысле: а) выявления групповых интересов разных категорий ламства; б) взбудораживания низового ламства и поднятия его интересов к вопросам внутреннего распорядка монастырей; в) создания разногласий между различными категориями ламства на материальной и канонической основах; г) отвлечения внимания реакционной верхушки ламства от непосредственной контрреволюционной работы (вопрос о приглашении Богдо и Панчен-Богдо)[23] и направления этого внимания на внутреннюю борьбу – борьбу за сохранение своего экономического [и] правового престижа и д) выявления форм и методов работы консервативного ламства против прогрессивного движения.

Отмечая результаты практической работы среди городского ламства, надо сказать, что достигнутые результаты ни в коем случае не могут быть признаны достаточными, ибо основная масса ламства на местах продолжает оставаться почти незатронутой, и по-прежнему она составляет громадную реакционную силу, ибо находящиеся в потенции внутренние противоречия еще не развязаны.

Цифры, характеризующие ламство как мощную социальную силу

Если обратиться к цифрам, то в пяти аймаках МНР светских мужчин 260 905, женщин 345 350, итого светского населения 617 843, плюс лам – 104 106, всего населения 721 949. Таким образом, 16,83% всего населения, или почти 40% всех

мужчин состоит из нетрудовых паразитических элементов лам[24]. В имущественном положении – у населения 4 498 357 бодо и у монастырей (джас) 842 280 бодо, что составляет 17,84%. Простое соотношение цифр бодо у населения и джас таково: на каждого светского едока приходится 7,2 бодо, а на каждого едока-ламу 8 бодо. В количество бодо не входит денежный капитал монастырских джас, используемый ламством с ростовщической целью (проценты частных ссуд достигают до 50–60 годовых). При прогрессивном обложении джас налоги с них составляют 27,7% по отношению к общей сумме налога с населения. Эти цифры, подтверждая сказанное выше, наводят на вопрос о состоянии ламства на местах[25].

Стихийно возникавшие прогрессивные движения на местах

Отсутствие какой-либо работы по разложению местного ламства, кроме практики административного нажима на «развратных лам» с целью обращения их в светское состояние, обуславливало то, что возникавшие кое-где прогрессивные движения не находили соответствующих форм и путей для своего развития и даже искусственно зажимались местной администрацией под влиянием реакционного ламства. Например, раскол ламства Ганданцаджалин хийда Баянхонгор-ульского хошуна Цэцэрлик-Мандальского аймака, где возникшее прогрессивное движение с требованием упразднения почетных званий, телесного наказания и уравнения паев было подавлено консерваторами во главе с тибетским Аро гегеном и гуртымбой Бальжиром, выступившими совместно с заведующим административного отдела хошунного управления Лхагважавом, разрешившим их тяжбу в пользу последних.

Часть прогрессистов подвергалась опале, но все же вражда до сего времени продолжается. В численном отношении консерваторов было более 500, а прогрессистов с нейтральными около 300 человек. Раскол возник в прошлом году в хийде Джандан Чойри Богдо-хан-ульского аймака, причины аналогичны с предыдущими. Такие примеры наблюдаются и в других хийдах, но существенно здесь не количество примеров, а факты того, что прогрессивное движение – не продукт работы только среди городского ламства. Отсюда вывод, что необходимость развертывания ламской работы на местах жизненно назрела.

Выводы

1. Опыт работы партии по расслоению Улан-Баторского ламства подтвердил правильность принципиальной установки 7-го съезда в ламском вопросе и создал необходимые условия для дальнейшего развития полученного опыта среди многочисленного ламства на местах.

2. Несмотря на наличие известных достижений в работе по расслоению городского ламства, особенно его руководящей верхушки, и отвлечения внимания последнего от непосредственной контрреволюционной деятельности, все же имеется ряд существенных недостатков, суть коих сводится к тому, что материальная база под ламскую работу еще не подведена и вследствие этого создается некоторая опасность в смысле возможности использования реакционной верхушкой пробуждающейся активности низового ламства в свою пользу.

3. Отмечается стремление консервативно-реакционного ламства в создании единого контрреволюционного блока не только с реакционными хутухтами внутри

страны, но и Панчен-Богдо и ламством Бурятии, Внутренней Монголии и Тибета (Ара гэгэн).

4. Ламство на местах продолжает оставаться почти не тронутой целиной в смысле отсутствия систематически проводимой работы по расслоению его на враждующие группы, что ведет к усилению его враждебной активности.

5. Контрреволюционная деятельность ламства стимулируется фактами консолидации его сил с одержимыми предрассудками представителями местной власти и правыми элементами в стране[26], что при слабости мер репрессивного воздействия со стороны власти ведет к максимальному использованию религиозных предрассудков и суеверий, и материальной эксплуатации аратских масс.

6. Неуточненности ряда законоположений по отделению церкви от государства и отсутствие должной четкости и единой линии руководства ламской политикой создает ненормальные условия в общей работе.

Практические предложения

1. По линии партии и Ревсомола широко развернуть антирелигиозную пропаганду, срочно разработать для этого ряд практических мероприятий.

2. В целях подведения материальной базы под прогрессивное движение и создания стимулов к переходу низшей категории ламства в светское состояние, использовать капиталы джас на материальное вспомоществование неимущих лам.

3. В виде частной меры по ущемлению джас провести изъятие имеющихся в монастырских джасах китайских серебряных долларов и серебра весового, предварительно выявив наличие и размер их во всех джасах монастырей страны.

4. Лишить хотокт и хубилганов прав распоряжаться капиталом джас своих монастырей и перевести их в равное положение с остальным ламством.

5. Категорически воспретить всякие нелегальные, или так называемые «добровольные сборы» пожертвований среди населения в пользу ламства под предлогом сооружения святынь и тому подобное[27].

6. Поставить вопрос об ограничении возрастной нормы приема в банди-хувараки с 18 лет, уточнив ту расплывчатую формулировку вопроса, какая дана по этому вопросу в прежних законоположениях[28].

7. Форсировать вопрос о выработке примерных положений и уставов монастырей в условиях включения в них всех моментов канонических на основе Винаи и материально-экономических противоречий среди ламства.

8. В деле руководства ламской политикой добиться такого положения, чтобы были упразднены все официальные представительства власти при Духовных управлениях с передачей:

а) официальных функций по вопросам отделения церкви от государства и Министерство внутренних дел и

б) руководства всей неофициальной политикой[29] по ламскому вопросу, с разработкой соответствующих мероприятий, – ГВО, действующей по директивам антирелигиозной комиссии при ЦК партии.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 350–365. Заверенная копия.

№ 114
Информационное сообщение о настроениях секретаря ЦК МНРП У. Бадраха в связи с разногласиями в ЦК МНРП и записи бесед с ним

№ 149 с/ВО
г. Верхнеудинск

22 марта 1930 г.
Совершенно секретно
Серия «К»

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю

При сем препровождаем копии монгольских материалов (2 экз. сводки) для сведения.

Приложение: упомянутое.

Начальник БМО ОГПУ — Бодеско
Пом. уполномочен. ВО — Дашепылон

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 366. Подлинник.

Приложение 1

Настроение Бадраха в связи с разногласиями БДК МНРП

1. Гэндун, Жигжиджав[1], Элдэв-Очир[2] начинают отходить от левой группы. Перед пленумом они устроили нелегальное совещание у члена ЦК Чойжила[3], на котором резко критиковали все пункты письма Коминтерна, за исключением пункта, говорящего о дружбе с СССР. От обсуждения этого пункта они воздержались умышленно.

Чойжил, выступая на этом собрании, призывал присутствующих пропагандировать свои взгляды так же, как в свое время пропагандировал свои взгляды Карл Маркс. На этом же совещании говорилось, что коммунисты-русские и особенно буряты, а также представители ИККИ и КИМа вводят монгольских работников в заблуждение, и что с таким положением монголам надо решительно бороться. Эта же группа на одном из своих нелегальных совещаний обвиняла в национализме меня, Бадраха, Амагаева и Коняева[4]. Впоследствии, желая себя оправдать в глазах Кучумова[5], группа свалила все на Дэнсэнсодола (секретарь Цэцэрлэгского айкома).

2. Как бы мы со своей возней по созданию единства среди левых не провалили бы принципиальные политические вопросы и правильную линию по принципиальным вопросам, ибо т. называемая пятерка не играет большой роли в партии. Слишком много нянчатся с нашей пятеркой в смысле установления единства – не стоило бы, если будет этим затушевываться принципиально-политическая линия.

Поведение Жигжиджава и Гэндуна никудышное, по существу они боятся своих ошибок, и плюс к этому Коняев уже второй раз защищает Жигжиджава и тем самым объективно зажимает самокритику, несмотря на то, что мы очень красиво говорим о развертывании самокритики. Первый раз Коняев защищал его, Жигжиджава, на Президиуме ЦК МНР[П], выступивший против Дэнсэнсодола (Цэцэрлэг), а на пленуме тоже говорил об этом же. По существу, Жигжиджав является ярым правым, а Гэндун, выступая в газете, сказал, что среди пятерки (левой) хотят сде-

лать раскол извне, что это извне является не кто иной, как Дэнсэнсодол, последний имеет грешки за собою, но никак не больше, чем Гэндун и Жигжиджав; последние отрицают устроенное ими совещание у Чойжила и всю вину налагают на Дэнсэнсодола. Такие моменты очень похожи на работу правых в прошлом, перед VII съездом. О чем Гэндун и Жигжиджав знали, но, к сожалению, сами объективно встают на этот путь. Я сейчас болен, но, тем не менее, все эти ошибки свои и других обязательно как-нибудь раскрою нас съезде. Мое письмо к пленуму должно было пугнуть многих, но пока еще об этом меня никто не информировал. Перед съездом хотел было переговорить по этим вопросам с тов. Кучумовым, но решил передать это все ему через Дашинимаева. Хотел также поговорить с Коняевым, но он не показывается. В общем и целом, я не могу скрывать свои ошибки и ошибки товарищей, которых, по-моему, надо открыто выявлять. Во всех этих делах Лаган оказался недальновидным и по некоторым вопросам плетется в хвосте.

Элдэв-Очир очень беспокоится тем, что его перевели из члена Ревсомола в кандидаты на три года. Он думает, что пленум прошел единодушно и съезд, по его мнению, также пройдет единодушно.

Бадрах в беседе говорил, что «я не могу понять, что за человек Жигжиджав, он определенно не будет истинным другом по работе ЦК и является препятствием широкой самокритики». Бадрах боится того, что Гэндун и Жигжиджав не выдержат свои обещания и [будут] отстаивать свои старые позиции. Тогда с группой Гэндуна будет весьма трудно вести борьбу, ибо перед съездом так или иначе он, Гэндун, будет фигурировать как центральная фигура в ЦК [и] останется так и не затронутой. Если сейчас раскрыть все разногласия перед съездом, то после съезда будет все известно партийной массе, и легко будет осуществлять наши основные задачи.

«Я болен, врачи рекомендуют в течение двух недель не выходить из дому, даже запретили категорически выходить из дома, но я не могу в такой ответственный момент сидеть дома, все равно за дело можно умереть, теперь буду присутствовать на съезде до последнего момента, когда нельзя будет шевельнуться, тогда только залягу».

Далее он говорит, что группа Гэндуна все равно не разрушается перед партией, они после съезда [будут] отстаивать свои позиции, благодаря этому я считаю, что лучше раскрыть свои все ошибки перед съездом, а также и ошибки других.

Хотя была у нас договоренность о единстве, но это не долго продолжится, поэтому я думаю выступить перед съездом и раскрыть все моменты разногласий.

За критику руководителей Гэндуна, Жигжиджава и Элдэв-Очира со стороны последних начался нажим на критиковавших членов партии. Например, Дэнсэнсодол за критику Гэндуна получил большую нахлобучку со стороны делегатов, даже некоторые указывали, что Дэнсэнсодол – это третья сила, и требовали создания специальной комиссии для разбора этого дела. Это было продиктовано Гэндуном, который подговорил секретаря Горкома Раднабазара для того, чтобы он, Раднабазар, создал общественное мнение против Дэнсэнсодола. За критику (за перевод из членов Ревсомола в кандидаты) Элдэв-Очира член партии Очир-Цэнд арестован милицией и посажен в тюрьму. За критику Жигжиджава попал в ГВО член партии Надмид, который указывал на то, что в Монценкоопе[6] это гнездо белогвардейцев, что

Жигжиджав не обращает внимания на удаление этих элементов из аппарата Монценкоопа.

Далее Бадрах говорит, что в прошлом году, до VII съезда, сами сидели в тюрьме за критику правых, а теперь за ту же критику, направленную против них самих, сажают других.

Неправильно то, что съезд начал заниматься такими мелочами, как вопрос о Дэнсэнсодоле и др. Также неправильно то, что правых безо всякого выдворяют из съезда, надо открыто бороться против них, крыть их на съезде с тем, чтобы видели делегаты их ошибки, приперли к стенке, чтобы они морально чувствовали. В прошлом году тов. Шмераль[7] говорил, что правых надо бить не при закрытых дверях, не изолированно, а открыто в присутствии их. Этим самым показать мощную силу левого руководства всей партийной организации с тем, чтобы они убедились в беспощадности и способности открыто и жестоко крыть тех, которые делают правое дело. Я удивляюсь, почему тов. Кучумов не реагирует на эти моменты и своевременно не дает направление по таким вопросам.

Вчера я определенно заявил тов. Коняеву, что съезд неправильную линию в этих вопросах вел, что, сосредотачивая мнение съезда на мелкие вопросы, тем самым отвлекается от основных принципиальных и политически важных вопросов. А посему вчерашнее выступление тов. Кучумова считаю совершенно правильным. Если бы тов. Кучумов не выступил сегодня, так завтра или послезавтра я бы не вытерпел и, несмотря на свою нездоровицу, набрался бы сил выступить.

Гэндун, Жигжиджав и Элдэв-Очир определенно боятся самокритики, это видно из того, что они в личных интересах, т. е. когда начали критиковать их самих, зажали самокритику путем применения административных мер против критикующих. Разве бывают на свете такие левые, которые боятся критики? Ни в коем случае не следует думать, что я этим хочу защищать Дэнсэнсодола, он вообще несерьезный человек, разносит сплетни, хочет похитрить, но не умеет этого делать. Но, несмотря на некоторую односторонность и, быть может, недобросовестность, иногда все же в критике Дэнсэнсодола против Гэндуна и др. имеется значительная доля правды.

Отмечая все вышеизложенное, Бадрах полагает, что Кучумов, как представитель Коминтерна, несвоевременно реагирует на все эти моменты и не дает должных направлений. На вопрос: возможно, он предостерегается или боится ошибок, Бадрах отвечает: «На какой черт он будет бояться». Если кто-нибудь выступит против Кучумова, то это только правые. Ведь Коминтерн достаточно авторитетный орган, делегаты это хорошо знают, благодаря малоопытности и отсутствию достаточно авторитетного лица у нас могут быть допущены большие ошибки, поэтому Кучумов должен чаще всего в трудных вопросах, выплывающих на съезде, сразу же ориентировать съезд, указать правильную линию, ввести в правильное русло.

Когда указывал Бадрах на вышеуказанные недостатки на съезде, ему было сказано, что это все исходит с мест, что же будешь делать, когда люди не дают покоя, просят слова один за другим. Тогда Бадрах отвечает: «На какой черт тогда левые руководители сидят там, если не могут дать точное направление съезду». Далее он говорит, между прочим, что он написал брошюру об истории возникновения пра-

вого уклона в рядах МНРП. Скоро выйдет на свет, и многим будет тошно. Правым (из левых) можно будет в случае чего предъявить 21-й пункт (последний) условия приема в Коминтерн, который гласит: «За неисполнение директив Коминтерна исключается из партии (из Коминтерна)». Этим он намекает на группу Гэндуна, особенно на Жигжиджава.

У Бадраха настроение очень хорошее, несмотря на то, что болеет. Лежит в постели и диктует людям свою работу.

В связи с определенным походом на группу Бадраха кобдоская делегация, особенно дербетская часть, чувствует себя весьма настороженно. Боятся того, что как бы не предприняли против дербетцев поход халхасцы.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 367–368. Заверенная копия.

Приложение 2

Запись беседы с секретарем ЦК МНРП У. Бадрахом

№ 723069 25 апреля 1930 г.
г. Улан-Батор Совершенно секретно
Оценка: засл. довер.

Беседа с секретарем ЦК Бадрахом

По поводу нового состава ЦК и ЦКК МНРП и от дальнейшей работы ЦК он сказал следующее: «О Гэндуне (секретарь ЦК). О нем говорить нечего, всем известно, что он заслуженный товарищ, но не глубокий политик, почему свойственны ему ошибки, которые он совершает в пустяшных вопросах. Он не продумывает вопросы до конца, и любит решать слегка. Самое главное, он не занимается самообразованием, а это необходимо и обязательно для нас, руководителей ЦК. Ведь с каждым годом работа партии становится сложнее, люди растут, в частности, актив. Потребность масс растет, они всегда вправе и должны требовать от нас того, чтобы мы работали над собою, чтобы быть на высоте своего положения как руководители. Гэндуна кроют на Великом Хурулдане за допущенную им недавно ошибку в вопросе оценки Кобдоского ламско-княжеского восстания[8]. За то, что он восстание в Улангоме рассматривает как движение, продиктованное специфичностью Кобдоского округа и только вне связи с международным движением религиозников всех мастей во главе с папой, а также с Панчен-Богдо[9].

О Шиджи[10] (секретаре ЦК). Я думаю, что он подходящий работник. Он молодой и энергичный человек, поэтому никаких сомнений по поводу того, что мы сработаемся, у меня нет». Намеком дает знать, что Шиджи никуда не уйдет и будет придерживаться той линии, которую будет проводить Бадрах.

О заворге ЦК Лувсаншараве Бадрах говорит, что он молодой, малоопытный, энергичный парень, хотя горячий, но скоро научится работать.

Об инструкторе Орготдела ЦК Шантанове[11] (вновь назначенный) говорит, что он какой-то слишком тихий человек, видимо, имеет большой стаж практической работы в парт. организации в БМАССР. Он еще достаточно не знает условий Монголии, поэтому могут быть ошибки со стороны его.

О заведующем агитпропотделом ЦК Цэндсурэне. Это очень легкий, ветреный и рассеянный молодой человек, но научиться может.

Об инструкторе АПО Бойме (вновь назначенный). «Не знаю, каким образом назначили этого детёнка инструктором АПО ЦК. Это мальчишка, по слухам, приехавший со школьной скамьи. Я не знаю, где он работал раньше, но, во всяком случае, он не может руководить такой серьезной работой, как агитпропработа. Он еще может возиться с пионерами, порою играя с ними» (смеется). Далее серьезным тоном говорит, что для работы в ЦК требуют[ся] люди, по крайней мере, с опытом работы окружкомов, обкомов нацреспублик СССР, да еще при хорошем руководстве представителя Коминтерна. «При том необходимо знание языка, хоть маломальски, ибо опыты нашей работы в прошлом дают мало пользы, да при том создает разного рода недоверие и недовольство между инструкторами и нашими товарищами. Кроме того, надо иметь целый институт переводчиков, которых трудно найти. Теперешний курс Полпреда СССР на обучение самих инструкторов языку не дает и не даст никакого результата. В течение трех лет им не изучить язык, при том еще в порядке принуждения. Это не годится. Лучше было бы организовать школу переводчиков по типу старых времен Автономной Монголии. О тов. Бойме я хотел поговорить с тов. Кучумовым, но еще не успел».

О зам. секретаря ЦК Дэмиде[12]. «Я о нем еще мало знаю, кроме того, что он говорит красиво. По-моему, он легкий человек, хорошо говорит, а это хорошее сам не выполняет. Правда, говорят, что он много работает над собою, может быть, выйдет польза с него».

О председателе ЦК Дэндэве. «Он очень спокойный, выдержанный человек, серьезен и вдумчив. У него в среде нас самое хорошее социальное качество, он батрачил с малолетства и работал на производстве чернорабочим. Он научится работать».

О Тарантаевой[13] (инструктор Женотдела). «Она хорошо говорила в прошлом по-монгольски, а сейчас почему-то все время щеголяет русским языком, по-видимому, позабыла почти родной язык, она просит переводчика. Ей надо было бы работать по методу молодежного Шантанова (инструктор ЦК Ревсомола), который сам пишет по-русски, потом толкует ребятам, они записывают, вот и получается хороший тезис на монгольском языке».

Касаясь работы, ЦК Бадрах говорит, что после съезда работа совершенно не двигается, даже не могут отпечатать резолюции и постановления ЦК. «В аппарате просто-напросто суматоха, бегают взад и вперед. Я говорил об этом Шиджи и ругал Цэндсурэна, но ничего не выходит. Хотел говорить с Кучумовым, но не пришлось. Выносим очень красивые и хорошие резолюции и постановления, но их не выполняем как следует. Ведь все эти постановления и резолюции – повторение предыдущих пленумов и съездов ЦК партии и правительства, а наши люди этого не понимают, они думают, что вынесением резолюций и постановлений очень многое делают. В общем МНР можно назвать «Республикой замечательнейших постановлений и резолюций». Не знаю, как дальше пойдет работа. Мне лично долго не придется работать, надо лечиться, я думаю, что если ЦК мне разрешит отпуск на лечение, то поехать в СССР на 3–4 месяца, взяв себе хорошего переводчика, с тем, чтобы наряду с лечением проработать важнейшие труды Ле-

нина. А после лечения поездить по нацреспубликам для ознакомления с опытами работы в них».

О Кобдоском восстании

«Я еще осенью говорил, что в Кобдо положение весьма серьезное, что надо усилить нам нашу работу там и принять все меры к тому, чтобы не произошли события. Я предполагал, что восстанут эти ламы и князья. Если скажут, что Бадрах хочет похвастаться этим, я докажу им документами, в частности, своим письменным докладом в ЦК. Наши люди не обращали на это никакого внимания. Теперешние меры, которые мы принимаем по подавлению восстания, они повлекут за собою плохие последствия. Урянхайцы и казахи могут перейти в провинцию Синьцзяна. Сейчас они задерживаются большим снегом на хребтах между Кобдо и Синьцзяном. Я не говорю, что неправильно расстреливают феодалов и лам, надо их расстреливать и еще многих мы расстреливаем в будущем. Только нужно было послать туда местных людей».

Настроение Бадраха хорошее, беседа проходила весьма оживленно.

О Коняеве. «Я не знаю, по каким соображениям Кучумов послал Коняева в Кобдо, для улучшения работы там или по другой какой-нибудь причине».

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 435–436. Заверенная копия.

Приложение 3

Беседа с Бадрахом

1. Бадрах говорит, что некоторые товарищи из ЦК (не называет никого) секретаря ЦК Ревсомола Соднома[14] намерены назначить министром торговли и промышленности. Если он, Содном, будет назначен на эту должность, то его должны будем избрать в члены ЦК Нарпартии, ибо министр торговли и промышленности по положению должен быть членом ЦК. Они тем самым отступают от прежних решений о снятии Соднома и Загда[15] из секретарей и не включении их в новый ЦК. В настоящее время, когда я слышу об этом, то поневоле должен делать заключение, что все то, что мы говорили раньше по этому вопросу, оказалось фальшивым. Было известное маневрирование отдельных товарищей в целях исключения из ЦК Загда, им было неудобно требовать отстранения Загда от должности секретаря ЦК, не касаясь одновременно Соднома, а когда вопрос был решен о необходимости не включать Загда в ЦК, то они решили пойти на спасение Соднома. По моему мнению, все это совершенно не правильная затея. Совершенно правильно удаление обоих от ЦК и не выдвигать никого из них в такие учреждения, где руководитель этого учреждения по положению должен быть членом ЦК МНРП.

2. Далее Бадрах говорит, что из Москвы приехал студент КУТВ на кратковременный отпуск, а его оставляют здесь на работу в Монголстрое. Удивительно недальновидный народ. Его надо было бы использовать на более серьезной, ответственной работе, чем Монголстрой, или же дать человеку кончить университет, а то они губят человека всесторонне.

3. За последнее время китайские купцы с корыстной целью закрывают все свои магазины, отсюда у нас уменьшились внутренние пошлины, скоро совершенно их не будет. Кроме того, давно прекратились сборы по подоходно-поимущественному налогу; заинтересованные наши учреждения не обращают на это никакого внимания. Если будет продолжаться так дальше, то в июне или июле будем иметь финансовый кризис, потому что местные органы живут за счет госбюджета, а задолженности их по приходной части бюджета очень большие. Наши, как Жигжиджав, Гэндун, Лаган и друг. ни черта об этом не знают, не понимают и не думают.

4. По поводу постройки железной дороги Троицкосавск – Улан-Батор Бадрах говорит, что самостоятельно Монголия может построить дорогу не раньше, чем [через] 30 лет и то в случае, если не будет интервенции извне, но при поддержке Советского Союза мы можем это дело выполнить быстро. Вчера Гэндун высказывал такое мнение, что мы можем построить дорогу самостоятельно в следующую пятилетку. По-моему, это чепуха, ибо я знаю, что мы самостоятельно не можем построить, так что если не будет поддержки со стороны СССР, то не будет и железной дороги. Ведь дело обстоит так, что принципиально вопрос разрешен еще на Первом Великом Хурулдане, нам только надо подтвердить это в партийном порядке и ругать предыдущее руководство партии за то, что на протяжении нескольких лет ни разу не поставила этот вопрос перед парт. массой. По-моему, по части постройки железной дороги надо сделать следующее: 1) Заключить договор с Советским Союзом об изыскательной работе и о самой постройке. 2) Железнодорожную проблему надо ставить шире, чем думают отдельные товарищи, по-моему, надо иметь в виду охват железнодорожной линией главнейших сырьевых и промышленных пунктов Монголии, я имею в виду западные районы, проведение линии в сторону Бийска, ибо все материалы, привозимые из худонов на верблюдах в Улан-Батор можно нагрузить в три вагона, так что в будущем будет перебой [в] регулярной перевозке грузов. 3) Необходима постройка металлургического завода для обслуживания нужды постройки жел. дороги и промышленности. Причем вопрос о столице будущей социалистической Монголии является одним из актуальнейших проблем. Может ли стать Улан-Батор столицей социалистической Монголии – мы еще не знаем, ибо единственная река Тола с каждым годом уменьшается (всасывается в землю), а для развития индустрии (промышленности) нужны природные богатства, источники белого угля, главным образом. Делегаты настаивают на постройке железной дороги в 5 лет, а наш Гэндун не может дать им соответствующего ответа. Это же позор для руководителя партии. Наши отдельные маленькие разногласия, имевшие место ранее, и сейчас могут перерасти в большие и крупные разногласия. Правильно то, что Чуцкаев отметил в резолюции по пятилетке, что нац. меньшинства Западного края Монголии должны иметь некоторую самостоятельность в деле развития промышленности и национальной культуры, ибо давно нужно было учитывать нам особенности этих народов и некоторые их специфичности. На западе больше природного богатства, чем в других районах.

5. Я слышал, что на изыскательную работу по постройке жел. дороги Верхне-Удинск – Троицкосавск ухлопали около 400 000 руб., да еще не могут найти места. Если это правда, то мы должны будем столько же пустить на изыскательную работу. А это для нашего скудного котелка госбюджета является громадной тягой. Де-

ло собственно не в деньгах сейчас, а дело в принципе. Принципиально надо строить это обязательно. Но о том, как строить, об этом надо проработать, основательно прощупать все, что нужно и можно.

6. О новом составе ЦК мне пока ничего не известно. Видимо, нам с Гэндуном придется и в дальнейшем тянуть вместе лямку.

7. Касаясь состояния здоровья, Бадрах говорит, что намерен после съезда уехать в продолжительный отпуск, а не знаю куда, ехать. Врачи советуют поехать на Кавказ, стоит ли тратить на это деньги, думаю, не лучше ли остаться в Монголии, но жить-то хочется.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 438–439. Заверенная копия.

№ 115
Информационное сообщение о настроениях делегатов VIII съезда МНРП

№ 723028 8 апреля 1930 г.
Улан-Батор-Хото

Вокруг VIII съезда МНРП[1]
(настроения и разговоры среди делегатов и членов ЦК МНРП, по агентурным данным за март 1930 года)

Гомбожав, зав. Банковской школой говорит: «Идет серьезная критика на руководящих товарищей, например, исключили из партии ряд лиц: жену Элдэв-Очира, за чуждое происхождение, Буяннэмэха[2] – за идеологическую невыдержанность, Элдэв-Очира хотели исключить за непосещение ячейковых собраний, Наван-Намкал, феодал, Гурсэда – за правый уклон и т. д.».

Бямбын Ринчин говорит: «VIII съезд партии в прошлом году продолжался около двух месяцев, нынче еще, видимо, больше. Нужно полагать, что год от году продолжительность съезда увеличится. Что же это такое. Разве это работа – два месяца заниматься разговорами. Вот «темп» работы наших людей, достойных носить звание строителей социализма. Отсюда, конечно, понятно, какой социализм они построят».

Делегат Тайшира[3] Намжил (пред. хош. управления) говорит, что в прениях на VIII парт. съезде мало внимания уделяют на недостатки левого руководства. Он же по вопросу комплектования будущего состава Секретариата ЦК говорит, что необходимо оставить секретарями Гэндуна и Элдэв-Очира, а Бадраха снять. Бадраха он считает классово невыдержанным, обвиняет его в том, что при проведении чистки искривлял классовую линию, кроме того, проверял чойжинчинаров и шаманов, насколько они знают свое дело, что является, по мнению Намжила, недопустимым.

Делегат Тайшира Лувсаншарав, член Президиума VIII парт. съезда, говорит, что прения идут односторонне, больше всего критикуют правых и то не по основным вопросам, а ошибкам в левом руководстве не уделяют внимания, боясь того, что от выявления этих ошибок может расколоться сила левых, и что это могут использовать правые. Я считаю, что нам нечего скрывать ошибки левого руководства, надо их выявлять, чтобы в дальнейшем исправить. Однако мы не должны

смешивать ошибки левого руководства с линией правых, что некоторые товарищи вроде Дэнсэнсодола допускают. Я предполагаю в своем выступлении по полит. отчету ЦК остановиться на этих моментах.

Делегат Дэндэв[4] (Хэнтэй[5]), член Президиума съезда, говорит, что в работе ЦК партии был допущен ряд крупных ошибок, которые отмечены в письме Коминтерна[6]. Однако выступающие делегаты на съезде не заостряют свое внимание на них. Тогда как съезд должен определенно отметить эти ошибки и осудить левое руководство. В выступлении по полит. отчету я предполагаю остановиться на этом и указать, что мы не должны скрывать наши ошибки, а выявлять и исправлять. При этом я буду исходить из того, что говорил тов. Сталин в отношении раскола в американской компартии (что имеется в виду?). Его установку считаю приемлемой и для нашей партии. Кроме того, я остановлюсь подробно на работе профсоюзов, где предполагаю также указать на ошибки ЦК в том, что он не обратил достаточного внимания на проф. работу, особенно на защиту интересов рабочих и батраков.

По словам секретаря ЦК Гэндуна, на него из Цэцэрлэга получен дополнительный материал, по его же словам, по линии ГВО получен также материал, в котором сообщается, что в Цэцэрлэге еще до II Пленума ЦК[7] было устроено тайное собрание 10 товарищей во главе с Тогосом, находящимся теперь в тюрьме по делу Гомбо[8]. На этом собрании присутствовали: секретарь айкома РСМ Дэнсэнцодол, зав. отд. упр. айм. ямана[9] Дашби Нима и друг. аймачные работники, которые вынесли решение добиться исключения из партии и снятия с руководящей работы Гэндуна, Жигжиджава и др. (10 человек). Об этом собрании до сего времени не было известно. Ему, Гэндуну, передал об этом Намсарай (из ГВО).

По словам делегата Сэрээтэра, военный министр Дарьзав имеет тесную связь с бывш. секретарем ЦК партии и лидером правой оппозиции Дамбадоржем и, кроме того, с правым элементом Жадамбой, которые находятся в Москве. Об этом ему якобы сказал инструктор колхоза Илие[10] и также на совещании парт. актива в Цэцэрлэге Дарьзав выступал с критикой письма Коминтерна.

По словам Чултэма, делегата из Цэцэрлэга, пятилетний план народного хозяйства[11] имеет весьма важное значение для развития экономики Монголии. Основные моменты должны быть обращены на улучшение и развитие скотоводческого хозяйства. С проектом пятилетнего плана он вполне согласен. Проведение железной дороги из Улан-Батора до Кяхты[12] необходимо: во-первых, это даст толчок развитию промышленности в нашей стране и, во-вторых, можно будет быстро перебрасывать товары из СССР. При проведении этой дороги нужно просить помощи от СССР и еще крепче установить связи. Об этом он говорил в своем выступлении на съезде, но ввиду краткого времени не смог отметить все эти моменты в своем выступлении.

Цэндсурэн (член ЦКК). В своем выступлении сказал, что пятилетний план в достаточной степени не проработан, но, все же, он считает проект пятилетки правильным. Кроме того, считает необходимым взять линию на ввоз в Монголию автомобилей одной марки, чтобы при поломке можно было бы легко их исправлять. Например, у нас имеются автомобили различных марок, и при [по]ломке их нельзя исправлять, т. к. негде достать запасных частей.

Будбазар (делегат Цэцэрлэга). В своем выступлении сказал: «Многие товарищи в своих выступлениях отмечали, что работа здравоохранения поставлена слабо. Это правильно. Есть факты, когда трупы умерших расставляют одних так, как будто бы умершие делают гимнастику, а других, как будто происходит половое сношение между трупами мужчин и женщин. Этим самым дискредитируют перед массой работу здравоохранения. Я здесь критикую не только работу Хаянхирвы, но и вообще работу здравоохранения. В дальнейшем необходимо улучшить работу здравоохранения и изжить подобные безобразия».

Худэрчулуун (делегат Цэцэрлэга). При проведении призыва новобранцев на местах встречается много затруднений, особенно в тех хошунах, которые далеко находятся от аймачного центра. Например, осенью прошлого года в Цэцэрлэгском аймаке проводился призыв в армию и для освидетельствования вызвали всех призывников Хубсугульского хошуна в аймцентр. Здесь ввиду слабой постановки транспортного дела призывникам приходилось идти пешком. Поэтому в целях изжития указанных затруднений необходимо в будущем освидетельствование проводить по хошунам. Затем давно говорили о развитии земледелия, но на деле ничего не делаем. Теперь нужно от слов перейти к делу и развить земледелие. Здесь выступавшие товарищи говорили о правых элементах в лице Амара, Одсурэна и друг., которых со своей стороны также считаю необходимым исключить из рядов партии.

Будбазар (делегат Цэцэрлэга): «Религия и ее духовенство являются основным орудием затемнения знаний аратских масс. Пользуясь темнотой и невежеством, духовенство чрезмерно эксплуатирует аратскую массу и оказывает большое сопротивление на нашей работе в деле поднятия культурного уровня аратства. Для борьбы с религией и ликвидации ее необходимо провести следующие мероприятия: во-первых, усилить агитационную работу среди бедняцких аратских масс, во-вторых, категорически воспретить дачу детей в ламы до 18 лет, в-третьих, при коммунах и на местах организовать европейские фельдшерские пункты, в-четвертых, увеличить обложение налогом имущества монастырских джас, и, кроме того, с лам призывного возраста взимать специальные налоги. В прошлом т. Одсурэн ездил по голодающим районам для оказания помощи аратам. При выдаче пособий беднякам давал пособия меньше, а более состоятельным давал больше и совершенно не имущим хозяйства не выдавал пособия.

Гомбосурэн (делегат из худона). В своем выступлении сказал следующее: «В правлении Монценкоопа сидят чуждые элементы вроде Жигжиджава и Дулмы (жена Соднома), которые живут роскошно. Тов. Жигжиджав зажимал свободную критику. Когда делегаты критикуют тов. Жигжиджава, то Гэндун и Элдэв-Очир защищают его и называют того человека, который критиковал, чуждым и правым элементом. Я думаю, что тов. Джигжиджаба и Дулму нужно выгнать из Монценкоопа».

Делегатам съезда известна телеграмма, в которой сообщалось следующее: «В Синьцзянской провинции Китая вблизи нашей границы на главной дороге, направленной в Кобдо и Улясутай, сконцентрировано около 10 000 китайских войск. На нашу территорию прибыло из СССР несколько сотен кулаков, и распространяют вредные ложные слухи. Наши казаки[13] собираются группами перебраться через

Алтай. В пределах страны сопротивление со стороны враждебных элементов, как, например, ламства, имеется по-прежнему. Ламы Улангома собираются устроить мятеж. В дело 40 лам, задержанных за баян-мандальские слухи[14] о мятеже в Танну-Туве, замешаны тувинские гр-не. В Тугсбуянтском хошуне распространяются слухи о том, что, якобы, тувинские араты совершили переворот. Подробности пока не выяснили. Эта опасность и вред может в одинаковой мере перекинуться и к нам. Мы не в состоянии разобраться в усложнившейся напряженной обстановке края. Просим прибыть сюда председателя, инструктора. Ответ»[15].

Сэрээтэр (член МНРП) в письме пишет: «23 февраля с. г. секретарь ЦК партии Гэндун командировал бывшего члена ЦК партии и исключенного из партии Баттумура в Цэцэрлэгский аймак в качестве разведчика (тагнула). Об этом стало известно другим лицам, ввиду чего айком партии и Ревсомола поставили в известность ЦК Ревсомола, о чем мне сообщил тов. Жанчив.

Примечание: Жанчив является бедняком, в данное время занимает должность Председателя Цэцэрлэг. айм. управления и начальник Военного Отдела.

Во время проведения конфискации имущества феодалов туслакчи[16] Дуйнхордоржа, Хан-Ундурского хошуна, подозревали в скрытии своих денег, тогда тов. Гэндун отправил Баттумура в качестве разведчика. Об этом мне сообщил тов. Дашвандан, середняк. В данное время занимает должность секретаря Хан-Ундурского хошкома партии № 5 Цэцэрлэгского аймака.

Названный Баттумур в бытность членом партии присвоил немножко имущества Богдо, когда производили конфискацию[17], ввиду чего он исключен из партии. Установление дружбы с чуждым элементом считаю недопустимым явлением.

Аюшжав (делегат VIII съезда, приехавший из Цэцэрлэга). В беседе сказал следующее: «Я думаю, что из трех бывших секретарей ЦК Бадраха, Гэндуна и Элдэв-Очира, одного оставить в ЦК, а остальных двоих перебросить на другую работу. Председателя правительства Амара и министра народного хозяйства Дамдинсурэна[18] необходимо снять с постов как лидеров правой оппозиции».

Жигжиджав в своем выступлении на съезде подчеркивал необходимость признания ошибок левыми вождями в случае, если они действительно допустили кое-какие ошибки.

Гомбосурэн (нач. ПУР[19]) в своем выступлении останавливался на том, что монгольские работники не считаются с инструкторами-коммунистами[20], даже снимают их с работы и «вычищают» из аппарата по чистке. По его словам, наши монголы, не умея работать, не хотят считаться с советскими инструкторами, тем самым скатываются в лагерь правых, проводя политику разрыва связи с СССР».

По мнению Гэндуна (секретарь ЦК), из состава секретариата ЦК надо уйти Гэндуну[21] и Бадраху. Остановить Элдэв-Очира, ввести Жигжиджава и одного худонца. Лагана считает слабым на должность Пред. ЦКК. Гэндуна и Бадраха перевести на администр. правительственную работу – одного Пред. Сов. мин., другого Пред. Малого Хурулдана[22]. Он считает необходимым снять Амара с должности Пред. Совмина и не вводить его в состав ЦК, но все же Амара обязательно использовать где-нибудь в хор. органе тушемилом или же председателем Учкома, одновременно введя его в состав президиума Малого Хурулдана или правительства.

Чойбалсана считает необходимым снять с должности Пред. Малого хурулдана, но ввести его в состав ЦК партии, но прежде чем это делать, надо перед ним поставить вопрос ребром: или он останется в рядах партии и в составе ЦК, порвав всякую связь с ламством, бросив пьянку, или же он будет поставлен вне партии. Элдэв-Очира Гэндун считает молодым и легкомысленным.

За последнее время произошел перелом на съезде в сторону того, что нужно критиковать не только правых, а и левых руководителей. Одним из таких показателей является (на заседании 13 марта) выступление Чойжила (ЦК) и Баяртсайхана (армеец) с резкой критикой секретаря ЦК Ревсомола Мэнда[23].

Вокруг вышеуказанного происходят оживленные обсуждения, например, Цэцэрлэгская делегация полностью солидаризируется с выступлением Фокина[24] и последним переломом в целом; по мнению этой же делегации, не достаточно уделял внимания на ошибки левого руководства в политическом отчете[25]. Некоторые делегаты Цэцэрлэга предполагают, выступая по другим докладам, заполнить эти пробелы.

Делегат Тайшира Лувсаншарав (пред. КК), говорит: «Я чувствую, что в левом руководстве есть разногласия, внутренние трения, но у меня не было достаточных фактов, чтобы выступать по ним, с одной стороны, а с другой, я побоялся выступать, не имея достаточно веских фактов. Это не способствовало бы установлению единства партии. Этим бы я допустил большую ошибку. Выступление Чойжила расценивают как выступление, защищающее свою группу. Выступление Фокина считаю вполне правильным».

Намжил (Тайшир) говорит, что, безусловно, были в левом руководстве, в частности, среди отдельных руководителей левого руководства, отдельные ошибки, я об этих ошибках частично слышал, но многое не знал до сего времени, в частности на неправильные действия Бадраха я указывал в своем выступлении, но я был мягок, а надо было бы ставить вопрос резче. Выступление Фокина считаю правильным.

Сэрээтэр тоже из Тайшира говорит, что он плохо разбирается, кто тут прав и кто нет, но если судить по выступлению тов. Фокина, то в левом руководстве есть что-то неладное, мешающее единству партии.

Делегат Мага (Тайшир) говорит, что он только знает одно, что левое руководство не уделяло внимания на рабочий вопрос, т. е. на защиту их экономических и правовых вопросов. Не была правильно поставлена работа Профсоюзов, партия здесь не уделила почти никакого внимания.

Делегат VIII ревсомольского съезда из Баян-Тумэна Боролой говорит, что на VIII съезде Нарпартии самокритика широко развилась, чего не было на VII съезде прошлого года, хотя в прошлом году на VII съезде была одержана победа над правым уклоном, но все же кое-какие элементы из лагеря правых не были еще выявлены, зато на данном съезде все они выявлены и, безусловно, будут отстранены от руководящих постов.

Делегат VIII съезда Готов, из Бато-Норов-ульского хошуна, Хан-Хэнтейского аймака говорит, что в период VII съезда в рядах нашей партии произошел раскол на левых и правых и этот раскол до сего времени окончательно не ликвидирован. Сейчас руководители правых являются премьер-министр т. Амар и Одсор (кто та-

кой неизвестно). О правом уклоне будут говорить на съезде партии, но какой примет характер этот вопрос на съезде – неизвестно. Это будет зависеть от представителя Коминтерна, даст ли он слишком заострять вопросы правого уклона или нет, неизвестно. Кто он, этот представитель ИККИ, какой он человек, пока не выяснено. Избранная VII съездом левая группа всю свою работу в период с VII по VIII съезд проводила вполне удовлетворительно, видимо, она едина, никаких внутренних трений в их среде нет.

Среди некоторой части худонских делегатов VIII съезда имеются такие настроения, что ЦК, безусловно, справился с работой в согласии с директивами VII съезда, но в вопросе классовой борьбы и проведении классовой линии взял слишком жесткую линию или форсированный темп, который может привести аратскую массу к недоверию партии, вернее, этим партия может потерять свой авторитет. А во всем остальном все правильно.

Делегат Великого Хурулдана из Хан-Хэнтэй аймака Мэгжиджав (пред. Оголзоульского хошуна) говорит, что «я приехал на съезд народного правительства, но думаю взять разрешение в ЦК и посещать заседания парт. съезда. В прошлом году было большое событие в связи с правым курсом, что будет нынче на VIII съезде, гадать трудно. По словам знакомых мне людей, выясняется, что правые в нынешнем году опять подняли свои головы, говорят, будет решительная схватка на съезде, возможно победят правые, ибо их сила довольно большая и в правительстве, и в горкоме партии – достаточно много правых, а также примиренцев к правым уклонистам. Возможно и победят левые, но все это трудно угадать, ибо это будет зависеть от того, какое количество делегатов примыкают к левым и какое – к правым. Например, из Сан-бэйсэ (Хан-Хэнтий) приехали в среде делегатов несколько сторонников правых.

По поводу конструирования нового состава руководителей ЦК Жигжиджав говорит, что Секретариат надо избрать из тов. Бадраха, Гэндуна и Дэмида (военный). Амара и Чойбалсана снять, на место их предлагает Лагана и сам не прочь занять это место при том условии, если ему дадут советника. Насчет нового состава ЦК Ревсомола говорит, что Загда и Соднома нужно снять, оставив только Мэнда и выдвинуть туда Содном-Иша[26] из тверской школы (военный) и одного из худона. Соднома он думает назначить министром торговли и промышленности. Дугаржава и Довчина оставить без перемены, снять совершенно с ответственной работы Дамдинсурэна и Хаянхирву.

Лаган по этому же вопросу. Согласен со снятием Элдэв-Очира, но не согласен с назначением Дэмида, определенную же кандидатуру не выставляет. Считает необходимым снять себя с работы, ввиду малограмотности, но не прочь быть Председателем Малого Хурулдана.

Делегаты Кобдоского округа и Тайшира дебатируют вопрос о событиях в Танну-Туве, боятся, как бы они не осложнились и не перенесли[сь] к ним в районы и не вызвали волнения.

Военный Чойжинжав, делегат VIII съезда и член 267-й ячейки Норов (женщина), делегатка VIII съезда партии говорят, что съезд занимается мелкими склочными вопросами. Все выступающие стараются ущемить и задеть друг друга, и найти недостатки каждого, копаются в речах того или иного работника с тем, чтобы об-

лить его потом грязью. Пустая никчемная болтовня – вот что характерно и из работы съезда. Амара, Чойбалсана и Дамдинсурэна крыли как вождей правых, у них не осталось живого места, едва ли оставят их на прежних постах.

Делегат VIII съезда из Тайшира Намжил по поводу комплектования состава Секретариата говорит, что Гэндуна и Бадраха нужно оставить секретарями, а Элдэв-Очира перебросить в хоз.-административные органы в качестве руководителя. Третьим секретарем, по его мнению, нужно избрать Шиджия или Дэмида. Жигжиджава считают богачом, поэтому против выдвижения его на руководящую работу (партийную).

Все худонские делегаты за форсирование темпа съезда, поэтому свертывание работы съезда исходило из худонцев. При этом президиумом внесено предложение о необходимости сокращения времени для докладов и объединения прений.

<…>[27]

Из бесед с делегатами и участниками (Дэмид, Дашцэвэг, Дашинимаев, Дашбалжир и друг.) VIII съезда Монгольской Н[ародной] партии выясняется в отношении будущего состава ЦК следующее:

В Секретариат намечаются Бадрах, Гэндун, Дэмид (военный, начальник ОВУ), Элдэв-Очир.

Причем имеется в виду назначение Жигжиджава вместо Амара председателем Совета Министров, Лагана – вместо Чойбалсана Председателем Малого Хурала, Соднома, нынешнего секретаря ЦК РСМ министром иностранных дел вместо Гурсэда.

Данные сведения не могут явиться окончательными ввиду не утверждения их еще делегатами съезда. Это видно хотя бы из того, что в Секретариат намечаются четыре кандидатуры, а на самом деле в ЦК три секретаря.

Делегат VIII съезда Норов говорит, что из докладов, сделанных на съезде, красной нитью проходит вопрос о военной опасности. Видимо, не в далеком будущем произойдет война между нами и СССР с одной стороны и между империалистическими державами – с другой. Некоторые товарищи во главе с Элдэв-Очиром не стали показываться на съезде; когда делегаты задавали вопрос, куда они поехали, то им ответили в общих чертах, что они поехали в Западный край. С 21-го числа также не стал ходить на съезд Коняев, причину я не знаю. На съезде стоял вопрос об организации Союза безбожников[28], делегаты утвердили предложение об организации таких союзов. Затем признали нужным командировать восемь человек для ознакомления с работой безбожников в СССР.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 427–432. Заверенная копия.

№ 116
Информационное сообщение о пребывании в тюрьме Заин-гэгэна

№ 723040 Не позднее 12 апреля 1930 г.[1]
г. Улан-Батор Оценка: заслужив. доверия

Заин-гэгэн в тюрьме ГВО
и отношение охраны ГВО к нему во время заключения

Со мною вместе в камере сидел Жамбо-Церен (Заинский геген)[2], который в личной со мной беседе, которого, между прочим, я очень свободно и легко расположил доверием к себе, рассказывал следующее: [про] конфискацию имущества у феодалов он знал раньше, еще до его ареста, и потому еще до ареста он распорядился, чтобы уничтожили все приходно-расходные документы, касающиеся лично его, с монархических времен до последнего времени. Сжечь приходо-расходные документы он приказал ламе, находящемуся при нем и живущему в худоне, с бородкой, среднего роста, полноватый, говорит по-русски, по-тибетски и знает монгольскую письменность. Имя этого ламы он не называл, хотя я и пытался узнать, но не удалось. Также он говорит, что этот лама при нем всегда совершал «гурумы»-поминания[3]. Между прочим, и я его лично раньше видел у гегена. Приходно-расходные документы, его лично касающиеся, он приказал сжечь ламе-кассиру Гочо. Все эти документы находились как у Гочо лично, так и у другого ламы. Когда приехали его арестовать в Цэцэрлэге на машине во главе с Бато-Мунку, представителя ГВО, то он в этот момент под предлогом выйти во двор и усевшись на землю, снял со своего пальца золотое кольцо с двумя бриллиантами и одним посредине них цветным камнем и оставил это кольцо на этом месте – на земле, сказал тут же стоявшей своей сестре, которой сейчас 20 лет, чтобы она взяла его себе. Так, это кольцо он успел скрыть от комиссии, приехавшей его арестовать, и оно было взято его сестрой. Кроме того, у него осталось не взятое, необнаруженное комиссией соболья курма[4] в его доме, про которую должен знать Гочо и Шараб – это его придворные. У этих же Гочо и Шараба остались два велосипеда – у каждого по одному, лично принадлежащие ему, гегену.

Находясь в камере, гэгэн получал от цириков охраны – часовых: ветчину, колбасу, сигареты, папиросы и разные другие сладости. Все это обыкновенно передавалось цирикам секретно, ночью во время дежурства. Все полученное обыкновенно он хранил на печке в камере и под нарами. Было 4–5 обысков в камере, и ни один обыск не дал положительных результатов, т. к. по виду было видно, что лица обыскивающие были в этом деле неопытные, и ни у кого из них не явилась мысль заглянуть под нары или на печку. Он также рассказывал, что он хороший ворожей и даже в камере он ворожил по написанным им тибетским бумажкам из-под сигарет, которые у него всегда хранились на печке. Так что, если сейчас произвести обыск на печке, то, возможно, это может обнаружиться. Кроме того, все знал, что творится вне стен камеры – снаружи. Все это по моему наблюдению он узнавал от цириков-часовых по ночам, т. к. ночами иногда он шептался с часовыми. Был такой случай, что числа 8–9 января он мне рассказывал следующее: в 9 часов вечера 7 января были расстреляны Орос-Гомбо[5] и Данзан[6]. При расстреле присутствовали

монголы и русские, а также был русский доктор худощавый, человек среднего роста. Перед расстрелом Орос-Гомбо сказал: «Много я боролся за свободу и получаю это. Прошу меня не мучить, а убить меня наповал». Был сделан один выстрел, и Гомбо был убит. Данзана же стреляли несколько раз в голову. На мой вопрос, за что же их расстреляли, его ответ: «За то, что он задумал вместе с другими в числе 7–8 человек установить старый строй в Монголии при посредстве Японии и уничтожить современный в Монголии строй». С ним попались в этом заговоре: Данзан, сотрудник сек[ретного] отд. ГВО Того, Зунда-гун, Намсарай с золотыми зубами, один тибетский большой лама, который ворожил, что задуманный план выполнится, а также и другие. Всех остальных соучастников осудили на разные большие сроки и, между прочим, Намсарая на 6 лет и тибетского ламу за ворожбу на 5 лет. На мой вопрос, каким образом Вы все это знаете, его ответ, с большой улыбкой на лице: «Все это я знаю от конвойных, часовых-цириков и от друг. лиц». Внешняя связь делается около тюрьмы на север против часового у «кюрдов»[7] под предлогом молящихся. И действительно, я лично сам видел, когда нас выпускали на улицу, около «кюрдов» находятся старые и молодые ламы, старухи и простые монголы, а около них цирики, конвой ГВО. Кроме того, гэгэн мне говорил, что он, находясь в камере, обращался через одно лицо к своему бакше-учителю к Амгалан-зайсану[8], ныне состоящему управделами Министерства иностранных дел, с просьбой, чтобы ему он помог выкрутиться из того дела, в котором его обвиняет ГВО. Но Амгалан-зайсан на это ответил: «Сейчас я помочь не могу, т. к. пока что я имею имя примкнувшего к левому крылу партии». Единственно, что это ему помог Амгалан-зайсан, то, что он из Улан-Батора в первых числах декабря или в конце ноября с. г. отправил в Цэцэрлэг на уртонской машине его придворного ламы Шарава под предлогом служебной командировки, который приезжал из Цэцэрлэга повидаться с гэгэном. Таким же образом из Улан-Батора в январе м-це Амгалан-зайсан отправил в Цэцэрлэг на уртонской машине его кучера-ламу, имя которого он не назвал.

«Все эти показания, которые я давал в ГВО, передавались во время заключения Шараву и кучеру-ламе, которые во всем в курсе моего дела».

Также геген рассказывал, что на второй или третий день после расстрела Орос-Гомбо и Данзана из ГВО ездили представители на машине во главе с тов. Цыдыповым и двумя китайцами хоронить расстрелянных. Была вырыта могила, и их закопали. Он также говорил, что грозой в данный момент является для лам тов. Цыдыпов.

За скрытое бриллиантовое кольцо раньше шофер Вильнер ему давал 300 долларов, но он его Вильнеру не продал, т. к. оно ему стоило 1000 тугр. Когда находился Орос-Гомбо во второй камере, то он с ним всегда вел переговоры через цириков или письменно.

15 февраля ночью накануне суда гэгэн мне сказал: «При встрече с Гочо и Шаравом передать им, что в случае плохого для него исхода дела, то чтобы они, если есть скрытое золото и серебро, то поделили бы между собою, а также равную часть дали бы его бывшей сожительнице Долгорсурэн». Всю эту ночь гэгэн не спал и до восхода солнца секретно разговаривал с габжи Галсанняма и по виду было заметно, что-то ему передавал.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 444–445. Заверенная копия.

№ 117
Из беседы с Манджушри-гэгэном (16 мая 1930 г.)[1]

№ 723088 17 мая 1930 г.
Улан-Батор-Хото Совершенно секретно
Оценка: сведения засл. доверия

О восстании за Западе[2]

Я слышал, что восстание началось из Танну-Тувинской Республики[3] и распространилось в Дзаин-хурэ, Улангом и Ламын-гэгэнском хийдах. Я не думаю, чтобы восстание представляло из себя сколько-нибудь угрожающую силу правительству и существующему строю, ведь глупо было бы рассчитывать на победу восстания на Западе при том положении, когда у власти имеется достаточно вооруженная сила и плюс, когда за республику стоит Красная Россия, которая всегда в критический момент будет выручать своего детенка – МНР. Причиной восстания послужили перегибы и ошибки народных представителей и представителей власти на местах, которые хотели провести вторичную конфискацию имущества феодалов и лам, чего люди не могли терпеть и восстали. Ведь режим власти до невозможности ухудшился. Большинство аратов-бедняков и середняков влачат нищенское существование. Я полагаю, что с восставшими имеют связь такие как дархан-ван, чинван[4] и дру[ие] бывшие нойоны потому, что они ни в коем случае не должны были сдаться окончательно красным. Они ведь крупные политические фигуры, в свое время правившие страной. Я никого не знаю из руководителей восстания, может быть и есть мои знакомые.

Взаимоотношения нашей Монголии с Танну-Тувинской Республикой считаются вполне налаженными и дружескими, но это не совсем так. Тувинцы были недружелюбны к нам и раньше, я думаю и сейчас они остались такими же. Даже при Богдо-гэгэне они оставались в стороне и не хотели входить в состав Монгольской империи, а сейчас тем более они ограничивают свое дружелюбие белизной своих зубов и только. Потом наши монголы, как раньше, так и сейчас, проявляют некоторые тенденции верхоглядства и господства по отношению к Танну-Туве, почему говорить о близкой дружбе с ним совершенно не приходится.

Монгольское правительство ведет политику насильственной ликвидации более или менее знатных людей, которые раньше, в силу исторических причин, носили высокие звания. Например, расстрел Заин-гэгэна является одним из ярких примеров, доказывающих этот факт. После него, наверное, повторятся подобные же расстрелы. Прямо огорчаешься, когда сам следишь за этим ожесточением и озверением режима народной власти, когда нельзя сказать ни одного слова, когда за всякое и за малейшее расхождение и разговоры тыкают в тебя ружьем. Что же, некому и не за что обижаться, время такое. Относительно Заин-гэгэна ходят разные слухи. Одни говорят, что он расстрелян, а другие – что Заин после расстрела поднялся сам и ушел[5]. Я не могу уяснить себе, что произошло в самом деле.

Правительство добивается раскола среди ламства с тем, чтобы ускорить совершенную ликвидацию буддийской религии в Монголии. Это очень плохое, грешное и грязное дело. Создавать смуты среди мирно существующих лам – значит способ-

ствовать или даже открыто вмешиваться в их внутренние дела. Например, созыв ламских собраний, заранее подготовленных правительством, означает крайнюю заинтересованность правительства в деле ликвидации ламства. Я слышал, что правительством в нынешнем году устроено несколько собраний ламской молодежи, на которых перешли в хару[6], бросив ламство, около 300 человек молодежи, которые на публичном собрании выступали с лозунгами «Долой желтых и черных харгисов[7], да здравствует переход обманутых хувараков в светское состояние». Все это говорит, что они ведут агитацию и пропаганду среди ламской молодежи за переход в «хару».

Когда сидишь и слышишь об антирелигиозных демонстрациях в Гандане[8] и Дзун-хурэне[9], устраиваемых молодежью, просто берет зло и возмущаешься про себя. Все это результат Москвы, вернее результат того, что все время посылали людей на учебу в Москву[10], а они только и научились бранить религию. Вернувшись оттуда, они заразили своими идеями молодежь, а теперь кричат они в Гандане и Хурэне: «Долой желтых харгисов и т. д.». Вот результат всего этого. Но старые кадры партии совершенно не такие. Они про себя-то веруют, но боятся того, что их живо отсекут от всего и обвинят в уклоне. Вождем антирелигиозного движения является Ревсомол, который не стесняется употреблять все методы, какие только можно против религии.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 465–466. Заверенная копия.

№ 118
Информационное сообщение о беседе с секретарем ЦК МНРП У. Бадрахом

№ 723089 18 мая 1930 г.
Улан-Батор-Хото Совершенно секретно
Оценка: свед. засл. доверия

В ЦК МНРП
Беседа с Бадрахом (14 мая 1930 г.)

Бадрах[1] говорит, что имеются разногласия между Элдэв-Очиром[2] и Лаганом[3] на Западе. Я возражал против посылки Лагана на помощь Элдэв-Очиру, ибо у них обязательно должны были произойти разногласия. Лаган созвал аймачный съезд без согласования с Элдэв-Очиром в Кобдо, почему между ними возникли разногласия. Оба хотят распоряжаться без ведома друг друга. Сейчас точно не известно, может быть, они поссорились окончательно, может быть, временно помирились. Я говорил в начале Гэндуну[4], Шиджия[5] и Кучумову[6], что не стоит командировать Лагана тогда, как там находится Элдэв-Очир. Приезд Лагана, видимо, задел самолюбие Элдэв-Очира, и он разобиделся, начал не ладить с Лаганом. Элдэв-Очир прислал телеграмму о том, что он распускает чрезвычайную комиссию и этим устанавливает мирное положение. Видимо, покончили с восставшими[7].

Далее говорит, что надо улучшить работу среди казачества Западного края[8], ибо они могут эмигрировать в связи с событиями в Синьцзянскую провинцию. Ходит много слухов о перевороте и прочем, так что все это их может напугать, а они подадутся в Синьцзян. Для работы среди казахов приехал из Казахстана некто Уте-

пов, которого надо послать на Запад с недавно освобожденным из тюрьмы казахским ханом Байкадам[ом], который пользуется среди казахов большим авторитетом. Он сейчас работает в Учкоме[9], хотя правительство постановило не пускать его в Улан-Батор, но я думаю, что это не беда. Под наблюдением Утепова он никуда не денется, его надо использовать как авторитет среди казачества.

Работа ЦК не двигается, не умеют работать. Работы агитпропотдела не видно. После съезда он ничего не делает, если не считать колхозной кампании. Надо было бы ехать отдельным работникам на места и самим проводить эту работу, но они не сделали этого.

Болезнь мне сильно мешает[10]. Иногда никак не могу терпеть и иду прямо в ЦК и даю указания товарищам, что кому надо делать, а то они, увлекаясь одной отраслью работы, забывают другие более важные отрасли. Например, дело с кооперативом. Сейчас наблюдается товарный голод (недостаток), и цены поднимаются. Это происходит по трем причинам: 1) Бойкот со стороны китайских купцов, 2) Не справились с заготовками и 3) Кооператив поднимает цены на товары. Последнее может привести к весьма неотрадным результатам, т. к. зарплата рабочих особенно, а также служащих не поднимается, а стоит на одном уровне. Эти ножницы между зарплатой и повышением цен могут привести только к плохому. Это надо урегулировать в срочном порядке.

По вопросу о перекочевке бурят из Халхингольского хошуна Бадрах говорит, что, по крайней мере, Президиум и секретариат ЦК партии ничего не знает. Очень возможно, что «наши умники могут вынести решение о переселении без ведома ЦК партии потому, что головотяпы из военного ведомства с прошлого года поднимали вопрос о переселении. Точно не знаю, как обстоит дело в этом хошуне сейчас в связи с переходом белогвардейцев из этого хошуна в Китай, но с прошлого года я думал и поднимал вопрос об улучшении работы среди бедноты. Ведь не все же население белобандиты. Во всяком случае, я был против сплошного переселения».

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 471. Заверенная копия.

№ 119
Записка представителя ИККИ С. Е. Чуцкаева[1] о взглядах монгольского партийного деятеля Д. Лувсаншарава по ламскому вопросу

№ 723096 — 21 мая 1930 г.
г. Улан-Батор — Совершенно секретно

Критика сообщений Лувсаншарава

Лувсаншарав[2] заявляет, что он жил в монастыре около 20 лет, изучал ламский вопрос, знает его и, в частности, знаком с сущностью джас. Если верно, что он так долго жил в монастыре, то очень странно, почему он так мало знает о ламских делах и быте, т. к. сообщаемые им сведения сплошь не точны и в значительной степени совершенно не верны.

1) Приведем цитату из статьи Барадийна[3] о монгольских монастырях, напечатанной в «Жизни Бурятии» в 1924 г., № 2–3, стр. 17: «Отметим здесь экономику

Гандана[4]. Основой экономической жизни ганданских лам является габджинство, т. е. система получения ученого звания габджу[5] ламами, окончившими одну из трех цаннидских школ. Всего в год три школы Гандана дают более 50 габджу. Каждый новый габджу, прежде чем получить свое ученое звание, должен сделать расходы по угощению всех лам Гандана трапезой, раздачей «дугуй», т. е. поджаренных кружков из крупчатного теста, а также расходы на подношение своим учителям и высшим ламам, на сумму не менее 1000 лан. Эта сумма может быть увеличена по усердию самих габджу. Часто случается, что богатый габджу может щегольнуть расходами до 8000 лан. В среднем расхода на каждого габджу следует считать 3000 лан, т. е. Гандан ежегодно имеет доход от габджинства до 150000 лан (лан по нормальному курсу равен 1.50 коп.). В Гандане право на получение звания габджу получают после 11 лет по школе Дашичойнпель[6], 10 лет по школе Гунгачойлин, девять лет по школе Идга-Чойндзин. Каждый имеющий право на получение звания габджу собирает средства в течение этих 9–11 лет путем сбора пожертвований с верующих, своих родных и знакомых и со всего трудового населения своего хошуна и проч.».

Эти слова известного знатока ламства довольно точно изображают положение дела, из них видно, какое большое значение в монастырской экономике имеют указанные сборы. Правда, начиная с этого года, благодаря деятельности Духовного совета размер сумм, требуемых от габджу, резко сократился. Но, тем не менее, все же удивительно, что Лувсаншарав, говоря о монастырской экономике, считает возможным для характеристики столь важного явления ограничиться следующими словами: «Часто лама, когда получает ученые степени и бывает должен устроить угощение по этому случаю, собирает средства с того же арата» (стр. 7)[7].

2. Лувсаншарав говорит, что он знает хорошо, что такое джасы. Однако он говорит о них много очень много неверного. Начать с того характерного обстоятельства, что он говорит словно о каком-то исключении, что «в Мурэн-Хурэв[8] имущество джасы входит “даже” 1000 кирпичей чая» (стр. 7). Это не только не является особенностью указанного монастыря, но, напротив, владение чаем в виде некоторых запасов с целью снабжения лам чаем во время хуралов[9] является основной, минимальнейшей функцией всякой джасы. Незнание этих обстоятельств – мелочь, но показательная.

3. Далее, сведения о монастырских школах и их джасах более чем неточны. Так, он определяет сокчин [10] как школу для ламской молодежи, и на вопрос, есть ли общий дацан кроме тех, в которых помещаются школы, отвечает: «Нет, общим дацаном является обычно тот, где находится сокчин». И так выходит, что общего дацана собственно говоря нет, а что он просто пользуется помещением «школы молодежи». На самом деле слово цогчин означает «большое собрание», это есть именно соборный храм для всего монастыря, в этом его неотъемлемая функция (кстати сказать, из того, что он соборный храм, еще не вытекает, что его джаса может быть названа общемонастырской джасой) а то, что цогчен наблюдает за обучением грамоте (вернее, правильному чтению вслух) молодых лам, живущих в Дзун-Хурэ[11], является его побочной функцией.

4. Далее, будто бы имеется цанид-джаса, предназначенная для изучения «низшей философии». Это неверно, т. к. в Гандане имеются целых три цанид-дацана[12],

каждый из которых представляет собою законченную философскую школу со своей особой джасой, далее, цанид не есть «низшая» философия, а есть практическая мистика. Джуд-дацан[13] вообще не школа, а только храм.

5. Далее, неверно, что основной смысл джас – содержание школ, а их пять (стр. 5), т. к. школ, вернее, дацанов, имеется больше чем пять, а именно восемь, а главное, джасы предназначены не только на содержание школ, а имеются при всяком, даже самом мелком храмике, вследствие чего их число в здешнем монастыре несколько более пяти, а именно, приближается к двумстам. Неверно также, что джасы существуют только для некоторых учреждений, имеющих для монастыря общий характер» (стр. 6). Из вышеизложенного видно, что это утверждение уже ни с чем не сообразно.

6. Любопытно также отметить, как Лувсаншарав путается насчет джас: так, он сначала говорит, что ламы живут «отчасти за счет джас» (стр. 3), а потом, что «не за счет джас» (стр. 4). На самом деле, верно второе утверждение, ламы не живут за счет джас, а получают от джас только легкое подкрепление в виде чая и лепешек во время хуралов, которое, безусловно, ниже самого низкого прожиточного минимума.

Все вышеизложенное имеет целью показать лишь, что претензии ЛШ[14] на роль знатока монастырей, и, в частности, джас, по меньшей мере недостаточно обоснованы.

Теперь перейдем к тому, как ЛШ освещает вопрос о проекте конфискации джас.

Его тезисы по этому вопросу следующие:

1) Джасы неравномерно распределяют блага между ламами, а поэтому не пользуются симпатиями (стр. 3–7).

2) Ламские верхи, злоупотребляя своим положением, пользуются имуществом джас, поэтому в монастырях имеется течение в пользу ликвидации джас, т. к. они разлагают ламство (стр. 4).

3) Положение джас шатко, т. к. со стороны беднейшего ламства, экономически угнетаемого высшим ламством, начали проявляться тенденции к разделу джас. (стр. 1 и 6), с другой стороны, и «у аратов есть настроение против джас» (стр. 2).

4) Конфискация джас вызовет среди лам неизбежно сильное сопротивление (стр. 2), но, тем не менее, это не поведет к ламскому восстанию, т. к. внутри монастырей между бедными и богатыми ламами развивается вражда, в других монастырях имеются левые и правые, совершающие даже отдельные богослужения (стр. 2). Есть также в монастырях обновленческие тенденции, нет прежней смычки (там же).

5) На вопрос, как относятся араты к имуществу джас, ЛШ отвечает, что вопрос об отношении населения к джасам есть вопрос каверзный. Население, конечно, считает, что это имеет отношение к религии. Надо помнить, что все население Монголии религиозно». Но, тем не менее, известная часть бедноты имеет поползновение на джасы. На восстание беднота и среднее аратство не пойдут, особенно беднота. За исключением некоторых отдаленных мест, вообще в Монголии, если будет проведена надлежащая разъяснительная кампания, можно поручиться, что восстания не будет» (стр. 5).

Надо решительно заявить, что все сплошь неверно, и что сам ЛШ, очевидно, чувствует, что врет, т. к. он виляет, путается, противоречит себе и говорит чересчур явные нелепости.

1. Что джасы неправильно распределяют блага – верно, но, а) речь идет о ничтожных благах, а именно о количестве лепешек на хуралах, на них все равно не проживешь, б) главное же, что эта неравномерность не вытекает нисколько из сущности джас как таковых и в настоящее время уже исчезает благодаря энергичной работе ламского общественного актива, группирующегося вокруг Духовного совета, таким образом, возможные обвинения против джас с этой точки зрения отпадают.

2. Злоупотребления имуществом джас также не связаны с их сущностью и рассматриваются всеми как исключение. С ними точно так же актив ведет успешную борьбу. Что касается того, будто в монастырях из-за разлагающего влияния джас имеется течение в пользу их ликвидации, то это выдумка ЛШ, таких течений нет и в помине.

3. а) Точно так же не имеется и в среде беднейшего ламства тенденции к разделу джас, соответствующие утверждения ЛШ – ложь. Могут быть только единичные лица, которые, под влиянием соответствующей усиленной обработки пошли бы на это, но их количество вряд ли в каком монастыре может превысить полпроцента его населения; говорить на этом основании о «тенденциях» нельзя; б) Буквально так же обстоит дело и с мирянами. В самом деле, сам ЛШ говорит, что все население Монголии религиозно (стр. 5), но в чем проявляется религиозность мирян? В первую очередь, в пожертвованиях на монастырские нужды, т. е. на джасы, этого рода даяния считаются элементарнейшей обязанностью мирян во всех буддийских странах. Идеологическое обоснование этих даяний состоит в том, что мирянин, не имея достаточно силы для соблюдения обетов монаха и поэтому обреченный на дурные перерождения, может все же таки отчасти облегчить свою участь тем, что помогает выполнению монастырем его святительской функции. Бедняки же в Монголии нисколько не менее, а скорее даже более религиозны и суеверны, чем другие монголы. Говорить о «поползновениях» (стр. 5) мирян на раздел джас – очевиднейшая нелепость.

4. Конечно, надо признать, что ЛШ [прав], говоря, что конфискация вызовет сопротивление со стороны лам, но он не объясняет, почему. Причины состоят не в том, что ламы питаются за счет джас, а в том, что конфискация джас приведет к прекращению хуралов, т. к. они невозможны без того стимулирования энергии участвующих в них лам, которое обеспечивается раздачею чая и лепешек. Кроме того, она приведет к более или менее быстрому разрушению монастырских зданий и содержащихся в них предметов культа, к прекращению горения лампад и т. д., иначе говоря, к прекращению всех функций монастыря. Согласно распространенному среди лам мнению, в случае конфискации джас нельзя рассчитывать на приток средств для их восстановления со стороны мирян в нынешних условиях, т. к. происходящая коллективизация аратского хозяйства приведет к тому, что доходы аратов-даятелей станут чрезвычайно скудными, а правления колхозов будут контролировать их расходы. Таким образом, поскольку прекратятся все функции монастыря, это почти равносильно будет его прямому уничтожению и насильственному обращению лам в мирян. Но т. к. ламы, с детства живя в монастырях, воспитаны в отвращении к мирской жизни и так как им в среднем доныне жилось в монастырях лучше, чем аратам, то они изо всех сил будут сопротивляться уничтоже-

нию джас. Высшее же ламство, безусловно, использует эти массовые настроения для того, чтобы организовать восстание.

Согласно ЛШ, монастыри разделены на враждующие группы и партии. Революция действительно принесла с собой усиление раскола среди ламства, существовавшего и до нее (слова ЛШ о прежней «смычке» – миф), но открытая антирелигиозная установка правительства[15], обнаружившаяся в конце 1929 г. постепенно сводит на нет этот выгодный для революции процесс, а что касается конфискации джас, то более сильного средства для решительного объединения как всех ламских группировок, так и лам с мирянами, себе и представить невозможно.

5. Что касается аратов, то они, безусловно, будут возбуждены конфискацией джас еще более, чем ламы. Как видно из вышеизложенного, ЛШ мало знаком с жизнью монастырей, но как всякий монгол, он отлично знает, как относится к монастырям аратство, знает, что в этом центр тяжести вопроса. Но так как он ставит себе целью, вопреки рассудку и фактам, доказать возможность конфискации джас, то здесь его ответы становятся наиболее сбивчивы. Его влияния лучше всего видны из фразы: «Отношение населения к джасам – вопрос каверзный». Это очень характерно. В действительности надо сказать – решающий. Что часть аратской бедноты имеет поползновение на джасы – ложь. Что можно поручиться, что не будет восстания, – ложь. ЛШ говорит, крайне двусмысленно: «Бедняки и середняки не восстанут, особенно беднота». Значит, середняки могут восстать. Если мы даже предположим, будто имеется часть бедноты, которая отнесется индифферентно или даже сочувственно к конфискации джас (чего нет), то ведь во всяком случае нельзя предполагать, что они смогут проявить в этом вопросе стойкость, что у них вдруг обнаружится твердость в антирелигиозных взглядах. Даже среди членов МНРП, которые, очевидно, должны будут выступить в решительный момент на поддержку этих «неверующих» аратов, число стойких антирелигиозников крайне ничтожно, несмотря на то, что они подвергаются обучению, что же и говорить об остальных. В случае каких-либо событий эти предполагаемые «неверующие араты» будут мгновенно вовлечены в общую волну, состоящую из остальных, т. е. верующих бедняков, середняков и т. д., плюс поголовно все ламство. Все аратство усмотрит в конфискации прямое открытое нападение на религию, никакие лозунги о помощи бедноте за счет джас не будут иметь действия, т. к. после упомянутого обнаружения антирелигиозной позиции правительства и партии они будут поняты как маскировка антирелигиозных целей.

Никакая разъяснительная кампания не сможет уничтожить действия векового религиозного воспитания, раз только дело зайдет об уничтожении религии. Только очень сильные революционные потрясения всей толщи городской и крестьянской массы, какие произошли в СССР во время мировой войны, могли бы поколебать эту укоренившуюся религиозность, да и то, ввиду особого психического склада монгольского населения потребовались бы, вероятно, еще большие потрясения. Только могущественный процесс индустриализации, в сопровождении смены одного–двух поколений, мог бы вынести радикальные изменения.

Если даже в СССР, где имеется и большой антирелигиозный актив, и большой массовый индифферентизм в религиозных делах, все же признается невозможною лобовая атака на веру, т.к. она привела бы лишь к усилению религиозных предрас-

судков, то это соображение во сто крат более применимо к Монголии. Если в СССР закрытие какой-либо церкви связано в крайнем случае с обездолением[16] 2–3 попов и лишением сердечного утешения нескольких сот старушек и, тем не менее, обставляется довольно сложной процедурой, то в Монголии, где уничтожение монастырей означает полную перемену всего уклада жизни монастырского населения (а это до сих пор цвет мужского населения Монголии) и радикально лишает психического равновесия громадные фанатические верующие массы, конфискация джас (которая именно будет понята как уничтожение монастырей) приведет, несомненно, к громадному усилению фанатизма и ко всеобщему восстанию. Никакой другой прогноз невозможен. Антирелигиозная политика в Монголии нужна и возможна, но другими средствами.

Приложение: беседа т. Чуцкаева с Лувсаншаравом.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 478–481. Заверенная копия.

Приложение

16 апреля 1930 г.

Беседа с членом Президиума ЦК МНРП и Заведующим Орготделом ЦК т. Лувсаншаравом. (Лувсаншарав до вступления в партию был ламой и жил в монастырях около 20 лет)

Беседа началась моим сообщением о том, что надо считать основным врагом МНР и МНРП феодала. Он, хотя и подвергся конфискации, но, оставшись на месте своего постоянного жительства, не утратил своего влияния на аратские массы. В то же время, озлобленный конфискацией его имущества, феодал является активным классовым врагом аратства, способным возглавить и организовать восстание против существующей власти при первой к этому возможности. Лама также является врагом МНР, но этот враг не активен. В общем и целом, он неспособен на определенные действия и является своеобразным агитпропом контрреволюционных сил. Лама будет играть большую роль в консолидации этих сил и проявит активность лишь в качестве подсобной силы. События в Чандмань-ульском аймаке[17] подтверждают эту мысль, ибо основные лозунги возникшего там восстания были даны не ламами, а феодалами, лама же присоединил к ним лишь свои специфические ламские лозунги. Характерно, между прочим, что к этим лозунгам Чиндомани-Ульские ламы не выдвинули лозунга в защиту джасов, хотя нет сомнения в том, что они были в курсе этих разговоров, направленных на подготовку конфискации джас. Так же ведут себя и ламы других районов. Не выдвигая лозунга о сохранении джас, они усиленно стараются использовать средства джас в возможно большем количестве. Так, например, в этом году замечается усиленное строительство в монастырях, [оно] направлено как на капитальные ремонты существующих храмов и друг. построек, так и на постройку новых храмов. Это можно объяснить только тем, что ламы не считают возможным активно выдвинуть лозунг сохранения джас, как, несомненно, непопулярный среди широких масс аратской бедноты, явно претендующий после получения конфискованного имущества феодалов на раздел

джас. В таких случаях является абсолютно необходимым иметь точное представление о том, что из себя представляют джасы, почему и прошу тов. Лувсаншарава по этому поводу высказаться.

Лувсаншарав: В джасовском вопросе я хорошо осведомлен. Знаю, что в джасах сосредоточено большое имущество как в скоте, так и других предметах. Они имеют в жизни монастыря большое экономическое значение. Джасы, являясь основным богатством монастыря, поднимают его значение среди населения и притягивают его внимание к монастырю. До VII съезда партии положение джас было твердым, и никто никаких претензий на них не предъявлял, после VII съезда дело сильно изменилось[18]. Положение джас стало шатким, т. к. со стороны беднейшего ламства, экономически угнетаемого высшим ламством, начали проявляться тенденции к разделу джас, и обеспечиванию таким образом материального благополучия ламской бедноты.

С политической точки зрения я считаю, что ламы представляют из себя силу, может быть большую, чем феодалы. Феодал далеко стоит от населения и не пользуется большим вниманием[19] на него, тогда как ламы проявляют свое влияние, главным образом, по линии религиозной, почти на 95% всего населения. Это крепкими нитями связывает религиозное худонское население с ламами и обеспечивает влияние их над аратами. Тем не менее, на местах, в худонах, у аратов есть настроение против джас, они ищут способов улучшения своего материального положения и после конфискации имущества феодалов, естественно, направляют свои взоры на джасовское богатство, тем более, что они же, араты, и создают богатства монастырей, выпасая джасовский скот за чрезмерно низкую плату. Все это очень хорошо видно на местах, и я прихожу к заключению, что вопрос о конфискации джас решенный. Не надо лишь проявлять излишней торопливости, надо провести очень серьезную подготовку среди бедноты и середняцкого аратства, и тогда с уверенностью можно будет сказать, что осенью этого года возможно будет провести кампанию по ликвидации джас.

Необходимо далее отметить, что среди ламства, особенно в наиболее бедной его части, существует стремление к переходу в черное состояние[20]. Это обстоятельство связано с ухудшением материального положения ламства ввиду того, что у широких слоев аратства появляется желание отдать своих детей в светскую школу. Раньше ламы были лучше обеспечены и жили по-барски. Они пользовались кроме того большим внешним почетом со стороны населения. Эти оба обстоятельства служили моментом, определяющим стремление населения к помещению своих детей в монастырь. Теперь обстановка сильно изменилась. В материальном отношении монастыри сильно хиреют, почет ламе оказывают уж не такой, как ранее, это и обуславливает рост популярности светской школы.

Я понимаю, что конфискация джас вызовет сильнейшее сопротивление. Это неизбежно, но в общем надо сказать, что ламы едва ли решатся выступить против власти как в Чандмань-ульском аймаке. Я знаю ряд монастырей, где ламы ни в коем случае не решатся выступить. Это обуславливается тем, что внутри ламства происходят процессы социального порядка, поскольку между высшим, наиболее обеспеченным, и низшим, беднейшим ламством все в большей степени нарастает вражда внутри монастырей. Поэтому, если подготовиться к конфискации джас, то

к ней можно будет подойти в ближайшее время, а опыт уже потом покажет ближайший путь к развертыванию и завершению этой кампании. Что ламы не являются однородной группой населения, показывает пример того монастыря, где живет мой брат (Мурэн-Хурэ), сам относящийся к разряду высших лам. Он мне рассказывал, что во время проведения конфискации имущества феодалов по монастырю были провокационные слухи о том, что в ближайшее время будет приступлено и к конфискации имущества джас. Брат спрашивал меня, правда ли это. Я ему объяснил, что в правительстве в данный момент вопрос о конфискации не стоит. Это, видимо, успокоило брата-ламу. В свою очередь, я спросил, как обстоит дело у них в монастыре, и получил ответ, что низшее ламство вышло из повиновения, оно относится к распоряжениям высшего ламства недоверчиво и борется против него, так что отношения между высшим и низшим ламством сильно обострились и есть даже групповая борьба в монастыре. В других монастырях также существуют открыто две группы, которые носят название «правых» и «левых». Отношения между этими группами таковы, что даже религиозная служба этими группами совершается в разных местах.

Если к этому прибавить и сильное развитие обновленческих течений среди ламства, то можно определенно сказать, что единства и прежней смычки среди него не существует.

Джасы имеют огромное значение для высшего ламства. Они дают большие средства на проведение хуралов, а это создает возможность организовать пропитание для более или менее широких кругов ламства. Но это пропитание неравномерно; тогда как низший лама получает на хурале не более, чем по одной лепешке, высшие – по 3–4. Низшие ламы не получают хадаков, которые полагаются высшим. Такое распределение благ, представляемых джасами, служит источником неравенства между ламами. Это неравенство еще возрастает оттого, что распоряжаться джасовским имуществом предоставлено только ламам высших степеней. На этой почве создается ряд злоупотреблений, служивших источником обогащения высших лам, что, конечно, не может остаться незамеченным ламской беднотой.

Правда, за последнее время сильно оживилось строительство монастырей, и совершенно правильно, оно производится часто для того, чтобы затруднить возможность ликвидации джас, когда за счет них будет приступлено к проведению ряда построек.

Ч[уцкаев]: Я прошу Вас сказать, за чей счет живет ламство, за счет ли родственников, приношений и пожертвований со стороны религиозных людей, или за счет джасовского имущества?

Лувсаншарав: Средства существования в основном ламы получают из двух источников: 1) от родителей, которые при поступлении сына в монастырь строят для него хашан[21] и дают ему пищу. Таких лам в Улан-Баторских монастырях имеется 50%, а в худонских даже 70%. Как же живут остальные 50% и 30%? Отчасти за счет джас, получая питание на хуралах, отчасти добывая средства существования торговлей и даже ростовщичеством, эксплуатируют бедноту, живущую около монастыря; 2) значительные средства для содержания лам доставляет бадар[22]. Бадар – это такой институт, когда ламы ходят с кружками и собирают средства среди насе-

ления на постройку новых сумэ[23], на хурал и прочее. Бадаром собирали раньше много средств, теперь эти сборы сократились. Собранные бадаром средства идут на создание новых джас или на укрепление старых, а также на содержание лам. Бадар организуется обычно от имени и по благословлению габджу и от целого хурала, и в проведении его участвуют обычно наименее состоятельные ламы. Распределение собранных бадаром средств идет по двум линиям: или на джасы, тогда они поступают в распоряжение гэскуя[24], который и распределяет их согласно назначению джас, или бадар распределяется между ламами и идет на их содержание. В этом случае распределение собранных средств идет в больших количествах высшим ламам и в малых количествах ламам низшим, а иногда эти средства распределяются между ламами поровну, что за последнее время становится все более частым. Кроме бадара на содержание лам идут также и отдельные пожертвования со стороны аратов, которые они вносят по обету, при болезнях или других событиях жизни. Теперь, кроме того, участились случаи приношения на содержание лам и со стороны кулацких элементов худона[25]. Все сильнее ощущая налоговый нажим, кулак предпочитает отдать свое имущество джасам, чем аратскому государству на удовлетворение его нужд.

Чуцкаев: Чем объяснить, что в Чиндомани-Ульском аймаке при последних событиях были выдвинуты лозунги, идущие по линии удовлетворения исключительно ламских интересов и, явно политически реакционные лозунги?

Лувсаншарав: Объясняется это тем, что высшее ламство в Чиндомани-Ульском аймаке тесно связано с феодалами и имеет сильное влияние на низшее ламство. В частности, в отношении лозунга о распределении приношений по-старому, с раздачей большей доли их между высшим ламством можно объяснить только исключительной отсталостью Чандмань-ульского монастыря, где низшее ламство сильно угнетено и всецело подчиняется влиянию высшего ламства. Не так обстоит дело в других местах Монголии. Там низшее ламство активно стремится к равномерной раздаче приношений. Я изучал вопросы ламства и по своим наблюдениям знаю, что при всей активизации низшего ламства, при всей его борьбе за равноправное отношение в монастыре, оно не идет против религии, напротив, выдвигается вопрос только об изменении неравноправного своего положения. Идеологическая основа для этого находится в уставах Виная[26], запрещающего обладание ламами личного имущества и, напротив, требующего известного равенства между ламами. Монастырь Наробанчин-хийд[27] в Западной Монголии был главным монастырем линии перерождений Дилова-хутухты[28] и Наробанчин-хутухты.

Чуцкаев: Как относится низшее ламство и ламство в целом к незаконному обогащению высших лам за счет джас?

Лувсаншарав: В общем, ламы считают, что обогащение одних за счет монастырского имущества неправильно. Есть старое буддийское учение о том, что лама не должен иметь собственности более, чем на шесть цэн[29], что по теперешним ценам составит приблизительно 60 мунгу[30]. В этом учении говорится, что будто бы Будда говорил, [что] кто имеет больше имущества, тот не мой ученик. И по учению Виная обладание индивидуальным имуществом противоречит тем требованиям, которые должны быть предъявлены к ламе. Отсюда вполне понятно, что есть

среди ламства такое течение, которое стремится к ликвидации джас, т. к. считает, что наличие их в жизни монастыря разлагает ламство.

Чуцкаев: При проведении конфискации джас не создается ли такое положение, что 50% и 30% необеспеченных лам увидят в этом лишение их возможности обеспечить свое существование, и второе – не будет ли понята ликвидация джас, несомненно, способная вызвать затруднения в отправлении хуралов и содержании храмов, как поход на религию, что при отмеченной выше приверженности к религиозным взглядам даже наиболее активных лам может повести лам на определенное политическое выступление?

Лувсаншарав: Худонских лам в тех 30%, которые не пользуются постоянной поддержкой своих родственников, все же получают помощь со стороны. В Улан-Баторе таких необеспеченных лам больше, т. к. в них[31] идет скопление ламства со всех концов Монголии. Они также пользуются лишь временной поддержкой родственников. Но джасовское имущество не является источником содержания беднейших лам. Ламская беднота живет не за счет джас, а изыскивает средства для жизни всякими способами. Беднейшие ламы работают у богатых лам и получают от них разные подачки, они часто выполняют работу по джасе, как, например, участвуют в перевозке грузов, заготовке дров для монастыря и на рынок, ведут торговлю и проч. и этим добывают средства к существованию. По вопросу о значении джас для определения политических настроений ламства надо сказать, что основную роль здесь, несомненно, может сыграть правильное распределение конфискованного имущества джас. Если удастся за счет конфискованных джас наделить бедноту и перевести ее в черное состояние, то это ослабит вредное влияние указанного явления. Поэтому я полагаю, что необходимо будет разработать вопрос о правильном распределении имущества между беднейшими ламами и надо разработать методы извлечения из монастырей ламской бедноты. В этом мы сможем получить и известную опору, чтобы провести борьбу уже чисто политическими мерами с высшим ламством, которое, конечно, никогда не примирится с ликвидацией джас и на этой почве будет вести агитацию во имя защиты попираемой правительством религии. Однако не могу не отметить, что даже и при правильном разрешении вопроса о выводе лам из монастырей у меня вызывает сомнение, не создастся ли возможность для легкого воздействия на беднейших лам со стороны высших лам, если бы мы выдали имущество ламской бедноте и оставили бы ее в монастыре. С другой стороны, несомненно, что при переходе ламской бедноты в черное состояние они составят сплоченную группу в худоне, которая всегда может оказаться под влиянием контрреволюционных сил ламства. Оба эти обстоятельства надо учесть и соответствующим образом обдумать.

Чуцкаев: Как относится население к конфискации имущества высших лам и как относится аратство к джасовскому имуществу?

Лувсаншарав: Я сам участвовал в проведении конфискации у двух хутухт и заметил, что отношение аратской бедноты неплохое. Мы конфисковали у хутухт имущество вплоть до чулок. И весьма характерно, если раньше население обоготворяло хутухт и часто благоговейно прятало и даже сохраняло их грязное белье, считая его священной вещью, то теперь араты охотно брали чулки и тут же надевали на себя. Беднота нисколько не задумывалась над святостью вещей и охотно

принимала их, так что можно определенно сказать, что население против конфискации имущества высших лам не протестует. Так, например, Дилова-хутухта из Наробанчин-хийда говорил мне по секрету, что конфискация его имущества является правильным делом. Он предупреждал меня, что, может быть, кто-либо, пользуясь его именем, будет провоцировать религиозных людей на протест против конфискации моего имущества, то надо знать, что он не имеет к этому никакого отношения. Не менее интересные разговоры были у меня в подобном же тоне и с другими хутухтами. Вопрос об отношении населения к джасам – вопрос каверзный. Население, конечно, считает, что дело это имеет отношение к религии. Но все же известная часть бедноты, в силу необеспеченности, имеет определенное поползновение на джасы. Так, например, уже во время конфискации имущества феодалов до 30% бедноты были за распространение конфискации и на джасы. Однако надо помнить, что все население Монголии религиозно и остальная часть его, несмотря на материальную заинтересованность, будет осторожно относиться к конфискации джас, но все же не позволит себе открыто выступить против нее.

Чуцкаев: А не возможно ли восстание аратства на почве протеста против конфискации джас?

Лувсаншарав: Лично [я] думаю, что беднота и среднее аратство не пойдут на вооруженное восстание, особенно беднота. Богачи, возможно, будут делать попытки противодействовать конфискации. На поддержку конфискации, несомненно, выступят члены партии и Ревсомола.

Чуцкаев: А как же объяснить события в Чиндомани-Ула?

Лувсаншарав: В Чиндомани-Ульском аймаке все может быть, там в сущности не велось никакой работы и там все ламство грамотно, а партийцы совершенно неграмотны. Очень сложное положение имеется на юго-востоке Хан-Хэнтэйского аймака и на самом севере Хан-Тайширского[32] (Дэлгэр-Хан-ульский хошун). Слабость парт. работы и сильное влияние лам обусловили в этом хошуне выступление даже и против конфискации феодалов. Поэтому протесты против конфискации джас и против конфискации феодалов там возможны, но я совершенно определенно могу поручиться в том, что ни в Цэцэрлэгском, ни в Хан-Тайширском аймаке в целом подобного не будет.

Чуцкаев: Очевидно, если будет решен вопрос о конфискации джас, в таких местах особенно потребуется длительная подготовительная работа.

Лувсаншарав: Совершенно верно. Это тем более необходимо, что до сих пор в этих местах не было проделано почти никакой работы с массами по борьбе с феодалами. Даже при конфискации имущества феодалов там работали без подготовки, что называется с маха. Конфискацию часто проводили после единственного собрания. Отсюда и делаю вывод, что очередной задачей партии должно быть проведение самой широкой разъяснительной кампании о природе и сущности феодализма. Если это будет хорошо разъяснено, то само население поднимется на феодалов и никакой опасности для проведения кампании не будет.

Чуцкаев: Какие бывают джасы по назначению и по содержанию имущества?

Лувсаншарав: Назначение джас в сущности идет на пользу лам[ам]. Основной смысл джас – это содержание имеющихся в монастыре школ – их пять. 1) Сокчинджаса, она предназначена для содержания школы молодых лам, где они обучаются

грамоте и первоначальным знаниям. 2) Цаннид-джаса – предназначена на содержание школы по первоначальной философии. 3) Жуд-джаса – содержание школы высшей философии. 4) Манба-джаса – для содержания медицинской школы. 5) Дзурхай-джаса – содержание астрологической школы.

Чуцкаев: Что дает школа джаса ученику – оплачивает ли только его ученье, предоставляет ли ему учебники и другие принадлежности и дает ли пищу и одежду?

Лувсаншарав: Нет, средства джасы по школам идут только на содержание хуралов. В год в каждой школе бывает от трех до пяти хуралов и продолжаются они 1–1,5 месяца. На этих хуралах проводятся диспуты и идет проверка знаний, приобретенных ламой до хурала. Основное обучение идет у ламы дома, он зубрит предназначенные для него науки под руководством учителя ламы-бакши[33]. Бакши живет, как и все ламы, за счет тех средств, которые ему дают родные, или за счет приношений. Обычно в начале учения поручаемый ему молодой лама подносит ему хадак. Если же бакши испытывает нужду в том или другом случае, то ученики его, которых у иного бакши бывает до 100 человек, помогают ему в складчину. Вообще говоря, способ ламского обучения в высшей степени дурацкий. Все они учат наизусть, зазубривают внедряемые им в головы науки по старым учебникам, принадлежащим монастырю. В системе обучения ламы нет практики письма, он работает только памятью. Зубрежку производит у себя на дому и к бакши ходит на дом за разъяснениями непонятных ему мест. Даже медики не пишут ничего и только дзурхал (астролог) нуждается в письменных принадлежностях для своих вычислений.

Чуцкаев: Бывают ли джасы только для содержания школ или имеют другое назначение?

Лувсаншарав: Да, джасы существуют как для каждой отдельной школы, так и для некоторых учреждений, имеющих для монастырей общий характер. Нужно сказать, что вообще джасы являются стабильными, учрежденная джаса сохраняет свое имущество только для тех целей, для которых она предназначена. Можно, правда собирать средства и принимать пожертвования для усиления существующих джас, но это не значит, что нельзя утверждать новых джас. Любой лама может открыть компанию и повести учреждение новой джасы для любой цели.

Чуцкаев: Кто же дает имущество для учреждения джас, может ли монастырь выделить средства из существующей уже джасы на новую джасу?

Лувсаншарав: Все средства на джасы собираются обычно с арата при помощи бадара или на образование джасы часто поступают пожертвования князей. При помощи бадара собирают средства для новых и старых джас. Система сбора средств очень разнообразна и зависит от характера и способностей сборщика. Но все же собранные для джасы средства расходуются только по назначению. Конечно, это не означает, что высшее ламство, распоряжающееся джасами, не имеет возможности вырвать значительную часть этих средств. Кроме таких организуемых для джас сборов, отдельными ламами производятся сборы и для личных целей. Так, например, тот или иной лама, когда получает ученую степень и бывает должен устроить угощение по этому случаю, часто собирает на это средства с того же арата.

Чуцкаев: Джаса, предназначенная для содержания школ, приписана к какому-нибудь храму или существует отдельно от него?

Лувсаншарав: Каждая школа имеет свое пребывание в одном из храмов монастыря.

Чуцкаев: Имеется ли общий дацан кроме тех, в которых существуют школы?

Лувсаншарав: Нет, общим дацаном является обычно тот, где находится сокчин. Кроме того, что в этом храме происходят хуралы молодых лам, в нем обычно собираются и все ламы монастыря на общее моление.

Чуцкаев: Есть ли разница в организации джас по отдельным районам?

Лувсаншарав: В общем, все джасы Монголии одинаковы. Организация джас в отдельных местах различается лишь по тому, сторонником какого учения и идеала является основатель джасы. Разница в уставах и различие в системе преподавания в школах вносит некоторое отличие в организацию джасы. Так, например, я знаю, что [в] Армен-хийде[34] и Мурэн-хийде формы проведения хуралов различны. В Армен-хийде хуралы проходят на улице, на каменном полу, несмотря на холод зимой. В Мурэн-хийде хуралы идут в помещении. Существует различие и во внутренней дисциплине хурала, в том же Армен-хийде низший лама может смотреть на гэскуя и другое высшее ламство не выше пояса.

Чуцкаев: Какое имущество может входить в состав джасы?

Лувсаншарав: В состав джасы входят – скот всех пяти видов[35], постройки, деньги, товары, а в Мурен-хиде в джасу входит даже 1000 кирпичей чая. Скот и постройки используются джасой обычным порядком, деньги [и] товары служат средством спекуляции. При помощи спекуляции товар и деньги пускаются в оборот, возвращаются в джасу с прибылью, которая идет на цели, предназначенные джасе, а основной капитал джасы восстанавливается. Спекуляция имуществом проводится как самими ламами, так часто и через китайских торговцев. Например, во время недостатка чая Мурен-хит нажил большие деньги, пустив свой джасовский чай в продажу аратам по повышенным ценам. В Хан-Тайширском аймаке мне известно, есть джасы из посевов, которые эксплуатируются при помощи лам и арата. Все эти сведения о джасах я даю на основании знакомства с ними в Хан-Тайширском и Цэцэрлэгском аймаках.

Чуцкаев: Какое вознаграждение получают ламы при обслуживании джас?

Лувсаншарав: Ламы никогда не пасут джасовский скот. Скот этот выпасается обычно аратами, которые за эту работу получают чрезвычайно мало. Так, например, мне известен случай, когда пастух-арат за выпас 1000 баран получает в год 10 баранов живых, шкуры павших баранов, при использовании молока должен давать определенное количество масла монастырю. Если случится при пастьбе у овцы выкидыш, то за это пастух должен платить монастырю. Монастырь строго учитывает возможный приплод стада, так как имеет полный список овец в стаде, он устанавливает норму приплода в стаде, за которую отвечает пастух. Джасовский скот поэтому монастырь предпочитает сдавать богачу, так как с него всегда можно будет взыскать все могущие произойти убыли скота. Аратская беднота настроена обычно против джасовского скота и не принимает его добровольно на выпас. Но если ламы не занимаются пастьбой скота, то они за счет джасовского имущества занимаются спекуляцией, выполняют обязанности возчиков при джасовских караванах, собирают барат[36] и уже в свою пользу отправляют гуруд[37]-моление и заклинание по приглашению аратов. В летнее время ламы обычно разъез-

жаются по худонам, останавливаются у аратов, пьют кумыс, чай и проч. Там, где монастырем ведется хлебопашество, там обычно для джас работают беднейшие ламы.

Чуцкаев

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 482–488. Заверенная копия.

№ 120
Доклад начальника ГВО МНР Б.-О. Элдэв-Очира[1] о ликвидации контрреволюционного восстания ламства и феодалов в Северо-Западной Монголии (10 мая 1930 г.)

31 мая 1930 г.
Совершенно секретно

О ликвидации контрреволюционного восстания ламства и феодалов в хошунах Тогс-Буянт, Баян-Чандмань, Баян-Мандал и Хан-Батор Чандмань-ульского аймака МНР (10 мая 20[2], 1930 г.)

1. Общее политическое состояние аймака к моменту восстания

Политическое положение в аймаке к моменту восстания определялось рядом специфических особенностей, которые выделяли западную окраину МНР от остальных ее районов. Эти особенности исторически сложились под влиянием национальной политики маньчжурской династии и искусственно поддерживающегося маньчжурами национального антагонизма между Халхой[3] и Джунгарией[4], в частности, дербетами[5] как одной из ветвей Джунгарии. Не вдаваясь в дебри истории, богатой фактами, освещающими целый ряд междоусобных войн между означенными монгольскими племенами, нужно бегло остановиться на господстве Китая (в период падения Дайцинской династии[6]) над отдельными районами современной Монголии.

Для удобства разобщения отдельных монгольских племен маньчжуры выделили теперешний Чандмань-ульский аймак в особый амбанат (губернаторство), и в политическом и экономическом отношении край был совершенно изолирован от Халхи. Лишь наличие в Урге Богдо-Джебзундамба-хутухты привлекало некоторых дербетских паломников, да и то, поездки на поклонение были не особенно часты и не носили массового характера.

Таким образом, дербетский край развивался совершенно самобытно и под влиянием китайской культуры начало прививаться земледелие (преимущественно в монастырях, как в оседлых поселениях).

Несмотря на искусную национальную политику маньчжур, все же у свободолюбивых дербетов, под влиянием жестокой эксплуатации китайско-торгово-ростовщического капитала развивалось недовольство против китайского владычества и в момент крушения маньчжурской династии дербетские феодалы совместно с халхаскими феодально-теократическими представителями, став во главе движения, свергли китайцев[7].

Западно-Кобдоский край вошел в состав Автономной Монголии.

Началась вакханалия феодально-теократического правления и гнета, когда вся Монголия была зажата в тисках совместной эксплуатации своих феодалов-теократов, китайского торгово-ростовщического капитала и самодержавного русского империализма (тройное соглашение в Кяхте[8], русско-китайское соперничество, содержание вооруженных сил в Кобдо, сохранившаяся система круговой поруки, колонизация и т. п.).

Вместо прежнего маньчжурского амбаня в Кобдо засел монгольский краевой сайд (наместник), отличавшийся от своего предшественника только наиболее грубым и жестоким обращением с окружающим населением. Видя произвол халхаского сайда, население опять начало проникаться прежним антагонизмом к халхасцам. Этот момент использовался заинтересованными элементами вроде известного авантюриста-разбойника Дамбиджанцана[9], пытавшегося выставить себя в качестве продолжателя дел последнего поборника национальной независимости Ойратии Амурсаны[10].

Упразднение автономии Внешней Монголии, господство гаминов и унгеровщины (1919–1921 гг.) сильно отразилось на экономике Кобдоского края, который в период 1921–22 гг. стал ареной борьбы с вторгшимися из СССР бело-бандами генерала Бакича[11], Кайгородова, остатками унгерновских банд Ванданова и друг.

После утверждения аратской власти положение дел значительно изменилось, но все же Кобдоский край, как национальный, был районирован особо и управлялся через жанжин-сайд-ямыня[12] западной окраины. Местные самоуправления были организованы лишь в 1925 г., вследствие чего край политически отстал от других аймаков. Политическая работа значительно отставала от тех требований, которые предъявлялись краю проведенной системой административного районирования, т. е. организацией местных самоуправлений. Здесь не приходится говорить о том, что правое руководство сознательно игнорировало особенности национального района, необходимость выдвижения местных работников и т. п., вследствие чего руководство гос. аппаратом и партийно-ревсомольскими организациями осуществлялось «варягами» из других аймаков. Особенно характерно в этом отношении то, что население видело «халхаское засилье», главным образом, в лице уполномоченных при таможнях, коим больше всего приходилось вступать в соприкосновение с аратами и возбуждать их недовольство своим грубым обращением, оскорбительными подражаниями дербетскому разговорному акценту и т. п. Отсталость и национальные особенности района обуславливали наличие крепко сохранившихся, чисто местных традиций, консерватизма и неизменность их твердо закреплялась ламством (язык, быт, покрой одежды, обычаи приношений, безусловное подчинение церкви и т. п.).

Слабое выдвижение новых кадров обуславливало засоренность гос. аппарата классово чуждыми элементами, а самое главное – отсутствие твердой классовой линии в работе и, в особенности массовой, приводило к тому, что местами гос. аппарат смыкался с ламством и феодалами; последние же, в свою очередь, использовали выгодность своего положения и закрепляли свои политические и экономические позиции.

Только после VII съезда МНРП отношение центра к Чандмань-ульскому аймаку резко изменилось и это, по существу, является тем критическим переломом, когда дербетская и другие национальности западной окраины Монголии в лице своего бедняцко-середняцкого аратства получили возможность сами, совместно с аратами остальных аймаков МНР устраивать свою жизнь соответственно задачам МНРП.

Приступая к практической реализации задач по коренизации[13] аппарата, проведению таких важнейших мероприятий, как наступление на остатки феодализма и буржуазно-капиталистической сектор и т. п. местные организации не учли всех вышеописанных особенностей своего района, допустили ряд крупных ошибок и дали возможность классово враждебным, в частности, правым элементам использовать эти ошибки в своих интересах.

2. Административное районирование и хозяйственно-экономическое положение аймака

При проведении первой стадии подготовительной работы по районированию Западного района в 1924 г. территория Чандмань-ульского аймака состояла из двух отдельных аймаков, называвшихся Восточно-дербетским и Западно-дербетским[14].

В состав Восточного аймака входили 11 хошунов: 1) дербетского левого крыла Далай-хана, 2) Бишрэлт-вана, 3) Сужикт-гуна, 4) Мингат, 5) Олёт / ойрат, 6) Захчин-цзянцзюнь, 7) Батор-бэйсэ (Баятский), 8) Ачацэрэн-бэйсэ.

Отдельный хошун Тариачин (земледельцев-монгол, которые при Маньчжурской династии были привлечены сюда для ведения земледелия из Цэцэрлэгского и Хан-Тайширского аймаков) подчинялся непосредственно краевому сайду.

Торгоутский хошун вана Максаржава[15], входивший в состав Синьцзяна, не был включен в дербетские аймаки. Другой Торгоутский хошун Ачацэрэна-бэйсэ, хотя и входил в Западный аймак, но фактически находился в Китае и только в 1927 г. перешел в монгольское подданство.

Киргизы[16] составляли 12 кире (хошунов) и управлялись самостоятельно.

Реорганизация самоуправления и твердое административное районирование укрупнением хошунов начало проводиться в 1926 г.

Оба дербетских аймака были объединены в один Чандмань-ульский (по названию скалистой сопки, находящейся среди Улангомской долины) аймак. 19 мелких хошунов были укрупнены в пять хошунов: 1) Баян-Чандмань (из прежних: Дзорикт-хана, Бишрэлт-вана, Судзукту-гуна и Мингат), 2) Баян-Мандал (из прежних 10 баитских хошунов), 3) Тогс-Буянт (из прежних: Далай-лама и Бадма-гуна), 4) Наран-Хайрхан (из прежних Тариачинов и Олётского), 5) Хан-Батор (прежние Захчин и цзянцзюня).

Кроме того, имеется еще ряд хошунов, в коих местные самоуправления совершенно не организованы или организованы наполовину: например, пять киргизских хошунов даже не районированы, семь Алтай-Урянхайских хошунов объединены в один Булган-Мандал-Бурин-хан-ульский хошун, но самоуправление еще не организовано.

Таким образом, из 74 651 человека населения аймака административно устроено 64 851 человек и не устроены киргизы (11 600 человек) и Алтай-хан-ульский

хошун (7600 человек) с общим количеством населения в 19 200 человек, т. е. 35,04% всего номинально числящегося населения аймака (в это число, за отсутствием данных, не входит Торгоутский хошун).

В отношении нерайонированных в достаточной мере киргизских, торгоутских и Алтай-ван хошунов, расположенных на важнейшем участке западной границы МНР и в непосредственном соприкосновении с Синьцзяном, нужно отметить, что ныне объединенный Торгоутский Булган Мандал-Мурин-Хан-ульский хошун и киргизский хошун Байхадыма находятся за Алтайским хребтом по речке Булган-голу в непосредственном соседстве с киргизскими хошунами Китая и на спорном участке границы.

Откочевка в Китай хошуна Байхадыма, объясняемая населением демонстративным протестом против ареста их родового вождя Байхадыма, сильно осложняет обстановку и в остальных киргизских хошунах и во всей остроте ставит вопрос о необходимости выработки ряда мероприятий по административно-хозяйственному устроению аймака с изменением существующих односторонних методов административного командования, зачастую недопустимо грубого и оскорбительного отношения к ним местных работников, среди которых проскальзывали суждения о киргизских хошунах, рассматриваемых с точки зрения утилитарных возможностей для МНР, или выгодности сохранения их в своем подданстве. Такие рассуждения при отсутствии всякой работы среди киргизского населения и без учета экономических и культурно-бытовых особенностей киргизской народности безусловно вредны и политически совершенно недопустимы так же, как попытки взимания с киргизов налогов для содержания пограничных цагд[17]. Нужно иметь в виду, что хошун Ботохар (Далихановский), а затем Байхадымский имеют свою столетнюю историю тяготения к Монголии и добровольного перехода в ее подданство с привлечением остальных хошунов, а теперь, в связи с арестом Байхадыма и бегством в Китай Далихана мы стоим перед угрозой потери всех остальных хошунов; это тем более важно, что киргизские хошуны экономически тяготеют к земледельческим хошунам синьцзянских киргиз, не говоря уже о родственных отношениях и крепкой религиозной связи с китайскими киргизами Синьцзяна. Например, в последнем живет мусульманский епископ (главный мулла), распространяющий свою власть над всеми киргизами Синьцзяна и МНР. Характерно то, что киргизское население МНР ежегодно вносит ему свои приношения по следующей норме разверстки: зажиточное население и кулачество по 100 голов баранов с каждого двора, а бедняки – деньгами, примерно по 10 тгр. со двора.

При сильно развитом фанатизме и при наличии возможности использования означенного муллы китайцами киргизский район требует самой осторожной политики (всякое головотяпство со стороны местных властей и аресты киргиз за малейшие провинности должны быть решительно прекращены).

К сказанному выше следует добавить, что вопреки всяким разговорам о «невыгодности», киргизские хошуны (плюс Алтай-ханский) составляют один из мощных экономических районов аймака с значительной емкостью рынка и товарным выходом сырья. Следующая краткая таблица по пяти хошунам красноречиво говорит об этом:

№/№ п/п	Наименование хошунов	Население		Количество скота					
Хозяйск.			Всего	Вербл.	Лошад.	Рог. ск.	Овец	Коз	Всего:
1. Байхадым		100	–	930	2970	1325	13 550	2125	
2. Ботохор		450	–	3100	21 010	6050	63 150	7860	
3. Чабригад		250	–	2020	10 130	3660	25 300	3900	
4. Кошак		100	–	2175	2175	2650	53 125	1800	
5. Чиручи		100	–	2700	38 000	12 000	300 000	–	
Всего		1850	1160	10 925	82 210	26 585	455 125	15 685	589 630
№/№ п/п	Наименование хошунов	Юрт	Вербл.	Лошад.	Скота		Овец	Коз	Всего
1	Кошак:								
	1) Бедняков	25	50	100	100		625	425	
	2) Середняков	50	1000	2500	1250		15 000	1000	
	3) Кулаков	25	1125	7500	1250		37 500	375	
	Итого:	100	2175	2175	2650		53 125	1800	
2	Ботохор:								
	1.	170	340	510	850		5950	3400	
	2.	230	2760	11 500	3450		32 200	2760	
	3.	50	2000	9000	1750		25 000	700	
	Итого:	450	3100	21 010	6050		63 150	7860	
3	Чирун:	950	2700	38 000	12 000		300 000	_	
4	Байхадым:								
	1.	40	80	120	200		800	1000	
	2.	45	250	1350	675		6750	900	
	3.	15	600	1500	450		6000	225	
	Итого:	100	930	2970	1325		13 550	2125	
5	Чабригар:								
	1.	10	220	330	660		3300	1980	
	2.	100	1000	5000	1800		10 000	1200	
	3.	40	80	4800	1200		12 000	720	
	Итого:	250	2020	10 130	3660		25 300	3900	
	Всего:	1850	10 925	82 210	25 685		445 125	15 885	

Население хошуна составляет приблизительно 20% по отношению к основным пяти хошунам аймака.

Приведенные цифры далеко не отражают действительного количества скота, даже по этим данным составляющего 18% к общему количеству скота в аймаке, ибо по материалам хоз. организаций и рассказам самих киргиз, одних овец имеется более 700 000 (почти 30% всего овечьего стада аймака).

Потребление товаров, особенно мануфактуры, составляет примерно 1/3 потребления всего Чандмань-ульского аймака, при этом киргизы являются самыми аккуратными плательщиками долгов, ибо к этому их обязывает религия (даже в случае

смерти плательщика первой заботой оставшихся родственников является уплата всех долгов, дабы кредитор не поминал имени покойника). Откочевавшие в Китай, в частности Далихан, возвращают Монценкоопу и Стормонгу[18] долги; таким образом, в лице киргиз МНР имеет громадный экономический фактор, отпадение которого может значительно повлиять на экономику западного края, не говоря уже о границе и других политических моментах.

Незаконченность административного районирования пограничных хошунов ведет к наличию ряда уродливых явлений: например, Алтан-Хан-ульский хошун, имеющий свой центр в верховьях Кобдо, в местности Улугуй (Улегей), растянулся лентой шириной от 1 до 3-х уртонов (30–90 верст), начиная от Торгоутского хошуна вдоль Алтайского хребта (т. е. вдоль границы) в направлении северо-запада на протяжении более 10 уртонов (300 с лишним верст) и заканчивается границей Тогс-Буянт-ульского хошуна, с северо-востока граничит с хошунами Хан-Батор, Наран-Хайрхан и Баян-Чандмань. На всем протяжении Алтан-Хан-ульского хошуна в него вкреплены[19] пять киргизских хошунов, которые живут на его территории, как бы отдельными островками.

Имеющиеся данные относительно этого хошуна говорят следующее:

Наименование хошуна	Колич. населения	Лам	%% отношен к нас.	Количество скота у населения						Всего голов б/джас скот
				Верб.	Лош.	Рог. ск.	Овец	Коз	Джас	
Алтай-хан	8100	1257	16,5	5100	8000	23 000	–	–	10 355	338975

В отношении к 5 хошунам аймака население составляет 14%. По общепринятому местному шаблону киргизский и Алтай-Урянхайский районы относились к одному знаменателю под названием: Киргиз-Урянхайский район, а между тем, эти районы по своему национальному составу, религии и бытовому укладу совершенно различны. Если киргизы имеют свою письменность и на организацию монгольских школ смотрят с опаской, как на первый шаг на пути их монголизации, то алтайские урянхи настолько подверглись влиянию дербетской национальной среды, что на 3/4 говорят по-дербетски (около 50% населения Алтай-Урянхай состоит из родственного дербетам племени «мончок»[20]), а также сильно охвачены влиянием ламаизма (имеется восемь монастырей с 1257 чел. лам, 77 джас с капиталом в 10 355 хуби) и развитие сети монгольских школ только приветствуют.

Отсюда районирование означенных двух местностей (организация самоуправления путем выявления местных сил), массовая работа, кооперирование населения, культивирование земледелия, организация светских школ на родном языке, проведение ряда мероприятий по отрыву бедноты от влияния мулл и кулачества и т. п. и нац. политика должны быть проведены с учетом всех специфических особенностей.

Национальный состав остальных хошунов аймака можно выразить в следующих цифрах:

Хошуны	Олёты	Мингаты	Халхасцы	Торгоуты	Баиты	Дербеты	Хотоны
1. Наин-Хаир	3000	2000	4000	–	–	–	–
2. Хан-Батор	7952	–	–	–	–	–	–
3. Баян-Чандмань	–	–	–	–	–	15 273	2000
4. Баян- Мандал	–	–	–	–	11 575	–	–
5. Тогс-Буянт	–	–	–	3600	–	8978	–
6. Булган-Мандал	–	–	–	–	–	–	–
Итого:	10 952	2000	4000	3600	11 575	24 251	2000
% к общ. к/нас.	18%	3%	7%	6%	20%	43%	3%

К этой таблице нужно пояснить, что вместе с киргизами и урянхинцами в состав аймака входит девять национальностей, из коих национальностей монгольского племени – семь и тюркско-татарского – две, самыми многочисленными являются дербетцы (43%), но все же они не составляют абсолютного большинства нац. состава аймака, вслед за ними идут баиты, составляющие ранее 10 хошунов, они по существу являются теми же дербетами, только отдельной родовой ветви, само слово «дербет» (правильно «дурбед») означает четыре по числу родов: 1) баиты, 2) зеты, 3) хеды, 4) хотоны, которые обобщаются под одним названием дербеты.

Хан-Баторский хошун населен исключительно олетами, но по историческому названию воеводы хошуна именуется «дзахчинский» (фланговый или краевой).

Особого племени под названием «дзахчин»[21] не имеется. Населяющие часть Наран-Хайрхан-ульского хошуна халхасцы являются выходцами из соседнего Цэцэрлэгского и Хан-Тайшир-ульского аймаков, привлеченными в свое время маньчжурским амбанем для занятия земледелием в районе Кобдо. Поэтому они называются тариачинами (что означает «земледелец») и зачастую их совершенно неправильно рассматривают как особую этническую группу.

Хотоны[22], населяющие два сомона (Алтан-Тэль и Баян-Мандал Баян-Чандмань-ульского хошуна), около 600 дворов, являются племенными киргизами, они в прежнее время, при феодализме, находились на положении рабочего скота и подвергались крайне жестокой эксплуатации со стороны феодалов. Все общественные сооружения и земляные работы выполнялись ими, например, Улангомские кремли[23] скреплены потом и кровью хотонов. Хотоны занимаются земледелием: при феодализме последнее зерно отбиралось у них в оброк хошунным князьям и на этой почве происходили массовые самоубийства хотонцев через повешенье.

Торгоуты живут только в Булган-Бурин-Хан-ульском хошуне, который по нац. составу является исключительно торгоутским. Большой разницы между торгоутами, дербетами, олетами и баитами нет (как в языке, так и в быту).

Прилагаемая таблица о распределении населения по хошунам (см. приложение 1)[24], отражая социальный состав населения аймака в целом, однако страдает рядом несущественных недостатков, например, за отсутствием учета состояния последних трех хошунов [население] приведено в приблизительных цифрах, распределение же различных видов скота и приплода от него приведено в отдельной таблице (см. приложение № 2), подробные цифры распределения по классовому составу населения приведены в отдельной таблице (см. приложение № 3).

Касаясь распределения скота и имущества, выраженного в хуби[25] среди трех основных слоев населения – бедняков, середняков и кулаков, можно сказать, что совершенно неимущих или опролетарившихся хозяйств по всем хошунам имеется 151, причем они падают на земледельческие хошуны, подверженные наиболее сильной эксплуатации ламства и монастырского капитала. Например, 40 дворов на Баян-Чандмань-ульском хошуне, где ламство составляет 31,6 [%] мужского населения и джасы располагают 11,7 [%] капитала по отношению к населению, 24 двора на Тогс-Буянт, где ламство составляет 23,9% по отношению к мужскому населению и джасы располагают 22,3% капитала по отношению к населению. 23 двора на Хан-Баторе, где ламство по отношению к мужскому населению составляет 24,4%, 64 двора на Наран-Хайран, где жестокая форма эксплуатации земледельческого (крестьянского) населения имеет свою многолетнюю историю и т. д.

Беднота, имеющая от 1–20 хуби составляет 45,4% общего количества дворов и располагает 47 952 хуби, или 10% к общему количеству хуби в хошуне.

Середняк (от 21 до 50 хуби) составляет 28% дворов и имеет 91 061 хуби, или 19% всех хуби. Высший середняк (от 51 до 100 хуби) составляет 14,2% дворов и имеет 101 125 хуби, или 21,4% всех хуби.

Кулак (от 101–4000 [хуби]) составляет 9,2% дворов и имеет 178923 хуби, или 38% всех хуби.

Джасы 20 монастырей аймака имеют 44 745 хуби, или 11,6% к общему количеству хуби аймака.

Приводя означенные цифровые выкладки в форму таблицы, можно выразить следующее:

Категория	Колич. дворов	%% дворов	Колич. хуби	%% хуби
Совершенно неим[ущие]	151	1,5	–	–
Бедняки	4588	45,4	47 952	10,0
Середняки	2815	28,0	91 061	19,0
В[ысшие] середняки	1405	14,2	101 125	21,4
Кулаки	914	9,2	178 923	38,0
Монастыри	322	–	44 745	11,6
Всего:	9873	–	463 806	100 п./5х.

Все хуби, переведенные на тугрики, составляют 13 914 180 тгр. (сюда не вошли данные по торгоутскому, киргизским и Алтай-Хан-ул хошунам).

Означенные цифры красноречиво говорят о том, что 50% всего скота (хуби) находится в руках кулаков и ламства. Середняки располагают примерно 42% всего скота, а бедняки составляют значительное большинство населения (47%), [но] обладают только 10% всех хуби. Кажущееся численное превосходство кулака над ламством (монастырями) станет парадоксальным, если принять во внимание экономическое качество и роль монастырей, которые концентрируют в своих руках почти всю хозяйственную инициативу аратского населения. Даже тот же кулак не минует давления монастырей, поскольку он на правах верующего идеологически и хозяйственно смыкается с ламской верхушкой (случаи эксплуатации ламской бедноты через авторитет монастырских заправил и т. п.).

Бюджет аймака за 1928 г. (новых цифр нет)

Поступление по бюджету		Итого	Расход	Остаток
От хошунов От джас	660 796,48 57 390,35	– 718 186,83	– 255 701,69	– 462 485,14

Общая сумма поступлений и расходов в 973 883,52 мунгу[26]. Счетная работа в аймаках поставлена настолько плохо, что нет никакой возможности разобраться в бюджетах аймака (до сего времени нет данных за 1929 г.).

Общеторговые обороты по аймаку за 1929 г. выражаются в следующей таблице:

Монценкооп			Стормонг			Частники	Итого обороты
Реализ.	Заготовл.	Всего	Реализ.	Заготовл.	Всего	Всего:	
525 765,24	488 648,16	1 014 411,40	1 415 362,89	834 117,53	2 249 480,42	614 000	3 877 891

Емкость рынка определяется в 3 000 000 тугриков.

3. Земледелие и ламство

По роду занятий население аймака в своем громадном большинстве является скотоводами (см. приложение № 4).

Верблюды	Лошади	Рог. скот	Сарлык	Хайнок	Овцы	Козы	Всего
64 964	189 232	133 615	70 096	772	2 317 731	432 725	3 214 185
%% к общему стаду:							
3,1	5,8	6,6	–	–	72,3	13,4	100%

Преобладание скотоводства обуславливает исключительно кочевой образ жизни населения. Оседлыми поселениями являются только монастыри, коих в аймаке насчитывается 20. Поэтому земледелие составляет в большинстве случаев лишь побочное подспорье в хозяйстве арата. Земледельческими районами считаются почти все хошуны, за исключением киргизских. Вся инициатива земледелия сосредоточена в руках ламства (монастырских джас). Из всех хошунов самыми богатыми в смысле земледелия является Тогс-Буянт и Баян-Чандмань.

<…>

Приведенная таблица, составленная по приблизительным данным, не отражает точной цифры посевов джас или лам вообще. Поэтому выявить процентное отношение ламских посевов к аратскому посеву невозможно. Можно отметить лишь то, что хлебофуражный баланс по Баян-Чандмань, Тогс-Буянт и Баян-Мандал хошунам на основании показаний самих посевщиков определяются: валовой сбор с 4769 дес. 238 432 пуда, причем семена из расчета 8 пуд. на 1 десятину, 38 152 пуда потребление аратского населения из расчета 9 пудов на двор на 6750 хозяйств – 60 750 пудов.

Потребление ламства из расчета 5 пудов на человека (4497) – 22 485 пудов. Остающийся запас – 117 045 пудов. Этот остающийся запас в большинстве своем концентрируется в руках ламской верхушки или монастырских джас, которые пользуются им в виде переменного капитала и реализуют преимущественно в Сартульский район Хан-Тайшир-ульского аймака по 7–8 тгр. за пуд, в обмен на сырье или на деньги. Таким образом, от ежегодного урожая вывозится за пределы означенных хошунов до ста тысяч пудов хлеба, стоимостью в 70 000 тгр. Точного учета земледельческих орудий нет.

Хошуны	Сох	Кос	Мельницы:		
			Арат.	Кит.	Дам.
Баян-Чандмань	–	–	3	10	2
Баян-Мандал	31	11	–	–	–
Тогс-Буянт	149	18	10	–	8

Размол зерна (пшеницы и ячменя) производится на конных мельницах. Мука для широкого потребления арат изготавливается таким образом: зерно предварительно жарится и после того, как оно поспеет, мелется. Эта мука называется «дзамба», употребляется с чаем без выпечки.

Как видно из таблицы, Госпосев еще не развернулся и в хозяйственной жизни района играет весьма незначительную роль, ибо валовой сбор зерна по отношению к вышеуказанным хошунам выразился только в 11 083 п., или 4,1%. В текущем году предполагается к посеву 5000 пудов разных злаков.

Для наиболее яркой характеристики роли монастырей в хозяйственной жизни аратского населения земледельческих районов следует остановиться на данных по Улангомскому монастырю (Баян-Чандмань-хошуна).

До нынешнего года посевами как ламства, так и светского населения ведало особо избранное совместными собраниями мирян и ламства лицо – дзомия[27] (обязательно из лам), которое в то же время являлось организатором всего земледельческого хозяйства Баин-Чандмань-ульского хошуна. Без разрешения дзомия никто из арат и ламства не мог заниматься земледелием, ибо только он облечен монопольным правом на организацию земледелия. При феодализме указом хошунного владетельного князя (дербетского правого крыла дзорикт-хана Содномджара[28], умершего в 1921 г.) <…>. После его смерти наследник Гэндэн (ныне расстрелянный) правил всего один год. Примерно с 1922 г. дзомия начал выбираться на совместном собрании ламства и мирян.

Срок службы его не ограничен и зависит от его поведения. Пахотные земли хошуна разбросаны на семь различных участков по количеству джас. Улангомского монастыря наименование джас: 1) Цогчин, 2) Чойр, 3) Долгор, 4) Джуд, 5) Мамба, 6) Джанрайсэг, 7) Луйджин, 8) Ганджур.

Пашни джас расположены в следующих местах: 1) Тэль, 2) Ушелак, 3) Торхалик, 4) Бошокто, 5) Арсай, 6) Орол, 7) Нирун (см. таблицу)[29].

Несмотря на то, что в Чандмань-ульском аймаке имеется еще пять друг. монастырей с общим количеством лам 685 человек, <…> джас, <…> хуби капитала[30], – улангомский дзомия является единоличным диктатором над остальными монасты-

рями и аратскими земледельческими хозяйствами. Стало быть, другие подчиненные ему монастыри своей самостоятельности не имеют.

Для практического руководства работой по обработке и посеву означенных участков выбираются, преимущественно из лам, три дамала[31] (заведующих) на каждый участок, т. е. 21 дамалов, которые подчиняются дзомия. В последнее время на должность дзомия в Улангоме был выбран зажиточный лама Бультыгир-Шираб, 56 лет, имевший более 300 бодо[32] (расстрелян 14 мая за участие в восстании). На означенных участках засевают как джасы, так и индивидуально отдельные ламы и миряне, причем последние никаких оброков джасе не платят, но зато монастыри взимали с мирян сбор на богослужебные нужды (точный размер этого сбора не определен). Из расспросов видно, что арат Тувшин-Джаргалант-ульского сомона, имевший 10 бодо и засевавший 10 пшеницы[33], отдавал ежегодно Дуйнхор джасе 300 джинов[34] или одну треть пшеницы (урожая), если таковой был сам –5[35].

Следовательно, одна треть всего валового сбора хлеба аратского населения шла на потребность монастыря, взимавшего их через нирб[36] своих джас и сампредов по заранее намеченной разверстке, по количеству дворов (доставка хлеба в монастырь производилась самим аратом). Наибольшему сбору в пользу джас подвергаются ламы-земледельцы, независимо от имущественного положения и обеспеченности. Сбор взимается с каждого состоящего в списке монастыря ламы по уравнительной системе разверстки, т. е. богач и бедняк, не занимающийся земледелием, [платят] в равной мере, например: в 1928 г. хуралы взимали т. н. общинную муку по 1 ду[37] (1 ц. 05 ф.) с каждого человека.

В таких случаях совершенно неимущий бедняк, бывает, вынужден просить у богатых лам, обязываясь отработать им во время посева и уборки. Размол зерна производится на мельницах Барун и Динах джас. Кроме того, вне монастыря имеется около 10 китайских мельниц и у арат – три мельницы. Имеющиеся в монастыре семь джас засевают ежегодно в среднем около 500 ду (526 п. 20 ф.) пшеницы и ячменя. Черновой работой по посеву семян джас руководят нирбы, по согласованию с дамалами – дзомия (последние только санкционируют). Обработка земли и посев производится силами джас, которые через нирб в качестве рабочей силы используют ламскую бедноту (оплата труда производится по усмотрению нирб – может что-либо дать или ничего не давать). Наиболее мощными земледельцами из лам монастыря являлись: 1) богач Чогроб, имеющий более 10 000 овец, до 400 верблюдов, 600 лошадей, 300 голов рогатого скота, до 300 ящиков байхового чая, до 200 мест кирпичей чая, значительный запас хлеба и засевающий ежегодно около 100 ду (112,5 п. зерна), 2) Хух Ойров, имеющий около 100 бодо и засевающий до 300 ду (337 пуд. зерна), 3) Холбон-Тавга, засевающий около 100 ду (112,5 пуд. зерна), но ныне перешедший в черное состояние, 4) Булгур-Шарав, засевающий до 200 ду (225 пудов). Из расчета восемь пудов на одну десятину – означенные ламы засевали ежегодно около 98 десятин и при среднем урожае собирали до 4000 пудов хлеба.

Излишек хлеба они продавали и на вырученные деньги занимались ростовщичеством, закупая в запас чай и другие предметы широкого потребления, которые на кабальных условиях раздавали населению и ламству в моменты затруднений товароснабжения данного района.

Общее количество лам, занимающихся земледелием по Улангомскому монастырю, достигает 400 человек, из коих беднота составляет абсолютное большинство. Что же касается джас, то они подобно зажиточным ламам, занимаются реализацией излишка зерна и закупкой всего необходимого для отправления ритуалов в монастыре. Заведующие джасами (нирбы) работают совершенно бесконтрольно и быстро наживаются.

Например, вышеуказанный богач Чогроб в течении ряда лет является хошунным нирбой и из середняков пролез в кулаки. Жизнь ламской бедноты в монастырях земледельческого района отличается от скотоводческих районов наиболее сильной эксплуатацией ее со стороны как монастыря, так и зажиточного ламства. Например, бедные ламы вынуждены обращаться к зажиточным за представлением напрокат рабочего скота и орудий земледелия. За это они обыкновенно обрабатывают пашни богачей и закабаляются. Некоторые из бедняков объединяются в артели по 3–4 человека и ведут совместную разработку вручную – лопатами или взятыми напрокат быками. Твердо установленной платы за работу на полях не существует, ибо каждый договаривается по-своему. Часть же бедняков-лам во время страды участвуют в обработке земли своих родственников или, если таковых нет, просто знакомых и за это получают по усмотрению хозяина известное отчисление от урожая.

Пользуясь такой формой эксплуатации населения ламской бедноты, монастыри превратились в политический и экономический центр данного района. Приобретение монастырями этих свойств объясняется рядом причин, к которым, кроме крепкой идеологической связи по линии религии относятся: а) громадное процентное отношение ламства к мужчинам, при котором почти каждый второй двор имеет в монастыре своего представителя, б) земледелие и связанное с ним хранение запасов семян и орудий наиболее удобно в пунктах оседлого типа, к которым относятся монастыри, вследствие чего кочевые земледельцы естественно приходят к необходимости перейти от хранения запасов в ямах на пашне к сдаче на хранение ламам при монастырях, в) концентрация в руках ламства значительного хлебного запаса, реализация его за пределами данного района, развитие товарных отношений и ростовщичество постепенно ставят арата в экономическую зависимость от монастыря, г) приобретению монастырями роли экономических центров способствует нахождение при них резиденций гос. хоз. торг. организаций (Улангом, Тогс-Буянт, Дэджилин – хош[унные] центры, связанные с населением, которое для сношения с последними в смысле производственных отношений пользуется услугами центра, приобретающего в силу этого роль экономического посредника, д) приобретение ламством роли экономического посредника само по себе означает переход хозяйственной инициативы от арата к монастырям и поощрение развития частнокапиталистической агрессии монастыря. Следует отметить, что роль монастыря определяется не только его отношением к земледелию, но и мощностью джас, имеющих значительное количество скота. Условия выпаса этого скота являются одним из существенных вопросов монастырской жизни. В земледельческих районах монастырский скот является в значительной мере рабочим, и отдача этого скота на пользование бедноте во время посевов составляет существенный элемент формы эксплуатации и закабаления аратства. Для ясности приведем состав скота джас крупнейших монастырей: Тогс-Буянт и Улангома:

Монастыри.	Верблюды:	Лошади	Рог. скот	Сарлык	Хайнык	Овец	Коз	Всего
1. Тогс-Буянт 2. Уланком	159 –	792 –	688 –	31 430 –	– –	110 098 –	1627 –	10 284 б.

Из крупного скота преобладают сарлыки[38], пользуемые в земледелии в качестве тягловой силы. По отношению ко всему сарлычьему стаду целого аймака они составляют 42%. Что же касается условий выпаса, то монастырский скот отдавался на пастьбу зажиточной и середняцкой части населения. При пастьбе табуна ответственное лицо получало в виде годовой платы трех лошадей, но данное лицо нанимало в качестве пастухов бедноту, которая за пастьбу в течении шести зимних месяцев получала одну лошадь, а летом от 2 до 4 тугриков в месяц. Некоторые пасут даже с условием пользоваться лошадьми для личных разъездов. Разницу от эксплуатации бедноты получает ответственный хозяин, подрядившийся от джас. При пастьбе овец платы не существует, а лицо, взявшее стадо, ежегодно сдает джасе с каждых 30 голов одну кошму размером 1х2 алдана[39], пользуясь молоком и остальной шерстью (по обыкновению в таких условиях трудно выкроить излишек). Шкуры павших животных сдаются джасе.

Пастьба самцов рогатого скота производится бесплатно. Пастух может в виде компенсации пользоваться только рабочей силой скота для кочевок и т. п. надобностей. С каждой коровы сдается джасе осенью около 1 пуда (30 джинов) молочных сухарей или около 30 фунтов (20 джинов) масла. В зимнее время пастух пользуется бесплатно молоком.

Таким образом, выпас монастырского скота тесно связан с интересами бедноты. По соседнему Хан-Тайшир-ульскому аймаку местные самоуправления обязали джасы сдавать скот на хранение колхозам совершенно безвозмездно и даже с оплатой, но вследствие отсутствия формы типового договора условия остаются невыполненными. По Чандмань-ульскому аймаку, в силу запоздания колхозного движения хошунные управления ограничились лишь отдавать скот на пастьбу бедняцко-середняцким слоям населения, но не установив, однако, твердых условий выпаса (Баян-Чандмань).

Имеющиеся в Тогс-Буянт колхозы (см. приложение №)[40] не изъявляют особого желания брать на выпас джасовский скот, считая это занятие не оправдывающим затраченного труда, так как колхозы и без того сильно насыщены переданным им на хранение конфискованным скотом.

Переходя непосредственно к численности, характеристике ламства в целом, нужно привести следующую таблицу:

№№ п/п	Хошуны	Наименован монастырей	Количество лам	Из них до 18 лет	Перешед. в/ч сост.	Количество джас:	Количество хуби в дж	Примечание
1.	Баин-Чандмань	1. Улангом 2. Намир 3. Найдан	1450 200 141	503 80 40	286 – –	45 30 20	10 284 491 1637	

№№ п/п	Хошуны	Наименован монастырей	Коли-чест-во лам	Из них до 18 лет	Пере-шед. в/ч сост.	Количе-ство джас:	Количе-ство ху-би в дж	Приме-чание
		4. Кобдоск. хурэ 5. Лайджан 6. Шарчихэ	146 44 294	41 20 92	– – –	16 2 13	1887 406 468	
	Итого:		2275	776	286	126	15 169	
2.	Тогс-Буянт:	1. Дашиджонайлин 2. Бадмасамбава	1203 117	563 21	358 –	126 2	15729 1269	взр. 81 ч.
	Итого:		1320	584	358	128	16998	
3.	Баян-Мандал:	1. Дэджэлин 2. Цалгар	1111 270	251 50	202 50	15 6	1776 386	Вар/мо-лод. высе-лена отс. 49 ч.
	Итого:		1371	301	252	21	2162	
4.	Наран-Хайрхан:	1. Тугемэл-Амаржиг 2. Тэгмид-дацан 3. Гун-Хотон 4. Цаганасун-дацан 5. Дзоми 6. Кобдоское хурэ	147 106 122 63 139 343	46 68 53 39 91 99	– – – – 91 –	2 5 6 1 4 4	534 346 314 23 116 373	
	Итого:		920	396	91	22	1706	
5.	Хан-Батор:	1. Заргын-хурэ 2.Тугруг 3. Цаган-Бурасон 4. Бодонч	484 171 184 302	352 46 38 70	253 – – –	6 4 2 10	3244 1687 839 2372	50% молодежи
	Итого:		1141	506	253	22	8142	
6.	Булган-Мандал (торгоут)	1. Хошун-хурэ 2. Бейлэ-хурэ 3. Тайджинар 4. Улясутай 5. Ценч	50 170 67 50 200	– – – – –	– – – – –	– – – – –	– – – – –	
	Итого:		537	–	–	–	–	
7.	Алтай-Ханул:	1. Чингил-Хайрхан. 2. Харгантын-хурэ 3. Сагсын-гол хурэ 4. Дэлюн-гол 5. Астанцогт 6. Тэмуртуйн хурэ 7. Худжирт	51 18 317 133 120 231 327	– – – – – – –	– – – – – – –	– – – – – – –	484 32 3612 800 1286 1904 3934	
	Итого:		1257	–	–	–	12 524	
	Всего:	32 монастыря	8761	2563	1240	319	56 229	48% монгол

Примечание: Из общего числа 2563 несовершеннолетних по пяти хошунам насильственно переведено в черное состояние 1240 человек или 48% всех несовершеннолетних (цифры неполные).

Из таблицы видно неравномерное распределение монастырей по хошунам, которое объясняется экономическим соперничеством между ними, при котором один

монастырь данного района приобретает роль хозяйственно-экономического и политического центра, а остальные постепенно хиреют (за последнее время сливаются с экономически более сильными). Возьмем для примера хошун Тогс-Буянт, где, несмотря на громадную роль церкви и фанатизма населения имеется всего два монастыря – Дашиджонайлин и Бадмасамбава, из которых первый вырос в мощный экономический центр хошуна, и население больше всего тяготело к нему, а второй настолько хирел, что поставил вопрос о необходимости слияния с первым.

По Баян-Чандмань-ульскому хошуну монастырь Улангом является мощным центром, а остальные пять монастырей на положении филиалов. По Баян-Мандал-ульскому хошуну Дэджэлин[41] является центром, Цалгор[42] – его придатком, в отношении коего также идут разговоры о необходимости слияния.

Наиболее сильно дифференцированными по составу монастырей является Наран-Найрхан, где ясно выраженного центра еще нет. В свое время роль центра начал приобретать Кобдоский монастырь, занимающийся земледелием, но за последние годы, в связи с отходом удобных земельных участков к Госпосеву рост его приостановился и находящийся вблизи Госпосева земледельческий монастырь Дзумия объединяется с Кобдоским. Между тем, роль центра начинает переходить к монастырю Тугээмэл Амарджуулагч[43], находящемуся вблизи гор.

Остальные четыре монастыря являются мелкими придатками означенных двух монастырей. В Хан-баторском хошуне из четырех монастырей роль центра играют Дзэрген-хурэ[44] и Бодончин-хурэ[45]. Они расположены по обе стороны Алтайского хребта, поскольку половина населения живет за Алтаем по речке Бодончи.

В торгоутском Булган-Мандал хошуне роль центра еще не выявлена, т. к. административное районирование еще не проведено и вследствие этого монастыри, основанные по княжествам, продолжают распространять свое влияние на те районы, которые были владением данного князя. Все же недавнее восстание в районе Бодончи показало, что крупный торгоутский монастырь Уенч-хурэ приобретает роль политического центра, где формируется контрреволюционная мысль ламства. Живая смена ламства, несовершеннолетние банди (до 18 лет) составляют:

Хошуны:	Взрослые ламы	Несоверш. до 18 лет	%% малолетних
1. Баян-Чандмань	2275	776	
2. Баян-Мандал	1371	301	
3. Тогс-Буянт	1320	584	
4. Наран-Хайрхан	920	396	
5. Хан-Батор	1141	506	
6. Булган-Мандал	537	–	
7. Алтай-хан	1257	–	
Итого:	8821	2653 (2553)	

Из этого ясно то, насколько для ламства важно иметь живую смену в лице несовершеннолетних (последние играют роль не только подрастающей смены, но и, вследствие сильно развитого в Монголии полового извращения, пользуются ламами вместо женщин, например, в Тэс-хурене соседнего Хан-Тайшир аймака за изнасилование малолетних за один месяц было привлечено к ответственности до

10 лам, в монастыре Тогс-Буянт зимою сего года лама Чой выступал против хошуна, возмущенный выселением из монастыря малолетних банди). Из всего вышеуказанного в отношении ламства со всей ясностью подтверждается феодальная сущность ламско-монастырской организации и в отдельных монастырях Улангом–Тогс-Буянт уже наметившиеся признаки первоначального накопления.

Феодалы аймака по проведенному осенью 1929 г. учету составляют 49 дворов (см. приложение №)[46].

Хошуны	Колич. феодалов	Колич. хуби	Конфиск. хуби	Оставлено хуби	Примечание
Тогс-Буянт	5	4598	4368	230	Нет хуби 6 ф.
Баян-Мандал	9	832	622	210	Осв. 6
Баян-Чандмань	6	2240	1910	330	Освобожден.1 феодал
Наран-Хайнхар	5	1248	397	851	
Хан-Батор	18	8803	7571	1232	Осв. и н/им.хоб. 3 ф.
Алтай-хан-ул	6	–	–	–	– “ –

Всего было учтено по всем хошунам 49 феодалов, из коих подверглись конфискации 24 феодала, имевших 17 170 хуби, конфисковано у них 14 868 хуби, оставлено у них 2202 хуби (в среднем по 91 хуби на каждого). Сведения о количестве хуби остальных, освобожденных от конфискации 25 феодалов нет, но судя по Нарын-Хайран хошуну, где освобождены от конфискации два гэгэна и один князь, имевшие 651 хуби, имущество освобожденных должно составить значительное количество хуби. Вообще конфискация по аймаку была проведена настолько небрежно, что остались самые крупные реакционные чиновники, ламы и даже князья (например, б. Дзаулюгчи-Батор, отец бывш. секретаря аймака, имеющий 577 хуби, ари-гэгэн Дамдин Чогдын, имеющий 5000 хуби и т. д.). Теперь по учету до конфискации в одном Наран-Хайран хошуне выявлено шесть человек, имеющих 1404 хуби. За отсутствием данных невозможно выявить общее количество феодалов, подлежащих дополнительной конфискации. Что же касается хошунов Тогс-Буянт и Баян-Чандмань, то большинство феодальных элементов этих хошунов возглавляло восстание и расстреляно с конфискацией имущества. Например, по хошуну Тогс-Буянт расстреляно и осуждено 10 феодалов и крупных реакционных чиновников, имеющих 1666 хуби, но в Баян-Чандмань – два феодала с 193 хуби.

Удельный вес феодалов в экономической жизни аймака до первой конфискации был значителен: по пяти хошунам – 3,8% по отношению к общему количеству хуби аймака (включая монастыри).

Состав феодалов, подвергшихся первой конфискации, был из 14 князей и 10 перерожденцев – высших лам.

Крупное реакционное чиновничество, как выходцы из арат, или вследствие не превышения их имущества 100 хуби, конфискации не подвергались, не говоря уже о том, что конфискации вовсе не подвергались самые зажиточные феодалы по хошунам нац. меньшинств (Алтай-хан и торгоуты).

Между тем восстания в Тогс-Буянт и других местах показали, что реакционное чиновничество, игравшее при феодализме бóльшую роль в общественной жизни,

чем сами князья, по своей контрреволюционной активности превосходит последних. Причина этого явления заключается в том, что если феодал большей частью праздно проводил время, довольствуясь выкачиваемым его аппаратом прибавочным продуктом арата, то крупный хошунный или аймачный чиновник фактически выполнял всю работу, как по административному управлению хошуном, так и по выкачиванию из населения всех соков. Не приходится говорить о том, что на работе по управлению и эксплуатации населения чиновник больше наживался, чем феодал, и имел больше возможностей изощряться в наживе за счет арата. Отсюда та дальновидность и политическая активность старого чиновничества в защите интересов феодалов, когда они первыми выступают в качестве организаторов и идеологов контрреволюционного восстания феодальных элементов.

4. Мероприятия аймачной власти и к/рев. восстание

Как указывалось выше, аймачная парт. организация, предпринимая наступление на феодальные элементы (ламство) аймака и действуя вне учета конкретных условий местной действительности, допустила ряд крупных политических ошибок. Эти ошибки и забегания вперед выразились в следующих необдуманных мероприятиях:

Состоявшийся в октябре м-це с. г. VI аймачный парт. съезд в своей резолюции своевременно отметил необходимость решительного прекращения участия ламства в хозяйственной жизни и эксплуатации арата, а также прекращения отдачи в ламство несовершеннолетних до 18-ти лет, с тем, чтобы эта молодежь прежде всего обучалась национальному языку и письменности. Означенные резолюции на пленуме аймачного управления 5 ноября [19]29 г. были облечены в форму аймачного управления от 6.11.29 г. за № 1331, наряду с предложением по развитию народного хозяйства, в частности колхозстроительства, предполагалось: а) решительно прекратить всякое участие ламства, остатков черно-желтых харгисов, новой и старой буржуазии в хозяйственно-экономической жизни населения и кабальной эксплуатации последнего, б) прекратить посвящение в ламство несовершеннолетних до 18-ти лет и вместо того отдавать их в школу для обучения языку и письменности. В постановлении пленума хотя и говорится о том, что эти мероприятия вступают в силу с момента утверждения их соответствующими высшими органами, но строкой ниже говорится обратное, что поскольку эти мероприятия имеют громадное значение в хозяйственно-экономической жизни аратского населения и поскольку всякое промедление на санкцию тяжело отразится на нем, постольку до санкции центра нужно приступить к исполнению. В циркуляре предлагается, что[бы] хошуны в свою очередь немедленно отдали распоряжение сомонным и духовным управлениям и провели мероприятия в жизнь (в данном случае духовное управление официально рассматривается как юридически правомочный управленческий аппарат над известной частью населения). То же аймачное управление своим циркуляром от 23.12.29 г. за № 1497 подтвердило необходимость срочного проведения в жизнь предыдущего циркуляра и одновременно указано на необходимость поднятия классового самосознания низшей категории ламства путем ознакомления с полит. грамотой (в циркуляре ни слова не говорится, как поднимать «классовое самосознание низшего ламства» и как ему преподносить полит. грамоту, вследствие

чего каждый хошун волен понимать и расшифровывать эту замысловатую фразу и действовать по-своему).

В следующем циркуляре аймачного управления от 30.01.30 г. за № 266 говорится, что Чандмань-ульское хошунное управление прекратило практиковавшееся до сего времени массовое участие ламства в уртонной гоньбе в качестве улачинов[47] (проводников). Поэтому аймачное управление в предупреждение возможности такого участия ламства в уртонной гоньбе других хошунов предлагает поступить по примеру Чандмань (Улангом). Это «полезное» мероприятие отразилось на шее арата.

Хошунное управление Тогс-Буянт обратилось в аймачное управление за указанием как поступить с ламами, занимающимися в монастыре кустарным ремеслом (столярно-кузнечным). На это аймачное управление № 427 от 5.03.30 г. указало, что надо проверить, не прикрывают ли означенные ламы ширмой ремесла эксплуатацию и наживу. Если род ремесла противоречит обетам монастыря, то надо занимающихся им лиц перевести в черное состояние. Как видим, арифметика для аймачного центра простая – ответ короткий и лаконический (вопрос о ремесленном производстве в монастырях и ламах-ремесленниках остается неизученным).

В качестве добавочного штриха ко всем этим мероприятиям как продуктам одностороннего административного командования нужно отнести распубликованное аймачным управлением от 7.03.30 г. за № 443 циркулярное распоряжение Минвнутдела за № 1181, в котором говорится, что согласно постановлению расширенного заседания членов правительства и Малого Хурулдана по вопросам использования конфискованного у феодалов имущества и колхоздвижения допускается принудительное вовлечение бедняцко-середняцкого аратства в колхозы.

Однако, несмотря на отдачу таких распоряжений, никакой массовой работы не велось, вследствие чего арат оставался равнодушным к жизни и призывам власти, колхозы не развивались.

Увлекшись своими административными мероприятиями и не интересуясь результатами их, учетом полит. настроения масс и т. п., аймачный центр был совершенно глух к происходящим на местах процессам брожения и, до конца оставаясь последовательным, продолжал свои ошибки (левые фразы, а по существу правые дела). Например, 22.03.30 г. за № 566 отдано распоряжение хошунам о снабжении всем необходимым пограничных цагд, располагаемых в 11 пунктах вдоль западной границы (срок службы семь месяцев, начиная с 1.04.30 г.). Согласно этому распоряжению предполагалось к 1 апреля выделить из:

Хошуны:	Юрт	Лошадей	Чая кирпичного	Овец	Примечание
1. Алтай-Хан-Ул	3	60	105	420	Юрты с полн. обор[удованием]
2. Чиручи (кирг.)	3	70	122	490	
3. Чабригар	2	60	105	420	
4. Кошак и Бай-хад.	2	60	105	420	
	1	30	52	210	
Итого:	11	280	1960	489	

В результате всех этих мероприятий ламство в первую очередь подверглось значительному административному нажиму. Хотя в распоряжении аймачного управ-

ления и нет прямых указаний относительно ламской молодежи до 18-ти лет, живущей в монастырях (выселять или не выселять ее), но хошунные управления вынуждены были обратится за указанием в аймачный центр и последний, не задумываясь, отдал распоряжение о принудительном выселении. По имеющимся частным данным, по всему аймаку обращено в черное состояние 1240 несовершеннолетних (неполные данные только по Улангому, Тогс-Буянт, Баян-Мандала и Хан-Батору). Запрещение земледелия и торговли явилось таким ударом, который для ламства Тогс-Буянт и Улангома был равносилен запрещению питаться вообще, ибо это запрещение било по жизненным экономическим интересам как зажиточной ламской верхушки (лишение основного источника дохода), так и особенно ламской бедноты, которая лишилась источника существования. Провокационная агитация ламской верхушки и феодалов, живо нашедших общий язык и общую классовую почву, о, якобы, предстоящей конфискации имущества джас и богачей быстро подготовила почву для открытого восстания. Этому благоприятствовали: а) наличие ряда фактов искривления местными органами классовой линии в работе (при взимании налогов, уртонских повинностей, затруднении [в] товароснабжении отдаленных районов и т. д.), б) экономическая зависимость и безусловное подчинение верующего населения монастырю как экономическому и политическому центру данного района, в) благоприятная внешняя обстановка, г) наличие союзников в гос. аппарате и даже в парт. организации, внутри ее обеспечивающих осведомление.

Восстание, как и следовало ожидать, началось в земледельческих районах Тогс-Буянт, Улангоме и Баян-Мандале (впоследствии Бодончи). Подготовка к восстанию велась ламством гораздо раньше зимы, т. е. когда распоряжения аймачного центра начали впервые реализовываться путем «духовной» и «моральной» обработки верующей массы. Первые симптомы его проявились в виде расклейки контрреволюционных листовок ламами Улангома – Чогсом, Равджа, Ринчин и Иш – с угрозой по адресу аратской власти как врага религии. Ламы Чой и Дашба расклеивали листовки в Тогс-Буянт (монастырь Дашиджонайлин). В монастыре Дэджелин начали распространяться провокационные слухи о Панчен-богдо, об уничтожении Москвы пожаром и о предстоящем падении аратской власти[48] и т. д. Слухи проникали дальше, в монастырь Хан-Хухл Хан-Тайшир аймака, где ламы говорили, что якобы жизнь монастыря будет реформирована и вместо лам засядут 20 «нов» (окончание фамилии)[49], имущество джас передадут колхозам, костюмы и маски Цама[50] (для священного танца) передадут театрам в качестве реквизита сцены и т. д.

Тогс-Буянт. Переходя к краткому описанию восстания в Тогс-Буянт, нужно сказать, что в 1929 г. в монастыре было 1203 ламы, в том числе 563 несовершеннолетних. За это время перешло в черное состояние – 81 человек. Затем в принудительном порядке было выдворено из монастыря 358 несовершеннолетних. Осталось теперь 864 человека, в том числе 205 несовершеннолетних.

Запрещение земледелия и ограничение возрастной нормы с принудительным выселением несовершеннолетних заставило ламство изыскивать меры сопротивления. Феодальные элементы в лице бывших захиракчи, мэрэнов, дзаланов[51] и друг[их], выступая в качестве классовых союзников ламства, искусственно разжига-ли недовольство последнего и даже национальные моменты (Барду и Аюр захирак-чи призывали их к защите религии и нации).

Создался тесный блок между ламством и феодалами, причем последние, как наиболее опытные, выступили в качестве руководителей восстания. Была установлена связь с повстанцами Танну-Тувы (в частности, Тэмурдуном, который давно был знаком с захиракчи Барду), которые усиленно призывали к восстанию и обещали поддержку, имея в виду Тогс-Буянт как свой тыл. Фактически начавшееся восстание в районе Чадан [в] Танну-Туве, слухи о восстании шаргалдайских киргизов в СССР, о скоплении 2000 китайских войск в районе монастыря Шарада-Харгана на границе Урянхая, якобы нахождении среди них умершего брата дербетского Далай-хана, агитация захиракчи Аюра и Барду о движении на Улан-Батор Панчен-богдо с многочисленным войском, во главе восставших, слухи о совместном выступлении населения Баян-Мандальского хошуна с сойот-урянхинцами, расположение хошуна – сопредельно с Тувой, СССР и Синьцзяном послужили сигналом к восстанию, которое началось стихийно, но без особой предварительно технической подготовки. Лозунги восставших были примерно следующие: 1) Долой конфискацию феодалов и ламства; 2) Долой выселение до 18 лет; 3) Долой призыв 33-летних как мобилизацию сил против ламства и религии; 4) Присоединение церкви к государству; 5) Восстановление прежних приношений ламству; 6) Долой МНР; 7) Долой партию бедняков, середняков-аратов, да здравствует социально-равная партия; 8) Восстание в Туве – сигнал к выступлению в защиту религии; 9) Защита религии и нации – долг каждого дербетца.

25 марта [19]30 г. ламство в числе 40 человек внезапно напало на хошунные учреждения, арестовало и заковало в кандалы всех ответственных работников в числе 10 человек. Раздавались голоса за необходимость немедленного расстрела, частично применялась бандза[52]. [Ламство] захватило[53] отделение Монценкоопа и отчасти Стормонга, превратив их в свой мобилизованный запас. Характерно то, что деньги были объявлены недействительными, вследствие чего Стормонг торговал ежедневно до 4000 тгр. После этого послали гонцов к феодалам и населению с призывом прийти на выручку религии и ламству. Реакционные чиновники и некоторые араты прибыли немедленно. По предложению Барду и других решено было организовать правительство с двухпалатной системой по 20 человек в каждой, с пропорциональным представительством от лам с одной стороны и феодалов, и населения – с другой. Дзахиракчи Аюром был составлен текст обращения в аймачное управление следующего содержания:

«Ламская и светская масса Тогс-Буянт-ульского хошуна сообща отдает честь Чандмань-ульскому аймачному управлению. За последнее время население сопредельной Танну-Тувинской Республики путем внезапного восстания арестовало и заключило под стражу всех высших и низших должностных лиц страны, как в центре, так и на местах, захватив в свои руки все учреждения, а также постановило упразднить прежнюю систему управления и теперь же на новых началах организовать равноправную партию. Об этом они неоднократно сообщали нам путем посылки извещений и устной передачи, призывая к одинаковому действию. Независимо от сего, руководители нашего хошунного управления, постоянно запугивая нас, лам и мирян, авторитетом и силой своей власти ищут предлога к придирке к каждому шагу и за каждое движение, угнетают путем ареста, заключения и т. д. Эти позорные издевательства приняли настолько постоянный характер, что нет

возможности изложить их на бумаге. Горечь накапливалась внутри каждого и в один момент, когда терпеть стало невозможно, мы внезапно изменили направление своей мысли и путем массового восстания арестовали и заключили под стражу означенных руководителей власти. Теперь мы путем массового обсуждения уже постановили упразднить партию бедняцко-середняцкого класса и организовать социально-равноправную партию, о чем сообщаем подлежащему Чандмань-ульскому аймачному управлению на предмет дальнейшего исполнения».

Вслед за этим были посланы в пять сомонов хошуна по 10 агитаторов лам и арат для мобилизации охотников и демобилизованных цириков, реквизиции лошадей, овец. К некоторым демобилизованным применялся насильственный метод вербовки путем ареста, привода в кандалах и даже пытки – вбивания деревянных гвоздей под ноготь (кандалы были заготовлены заранее). Введение некоторых в состав советов производилось также насильно. 25 марта был послан в Улангом для связи с ламством лама Номун Молом, который договорился с исполняющим обязанности дзомия Булгыгир Ширабом насчет одновременного выступления. Вслед за ним 26 марта был послан лама Шулхи-Болгыгир с предложением в случае захвата местного хошунного управления прервать провода и подпилить столбы, но к приезду последнего восстание в Улангоме было предупреждено аппаратом ГВО и партии. Тогда они выставили вооруженные заставы и заслоны на путях через хребет Улан-Дабан между Улангомом и Тогс-Буянт. В монастыре был спешно сформирован из лам и арат вооруженный отряд в 200 с лишним человек, состоявший из четырех отделений под командованием демобилизованных цириков. Огнеприпасы пополнялись за счет запаса Монценкоопа и Стормонга. 27 марта за получением вооруженной помощи в 50–100 цириков и оружия на 500 человек выехал в Танну-Туву бывший захиракчи Гутхар Бато Джаргал. Для приглашения к власти дербет Далай-хана из Тувы поехал дзалан Цаганху. Для связи с западом предполагалось послать делегации в Урянхай к нойону да-ламе Чултэму и в Синьцзян к китайскому командованию[54], но прибытие 30 марта отряда предупредило осуществление этих планов.

30 марта в 8 часов утра, отряд 4-го полка, вышедший на машинах, подъехал к монастырю, спешился, развернулся в цепи и двинулся к монастырю. Ламы встретили его огнем из винтовок, кремневок и берданок, завязался бой, отряд открыл огонь из винтовок и пулеметов, через 2 часа 2-й конный отряд с пулеметом подошел к монастырю. Этот отряд по дороге снял два поста повстанцев в количестве 10 человек с оружием и по прибытии занял господствующую над монастырем скалистую гору, с вершины которой открыл оружейный и пулеметный огонь по монастырю (расстояние около 600 шагов). Бой продолжался до 12 часов, в 12 часов со стороны повстанцев огонь заметно затих, командование отряда выслало парламентера со следующими предложениями: 1) предлагаем немедленно сдаться, 2) освободить всех арестованных парт. рев. хошун. работников, 3) выдать руководителей восстания захиракчи Барду, Рабдана и других, 4) сложить на открытом месте возле монастыря все имеющееся оружие, 5) всему населению монастыря выйти на открытое место, 6) ответ дать через час, 7) в противном случае расстреливаем весь монастырь и сжигаем постройки. Через час ламы под угрозой расстрела всего монастыря вынуждены были выкинуть белый флаг, освободив всех арестованных в

связи с восстанием и сдать на указанное место оружие. В результате боя со стороны отряда убит один цирик, тяжело ранен председатель военного трибунала Буян-Дэлдэр (скончавшийся 5 мая с. г.) и один цирик, легко ранен инструктор Коссенюк, со стороны повстанцев найдено убитыми двое, остальные скрыты ламами, тяжело раненных 15 и легко – количество неизвестно ввиду того, что ламы тщательно скрывали. Во время боя к монастырю подошел мобилизованный ламством из района Бекаморин вооруженный отряд охотников до 30 человек и, не решаясь сразу вступить в бой с тыла отряда, наблюдал с горы за исходом боя и, видя поражение ламства, разъехался по домам.

Подробности боя служат предметом особого освещения со стороны военных работников, здесь можно указать на то, что поспешное и стихийное выступление ламства и отсутствие у них опытных воен. спецов обуславливало такое явление, при котором они, надеясь на свои заставы, выставленные по хребту Улан-Дабан, спокойно занимались организационной работой в монастыре, держа в нем как в клетке свои главные силы в качестве гарнизона, между тем, удобнейшие естественные позиции вокруг монастыря заняты не были, подобно тому, как не были организованы подвижные партизанские отряды для действий в горах, в тылу и т. д.

Опыт боя показал, что нормальное состояние повстанческих бойцов, вооруженных отчасти дубинками, беспрерывно поддерживалось монастырем и ламством, которое под огнем совершало заклятия и выбрасывало против наступившего отряда «сор»[55] (магический треугольник с заостренным концом). Вследствие этого сделанные отрядом холостые выстрелы объяснялись результатами заклятия, что еще больше поднимало настроение восставших и подталкивало их на решительную контратаку: толпа лам с криком и гиком высыпала вперед, но, встреченная огнем, вынуждена была уйти обратно за глинобитную стену (стены с зубцами-бойницами).

Характерно отметить, что повстанцы вынесли из монастыря старинную крупнокалиберную кремневку «Байлин-цаган», участвовавшую в исторических походах дербетского Далай-хана и ныне хранящуюся в виде святыни. Каждый выстрел по отряду из этой кремневки сопровождался молебствиями. Первый выстрел удался и ружье было заряжено вторично, причем насыпали три горстки пороха, но при выстреле кремневка разорвалась на части и ранила самого стрелявшего. Тогда ламы сделали вывод, что это предзнаменование неудачи их предприятия и сразу пали духом.

Одновременно произошло восстание в монастыре Бохморон Тогс-Буянт-ульского хошуна, где ламство, действуя более осторожно, до выяснения исхода восстания в Тогс-Буянт, наложило свое вето на палатку Монценкоопа и не выпускало ее служащих. Велась агитация об обесценении тугрика и населению рекомендовалось обратить деньги на товар, вследствие чего оставшаяся свободной палатка Стормонга все свои товары, не исключая даже неходовых, распродала. Общее число участников восстания по пяти сомонам Тогс-Буянт достигает приблизительно до 2000 человек, из коих несовершеннолетних участников и зачинщиков восстания было арестовано 247 человек, в том числе членов партии и Ревсомола 30 человек. Не подвергшихся аресту второстепенных участников-лам около 300

человек (в отношении коих как административных взята линия перевода в черное состояние, с наделением имуществом джас). Все выявленные связчики и активные агитаторы восстания – Кутхар, Шулхи, Цаганху, Балджир и другие были изловлены и привлечены к ответственности по условиям военного положения, объявленного комиссией во всем аймаке. Все активные руководители и зачинщики восстания в лице 19 лам (в том числе хамбо-лама Молон-Пунцаг) и 20 светских (в том числе девять феодалов) итого 39 человек были расстреляны на месте 3 апреля с. г.

Имущественное состояние расстрелянных:

Социальное полож.	От 1 до 20 х.	От 21 до 50х.	От 50 до 100	Свыше 100
Лам	2	7	2	8–14
Феодалов	–	2	–	7–9
Арат[ов]	4	3	2	2–11
Итого:	6	12	4	17–39

Количество подлежащих конфискации хуби – 5100. Приговорено к заключению от 1 до 11 лам, лам 15 и светских 18 (в том числе один феодал), итого 33 человека.

Соц. состав.	От 1–20 х.	От 21–50 х.	От 51–100 х.	Выше 100 х.	Всего
Лам	1	4	7	3	15
Светских	4	5	3	6	18
Итого:	5	9	10	9	33

Количество подлежащих конфискации хуби – 1725.

Приговорены условно или амнистированы ламы – 75%, всего переведено в черное состояние с наделением части джасовского имущества (и светских 100 человек, итого 175 человек).

Соц. состав	От 1–20 х.	От 21–50 х.	От 51–100 х.	Выше 100 х.	Всего
Лам	32	25	10	8	75
Светских	50	27	14	9	100
Итого:	82	52	24	17	175

Из приведенных таблиц видно, что вся руководящая головка восставших состояла из зажиточных лам и феодалов, которые через своих подручных людей мобилизовали остальную, отсталую аратскую и ламскую массу и оперировали ими в качестве орудия осуществления своих классовых задач. Восстание, по существу, носило чисто феодальный характер и ставило своей целью реставрацию прежнего феодального режима и переход в подданство Китая. Громкие декларации насчет социально-равноправной партии и т. п. являются только фиговым листком, который на первых порах, до утверждения власти восставших, прикрывал бы наготу феодального режима. Примененные повстанцами телесные наказания (бандза) и инквизиторские приемы китайских пыток (вбивание клина под ноготь демобилизованному красноармейцу Батосухэ и другим), достаточно убедительно говорят об этом.

Совершенно не случайно то мнение, что переход на территорию МНР тувинских повстанцев в районе р. Бакиль в составе около 80 вооруженных бандитов, 120 юрт (512 человек) и до 10 000 голов разного скота совпал с моментом восстания Тогс-Буянт и Улангома. Тувинские повстанцы открыто говорили, что они уже объединились с дербетцами и устанавливают совместное управление. Основная масса тувинцев в числе 28 человек, вооруженных руководителей, все юрты и скот были задержаны (9.II-IV) и переданы на границе преследовавшему их красному отряду. Из оставшихся бандитов постепенно, в результате длительного преследования были задержаны до 72 бандитов с оружием в руках и также переданы тувинскому отряду. Оставшаяся головка в числе 12 человек преследуется.

Также совпадает с восстанием в Тогс-Буянт нелегальный переход на территорию МНР из Ойратской автономной области[56] 96 человек киргизских повстанцев – мужчин 62, женщин 34, лошадей 295, верблюдов 2 и т. д., которые 28 марта на перевале Ташанта уполномоченным ГВО Равданом были переданы уполномоченному представителю ОГПУ Ойратской АО СССР Журавлеву И. Д.

Подавлением восстания в Тогс-Буянт напряженная атмосфера в районе не разряжалась, ибо отдельные ламские агитаторы продолжали вести свою разлагающуюся работу на местах, а переход тувинской банды, о которой распространялись фантастические сведения о наличии пулеметов и т. п. оружия, мог послужить стимулом к новому массовому восстанию аратства. Могли быть также попытки пойти на выручку ламству монастыря и арестованных (отказ в двух сомонах Улангомовского района от подачи лошадей агит. группе). Вследствие этого комиссия спешно провела операцию по восставшим, устроила ряд агитационных собраний, как парт. организации, так и окружающей аратской массы и, в частности, ламства. Общие показания говорили за то, что арат, наученный опытом восстания, более не намерен поддерживать ламско-феодальные кровавые авантюры. Одновременно посланными агит. группами велась агитационная работа среди населения, принимались меры по товароснабжению, конфискации имущества зажиточных повстанцев и до конфискации феодалов, организация отряда ОСНАЗа в Улангоме и т. д.

Оперативная работа (борьба с тувинской бандой, разбор дела повстанцев и т. п.) занимала максимум внимания комиссии, поскольку из других районов (Хан-Батор) поступили тревожные сведения о готовящемся восстании в районе Бодончи.

В силу означенных причин комиссия вынуждена была срочно закончить работу в районе Улангома и отправиться в новый район Хан-Батор, предварительно обеспечив на месте силы и закончив дела улангомского ламства.

Выяснилось, что улангомское ламство готовилось к одновременному выступлению с ламством Тогс-Буянт, причем последнее давало тон и играло руководящую роль. Опуская излишние подробности, можно сказать, что по тактическим вопросам восстания верхушка Улангомского восстания делилась на 2 [части]. Одни, во главе с Булгыгыр-Ширабом (дзомия – руководитель земледелия) стояли за немедленное внезапное восстание и захват хошунного управления и других учреждений. Другие во главе с Шалши, имеющие более 100 учеников и хуби, предлагали восстание тщательно подготовить, назначив точное время выступления (сворожив) и внезапно двинуться не кучкой в 30–40 человек, а всем монастырем более 1000 человек. Тогда, по мнению Шалши, даже хорошо вооруженные «народники» впадут

в панику и их легко будет взять. Однако несмотря на всю убедительность агитаторов Шалши, сторонники Шираба одержали перевес и 27 марта, вооружившись дубинами, арканами и ножами, двинулись к хошунным управлениям. Заранее предупрежденный осведомлением уполномоченный ГВО совместно с организациями принял надлежащие меры и прибывшие немедленно были арестованы. В результате разбора дела сделаны следующие выводы: расстреляно руководителей лам 14, феодалов 2 и арат 3, итого 19 человек:

Социальн. состав.	От 1–20 хуби	От 21–50 х.	От 51–100	От 101 и выше	Всего
Лам	4	5	2	3	14
Феодалов	–	–	1	1	2
Арат	1	–	2	–	3
Итого:	5	5	5	4	19

Из лам, имеющих до 50 хуби, вошли девять человек по той причине, что они во время восстания вели самую активную роль (по возрасту достаточно пожилые). Один расстрелянный бедняк является членом партии и расстрелянный красноармеец, который разъезжал по Эрдэнэ-ульскому и Алтан-Тель сомонам и призывал население к восстанию совместно с ламством.

Приговорено к заключению от 1 до 10 лет: лам 9, светских 3, итого 12 человек.

Социальн. состав	От 1–20 х.	От 21–50 х.	От 50 до 100	От 101 и выше	Всего
Лам	4	2	3	–	9
Феодалов	–	–	–	–	–
Арат[ов]	1	1	–	1	3
Итого:	5	3	3	1	12

Амнистированы и частью приговорены условно: лам 81, арат 5, всего 86 человек.

Социальн. состав	От 1–20 х.	От 21–50 х.	От 50 до 100	От 101 и выше	Всего
Лам	52	18	11	–	81
Арат[ов]	1	3	1	–	5
Итого:	53	21	12	–	86

При объявлении приговора присутствовало до 600 лам и 200 мирян. Пробыв два дня в Жаргаланте, комиссия должна была выехать в Бодончи, где события быстро назревали, имелись признаки подготовки восстания во всем Хан-Баторском (дзахчинском) и торгоутском районах.

Бодончи. Восстание ламства заалтайского района Хан-Баторского (б. Дзахачинского) хошуна подготовлялось рядом экономических и политических причин, к коим относится: 1) расположение района Бодончи за алтайским хребтом и трудность

снабжения его отсюда товарами и мукой, 2) неуточненность границы с Китаем и нахождение района Дзахачин в спорной области, которая в силу прошлого экономически более тяготеет к земледельческому торгоутскому хошуну и даже Синьцзяну, 3) нахождение в Синьцзяне бывшего дзахачинского князя Гомбосурэна, стремящегося всеми мерами переселить дзахачинское население в Синьцзян или спровоцировать китайцев на установление границы по Алтайскому хребту с целью захвата бывших своих владений; 4) несоответствие классового подбора и слабость местных хошунных работников, 5) бездеятельность и ряд фактов искривления местными органами классовой линии при взимании налогов и уртонских повинностей (арат, имеющий одну лошадь, отбывал уртонскую повинность одинаково с многолошадными, вроде Бома), 6) отсутствие всякой массовой работы и игнорирование бедноты, ее нужд, 7) смычка отдельных партийных, административных работников с феодальными элементами и пандзачинами, 8) безудержный чиновничье-административный нажим на аратство, ламство и т. д.

Все это вместе взятое создало такие условия, при которых инициатива руководства местной общественной жизнью перешла в руки ламства и кулачества. Последние за счет слабости гос. аппарата наживали себе политический капитал. Например, смежные с Бодончи торгоутские князья ван Максаржав, мэрэн Дондог и дзахиракчи Цэвэг Чингил-Цаншан-гольским китайским погран. частям предлагали 2000 шт. овец в обмен на муку, которую хотели раздать испытавшему затруднения от задержки товароснабжения населению. С другой стороны, недовольное мероприятиями власти (конфискация феодалов и слухи о конфискации джас) ламство Бодончи с осени 1929 г. начало готовится к восстанию и переходу под защиту китайцев; в этом отношении имелась прямая связь между Танну-Тувой, Тогс-Буянт и дзахачин-торгоутскими хошунами и восстание явилось продолжением выступления тувинцев. Активным руководителем контрреволюционного ламства Бодончи являлся Жугдэр, который (осенью) послал в Китай к князю Гомбо-Очиру ламу Донни просить последнего содействовать приглашению китайских войск в район Цаган-Тунги к последнему весеннему месяцу. Вслед за ним, в январе были посланы ламы Балдан и Дзобдо, повезшие в подарок Гомбо-Очиру и китайскому командованию шелка и пушнину. С того времени ламством велась подпольная обработка населения и разжигалось недовольство последнего на власть. В этом деятельно помогали им ламы и феодалы соседнего Бусхайрхан хошуна, а также тибетский гэгэн Лобсанджамьянджамцо (прорицатель и духовный покровитель всего населения), являющийся по существу резидентом китайской разведки, которые распространяли такие слухи, что в Бусхайрхан-хурэ приезжал известный Дамбиджанцан, скрывающийся в горах Алтая с многотысячным отрядом, что восставшие в Улан-Баторе ламы свергли аратскую власть, что Панчен-богдо находится с войсками в трех уртонах от Улан-Батора и т. д.

Под влиянием таких провокационных слухов население было достаточно обработано и в этот момент, т. е. 13 февраля с. г., инициативная группа из бывших феодалов-исключенцев из партии и некоторых кулаков в числе 21 человека, под руководством Ульдзийту устроила в юрте арата Мишээла в Алтай-ульском сомоне конспиративное собрание с целью обсудить следующие вопросы: 1) о паевых взносах МЦК[57], 2) об отдаче детей в школу, 3) о мобилизации 33-х летних [мужчин].

По всем этим вопросам решили дать отрицательный ответ и выступить в защиту своего мнения, предварительно объединившись с ламством. Означенная инициативная группа, под руководством Ульдзийту составила следующий план действий. 1. Тройку в составе дзахиракчи Гонсурэна, да-ламы Пэлджида и Янсурэна отправила к урумчинскому дуцзюню с просьбой об установлении границы по Алтайскому хребту и принятии под свое покровительство 27 бывших дзахчинских и торгоутских хошунов, а также о посылке войск для поддержки восстания. 2) Переселить из Алтая на юг 3 двадцатки[58] Бурин-ульского сомона и во всеоружии ждать прибытия китайских войск, кочуя в район Ямато-Усу, Хара-того и вершины Бодончи. 4) Для питания повстанческих войск и китайцев реквизировать у населения 5000 голов овец. 5) По прибытии китайских войск напасть на 37-й эскадрон, затем на 1-й эскадрон в Булган-Голе, а далее двинуться на Кобдо, Улясутай и т. д. («не по Сеньке шапка»). После этих приготовлений состоялось совместное совещание руководителя светской инициативной группы Ульдзийту с ламской верхушкой Бодончи в числе 51 человека, на котором Ульдзийту прочел добытое им у одной партийки письмо КИМа, тут же разъясняя, что оно ничто иное, как прямая директива насчет конфискации имущества джас, раскулачивания зажиточного населения, принудительного выселения до 18-ти лет, запрещения земледелия с передачей ламских земель аратам, уничтожения религии и т. д. Выслушав сообщение Ульдзийту, ламы одобрили план восстания и в свою очередь для ускорения присылки китайских войск решили послать ламу Жугдэра.

Таким образом, штаб для руководства восстанием был организован в составе 32 человек (11 лам и 21 – светских), которые впоследствии, устроив совместно собрание ламства и мирян послали открытый письменный протест хошунному управлению (см. приложение №)[59].

Находящийся в Синьцзяне тибетский перерожденец Санчин-Бурэлгу также являлся одной из политических фигур, заинтересованных в восстании и переходе в китайское подданство пограничного населения МНР. Первой группой, высланной еще до прибытия комиссии, были немедленно арестованы и направлены в Жаргалант ламы-главари Жугдэр, Охор, Гончиг, Одойсо, Рэгдэл и Гунжав; по дороге, на одном уртоне, разоружили (названные ламы) конвой из двух цириков, забрали у них оружие и скрылись в горах, причем Гончиг за нежелание идти вместе с Жугдэром был убит последним близь уртона, а Оджо был задержан вблизи уртона. Этим явлением, а также фактом тяжелого ранения повстанцем Бумой одного цирика и бегством Бумы, создалась угроза восстания всего Хан-Баторского района, тем более, что население Бурин-ульского сомона массами сжигало свои стойбища и готовилось бежать в Китай. Часть мужчин, в том числе руководители Ульдзийту, Бума и другие с оружием в руках ушли в горы.

В результате принятых на месте решительных агитационных и оперативных мер все главные руководители восстания были изловлены и арестованы. 25 апреля была ликвидирована группа Жугдэра в составе четырех человек, скрывавшихся в скалах на вершине [у] речки Бодончи, причем Жугдэр, будучи застигнут погоней, покончил с собой из нагана, отобранного им при бегстве у конвоиров, его помощник лама Рэгдэл был убит при попытке к бегству, их проводник Лейджа задержан с легкими ранениями (Охор, хотя и скрылся от погони, но поимка его неизбежна).

Все остальные бежавшие с оружием в руках были также изловлены. Выехавшие одновременно с оперативными агит. группы повели широкую разъяснительную работу, выявляя в то же время полит. настроение и нужды населения, следствием чего явилось успокоение данного района и очищение его от беглых бандгрупп. Как положительное явление следует отметить подъем активности бедноты, даже ламской и ее участие в ликвидации группы Жугдэра, Бума и друг.

Из области оперативных выводов по Бодончи отмечается арест и отправка в Хан-Тайширский аймачный центр 19 наиболее опасных феодалов по Бусхайрханульскому хошуну, принятие ряда мер по обеспечению мирной жизни населения Ульдзийту сомона, того же хошуна (усиление охраны границы и т. п.), арест тибетского гэгэна Лубсанджамьянджамцо с двумя спутниками-тибетцами и конфискация его имущества, усиление аппарата ГВО (резиденции уполномоченных при 37-м эскадроне, Бодончи и эскадроне при Булугуй-голе, постановка вопроса о снабжении района товарами, принятие мер выправления линии местного руководства и разбор дела повстанцев Бодончи при Убчугин-голе 30 апреля с. г. Из общего числа 46 человек расстреляно руководителей и зачинщиков лам – 9, светских 4, итого 13 человек. По социально классовому составу:

Социальн. состав	От 1–20 х.	От 21–50 х.	От 50–100 х.	От 101 и выше	Всего
Лам Светских	– –	3 2	4 1	2 1	9 4
Итого:	–	5	5	3	13

Количество подлежавших конфискации хуби – 1347. Приговорены к заключению от 1 до 10 лет лам 8 и светских 12, итого 20 человек.

Социальн. состав.	От 1–20 х.	От 21–50 х.	От 51–100	От 101 и выше	Всего
Лам Светских	2 3	2 5	4 3	– 1	8 12
Итого:	5	7	7	3	20

Амнистированы – освобождены: лам 2, светских 11, осуждены условно – светских 2.

Социальн. состав.	От 1–20 х.	От 21–50 х.	От 50–100 х.	От 101 и выше	Всего
Лам Светских	1 4	– 3	– 3	1 1	2 11
Итого:	5	3	3	2	13

Остальные 15 арестованных (второстепенные участники) направлены в Кобдо, где над ними будет устроен показательный суд и большая часть амнистирована и освобождена.

В заключение нужно сказать, что в процессе ликвидации восстания по аймаку комиссия должна была немедленно же отменить все головотяпские распоряжения аймачного центра:

а) о принудительном выселении до 18 лет, не распространяя отмену на уже выселенных.

б) запрещение заниматься земледелием,

в) о принудительном вовлечении арат в колхозы,

г) о взимании повинностей с киргизского населения для обеспечения пограничных цагд.

Теперь с уходом за Алтай остатков тувинских банд в числе 11 человек (один из 12, убивший уполномоченного ГВО, Гомбо, задержан в Тогс-Буянт (и ликвидацией отдельных беглецов во всем аймаке восстановлено мирное положение), приказ о снятии военного положения издан 8 мая с. г. и расформированы отряды специального назначения в Тогс-Буянт и Улангоме с оставлением необходимой силы для несения караульной службы в каждом пункте.

Вопросы специального характера, как состояние охраны границы и работа ГВО, будут освещены особо.

Выводы и предложения по докладу также будут даны особо.

Начальник ГВО МНР Элдэв-Очир

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 554–575. Заверенная копия.

№ 121
Информационное сообщение о заговорах в 19-м и 42-м эскадронах заставы в Баян-Тумэне

№ 159 13 июля 1930 г.
г. Верхнеудинск Совершенно секретно
Оценка: сведения засл. доверия

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю

При сем препровождаются копии материалов Урги на 19 листах[1].

Приложение: упомянутое.

Начальник БМОО ОГПУ Бодеско

Начальник Вост. отд. Кичиков

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 522. Подлинник.

Приложение

№ 723138 15 июня 1930 г.
Улан-Батор-Хото Совершенно секретно
Оценка: сведения засл. доверия

О заговорах в 19-м и 42-м эскадронах

4 июня с.г. из Баян-Тумэна была получена телеграмма следующего содержания:

1) В заговоре 19-го эскадрона участвовали 4 заставы, цирики этих застав в количестве 24 человек сняты и находятся под арестом.

2) Кроме цириков по этому делу арестовано 5 человек частных[2] жителей, есть среди них ламы и феодалы.

3) Наличие заговора подтверждается показанием арестованных и документальными данными.

4) Заговором руководил цирик, член партии, бывший тайджи Эрэгзэн. Главных виновников пока установлено семь человек, как-то: цирики Эргынзын, Сампил, Лувсан, Жамьян. Отделкомы Гомбосурэн и Долгор.

5) Агитация за бегство проводилась Эрэгзэном, который говорил, что Чжан Сюэлян[3] совместно с Панчен-Богдо наступает по Керулену и в скором времени займет Улан-Батор и свергнет Народное правительство, а потому заранее надо бежать. О заговоре было сообщено с цириком Адун-Чулунской заставы Самдановым (бывш. феодал) командиру 19-го эскадрона.

4-го июня на место выехала комиссия из Улан-Батора во главе с Дэмидом. От комиссии 12-го июня с. г. Военным советом была получена телеграмма, в которой она просит санкции расстрелять на месте 4 человека зачинщиков. Следствием установлено, что таковыми являлись цирик тайджи Эрыгзын, цирик Ратсампил, Тойн – местный житель и лама Содном. Остальные приговорены на разные сроки тюремного заключения.

12-го же июня расстрел санкционирован ЦК партии.

42-й эскадрон

В апреле м-це с. г. из эскадрона сбежало за границу 4 человека военнослужащих. В конце мая одного из них бывш. нач. поста Чоймпила агентурным путем изъяли из Сунитского хошуна[4].

Разработкой и следствием по этому делу установлено, что сбежать собиралось целых три поста и ряд отдельных цириков, всего 21 человек. Бегство объясняют религиозными побуждениями поклониться Панчен-Богдо. По социальному составу бежавшие преимущественно бедняки-араты. Работы закордона в этом деле не установлено. Виновные нач. заставы арестованы. Цирики отозваны с границы в ядро эскадрона и соответствующе обрабатываются. На место выехала комиссия во главе с инструктором армии, подробных данных о положении еще не получено.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 526. Заверенная копия.

№ 122
Информационное сообщение о положении в Восточном районе Монголии (май–июнь 1930 г.)

№ 159 — 13 июля 1930 г.
г. Верхнеудинск — Совершенно секретно

г. Новосибирск
ПП ОГПУ по Сибкраю

При сем препровождаются копии материалов Урги.

Приложение: упомянутое.
Начальник БМО ОГПУ Бодеско
Начальник Восточного отделения Кичиков

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 522. Подлинник.

Приложение

№ 723132 12 июня 1930 г.
Улан-Батор-Хото Совершенно секретно
Оценка: сведения засл. доверия

Восточный район

10 мая 1930 г.

О бегстве бурят за границу

Бегство за границу халхингольских бурят продолжается и к данному времени приняло почти массовый характер[1]. По последним сведениям, известно, что число бежавших доходит до 50-60 человек. Среди бежавших преобладающее большинство служивших в Белой армии у Унгерна и Семенова. По имущественному положению большинство бедняки-охотники, проживающие в юго-восточной пограничной части Халха-Нумругинского хошуна. Как окраинные жители и охотники, иногда браконьерствовавшие за тарбаганом далеко за пределами границ в Узэмчине[2], имели постоянное соприкосновение и связи с зарубежными жителями и контрабандистами, гастролирующими в погран. полосе. Среди бежавших за последнее время оказался председатель бурятского сомонного управления Цэнгэ Цыдыпов и его секретарь Дэмчик-Баму и вместе с ними несколько лам. Все они в Белой армии не служили. Указанный Цыдыпов состоял секретарем ячейки нарпартии, после чистки партии остался действительным членом и считался одним из передовых бурятских партийцев. Он самый и руководил группой бурят, пожелавших кочевать в Эрдэнэ-Цаган-ульский хошун (Югодзырский). Бежавший с ним Дэмчик (секретарь) состоял тоже действительным членом нарпартии и среди населения считался хорошим человеком. Уехал из дому по вызову сомуправления для какой-то якобы спешной работы и больше не возвращался. По социальному положению считался бедняк. У обоих дома остались дети, жены и хозяйство. Из лам бежал тибетец-лама Самдан, много лет живущий среди бурят, почему почти потерявший свой национальный облик. Этот лама среди халха-нэмэргинских бурят, особенно охотников, славился правдивым гадателем и знатоком духовных книг по ворожбе. Вместе с ним бежал лама Жамъян – тоже тибетец (его родственник или земляк), живший с ним вместе и служивший в отряде у барона Унгерна. У первого осталось середняцкое хозяйство и семья, а у последнего семьи и имущества никакого не было. Из среды остальных бежавших выделяются десятка два ярых беляков, служивших в армии Семенова и Унгерна, как братья Намкеевы (бывш. казаки Старо-Цурухтайского поселка, что на Аргуни), братья Арцалановы, братья Дамбаевы и другие им подобные, заядлые охотники-браконьеры на узумчинской территории за тарбаганом. Это исконные охотники и бандиты. Все бегущие ведут чужих лошадей из та-

буна или лошадей, отпущенных на ночь на подножный корм около юрт. Население такое бегство бурят объясняет тем, что они служили в Белой армии, во время чего натворили немало ужасов, а теперь, когда пошла регистрация (взятие на учет бывш. белых, согласно приказу ГВО), а главное фотографирование (фотокарточки нужны для учетных карточек), эти люди, боясь кары, бегут, спасая свою жизнь и оставляя все. Так, по поводу бегства бурята Боролдоя Егорова жена его брата говорит: «Боролдой бежал лишь с той целью, чтобы спасти жизнь, ибо в Хунт прибыли две машины, чтобы увезти всех служивших в Белой армии» (в это время в Хунт (хошунный центр) приезжали машины Монголрыбы).

По другой версии, население причины такого бегства объясняет тем, что с прошлого года введено запрещение не только на охоту в приграничном районе, но даже не разрешалось пользоваться и приграничными пастбищами, ввиду чего привольная жизнь в пограничной полосе стала трудной, [что] отразилось на хозяйстве бурят-охотников. Бегству способствовало усиление репрессий и наблюдение органов ГВО (за картежной игрой, браконьерством и проч.), а главное вынужденное переселение бурят в Улз-Гол[3].

Все бежавшие направляются в пределы Узумчинского хошуна, где по границе находятся палатки хайларских татар-купцов Алимова и других. Среди бежавших много пожилых домохозяев, коим по установившимся привычкам и обычаям один день отлучки из дома или нахождение вне дома весьма тягостен, а тем более оставление хозяйства на произвол судьбы, равно и семейства. Видимо, они рассчитывают впоследствии, путем грабежа и разбоя, вернуть оставленное хозяйство и семьи со сторицей. Семьи бежавших держат себя чрезвычайно осторожно.

13 мая 1930 г.

Слухи о войне

В последнее время до баргутского населения в Галын-Голе Баян-Тумэнского хошуна дошли слухи о происшедшем в Халхин-Голе нападении банды. В связи с этим среди населения усиленно распространяются слухи о начавшихся военных действиях Панчен-богдо против Монголии. Баргуты[4] Новандэ, Аюрзана-дарга (председатель 20-тидворки), оба зажиточные, и друг. говорят, что в Баргу, в местность Алтан-Эмэл и в район реки Халхин-Гола прибыло большое число войск, во главе которых стоят Мэрсэ[5], Лувсан-жанжин, под руководством Панчен-богдо.

Недавно к галын-гольским баргутам из Улан-Батора приехал видный баргут Цыдып-Доржи, хорошо грамотный, один из руководителей в [19]28 г. баргутского восстания[6]. Цель его приезда в достаточной степени не известна, он говорит, что приехал для ликвидации имущества умершего дяди-ламы.

17 мая с. г. приехавший из Галын-Гола баргут Мажин, середняк, передает, что прибывший из Улан-Батора баргут Цэдэвдорж в связи со слухами о нападении банды в Халхин-Голе рассказывал, что войска, прибывшие в Баргу и участвовавшие в нападении на Халхин-Гол, возглавляются Лувсан-жанжином, являющимся одним из руководителей баргутского восстания в [19]28 г. В данное время он состоит командующим одного большого отряда в Мукдэне при Чжан Сюэляне[7]. Видимо, он прибыл в Баргу с целью мстить халхинцам за своего брата Нямжава, рас-

стрелянного в Улан-Баторе. Последний в Улан-Батор будто бы прибыл в прошлом году вместе с баргутской делегацией по вопросу реэвакуации на родину эмигрировавших баргут в [19]28 г., но обратно халхинцами пропущен не был, а посажен в тюрьму сроком на 10 лет. Во время его содержания в тюрьме у него обнаружили зашитым в чулках письмо на китайском языке, которое носило шпионский характер, за что он и был расстрелян монгольскими властями. Указанный Цэдэвдорж в данное время выехал к другой группе баргут в Бат-Нуруу хошун, откуда он должен поехать в Улан-Батор.

Цирик Уртнасан, остановившийся в Баян-Тумэне проездом из Баян-Улзского сомона Баян-Тумэнского хошуна, следующий из временного отпуска к месту службы в Улан-Баторский гарнизон (наименование части неизвестно), говорил, что на днях из Улан-Батора на машине приехал его знакомый комвзвод, который сообщил ему по секрету, что он сопровождает военный груз, следующий к Тамсак-Булак, где в данное время происходят большие осложнения. Передавая это, указанный Уртнасан говорил своему знакомому дарге[8], что Монголию займет Панчен-богдо со своим войском, он же советовал дарге, члену нарпартии, быть осторожным, и, если ворвутся сюда панченовские войска, уничтожить все дела. «Здесь в Баян-Тумэне многие женщины и мужчины пообрезали себе косы и волосы; они этим самым наложили на себя клеймо ненависти со стороны преданных делу возрождения монгольской нации людей, и таким в первую очередь будет плохо, как лицам, сочувствующим имущественному строю».

Баргут Мажин, приехавший из Галын-Гола, середняк, рассказывал, что находящийся здесь в Баян-Тумэне на ревсомольских курсах баргут Цэнд, член Ревсомола, передавал своей матери, приехавшей на свидание, что в Халхин-Голе происходит война, что туда уехало много машин с военными и что курсантов теперь держат строго под наблюдением военных инструкторов – собираются послать в бой. Он рекомендовал своей матери об этом по секрету сообщить своим близким знакомым и родственникам, чтобы они готовились к кочевке в Баргу.

О колхозах

Чултэм-Балсан, пастух Монценкоопа, бедняк, приехавший из Улзинского хошуна, передает, что в колхозах в Улзе и Гурав-Баяне сильно гибнет скот, а особенно бараны, ежедневно от 20–30 голов, так что колхозники не успевают в некоторых местах сдирать с них шкуры. Пастухи за скотом смотрят плохо, бросают скот в поле без всякого присмотра, благодаря чему и идет такой повальный падеж скота. Он говорит, что руководство и инструктаж в колхозах почти отсутствует. Приехавший инструктор по колхозному движению из Улан-Батора Бат по колхозам не ездит, а отсиживается в Баян-Тумэне при коммуне в доме Балган-тайджи.

Члены местной Баян-Тумэнской коммуны Цэнд и Цэцэг рассказывают, что казначей коммуны Балдан-Самбу, бывш. лама, лишен духовного звания в прошлом году, систематически пьянствует. Они говорят, что сами неоднократно и по несколько раз приносили ему вино, сейчас у него благодаря пьянству получилась недостача комунных денег в сумме около 1000 тугриков. В компании с ним в попойках принимал участие также писарь правления коммуны Билэг. На днях намечено составление счетоводом отчета по денежным суммам, ввиду этого они сго-

вариваются между собою какими-нибудь путями скрыть совершенную ими недостачу.

Член Баян-Тумэнской коммуны Халзан-Чойдог, бывш. лама, вначале состоял членом совета коммуны, в группе монгол не членов коммуны худонцев, говорил, что нынешним летом хошунным управлением для коммуны будут отведены самые лучшие места с водопоями в окрестностях Баян-Тумэна. Поэтому он говорит, что большинство середняков и бедняков без всякого принуждения вынуждены будут войти в состав коммуны. Большинство присутствующих при этом высказались отрицательно к сказанному, говоря, что «если проведут эту меру, то после этого станет жить невозможно, в особенности малоимущим, т. к. им придется кочевать куда-либо в другие места, а это связано с большим ущербом хозяйству».

Во время прошедшего урагана по восточному району за границу, в пределы Барги угнало[9] много скота из приграничных районов. В числе ушедшего скота оказался также скот колхозов, как из Гурав-Баянского, так и Очир-Сумбэрского. По приблизительному подсчету, число ушедшего туда скота по одному лишь Баян-Тумэнскому району исчисляется до 2000 голов всех родов. Некоторые из поехавших в поиски скота до сего времени не вернулись, и носится слух, что они скота не нашли и их самих задержали баргутские власти, а перешедший скот баргутами сразу же был отдален от границы вглубь Барги и сообщено в амбань-ямын и Хайлар, откуда и ожидается распоряжение о дальнейшем направлении задержанного скота и людей.

В артели в Баян-Очир-Сумбэр сомоне Баян-Тумэнского хошуна состоит 70–80 человек домохозяев. Из имущества бывш. феодалов было передано им около 3000 голов разного скота. Текущей весной, а особенно в связи с ураганом, у них погибло очень много скота. По приблизительному подсчету, около 2/3 всего переданного им скота.

Во всех почти колхозных объединениях отмечаются нелады в части распределения продуктов. Это вытекает из того, что в колхозах установлено более имущим и здоровым продуктов не давать, а неимущим и не могущим заработать больным выдавать продукты по норме. Ввиду этого первая категория лиц, исполняющих ту или иную работу, недовольна тем, что работать заставляют здоровых, а продуктов не дают. На этой почве многие заявляют о своем выходе из колхоза.

5 июня 1930 г.

О внутреннем положении в районе Халхин-Гольского хошуна

1. Основным вопросом, требующим срочного разрешения, является вопрос о пастбищах, которых в районе весьма недостаточно. К тому же 26-го числа в юго-западном направлении на большой полосе возник степной пожар, к 29-му числу не был ликвидирован.

Отодвинутое от границы (еще до директивы отсюда о приостановке) бурятское население хошуна, преимущественно зажиточное, пытается вести агитацию в том направлении, что скот пропадет и нужно добиться разрешения на проживание в приграничной полосе вблизи Шэнэхэна[10].

Монгольские сомоны этого хошуна этой агитацией не заражены. В этой части населения отмечены признаки недовольства бурятской частью населения, считая его виновником создавшегося в районе положения и опасности налета банд. Благодаря проводимой партией работе по разъяснению и разрешению кочевок в северо-восточном направлении положение это несколько сглаживается. Местные власти склонны считать, что положительно этот вопрос можно разрешить только переселением бурятского населения в район Улз-Гола. Всего хошун имеет пять сомонов, из них два бурятских, являющихся наиболее зажиточной частью хошуна.

2. В районе Халхин-Гольского хошуна имеется Халхин-сумэ-хийд численностью от 300 до 400 лам. Хийд расположен в трех верстах от границы Барги и в пяти верстах от погран. заставы Амухур-Або. При поездке на границу тт. Дэмида и Наван-Лувсана встал вопрос о перенесении хийда вглубь к Халхин-Гольскому хошуну и получил как будто положительное разрешение.

При объезде района секретарем айкома партии Дашем, 12 мая, видимо, при его участии, состоялось постановление местных властей с согласия местного духовного управления о перенесении Халхин-хийда, и уже были приняты меры к реализации этого постановления.

Ламство особенно противодействия этому мероприятию не оказывает, но разговоров о недовольстве много. К хошунному управлению оно обратилось с просьбой оставить в хийде 20 человек для охраны хийда и служения какому-то большому богу, имеющемуся в этом хийде.

При таком положении вещей можно предполагать, что в вопросе перенесения хийда имеются элементы административных проявлений.

С получением отсюда директивы о приостановке перенесения хийда вопрос этот временно оставлен открытым, до окончательного разрешения его здесь, в центре.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 534–537. Машинописная копия.

№ 123
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о настроениях в среде ламства

№ 723187 — 10 августа 1930 г.
г. Москва — Совершенно секретно

1) т. Ольскому
2) т. Дьякову

Ламские настроения

Егузэр-хутухта[1] говорит, что китайцы, по словам приезжающих из моего хийда мирян, концентрируют свои войска на восточной границе. Пока войны нет, но, по-моему, рано или поздно она произойдет.

Кобдоское восстание[2] окончательно не подавлено. Восставшие только временно отступили в Синьцзян, где, объединившись с китайскими войсками и получив от последних поддержку, намереваются начать наступление на Улан-Батор-Хото. Со-

бытия назревают, что будет в результате – неизвестно. Советско-китайская конференция[3] пока ни к чему не пришла, конфликт улаживается медленно, китайцы намерены не уступать русским.

Лама Гандана баргинец Пунцаг говорит, что на востоке на монгольской границе концентрируются цирики. Все время правительство посылает туда войска, а китайцев на той стороне не видать, а говорят, что они тоже собирают свои войска. Наши цирики усиленно охраняют границы, днем собираются в одно место, а ночью расходятся по границе. Об этом говорил приехавший из Хан-Хэнтэйского аймака Ундзэн-гунского хошуна Гомбо.

Член Духовного Совета Шаддуб сообщает, что пять лам, обращенных в мирян за собирание аргала, снова возвращены в ламское состояние. По его словам, ламы очень недовольны запрещением выезжать из города. Многие хотят повидать родных и пожить в степи для поправки здоровья, но никого не выпускают. Духовный Совет много раз тщетно обращался в МВД по этому делу. Дэд-хамбо Дамдин говорит, что революция в Монголии не далеко, она совершится так же незаметно, как Унгерн захватил Ургу в [19]11 году, ибо все мудрецы буддийской церкви говорят о том, что ворожба приходит к одному заключению о перевороте. Мы, старики, ждем повседневно светлое будущее, чтобы оно было представлено молодым шабинарам. В случае, если в этом году не произойдет революции, то нам – ламству не будет спокойствия, ибо власти доконают нас своими приказами. Из России приехал военный инструктор, который производит большие изменения в военном ведомстве. Он хочет ввести все то, что введено в русской армии: чтобы монгольские цирики ничем не отличались от русских военных. Конференция между Китаем и СССР, происходящая в Москве, ускоряет конфликты и не разрешает их, все идет в пользу переворота. В связи с разрывом отношений с Китаем и закрытием границы наблюдается товарный кризис, скоро не будет хлеба, даже сейчас имеет место голод[4].

Лама Гандана, Дархан-Эмчин-аймака Галсан (габджу, монгол) говорит, что налоговая политика правительства в отношении ламства все ухудшается. Нажимают на нас вовсю, ламам не отпускают товаров из кооперации в достаточном количестве, что заставляет их голодать. По слухам, перемена власти в Монголии произойдет скоро, насколько это верно – неизвестно. Говорят, Панчен идет спасать ламство. Каждый раз, когда бывает празднество, демонстранты являются в Гандан, кричат и бросают лозунги: «Долой лам, да здравствуют трудящиеся!» и т. д. Мы боимся, чтобы не предложили нам бросить дацан и уйти кто куда желает.

Лама-габджу Гандана, Намдалин-аймака Лувсанняма (монгол) говорит: по словам Манджушри-гэгэна[5], Панчен-Богдо находится в Узумчин-Моллам хийде недалеко от нашей границы, что поэтому можно предполагать и ожидать его приезда в Улан-Батор. Переворот приближается. Кроме того, ламство сейчас почти голодает, никому не хочется умереть с голоду, поэтому они должны будут открыто бороться за свое существование, поэтому весьма возможны такие же восстания как на западе, в Улан-Баторе, а внутреннее восстание ускорит падение власти. Сейчас очень опасно говорить что-либо о недостатках народной власти, среди нас очень много шпионов, которые выдают людей. Более откровенные попадаются на удочку и сидят в тюрьме из-за пустяков.

Отшельник (шарын-даланша) Цэрэнпунцаг (3-й хорон) говорит, что договор между Монголией и Китаем в последнее время расторгнут со стороны монгольского правительства, китайские купцы вытесняются, они закрывают свои лавки и уезжают на родину. Таким образом, мы нажили врага. Китайцы народ торговый, они не успокоятся тем, что их вытеснили отсюда, а начнут наступать на Монголию, что ускорит переворот. Наши монгольские руководители и партийцы везде и всюду говорят, что нас грабили китайцы, унгерновщина и т. д., а сами сейчас начинают грабить богатых, феодалов и лам и стали настоящими разбойниками. Каждый маломальски понимающий арат видит этот грабеж своими глазами.

Лама Сандаг из Гандана говорит, что в настоящее время все имущество (скот и т. д.) монастыря Гандан, а также и лам взято на учет и обложено налогом на несколько тысяч тугриков, причем и за прошлый, [19]29 г. Вот та мера, которой притесняют нас. Становится невозможно жить на приношения.

При учете имущества Гандана обнаружили 2 тысячи лан серебра и когда конфисковали его, то приняли за 1400 тугриков, т. е. в расчете по 70 мунгу за каждый лан, в действительности же курс лана равняется 1 т. 40 м. Из джасы Кунга и Цойлик (Гандан) конфисковано имущество на 16 тысяч тугриков.

Происходившая в Москве китайско-советская конференция по вопросу о ликвидации конфликта и урегулировании отношений между обеими странами кончилась безрезультатно. Китайские делегаты потребовали от СССР уплату за имущество, которое находится в Монголии. Делегации обеих стран ни до чего не договорились и, вероятно, начнется война. Еще перед открытием конференции в Маньчжурии, Харбине и т. д. со стороны белых и китайцев шли военные приготовления.

К осени, так или иначе, неизбежно будет война между СССР и Китаем.

Дэд-хамбо Дамдин говорит, что взятые правительством налоги с монастырских джас по своим размерам выше налогов с остального населения. Так, при сборе налога от джас установили хуби так же, как при конфискации имущества феодалов. Правительство в настоящее время берет джасовский скот и передает его на выпас беднякам и середнякам, причем оно уверяет, что этим правительство не отбирает скот в пользу государства, а берет только на выпас. Основная цель передачи джасского скота на выпас аратам заключается в том, чтобы в случае войны лошадей использовать для кавалерии, а скот на содержание (питание) цириков. Иначе данное мероприятие ничем не объяснимо, так что все красивые слова насчет временной передачи на выпас аратам являются простым обманом ламской массы.

Лама Гандана Барга-аймака Пунцаг говорит, что в нынешнем году джасы обложили большими налогами, берут большую часть его скотом. Причиной обложения джас большим налогом является ощущаемый недостаток в деле снабжения армии предметами питания и лошадьми для кавалерии. По слухам, все джасовские налоги будут направлены в отдел снабжения армии. Все это проводится в связи с увеличением численности армии.

Лама Дзун-хурэна Санги-аймака Гомбожав говорит, что от джас берут налоги, размер их превышает все предыдущие годы. Эти налоговые суммы направляются на помощь худонской бедноте, а также часть – ламской бедноте. По слухам, осенью этого года все джасское имущество будет конфисковано так же, как и феодальное имущество.

Антагонизм между халхасцами и казахами усиливается. Казахи ненавидят монгол и правительство благодаря жестокой политике, проводимой последним. Если правительство пойдет дальше и не изменит свою политику по отношению арат и ламства, то будут восставать не только казахи, но и ламы. Сейчас вопрос заключается для них в оружии, но будет время, когда они восстанут и без оружия.

Лама Гандана Дзу-аймака Лувсанбалдан говорит, что правительство всячески притесняет религию и не дает покоя ламству. Недавно обложили все джасы непосильными налогами, почему отправления культа и нормальное богослужение срываются. Все это идет в пользу красной казны, обогащает ее, поэтому сила красных растет. Коллективизация приведет к ограблению имущества аратов, ибо индивидуального хозяйства не будет, так как им будет распоряжаться кто и как захочет.

Лама Дзун-хурэна Сунги-аймака Цултэм говорит, что налоги, взимаемые от джас, направляются на развитие колхозов и коммун. В стране ужасный товарный голод. Беднота и середняки недовольны мероприятиями партии и правительства. Все это предвещает переворот в Монголии, т. е. изменение существующего строя.

Лама Гандана Равджа говорит, что повсюду в провинции страшная вражда к колхозам. Все порядочные люди говорят, что лучше покончить с собой, чем вступить в колхоз. Охотно вступают только лодыри, которые надеются прожить некоторое время безбедно на том основании, что: 1) им дан скот и 2) они теперь привилегированные люди, «революционеры», опора власти, поэтому власть их боится и не осмелится принуждать работать. Таким образом, их лодырничество узаконивается. Их убеждение в своей правоте положительно непоколебимо.

В Наран-Джаргалантай-хошуне Цэцэрлэг-Мандальского аймака какой-то приезжий из Улан-Батора чиновник запретил вырезывание ксилографов тибетских книг, что лишило работы многих бедных людей и вызвало общее возмущение и произвол.

Шаддуб: «Недавно Госсамоуправление потребовало от здешнего монастыря налоги с джас в довольно большом размере и назначило восьмидневный срок для уплаты. 7 дней прошло, заплатило, по-видимому, большинство джас, некоторые еще не успели собрать требуемую сумму.

Между тем, третьего дня от Госсамоуправления поступило новое требование в Духовный Совет об уплате 49 тыс. тугриков в пользу лам, сделавшихся мирянами. На каком основании получается такая сумма, в бумаге не сообщается, а самое число лиц, перешедших в мирское состояние, степень их нуждаемости и следуемых каждому в отдельности сумм, все это Духовному Совету неизвестно. Такое голословное требование вызвало большое недоумение среди членов Совета, и они советовали аграмбе[6] Гомбожаву (пред. ДС) обратиться в Госсамоуправление с просьбой о разъяснении. Гомбожав возразил, что этого сделать нельзя, так как это будет означать: 1) явное обнаружение недоверия со стороны Д. С. к Госсамоуправлению и 2) отказ от уплаты требуемой суммы. Вследствие этого Гомбожав срочно созвал всех гескуев[7], казначеев джас и т. д. и распорядился, чтобы они собрали эти деньги. Срок дан на этот раз 3 дня.

Примечание: Гомбожаву Пред. ДС сам обещал внести эту сумму гор. Самоуправлению, но на духовном совете это скрыл.

Еще один поступок Горсамоуправления вызвал большое недовольство среди здешних лам. В ДС поступило от Горсамоуправления требование, чтобы 7 числа с. г. проведены были аймачные собрания всех лам от 18 до 45 лет, на котором представители от Горсамуправления будут давать разъяснения о предстоящем сборе индивидуального налога с лам. ДС известил об этом всех, вследствие чего особо важный хурал, так называемый «Бутэл» перенесен был на самое раннее утро к восходу солнца. Пополудни в назначенное время ламы указанных возрастов собрались по храмам своих аймаков. Они ждали очень долго, но от горсамоуправления на все 30 аймаков явился лишь 1 чел., а именно в Шутэн-аймак, но даже и он, ничего существенного не сказав, удалился. Таким образом, все эти собрания оказались затеянными зря. (Справка: собрание собрал Гэндэн и после протеста ламской комиссии ЦК собрание отменил, но своевременно не известил ДС).

Шаддуб говорит далее, что Эрдэнэпил[8] показал ему на днях вышедшую из печати и свободно продающуюся на рынке маленькую брошюру, изданную в подражание известному майскому воззванию Д. Совета. Это издание представляет собой подделку, так как оно выпущено от имени ДС, между тем как ДС к нему никакого отношения не имеет. В этом воззвании говорится о том, что религия дело ненужное и что ламам следует переходить в мирское состояние. (Издание брошюры факт, но ГВО не может установить, кто издал).

По поводу этого сообщения Шаддуба можно заметить, что само майское воззвание Д. Совета, хотя и выпущено формально с согласия ДС, безусловно, ни в какой степени не является отражением его мнения. Как уже сообщалось, оно составлено было минвнуделом Сорхобаяром. ДС не решился сопротивляться Сорхобаяру, видя в нем представителя правительства, и лишь постарался до некоторой степени смягчить наиболее резкие выражения. С этими изменениями текст и был выпущен от имени ДС. Не оспаривая целесообразности того, чтобы от имени ДС был выпущен документ, составленный вне ДС, и который он сам не выпустил, но все дело в степени расхождения между выпущенным в печати текстом и действительности умонастроения[9] Духовного Совета, поскольку последний не может быть секретом, раз в него входят такие широко известные лица, как Ёнзон-хамбо[10] и Дэд-Хамбо. Если сопоставить текст этого воззвания с подписями, которые под ним значатся, то получается в высшей степени смехотворная картина, и не может быть и речи о том, чтобы нашлись наивные люди среди лам и верующих мирян, которые хотя бы на мгновение приняли этот текст за чистую монету. Достаточно указать на то, что Ёнзон Хамбо, ставленник Панчен-Богдо, ездивший по поручению последнего Богдо-гэгэна в Тибет приглашать Панчена Монголию, и хамбо, известный как безусловно искренний хубилганист, могли дать подписи под воззванием, составленным в духе речей, произносимых на антирелигиозных митингах, где все хубилганы и высшие ламы объявляются эксплуататорами. Про Панчен-Богдо говорится, что он продался империалистам. Всяким, кто представляет себе хотя бы отдаленно политико-идеологическую установку этих двух хамбо, неизбежно сделан будет вывод, что это майское воззвание является также фальсификацией, и лишь может усилить симпатию к этим лицам, с чьим именем так произвольно обращаются.

Конечно, воззвание Духовного Совета по поводу улангомских событий могло бы быть составлено так, чтобы не производить такого провокационного эффекта.

Лама Гандана Урлут-аймака Даши Рабдан (бурят) говорит, что приехавший из Улз-гольского хошуна Намсарай (бурят) передал ему о том, что в прошлом году весной буряты из Халхингольского хошуна нелегально ушли во Внутреннюю Монголию, в местность Сунуд, где и живут хорошо и спокойно. Жизнь там дешевле, чем в Монголии, например, баран стоит всего 1 т. 50 м. и т. д. Он же говорит, что за последнее время граница очень строго охраняется, но все же народ туда ездит.

Панчен-Богдо в настоящее время живет в Пандита-гэгэн-хийде без всяких стеснений со стороны властей.

Нач. ИНО

Нач. 6 отд.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 1–5. Подлинник

№ 124
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о ламских настроениях

№ 723227/а
г. Москва

30 августа 1930 г.
Совершенно секретно

1. т. Ольскому[1]
2. т. Дьякову

Дэд-хамбо говорит, что ламство в настоящее время терпит большие притеснения, главным образом, по налоговой линии. Ламство платит налоги на джасы и военный налог пять рублей с каждого ламы призывного возраста. Кроме того, родители лам платят налог в худоне. Почему правительство увеличивает налоговые сборы на лам? Потому что этим оно хочет, чтобы мы скорее ушли из дацана в худон, чтобы скорее уничтожить нашу буддийскую религию. Если все это будет продолжаться в дальнейшем так, то мы вынуждены [будем] поневоле перейти в хару (светское состояние).

Лама Гандана Эрдэнэ-хубилган-аймака Дамдинсурэн говорит, что налог на ламство все увеличивается. Например, лекари тибетской медицины должны платить по 60 тугриков в год. Кроме того, проектируются налоги на хашаны[2] и сооружения. Джасское имущество передают аратам якобы во временное пользование ими на выпас. Этим лишают возможности совершать молебствия-хуралы в дацанах, а путем налогового обложения лам призывного возраста, лекарей и сооружений, юрт и домов – внутренне разлагают монастырскую жизнь.

Дилова-хутухта (гэгэн)[3] говорит, что план народной власти рассчитан на уничтожение частной собственности и ликвидацию ламства путем больших налогов и сборов. После конфискации имущества феодалов налоговая политика власти усилилась. Это подтверждается обложением ламства несколькими налогами. В связи с политикой уничтожения института частной собственности проводится одновременно и политика экономического давления на ламство и его уничтожения. Все это известно Китаю, который заинтересован в Монголии, почему в ближайшем будущем китайские власти примут надлежащие меры в деле освобождения Монголии от диктатуры красных варваров.

Лама Гандана Галсан говорит, что целью жестокой налоговой политики, осуществляемой властями над ламством, является уничтожение религии буддизма, в первую очередь и ламства во вторую.

Сейчас мы устраиваем экзамен на геше[4] (средняя степень) за чертой города. Вначале боялись, что антирелигиозники не дадут нам благополучно провести это «домо»[5], но наши учителя Ёнзон-хамбо и Ца-Бурэлгу сворожили, что можно устраивать «домо», что вмешательства со стороны антирелигиозников не будет.

Лама-бурят Садбо (1-й хорон) говорит, что по слухам в Харбине сосредотачиваются войска (китайские, японские и русские белые). Они намерены наступать на СССР и Монголию.

Налоги на ламство увеличиваются, собираются брать и с построек. Страдающими являются ламы и феодалы, а члены Народной партии[6] налогов не платят.

Лама Дзун-хурэ[7] Дорж говорит, что ламство теперь обижено до крайних пределов, хоть переходи в хару. Но есть еще одно утешение, надежда на то, что с Востока хотят прорвать Монголию китайцы. Все войска, находящиеся на западе, переброшены на восток. Переворот в Монголии – близок. В случае, если его не будет, придется разойтись по домам и закрыть свои хийды[8].

Гомбожав (гор. самоуправление[9]), сказал Шаддубу, что Духовный совет может получить в экстренных случаях ссуду из банка для внесения налоговых сумм, что кредит им банк будет оказывать лишь на пару суток, проценты же они должны платить за гораздо более длительный срок, например, за два месяца или в этом роде.

В связи с тем, что налог на Улан-Баторские монастыри исчислен суммой до 400 000 тугриков и, по-видимому, в связи с заявлением Гомбожава (из горсамоуправления), 23 июля Духовный совет обратился в Монголбанк с просьбой о выдаче ссуды в 20 000 тугриков на уплату единого сельскохозяйственного налога. Конечно, Монголбанк в ссуде отказал, но здесь обращает на себя внимание провокационное предложение со стороны Гомбожава – председателя городского самоуправления. Так, Гомбожав сказал Шаддубу (члену Духовного совета), что вскоре гор. самоуправление потребует у Духовного совета еще 50 тысяч тугриков, опять в пользу лам, сделавшихся мирянами. Гомбожав говорил Шаддубу, что он не виноват и ничего сделать для облегчения ламства не может, что это требует Министерство просвещения.

Шаддуб говорит: «Сорхо-Баяр спрашивал городское самоуправление, зачем они запретили ламам выезжать из города; городское самоуправление ответило, что оно не запрещало».

Далее, член Духовного совета Эрдэнэпил спросил в городском самоуправлении, почему они исчислили сумму для перешедших в миряне в размере 49 тысяч. На это городское самоуправление ответило, что оно не знает, что требует этих денег не оно само, а от него, в свою очередь, требует Минпрос на нужды школы для бывших лам.

Из-за трудности взноса индивидуального налога здесь пока человек 40 лам перешли в состояние мирян.

Озеров говорит: «1. во время происходящего теперь на реке празднества «Лянхуа» (связанного с окончанием монастырскими студентами класса «Пар-

чин») здешние антирелигиозники проявили большую активность: рядом с местом расположения лам они разбили ряд палаток, расставили угощение и зазывают в них лам и уговаривают перейти в мирское состояние, обещая каждому 450 тугриков и хорошее место с большим жалованьем. Успеха они не имеют (по наблюдению Озерова).

2. Надежды на войну очень широко распространены по-прежнему и даже более. Монголы сами с давних времен привыкли считать осень наиболее подходящим временем для войны (т. к. осенью скот упитан), поэтому и теперь все надежды возлагаются на осень.

3. Манджушри-гэгэн[10] был в молодости выдающимся ученым, и у него еще с той поры много учеников по философии. Он тогда много работал и преподавал. Затем он перешел к тантризму (чжуду), у него стало еще больше учеников, жаждущих его посвящений и благословлений. Его недавно вызывали для допроса. Если его тронут, это будет иметь гораздо более сильные отголоски, чем история с Заин-гэгэном[11].

Лама Нирба-Санского аймака Дзун-хурэ Гомбожав говорит, что джасский налог взимается в чрезмерно большом размере. В результате этого дацанские джасы истощены. Кроме того, ламство платит чрезмерно много индивидуального налога, каковой взимается без учета имущественного состояния того или иного ламы. Кроме того, имеется новое распоряжение о необходимости выделения 300 тугр. из джасского имущества каждому ламе, перешедшему в нынешнем году в светское состояние. Таким образом, наши джасы не дотянут до будущего года, все имущество разойдется по рукам, а на будущий год многие аймаки[12] должны будут ликвидироваться. Насчет выдачи по 300 тугриков каждому переходящему в светское состояние ламе – предложило городское самоуправление Улан-Батора.

Лама Дандарлин-аймака Тулга говорит, что налог взимается слишком высокий, и плюс к этому срок уплаты слишком короткий. В течении трех дней предлагают сдать 200 и 300 тугриков, что является невозможным физически. Если не сдать почему-либо в этот срок, то начнут терроризировать – сажать в тюрьму казначея и вообще должностных лиц. Таким образом, внутреннее положение можно характеризовать весьма жестоким в отношении ламства и феодалов.

Если присмотреться к внешнему положению, то тут мы имеем неспокойную ситуацию как на западе, так и на востоке. Назревает момент насильственного свержения существующего строя в Монголии.

Бывший зайсан Цэрэнпунцаг, проживающий в Маймачене[13], говорит, что, по слухам, на восточную границу прибывают китайские цирики с целью наступления на Монголию. Монгольские цирики не устоят против них и многие перейдут на сторону китайцев. Сколько бы ни хвалили народную власть, она не отвечает интересам аратства. Она нажимает на аратство всеми средствами – налогами, сборами и др.

Большинство членов Народной партии не уяснили себе задач партии и основную цель, они ведут вслепую – на авось. Они в глубине души недовольны социализмом, они желают богатства и хорошей жизни. Преданность проявляет только кучка руководителей, которые довольны своей судьбой.

Лама-монгол Доничай, проживающий в Дзун-хурэ, вычищенный из партии, говорит, что, по слухам, Кобдоское восстание возобновилось опять, и ЦК команди-

ровал для организации борьбы с восстанием. Если оно действительно возобновилось, так на этот раз труднее будет подавить, чем в прошлом. Они не дураки, чтобы выступать без соответствующей подготовки. Лама Гандана, Барга-аймака Шарав говорит, что налог взимают в громадном размере. Конфискацию джасского имущества уже начали. Кроме того, ассигнование из имущества джас по 300 тугриков для каждого переходящего в черное состояние означает способствование к выходу лам из дацанов. Многие ламы уже заинтересовались этими 300 тугриками и изъявляют желание перейти в светское состояние.

Лама Гандана баргинец Пунцаг говорит, что в период проведения «домо» Народная партия и Ревсомол[14] устроили демонстрацию и этим помешали устройству ламской борьбы и др. игр. Теперь стало очень боязно устраивать молебствия, скоро запретят совершать их. Манджушри-гэгэн приехал из своего хийда, заночевав одну ночь в Дзун-хурэ, перешел в хорон[15]. Он боится жить в хурэ, чтобы не заподозрили его в чем-нибудь антиправительственном.

Лама Дзун-хурэ Самдан-Ачиту говорит, что в будущем нам не придется устраивать молебствия, ибо при таком гонении на религию совершенно невозможно говорить о молебствии. Например, «домо» провели с величайшими затруднениями, при большом сопротивлении антирелигиозников. В будущем году «домо» наверняка не будет, потому что власти запретят.

На ламском экзамене «домо» антирелигиозники устроили демонстрацию, что же тогда будет на предстоящем празднике «Цам»[16]. Ламство обеспокоено благополучным проведением «Цама», многие склонны думать, что не разрешат власти устройство «Цама».

Озеров говорит: «Банк принимает примерно 200 налогоплательщиков, таким образом, многие из лам вынуждаются платить позже назначенного срока, за это банк берет с них пени, хотя только он и виноват в этой отсрочке».

Вчера распространился слух о том, что будто будут брать скоро с лам новый индивидуальный налог, в гораздо большем размере, чем прежний, а именно, наименьшая ставка будет 60 тугриков, тогда как раньше наибольшая ставка была 60 тугриков. Один из источников этого слуха состоит в том, что городское самоуправление отказывается поставить на ламских квитанциях штемпель об уплате налога на том основании, что якобы предстоит новый налог; какой-то чиновник сказал, что это якобы неверно, но все же у лам создалось впечатление, что налог будет, и даже будто в Сангай-аймаке получилось об этом извещение. (Между прочим, городское самоуправление не позволяет ламам выезжать из города, пока оно не проставило им штемпеля.) Этот слух очень быстро охватил все здешнее ламство и вызвал очень сильное возбуждение. Налоги с джас не вызвали и сотой доли такого волнения. Это возбуждение основывается на сознании, что теперь у лам отберут их последнее личное имущество. Все говорят в один голос, что лучше умереть, и это настроение неизбежно выльется в крупные события – восстание, не иначе, как только будет объявлен этот новый индивидуальный налог.

Озеров говорит: «Вчера или сегодня утром в Госсамоуправлении представители аймака Шутэн сказали, что в правительстве еще не решен вопрос, надо ли брать с лам новый индивидуальный налог, и что возможно мол будут брать в сле-

дующем размере: раньше ставки были от 5 до 60 тгр., а теперь будет от 60 до 300 тгр. с каждого. Все ламство поголовно убеждено, что такой налог будет, что оно платить его не в состоянии и что единственный выход в восстании. Волнение продолжается.

Восточный район.О праздновании 9-летия МНР

13 июля с.г. в резиденции Ялгусан-гэгэн-хийда (монастыря) закончилось празднование сомонного надома[17] (игры), посвященного 9-летию образования МНР и продолжавшегося в течение трех дней. К этому празднованию также был приурочен религиозный праздник, называемый «Ялгусан-Гэгэн» «Далаха-ин-Надам» (что значит – небесная игра Ялгусан-гэгэна), праздновавшийся ежегодно по лунному исчислению в 5 месяце 13 числа, т. е. в июне месяце в честь указанного Ялгусан-гэгэн-ламы[18]. Религиозный обряд по данному празднику ламами был совершен тогда же в положенный срок по лунному исчислению, а разные игры, согласно распоряжению сомонных и хошунных властей, перенесены к означенной годовщине. В том и другом случае народу собралось очень много, было не менее 500–600 челов., собравшихся с трех окружающих сомонов. Благодаря такому совмещению революционного праздника с религиозным, празднование годовщины республики вылилось в форму религиозного праздника. Все игры, как бега, борьба сурхарбан[19] и т.п. начинались по старинным традиционным обычаям с благословления лам, восседавших в глубине публики. Каждое действующее лицо перед выступлением и после подводилось к ламе, и тот его благословлял; кажется, в числе их были и члены Нарпартии и Ревсомола, т. к. среди действующих в борьбе и играх они были. Самое празднество протекало около «Обона»[20] на северной стороне хийда (обон – святое место) в том самом месте, где обыкновенно ламами совершается моление в честь религиозного праздника. В празднестве принимало участие все ламство хийда, были и приезжие ламы из Баян-Тумэнского и других хийдов. Что еще характерно, так это то, что в первый день празднества приехавшие из кавполка командир Пунцаг и комиссар Бат-Тумур и представители райкома Нарпартии и Ревсомола и хошуправления пытались устроить общий митинг на тему праздника и других вопросов, но как услышала это публика, большинство присутствующих не пожелало оставаться на митинге и стало расходиться по сторонам. Ввиду этого митинг был отложен на третий день и дано распоряжение всем сомонным и 20-ти дворовым даргам (старостам) к этому дню выделить по одному представителю, чтобы последние сторожили людей, дабы они не расходились с собрания. Только благодаря таким усилиям властей на третий день удалось провести общее собрание присутствующих и то при конных и пеших наблюдателях, хотя и при этом случае многие расходились с собрания, находя разные причины.

Докладчиками на тему дня выступали около 5–6 человек от вышеуказанных организаций и учреждений. Митинг по обыкновению сильно затянулся; начавшись с полудня, продолжался до заката солнца. Таким образом, празднование годовщины по форме как бы носило революционный характер, но по содержанию оказалось религиозным. В ходе собрания из публики задавались характерные вопросы, один из них таков: «Почему запретили частную торговлю и ввоз внешних товаров, при-

ведшие к тому, что сейчас не стало табаку (видимо, китайской дунзы), чаю, далембы[21], а лишь продают грубую русскую далембу?»

Почти в начале указанного митинга на торжество Ялгусан-гэгэна несколько человек бывших лам, преимущественно из высшего сословия, обращенных в настоящее время в хару (светское состояние), как ламы Дамсан-Доржи-хубилган, святой (около 40 лет), Наваншарав-габджу (бывший настоятель Ялгусан-гэгэн-хийда), около 40 лет, Жамбажамц-габджу, около 30 лет, Жамъян-Шарав-габджу, около 50 лет и др., генен Дорж-сойбон – бывший духовный чиновник времен монархии (около 50 лет), все бывшие ламы указанного хийда демонстративно и с явным пренебрежением ушли с митинга и сели в стороне на расстоянии слышимости слов докладчиков. Когда один из последних стал говорить об улучшении и оживлении деятельности колхозов, эти ламы в присутствии гр. Сухэ-Дза, старика, подошедшего к этому времени к ним, стали говорить: «Вначале отобрали, потом проели, а теперь об улучшении заговорили, и на самом деле, удивительное дело, не прошло и года как проходила конфискация имущества у феодалов и организовали колхозы какие-то, а имущество уже почти кончают. Видимо, восстановление этих колхозов мыслят проводить путем нового грабежа имущества у имущего класса – это, пожалуй, им не пройдет теперь. Ведь все такого рода докладчики, представители и сами нынешние руководители власти являются разными преступными элементами, когда-то бежавшими с родины за разные преступные действия – это совершенно теперь для всех ясно, так как каждое сказанное такого рода людьми слово находит в этом себе подтверждение. Теперь они, чтобы зарекомендовать себя перед народом хорошими людьми, на каждом шагу стараются очернить всякими небылицами прежних руководителей».

Лама Баян-Тумэнского хийда Ёндонжамц-марамба[22] (лама высшего звания) говорит, что на днях из Ульдзы приехал его знакомый, бывший лама Нивада, который передает, что, по словам ульдзинских бурят на их прежней Родине (т. е. в БМР) буддийская религия процветает очень хорошо. Все отобранное имущество у лам ранее теперь возвращено, а также проводившаяся коллективизация ни лам и ни основную массу населения бурят не тронуло. На этом основании он высказывает мысль, что у нас в Монголии в скором времени тоже будет хорошо и возможно даже вернут конфискованное у феодалов имущество.

Лама Даш-Равдан – бурят, проживающий в Гандане, говорит: «В священном календаре V Богдо-гэгэна сказано: “В год лошади (1930 г.) на севере халхаской Монголии распространится религия, а с юго-запада – учение Божьей Матери”. Если перевести это на простой смертный язык, то это означает прибытие командующего шамбалайскими войсками Панчен-Богдо, который должен уничтожить нынешних врагов религии, установить мир и спокойствие для живых существ и распространить религию. Событие в Чандмань-ульском аймаке и в других местах есть начало претворения в жизнь этого предсказания».

В [19]18 г. из Цолгинского дацана[23] (Мухоршибирский район) двое лам нелегально перешли монгольскую границу с тем, чтобы через Монголию попасть в Тибет. Орган ОГПУ Бурятии узнал об этом и выслал бы обратно. Когда начались поиски, они удрали в Халхин-Гольский бурятский хошун и скрывались у своих знакомых. В конце 1929 года они и еще несколько человек удрали во Внутр. Монго-

лию с намерением попасть в Лхасу. В переходе монгольской границы помогли буряты этого хошуна.

Нач. ИНО

Нач. VI Отд.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 9–13об. Подлинник.

№ 125
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о настроениях в среде ламства

№ 723310 — 21 ноября 1930 г.
г. Москва — Совершенно секретно

т. Ольскому
т. Агранову
К делу

Ламские настроения на 15 октября

Показателем настроения ламства на 15 октября 1930 г. является отношение ламства к процессу «38» обвинявшихся в государственной измене и в попытке завязать связь с внешними (китайскими) интервентами с целью совместного совершения переворота. Среди обвиняемых по этому делу 3 виднейших хутухты: Манджушри, Егузэр-ламхай и Дилова-хутухта[1].

В основном настроения во время процесса отражают:

а) агитацию ламства о том, что процесс создан искусственно в целях дискредитации и последующего уничтожения 3 хутухт, а, следовательно, уничтожения религии в целом;

б) указания лам на несостоятельность представителей современной власти, которые называются ничего не понимающими младенцами, проявляющими свою бессильную злобу;

г) агитацию против русских, уничтоживших у себя религию и пытающихся это сделать в Монголии, т. к. создание дела относится за счет инициативы и указания русских;

д) агитацию о том, что в случае вынесения смертного приговора хутухтам неизбежно должно восстать все ламство и неизбежно наступление китайцев, баргут и войск Панчен-Богдо;

е) возможность проявления чудодейственной силы хутухт исключается, ввиду того, что нет достойно верующих, перед которыми можно и достойно было бы эту силу проявить.

Однако данные явления нельзя считать абсолютно доминирующими т. к. наряду с ними, особенно из кругов низшего ламства, исходили и мнения, признающие к.-р. преступность обвиняемых, в том числе и хутухт, с пренебрежением отмечались недостойные попытки обвиняемых (Манджушри, Дилова) обвинить своих товарищей во многих человеческих слабостях (зависть, трусость и др.), что якобы должно быть чуждо искренне верующим ламам.

Вынесение приговора, по которому к смертной казни приговорен только один хутухта Егузэр-ламхай, заставило часть ламства говорить о современной власти как о власти, объективно разобравшейся в этом деле и милостиво отнесшейся к обвиняемым, хотя раздавались мнения о том, что милостивое решение суда, есть результат боязни ламского бунта.

В конечном счете решение суда и выполнение приговора активных выступлений со стороны ламства не встретило. Другие показатели ламских настроений к этому периоду времени могут быть определены фактами: попытка контрреволюционного восстания ламства в Цэцэрлэг-Мандальском аймаке[2].

Контрреволюционные слои ламства Цэцэрлэг-Мандальского аймака в результате ряда активно проведенных мер, особенно в результате усиленной циркуляции различных злостных слухов и разговоров, со всемерным использованием в этом деле авторитета религии, добились того, что втянули под свои контрреволюционные лозунги середняцко-бедняцкие слои аратства, а также и ламство. Контрреволюционные слои ламства тормозили дело проведения мероприятий партии и правительства (джасская кампания и др.), направленных к улучшению благосостояния населения аймака.

Более того, контрреволюционно настроенное ламство проводит активную подготовительную работу к контрреволюционному выступлению и низвержению диктатуры бедняцкого аратства. Ярким примером к сказанному может служить выступление ламства против джасовской кампании, имевшее место в ряде хошунов, как например Батцэнгэл, Эрдэнэ-Мандал, Гурван-Сайхан и др.

Однако сказанное приобретает реальное значение, когда повторяются неоднократные собрания ламства из хурэна хутухты Цэрэндоржа или Ламын-гэгэна, находящихся на территории Дзурх-ульского хошуна. На этих собраниях, которые ставили своей задачей подготовку к прямому контрреволюционному выступлению, был также выработан план дальнейших действий. Считаю необходимым остановиться вкратце на тех причинах, кои привели к такому решению. Они в основном сводятся к следующим четырем пунктам:

1) Отмена паев в количестве пяти овец на каждого ламу, получаемых от джас, когда они числились по списку старого шабинского ведомства.

2) Конфискация имущества феодалов, в частности, конфискация внешней и внутренней казны хутухты Цэрэндоржа и имущества джас.

3) Обложение монастырей налогами и сокращение числа их путем присоединения одного монастыря к другому.

4) Обложение военным налогом старых чиновников (феодалов) и лам и переход ламства в черное состояние с получением военно-учетной карточки как мера и ликвидация религии.

План действия или метод борьбы, выработанный ими на упомянутых собраниях, сводится к следующему:

1) Прежде всего, необходимо ликвидировать управление данного хошуна и другие учреждения и заключить их сотрудников в монастыри (под стражу).

2) При ликвидации хошуправления не требуется вооруженного выступления ввиду малочисленности его сотрудников.

3) Необходимо известить лам монастыря Туин-гол-хурэна, чтобы те выступили одновременно с нами.

4) Для одновременного выступления также необходимо дать знать ламам из монастырей в Баян-Хонгор и Хан-Хугшин хошунах, территория которых прилегает к нашему хошуну. После того, как контрреволюционная волна охватит территорию названных хошунов, необходимо направиться к Хан-Хугшину, чтобы общими силами ликвидировать народное правительство.

5) Прежде всего и раньше всего необходимо ликвидировать одновременно Баян-Дзурх, Баян-Хонгор и Хан-Хугшин хошунуправления, потому что Народное правительство не будет в состоянии убивать нас, не зная, кто является виновником происходящего.

6) Необходимо принять во внимание, что цирики не будут убивать нас, лам и аратов, являющихся их родителями.

7) Прежде всего, учитывая территориальную близость, необходимо мобилизовать 50 лошадей из уртона хошунуправления.

8) При ликвидации хошунуправления прервется сама собой уртонская связь, а в противном случае необходимо ликвидировать таковую.

9) Мобилизовать всех худонских аратов, имеющих оружие, охотников и проч.

10) Мобилизовать всех лам призывного возраста, т. е. с 18 до 45 лет.

11) Необходимо добиться и добьемся привлечения ламства и аратства на свою сторону, а для этого необходимо ознакомиться с целью и задачей такового предприятия.

Приняв за основу изложенный выше план действий, около ста лам двинулись ночью по направлению к хошунуправлению, чтобы ликвидировать его. Но, однако, операция не состоялась ввиду того, что: 1) гелун[3] Табда, уговаривал, чтобы ламы отложили это свое решение хотя бы на одну ночь, как говорил он: «Хотя мы сможем убить нескольких лиц, – это может послужить причиной нашей смерти», и 2) некоторые ламы, приняв предложение гелуна Табда, вернулись, чем было нарушено единство, вследствие чего остальные ламы вынуждены были отказаться от принятого решения и также вернуться.

Спустя два дня после этого было созвано собрание, что свидетельствует о неорганизованности лам и отсутствии единства мнений среди них.

Эта контрреволюционная группа на этом прекратила свою деятельность, направленную к реализации зафиксированных в плане их действий, причиной чего послужило нижеследующее. Был распространен слух о том, что лама данного хурэна Цэрэндо рассказывал в доме содержателя уртона, что ламы хурэна устраивают собрания, чтобы совершить одно деяние, что он, Цэрэндо, из боязни быть жертвой их деяний, выезжает в худон. Кроме того, был распространен слух о том, что в ночь того дня, когда сообщил изложенное Цэрэндо, ехали по хурэну двое лиц на лошадях, что привезли в хошунуправление снаряжение на машинах. Все это давало, видимо, повод думать, что их дело известно властям.

Руководители вышеупомянутых собраний, на которых вырабатывался план их действий, были бывший председатель Духовного управления Джадамба Сэнгэдорж и бывший привратник Ламын-гэгэна «их хутухт» Цэрэндорж, Нацагын Сенгэдорж, а за их спиной стояли и руководили дела лама Чимид, бывший дзайсан, председатель Духовного управления Дамба и Ламын-гэгэн, или хутухта – Цэрэндорж.

1) Бывший дзайсан Чимид при старом режиме эксплуатировал трудовое население и имел самую близкую связь с хутухтой Цэрэндоржем. Его руководящая роль в контрреволюционной деятельности лам названного хурэна явствует из того, что: а) он составлял текст заявления для лам, желающих перейти в черное состояние с целью поступить на военную службу и поднять контрреволюционный мятеж; б) Чимид скрывал револьверы, заготовленные им; в) он рассказывал Джадамбе Сэнгэдоржу, что расклеена листовка о том, что монгольская армия дважды сражалась с армией Панчена и была поголовно уничтожена, что 15 числа среднего осеннего месяца[4] будет ликвидирована народная власть. Отсюда, продолжал он, если нажать на Народную армию с двух сторон, то наверняка можно низвергнуть народную власть. Все это он говорил, конечно, с той только целью, чтобы поднять контрреволюционную активность Джадамбын Сенгэдоржа.

2) Председатель Духовного управления Дамби знал во всех подробностях деятельность контрреволюционной организации и старался скрыть ее, а также способствовал неплатежу джасами налогов, задерживая внесение таковых полностью.

3) Хутухта Цэрэндорж является главой теократических элементов и является надежной опорой для феодально-теократических и прочих контрреволюционных элементов. Религиозная зависимость населения от хутухты Цэрэндоржа до того велика, что на Цаме монастыря в Баян-Дзурх-хошуне люди лежали на земле вплотную к дорожке, по которой шел хутухта Цэрэндорж, чтобы он топтал их «божественной ногой». Кроме того, Цэрэндорж на Цаме Туин-ульского хурэна исполнил тайно религиозную службу. Однако религиозный авторитет Цэрэндоржа не ограничивался окружающим его фанатическим аратством, его влияния не избегли и члены партии. Так, зав. отделом хошунуправления и член партии Долонжав и член партии Цэдэн выходили из дома Цэрэнжоржа в молитвенных позах. Все это, т. е. религиозная зависимость массы населения и членов партии от Цэрэндоржа создает ту почву, которая вредно отражается на эффективности работы по проведению ряда важнейших мероприятий.

Помимо того, Цэрэндорж до сего времени не доплатил 25 947 тгр. из суммы обложения собственного его имущества и находящихся под его ведением джас (имущество его ныне конфисковано), несмотря на неоднократные упоминания и требования.

ГВО арестованы бывший председатель Духовного управления Джадамбын Сэнгэдорж, бывший привратник Цэрэндоржа Нацагын Сенгэдорж, председатель Духовного управления Дамба и бывший зайсан Чимид, а также послан специальный человек для ареста Цэрэндоржа. Одновременно с этим ведется агитационная работа по ознакомлению массы населения и членов партии с действительной сущностью контрреволюционной организации лам, для этого выделены специальные докладчики из айкома партии и РСМ.

Положение в Дархатах[5] далеко не стойкое. Уполномоченный в Дархатах отобрал у одного из лам 3 винтовки с 1000 патронами. Продолжает распространять различные слухи известная группа лам в 26 человек. Некий ван Жулун-Соном изготовляет пули «бердан», для чего заготовляет порох и свинец, что в сочетании с предыдущим свидетельствует о том, что идет подготовка к восстанию, а также свидетельствует о поднятии контрреволюционной активности ламства.

Контрреволюционные силы ламства монастыря Дархад-хурэна, ныне переименованного в Хубсугул-Далай-Дэлгэр-ханульский хошун Цэцэрлэг-Мандальского аймака, устраивают конспиративные собрания по существу контрреволюционного характера. Известен также круг разговоров этих лам, которые сводятся к следующему:

1) Необходимо изменить настроение МНКА[6]. 2) Провести агитацию за религию среди не расставшихся с последней цириков, разъясняя им положение религии в прошлом и в настоящем с тем, чтобы в будущем создать защитников религии. 3) Стремиться к разложению цириков с созданием внутренней борьбы среди них. 4) Устроить бегство цириков восточных приграничных районов с оружием и присоединить последних к армии Панчен-Богдо. 5) Мы сами, т. е. ламы, должны перейти в черное состояние и вступить в ряды МНКА с тем, чтобы добиться наибольшей концентрации сил (для борьбы с революцией). 6) Ликвидировать существующую аратскую власть и восстановить старый порядок, где высшие государственные должности занимают чиновники и гэгэны. 7) Прежде всего и раньше всего необходимо пригласить Панчен-Богдо и очистить страну. 8) Для успешного завершения вышеизложенного необходимо: а) связаться с китайцами безотносительно к местонахождению последних, б) привлечь к себе названных враждебных существующему строю чиновников и в) связаться с белыми монголами, русскими, китайцами и бурятами.

Авторами изложенных выше контрреволюционных положений и их распространителями среди населения являются: 1) Цыгантай-Самдан, 2) Занаин-Гомбо, 3) Агабуин Дамба, 4) гелун Шагдур, 5) Дамнин-Самдан, 6) Намжилун-Сультинодсор, 7) Нимаодсурун Лубсагай, 8) Цагин Тайчин Очир, 9) Тувану Еши, 10) Джидаин Джамьян хаб, 11) Гундэин Юндун, 12) Ванжилун Соночи, 13) Танаин Джамба, 14) Сосун Дамба, 15) Шибогарин-Дашиджамцо, 16) габджу Чимит, 17) Хайр Гелунин Джамба, 18) гелун Лудуб, 19) Гуллай-Субсан Цырен, 20) Раднаин Галсан, 21) Дзайсанин Лубсан, 22) Табхай гелун, 23) Дзумбухуин Намжил, 24) Танаин Ламоджа, 25) Лужигал габджи из Цаган-Обога.

2) Эти ламы Дархадского хурэна имеют связь с рядом монастырей, как монастыри в Наран-Джаргалант-хошуне, монастырь Даян-Дэрх и др., а также подозреваются в конспиративной связи с пограничными бурятами из СССР и главарями контрреволюционных элементов Танну-Тувы, как Ожин-Куя или Му-Ху, Сэрэтэрдзанги и Цаган-Нор сомона и др. Для примера возможности таковой связи приведем случай переселения двух зажиточных дворов (Балжинняма и др.) из Тувы в Монголию, которые перешли границу обеих стран в 10-х числах сентября нелегально через п/п Хани-Нируу, ибо не исключена возможность того, что их переселение носит политический характер.

3) Между тем, работа административных органов данного района находится в скверном положении. Вот факты. Работа по обложению военным налогом лишенных прав лиц призывного возраста не привела ни к какому положительному результату. Мало того, заведующий налоговым отделом Хибируя хошунуправления сообщил ламам содержание секретных мероприятий, и работу по обложению провел совместно с Духовным управлением. Отсюда получилось впечатление, что Ду-

ховное управление пользуется известными правами, и нужно полагать, что это принесло ламам немалую пользу.

4) Из среды вышеназванных лиц, ламы из Бурултай-хурэна в Дархаде Сосун Дамба имел ранее близкую связь с белыми русскими казаками; Шираб Бато, дархатец из того же хошуна, был проводником белой банды. Кроме того, они – Дамба и Бато, подозреваются в том, что они совместно с Александром с деревянной рукой, жительствующим в Хатхыле и Ханхе, скрывают снаряжение упомянутых белогвардейских отрядов. Отсюда несомненно то, что эти трое являются единомышленниками, верными заветам русской белогвардейщины.

Переход в черное состояние

За последнее время в связи с проводившимися собраниями, на которых представителями властей разъяснялось, что ламство, перешедшее, в светское состояние, имеет право получать из джасского имущества свою долю, стал наблюдаться частый переход ламства в светское состояние. Так, на днях в «Лам-хийде» (Илгусэн-гэгэн-хийд[7]) перешло в хару около 20 человек, в большинстве низшего звания и бедняки. Некоторые из них, не имевшие ранее никакого имущества, выходят просто из-за личных интересов – приобрести в собственность имущество из джас, что известно из разговоров вышедших лам. Эти ламы сразу же явились в сомонное управление и заявили о выделении им имущества из джасы. На собраниях было разъяснено, что ламы, имеющие ниже 20 бодо, при выходе из хийда получают по 8 хоби (налоговая единица), а имеющие ниже 60 хуби получают соответственно меньше, от трех до пяти-шести хуби и меньше. Также было разъяснено, что ламы, по выходе из хийдов в течение трех лет не будут отбывать военную службу. Видимо, указанные моменты заинтересовали лам, благодаря которых многие изъявляют желание перейти в черное состояние.

Из Илгусан-гэгэн-хийда, или как его принято в ламских кругах и простонародии называть «Лам-хийд», а также и из подчиненных ему по району небольших хийдов все время наблюдается переход ламства в светское состояние. Уходят большие и малые ламы. Свой уход они в большинстве своем объясняют тем, что в хийде стало жить плохо. Говорят, что в связи с передачей скота джас аратам, ламам существовать нечем. Идут разговоры о том, что раньше, чем весь скот разделят и пока еще дают выходящим ламам кое-какое имущество из джас, нужно превратиться в светского человека, а то потом и этого, пожалуй, не дадут, а возможно, даже не разрешат выйти из хийдов и заставят подыхать в хийдах без еды и покрова[8]. За последнее время вышли из среды больших лам добровольно Наваншарав «габджа», занимающий в прошлом пост настоятеля всего монастыря, Ширван-ямцо-габджу, Гэндэн-Самбу габджу и т. д.

Приблизительные сведения о количестве лам, перешедших в черное состояние, по 5 аймакам МНР за 1930 г.

№№ п/п	Наименование аймаков	Число переведен. в хара	Сколько из них получали хуби	Размер хуби	Примечания
1	Богдо-хан-ульск.	558	–	–	С начала джаской кампании 15 сентября
2	Хан-Хэнтей-ульск.	2588	–	–	На 15 сентября [19]30 г.
3	Цэцэрлэг-Мандал	920	80	820	Сведения о хуби только по Хан-Хугшин хошуну и на 15 августа [19]30 г.
4	Хан-Тайшир	1046	–	–	На 4 сентября [19]30 г.
5	Чандмань-ульск.	1339	–	–	На 1 июня [19]30 г. Упразднено монастырей 6.
6	Улан-Батор (Гандан, Дзун-хурэн)	529	414	271 881 540 т.	На 15 августа [19]30 г.

Итого: 6952

Примечание: Точных сведений с мест еще нет. Приведенные цифры, не отражают действительной картины перехода лам в черное состояние, могут служить лишь ориентировочными показателями, бегло характеризующими положение на местах к данному периоду. Соответствующая работа среди ламской бедноты с более или менее положительными результатами начата одновременно с договорной кампанией по джаскому скоту. До этого переход в черное состояние производился на местах, преимущественно путем административного нажима (в виде наказания за сношения с женщинами и т. д.)

Если означенные цифры взять за основу и попытаться определить процентное отношение, то примерно на 10,5 тыс. лам МНР, перешедшие в черное состояние, составляют 7%.

В отдельных районах переход в черное состояние дает более высокие %% показатели. Например, по Хан-Хэнтейскому аймаку из 21 124 лам перешло в черное состояние 2580 (12%).

По Улан-Батору имеется 1–2 десятка случаев возвращения в монастырь. Такие ламы привлекаются к уголовной ответственности за шантаж. Это объясняется в большинстве своем невнимательным отношением местных властей, не обращающих внимание на лам после механического перевода их в черное состояние.

Вышедшие частично вступают в колхозы (им разрешено) или работают на мойках и т. д., причем отмечается, что они ни от какой работы не отказываются. Многие стремятся учиться.

Нач. ИНО

Нач. VI отд.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 54–58. Машинописная копия.

№ 126
Записка советника Экономического совета МНР Е. А. Стулова о поездке в Ара-Хангайский аймак

25 июня 1932 г.
Совершенно секретно

Записка о поездке в Ара-Хангайский аймак

Будучи с 1 по 10 июня 1932 года вместе с правительственной комиссией в Цэцэрлэге, я поставил себе основной задачей изучение характера и причин восстания[1]. На основе имевшихся в моем распоряжении материалов, бесед с руководителями аймака, с советскими инструкторами, с отдельными рядовыми работниками и с арестованными повстанцами, прений на собрании партийной и ревсомольской организации Цэцэрлэга и на собрании территориального полка, в котором до нашего приезда восстало и дезертировало 70 цириков, я прихожу к тому выводу, что повстанческое движение является массовым аратским движением, организованным и возглавленным феодальной частью высшего ламства и светскими феодалами. При этом для меня совершенно очевидно, что первенствующую организаторскую роль в повстанческом движении играют высшие ламы, которым светские феодалы уступили потому, что у последних не имеется той силы, посредством которой они могли бы поднять арат на восстание. У желтых феодалов[2] сила имеется и этой силой (орудием) является религия, прикрывающая основную экономическую цель восстания – реставрацию феодализма.

Обострившиеся классовые взаимоотношения в стране, сокращающаяся экономическая мощь желтого и светского феодализма поставили перед последним критерий: или пытаться восстановить феодальный строй, или сдаться без боя. Феодалы выбрали, конечно, первое (ни один социальный строй без боя не сдается), использовав религиозный фанатизм широких слоев аратства, его недовольство проводимой партией политикой и его непонимание этой политики.

Просматривая списки арестованных повстанцев, можно с необычайной легкостью убедиться, что по количеству основная масса восставших состоит из бедняков и середняков. Это подтверждается и теми сводками, которые поступают от действующих отрядов МНКА[3]. Организаторами восстания являются, в первую очередь, высшие и средние (имея в виду сан «гелуна» благочинного) ламы, которые, как правило, отдельно от арат никогда не выступают. Основной метод контрреволюционной деятельности ламства – агитация, имеющая огромные успехи среди аратства и по своим размерам в десятки раз превосходящая агитационную работу партии и ревсомола.

В повстанческом движении кулачество[4], как социальная группа с какими-либо своими особыми интересами, не выступает. В числе арестованных имеются единицы кулаков (по прежнему механическому определению: х[озяйст]ва, имеющие свыше 100 хуби[5]), которые обвиняются в контрреволюционных действиях.

Чрезвычайно низкий уровень развития производительных сил страны и культурная отсталость, господство натурального способа производства и феодальных отношений (при известном развитии товарного хозяйства, что не противоречит

феодализму), – все это вместе взятое не создало предпосылок для более быстрого капиталистического развития в стране. Капиталистическая социальная группа находится в самом зачаточном состоянии. Кулачество не сформировалось как определенная социальная группа, не осознало своих интересов и не выступает организованно ни с той, ни с другой стороны. Таким образом, выходит, что происходящая в стране борьба есть борьба между феодализмом и народно-революционной властью, борьба за полную реставрацию феодальных отношений, безусловно, нарушенных в результате национально-демократической революции, имеющей в настоящем периоде задачу ликвидации феодализма. Но выполнение этой задачи наталкивается на большие препятствия, главным из которых является то, что в Монголии еще не создан более или менее устойчивый новый способ производства, могущий с большой решительностью противостоять феодальному способу производства. В этом последнем и заключается основная трудность борьбы против феодализма.

Содержание контрреволюционной агитации, лозунги повстанцев, показания отдельных феодалов и отдельные документы повстанческих отрядов со всей очевидностью говорят о том, что речь идет о реставрации феодализма. В моем распоряжении имеется приказ помощника вновь назначенного хошунного дзасака (управителя) одному сомону. В этом приказе совершенно откровенно заявляется о том, что задачей восстания является восстановление прежней ханской власти, что восстановлен хошун[6], как наиболее типичная феодальная административно-территориальная единица, что управителем хошуна назначен князь и что восстанавливаются отоки (крепостные административные единицы шабинского – монастырского ведомства). Все это, конечно, прикрывается религиозным мировоззрением и предсказанием Панчен-Богдо[7].

Восстание не подавлено еще до сих пор, даже в военно-оперативном отношении. Успехи военных отрядов МНКА не говорят еще о том, что повстанческие группы не будут создаваться вновь. Восстание может быть ликвидировано полностью только тогда, когда будут устранены основные его причины и когда аратство пойдет не за ламством, а за народно-революционной властью. Причиной того, что аратство идет за феодалом и, в первую очередь, за желтым феодалом, является, как я уже сказал, большое недовольство аратства проводимой политикой, непонимание им этой политики и проводимых мероприятий, которые рассматриваются аратством навязанными ему и ущемляющими его кровные интересы.

До политики партии, проводимой сверху, аратство не доросло; застойность способов и методов производственной деятельности самым отрицательным образом сказалось на создании внутри аратского хозяйства необходимых предпосылок для перехода его на более высокую ступень своего развития, на такую ступень, которая могла бы явиться базой политики некапиталистического строительства. Разрыв между экономикой страны и политикой партии и создал между аратством и властью противоречия, которые и являются истинной причиной восстания.

В начале 1930 г. было также восстание в Дербетском аймаке[8]. Это восстание относилось к периоду частичной конфискации светского феодализма. Тогда еще не были практически затронуты ни вопросы религии, ни хозяйственные интересы аратства. Восстание было подавлено легко, потому что тогда революционной вла-

сти пришлось иметь дело, главным образом, со светскими феодалами: все аратства к подавлению восстания отнеслись равнодушно. А когда последующие мероприятия партии и правительства затронули интересы аратства, относящиеся к религии, к хозяйству джасы, к собственному хозяйству и т. п., то недовольное аратство открыто выступило против революционной власти. Характер и причины этого восстания резко отличаются от того восстания, которое было в Дербетском аймаке.

В силу того, что борьба идет за реставрацию феодализма, это восстание является по своим целям контрреволюционным, но участие в борьбе против революционной власти широких аратских масс основано не на том, что трудящиеся араты сознательно хотят возвращения политического и экономического господства феодалов. Аратство, не понимающее существующую власть, говорящую на непонятном для арата языке партийной политики, оттолкнутое от власти политическими перегибами, усугубляется практикой работы местных организаций, недовольное этой властью и не могущее противостоять ей самостоятельно или выдвинуть какие-либо идеи, отличные от феодальных, в поисках выхода на сторону феодала и ламства, кровными узами идеологически и хозяйственно связанного со всем аратством и имеющего среди последнего огромное влияние, которому ни в коей мере не может противостоять влияние партии.

Ламство и феодалы считают, что их главный враг – партия. Поэтому главный удар они стремятся нанести партии. Характерен тот факт, что в упомянутом выше приказе повстанцев ни разу не говорится о государственной власти. В этом приказе сказано о борьбе против народной партии. Насколько мне известно, такой же мотив превалирует и в документах повстанцев из Косогольского аймака[9]. Не думаю, что это представление основано на понимании роли партии как авангарда в революционном движении; наоборот, я уверен, что это представление основано исключительно на фактическом положении дел на местах, где не только среди аратства, но и даже среди партийной организации считается, что партия и государство [это] одно и то же и где работа госорганов подменяется почти полностью партийными организациями. Население видит во всем партию, а не власть, и это нужно учесть в дальнейшей работе.

Если действия аратства, в конечном итоге, объективно являются контрреволюционными (реставрация феодализма), то причины, толкнувшие его к полному союзу с феодалами, вполне понятны для каждого думающего человека. Общее положение дел в аймаке, невероятные перегибы в области политики и хозяйства, отсутствие массовой работы среди аратства, полный произвол над последними со стороны революционных «тушимилов», – все это вместе взятое не могло не оттолкнуть аратов от партии.

Аймачное партийное руководство не понимает того, что происходит в аймаке. Когда секретарь партийного комитета докладывал правительственной комиссии о положении дел в аймаке, то он объяснял восстание механически, говоря, что вспыхнувшее восстание в Косогольском аймаке перешло в Архангайский аймак, что главной причиной восстания является пункт 9-й договора о выпасе джаского скота (по этому пункту джасы имеют право брать скот обратно, а колхозники не разрешали этого), что повстанческое движение есть лишь контрреволюционное движение ламства, что араты идут против власти под угрозой контрреволюцион-

ных элементов, что общее настроение аратства удовлетворительное, что партийцы пошли в повстанческие отряды недобровольно и что их насильно заставили с оружием в руках идти против народной власти, что с товароснабжением аймака дело вообще обстоит сносно и не хватает лишь некоторых товаров. Такое суждение аймачного партийного руководства имеет место только потому, что это руководство не знает дел в аймаке и пытается все представить в лучшем виде, а может быть и потому, что хочет умышленно скрыть действительные причины восстания.

Среди партийной организации существует полное непонимание роли партии и правительства. В представлении всей партийной организации партия и государство – это одно и то же. В силу этого представления члены партии ведут себя вызывающе, не считаясь ни с законами, ни с местными органами власти и думают так, что если человек имеет партийный билет, то он может делать все, независимо от того, входит в его компетенцию то или иное дело, или не входит, находится он на государственной службе, или не находится, имеет он на это право, или нет.

За последнее время особенно сильно практиковались аресты, причем большинство этих арестов были произведены явно незаконно, арестовывали всех по подозрению, и правительственной комиссии пришлось отпустить многих лиц, арестованных таким образом, так как никаких оснований для осуждения этих лиц, не говоря уже об основании для ареста, не имелось. Для примера могу привести следующие два весьма характерных случая незаконных арестов. Один лама собрал котомку и хотел куда-то идти; его арестовали, подозревая в том, что он собирался идти в худон для проведения контрреволюционной пропаганды, причем основанием для этого подозрения послужило то, что лама взял котомку, хотя в этой котомке ничего предосудительного и не было. Один арат вечером погнал в горы скот; его арестовали, подозревая в том, что хотел перейти к повстанцам, основанием к этому подозрению послужило то, что он гнал скот, хотя этот арат и доказывал, что он гнал скот для пастьбы на места, более обильные травой.

Наибольшее количество арестов является[10] в результате обвинения в контрреволюционной агитации, содержание которой весьма однообразно. За последнее время, главным образом, имеют место разговоры о количестве повстанческих отрядов, об успехах и поражениях той или другой стороны, о приходе Пачен-Богдо и т. д. и т. п. Насколько мне удалось выяснить из бесед с отдельными лицами и с арестованными по подозрению в подобных действиях, дело происходило так. Арат едет в гости; в гостях или в дороге при встречах начинаются разговоры и один другому рассказывает, с кем виделся, что он слыхал, что говорят араты. Находятся весьма ретивые люди, которые обо всех этих разговорах доносят, и в результате лица, ведущие эти разговоры, арестовываются отдельными работниками, не имеющими на то никакого права. Я думаю, что в настоящее время почти все аратство занимается подобными разговорами, и ничего удивительного в этом нет. Неграмотное аратство, не знающее, что делает партия и правительство, не могущее услышать правдивого слова от партийной организации, оно питается только слухами и является само разносителем этих слухов. Массовые необоснованные аресты, о которых я сказал, принимают в настоящее время безобразнейшие формы и, безусловно, восстанавливают аратство против народной власти.

Правительственная комиссия[11] обсуждала этот вопрос, и пред. правительства подписал приказ о прекращении подобных безобразий и о производстве арестов только органами ГВО.

Непонимание членами партийной организации революционной законности и рассматривание себя выше всех законов характеризуется следующим фактом. Когда отправляли 14 чел. в сомоны, с которыми прервалась связь, пред. правительства дал им наказ; говоря о безобразиях, имеющихся в аймаках, он заявил, что члены партии не подчиняются законам. Искривляющие политику правительства, издевающиеся над аратами должны исключаться из партии и предаваться суду. Тогда один из командируемых встает и говорит: «Как это можно, чтобы члены партии были отданы под суд?».

По признанию самого партийного руководства массовая работа среди аратства была поставлена чрезвычайно слабо, и сомонные ячейки работают неудовлетворительно. На собрании Цэцэрлэгской партийной организации, работа последней также признана неудовлетворительной. Я думаю, что это сказано слабо; по-моему, партийной организации, как таковой не существовало. Партийная аймачная организация количественно большая и аймачный партийный комитет не справляется не только с работой среди аратства, но и с работой среди этой партийной организации. Партийные ячейки не понимают, что им надо делать, не понимают своей роли и обязанности. В организацию набралось много лиц, не знающих, что такое партия и ничего общего не имеющих с партией. Рост партийной организации происходит стихийно. В международный день 8 марта в самом Цэцэрлэге производилась вербовка в партию следующим образом: ходили по учреждениям и записывали всех желающих вступить в партию (монгол и русских). Все записавшиеся были приняты в партию. Не мудрено поэтому, что много членов партии являются активными участниками повстанческого движения. Результатом подобного рода роста партии является то, что в партии набралось много неподготовленных людей, что большинство членов партии не понимают своих партийных обязанностей, что партийная дисциплина слабая. Партийную дисциплину и обязанность бороться за идею партии не понимают не только ее рядовые члены партии, но и даже ответственные работники. Когда посылали людей в сомоны, то заместитель председателя аймачной контрольной комиссии и младший колхозный инструктор отказались поехать в сомон, мотивируя свой отказ тем, что они боятся повстанцев и что не хотят жертвовать своей жизнью. Заместитель председателя контрольной комиссии был исключен из членов партии под давлением правительственной комиссии во время нашего пребывания в Цэцэрлэге, а дело младшего колхозного инструктора разбирается в контрольной комиссии.

Метод проведения работы среди аратства в порядке многочисленных кампаний необходимо изменить. Местные партийные организации не в силах поднять эту работу, не понимают этого дела, и в результате получается дискредитация намечаемых мероприятий. В прошлом году проводилось сразу восемь кампаний, а какие кампании, какие задачи они ставят, что надо делать при проведении кампании, огромное большинство партийной организации всего этого не понимало. Я задавал вопрос отдельным ответственным работникам по поводу этих кампаний и просил их хотя бы просто назвать каждую кампанию. Эти люди отвечали мне, называли

2–3 кампании, а что касается остальных, то они даже не знают, как эти кампании называются.

Сомонный государственный аппарат очень слаб. В Архангайском аймаке имеется 35 сомонов. Председатели сомонных управлений все партийные; половина из них избрана на сомонных хуралах, половина работает по назначению аймачного управления (фактически по назначению аймачного партийного комитета); 10 сомонных председателей малограмотны; женщин – 7, мужчин – 28. По работоспособности председатель аймачного управления их разбивает так: 1-я категория (работающая удовлетворительно) – восемь человек, 2-я категория (работающая слабо) – 11 челов. и 3-я категория (работающая плохо) – 14 человек; о деятельности двух пред. сомонных управлений вообще ничего неизвестно и охарактеризовать их работоспособность председатель аймачного управления не сумел.

По имущественному положению председатели сомонных управлений делятся следующим образом:

Не имеющих имущества	–	3
Имеющих до 10 хуби	–	10
"–" от 10 до 20 хуби	–	5
"–" от 20 до 30 хуби	–	10
"–" от 30 до 40 хуби	–	2
"–" от 50 до 60 хуби	–	1
с неизвестным имуществ[енным] пол[ожением]	–	4

Прежде всего бросается в глаза, что все председатели сомонных управлений – партийные, беспартийные работники к власти не допускаются. Естественно поэтому, что широкие слои аратства не могут считать эту власть своей. Кроме того, в составе председателей сомонных управлений почти нет середняков (имеющих от 20 до 30 хуби – это, по существу, беднота). Весьма характерным является мой разговор на эту тему с председателем аймачного управления. Когда он перечислял мне всех сомонных дарг, то, дойдя до человека, имеющего 60 хуби, он как-то замялся и извиняющимся тоном заявил, что вот, дескать, у них имеется один зажиточный дарга. Он думал, что я выскажу неодобрение и был чрезвычайно удивлен, когда я сказал: «плохо то, что нет середняков в качестве сомонных дарг».

Из всего перечисленного можно сделать очень печальный вывод: партия, которая могла бы понять и справиться с теми задачами, которые на нее возлагаются, не существует; имеется небольшой актив, который может работать, но мозги которого изуродованы неправильной политикой центра. Не только аратство, но и партийная организация не понимает идей, которые проповедовались за последние 2–3 года. Партия не имеет влияния аратства. Государственный аппарат чрезвычайно слаб и не представляет аратство.

Считаю небезынтересным привести некоторые выступления на партийном собрании и на собрании в полку, касающиеся затронутых выше вопросов.

Из выступлений на полковом собрании

1. Один арат поспорил с партийцем и не хотел уступить последнему, тогда партиец вытащил свой билет в целях угрозы; арат ему ответил: «Съешь свой билет» (в том смысле, что я тебя не боюсь). За такой поступок арат был арестован.

2. Ошибки на местах допускаются членами партии, араты в этом не виноваты.

3. Айком не принимает мер к загибщикам.

4. Партийная ячейка Чулуута[12] оторвалась от аратской массы.

5. Когда из полка послали поймать дезертиров, то приехавши к одному дезертиру и не нашедши дезертира, связали его жену и отобрали быков и юрту, пролили молоко, закололи барана.

6. На местах делают загибы в административном порядке, проводят работу, заставляют силой убирать бурханы.

7. Партийная организация не ведет работы, не разъясняет арату, что надо делать, когда человек «упадет в яму», тогда ему об этом говорят.

8. На местах с законом не считаются, не придают значения законам.

9. Работа в худоне плохая.

10. Восстание есть результат ошибок айкома и аймачного управления. Они своевременно не видели, что делается в аймаке.

Из выступлений на партийном собрании

1. Айком не мобилизовал вокруг происходящих событий мнение партийной массы.

2. Айком никакой работы не проводит и конкретных заданий не дает. Я сам ездил в худон для проведения восьми кампаний. Когда ехал туда, в айкоме сказали – надо улучшить работу, а как ее улучшить, что сделать, об этом не сказали ничего, я сам тоже ничего не знаю.

3. Айком слабо руководит ячейками, никакой работы на местах нет.

4. Ячейка на местах работы не ведет. Секретари ячеек и члены партии принимают активное участие в восстании.

5. В аймачном центре во всех организациях происходят разногласия и группировки, работники грубо обращаются с аратами.

6. Хотя мы любим много говорить, но практическую работу проводим слабо.

7. Араты говорят, что в магазины приходят товары, но они разбираются отдельными работниками, а аратам остаются плохие товары.

8. Когда мы подъехали с отрядом к Тарятам[13] для подавления восстания, то секретарь айкома Гончигдорж ехал навстречу на машине и сообщил нам, что контрреволюционеров 1500 человек, и пугал нас; он убежал оттуда.

9. Рабочие, строящие мост, голодают и никто к ним до сих пор не поехал.

10. В колхозы приезжают агитаторы, но они ничего не делают, едят мясо, пьют чай и едут обратно, иногда устраивают собрания и пишут красноречивые резолюции.

11. На места посылаются люди, которые не могут сделать доклада и даже прочитать написанную инструкцию.

12. Если партийцы уходят к повстанцам, то арату ничего уже не остается делать.

13. В боях под Арын-Хурэ[14] секретарь айкома Гончигдорж находился позади всех, и когда ему говорили, что надо стрелять и наступать, он не хотел этого.

14. При проведении налоговой кампании никаких разъяснений аратам не давалось.

В связи с вопросом о государственном аппарате необходимо поставить вопрос о конно-уртонной службе[15]. Эта служба продолжает являться одним из больших остатков феодализма и ложится большим бременем на трудовое аратство. Помимо постоянных конно-уртонных линий в худоне имеется еще, так называемая «ургаула»[16], заключающаяся в том, что, когда едущий по делам и по безделью, но имеющий бумажку с печатью, имеет право зайти в любую юрту и потребовать себе лошадь и проводника; при этом хозяин юрты обязан его еще и накормить[17]. Проехав на полученной таким образом лошади известное расстояние, командированный отсылает взятую лошадь обратно и заходит в другую юрту и получает следующую лошадь и действует таким образом на всем протяжении своего пути. В настоящее время в Архангайском аймаке уртонная служба обслуживает исключительно военные надобности, но необходимо подумать о том, чтобы это дело привести в какой-то порядок. Я думаю, что вопрос о конно-уртонной службе необходимо разрешить следующим образом: отменить навсегда «ургу-улу», запретив пользование ею под страхом уголовного наказания. Конские уртонные линии необходимо организовать так: население, имеющее определенное количество лошадей, обязано давать таковых для конно-уртонной службы, но за это дело надо платить и платить не так, как это практикуется в настоящее время (от 50 мунгу до 1 тгр. в день хозяину, независимо от того, сколько он приведет лошадей). Проезд по конно-уртонным линиям должен быть платным, исключение должно предоставляться только лицам, командируемым аймачным и сомонным управлениями по государственным делам, и лицам, нуждающимся в проезде по военным делам.

Безобразнейшие перегибы и невероятнейшее головотяпство появилось в аймаке, в первую очередь, в отношении религии и монастырского хозяйства. Была взята ставка на ликвидацию монастыря. Основным лозунгом партийных головотяпов служило: долой религию, долой монастырь. Под этим лозунгом проводилась вся работа. В прошлом году из монастырей было выведено в черное состояние[18] 4000 человек, в числе которых находилось много высших лам. Этим достижением аймачное руководство хвалилось везде и всюду. На докладе правительственной комиссии секретарь айкома заявил, что никакого нажима на ламство не было, а когда мы копнули поглубже, то обнаружилось, что административный нажим в вопросе выхода лам в черное состояние являлся главным методом работы партийной организации. В населенных пунктах при девяти монастырях были созданы антирелигиозные комиссии, которые занимались этими художествами. Правительственная комиссия распустила антирелигиозные комиссии. Заскоки партийных руководителей доходили до того, что они заведомо ложно ссылались на требования аратства в отношении борьбы с религией. Когда мы приехали в Цэцэрлэг, то председатель Тарятинского ревкома Дорж, сообщил, что араты требуют сожжения монастыря. Мы не поверили этому, и комиссия запретила ему жечь монастырь. Монастырь все-таки был сожжен и, как я выяснил по приезде уже в Улан-Батор, санкцию на сожжение монастыря дал председатель правительства, скрыв это от всей комиссии.

Аймачное руководство считает, что монастырь, как социальная сила – един, что расслоения в монастыре нет, и что все ламство является контрреволюционным. Когда секретарю айкома был поставлен в упор вопрос, после вышеизложенных его определений о контрреволюционных силах в монастыре, то он ответил, что он о контрреволюционном ламстве судит по сану. Это определение является также неправильным.

Среди лам, вышедших в черное состояние, никакой работы не проводилось, они даже игнорировались и всячески притеснялись. В одном колхозе был случай, когда бывшему ламе, члену колхоза, при распределении продукции было отказано в причитающейся ему доле только потому, что он бывший лама.

В целом ряде сомонов в прошлом году Монценкоп закупил у джас в кредит скот, обещая монастырям заплатить за них государственные налоги, доли ламам, вышедшим в черное состояние и плату колхозам за выпас джасовского скота. Обещаний своих Монценкоп не сдержал и когда под нажимом Министерства финансов перед аймачным руководством был поставлен вопрос о том, что в казну должны поступить причитающиеся с джас налоги, то местный партийный комитет постановил взыскать с тех же джас налог деньгами. Джасы налог выплатили, но в конечном итоге получилось, что они были обложены налогом в двойном размере. Что же касается выплаты колхозам за выпас джасовского скота или выдачи ламам, вышедшим в черное состояние, причитающейся им доли, то Монценкоп до сих пор об этом не думает и отвечает, что к нему по этим вопросам никто не обращался. Таким образом, получается, что в этой части были нарушены существующие законы, что не могли не использовать ламы, проводя контрреволюционную агитацию; кроме того, монастырь на этом деле выиграл политически, он столкнул интересы лам, вышедших в черное состояние с интересами Монценкопа, интересы колхозов также с интересами Монценкопа и противопоставил Монценкоп государству в отношении налогов. Поскольку Монценкоп своих обязательств не выполнил, то ламы, конечно, использовали этот перегиб в своих целях, доказывая, что они перед государством чисты и что, если колхоз ничего не получает за выпас джаского скота, то в этом виноват Монценкоп. В настоящее время только по сомонам Сант, Шанх и Лун задолженность Монценкопа джасам по указанной операции составляет около 6000 тугр.

Определение размера джасовского налога в прошлом году было произведено механически: по указанию центра был взят доход джас 1920 г., с этого дохода скинули 10% и в результате был получен какой-то абстрактный доход, которым, якобы, располагает монастырь. С этого дохода и взыскивался налог, независимо от того, имеет монастырь облагаемое имущество или не имеет.

Джасовский скот, полученный на выпас, колхозы считают конфискованным и игнорируют все права, которые имеет монастырь по договору. Требуя с монастыря плату за выпас джасовского скота, колхозы причитающуюся по договору продукцию скота джасам не дают, что также вызывает большое недовольство ламства, доказывающего аратам, что это мероприятие направлено против религии.

Партийные ячейки санкционировали решение некоторых колхозов о проедании джасовского скота; убиваемый скот для внутреннего потребления брали исключительно из джасовского стада.

По сообщению управляющего конторой Монголтранса, в прошлом году контора наняла 500 подвод у лам для перевозки грузов, но когда сомонное управление, где были законтрактованы подводы, узнало об этом, то оно отказалось зарегистрировать контрактационные договора по тем соображениям, что подводы принадлежат ламам, хотя им доказывали, что эти подводы ламы взяли из своих худонских аратских хозяйств.

Имеются случаи, когда по инициативе партийных ячеек плата за выпас джасовского скота для колхозов взималась не с джасы, как с монастырского хозяйства, а с отдельных лам монастыря по равномерной раскладке. Неимущие ламы вынуждены были эту плату внести в счет своего аратского хозяйства, находящегося в худоне. В некоторых местах джасовский налог взимался также не с джасы, а с худонских хозяйств ламских родственников. Доли ламам, переходящим в черное состояние, по некоторым монастырям брались также не с джасы, а со всех лам по раскладке. В результате ламы, озлобленные подобными действиями, при возвращении обратно в монастырь лам, ранее перешедших в черное состояние, избивали последних за то, что они получили свою долю лично с них.

Военный налог с лам некоторых монастырей определяли не по имущественному положению ламы, а по доходности его худонского хозяйства. Перечисленных фактов достаточно, чтобы убедиться в том безобразном отношении, которое было проявлено в части монастырского хозяйства и религии. Искривления в области налогов упирались непременно в аратское хозяйство, из которого вышли ламы. Если даже аратское хозяйство ламы и было освобождено от единого аратского налога, то оно все-таки вынуждено было платить налог за члена своей семьи, находящегося в монастыре. Это, конечно, не могло не порождать враждебного отношения со стороны арат к действиям органов власти.

Подобные художества, по устным заявлениям отдельных работников, имеют повсеместное распространение в аймаке, во всяком случае мною они документально установлены по следующим сомонам: Цэцэрлэг, Джаргалант, Сант, Шанх, Лун, Бурд, Идэр-Мандал, Угий-нур, Хашат.

В прошлом году по единому аратскому налогу был обложен скот-молодняк, не подлежащий по закону обложению, в результате получился перебор в размере около 50 000, впоследствии возвращаемый обратно; по документам я установил, что перебор в сомонное управление возвращен, а получили ли обратно незаконно взысканный налог араты, об этом никто не мог сказать. Я думаю, что араты этого перебора обратно не получили.

При проведении прошлогодней избирательной кампании имели место случаи незаконного лишения избирательных прав. Лишились избирательных прав лица, находящиеся под следствием по самым мелким делам (например, кража аргала[19]) и даже исключенные члены партии, независимо от их социального и имущественного положения.

29 мая в территориальном полку, расположенном в восьми км от Цэцэрлэга, восстало и дезертировало 70 цириков. Восстание произошло в день расстрела 28 человек, осужденных местным Советом обороны за контрреволюционную деятельность. По сообщению местных работников, восставшие имели связь с осужденными.

Полк сформирован был 1,5 месяца тому назад из арат Архангайского аймака. Восстание в полку, безусловно, является отражением настроения недовольного аратства. За прошедшие 1,5 месяца должной воспитательной работы с цириками не проводилось, командный и политический состав оказался не на высоте своего положения и в самый критический момент самым постыдным образом струсил. Как выяснилось на полковом собрании, о восстании было известно за три дня. Комсостав никаких решительных мер не принял к предупреждению восстания. В день восстания повстанцы около часа собирали народ и уговаривались бежать. Командный и политический состав об этом знал и вместо того, чтобы остаться в полку и прекратить сборы, он сбежал в Цэцэрлэг.

Когда мы приехали в Цэцэрлэг, то нам вывели навстречу оставшуюся часть полка – уже обезоруженную. Настроение чувствовалось натянутое, недоброжелательное. На выступления членов комиссии полк реагировал весьма слабо. Когда мы приехали в полк, а это было в 21 час. ночи, в день приезда, мы увидели там весьма странную картину: никто не спал, цирики были разбросаны по лагерю группами, расходились вокруг лагеря одиночками. При входе в палатки очень мало цириков вставало, несмотря на то, что они знали, что обход совершает председатель правительства и член реввоенсовета. На вопросы отвечали неохотно. Обезоружили полк до нашего приезда, но произвели это чрезвычайно беспечно, забрали винтовки, сложили их в юрту и оставили на территории полка под охраной тех же цириков.

По докладам командного и политического состава и особенно в результате полкового собрания мы установили, что командный и политический состав был оторван от массы цириков, жизнью цириков не интересовался и должной работы не проводил, что причины недовольства цириков те же, что и по всему аймаку. Это вполне понятно, так как данные цирики есть вчерашние араты и в своих выступлениях на полковом собрании они главным образом говорили о местных аратских делах. Политработа в полку поставлена плохо. В то же время военными товарищами из комиссии было обнаружено, что со стороны ламства была произведена ничем не скрытая попытка вести агитационную работу в полку. Недалеко от лагеря расположилось несколько юрт, в которых проживали ламы (установить точно их личность не удалось), к которым ходили цирики. Один лама организовал парикмахерскую и цирики ходили туда бриться. Ясно, что это предприятие было прикрытием той агитационной работы, которую владельцы этих юрт проводили среди цириков. Командный и политический состав об этом даже не знал. За время нашего присутствия в Цэцэрлэге было поймано 29 повстанцев, дезертировавших 29 мая. Главари пойманы не были. Большинство из пойманных заявляют, что когда в лагере стало шумно, когда стали цирики собираться и начали бежать, то и они побежали и потом решили поехать по домам. Характерным явлением в этих показаниях то, что цирики не видят за собой никакой вины и считают это дело нормальным. В показаниях одного цирика говорится: «Раз меня вызвал командир взвода и сказал, что из 700 человек, поехавших на запад для борьбы с повстанцами, вернулся только один на семи лошадях; раз вечером стали в полку читать газету и говорили, что нам нужно будет скоро ехать с аэропланами, танками и пулеметами, я подумал, что если из 700 человек вернулся один, то и мы можем погибнуть, а потому решил бежать».

Зная, что повстанцы – это араты, цирики не хотят идти против них, так как разделяют вместе с аратством общее недовольство политикой, а многие не понимают этой политики, не доросли до нее.

Считаю также небезынтересным привести некоторые вопросы и выступления на полковом собрании.

Вопросы

1) Вы говорите, что правительство вырвет аратство из-под влияния контрреволюционных сил; какое аратство имеется в виду, участвующее в восстании или все аратство?

2) Будет ли меняться политика в СССР, в МНР и в Танну-Туве?

3) В газетах имеются искривления политики, будут ли они исправлены?

4) Есть ли государство, где нет революционного движения?

5) Вы говорите о разных государствах, а как Вы узнали, что там делается?

6) Есть ли революционная армия в других странах?

7) На какое время нас сюда созвали?

8) Зачем понадобилась Маньчжурия для Японии и как Япония Маньчжурию забрала – завоевала или нет?

9) Территориальный сбор[20] имеется во всей Монголии, или только в Архангайском аймаке?

10) Сколько в мире революционных стран и сколько партийных ячеек?

11) Выполнит ли СССР пятилетку в четыре года?

12) Какой национальности японцы – русской или китайской?

13) Вы говорите, что Лига Наций обманывала, а как узнали Вы об этом? Если она обманывала, то какие меры приняты?

14) Цирики дезертируют каждый год, почему в этом году дезертиров очень много и почему дезертиров так сильно наказывают?

15) Вы говорите, что Панчен-Богдо скоро не будет (в докладе, по-видимому говорилось о том, что аратство выйдет из-под влияния религии; точно не знаю в чем дело), как Вы об этом узнали и по какой причине не будет?

16) В каком состоянии находятся наши семьи в Тариатах? Некоторые говорят, что ничего, но иногда мы слышим, что плохо.

Выступления

1) Когда отправляли нас в полк, то заставляли ехать на своих лошадях, несмотря на то, есть лошадь или нет.

2) Медицинская помощь в полку плохая.

3) Политработники в полку слабые и работа находится в беспорядке.

4) Не знаю, где находится наше личное имущество, седла и лошади (согласно существующему закону араты прибывают на своих лошадях, со своими седлами, кроме тех бедняков-арат, которые освобождаются [от] этого), думаю, что растеряно. Если имущество нам потребуется, как тогда быть?

5) Караульная служба в полку слабая.

6) Отношение к нам при призыве было плохое. Сомонные работники подходили так: забирай всех, а если ты больной, то привязать и увезти. Хотел при призыве на один час заехать домой, не дали.

7) В хозяйственной команде беспорядки.

8) На занятии по физкультуре командир сказал: если вы хотите быть сторонниками повстанцев, то занимайтесь хорошо. Я не понимаю, в чем тут дело?

9) Командиры 29 мая растерялись. Дежурный снял посты. Командир взвода спал и спросонья что-то бормотал вместо команды.

10) Один партиец говорил так: ох-ты, Ширабазар, хочешь быть большим человеком, хочешь, чтобы человек человека убивал?

11) Призыв был проведен без подготовительной работы.

12) Заведующий оружием полка не знал, сколько винтовок есть в полку, как они хранятся и кому выданы.

13) Обмундированию не имеется учета.

14) Связь между командирами и цириками плохая, командиры не знают своих цириков и дают противоречивые показания.

15) Я несколько раз подавал рапорт о свидании со своей женой, которая приехала в Цэцэрлэг, я ее видел на митинге, и она меня видела только издалека. Мне не разрешили свидание, я считаю это неправильным. Что подумает обо мне эта некультурная женщина?

16) Комсостав не в курсе дела, что он думал 29 мая?

17) О подготовке к побегу было известно за три дня. Комсостав не только проглядел, но и проспал.

18) В эскадроне связи опять начинают выявляться чуждые настроения.

19) Один вернувшийся дезертир говорил, что он хорошо дома чай попил.

20) В полку нет режима, есть неисполнение приказания и неуважение к командиру.

21) Когда мы шли строем, то командир, увидев летевший аэроплан, сказал: вот летят японские аэропланы. Мы испугались.

22) Как-то разговаривали о Панчен-богдо. Один цирик спросил, какой это Панчен-богдо, ему командир отвечает, это наш Панчен-богдо, Улан-Баторский.

23) Командир эскадрона связи получил 29 мая, когда стали собираться дезертиры, приказ идти в полк, он не пошел и остался спать в штабе.

24) Вначале говорили, что пять или шесть лам подняли восстание, а оказалось, что восстало два или три сомона, а это от нас скрывали.

В результате проведенной комиссией работы настроение в полку немного поднялось, но считать полк надежным, могущим пойти в бой ни в коем случае нельзя. Цирики не хотят воевать, особенно против повстанцев; они всячески хотят освободиться от военной службы.

Мне рассказывал врач Юдин следующее: «Через врачебную комиссию при призыве прошло 838 человек и все они заявляли о том, что у них масса болезней. В моей практике не было ни одного случая, когда бы призываемый арат сказал, что он здоров; придумывают разные несуществующие болезни и стоит кого-нибудь освободить по определенной болезни, так назавтра является масса народа и говорят, что у них такая же болезнь. Если освободишь ввиду наличия грыжи, завтра все идут с грыжами, если же освободишь в силу плохого зрения, все приходят и заявляют, что у них больные глаза. Подметив это массовое явление, я освобождал по определенной действительной болезни, но называл цирику болезнь другую, и назавтра имел ряд за-

явлений о том, что у них такая же болезнь, на самом деле несуществующая. Это является характерным для текущего года. В 1920 году был также призыв, причем тогда явилось около 170 человек добровольцев и заявлений о болезни было очень мало».

Таким образом, прорыв в полку есть общий прорыв, который имеет Монголия по всей стране в результате неправильной политики.

С товароснабжением Архангайского аймака дело обстояло в прошлом году и обстоит сейчас плохо. В прошлом году план завоза наиболее важных товаров по Монценкопу не был выполнен, о чем говорят следующие данные в %% выполнения.

Чай	–	39%
Сахар	–	70%
Дунза	–	67%
Далемба	–	64%
Мука	–	70%
Пшено	–	42%

Большой недозавоз товаров прошлом году самым отрицательным образом отразился на снабжении населения и является одной из причин большого недовольства населения.

В первом полугодии текущего года положение ухудшилось. По плану 1-го и 2-го квартала должно быть завезено Монценкопом товаров на сумму 2 072 000 тугриков (из них на первый квартал падает 1 008 000 т.); за первые 4 месяца текущего года товаров завезено лишь 294 000 вместо 1 300 000, предусмотренных планом (средний расчет на четыре месяца). Таким образом, план выполнен на 22%. Монценкоп при этом не знает, сколько ему отгружено товаров с перевалки и находится в пути.

В связи с восстанием было разграблено 15 первичных кооперативов. В некоторых местах разграбленные товары частично начали собирать, но это не спасет положения. Из остальных 20 кооперативов, в 14 – товаров широкого потребления нет, а в шести – имеется в весьма ограниченном количестве.

По Стормонгу дело обстоит несколько лучше, но также товаров далеко не хватает для удовлетворения самого минимального спроса населения. За первые четыре месяца текущего года Стормонг так выполнил план реализации своих товаров (в зависимости от наличия их).

Мука	–	51%
Чай	–	56%
Пшено	–	49%
Далемба	–	46%
Сахар	–	90%

Работник правления Стормонга Бучихин рассказывает следующее: когда он прибыл в одну из палаток, то обнаружил вокруг нее около 20 монгол, которые сидели там несколько дней и не хотели уходить потому, что были голодны и требовали товаров. Они заявляли категорически что не уйдут до тех пор, пока им товаров не дадут. Он был вынужден выдать товары из забронированных для мясозаготовок.

Установленная броня товаров для мясозаготовок вызывает огромное недовольство среди населения. Получается, что если арат пригнал скот для продажи, то он получает товары, а если арат не имеет этого скота, то он не получает необходимых товаров. Бронирование товаров, вызывающее политическое осложнение, необходимо немедленно отменить. Так мы и поставили вопрос перед торгующими организациями аймака.

С выполнением плана отгруза товаров для Стормонга дело обстоит плохо, о чем говорят следующие цифры:

	План отгрузок	Выполнение
Далемба	493 кипы	30 кип
Мука	647 тонн	150 тонн
Пшено	130 –"–	5 –"–
Сахар	81 –"–	6 –"–
Дунза	307 ящ[иков]	46 ящ[иков]
Папиросы и табачные изделия	652 ящ[иков]	13 –"–
Спички	167 –"–	–
Чай	3710 мест	570 мест

На почве большого недостатка товаров в аймаке распространяется большая агитация, основным содержанием которой является: были китайцы – был товар, прогнали китайцев – товаров нет. Китайцы пользуются создавшимся положением на рынке и, в зависимости от наличия у них товаров, занимаются спекуляцией и собранием старых долгов с населения.

Как характерный факт могу сообщить следующее: у Монголтранса на постройке мостов и ремонте дорог работают ламы; происходит большая задержка в выдаче заработной платы, но они вообще отказываются от денег и требуют продукты. Когда им обещали дать чаю, то они ответили: мы вашего чая не возьмем, так как это не чай, а аргал.

В силу недостатков товаров Стормонг и Монценкоп установили пайки для населения; в частности, они выдают лишь по одному кирпичу чая, что вызывает большие нарекания со стороны населения.

На 1 июня Монценкопом заготовлено крупного рогатого скота 6% от всего плана, а мелкого около – 10%, заготовленный скот к границе не подгоняется и по пяти повстанческим сомонам находится неизвестно где.

По Стормонгу со скотозаготовками обстоит лучше: по крупному скоту заготовлено 25%, а по мелкому – 62% от квартального плана.

По ряду сомонов первичками Монценкопа скотозаготовки производятся принудительным порядком.

По заявлению конторы Стормонг в сомонах Бурд, Лун и Хашат на каждую сорокодворку[21] дана разверстка по определенному количеству баран и крупного рогатого скота, причем эта разверстка не носит характера планового задания, а рассматривается как приказ, который нужно выполнить во что бы то ни стало. Комиссия, узнав эти факты, дала распоряжение об отмене всяких принудительных скотозаготовок и о привлечении к уголовной ответственности виновных лиц.

Задолженность Монценкопа по заготовкам, включая и долг [прошлого] года, исчисляется, примерно, в сумме 200 000 тгр., но Монценкоп <…> или [точно] не знает, по каким сомонам и в каких размерах исчисляется его [долг]. Авторитет Монценкопа среди населения подорван полностью. Стормонг пользуется некоторым авторитетом, но и этот авторитет находится под опасностью в связи со слабым поступлением товаров.

В аймаке насчитывается 50 артелей и 22 товарищества, а всего 72 колхоза; по ним считается коллективизированными 6444 хозяйства, из которых до 20 хуби – 2603, от 20 до 100 хуби – 3322, свыше 100 – 519.

В связи с повстанческим движением ликвидировалось 20 колхозов; часть из них была разгромлена повстанцами, часть принимала активное участие в повстанческом движении и с оружием в руках боролась против народной власти. Для примера можно назвать Тариатинскую артель, которая явилась самым активным участником в повстанческом движении. По прочим колхозам очень много колхозников также участвовало в повстанческом движении. Руководящий состав колхоза засорен; председателями ряда колхозов были феодалы, например, в Идэр-Мандальском, Мурэнском, Хашатинском и других сомонах. В Угий-нурском колхозе был такой случай: когда председателя колхоза – феодала сменили по распоряжению аймачного уполномоченного Колхозцентра[22], то явилась делегация с просьбой восстановить смененного феодала в должности председателя колхоза.

Во всей работе по колхозному строительству преобладал метод погони за количеством. Хозяйственные дела в колхозах находятся в самом печальном положении, расходы не отвечают доходам, практикуется выдача жалованья, колхозники, получая известный доход от извозного промысла, не вносят ничего в обобществленный фонд, требуют оплаты труда немедленно после окончания каждой данной работы, уравниловка в отношении заработной платы существует по всей работе колхозов; к выполнению заданий по перевозке грузов колхозы относятся весьма хладнокровно и недобросовестно; в прошлом году вместо 5000 возможных подвод, которые могли дать колхозы Монголтрансу, было дано лишь 50%; за первое полугодие текущего года план перевозок выполнен также на 50%, заем обороны распространен в колхозах лишь на сумму 4000 тгр. вместо 27 000 тгр. по плану, а сроки распространения займа уже истекли давно. Работы по договорам на различных предприятиях колхозы выполняют чрезвычайно недобросовестно. На Цэцэрлэгской бойне работают плохо, заключили договор на промывку шерсти, не выполнили этот договор, бросили работы и ушли. Удельный вес колхозов в заготовках чрезвычайно незначителен. Колхозы далеко не являются той силой, на которую можно опереться в хозяйственной работе. Нами зарегистрированы случаи в сомонах Лун, Хашат, Угий-нур и Их-Ула, когда араты принудительным образом вовлекались в колхозы. Колхозники не понимают стоящих перед ним задач и не могут создать объединения, запроектированные во всевозможных резолюциях без учета своеобразных условий отсталого аратского хозяйства.

На выпасе у колхозов находилось в итоге проведения джасской кампании следующее количество скота джасского:

Лошадей	–	7000
Кр[упного] рог[атого] скота	–	7464
Овец	–	10 930
Коз	–	7875
Верблюдов	–	338

Колхозники джасского договора не выполняют и не дают джасам предусмотренной в договоре продукции. С санкции парт ячеек убивают джасский скот для собственного потребления, требуют с монастырей платы за выпас джасского скота, хотя фактически скот, находящийся в руках колхозников, является конфискованным. Зарегистрирован случай, когда колхоз в виде уплаты за выпас джасского скота, взял храмовую постройку.

К настоящему времени из джасского скота возвращено обратно монастырям:

Рогатого скота	1162	–	15%
Овец	8202	–	75%
Коз	710	–	9%
Верблюдов	20	–	6%

Из джасского скота, находившегося на выпасе у колхозов, пало:

Лошадей	–	271
Овец	–	630
Рог[атого] скота		2443
Коз	–	6226

Такое большое количество падежа объясняется тем, что колхозы считают, что падает скот обязательно монастырский. Если даже у колхозника падает его собственный скот, то он его заменяет монастырским скотом, считая это падежом последнего.

Задолженность по монастырям по выпасу джасского скота колхозы исчисляют в размере 142 320 тгр. Много джасского скота находится в индивидуальном пользовании колхозников. Все это вместе взятое говорит о том, что с колхозами дело обстоит в аймаке неблагополучно.

Насаждая колхозы и гонясь лишь за их количеством, аймачное руководство и центральные органы меньше всего заботилось о качестве работы, и насадили такие колхозы, игнорируя те обстоятельства, что Монголия является отсталой и кочевой страной, для которых почва еще не подготовлена. Таково положение дел в аймаке. Неправильная политика центра, усугубляемая невероятнейшими извращениями и перегибами на местах, издевательство над аратами, административное гонение на религию, отсутствие должной парторганизации, – все это вместе взятое и породило те политические осложнения, которые переживает сейчас Монголия.

Советник Экономического Совета МНР Стулов

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 700. Л. 84–102. Машинописная копия.

№ 127
Справка об участии японцев в Баргинском восстании[1]

б/н Без даты

I. Монголо-японские отношения

За последнее время наблюдается явное стремление ЦК НРП Внешней Монголии сблизится с японцами доказательством чего служат:

1).Выступление 1-го секретаря Монгольского посольства в Москве Гомбо[2].

«Генеральный секретарь Монгольского посольства Гомбо на банкете спросил посла Миагаву, может ли Монголия, так давно жаждущая признания со стороны Японии, надеяться на то, что она получит? Монголия, обладающая населением свыше шести млн человек, объединившись с Бур.-Мон. Республикой, входящей в состав СССР будет иметь почву для дальнейшего укрепления связи вне и внутри Монголии и должна стать независимой страной». «…Далее Гомбо сказал, что поскольку Советский Союз провозгласил право на самоопределение народов и независимость наций, постольку он не сможет препятствовать такому слиянию, если буряты-монголы этого пожелают. Если же СССР будет противодействовать такому объединению или захочет присоединить Монголию, то тем самым вскроет ложь своей декларации и тогда Монголия будет вынуждена стать в оппозицию к СССР. В настоящее время благодаря тому, что признание со стороны Японии откладывается, независимость Монголии лишена устойчивости».

2).Выдача визы Монгольским посольством в Москве японскому военному атташе Комацубара по совету председателя ЦК НРП Дамба Дорджи, который в это время был в Москве.

3).Японское посольство в Москве советует своему правительству признать Внешнюю Монголию.

«…Чем скорее Монголия будет признана всеми странами, тем скорее будет положен предел влиянию Советского Союза внутри Монголии. Тогда мне думается международная позиция станет более устойчивой и облегчит путь к ограничению деятельности СССР».

САКО

II. Планы и роль японцев в восстании

Японцы в стремлении к закреплению своих позиций в Маньчжурии и к дальнейшей экспансии в Монголии, пропагандируют своеобразный «панмонголизм» с государственным объединением Маньчжурии и обеих Монголий. Эту программу напоминает заявление Гомбо японцам (см. первую цитату).

Активная роль японцев выявляется:

1).Тем, что японский майор Терада, прикомандированный к японскому квантунскому штабу, имел беседу с одним из главных руководителей восстания Фумингтаем за два дня до фактического начала восстания.

«…Полагаю, что Вам известно о свидании 14-го августа представителя Монгольской партии революционной молодежи Фумингтай с майором Терада, прикомандированным к нашему штабу войск Квантунского полуострова. Относительно

этого я узнал от местного военного агента (японского). В связи с этим чиновник иностранного отдела местного управления, конфиденциально сообщил мне, что хайларский даоинь, получив сведения о тревожном положении в районе Хандагай, послал в качестве посредника Немаянцу (монгольское имя) к одному из вожаков движения Мерсэ, с коим был знаком, и спросил о причинах данного движения. 13-го был через посредника получен письменный отчет о том, что они требуют автономии Хулунбаира на основе трех суньятсеновских принципов и вовсю не стремятся к самостоятельности и революционному перевороту. Однако никаких конкретных требований предъявлено не было. Даоинь, посовещавшись с дубанем Вань, бывшим в то время в Хайларе, послал 16-го снова посредника с письмом, но этот посланник до сих пор не возвращался. Остается неизвестным, требует ли партия революционной молодежи автономии, которая была до 1919 года, или только реорганизации управления внутри Монголии – в Хайларе (о чем говорил Фумингтай Тераде). С внешней стороны она как бы действует с согласия с Нанкином, но на самом деле партия стремится к согласованию действий с Внешней Монголией. Поэтому этот вопрос, если даже и состоится соглашение между югом и Мукденом, вряд ли будет разрешен».

2).Тем, что по сообщению печати, харбинское «Ници-Ници», как на это обратило внимание «Новости жизни», писало о баргинском восстании еще до его начала. «Русское слово» от 11-го августа, т.е. за 5 дней до начала восстания, пишет, что монгольские солдаты убивают японцев.

Китайская пресса с самого начала организацию восстания приписала Японии.

Далее «Таймс» отметил, что японцы распространяют слухи об участии СССР в восстании, чему газета не верит, так как СССР «не будет себе вредить».

3).Тем, что из переписки между цицикарским и мукденском губернаторами видно, что:

«Монголы, нападающие на КВЖД, вооружены японским оружием».

4).Тем, что по сообщению Разведупра, делегат восставших японофил Эрхимбато, прибывший в Ургу для переговоров о поддержке, заявил, что «японцы к восстанию относятся благожелательно».

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 6–8. Машинописная копия.

№ 128
Рапорт члена Революционного военного совета МНРА и начальника Политуправления МНРА Д. Улзийбата[1] о работе особого отряда по подавлению контрреволюционного восстания в западных районах[2]

8 августа 1932 г.

Доклад[3]

Революционному Военному совету МНР о работе особого отряда по подавлению контрреволюционного восстания в западных районах

По выполнению заданий Революционного Военного Совета я работал всего 71 день со дня выезда из Улан-Батора, то есть с 10 мая по 21 июля 1932 г.

Последние части нашего отряда, ввиду весенней распутицы, поломки машин и др. препятствий в пути, прибыли в центр Архангайского аймака с опозданием на один день от головной колонны.

Все административно-хозяйственные и общественные организации аймачного центра были в панике, и их работа была почти приостановлена.

Наша работа была начата созывом совещания партийно-комсомольского актива и организацией Совета обороны, согласно указанию соответствующего органа.

Советом обороны был принят ряд решений по обеспечению порядков в районе.

Мы, в результате сбора необходимых сведений, ознакомления с общим политическим положением аймака и подготовки, связанной с предстоящей операцией, выступили с отрядом из аймачного центра 15 мая 1932 г., причем было принято решение нанести непосредственный удар Тариатинской банде[4] и очистить от них этот район.

В то время отмечался большой подъем и решительность в лагерях банды, а также массовое привлечение арат на их сторону в результате неудачных боев местных партизанских отрядов, и в особенности отряда Соднома[5].

На всем протяжении своего действия наш отряд имел 14 боев с бандами и выходил победителем из каждого боя. Результаты этих боев в краткой форме изложу ниже. Описывать все тактические действия отряда и решения, которые были приняты в соответствии с конкретными условиями обстановки, не стану.

1-й бой. Местность Гичгэний-гол[6]

При помощи аэроплана, пушек, танкеток, пулеметов и др. родов оружия разбили банду Дамдинсурэна[7] и главкома[8] Дэндэва[9], численностью около 600 человек. Разгромленная банда бежала по направлению в Тариаты. На стороне банды было убито в бою около 70 человек, поймано 74, захвачен один пулемет системы «Шоша», две берданы, 23 кремневки, 80 лошадей, одно знамя, верблюдов и др. предметов.

Переправившись через реку Гичгэний с большим трудом, продолжали преследовать банду, бежавшую в Тариаты. Сбор [сведений] о банде в пути не удавался. На берегу реки Тэрхийн нами б[ыло][10] [най]дено шесть ящиков патрон[ов] [для] японских винтовок и 560 штук патронов [для] русских винтовок.

Узнав о разгромлении главных сил банды, отдельные бандитские шайки, находившиеся в окрестности, разбежались по домам. Так, напр., группировка ламы Дамдинсурэна, находившаяся в монастыре на реке Гичгэний, разошлась, а сам Дамдинсурэн сбежал со своей женой.

Тариатинская банда около 200 чел. также бежала вместе с ламством.

Для преследования и ликвидации остатков банды в Тариатах были выделены два сабельных взвода, которыми пойманы раненый в бою главком Санжжав, его помощник Даваа, член Малого Хурала Дарьсурэн и 30 лам, захвачено – один пулемет системы Максим, две русских винтовки, три японских винтовки, Маузер один, два ящика патронов [для] японских винтовок.

2-й бой. Местность Хунжилийн-Эх

В результате боя с бандой ламы Дамдинсурэна было убито 40 человек, в том числе главком Дэндэв, поймано 15. Из бандитов успели бежать 10 человек и сам Дамдинсурэн, у них захвачено два пулемета системы Дегтярева, дисков с патронами шесть, два маузера, три винтовки и др. предметы. С нашей стороны был ранен один командир взвода.

3-й бой. Местность Тэрхийн-гол

Было убито со стороны банды 30 чел. и поймано 39, в том числе организатор банды Хуши-лама. С нашей стороны был убит один партиец-активист.

4-й бой. Местность Нижний Цэцуух, около хийда Хунжил

Произошло столкновение с двумя крупными силами повстанцев. Одна из них – банда, организованная Дамдинсурэном, численностью 462 человека, а другая – банда Далай-вана, около 100 чел. Со стороны банды было убито более 100 чел., а остальные разбежались. Из наших цириков убит один из связи.

Банда около 500 человек, находившаяся в Дурекчи-хурэне[11], узнав о разгроме их частей, в панике разошлись по домам.

5-й бой. Местность Боро-Баргастай

Убито 50 чел., поймано 50. Ни одному из бандитов бежать не удалось. Были пойманы лама Дамдинсурэн, дархан-хубилган и главком Ринчин.

Показание ламы Дамдинсурэна: 38 лет, Косогольского аймака, Жаргалант сомона. Стал ламой, когда ему было 30 лет, и через 5 лет перешел в черное состояние. Работал в качестве председателя товарищеского союза[12], затем был назначен председателем колхоза. Причиной организации контрреволюционного восстания служило то, что из Улан-Батора от Гандана и курена[13] пришел лама Шарав, который говорил, что Улан-Батор занят японцами, идет Панчен-Богдо, от него получено «золотое» письмо и т. д. Участвует в восстании под давлением аратов Жаргалант сомона.

6-й бой. Местность Жанжугин-Эхин

На стороне банды убито 70 человек, поймано пять, из курсантов Дившколы[14] ранен один.

7-й бой. Местн[ость] Булган – Хирунай-Эхин

Бой происходил с отдельными разрозненными бандами. С их стороны убито 20 человек, захвачено – один пулемет системы Дегтярева, два диска, одна бердана, кремневок пять. Две группы бандитов разбежались вместе с руководителями.

8-й бой. Местность Тосонцэнгэл – Мурэн

Убито 40 человек, поймано 15. В числе убитых имеется один гэгэн (святой) и один главком, захвачены два маузера и три винтовки.

9-й бой. Местность Цэцуух

Количество убитых на стороне банды не установлено. Банда в 250 человек была разбита. В результате этого разбежались повстанцы Их-ула[15].

10-й бой. Местность Хонхирын-Нуруу

Убито на стороне банды 30 чел. и поймано шесть.

11-й бой. Местность Шар-Сабоктай

Убито 40 бандитов, поймано 23. На нашей стороне получили рану три человека.

12-й бой. Местность Хонхирын-Эхин

Разъезды отряда вступили в перестрелку с 30 бандитами и убили четыре бандита, а остальные разбежались.

13-й бой. Местность Дзун-нур

Убито около 90 бандитов, поймано 20. На нашей стороне убиты четыре работника Ревкома и три курсанта ОВУ[16].

14-й бой. На северном берегу Сангийн-Далай

Произошел бой с 300 бандитами Тугжа и Жамца. Из них бежало около 100, а остальные разошлись. Количество убитых в бою на стороне противника не установлено. На нашей стороне убит один курсант.

Таким образом, в итоге этих боев убито на стороне банды в бою 614 человек, поймано более 1500 чел. и расстрел[яно] Полевым судом 285 человек активных участников восс[тания] и его организаторов и руководителей.

Установить социальный состав погибших в бою повстанцев нет возможности.

При разборе дел пойманных и их расстреле подходили к ним дифференцированно на основе той установки, которая была дана соответствующим образом. К партийцам и ревсомольцам, участвовавшим в восстании, подходили особо строго. 70% всех расстрелянных Полевым судом составляют партийцы и ревсомольцы.

Малосознательные и поддавшиеся агитации контрреволюционеров араты, несовершеннолетние подростки и старики – участники восстания, приблизительно около 1000 человек, были освобождены без особых допросов и дознаний. Многие из последних после нашего первого боя перешли на нашу сторону и активно помогали в подавлении и ликвидации восстания.

Мои выводы:

1) Все араты районного восстания до самых беспорядков и сейчас были и остаются культурно-экономически крайне отсталыми, ведут кочевой образ жизни, находятся под сильным влиянием религии и бытовых предрассудков, они совершенно не осознали своих классово-революционных задач. Они называют отряды Красной Армии войсками Красной казны (Стормонг), а банды – монгольской армией. Они, доведенные до фантастического психоза контрреволюционным ламством и твердо убежденные в начале войны Шамбалы[17] и близости хорошей загробной

жизни в случае их гибели, руководимые своими ламами, шли прямо на пулеметный огонь, вооруженные одной палкой.

2) Местные партийно-ревсомольские организации и их работа имели нулевое значение. Партийцы и ревсомольцы не усвоили и не могли усвоить всех практических мероприятий, проводимых партией и правительством. Результатом этого явилось массовое и почти 100% участие партийцев и ревсомольцев в контрреволюционном восстании. Араты были принудительно вовлечены в члены этих организаций, и в настоящее время имеется массовая просьба о их исключении из членов.

3) Много колхозов фактически не существовало как таковых. Араты смотрели на обобществление скота[18] как на конфискацию. Результатом этого явилась усиленная материальная поддержка повстанцев со стороны всех масс населения. Они думали: «Терять нам нечего, чем отдать колхозу, лучше принести в жертву справедливому делу». Активно участвовали в восстании колхозники и председатели колхозов.

4) Игнорирование особенностей района перегибщиками, исключительный административный метод действия соответствующих организаций по вопросам религии, организации колхозов, скотозаготовок, товароснабжения, джасской кампании и др. мероприятий обуславливали успешное распространение влияния контрреволюционных феодалов и лам на массы населения, они (эти мероприятия) привели к их изоляции от партии и правительства. В начале действия наших отрядов все население сочувствовало повстанцам и им помогали, чем только могли, не щадя своей жизни.

5) Контрреволюционные феодалы и реакционная верхушка ламства, умело используя вышеуказанные материалы, стали на путь практической организации контрреволюционного восстания. Остатки банды, разбитой комиссией Лхумбэ[19], сумели связаться с повстанческими силами в сомонах Тариат. В это время был организован местный партизанский отряд для охраны Тариат, но он занял т <…>[20] оборонительную позицию, бездействуя и давая возможность бандам организовывать контрреволюционные группы в <…> нах сомонах. На предложение части Тариатинского отряда о необходимости бить повстанцев по частям аймачное руководство категорически возражало. Таким образом, бандитам давали полную свободу организовать восстание в сомонах и распространять свою агитацию. Наконец, тариатинские организации, как будто пробудившись ото сна, организовали и разослали на места несколько агитаторов, но это было слишком поздно. Агитаторы были задержаны и убиты местным населением или прямо выдавались в руки бандитов. Бандиты вскоре перешли к активным действиям и были ими разгромлены на два местных отряда и отряд Соднома. Доклад об этом должен представить Совет обороны в Архангае. Бандиты чувствовали себя достаточно вооруженными. Дух повстанцев много поднялся. Лошади отряда Соднома, охранявшиеся 20 вооруженными людьми, были отбиты девятью бандитами. Руководители отряда Соднома в лице сотрудников ГВО Цыдыпова и Лодон-Шарава во время боя сбежали, тем самым усилили панику среди бойцов.

Восстания и действия повстанцев

1. Восстание охватило 11 сомонов Архангайского аймака. Было реставрировано управление старого Далай-ванского хошуна. Главой этого хошуна являлся сын Да-

лай-вана Жигжидсурэн, его помощник – сайд-таджи Удайжав. Захиракчи (председатель) хошуна, бывший правый, исключенный из партии, работавший в Минвнуделе – Эрдэнэбат. Главный их правитель – лама Дамдинсурэн. Им были посланы уполномоченные в Увурхангай Хара Вармош[21], лама Сандаг и др. для организации восстания.

2. Главкомами армии являлись Санжжав и Жамц. Последний успел разработать устав для повстанческих отрядов, им же написано обращение к повстанцам, населению и Красной Армии. Все эти документы, а также завещание Панчена[22] нами захвачены.

3. Феодалы занимали руководящие посты среди повстанцев, как политические, военные, так и административные. Возвращали все свои старые права, что аратство только радостно приветствовало. Реакционная верхушка ламства энергично агитировала аратство идти против него, не страшась пулеметного огня.

4. Джасы, казавшиеся ранее абсолютно разоренными, стали располагать достаточными средствами, чтобы оборудовать много майханов и юрт, обставлять их всякими ценностями, устраивать торжественные приемы руководителям и организаторам восстания, превращаясь в самое верное контрреволюционное гнездо. Аратство поддерживало эти джасы всеми мерами: женщины и мужчины давали в виде жертвоприношения свои лучшие украшения. Повстанцы брали оружие где и что только можно. Тягловую силу и лошадей мобилизовывали у арат, и последние сами давали им добровольно.

5. Товары кооперативов были расхищены и разгромлены бандитами и населением.

О политической агитации

1. Наряду с чисто оперативной работой к мерам подавления была развернута политическая агитация повстанцев – аратов и лам; бедноте оказывалась материальная помощь, что вызывало известный поворот среди них в нашу сто[рону].

2. Путем посылки людей из отряда к населению и другим способам проведена агитработа среди 1553 человек. Отпущено 353 аратам-беднякам 80 кирпичей чаю, 90 пачек табака-дунзы, пять кусков далембы и один мешок риса.

3. На празднике одиннадцатилетней годовщины МНР в Бурэн сомоне Косогольского аймака проведена агитработа среди 500 аратов, показание достижения в боевой подготовке.

4. Связь с населением в начале действий нашего отряда не существовала, она стала возможной только в результате показа нашего отношения к населению, нашей дисциплинированности и борьбы за их интересы, в результате сдачи на хранение и выпаса скота сбежавших в горы повстанцев и населения. Только здесь перестали нас называть войсками Красной казны[23].

5. Среди лам-монастырей и хийдов проведена агитработа, оказана материальная поддержка, им разъяснили, что они совершенно свободны в отношении выполнения своих религиозных дел.

6. Уничтожение монастырей, хийдов и других предметов религиозного культа, а также поджоги нами не практиковались. Были отдельные случаи пожара от обстрела из пушек и метания гранат, без которых нельзя было бы ликвидировать окопавшихся бандитов.

В последнее время бандитские провокаторы распространяли ложные слухи среди населения о поджоге и погроме монастырей красными отрядами после их занятия. Цель их заключалась в том, чтобы вызвать недовольство арат и дискредитировать наш отряд в глазах масс населения.

7. Политическая агитация среди населения проводилась в последнее время на основе новых директив правительства и партии.

О работе Ревкомов

Были организованы Ревкомы в тех сомонах, где восстание подавлено. Работникам Ревкома были даны следующие директивы:

1. Развернуть агитработу среди населения по обеспечению порядков.

2. Установить уртонную связь.

3. Взять на учет имущество кооперативов, колхозов, самоуправлений и др. организаций, разгромленных бандами. Приступить к их организации, взять на хранение имущество, конфискованное у контрреволюционеров, управлять местной общественно-политической жизнью.

4. Систематически собрать сведения о банде и информировать отряды, поддерживая регулярную связь с ними.

5. Арестовывать и отправлять в аймачный центр главарей восстания. В случае отсутствия средств передвижения и особо чрезвычайного положения в сомоне допустить расстрелы видных главарей банды. Принять все меры к отражению возможных налетов банды.

Ввиду оперативной работы отряда по ликвидации банды проверить выполнение этих директив со стороны Ревкома нам не удавалось.

Был ряд террористических актов со стороны банды в [отноше]нии Ревкомов, но соответствующие меры принимались. О действиях и работе Ревкомов [отчет] будет представлен Советом обороны в Архангае.

О недочетах в работе отряда

На протяжении действий нашего отряда были два больших недочета. Первый из них: гибель девяти человек, отправленных для пригона машин, оставленных отрядом Соднома, а второй – контрреволюционный заговор в нашем отряде, предупрежденный своевременным принятием мер. Подробности этих фактов нами были сообщены Реввоенсовету.

Заключение

Все контрреволюционные и бандитские силы разгромлены. В Тариате, Хангае, Их-ула, Их-Жаргаланте, Идэр и Баянзурх сомонах водворен и обеспечен порядок. Остатки разгромленной банды еще продолжают скрываться в горах, в остальных сомонах отмечалась перебежка и сочувствие населения бандам, но в последнее время имеется в этом большой перелом. Население бежит от бандитов и скрывается от них в горах.

Вернейшим орудием ликвидации остатков банды является широчайшая популяризация и реализация решений сессии Малого Хурала и Пленума ЦК МНРП[24] сре-

ди масс населения восставших районов. Нужна такая агитационно-политическая работа среди аратских масс, чтобы они сами выдавали бандитов.

Я хочу отметить, что, несмотря на все лишения и трудности борьбы с бандами и несмотря ни на что, бойцы и комсостав нашего отряда показали в этой борьбе лучшие образцы революционного героизма, показали высокую классово-политическую сознательность и готовность бороться до конца за МНР и за ее революционную независимость. Они еще больше закалились для будущих схваток с врагами революции.

Перевод с монгольского.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 700. Л. 186–191. Машинописная копия.

№ 129
Из донесения полковника Комацубара о положении во Внешней Монголии

№ 48275/я
г. Москва

5 февраля 1933 г.
Совершенно секретно

Тов. Менжинскому,
Ягода,
Балицкому,
Прокофьеву,
Гаю,
Дерибасу,
Зирнису,
Миронову и 1 экз. в дело

Положение во Внешней Монголии
(документальный материал японской разведки)

Настоящий материал – доклад полковника Комацубара[1] – представляет собой обзор политического и экономического положения Внешней Монголии. Материал распадается на следующие пять глав:

1) Политика (заключающая в себе обзор государственного устройства Вн. Монголии).
2) Экономика и финансы.
3) Народное образование.
4) Политические партии.
5) Военное дело.

Особого внимания заслуживают главы 2 и 5, которые отмечают ухудшение экономического положения Вн. Монголии и увеличение постоянного состава Монгольской народной армии.

Как отмечается в введении в настоящей работе, «для Японии важно как с точки зрения ее будущей политики, так и в стратегическом отношении сделать Внешнюю Монголию независимой с тем, чтобы она перешла под влияние Маньчжоу-го[2]». Первоочередной задачей Японии при этих условиях является упрочение японского влияния в Барге.

Следующим этапом должно быть использование лояльной Маньчжоу-го части населения Внешней Монголии, которое должно будет осуществлять связь с Японией через Баргу. Эти возможности, по мнению материала, имеются благодаря тому, что среди населения Монголии существует сильное недовольство существующим строем.

Зам. нач. ИНО ОГПУ Слуцкий
Нач. VI отд. ИНО Герт

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 10–13. Подлинник.

Приложение

от 20 июля 1932 г.

Из донесения полковника Комацубара о положении во Внешней Монголии
(донесение составлено на основе информации от кап. Обара из Маньчжурии)[3]

Введение

Настоящая работа является докладом надежного шпиона-монгола. Этот человек 4 мая выехал из Маньчжурии и по реке Онон мимо озера Барун-торей доехал до западной границы Хэнтэйского аймака. Обратный путь он совершил южной дорогой и благополучно вернулся в Маньчжурию. До Улан-Батора он не дошел, но привез с собой 20 экземпляров последних газет, журналов и различной агитационной литературы.

По вопросу о положении во Внешн. Монголии был помещен ряд статей в секретных ежемесячниках за 1931 и 1932 гг. Ввиду этого нет надобности дублировать общую информацию. Настоящий доклад, автору которого было поручено составить сводку виденного и слышанного им в пути, а также ознакомиться с содержанием газет и журналов, может служить вспомогательным материалом к прошлым обзорам. В частности, он дает представление о деятельности Вн. Монголии в посл. время и о влиянии на Вн. Монголию образования Маньчжоу-го.

Выводы

а) Внешняя Монголия все более решительно проводит политику Сов. Союза.

б) Создание нового государства использовано в качестве материала для красной пропаганды и агитации. Много говорится о вторжении Японии во Вн. Монголию, и проводится большая политическая работа под лозунгом «уничтожения религии и эксплуатации».

в) В результате недавней мобилизации в настоящее время под ружьем находится вдвое больше против обычного количества населения. Особое внимание обращается на укрепление южной границы Барги. В последнее время укрепляется и северный берег озера Буир.

г) Внешняя Монголия крайне обнищала. Это объясняется не только изменением государственного строя Монголии и не только тем, что большая часть скота монголов забирается и отправляется в Кр. Россию, но и почти полным прекращением торговли с Китаем. Торговые связи имеются только с Верхнеудинском.

д) Недовольство населения существующим строем довольно большое. Центром, вокруг которого группируются недовольные элементы, являются ламы.

Контрмеры

Как с точки зрения будущей политики империи, так и в стратегическом отношении для Японии важно сделать Внешнюю Монголию независимой и освободить ее из-под ига красных с тем, чтобы она перешла под влияние Маньчжоу-го. Но ввиду того, что в настоящее время Вн. Монголия отрезана от внешнего мира, в связи с чем непосредственное руководство ею почти невозможно, в первую очередь необходимо срочно разрешить вопрос о Барге таким образом, чтобы упрочить там японское влияние. Использование в этих целях лояльных единоплеменников Внешней Монголии, надо полагать, не представит особых затруднений. Для достижения указанной цели необходимо:

1) Учредить в Хайларе сильный руководящий орган для объединения всей работы.

2) Так как нахождение японских войск в Хайларе может привести к столкновению между Японией и СССР, поручить охрану Барги на первое время войскам Су Бинвэня[4].

3) Возможно скорее организовать монгольскую армию, поручив ей в первую очередь охрану южной границы, и добиваться постепенной замены войск Су Бинвэня монгольской армией, которая в будущем будет нести охрану Барги.

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 10–13. Машинописная копия.

№ 130
Информационное сообщение ПП ИНО ОГПУ по Сибкраю о настроениях в руководстве МНРП

№ 29038 — 8 апреля 1933 г.
Улан-Батор-Хото — Совершенно секретно
Оценка: Сведения заслуживают доверия

Состояние руководства

Если совещание секретарей айкомов показало, что аймачные комитеты за девять месяцев после введения нового курса не сумели понять новые условия работы и перестроиться, то это не в меньшей мере относится и к Центральному Комитету[1]. Даже после вторичного приезда т. Элиавы[2] (декабрь [19]32 года) секретари ЦК не находят для себя работы, причем Лувсаншарав[3] прямо заявлял, что он не знает, что и как делать. Это в равной мере относится и к другим секретарям.

Поскольку предварительная подработка и решение всех основных вопросов сегодня сосредоточено в правительстве, секретари ЦК в отношении руководства хозяйственной жизнью страны находятся как бы «на отлете», поскольку эти вопросы непосредственно ими не решаются.

Наряду с этим, налаживание внутрипартийной и воспитательной массовой работы требует кропотливой усидчивой работы, к чему секретари ЦК совершенно не способны.

При изучении любого конфликтного вопроса на периферии, как правило выявляется, что ЦК месяцами не отвечает на запросы мест. Нет точно также никакого реагирования на письменную информацию секретарей айкомов, что свидетельствует о безответственности работников ЦК.

Незнание и непонимание своей работы, неудовлетворенность масштабом и содержанием работы, безответственность – все это создает нездоровую, склочную обстановку среди руководства. Борьба за власть, за влияние, за положение при наличии азиатской подозрительности не дает возможности нормальной работы. Приведу несколько фактов:

«Элдэв-Очир говорит, что на III пленуме поторопились с назначением Гэндуна на пост премьера[4]. Нужно было оставить его в ЦК, а на пост премьера назначить Чойбалсана[5]».

«Элдэв-Очир считает себя генеральным секретарем и тяготится тем, что должен делить положение с остальными секретарями».

«Элдэв-Очир говорит, что Лхумбо большой путаник, а у Лувсаншарава сохранилась ламская психология».

«Лувсаншарав считает, что Элдэв-Очир хочет командовать в ЦК, разрешает вопросы, не согласовывая с остальными секретарями».

«Лувсаншарав из боязни, что его выведут из ЦК в его отсутствие, до приезда Лхумбо не решался выехать на лечение в СССР».

«Лувсаншарав недоволен тем, что у Элдэв-Очира машина (Воксхолл) лучше, чем у него (Форд) в то время, как права всех секретарей одинаковые».

«Лувсаншарав, после доклада Элдэв-Очира на активе городской организации, требовал, чтобы через газету объявить этот доклад недействительным, поскольку Элдэв-Очир в докладе затронул организационные вопросы, коими ведает Лувсаншарав».

Как Гэндун пытался поссорить Дэмида[6] с Элдэв-Очиром – об этом пишет последний тов. Элиаве.

На почве личных обид и дрязг, на почве борьбы за положение в стране в руководстве сегодня в основном две группы – Гэндун и Элдэв-Очир–Дэмида. Состав этих групп примерно такой:

1. Гэндун, Лхумбо[7], Лувсаншарав, Намсарай[8] (ГВО), Мэнд[9], Идам-Сурэн, Дэндэв (Минюст)[10], Цэрэгзэн, Пурэв и Гевапыл[11].

2. Элдэв-Очир, Дэмид, Ульдзий-Бат[12], Чойбалсан, Жигжиджав[13], Баттумур (Минпрос), Пунцаг и вообще большинство военных работников.

Нужно сказать, что Элдэв-Очир примкнул к группе Дэмида уже после отъезда Гэндуна и в письме к т. Элиаве свою близость к Дэмиду подчеркивает. До известного конфликта Элдэв-Очир «качался и стоял ближе к Гэндуну». И сейчас Элдэв-Очир попытается смягчить положение, так как он Гэндуна боится. Вообще, нужно сказать, что группа Гэндуна сильнее и «оппозиция» к ней опирается на наше политическое руководство.

О настроениях руководства

1. Одним из более важных документов партии за последнее время является обращение ЦК ко всем членам партии. Характерно, что при обсуждении этого документа

совершенно смазали вопрос о деятельности правых. Когда в проект этого обращения инструктор ЦК внес абзац о том, что в партии имеются правые, Лувсаншарав заявил, что правые – это, наверное, мы с Гэндуном и заявил об уходе в отставку. В подкрепление своего довода об отсутствии в партии правых, Лувсаншарав ссылался на заявление т. Элиавы в июне прошлого года о том, что в МНРП правых нет.

2. Особенно болезненными являются настроения вокруг недостатков с завозом товаров[14]. Этот момент дает больше всего пищи для всяких антисоветских настроений.

Наряду с этим отмечаются случаи явно антисоветских настроений без всякого для этого повода. Так, начальник снабжения армии Гончиг 7 апреля, осматривая прибывшие из СССР для военведа 12 грузовиков, обращаясь к шоферам и присутствовавшим армейцам, кричал, что «прислали из СССР барахло, дураки приняли эти машины в Верхнеудинске, тогда как нужно было от них отказаться». Тогда же он, найдя одну из ножен для шашки треснувшей, разломал эту ножну[15] и бросил, сопровождая это отборным ругательством по адресу СССР. Так же Гончиг оценивал и полученное новое обмундирование.

Когда же врид наштаглава поставил перед Дэмидом этот вопрос, последний всеми мерами старался оправдывать Гончига.

3. Следует отметить также настроения против советского инструктажа. В результате понимания обязательности и согласования вопросов с инструктажем как ущемления своей национальной независимости, мы имеем целый ряд недоразумений в министерствах и учреждениях, когда «дарги»[16], спросив совета у инструктора и соглашаясь с предложением инструктора, делают как раз наоборот и делают неправильно. Если же инструктор после этого обращается к «дарге» за разъяснением, то такое явление расценивается как попытка к командованию. Создается нелепое положение инструктора, по положению ответственного за работу учреждения наравне с «даргой». В итоге это приводят либо к требованию со стороны монгольских работников о снятии инструктора, либо последний, чтобы сохранить «мир», делается пришлепкой «дарги» и просто штампует его решения. Немалое значение имеет в этом вопросе также качество советского инструктажа. Каковое за последнее 1–1,5 года особенно по линии торговли ухудшается.

В данное время мы имеем среди монгольского руководства стремление превратить советский инструктаж в безответственных «советчиков», советы которых необязательны для монгол. С такой постановкой вопроса посетил Охтина 8 апреля секретарь ЦК Лхумбо, такова же и точка зрения Гэндуна.

Все руководство в целом стоит на позиции невозможности выполнения экспортного плана[17], особенно по скоту. Сильно раздувается факт сокращения стада, преувеличивается опасность эпизоотии, падение покупательской способности тугрика и афишируется недостаток товаров в стране. Характерно то, что большинство этих моментов совпадают основными пунктами ламской и вообще к/р агитации.

Несомненно одно, что если не открытое, то скрытое противодействие выполнению экспортного плана со стороны руководства встретит[18].

5. Наконец, следует еще отметить настроения, граничащие с паникой. Если же вникнуть в речь Лхумбо на совещании секретарей, то бросается в глаза сильное сгущение красок, тем более, что это происходит перед работниками с мест.

«Школы в плохом состоянии. Расходы на народное просвещение сокращены на 50%. Тугрик падает. Скотоводческое хозяйство падает. В Земледельческом аймаке[19] джасовский скот сократился на 90%, скот феодалов – на 56%, бедняков – на 30% (?). Баран теперь стоит 50 тугриков, я этого не видел в жизни».

«Товаров сейчас нет. Посмотрите на сокращение экспортно-импортного плана, бюджет сократился – это факты падения, угрожающие нашей самостоятельности. Обедневший арат относится к нам с недоверием… Чингис 700 лет тому назад завоевал Россию, а мы отстали сейчас здорово…».

Боязнь аратства, боязнь всяких осложнений сейчас резко чувствуется.

Так, для оживления деятельности партийных организаций на местах и для разъяснения обращения ЦК командируются на места работники центра. Перед отъездом они были сильно обеспокоены и подробно интересовались у инструкторов, о чем и как говорить арату, что раньше не замечалось.

Приложение[20]:
1) К/письма Элдэв-Очира т. Элиава.
2) Донесение Р.
3) Два донесения Р. о Центральном аймаке.
4) Донесение Р. о Восточном аймаке.

УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 700. Л. 322–325. Машинописная копия.

№ 131
Справка Гомбо
Доклады полковника Сипайло о разведке, проведенной в районе оз. Далай-нор и оз. Буир-нор

№ 120791 — 7 декабря 1934 г.
г. Москва — Совершенно секретно

1. т. Агранову, Гаю, Фриновскому, Зирнису, Артузову
2. 2 экз. в дело

Доклады полковника Сипайло

Прилагаемые материалы являются копиями докладов японского агента, бывш. сподвижника бар[она] Унгерна, полк. Сипайло[1]. Полковник Сипайло по заданию японской военной миссии в Харбине в июле и августе с. г. ездил в район оз. Далай-нор и Буир-нор для разведывательной работы и обследования состояния границы между Баргой и МНР. По возвращении в Харбин он в числе прочих материалов представил и прилагаемые два доклада.

Стиль докладов и названия местностей сохранены полностью.

Пом. нач. ИНО ГУГБ — Горожанин
Нач. Уп. сектора — Куренков

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 127. Машинописная копия.

Приложение 1

Документально

Политическое положение в Барге

Жизнь в Барге фактически в настоящее время вошла в обычную колею мирной обстановки. Сейчас большинство баргутов кочуют по реке Уршун, Керулену, а также в окружности озера Улан-нор и по северному берегу озера Буир-нор, где наблюдается большое скопление их, что безусловно вызывается наличием здесь лучших пастбищ и удобство водопоев.

Из разговоров с ними удалось установить, что при существующей власти они не терпят никаких поборов со стороны властей и чиновников. В глубине Барги, в местности Нам-Гурген, около озера Улан-нор, по р. Уршуну и реке Керулен встречается много китайцев – торговцев-молочников, а также скупщиков шерсти и шкур. Деньги гоби[2] принимаются охотно, но особенно охотно берется серебро. При дальнейших разговорах все-таки чувствуется, что кто-то их будирует и настраивает против Маньчжоу-Го и Ниппон[3].

Особо ярко это вырисовывается, когда какую-либо покупку делают ниппонцы[4], так, например, при покупке аргала (топлива) запрашивают за пятипудовый куль – три, четыре гоби, а за барана 8–9 гоби. При покупке же этих предметов китайцами или евреями берут в два раза менее. С виду отношение к ниппонцам заискивающее, услужливое, а в душе скрытое недоверие и недовольство. Особенно четко это подчеркивается в местах наибольшего нахождения между баргутами китайцев и евреев.

По-видимому, через посредство последних за отсутствием должного контроля ведется тайная пропаганда противоправительственного характера, тем более что весь торговый элемент прибывает сюда из Хайлара и со ст. Манчжурия, и большинство евреев подданные СССР или же эмигранты, а в действительности те же большевики.

Это явление стало особенно ярким за последнее время, т. е. в августе м-це с. г.

При приближении к границе, соприкасающейся с Халхой, настроение и отношение более лучшее, доверчивое, но здесь наблюдается тревожное настроение со стороны самоохранения ввиду близости Красной Халхи[5]; еще в июле м-це с. г. все юрты были разбросаны на далеком расстоянии друг от друга, на расстоянии двух–трех верст, теперь же, в августе месяце, они сгруппировались тесно друг к другу.

Из разговоров выяснилось, что в случае тревоги налета[6] красных халхинцев мужское население общими усилиями найдет более возможности отогнать скорее в безопасное место стада лошадей, быков и баранов и помочь женщинам и детям укрыться в безопасные места, так как за последнее время наблюдается частое нахождение красных халхинцев не только на границе и в приграничной полосе, но было замечено, когда группы вооруженных красных халхинцев, численностью от 3 до 10 человек, допускали заезды на территорию Маньчжоу-Го, вглубь таковой от 3 до 5 верст и далее.

Такое явление вызвало, безусловно, тревожное состояние между живущими по границе баргутами. Это положение усугубляется еще и тем обстоятельством, что

баргуты, несущие пограничную охрану, совершенно не вооружены, и единственный выход из этого положения – это скорый уход вглубь своей территории и сообщение ближайшему ямыню[7] о приближении красных разъездов.

Население Барги поставлено в такое тяжелое положение еще и тем обстоятельством, что здесь граница неясно выражена и не имеет особых отличительных знаков, чем и пользуются красные халхинцы при своих поездках, конечно умышленно проникая дальше вглубь на территорию Маньчжоу-Го и уходя с таковой совершенно безнаказанно.

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 128–130. Машинописная копия.

Приложение 2

Документально
на 20 августа 1934 г.

Дислокация войск СССР в Красной Халхе

По данным, полученным от баргутов, кочующих по р. Керулен и окружности озера Буир-нора, в районе Асерсун-сумэ[8], Улан-Худун (хошун князя Илдэн-вана)[9], по всей территории Халхи разбросано пять кавалерийских дивизий, причем части эти монгольские, но весь командный состав и политическое управление из русских, евреев и калмыков.

Одна дивизия находится в Улан-Баторе (Урга с ее окрестностями), а другие расположены по хошунам, прилегающим к границе Маньчжоу-Го.

В Сан-бэйсэ и его окрестностях было расквартировано четыре кавалерийских полка, сейчас между 10–15 августа с. г. два полка переброшено в направлении Солунь – Халхин – Халун-Аршан и в направлении озера Хага-нор – Долотай-сумэ[10].

Здесь же 15–16 августа наблюдался пролет советского аэроплана, по-видимому, с целью разведки, а возможно, проверки местонахождения сов. частей.

На берегу озера Буир, где вытекает из такового река Уршун, на правом берегу в бывшем монастыре Халхин-сумэ[11] стоит застава 40–50 человек и имеется на одном из зданий наблюдательный пункт из двух монголов, которые все время ведут разведку за левым берегом Барги.

Отсюда же из Халхин-сумэ ведется разведка по правому берегу Уршуна почти до переправы через эту реку. Плашкот[12] через Уршун вмещает один легковой автомобиль или четыре телеги. Для чего используются конные разъезды 4–5 чел., а иногда легковые автомобили военного типа из числа имеющихся в Халхин-сумэ. Здесь же на бывшей рыбалке Водакова[13] оборудованы консервный рыбный завод и сушилки для вяленья рыбы. При впадении реки Халхин-Гол в Буир-нор <…> на левом берегу ее построена казарма, где размещено до двух полков кавалерии, сюда стянуто много грузовых автомобилей – два броневых автомобиля, склады провианта для завода и войск и склад бензина.

Вверх по течению реки Халхи производятся работы по оборудованию дороги по направлению хребта Хингана. Работы охраняются – проход туда закрыт.

По всему протяжению дороги по южному берегу озера Буир-нор по направлению Гачи-лама-сумэ[14] конные разъезды в 4–5 человек.

В Гачи-лама-сумэ стоит полк кавалерии, из него выделена застава в 50–60 человек в Улан-Худун, которая выделяет из себя разъезды к Буир-нору (юго-западная часть озера), по границе с Баргой (здесь граница кроме торной дороги[15] других отличительных знаков не имеет), почему разъезды СССР часто зарываются на территорию Маньчжоу-Го и [в] Баргу – до Амбона в местность Харун-Урсу, вглубь 7–10 верст.

В ставке князя Илдэн-вана (хошун) стоит застава – один эскадрон кавалерии 75–80 шашек. Отсюда идет торная дорога (автомобильное движение) на Ургу, по всем колодцам (уртонам) заставы по направлению к Цэцэн-хану[16] – здесь мост через Керулен деревянный и имеется паром (плашкот) на проволочном тросе вброд (3)4[17], 1,5 арш. глубиной по перекату).

По всей этой линии идет усиленное движение грузовых машин, везущих всевозможные материалы к Буир-нору в расположение завода[18], и также идет передвижение войск – кавалерии при незначительном числе артиллерии.

В Цэцэн-хане оборудован на левом берегу (в сторону Урги за зданиями монастыря) аэродром – имеется 30–40 машин разных (какого типа, объяснить не могут).

Конский состав кавалерийских частей монгольской халхинской армии имеется хороший: лошади – рослые монголки, хороши ходом, кованы на полный скат, седловка монгольская. Комсостав имеет седла казачьего кавалерийского образца.

Вооружение разнотипное. Имеются винтовки 3-х лин., русские, японские, мексиканки, по-видимому такое разнотипное вооружение дано умышленно, дабы:

1) в случае восстания осложнить питание патронами и 2) в случае возникновения войны монгольская армия будет нести службу связи – и внутреннюю, и иначе потребуют полного перевооружения.

Холодное оружие – шашки кавалерийского и казачьего типа. Гранаты бутылочные с кольцом (тип русской армии старого выпуска).

Особым доверием монгольская армия у СССР не пользуется и находится все время под бдительным наблюдением частей ГПУ и Чека.

По словам перебежавших бурят из Халхи в Баргу 10 августа с. г., сейчас красное командование ведет усиленные работы по тракту Урга – Калган, приводится в исправность тракт, телефонное сообщение и телеграфное.

Идет передвижение войск – часто ведут разведку аэропланы. В Ургу пребывают дополнительные воинские части разного рода оружия.

Монголы, живущие в районе Асерсун-сумэ, сообщают, что в расположении озера Буир-нора видели пролеты аэропланов СССР по границе с 8 августа по 5 сентября с. г. – четыре раза: два раза по одному аэроплану, два раза по два аэроплана, высотой 400–500 сажен, безостановочно, скоро направляясь в сторону Улан-Худуна, Ильден-ван.

Все грузовые автомобили – шестиколесные, с большими моторами, поднимают до 50 человек.

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 131–134. Машинописная копия.

№ 132
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР об организации японцами русских военных поселений на границе МНР

№ 223985 26 апреля 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Фриновскому
5–9. т. н-кам опер. отд.
10–11. К делам

Организация японцами русских военных поселений на границе МНР

ИНО ГУГБ НКВД получено из Шанхая следующее сообщение: лидер семеновской группы в Шанхае Василий Казаков[1] и ряд других эмигрантов получили от японцев деньги для набора русских эмигрантов. К 22 марта было набрано 120 эмигрантов. Их предполагают отправить для организации военных поселений на границе МНР в 160 километрах от Калгана. Каждому казаку обещано по прибытии на место выдать оружие, лошадь и амуницию. Все обмундированы в единую форму, на левом рукаве гимнастерки нашит знак А.С. (атаман Семенов)[2], а на правом – герб Маньчжоу-Го. Все обязаны дать присягу, что будут выполнять приказы атамана Семенова.

Зам. нач. ИНО подпись
Нач. 7 сект. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 145. Подлинник.

№ 133
Информационное сообщение о подготовке вооруженных налетов казахских банд на территорию МНР

№ 224195 4 мая 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. тов. Ягода
2. тов. Агранову
3. тов. Прокофьеву
4. тов. Фриновскому
5–9. Нач. опер. отд.
10. В дело

По сообщению главного инструктора ГВО МНР, алтайской погранкомендатурой ГВО получены данные о формировании среди казахского населения Хамийского округа Синьцзяна и в провинции Ганьсу банд, предназначенных для вооруженных налетов на территорию МНР.

Из 800 казахов, перекочевавших в апреле м-це из Баркульского района в район Бага-Мацзун-шань провинции Ганьсу (150 км севернее Анси Чжоу), уже сформирована и вооружена банда в 70 чел.

По этим же данным, в формировании банд участвуют семь японцев и один бурят, связанные с командующим войсками Хамийского округа Юлбарсом[1].

Проверкой полученных сведений установлено наличие связей казахов-феодалов, отселенных в 1934 г. от границы вглубь Алтайского аймака МНР[2], с закордонными казахскими бандами, при поддержке которых готовится вооруженная откочевка казахов из МНР за кордон.

Мероприятия: в район вероятного движения банд ГВО перебрасывает агентуру; на алтайской границе дополнительно выставлена застава из 28 чел.; усилена разработка закордонных связей казаков Алтайского аймака.

Нач. ИНО Слуцкий
Нач. 8 сектора Бадмаин

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 138. Машинописная копия.

№ 134
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «Об антиправительственных настроениях среди монгольских казахов»[1]

№ 225300 13 июня 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Фриновскому
5–9. т. Нач. опер. отд.
10. К делу

По сообщению из Улан-Батора за последнее время отмечается резкое усиление антиправительственного настроения <…>[2] населения Кобдоского аймака МНР[3]. Эти настроения выражаются в японофильских разговорах, настроениях не подчиняться монгольским законам и желанием эмигрировать в Синьцзян с оружием в руках.

В Бахад сомоне казахскими баями созваны три собрания, на которых открыто ставился вопрос о неподчинении монгольскому правительству. В этом же аймаке собираются эмигрировать в Синьцзян 225 юрт (1200 чел.) урянхайцев, которые в 1934 г. были приведены монгольским отрядом из района Чингиль-гола (Синьцзян) во время операции против казахских банд.

Примечание: запрошены данные о причинах недовольства казахов.

Нач. ИНО ГУГБ подпись
Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 151. Подлинник.

№ 135
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР об организации атаманом Г. М. Семеновым отряда на границе с Монголией

№ 225323 13 июня 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Гаю
5. т. Зирнису
6–9. Н-кам опер. отд.
10–11. К делам

Об организации Семеновым отряда на границе Монголии

В апреле с. г. в Харбин из Мукдена приезжал в отпуск н-к Мукденского охр. отряда Шикалов, который сообщил полк. Мудрынину, что полк. Корнилов (проживающ. в Мукдене и весьма близкий к атаману Семенову) поручил ему передать, что Мудрынину поручено атаманом Семеновым отобрать 15 чел. офицеров для предполагаемого к комплектованию отряда на границу Монголии в 5000 бойцов. Вопрос о комплектовании отряда пока еще якобы окончательно не решен, но должен быть решен в ближайшее время. В связи с этим необходимо пока составить только список этих офицеров, никому из них ничего не говоря.

Командиром отряда будет Корнилов, а помощником Мудрынин. Когда вопрос о комплектовании отряда будет окончательно решен, в Харбин к Мудрынину приедет Корнилов с подробными инструкциями.

Примечание ИНО: Есть предположения, что отряд будет не из 5000 чел., а из 500.

Нач. ИНО подпись
Нач. 7 сект. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 203. Подлинник.

№ 136
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о планах Японии по присоединению Монголии к Маньчжоу-го

№ 225464 20 июня 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–7. Нач. опер. отд.
8–9. К делу

О стремлении японцев поставить вопрос о присоединении МНР к Маньчжоу-го

По сообщению из Хабаровска, Лин-шен[1], председатель монгольского ямыня[2] в Барге, считает, что конференция[3] находится в тупике вследствие нежелания монгольской делегации обсуждать другие вопросы.

Японцы намерены на очередное заседание внести предложение о присоединении Монголии к Маньчжоу-го, открытии сообщения и расторжении союза МНР с Советским Союзом. Лин-шен считает эти надежды японцев напрасными, так как МНР, имея поддержку со стороны СССР, чувствует себя независимой. Мнение ряда монгольских чиновников Барги аналогичное.

Состоявшийся в Хайларе монгольский съезд обсудил только доклады хошунов и вопрос о возможности ведения хлебопашества. Последний вопрос, поставленный по настоянию японцев, был единодушно отклонен монголами. Вопросов маньчжуро-монгольской конференции съезд не касался. В текущем году впервые монгольские чиновники приезжали на съезд по персональному вызову, остальным была представлена возможность присутствовать лишь на торжествах, посвященных открытию съезда.

Нач. ИНО ГУГБ подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 198. Подлинник.

№ 137
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О задержании на монгольской границе японца и белогвардейца»[1]

№ 225799 3 июля 1935 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–7. Нач. опер. отд.
8. В дело

О задержании на границе МНР японца и белогвардейца

По полученным данным, начальник Сумбэрской заставы (90 км восточнее озера Буир-Нор), объезжавший границу с двумя цириками[2], был обстрелян за рекой Халхин-Гол маньчжурскими пограничниками. На виду разъезда в сторону Маньчжурии скрылись два всадника.

Высланным для обследования местности дозором задержаны двое конных: японец и русский. В донесении о задержании – время задержания не указано и местность не ориентирована. У задержанных отобраны съемочные аппараты.

Согласно телеграмме председателя монгольской делегации Самбу, 26 июня в вагон монгольской делегации явился член маньчжурской делегации японец Ханки[3] с требованием освободить задержанных якобы на маньчжурской территории в местности Хулустон-Гол японца Инукай[4] и русского рабочего вместе с отобранными топографическими аппаратами.

Самбу категорически отклонил возможность задержания монголами кого-либо на чужой территории и обещал запросить соответствующие органы.

Еще до получения телеграммы от Самбу из Улан-Батора было дано распоряжение, независимо от того примет или не примет задержанных маньчжурская погранохрана – обоих освободить.

Однако при попытке передачи монголами задержанных маньчжурской погранохране последняя отказалась принять их без предварительной санкции своего правительства.

Нач. ИНО ГУГБ подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 188–189. Подлинник.

№ 138
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О работе японцев в МНР»

№ 225962 10 июля 1935 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Гаю
5. т. Фриновскому
6. т. Зирнису
7–8. Нач. Опер. Отд.
9–10. В дело

ИНО ГУГБ НКВД получено следующее телеграфное сообщение из Шанхая.

В ближайшее время из Тяньцзина выезжает японский агент и член Сев.-Восточного отдела БРП[1] Баранов Константин Владимирович[2]. Баранов намерен пробраться в Улясутай (пункт во Внутренней Монголии) и связаться с Дилова-хутухтой[3].

Дилова-хутухта, по данным Баранова, поддерживает тесную связь с князем Дэваном[4] и друг. монгольскими князьями, подготовляет контрреволюционное выступление против правительства МНР. Дилова-хутухта связан также с японцами.

Японская разведка направила в МНР двух агентов-немцев, Берегера и Беккенкампфа.

По сведениям Баранова, японцы подготовляют налеты на обозы фирмы «Востваг»[5], торгующей в МНР. На деньги, добытые от налетов, будут сформированы банды для операций на границе МНР.

В данное время во Внутренней Монголии находится старый японский агент – швед Ларсон[6], ведущий разведку по направлению Урга – Дужумэ.

Нач. ИНО ГУГБ подпись

Нач. 7 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 184. Подлинник.

№ 139
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о настроениях монгольского руководства по вопросу о Халхин-Сумэ

№ 225996 11 июля 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–7 Нач. опер. отд.
8. В дело

О настроении монгольского руководства

По сообщению из Улан-Батора, председатель правительства МНР Гэндун по возвращении из отпуска в узком кругу руководящих монгольских работников высказал мысль о том, что в связи с позицией, занятой японцами при обсуждении вопроса о Халхин-Сумэ, монгольская делегация при последующем обсуждении условий восстановления дружественных отношений должна была пойти на соответствующий компромисс.

«Маньчжурцы это не японцы, хотя Маньчжоу-го находится под игом японцев 3 года, а мы 14 лет дружим с СССР», – сказал Гэндун, по-видимому намекая на то, что якобы положение Маньчжоу-го не отличается от МНР и поэтому установление дружественных отношений не является неприемлемым[1]. В завуалированной форме эту же мысль он высказал полпреду Таирову[2].

На заседании ЦК МНРП Гэндун и Дэмид высказали необходимость оказать немедленное вооруженное сопротивление в случае вторжения маньчжурских или японских войск.

На следующий день в беседе с полпредом после информирования Гэндуна о ноте протеста Советского Союза японцам, Гэндун комментировал свое выступление в Президиуме ЦК как намерение поднять «упавший дух» вследствие внешнеполитических осложнений. Характерно, что делегированные руководством к полпреду после заседания ЦК МНРП с просьбой о помощи Союза Чойбалсан и Дэмид, возвратившиеся от Гэндуна в тот же день, не информировали полпреда.

За последнее время отмечается консолидация монгольского руководства вокруг Гэндуна, в частности группы секретаря ЦК Элдэв-Очира и военмина Дэмида. Например, Дэмид, являвшийся постоянным информатором полпредства, «освещавший» настроения Гэндуна, последние две недели в полпредстве не появляется и о своих разговорах с Гэндуном (встреча состоялась по вызову последнего в свою резиденцию отдыха) не сообщил ни слова. Элдэв-Очир в своих разговорах с полпредом отделывается общими фразами. Внешне же в результате дипломатического вмешательства Советского Союза в инцидент монгольское руководство проявляет удовлетворение. Для усиления же обороноспособности страны оно, несмотря на вынесенное Комиссией обороны специальное постановление, мер до сих пор не приняло.

Нач. ИНО ГУГБ подпись
Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 180–181. Подлинник.

№ 140
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о настроениях монгольского руководства в связи с переговорами между Монголией и Маньчжоу-го

№ 226023 15 июля 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–7. нач. опер. отд.
8. к делу

Настроения монгольского руководства в связи с переговорами (составлено по сообщению главного инструктора ГВО)

Несмотря на значительные достижения Монголии во всех областях хозяйства и строительства при непосредственной экономической и политической поддержке СССР, со стороны ряда руководящих работников МНР проявляются тенденции строить внешнюю и внутреннюю политику МНР самостоятельно от СССР.

Знаменательным в этом отношении является заявление в своем тесном кругу Гэндуна (пред. пр-ва) о том, что обещания и заверения, сделанные в Москве, в беседе с тов. Сталиным, были вынужденными обстановкой, а здесь они для него необязательны, здесь он хозяин, и поэтому считаться с указаниями т. Сталина он не обязан.

В другом случае по поводу продажи КВЖД[1] Гэндун заявил, что для Монголии будет значительно выгоднее, если японцы будут крепче нажимать на СССР, причем Гэндуном и его окружением факт продажи дороги истолковывается как слабость СССР.

Первое предложение японцев об установлении дружественных отношений между Монголией и Маньчжоу-го[2], переданное в одной из «нот» через погранпост МНРА, было встречено монгольским руководством (Гэндун, Амар – пред. Малого Хурала, Мэнд – минторгпром, Дэмид – военмин) положительно, и своего удовольствия по этому поводу Гэндун не пытался скрывать даже в беседе с полпредом Таировым.

За два дня до отъезда делегации в Маньчжурию Гэндун собрался на один месяц в отпуск и накануне отъезда уехал в свой улус[3], не принимая участия в окончательном инструктировании делегации.

После вторичного предложения о взаимном признании, сделанного монгольской делегации в Маньчжурии и не отвергнутого сразу же на основании имевшихся точных инструкций Самбу (пред. монгольской делегации по переговорам), вопрос этот был подвергнут серьезному обсуждению на Президиуме ЦК МНРП. Обсуждение вопроса происходило без Гэндуна, который находился в отпуску, и без Дэмида, который в это время уехал к Гэндуну. Причем Дэмиду к моменту его отъезда в резиденцию Гэндуна было известно официальное предложение японо-маньчжурской стороны о взаимном признании. На обсуждении Президиума ЦК стояли

два вопроса: ответ на телеграмму Самбу по поводу предложения японо-маньчжурской стороны и опубликование в печати японских провокаций на восточной границе МНР (поставлен Таировым).

По первому вопросу обсуждался и проект ответа, составленный Таировым. Ответ был краткий, подтверждавший первоначальную инструкцию, данную Самбу. Ответ этот не удовлетворил монгол. В прениях выявились две точки зрения на вопрос о признании, сводящиеся, по существу, к одной – не отвергать сделанного предложения и найти такую формулу, которая позволила бы монголам вернуться к обсуждению этого вопроса в подходящий момент.

Первая точка зрения на заседании была выражена Амаром и которую выражают Гэндун, Мэнд, Дэмид – выражающаяся в том, что взаимное признание может принести пользу Монголии при условии сохранения независимости МНР.

Вторая точка зрения была представлена Элдэв-Очиром, Чойбалсаном, которые не верят в то, что в случае вторжения японо-маньчжурских войск в пределы Монголии СССР станет серьезно защищать Монголию, и поэтому не следует пренебрегать сделанным японцами предложением.

В результате прений Амаром была внесена поправка к проекту ответа, составленного Таировым: «в данном случае», т. е. МНР за взаимное признание после разрешения конфликта с Халхин-Сумэ.

Эта поправка устроила обе стороны, при этом Элдэв-Очир выражал особое удовлетворение, заявив, что это именно то, что он думал.

В результате обсуждения этого вопроса в директиву монгольской делегации внесли лишь коррективу, что вопрос о взаимном признании может быть обсужден после разрешения конфликта с Халхин-Суме.

По второму вопросу решение было принято условно с осуществлением его после голосования с Гэндуном.

Из других стремлений эмансипироваться от СССР в области экономической следует отметить определенную задачу – выйти непосредственно со своим экспортом и импортом в третьи страны, в частности, в Китай.

При подведении баланса Монценкопа[4] за 1934 г. выявилось, что кооперация понесла убытки около 4½ милл. тугриков. При этом было установлено, что убытки понесены в результате реализации китайских товаров, импортируемых в Монголию через «Востваг». Баланс составлялся советскими инструкторами и бухгалтерами.

При обсуждении баланса Монценкопа на Президиуме ЦК со стороны монгол были заявления, что убыточными являются не китайские товары, а советские, но так как баланс составлялся советскими инструкторами, то они сделали так, что убыточными оказались китайские товары. Все суждения сводились к тому, чтобы переложить убытки на СССР.

Изыскивая пути к непосредственному выходу в третьи страны, монголы решили, что самым тактичным по отношению к СССР будет, если они откажутся со следующего года от работы по экспорту с «Востваго», с которым у них в нынешнем году заключен монопольный договор на экспорт в третьи страны и который их кредитует на один миллион ам. долларов, предложив СССР взять на себя экспорт и импорт третьих стран, заранее зная, что СССР на это не согласится.

В связи с этим началось определенное преследование «Вовствага» по линии ГВО: всячески тормозятся операции на границе, задерживаются под видом досмотра грузы, производится досмотр грузов. В частности, Намсарай ставил вопрос об активной разработке «Вовствага», который, по его мнению, является «безусловно фашистской организацией и занимается шпионажем». В «Вовстваг» монголами внедрено два с/о[5], которые уже начинают давать провокационные материалы.

«Вовстваг» обвиняется в чрезмерном повышении цен, в баратных операциях[6] и т. п. Особую активность в отношении «Вовствага» проявляет Дэмид.

Несмотря на монопольный договор между «Вовствагом» и Минторгпромом на экспорт в третьи страны, последний нелегально от «Вовствага» выдает китайцам лицензии на вывоз из Монголии в Китай самоцветов, пушнины и пр. товаров.

За последнее время монгольский аппарат ГВО значительно активизировал свою работу в направлении вскрытия недостатков в работе приглашенных советских работников и специалистов, зачастую раздувая и искажая отдельные факты до абсурда. Чувствуется определенный систематический нажим на советский инструктаж, работающий в хозяйственных учреждениях, с целью его выживания. Был случай, когда монголы заявили советнику Минскотзема Леппа примерно следующее: «Собственно, что Вы нам можете посоветовать: как хлеб сеять, так он в Монголии не растет, а как скот разводить, так мы сами знаем, так как все монголы – скотоводы».

Нач. ИНО подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 172–176. Подлинник.

№ 141
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о монголо-маньчжурских переговорах

№ 226077 17 июля 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–9. нач. опер. отд.
10. к делу

О монголо-маньчжурских переговорах и настроении монгол. руководства

По сообщению из Улан-Батора, 11 июля с. г. состоялось шестое заседание монголо-маньчжурской конференции по переговорам о Халхин-Сумэ[1].

Монгольская делегация исчерпала все документальные доказательства о принадлежности Халхин-Сумэ к МНР и находится в тупике.

Председатель монгольской делегации Самбу считает документы японо-маньчжурской стороны более убедительными и исчерпывающе доказывающими принадлежность Халхин-Сумэ к Барге.

В связи с дипломатическим вмешательством СССР в маньчжуро-монгольский конфликт среди монгольского руководства отмечается успокоенность[2].

В результате ни одно оборонное мероприятие в жизнь не проводится.

При обсуждении на Совете обороны вопроса о помощи СССР Гэндун рекомендовал военмину Дэмиду не особенно расширять заявки на вооружение, т. к. их придется оплачивать.

У монгол имеется тенденция, пользуясь событиями, сократить мясозаготовки для СССР.

Зам. нач. ИНО ГУГБ подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 167. Подлинник.

№ 142
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о настроениях монгольского руководства в связи с монголо-маньчжурскими переговорами

№ 226076 17 июля 1935 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–8. нач. опер. отд.
9. К делу

Спецсообщение

О настроении монгольского руководства

По сообщению из Улан-Батора, Гэндун (пред. пр-ва) и Дэмид (военмин) в присутствии Чойбалсана (зам. пред. пр-ва) и Намсарая (нач. ГВО) высказали свое недовольство и возмущение тем, что обслуживающий вагоны монгольской делегации по переговорам персонал состоял из сотрудников НКВД.

Кроме того, Гэндун после принятия резолюции на заседании ЦК МНРП о вооруженном отпоре японцам сказал, что на этом заседании он выступил резко только с целью «поднять дух», а на самом же деле находит более правильным путь, который не раздражал бы японцев. Поэтому опубликование в мировой печати материалов конфликта Гэндун считает ошибкой[1].

Зам. нач. ИНО ГУГБ подпись

Нач. 8 сект. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 168. Подлинник.

№ 143
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О настроении монгольского руководства»[1]

№ 226622 11 августа 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–9. Н-кам. опер. отд.
10. К делу

По сообщению из Улан-Батора, ЦК МНРП, обсуждая ответ на ноту японцев об обмене представителями с пребыванием их в столицах и в двух пограничных пунктах с присвоением им дипломатических прав, решения не вынес.

Комментируя это заседание, начальник Государственной внутренней охраны МНР Намсарай заявил: «Некоторые товарищи воздерживаются от принятия решения до получения указаний из Москвы».

В беседе со своим заместителем Чойбалсаном и секретарем ЦК МНРП Лубсан-Шираб председатель пр-ва МНР Гэндун сказал, что он при свидании с полпредом Таировым давал на вопросы последнего самые резкие ответы, т. к. полпред якобы проявляет к нему недоверие. При этом Гэндун намекнул, что он готов потягаться с полпредом.

Лубсан-Шираб и Чойбалсан сильно обеспокоены настроениями Гэндуна, предвидя, что его отношения с полпредом могут отразиться на дружбе МНР и СССР[2].

7 августа начальник ГВО МНР Намсарай, будучи на банкете и находясь в нетрезвом состоянии, говорил личному секретарю Гэндуна следующее:

«Завтра у меня состоится совещание по ламскому вопросу, где советские работники, несмотря на свою неосведомленность, будут давать оценку нашей работе по ламству. Ламство представляет собой самую крупную силу, и без решительной борьбы его не победить, особенно при данной внешней обстановке[3]. Сейчас нашей независимости грозит опасность, и все дело зависит от правильного руководства. Правильное руководство будет обеспечено в том случае, если СССР и полпред Таиров будут внимательно следить за происходящими процессами в руководстве, если за внешностью человека будут видеть его нутро и правильно оценивать положение МНР и состояние руководства. Среди членов президиума ЦК МНР[4] нет ни одного порядочного человека, который говорил бы искренне. Гэндун деклассированный элемент, бывший участник воровских шаек. Эльдеб-Очир – типичный интеллигент, не испытавший никакого гнета. Остальные члены президиума такого же духа. Только я пережил немалое, являясь представителем аратства, и готов положить голову за независимость МНР. Я уважал Чуцкаева, уважаю и Таирова. Судьба независимости МНР будет зависеть от того, насколько СССР, в частности Таиров, будут трезво оценивать наше руководство и отдельных руководителей. Главное – не поддаваться фразеологии наших руководителей. Цену нашего руководства

я знаю. Это подтверждают факты. Мы расстреляли Лхумбо и других, но у меня не дрогнет рука, если еще найдутся люди, подобные им».

Зам. нач. ИНО подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 244–245. Подлинник.

№ 144
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о создании монголо-маньчжурской пограничной комиссии

№ 226674 14 августа 1935 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягоде
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–9. Начоперотдела
10. В дело

Об ответе монгол на японо-маньчжурские предложения

По сообщению из Улан-Батора, на заседании ЦК МНРП 9 августа обсуждался японо-маньчжурский ответ по вопросу об обмене представителями[1].

Все участники заседания, за исключением Гэндуна (пред. пр-ва) и секретаря ЦК Элдэв-Очира, расценивали ответ Канки как повторение предложения о дружбе и обмене представителями и консулами и высказывались за необходимость остаться на своей прежней позиции о пограничных комиссиях.

Гэндун, видя в предложениях Канки уступки, предлагал принять их. По мнению Гэндуна, японцы добиваются либо дружбы, либо войны, поэтому принятие японского предложения якобы избавит МНР и от войны, и от дружбы с японцами. При этом Гэндун энергично возражал ряду работников, указывающих на то, что назначение японо-маньчжурского представителя в Улан-Баторе равносильно захвату МНР японцами.

Чойбалсан (заместитель Гэндуна) предлагал назначить резиденции пограничных комиссий вблизи границы: Ганжур, Тамсак или Халхин-Сумэ.

В результате решено настаивать на прежнем предложении (о создании комиссии с ограниченными правами по урегулированию пограничных инцидентов), а в качестве резиденции комиссий указать пункты Тамсак и Хайлар. Элдэв-Очир присоединился к этому решению. Гэндун в единственном числе остался при особом мнении.

Дэмид (военмин) отсутствовал по случаю маневров МНРА.

После заседания ЦК Гэндун в беседе с полпредом заявил: «Хотя телеграмма Самбу и прежний текст ответа Канки и расходятся, но общий смысл понятен. Маньчжоу-го согласно с нашим предложением, но при условии, если представители обеих сторон будут назначены в столицах. По существу, получается не пограничная комиссия, а обмен послами.

Факт согласия с нашим предложением о назначении комиссии означает отказ от требований от 4 июля (о принятии японо-маньчжурского представителя на территории МНР и отводе войск из района Тамсака) и признание своей вины в халхинском конфликте. Нельзя ли поэтому добиться полного их отказа от требований 4 июля и при повторении нашего предложения о пограничной комиссии указать Халхин-Сумэ как пункт для установления резиденции на монгольской территории и соответ. пункт в Маньчжурии[2]. Мы не исключаем, что Маньчжоу-го не оставил прежней политики и положение может обостриться.

Полпред указал, что ответ Маньчжоу-го означает отступление последнего от главных целей, поэтому нет надобности добиваться полного отказа от требований от 4 июля, так как такое требование обострит отношения. На сдачу Халхин-Сумэ, Маньчжоу-го не согласится.

В полученных от Самбу записях бесед Канки указывает на необходимость предоставления комиссиям дипломатических прав и свободы передвижений, требует срочного ответа и, кроме того, опровержения в прессе заявления Чойбалсана (опубликованного ТАСС), якобы оскорбляющего Маньчжоу-го.

Ответ маньчжурцам, согласно решению ЦК, послан 10 августа.

После вручения этого ответа Самбу должен выехать в Улан-Батор для доклада правительству и получения инструкций для дальнейших переговоров.

Нач. ИНО подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 233–235. Подлинник.

№ 145
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «Об активизации казахских банд на алтайской границе МНР»

№ 226775 21 августа 1935 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–9. Нач. опер. отд.
10. К делу

По сообщению из Улан-Батора, в пограничной полосе монгольского Алтая, продолжает фиксироваться закагентурой активность казахских банд. Под руководством чиновника Хоши, известного ГВО как инспиратор бандналетов на территорию МНР, 25 июля было проведено совещание руководителей мелких банд, на котором выработан план разгрома Алтайской комендатуры МНР (ур. Халиун-гол в 240 км к югу от Улясутая).

Тактика банды: 1) отдельными мелкими группами совершать одновременно налеты на все заставы с целью отвода войск от основного направления, 2) попытаться вывести из строя конский состав комендатуры, 3) концентрированными силами нанести удар на управление комендатуры.

С 28 июня отмечается систематическое появление мелких банд на участках первой и других застав алтайской комендатуры ГВО. Меры, необходимые для отражения налетов, ГВО приняты.

Нач. ИНО подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 228. Подлинник.

№ 146
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О политико-моральном состоянии Улан-Баторского гарнизона МНРА»

№ 226813 26 августа 1935 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Гаю
5–9. Н-кам опер. отд.
10. К делу

О политико-моральном состоянии Улан-Баторского гарнизона МНРА

По полученным данным, на 15 августа в Улан-баторском гарнизоне учтено 53 случая пораженческих настроений, выразившихся в разговорах о неизбежности войны с японцами и поражении Монголии. Отмечается недовольство увеличением срока службы в армии.

За 15 дней августа из частей гарнизона дезертировало 28 человек, из которых 11 задержано. В самовольных отлучках находилось 10 человек. Кроме того, учтено 20 человек, подготовлявшихся к дезертирству.

Показательным процессом осуждены к расстрелу два цирика. Приговор передан на утверждение Малого Хурала. Приговор произвел сильное впечатление, отмечены жалобы на суровую расправу.

Политико-разъяснительная работа в частях усилена.

Зам. нач. ИНО подпись

Нач. 8 сект. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 222. Подлинник.

№ 147
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О численности и боеготовности Монгольской народно-революционной армии»

№ 227042 2 сентября 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1) т. Ягода
2) т. Агранову
3) т. Прокофьеву
4) т. Гаю
5) т. Фриновскому
6) т. Урицкому
7–10) Н-кам опер. отд.
11) К делу

По данным штаба МНРА, монгольская армия имеет 14 271 чел., из которых в строю находится 6958 человек, или 48% наличного состава армии, а остальное количество приходится на обслуживающий и прочий персонал.

В это число входят: части 2-го кав. корпуса и 35 отд. кав. полка в Восточном аймаке – 4604 чел.; 1-я кавдивизия в Улан-Баторе – 1519 чел.; 7-я отд. кавдивизия в Ундурхане – 724 чел.; 34-й отд. кавполк в Дзамын-Уд – 611 чел.; бронетанковый полк в Улан-Баторе – 452 чел.; отд. полк связи в Улан-Баторе – 368 чел.; 32-й полк в Завхане – 341 чел. и 31-й полк в Цэцэрлэге – 371 чел.

Вооружением, положенным по штатам мирного времени, воинские части в основном обеспечены. На военное же время запасов на территории МНР армия не имеет. Основные запасы снарядов, винтовок, патронов к ним и инженерно-технического имущества хранятся на границе СССР – в Кяхте.

Некомплект конского состава из расчета по одной лошади на бойца выражается в 3217 лошадях, по две – 10 175 лошадей. По решению правительства для укомплектования конским составом МНРА принято провести мобилизацию лошадей в Восточном, Убурхангайском и Центральном аймаках.

Боевая подготовка частей МНРА стоит на весьма низком уровне. Систематических занятий в конном строю не производится, т. к. лошади находятся в табунах. Цирики обучаются кавалерийскому делу в пешем строю и действовать крупными соединениями, как этого требует устав, не могут. Лошади, находясь в табунах, дичают и к строевой службе становятся непригодными.

По данным ГВО МНР, политико-моральное состояние частей МНРА неустойчивое. Отмечается большое количество высказываний в том духе, что в предстоящей войне с Японией Монголия окажется побежденной, что с японцами придет Панчен-Богдо, а его войска священны и воевать с ними нельзя. Таких пораженческих выступлений в период с февраля по июнь с. г. зарегистрировано 568. В июне отмечается рост террористических настроений против нач. состава. Этих высказываний учтено лишь по двум частям улан-баторского гарнизона (бронетанковый полк и объединенн. военное училище) 51 случай.

Засоренность личного состава МНРА политически ненадежным элементом достигает в наиболее крупных воинских соединениях очень высокого процента. Так, например, из 2749 старослужащих цириков 2-го кавкорпуса бывших лам 1221 чел. и проходящих как к. р. элемент по делам ГВО – 24 чел. Итого 1245 чел., что составляет 45% к составу старослужащих цириков этого корпуса.

В 7-ой кавдивизии процент засоренности еще выше: из 438 старослужащих бывших лам – 214 чел., участников к. р. восстания 1932 г. – 102 чел. и проходящих по делам как к. р. элемент – 12 чел., итого 328 чел., что составляет свыше 74 проц. к составу старослужащих цириков. В 1-й кавдивизии процент засоренности по отношению к общему количеству старослужащих равен 50 процентам.

Деятельность к. р. элемента в МНРА проходит в направлении подготовки антиправительственных <…>[1] создания к. р. организаций и т. п.

В 1-й кавдивизии за последнее время систематически расклеивались к. р. листовки, призывающие к неподчинению комсоставу и, в случае войны, к отказу от защиты государства. Агентурным путем установлено, что расклеивание листовок производилось группой цириков из 4 чел. по заданию ламы монастыря Гандан.

В авиабригаде за последнее время выявлено вредительство. Выпущенные в разное время из ремонта пять моторов к самолетам спустя незначительное время нахождения в воздухе, были вновь возвращены в ремонт.

В Улан-Баторском гарнизоне вскрыта к. р. организация в числе 25 чел. Организация состоит из бурят, ставящих своей целью объединение всех к. р бурятских сил для поднятия вооруженного восстания в момент возникновения военных действий[2]. Организация имеет своих людей в 3-м управлении штаба МНРА, в 1-й кавдивизии, в артполку этой же дивизии, в бронетанковом полку и в объединенном военном училище.

В 7-й кавдивизии выявлена группа цириков из 12 чел., ставящая по заданию тибетского ламы Хачки-гэгэна своей целью организовать в момент военных действий массовый переход цириков с оружием на сторону противника.

Нач. поста в Булун-дэрес (6-я кавдивизия), будучи завербован баргутским цагдой[3], создал из цириков шпионскую группу в составе 10 чел. Эта группа, помимо передачи закордон сведений об армии, подготовляла на случай войны массовый переход цириков с оружием и конским составом на сторону противника <…>[4].

Зам. нач. ИНО подпись

Нач. 8 сект. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 209–212. Подлинник.

№ 148
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о предполагаемом аресте главарей контрреволюционных повстанческих организаций

№ 227338 15 сентября 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–9. Н-кам опер. отд.
10. К делу

О предполагаемом аресте главарей к. р. повстанческих организаций, намечающих начало восстания на 15 октября

По данным из Улан-Батора, деятельность повстанческих контрреволюционных организаций резко активизировалась.

Контрреволюционная организация в Южно-Гобийском и Восточно-Гобийском аймаках (дело «Юго-Запад») насчитывает 100 человек. Эта организация охватывает 17 пограничных монастырей, в которых сосредоточены запасы продовольствия для повстанцев и Панчен-богдовских войск в случае их вторжения в МНР.

Вторая к. р. повстанческая организация, охватывающая Дзавханский, Кобдоский, Убсунурский и Косогольский аймаки, по неполным данным, насчитывает свыше трехсот человек, имея связи с закордоном, армией, госаппаратом, и располагает оружием[1]. По агентурным данным, вооруженное восстание намечено на 15 октября.

По докладу начальника Государственной внутренней охраны МНР Намсарая Президиум ЦК МНРП вынес решение о частичной ликвидации этих организаций. Будут арестованы пять человек в гобийских аймаках и шесть человек во главе с крупным авторитетным ламой Лобон-Санжитом, составляющие центральное руководящее ядро к. р. организации в пограничном Дзавханском аймаке.

При обсуждении этого вопроса в ЦК МНРП премьер-министр Гэндун пытался сорвать решение или оттянуть арест главарей контрреволюционных организаций.

Председатель Малого Хурала Амор[2] и начальник ГВО Намсарай выступили резко против точки зрения Гэндуна, после чего последний заявил: «Ну хорошо, я согласен на арест 11 человек, но ни одного больше».

Для проведения операции на места выброшены опергруппы с двумя инструкторами ГВО.

Гэндун предложил закончить дело в трехдневный срок. Дело предполагается слушать гласным судом.

Нач. ИНО подпись
Нач. 8 сект. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 204–205. Подлинник.

№ 149
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД «О налетах закордонных банд на пограничное население МНР»[1]

№ 227496 21 сентября 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно
ИНО НКВД

1. тов. Ягода.
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Фриновскому
5–9. Нач. опер. отд.
10. В дело

По сообщению из Улан-Батора, с конца июля с. г. отмечалась активизация закордонных казахских банд, оперировавших на территории Синьцзяна против Монгольского Алтая.

Так, например, в результате ряда совещаний казаков, проживавших в местности Бага-ном, происходивших под руководством чиновника-казака[2] Койчи, в начале августа имели место два случая налетов казакских банд на пограничное монгольское население. 01.08.35 на участке 3-й заставы алтайской погранкомендатуры (ур. Удзэр-Мянган-Булак, на карте есть) закордонная банда неизвестной численности и командования захватила 1000 голов овец и ушла за кордон.

04.08.35 казахская банда до 20 вооруженных, неизвестного командования, на участке 2-й заставы (ур. Мянган-Булак, 250 км северо-восточнее г. Баркуля в Синьцзяне) пыталась ограбить погранаселение, но благодаря быстро организованному преследованию пограничников эта попытка ограбления оказалась неудачной. В результате непродолжительной перестрелки банда, потеряв трех убитыми, скрылась за кордон.

Попытки перехода банд на участке этих же застав отмечались и позднее, но они своевременно были предотвращены погранчастями ГВО.

19.07.35 закбанда монгольских эмигрантов в 12 вооруженных неизвестного командования произвела нападение на участке 4-й заставы восточно-гобийской комендатуры ГВО и захватила у жителей Хатан-Булак-сомона (не ориентировано) 40 лошадей.

Высланной с 4-й заставы группой цириков в 4 человека во главе [с] нач. заставы у банды отбито 34 лошади. При перестрелке убито 2 бандита, у одного из которых обнаружен «Браунинг» с 42 патронами. Десять бандитов с остатком награбленных лошадей скрылись за кордон.

07.08.35 закбанда численностью в 7 вооруженных монгол-эмигрантов угнала у пограничных жителей Мунко-Обон-сомона (участок южно-гобийской погранкомендатуры) 60 голов лошадей.

Нач. ИНО ГУГБ подпись
Нач. 8 сект подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 329–330. Подлинник.

№ 150
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О состоянии авиабригады МНРА»

№ 227495 21 сентября 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Гаю
5–9. Нач. опер. отд.
10. В дело

По сообщению из Улан-Батора, авиабригада[1] МНРА находится в неудовлетворительном состоянии. Руководящий состав авиабригады в лице ее командира Очира Данги Церена, командиров отряда Дэмбэрэла и Жамбы, старшего техника бригады имеет слабую квалификацию, к своим обязанностям по подготовке монгольских летных кадров и к систематическому контролю за состоянием материальной части относится инертно, всецело полагаясь на рядовой летный состав и советский инструктаж. Командир бригады Очир Данги Церен систематически пьянствует.

Единственно работоспособным, энергичным и знающим свое дело из всего руководства авиачастей МНРА является начальник школы Шагды-Сурун.

Летная программа в бригаде систематически не выполняется вследствие отсутствия твердого руководства, необходимой организации летнего дела и главным образом ввиду бездействия руководящего состава авиабригады, в том числе и старшего инструктора бригады Судец[2]. Последний свои обязанности перекладывает на мл. инструкторов бригады. Судец, находясь большую часть времени не в лагерях, а в штабе МНРА, перекладывает всю свою работу на младших инструкторов бригады. Вследствие халатного отношения к своим обязанностям и работе Судец среди остального инструкторского состава авторитета не имеет.

Состояние материальной части авиабригады также оставляет желать много лучшего. Как на факт преступного отношения к самолетам следует указать на «порядок» хранения двух самолетов К–5, подаренных Советским Союзом в 1934 г.: самолеты в течение всего года простояли под открытым небом, подвергаясь порче.

Северный ангар наклонился в южную сторону, ферма крыши во многих местах разошлась, кирпичные столбы разрушаются. Хранение самолетов в таком помещении сопряжено с опасностью: крыша может обрушиться, уничтожив самолеты и моторы. Меры к предотвращению возможной катастрофы не принимаются.

Строительство аэродрома в Сонгино до сих пор не развернуто и находится под угрозой срыва.

Учет горючего, смазочного и др. материалов совершенно отсутствует. Расход горючего производится бесхозяйственно. Например, по данным авиабригады, с 1 января по 1 августа 1935 г. получено 72 тонны, а по данным Союзнефтьэкспорта[3]

отпущено 33 тонны бензина. Никто из руководящего состава авиабригады мер к упорядочению учета и экономному расходованию горючего не принимает.

Нач. ИНО ГУГБ подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 237–238. Подлинник.

№ 151
Информационное сообщение «О поведении председателя Совета министров МНР Гэндуна»

№ 227497 21 сентября 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. тов. Ягода
2. тов. Агранову
3. тов. Прокофьеву
4–9. Нач. опер. отд.
10. В дело

По сообщению из Улан-Батора, 14 сентября при обсуждении проекта соглашения с Маньчжоу-Го о пограничной комиссии председатель Совета министров Гэндун по вопросу о местонахождении маньчжурского представителя настаивал на необходимости предоставления последнему полной свободы передвижения по Монголии, заявив, что ограничение передвижения будет означать нарушение международных прав[1]. Однако под давлением большинства членов правительства Гэндун был вынужден согласиться с проектом предложения СССР, заявив: «Если большинство согласно, я тоже присоединяюсь».

15 сентября на проводах в Москву секретаря ЦК МНРП Элдэв-Очира, Гэндун спросил присутствовавшего на проводах нового посла Танну-Тувы: «Ты коммунист или нет?» Затем, обращаясь к министру торговли и промышленности Мэнд, сказал: «Ты тоже продался большевикам или нет? Вот Дэмид (военный министр), так тот совсем продался, но это не имеет значения, так как если я захочу, любого высеку как маленького и могу это сделать хоть сейчас» и, подойдя к Мэнду, два раза ударил его по лицу так, что у Мэнда носом пошла кровь. Дальнейшая драка была присутствовавшими предотвращена.

После этого один из членов монгольского правительства Гонжон, подойдя к Гэндуну, заявил: «Если бы тебя не было, то что стало бы с Монголией. Если нужно тебя защищать, я первый пойду за тебя».

Назначенный на 15 октября пленум ЦК МНРП, на котором полпред Таиров предполагал путем дискредитации Гэндуна отстранить его от руководства[2], под давлением самого же Гэндуна отложен до января 1936 г. Для осуществления провала Гэндуна полпред предполагал использовать на пленуме военного министра Дэмида, заместителя премьер-министра Чойбалсана, второго секретаря ЦК МНРП Лувсаншарава и, смотря по обстоятельствам, начальника ГВО МНР Намсарая.

Однако, судя по действиям Гэндуна, намеченные тов. Таировым мероприятия стали известны самому Гэндуну, и, вероятно, через Дэмида, ведущего провокационную игру перед полпредом Таировым, который, возможно, дал понять Дэмиду о своих планах в отношении Гэндуна.

Видимо, в результате этого на заседании ЦК МНРП, состоявшемся 14 сентября с. г., Гэндун заявил секретарям ЦК: «Вы намерены ставить вопрос о внешней политике и хозяйстве страны. Сейчас ставить эти вопросы нецелесообразно. Я отвечаю за всю работу, и незачем созывать пленум. В январе созовем его, и я вам расскажу, что я делал». Секретари ЦК МНРП Гэндуну не возразили, и пленум ЦК отложен до января 1936 г.

Нач. ИНО подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 331–332. Подлинник.

№ 152
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О новой провокации японцев на юго-восточной границе МНР»

№ 227552 22 сентября 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода.
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Фриновскому
... Нач. оперотделов
... В дело

По сообщению из Улан-Батора, 11 сентября на заброшенной дороге, находящейся между населенным пунктом Дзамын-Удэ[1], через который проходит тракт Улан-Батор – Калган, и третьей заставой восточно-гобийской погранкомендатуры в местности Убур-Билюты разъездом этой заставы на территории МНР, в 10 км от охраняемой линии границы, были обнаружены удалившиеся за кордон две легковые машины.

Произведенным осмотром этой местности обнаружено много следов китайских туфель и два японских иероглифа, обозначающие «Великая Япония» (начерчен на земле) и «Большой» (выложен из камня).

Кроме того, обнаружены:

1. Визитная карточка на японском языке «Объединенное общество восточно-азиатской промышленности. Заведующий делами Шан-Тян-Фу».

2. Визитные карточки на японском языке (работников) штаба армии Юань-Луц, Лондачинг-сан, Еши-Нима.

3. Записки на японском языке «9 сентября 11 г. японский император Ничжао-Хо приехал в эту местность для изучения геологии»[2].

4. Написанная неграмотно на монгольском языке записка «20 числа приезжали японцы, которые определяли границу территории».

Указанная местность по картам издания КВЖД 1925 г. относится к Улан-Цавскому сейму Внутренней Монголии[3].

Нач. ИНО подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 327–328. Подлинник.

№ 153
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «Состояние монгольского руководства в освещении секретаря ЦК МНРП Элдэв-Очира»

№ 227680 27 сентября 1935 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–9. Нач. опер. отд.
10. В дело

Состояние монгольского руководства в освещении секретаря ЦК МНРП Элдэв-Очира

По сообщению из Улан-Батора, 17 сентября, перед отъездом в Москву, секретарь ЦК МНРП Элдэв-Очир в беседе с главным инструктором Государственной внутренней охраны МНР заявил следующее:

«У нас с руководством неблагополучно, т. к. в ЦК имеются две группы[1]. Первая группа – это большинство ЦК, стоящее на платформе антифеодального некапиталистического пути развития МНР, опирающееся на Советский Союз и считающее необходимым теперь же приступить к широкому развертыванию культурно-массовой работы путем увеличения количества школ и медпунктов, ликвидации неграмотности, организации борьбы с ламством и других мероприятий, направленных к поднятию культурного и материального благосостояния аратства.

Вторая группа, представляющая собой меньшинство ЦК и возглавляемая председателем Совета министров Гэндуном, преследует, если так можно выразиться, феодализм, буржуазный путь развития. Гэндун является противником культурных начинаний, выступает за союз с ламством – против строительства промышленности и помощи в этом отношении со стороны Советского Союза, т. к. видит в этом закабаление Монголии[2].

Строительство «Монголводстроя» – организации Наркомвода, имеющей целью создать водные пути МНР посредством соединения и углубления рек Селенги, Орхона и Толы, Гэндун толкует как стремление русских ликвидировать гужевой транспорт с целью увеличения вывоза скота в Советский Союз. Он открыто выступает за союз с Японией и его надо устранить от руководства, но сейчас, в силу сложившейся обстановки, никто из ЦК не может ставить этот вопрос. Вам это надо учесть в Вашей работе.

Ваш начальник (нач. ГВО МНР Намсарай) – очень честный человек, но политически ограниченный и далее своего учреждения он ничего не видит. Он очень дисциплинирован, но робок, и Гэндун его буквально эксплуатирует. Обоих их еще связывает дело «Группа», которое Гэндун использовал в целях групповой борьбы. Гэндун оказывает сейчас на Намсарая сильное давление – не разрешает Намсараю поездку в Москву и всячески запугивает оппозицией большинства членов ЦК»[3].

19 сентября Элдэв-Очир выехал в Москву на лечение и операцию.

Начино подпись

Нач. 8 сект. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 324–325. Подлинник.

№ 154
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «Об отношении секретаря ЦК МНРП Лувсаншарава к премьер-министру Гэндуну»[1]

№ 227898 8 октября 1935 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–9. Нач. опер. отд.
10. К делу

По сообщению из Улан-Батора, второй секретарь ЦК МНРП Лувсаншарав в беседе с нашим источником заявил: «Премьер-министр Гэндун за последнее время сделал большую эволюцию вправо. Первое время – в 1933 г. и некоторое время после поездки в Москву – в 1934 г. он вел себя спокойно, а теперь он стал нетерпим[2]. Не имея своей принципиальной позиции, Гэндун говорит, что профсоюзы должны подчиняться непосредственно правительству, что интернациональное воспитание профсоюзам не нужно и что партия никакого отношения к ним не имеет. К партии Гэндун относится абсолютно отрицательно, хотя к старым членам ее вынужден относиться более или менее лояльно. Советский Союз же он все время ругает, обвиняя его в колониальном захвате МНР.

Пленум ЦК МНРП отложен на неопределенное время, формально – по причине отсутствия секретаря ЦК МНРП Элдэв-Очира. Вместо пленума пока созывается (на 20 октября) совещание секретарей аймачных комитетов МНРП».

Нач. ИНО подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 319. Подлинник.

№ 155
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о готовящемся в Косогольском аймаке МНР контрреволюционном восстании

№ 227977 10 октября 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода.
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–9. Нач. оперотделов
10. В дело

О готовящемся в Косогольском аймаке МНР к.-р. восстании и отношении к нему премьер-министра Гэндуна

По сообщению из Улан-Батора, филиал контрреволюционной организации в Косогольском аймаке возглавляет крупный авторитетный лама Эринчин-Дорж, являющийся одним из нерепрессированных активных руководителей восстания в 1932 г.

В связи с арестом руководителей контрреволюционной организации – лам: Хамбо Чойнзона в Улангоме, Лавран-Санжита в Завхане, Гэндэнсурэна в Алтайском аймаке ведется активная работа по подготовке восстания в Косогольском аймаке.

По агентурным данным, в двух монастырях, расположенных вблизи Тесин-хурена[1] (Косогольский аймак, район восстания 1932 г.) и руководивших Эринчин-Доржем, созданы первичные группы в 6–7 человек с расчетом на последующее обрастание этих групп повстанцами. В плане восстания предусматривается захват сомонных и аймачных центров, уничтожение правительственных работников и развертывание агитации по привлечению арат. При почти полном отсутствии агитмассовой разъяснительной работы со стороны ЦК МНРП и правительства и, наоборот, большой контрреволюционной работе ламства и насыщенности аймаков бывшими повстанцами восстание может рассчитывать на успех.

По линии Государственной внутренней охраны на место командирован начальник Косогольского отделения ГВО для проверки полученных сведений о вооруженных группах для проведения мероприятий по подготовке и ликвидации их. Одновременно этот вопрос был поставлен на заседании Президиума ЦК МНРП.

Монгольское руководство отнеслось к этому вопросу чрезвычайно спокойно. По предложению премьер-министра Гэндуна в Косогольский аймак послана бригада в составе 14 человек во главе с секретарем ЦК МНРП Лувсандоржем[2] для проведения массовой работы. По линии работы Государственной внутренней охраны МНРП приняла текстуально следующее решение: «Выявить главарей, которые продолжают вести контрреволюционную работу, и взять их на точный учет (они известны), после этого доложить на заседании президиума ЦК вопрос о мерах ликвидации. Не допускать массовых арестов среди контрреволюционных элементов, а арестовать только некоторых главарей, если они точно установлены, или же принять другие меры».

При инструктировании Лувсандоржа Гэндун якобы дал ему следующую установку: «Ведите работу так, чтобы восстание вспыхнуло. В 1932 г. было восстание, мы его ликвидировали и добились нового курса. Теперь мы его тоже подавим и дальше пойдем».

Лувсандорж рассказал об этом Лувсаншараву (второму секретарю ЦК МНРП), Чойбалсану (зам. премьер-министра) и Дэмиду (военному министру), но на это заявление Гэндуна пока никто не реагировал, ограничившись возмущением.

Нач. ИНО ГУГБ подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 316–318. Подлинник.

№ 156

Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о беседе секретаря ЦК МНРП Д. Лувсаншарава с полпредом СССР в МНР В. Х. Таировым

№ 229335 9 декабря 1935 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. тов. Ягода
2. тов. Агранову
3. тов. Прокофьеву
4–9. Нач. опер. отд.
10. В дело

О беседе Лувсаншарава с полпредом Таировым

По полученным данным, 3 декабря с. г. секретарь ЦК МНРП Лувсаншарав поделился с полпредом Таировым следующим своим разговором, который он имел с председателем правительства Гэндуном в 1933 г.

Гэндун тогда якобы учил Лувсаншарава способам избавляться от неугодных ему людей. Советовал от имени данных людей написать компрометирующие письма, а также письма, идущие к ним из-за кордона. Затем, перехватывая эти письма через ГВО, привлекать к ответственности.

По мнению Лувсаншарава, Гэндун в деле Лхумо[1] (секретарь ЦК МНРП, расстрелянный в 1934 г. по делу «Группа») был непоследователен и пытался «запутать» в нем ряд работников. В деле Лхумбо Гэндун подозревал советских инструкторов, что они хотят направить это дело против него (Гэндуна), и поэтому он предлагал устроить побег Лхумбо в Китай.

На расстрел Лхумбо Лувсаншарав и Дэмид (военмин) не были допущены, а когда они вместо себя послали Самбу[2] (бывш. мон. полпред в Москве) и Дашцэвэга (бывш. член Военного совета), последние также не были допущены. Лувсаншарав подозревает, что Лхумбо не расстрелян.

Гэндун, по словам Лувсаншарава, стремится стать диктатором и для этого готов отстранить любого. Намсарай (нач. ГВО) является послушным оружием[3] в руках Гэндуна. Его роль и поведение, по словам Лувсаншарава, сомнительны.

Аюша – заместителя Намсарая, Лувсаншарав считает близким поверенным и советником Гэндуна, играющим большую роль в ГВО.

Нач. ИНО подпись

Нач. 8 сект. подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 292–293. Подлинник.

№ 157
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О состоянии частей МНРА в Тамсаге»

№ 247069 3 января 1936 г.

г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–9. Нач. опер. отд.
10. В дело

По полученным данным, на состоявшемся совещании членов правительства МНР с участием полпреда т. Таирова, обсуждался вопрос о состоянии частей МНРА в Тамсаге. Отмечалось, что цирики плохо одеты, расквартированы в плохих юртах, не имеют рукавиц, топлива и фуража. 50–60% конского состава непригодны для боевых операций.

Решено: 1) произвести заготовку сена в Восточном аймаке; 2) организовать шефство отдельных учреждений центра над частями на границе; 3) поручить военному ведомству срочно снабдить части нужным количеством теплой одежды и юртами; проложить в течение полутора месяцев вторую телеграфную линию Улан-Батор – Баян-Тумэн (Сан-бэйсе).

В связи с возникшим подозрением о том, что ламство, проживающее у Тамсага, информирует противника о состоянии частей и населения, встал вопрос о выселении около 300 лам вглубь страны. Вопрос оставлен открытым до более тщательного изучения его.

Нач. ИНО ГУГБ подпись

Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 286. Подлинник.

№ 158
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О показаниях задержанных баргутских цириков»

№ 247441 20 января 1936 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Урицкому
5. т. Фриновскому
6–10. Нач. опер. отд.
11. К делу

По сообщению из Улан-Батора, задержанные на восточной границе МНР баргуты-пограничники показали, что их пограничный пост в Хермете установлен еще в октябре 1935 г. по распоряжению Ба-угурды (нач. левого крыла Барги) и японца Катакияма-сан. Пост находился юго-восточнее Хар-нор (10 км к югу от заставы Мандаба и от границы вглубь территории на 20 км). Цагды были мобилизованы Ба-угурдой и место расположения поста указано им как территория Барги.

Согласно показаниям начальника баргинского поста, устанавливается, что банда, проникшая на территорию МНР 2 января, при следовании из Маньчжоу-го в Монголию провела на этом посту ночевку и объяснила, что она направляется по приказу Хайлара грабить население МНР.

Баргуты, находившиеся на территории МНР в районе озера Хар-нор, 15 января откочевали в Баргу. Всего их было 17–18 юрт.

При проведении отселения баргут было установлено, что в момент захвата баргинского погранпоста отрядом МНРА огонь был открыт последним, а баргуты в перестрелку не вступали.

Нач. ИНО ГУГБ подпись
Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 277. Подлинник.

№ 159
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О мероприятиях японцев в связи с событиями в Монголии»

№ 247614 28 января 1936 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. тов. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Гаю
5–9. Нач. опер. отд.
10. тов. Урицкому
11–12. К делам

16 января японские военные власти в Харбине запретили местной прессе печатание всяких сведений относительно движения за независимость во Внутренней Монголии. К печатанию разрешаются только сведения, исходящие из штаба Квантунской армии.

Одновременно японцы предупредили корреспондента английского телеграфного агентства Рейтер в Харбине Лейкока о том, что события в Монголии будут развиваться, и предложили ему освещать эти события в желательном для них духе. Лейкок дал согласие при условии, что вся информация сначала будет попадать ему, а уж затем только в японские газеты. Требование Лейкока послано на рассмотрение в Чанчунь.

По имеющимся сведениям, Лейкок тесно связан с японцами и регулярно получает от них деньги.

Нач. ИНО ГУГБ подпись
Нач. 7 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 352. Подлинник.

№ 160
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О настроении монгольского руководства»

№ 247612 28 января 1936 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. тов. Ягода
2. тов. Агранову
3. тов. Прокофьеву
4–9. Нач. опер. отд.
10. В дело

По сообщению из Улан-Батора, заместитель премьер-министра Чойбалсан заявил, что 19 января, накануне заседания Президиума ЦК МНРП, Гэндун вызвал то-

варища министра иностранных дел Дугаржапа[1] и сообщил, что на него (Гэндуна) в Москву давались ложные сведения, но, несмотря на это, он вышел победителем.

Дугаржап с возмущением передал это секретарю правительства Доксому[2], заявив: «Среди нас не люди, а волки, которые пытаются оклеветать вождя».

Выступление Гэндуна на заседании Президиума ЦК МНРП, продолжавшемся восемь часов, длилось лишь 8–10 минут и было малосущественным[3].

После заседания ЦК МНРП авторитет Гэндуна в правительственных кругах сильно поколеблен, и многие возмущены его поведением в Москве[4].

Заместитель премьер-министра Чойбалсан считает, что Гэндун может опять начать склоку, т. к. последний недостаточно учел урок, полученный в Москве.

Начальник Государственной внутренней охраны Намсарай 21 января был у полпреда и, признав свои ошибки, дал клятву, что отныне будет иметь собственное мнение и перестанет слепо следовать за Гэндуном.

Нач. ИНО ГУГБ подпись
Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 353–354. Подлинник.

№ 161
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД «О заявлениях Ульдзе-Очира о провокационных действиях Гэндуна»

№ 247763 3 февраля 1936 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Гаю
5–9. Н-кам опер. отд.
10. К делу

По полученным данным, в процессе развертывания кампании по разоблачению правых ошибок Гэндуна[1], секретарь ЦК МНРП Лубсан-Шираб[2] обрабатывает личного секретаря Гэндуна Ульдзе-Очира. Последний заявил, что в прошлом он лично под диктовку Гэндуна вносил в какие-то (неизвестные ему) документы поправки, направленные против б. секретаря ЦК МНРП Бадархо.

Улдзе-Очир сейчас предполагает, что по этим фальшивкам Бадархо был скомпрометирован и выслан в СССР.

Примечание: Бадархо – дербетец из западных аймаков МНР. С 1928 года по 1932-й вместе с Гэндуном возглавляли т. н. «левое» руководство. После перегибов и восстания 1932 г. разошелся с Гэндуном и работал минздравом[3]. С 1934 г. находится в Москве и работает в издательстве «Иностранный рабочий»[4].

НАЧИНО подпись
Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 345. Подлинник.

№ 162
Информационное сообщение ИНО ОГПУ о беседе премьер-министра МНР А. Амара с полпредом СССР В. Х. Таировым

№ 247816 4 февраля 1936 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4–9. Н-кам опер. отд.
10. К делу

О беседе Амара с полпредом тов. Таировым

По полученным данным, 31 января пред. Малого Хурала Амар в беседе с полпредом заявил: «Премьер Гэндун и нач. ГВО Намсарай своих ошибок не осознали и не поняли московской линии. Если так будет продолжаться, то трудно будет работать. Надо срочно перестроить аппарат ГВО. Минторгпрома[1] Мэнда и других работников надо вырвать из-под влияния Гэндуна и исправить. Мероприятия, вытекающие из Ваших советов, можно провести; деньги можно достать даже так, что арат не заметит это. Ламские вопросы тоже можно провести».

30 января Гэндун беседовал с полпредом. Ставил вопрос, как быть с ценами на товары, как быть с ламским вопросом и т. д. Разговор был чисто формальным. Сам он ничего конкретного не предлагал.

За последнее время Гэндун начал совершать частые выезды за город: с 26 по 27 января пробыл в районе за 150 км якобы у родственников, 29, 30 и 31 января, после 17 часов, уезжал из города неизвестно куда, что ранее не имело места.

Нач. ИНО подпись
Нач. 8 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 341. Подлинник.

№ 163
Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР об отряде атамана Семенова

№ 247830 5 февраля 1936 г.
г. Москва Совершенно секретно

1. т. Ягода
2. т. Агранову
3. т. Прокофьеву
4. т. Гаю
5–9. Нач. опер. отд.
10–11. К делам

ИНО ГУГБ НКВД получено следующее сообщение из Пекина:

По сведениям из японских источников, атаман Семенов организовал и в ближайшее время перебрасывает в Долон-Нор отряд белых в количестве 700 человек. В дальнейшем предполагается продвижение отряда к границе МНР.

Примечание ИНО ГУГБ: УНКВД ДВК и ВСК информированы. Приняты меры к уточнению этих данных.

Нач. ИНО подпись

Нач. 7 сектора подпись

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 340. Подлинник.

КОММЕНТАРИИ К ДОКУМЕНТАМ

№ 1

[1] Борисов Сергей Степанович (1889–1937) – советский дипломат, ойрот (алтаец), член РКП(б) с 1921 г., заведующий Монголо-тибетским отделом секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) (1920–1921). В июле 1920 г. выезжал в Монголию для организации поездки монгольской делегации в Советскую Россию, с марта до сентября 1921 г. работал первым представителем Коминтерна в ЦК МНП, затем референтом, помощником заведующего Дальневосточным отделом НКИД СССР (1925–1929), в Восточном отделе ИККИ, Дальневосточном секретариате ИККИ, в 1933–1934 гг. – секретарь Монгольской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), в 1936 г. – зав. отделом НКИД СССР. Расстрелян (1937). Реабилитирован (1956) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 432; Коминтерн ба Монгол 1996: 428].

[2] Доржиев Агван (1854–1938) – буддийский религиозный, общественный и политический деятель России и Тибета, ученый, дипломат, просветитель. Бурят. Партнер по философским диспутам и официальный представитель Далай-ламы XIII в России. Один из уполномоченных, подписавших договор о взаимном признании Тибетского и Монгольского государств 11 января 1913 г. После Октябрьской революции 1917 г. занимался политической и религиозно-реформаторской деятельностью в Советской России. Арестован (1937). Умер в тюрьме г. Улан-Удэ (1938).

[3] Вампилон (Вампилун, Вампилов) Баярто Ванданович (Баэртон Гандалович, 1887–1937) – советский политический и общественный деятель. Бурят. С 1917 г. – один из лидеров бурятского национального движения. В 1923–1925 гг. участвовал в тибетской экспедиции Наркомата иностранных дел СССР (экспедиция Н. К. Рериха). С 1925 г. – служил в полпредстве МНР в Москве. В 1926 г. направлен в Монголию для работы в должности научного консультанта Экономического совета. Арестован в Монголии и выслан по обвинению «в попытке реставрации феодальной Монголии и ведения контрреволюционной агитации» (1931). Уголовное дело против него, возбужденное в июле 1932 г. ОГПУ Восточно-Сибирского края, было прекращено через два месяца ввиду отсутствия состава преступления. Впоследствии снова репрессирован. Точная дата смерти и место захоронения неизвестны [Выдающиеся бурятские деятели 1999: 21–24].

[4] Осенью 1920 г. в НКИД рассматривался вопрос о тибетской экспедиции, в обсуждении которого приняли участие Агван Доржиев, А. Амур-Санан, Э.-Д. Ринчино. Свой проект предложил Б. З. Шумяцкий. Перед участниками экспедиции ставилась задача провести сбор информации о стране и подготовить почву для будущих официальных переговоров между советским и тибетским правительствами, т. е. фактически это была разведывательная («рекогносцировочная») экспедиция. Ее возглавил один из военных инструкторов МНРА калмык В. А. Хомутников (псевдоним – Василий Кикеев); кроме него в состав вошли шестеро калмыков и один бурят. Из Урги отряд выступил в сентябре 1921 г. и достиг Лхасы 9 апреля 1922 г. Аудиенция с Далай-ламой XIII состоялась в Потале, переводчиком выступил бывший секретарем при Далай-ламе калмык Шарап Тепкин. Экспедиция покинула Лхасу 1 мая 1922 г. В своем отчете, поданном в НКИД, Хомутников подробно информировал о политической и хозяйственной жизни Тибета, политических взглядах Далай-ламы и некоторых членов тибетского правительства, отношениях Тибета с Китаем и Англией. Следующую экспедицию в Тибет возглавил С. С. Борисов, в нее входили Б. Вампилон (Вампилов), буряты и один калмык. Главной задачей ставилось установление дружественных отношений. Группа Борисова выехала из Урги в конце января 1923 г., в Лхасу добралась в августе 1924 г., встреча с Далай-ламой состоялась на следующий день по приезде.

Переговоры Борисова ни к чему не привели, соглашение между странами не было подписано (подробнее см.: [Андреев 2006: 229, 240, 260 и др.]).

[5] Карахан Лев Михайлович (Караханян Левон Микаэлович, 1889–1937) – советский государственный деятель, дипломат. В августе–октябре 1917 г. – член президиума и секретарь Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Во время Октябрьской революции – член Петроградского Военно-революционного комитета; позднее – зам. наркома НКИД РСФСР (1918–1920); член бюро ИККИ (1919); полпред РСФСР в Польше (1921–1922); зав. Восточным отделом НКИД РСФСР (1922–1923); полпред СССР в Китае (1923–1926); зам. наркома иностранных дел СССР (1927–1934); полпред СССР в Турции (1934–1937). Отозван в Москву (1937). Арестован, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян. Реабилитирован (1956).

[6] Шумяцкий Борис Захарович (1886–1938) – советский государственный деятель, дипломат, активный участник революционного движения в России. Член РСДРП (1903), один из руководителей вооруженных восстаний в Красноярске и Владивостоке (1905–1907). Председатель губисполкома в Сибири (1918–1919), председатель совета министров Дальневосточной республики (1920–1922). На дипломатической работе с 1921 г. В 1921 г. – уполномоченный НКИД РСФСР по Сибири и Монголии; принимал участие в подготовке Монгольской народной революции 1921 г., в организации приема монгольской делегации и подписания первого двустороннего «Соглашения об установлении дружественных отношений между РСФСР и Народной Монголией» от 5 ноября 1921 г.; советник полпредства РСФСР в Иране (1922–1923); полпред и торгпред СССР в Иране (1923–1925). С 1926 г. – член бюро Ленинградского губкома ВКП(б), ректор КУТВ (1926–1928), член Средазбюро ЦК ВКП(б); председатель правления «Союзкино» (с 1930), начальник Главного управления кинопромышленности (с 1933). Почетный гражданин МНР (1931). Арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации «правых» (1938). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1956) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 472].

[7] Урга (монг. *Өргөө*) – старое название столицы Монголии до 1924 г., использовавшееся в российской и европейской литературе. В 1921–1924 гг. – официальное название Нийслэлхурэ (монг. *Нийслэл хүрээ*). Ныне – Улан-Батор (монг. *Улаанбаатар*).

[8] Букатый Василий Людвигович (1890–1971) – советский партийный и государственный деятель. Участник революционного движения в Сибири, член РСДРП (с июля 1917). Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны воевал против белогвардейцев в Забайкалье, затем работал в подполье. Комиссар Восточно-Сибирской советской армии (1920), военком Иркутской дивизии Народно-революционной армии ДВР; руководил вооруженным разгромом остатков колчаковской армии. Зам. председателя Иркутского губревкома (1920–1921); работал в ВЧК – ОГПУ. Сотрудник Дальневосточного секретариата Коминтерна (1921). В июне 1921 г. командирован в Монголию, участвовал в Монгольской народной революции. Член Военного совета МНА. Находился в Монголии до конца октября 1921 г., после чего назначен зав. отделом Иркутского губкома РКП(б), зам. секретаря Енисейского губкома РКП(б) (1922); в 1925–1929 – на партийной работе; в 1930 г. – секретарь Красноярского горкома ВКП(б), секретарь Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б), затем председатель Восточно-Сибирского крайисполкома Советов депутатов трудящихся (1932). Член Комиссии советского контроля при СК СССР, с сентября 1937 г. – уполномоченный этой комиссии по Куйбышевской обл. Арестован (1937), более трех лет находился под следствием. Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к восьми годам ИТЛ за «участие в правотроцкистской организации» (1940). Освобожден (1946), вновь арестован (1950). Приговорен к ссылке (1951). Реабилитирован (1956) [Революционный подвиг сибиряков 1972: 72–73].

[9] Янсон Яков Давидович (1886–1938) – зав. Отделом Дальнего Востока НКИД РСФСР (1920), член Дальбюро ЦК РКП(б), министр иностранных дел ДВР (1921–1922), торговый атташе в Японии (1926–1927). В 1930-е годы работал в аппарате ИККИ, в издательстве "Academia" (1937). Арестован (1937). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1955) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 474].

№ 2

[1] Охтин (наст. фамилия Юров) Андрей Яковлевич (1891–1938) – советский дипломат. Активный участник революционного движения. Член РСДРП с 1908. Зав. общим отделом ВЦИК (1918). В 1919–1920 гг. – зам. начальника политотдела Восточного фронта, пред. Революционного Военного трибунала Восточного фронта, нач. политотдела 1-й армии, нач. политотдела Юго-Восточного фронта, нач. политотдела Особой армии. С 1921 г. – на дипломатической работе: зам. полномочного представителя РСФСР в Монголии (1921–1922), консул СССР в Керманшахе (Персия), сотрудник центрального аппарата НКИД СССР (1925–1926), полпред СССР в МНР (1927–1933), одновременно уполномоченный ЦК ВКП(б) в МНРП (1932–1933), председатель в/о «Внешторгтранс» (1933–1935), начальник Главного таможенного управления Народного комиссариата внешней торговли СССР (1935–1937). Арестован (1937), обвинен в участии в контрреволюционной организации. Расстрелян (1938). Реабилитирован (1956) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 455].

[2]Американская научная экспедиция. В 1922–1925 гг. в Монголии и Китае работала третья Центральноазиатская палеонтологическая экспедиция Р. Ч. Эндрюса, направленная Американским музеем естественной истории. В ее состав входили палеонтологи, геологи, географы, археологи. Экспедиция исследовала значительные территории Южной Гоби, а также некоторые районы Внутренней Монголии. В основном по политическим мотивам, а также в связи с организационными разногласиями с монгольскими и китайскими учеными, работа экспедиции на территории Центральной Азии была запрещена, палеонтологические исследования американцев прекращены.

[3]Американский музей естественной истории (Нью-Йорк, США). Основан в 1869 г.

[4] Беликов Георгий Никитич – ответственный работник политотдела дивизии, выпускник факультета естественных наук Харьковского университета. Неизвестно, был ли прикомандирован Г. Н. Беликов к экспедиции Р. Ч. Эндрюса или нет.

№ 3

[1] См. док. 2, комм. 1.

[2] См. док. 1, комм. 5.

[3] Военный совет – высший коллегиальный орган управления Монгольской народно-революционной армии (МНРА).

[4] Сухэ-Батор (Дамдины Сүхбаатар, 1893–1923) – монгольский политический, военный и государственный деятель, один из основателей и руководителей Монгольской народной партии (МНП, с 1925 г. – МНРП) и народного государства, в 1920–1921 гг. – главком, военный министр Временного, затем постоянного Народного правительства, член Военного Совета МНРА, в октябре–ноябре 1921 г. в составе монгольской делегации посетил Москву, принимал участие в переговорах и подписании первого советско-монгольского Соглашения об установлении дружественных отношений между РСФСР и Народной Монголией от 5 ноября 1921 г., участвовал во встрече делегации с В. И. Лениным. 20 февраля 1923 г. скоропостижно скончался от болезни [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 462 и др.].

[5] Реввоенсовет (РВС) – Революционный военный совет республики – высший коллегиальный орган управления и политического руководства РККА в 1918–1934 гг. С августа 1923 г. – Реввоенсовет СССР.

[6] Богдо-хан. Здесь речь идет о Богдо-хане Джебцзундамба-хутухте VIII, главе буддийской церкви Монголии, который в то время до своей смерти в мае 1924 г. был ограниченным теократическим монархом.

[7] Хатхыльский район – местность в районе пос. Хатгал (русифицир. Хатхыл) на севере Монголии, на южном берегу оз. Хубсугул.

[8] Центросоюз – Всероссийский центральный союз потребительских обществ.

[9] Кобдоский район – административно-территориальная единица, центром которой был г. Кобдо (*Ховд*) на западе Монголии.

[10] Музей Национальной истории в Нью-Йорке. Точное название – Музей естественной истории. См. док. 2, комм. 3.

[11] Халха – историческое название основной части территории Северной Монголии. Здесь, видимо, имеется в виду район на западе Монголии.

[12] Сокобин Самюэль (Sokobin Samuel, 1893–1986) – американский дипломат. На службе в Госдепартаменте США с 1914 по 1948 г. В 1921–1924 гг. – вице-консул в Калгане. В годы службы в Калгане неоднократно посещал Монголию, встречался с представителями монгольского руководства – Д. Сухэ-Батором, С. Данзаном, Д. Бодоо, Б. Цэрэндоржем и др. Представлял торговые интересы США в Монголии; предлагал свое посредничество в переговорах с Китаем [Болд 2015: 115–118 и др.].

[13] Видимо, здесь ошибочно назван Далай-лама, который в то время не был в Монголии. Имеется в виду Да-лама (*Да лам*) Цэрэнчимэд, один из высших и влиятельных иерархов буддийской церкви в Монголии.

[14] Цэцэнхановский аймак (Цэцэнханский, Цэцэн-ханский аймак, Сэцэн-ханский, *Цэцэн ([Сэцэн] хан аймаг*). Дореволюционная Монголия в административно-территориальном отношении была разделена на четыре аймака – Тушэтуханский, Цэцэнханский, Дзасактуханский, Сайннойонханский и один округ – Кобдоский. Цэцэнханский аймак был расположен на востоке страны.

№ 4

[1] См. док. 2, комм. 1.

[2] Богдо-гэгэн – высший иерарх, глава буддийской церкви в Монголии. В шифрограмме речь идет об указе Богдо-хана Джебцзундамба-хутухты VIII, опубликованном для опровержения ложных сведений, которые распространялись в китайских и других иностранных газетах, о том, что он (хутухта. – *Ред.*) якобы обращался к китайскому правительству с просьбой удалить русские войска из Монголии, ввести китайские войска и превратить Монголию в китайскую провинцию. В указе отмечено, что все эти сведения не соответствуют действительности, ложные слухи и домыслы, что главная задача и стремление Богдо-хана – это «непоколебимая поддержка существующего Народного правительства». Богдо-гэгэн выразил надежду на то, что благодаря посредническим усилиям Советского правительства в результате переговоров между Монголией и Китаем будет заключено соглашение о нормализации отношений между этими странами. Текст указа Богдо-хана был доведен до сведения Советского правительства и опубликован в монгольской и иностранной печати.

[3] 25 числа 3-й луны 12-го года правления Монголии и Многими Возведенного. Титул «Многими Возведенный» (монг. *Олноо өргөгдсөн*) происходит от титула Махасамати – первого легендарного царя Древней Индии. По новому летосчислению, принятому в 1911 г. после провозглашения независимости Монголии от Китая и возведения главы буд-

дийской церкви Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII на трон теократического монарха Богдо-хана, соответствует 22 мая 1922 г. по европейскому летосчислению.

[4]Дамдинбазар Содномын (Джалханцза-хутухта, Жалханз хутагт, 1874–1923) – монгольский религиозный и государственный деятель, один из высших монгольских лам. Родился в хошуне Цогт-вана Дзасактуханского аймака (ныне сомон Тудэвтэй аймака Завхан). Пользовался большим авторитетом и почетом среди населения Западной Монголии. В начале 1921 г. после освобождения войсками Унгерна столицы Урги от китайских войск и восстановления теократической монархии Богдо-хан назначил С. Дамдинбазара премьер-министром, министром внутренних дел и министром по наведению порядка на западной границе. Принимал участие в освобождении г. Улангом от белогвардейцев. В марте 1922 г. как компромиссная фигура между различными группировками в руководстве страны назначен премьер-министром Народного правительства. Скончался от болезни (1923) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 440 и др.].

№ 5

[1] Унгерновцы – белогвардейские солдаты и офицеры, а также часть монголов, объединившиеся в отряды под общим командованием барона Унгерна.

№ 6

[1]Духовский (Духовской) Сергей Иванович (1887–1963) – член РСДРП с 1906 г., зав. отделом Востока НКИД РСФСР/СССР (1921–1924), консул в Неаполе (Италия) (1924–1927), генеральный консул в Милане (1927–1928), в Мешхеде (Иран) (1928–1930), с 1930 г. – в партийных органах [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 442].

[2] Пайкес Александр Константинович (1873–1958) – меньшевик до 1917 г., с 1918 г. – член РСДРП(б), член коллегии Наркомата госконтроля и РКИ, член Сибревкома (1918–1920), чрезвычайный уполномоченный НКИД РСФСР в Китае (1921–1922), затем в Литве. С 1923 г. – на хозяйственной работе в ВСНХ [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 456].

[3] Информация не соответствует действительности. 5 ноября 1921 г. РСФСР и Монголия подписали Соглашение об установлении дружественных отношений. Стороны договорились об установлении дипломатических и консульских отношений; объявили утратившими силу все неравноправные договоры и соглашения, заключенные с бывшим правительством автономной Монголии; признали единственно законными современные правительства РСФСР и Монголии. Участники соглашения взаимно обязались не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против РСФСР или Монголии. В экономической сфере РСФСР безвозмездно передавала в собственность монгольского народа телеграфную сеть в Монголии, принадлежавшую РСФСР. В трех дополнительных протоколах РСФСР отказывалась от концессий и экономических привилегий царского правительства, аннулировала дореволюционный долг Монголии России, предоставила Монголии ссуду на сумму 1 млн руб. [Советско-монгольские отношения 1975, т. 1: 58–61].

[4] Чжан Цзолинь (1875–1928) – китайский военный и политический деятель, генерал, военный правитель Маньчжурии (1917–1928). Глава северо-восточной группировки китайских милитаристов. В июне 1921 г. был назначен генеральным инспектором трех восточных провинций и верховным комиссаром по делам Монголии. В 1924–1928 гг. его группировка была доминирующей силой в центральном правительстве в Пекине, ее лидеры неоднократно возглавляли пекинское правительство. В 1926 г. получил чин главнокомандующего Армии умиротворения страны, в июне того же года – генералиссимуса сухопутных и морских сил Китайской республики. Погиб в результате взрыва поезда, организованного японцами [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 469 и др.].

[5] В апреле 1920 г. столицу Внешней Монголии посетил американский консул в Тяньцзине С. Сокобин. С ним встретились несколько монгольских князей и один из высших лам – Джалханцза-хутухта. Последний вручил консулу послание с печатью Богдо-гэгэна VIII, в котором монгольские князья и высшие ламы просили помощи у США против китайской оккупации [Монгол улсын түүх 2003, т. 5: 148].

[6] Окончание фразы в документе неясно.

[7] Имеется в виду атаман Г. М. Семенов.

[8] Имеются в виду три маньчжурские провинции, которые контролировал маршал Чжан Цзолинь – Фэнтянь, Гирин и Хэйлунцзян.

[9] Афанасьев Михаил Иванович (1883–1937) – военный деятель, генерал-лейтенант (1920). Участник Первой мировой войны, Гражданской войны в Забайкалье. В 1918 г. поступил на службу как военный юрист в Отдельный Маньчжурский отряд Г. М. Семенова. Затем начальник штаба 8-й Сибирской стрелковой дивизии; занимал пост начальника штаба Иркутского военного округа (1919), начальник штаба походного атамана Дальневосточных казачьих войск (1919–1920). В декабре 1919 г. вступил в должность главного начальника снабжения войск Дальнего Востока и Иркутского военного округа, в январе 1920 г. назначен помощником главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа атамана Г. М. Семенова по военной части. В 1920 г. назначен начальником штаба походного атамана при главнокомандующем. Эмигрировал. Член ряда белоэмигрантских организаций в Китае.

[10] Имеется в виду кампания, связанная с разоблачением, арестом и расстрелом первого премьер-министра и министра иностранных дел Монголии Д. Бодоо по сфабрикованному делу о намерении «ликвидировать народную власть» в 1922 г.

[11] Имеется в виду необходимость создания в Монголии органа государственной безопасности для борьбы с контрреволюцией и внешними угрозами.

[12] У Пэйфу (1878–1939) – китайский генерал, глава чжилийской групировки северных милитаристов. Поддерживал контакты с Великобританией (чем, по-видимому, и объясняется указание на «продукты американской политики»).

№ 7

[1] Неточность в названии документа, следует читать: «внутренней». 8 июля 1922 г. Военный совет МНРА принял постановление о создании специального органа для борьбы с внутренней контрреволюцией и обеспечения государственной безопасности – Управления внутренней охраны (монг. *Дотоодыг хамгаалах газар)*, которое в официальных монгольских и советских документах, а также в народе больше известно как Государственная внутренняя охрана (ГВО). В 1924 г. ГВО передана из ведения Военного совета МНРА в ведение правительства на правах самостоятельного учреждения [Монгол цэргийн түүхийн товчоон 1996: 159–160 и др.].

[2] Пропуск в документе.

[3] Имеется в виду замена пехотной части кавалерийским полком.

№ 8

[1] Любарский Николай Маркович (1887–1938) – советский государственный и общественный деятель, дипломат. Член РСДРП с 1905 г., участник революционного движения в России. Полпред РСФСР в Монголии (1922–1923), сотрудник Центросоюза (1923–1929), зав. редакционно-издательским отделом Международного аграрного института при Исполкоме Коминтерна (1929–1936). Арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности (1937). Приговорен к высшей мере наказания, расстрелян (1938) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 450 и др.].

[2] Илийские монголы – монголы, проживающие в Илийском крае в Синьцзяне.

[3] Внешняя Монголия – имеется в виду МНР.

[4] Здесь речь идет о письме официального представителя монголов, проживающих на территории Восточно-Олецкого (Восточно-Олётского) сейма в Синьцзяне к советскому полпреду в Монголии с просьбой оказать содействие в присоединении этой группы монголов к Монголии, т. е. фактическому вхождению их в состав государства Монголия. Фамилия не читается.

[5] Илийский край (провинция) – область в бассейне р. Или и ее притоков. В 1871–1881 гг. находился в составе Туркестанского военного округа Российской империи. Край был присоединен к России в результате введения русских войск в регион во время уйгуро-дунганского восстания (1862–1869), направленного против китайских властей в Синьцзяне. Через 10 лет 80% занятой территории было возвращено Китаю в соответствии с договором «Об Илийском крае» (Петербургский договор, 1881).

[6] Имеется в виду советское правительство.

[7] Имеется в виду монгольское правительство.

№ 9

[1] Имеется в виду Новый год по лунному календарю, национальный праздник (монг. *Цагаан сар*).

[2] Имеется в виду планировавшееся выступление противников новой революционной власти, попытка государственного переворота, свержения правительства Монголии.

[3] Имеется в виду существование связей между внутренними противниками новой власти (князья, высшие ламы и их окружение и др.) и внешними силами в лице Чжан Цзолиня и японцев.

№ 10

[1] «Монголы – ничего не делающие кочевники, занимаются исключительно скотоводством». Яркий пример того, что в то время некоторые советские специалисты и инструкторы имели неадекватные представления о монголах и пастбищно-кочевом скотоводстве.

[2] Япон-Данзан, Данзан Ажвайн (Данзан Ажваагийн 1876–1934, по другим данным, 1895–1934) – монгольский политический и общественный деятель, один из организаторов МНП. Родился в хошуне Дайчин-вана Тушетуханского аймака (ныне сомон Могод аймака Булган). В возрасте 21 года уехал из Монголии, жил в Тибете, Китае и Японии. Владел монгольским, тибетским, китайским, японским, английским языками. В 1916 г. по заданию министра иностранных дел Б. Цэрэндоржа повторно ездил в Японию. С тех пор в народе получил прозвище Япон-Данзан, или Данзан-японец. В 1918 г. вместе с Д. Сухэ-Батором работал в типографии, где печатались законодательные акты Монгольского государства. Последовательный поборник освобождения страны от иностранных оккупантов, доведения национально-демократической революции до конца. Член МНП с 1921 г. С середины 1922 г. стал сторонником социалистических идей, проявил себя как авторитетный руководитель «левого» крыла в МНП. На VI пленуме ЦК МНП (15.03.1922) избран вице-председателем партии (председателем партии избран Ц. Дамбадорж). С 1923 г. исполнял обязанности председателя партии после того, как Ц. Дамбадорж добровольно ушел в отставку с этого поста. На II съезде МНП избран председателем партии. Начальник политического управления МНА (1923). Совершал неофициальные поездки в Китай, по приглашению принял участие в съезде партии Гоминьдан, встречался с Сунь Ятсеном. На основе националистических взглядов сблизился с С. Данзаном. На III съезде МНП (1924) вместе с С. Данзаном был подвергнут критике и смещен с поста председателя партии. Полпред Монголии в СССР (1924–1925), представитель Монценкоопа в Китае

(1926–1928). Во время работы во Внутренней Монголии принял участие в создании Народной партии Барги. В 1928/29–1932 гг. работал в Ученом комитете / Комитете наук МНР, составил англо-монгольский и сравнительный словарь монгольского, тибетского и японского языков. После прихода к власти «левых» обвинен в «правом уклоне» и исключен из партии. Арестован, обвинен в тайном хранении оружия, шпионаже в пользу Японии, критике СССР (1932). Скончался во время следствия. Реабилитирован решением Верховного суда МНР (1989) [Рощин 1999: 55–56, 136, прим. 25; Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 474 и др.].

[3] Сообщается о кончине Д. Сухэ-Батора 20 февраля 1923 г. Установлено, что смерть Д. Сухэ-Батора наступила от болезни [Монгол улсын түүхийн нэвтэрхий толь https://mongoltoli.mn/history/h/627].

[4] Имеется в виду министр финансов Монголии Данзан Солийн (1883–1924) – политический и государственный деятель Монголии, один из основателей и руководителей МНП. Родился в хошуне Сужигт-бэйсэ Сайннойонханского аймака (ныне сомон Хотонт аймака Архангай). До революции 1921 г. работал чиновником в министерстве финансов Монголии. В 1915–1916 гг. участвовал в работе Экономической экспедиции под руководством барона П. А. Витте. Первый председатель ЦК МНП (март – сентябрь 1921); соперничал за лидерство в МНП с Д. Бодоо, а после его казни – с Д. Сухэ-Батором. Министр финансов Временного народного правительства, зам. премьер-министра (с июля 1921), главком войск Монголии (март 1923 – август 1924). Возглавлял монгольскую делегацию, направленную в Советскую Россию в 1921 г.; участник переговоров и подписания в Москве Соглашения об установлении дружественных отношений между РСФСР и Народной Монголией от 5 ноября 1921 г. Во время работы III съезда МНРП С. Данзан арестован по обвинению в измене делу МНП и контрреволюционной деятельности, расстрелян (1924). Реабилитирован решением Комиссии по реабилитации при Президиуме Великого народного хурала МНР (1962) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 439 и др.].

[5] Мэннин (Менинг) – американский горный инженер, много лет проживший в Монголии и имевший дела с министром финансов Монголии С. Данзаном [Болд 2015: 164].

[6] Цэдэн-Еши Дашбалын (Цэдэн-Иш Дашипылов, Дашпилон, псевд. Гочитский, Гачитский, 1895–1941) – род. в Гочитском хошуне Бурят-Монголии. Сотрудник монголо-тибетской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна (1920–1921). В 1920 г. был направлен Дальневосточным секретариатом ИККИ в Монголию для установления контактов с лидерами монгольского национального движения и организации партизанских отрядов. Уполномоченный по снабжению монгольской армии. Участник I съезда МНП, член ЦК МНП (с июля 1921). Во Временном революционном правительстве Монголии работал советником по финансовым вопросам, после революции 1921 г. – председателем отдела госконтроля (Экономический совет), председателем правления Монценкоопа (1924). В 1930 г. вернулся в СССР, преподавал монгольский язык в Ленинградском восточном институте. Окончил Ленинградский инженерно-экономический институт, работал на фабрике «Скороход». Арестован (1937), длительное время находился под следствием. Умер в Магаданском ИТЛ (1941). Реабилитирован [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 439 и др.].

[7] «Население Монголии – полудикари-кочевники». Это выражение свидетельствует о неадекватном отношении автора к монголам.

[8] В данном случае автор дал в целом негативную оценку степени политической лояльности советских бурят – советников и инструкторов, которые работали в то время в Монголии, по отношению к советской власти и политике СССР в Монголии. Среди бурят были как сторонники, так и немало противников советской власти, были и те, кто бежал от советской власти и переселился в Монголию. В настоящее время существует как негативная, так и позитивная оценки их деятельности в Монголии.

[9] Юнкерское училище. Имеется в виду первое военное училище высшего командного состава, созданное в Урге в октябре 1921 г.

[10] Имеется в виду группа волжских калмыков, которые работали в то время военными инструкторами в МНРА. Торгуты (торгоуты) – ойратская этническая группа.

[11] Не публикуется.

[12] Не публикуется.

[13] Сан-бейсе (*Сан-бэйс*) – монастырский и административный центр на востоке Монголии, переименован в Баян-Тумэн (1921), с 1941 г. – г. Чойбалсан, административный центр Восточного (Дорнод) аймака.

[14] Курсинов – советский инструктор пограничного отряда.

[15] Чахар Шатуб-Женба. Фамилия дается по документу. Возможно, Шотдуп Джампа. Чахары – монгольская народность, проживают преимущественно во Внутренней Монголии, Синьцзяне и Монголии.

[16] См. док. 9, комм. 1.

[17] Имеется в виду формирование российских белых отрядов в Маньчжурии, в том числе при поддержке Чжан Цзолиня. В 1921–1923 гг. в Барге и Забайкалье на границе с восточной Монголией действовали отряды белых повстанцев [Кузьмин 2016: 367–368].

[18] Имеется в виду Дамбийжанцан, Дамби-Джалцан (Дамбижанцан, Дамбижалцан, Джалама, Жа лам, 1860–1923) – астраханский калмык, выдававший себя за ламу-хутухту, хубилгана-перерожденца известного борца за независимость Монголии Амурсаны. С 1890 г. принимал участие в национально-освободительном движении в Западной Монголии, в освобождении г. Кобдо от китайцев в 1912 г., имел награды от Богдо-хана, был министром по умиротворению Западного края, хошунный князь. Пользовался поддержкой некоторых князей и лам. В 1890–1914 гг. был несколько раз арестован китайскими властями и как российский подданный выслан в Россию, однако каждый раз возвращался в Монголию. Обосновался в хошуне Мэргэн-вана в юго-западной Монголии в горах Маажин-уул, где совершал убийства, набеги и грабежи, жестоко обращался с местным населением. С весны 1922 г. пытался присоединить к своему хошуну окружающие хошуны, тем самым стал угрожать территориальной целостности страны. По решению правительства ликвидирован в ходе спецоперации (1923) [Болдбаатар 2004: 90–91 и др.].

[19] Имеется в виду Цэцэн-хан Навааннэрэн Цэрэндондовын (1887–1937) – государственный деятель, князь, потомственный владетель Цэцэнханского (Сэцэнханского) аймака. Родился на территории нынешнего сомона Баянхутаг аймака Хэнтий. В 1915 г. назначен министром юстиции в правительстве Богдо-хана. Внес вклад в разработку и подготовку к печати собрания законодательных актов Монгольского государства (65 томов). Под давлением китайских военных принял участие в «добровольном» подписании петиции правительства, князей и высших лам Внешней Монголии о ликвидации статуса автономии Монголии и вступлении ее в состав Китайской республики. Один из первых монгольских князей, кто принял революцию 1921 г. Решением Народного правительства 2 февраля 1922 г. назначен министром внутренних дел. В 1922–1925 гг. внес большой вклад в решение актуальных проблем государственного строительства. В феврале 1924 г. он обратился в правительство с просьбой об освобождении его от должности министра внутренних дел (отклонена), а также от своего княжеского титула и привилегий (удовлетворена). На I Великом хурале (1924) Ц. Навааннэрэн избран членом Малого государственного хурала и переизбран министром внутренних дел. Неоднократно обращался в правительство с просьбами об отставке, последняя из них была удовлетворена в конце 1925 г. С 1926 г. в течение пяти лет жил в монастыре, затем, в соответствии с политикой правительства, стал мирянином. В 1933–1935 гг. работал заместителем председателя Комитета наук МНР. Арестован как участник контрреволюционного заговора и расстрелян

(1937). Реабилитирован ввиду отсутствия состава преступления решением Верховного суда МНР (1961) [Болдбаатар 2004: 212–213 и др.].

[20] Имеется в виду Наянту (Наянт ван, На-ван) – политический и государственный деятель Внутренней Монголии, князь (чин-ван), выходец из Халхи. Принимал активное участие в разработке и проведении цинской «новой политики», направленной на китайскую колонизацию Внешней Монголии. После провозглашения независимости Внешней Монголии в 1911 г. и изгнания оттуда китайской администрации президент Китайской республики Юань Шикай назначил его цзянцзюнем (генерал-губернатором) в Улясутай, но правительство народной Монголии отказалось его принять. Позже активно участвовал в попытках уговорить монголов присоединиться к Китаю. Жил в основном в Пекине.

[21] Алтан-Булак (*Алтанбулаг*) – населенный пункт на границе Монголии с Россией, центр сомона Алтанбулаг аймака Сэлэнгэ.

[22] Шахов (Островский) Александр Григорьевич (1897–1938) – советский дипломат. В 1920 г. поступил в Томский технологический ин-т, в 1921 г. с 1-го курса отозван и направлен в Иркутск в распоряжение Б. З. Шумяцкого зав. Дальневосточным секретариатом Коминтерна; секретарь информационно-издательского отдела и ночной редактор изданий Дальневосточного секретариата ИККИ, затем – уполномоченный НКИД РСФСР при 5-й Кубанской кав. дивизии (г. Троицкосавск, 1921–1923), консул СССР в г. Алтан-Булак (Монголия, 1923–1924), зав. консульским отделом полпредства СССР в Монголии (г. Урга, 1924–1925), сотрудник НКИД СССР (1925–1926), зав. консульским отделом полпредства СССР в Польше (1926–1930), ответственный референт правового отдела НКИД СССР (1930–1931), помощник зав. консульским отделом НКИД СССР (1931–1935), зав. консульским отделом НКИД СССР (1935–1938). Арестован (1938), обвинен в шпионаже, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян (1938). Реабилитирован (1957).

[23] Меркулов Спиридон Дионисьевич (1870–1957) – российский политический и общественный деятель. Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке. Председатель Временного Приамурского правительства (1921–1922). Эмигрировал в 1922 г., скончался в США.

[24] Баторун Константин Константинович (1900–1942) – подполковник, бурят. В РККА с 1920 г. Член ВКП(б) – с 1923 г. Участник Гражданской войны в Сибири и революции в Монголии. Участвовал в боях с войсками барона Унгерна (май 1920 – сентябрь 1921). Командир взвода, помощник адъютанта 1-го запасного кавалерийского полка НРА ДВР (май 1920 – май 1921). В распоряжении РУ штаба РККА – РУ РККА (1924–1937). Сотрудник для особых поручений, адъютант начальника штаба Монгольской народно-революционной армии (МНРА) (май – сентябрь 1921), адъютант Главкома МНРА (сентябрь 1921 – май 1922), инструктор политико-просветительного управления МНРА (май – июнь 1922), начальник агентурно-информационной части ГВО (июнь 1922 – апрель 1923), начальник ГВО (апрель 1923 – сентябрь 1925). После окончания академии им. М. В. Фрунзе вновь на службе в Монголии (сентябрь 1929 – август 1937): инструктор учебной части объединенного военного училища, организационно-мобилизационного отдела штаба МНРА. С августа 1937 г. Баторун в распоряжении Управления по начсоставу РККА. С 1938 по август 1941 г. – вне армии. С декабря 1941 г – участник Великой Отечественной войны, начальник штаба 164-й стрелковой дивизии 49-й армии Западного фронта. Умер от ран.

[25] Вероятно, имеется в виду японская газета «Асахи симбун».

[26] Имеется в виду движение 1919–1926 гг. в Хоринском ведомстве (аймаке) Бурятии, во главе которого стоял ширетуй Кодунского (Кижингинского) дацана Л.-С. Цыденов, имевший цель сохранить традиционализм и религию, защитить бурят от произвола белых и красных. Пиком движения стало создание теократического Кодунского государства (1919).

После его ликвидации попытки возобновления балагатского движения продолжались до середины 1920-х гг.

[27] Клиндер Юзеф (Иосиф) Иванович (1891 – ок. 1960) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ. В 1921–1922 гг. – помощник уполномоченного секретного отдела, начальник Прибайкальского обл. отдела Гос. полит. охраны; в 1923–1924 гг. – нач. Забайкальского губернского отдела ГПУ.

№ 11

[1] Юдин Виталий Иванович (1892–?) – советский дипломат, уполномоченный правительства ДВР в пограничной с Монголией полосе (октябрь 1920 – июнь 1921); референт Отдела Востока НКИД РСФСР (1921–1922), одновременно представитель НКИД РСФСР в частях Экспедиционного корпуса на территории Монголии (июль – декабрь 1921); первый секретарь полпредства, временный поверенный в делах СССР в МНР (1922–1925?), зам. уполномоченного НКИД РСФСР в Тифлисе (1925–1926). В апреле 1926 г. откомандирован в распоряжение МК ВКП(б) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 473].

№ 12

[1] Имеется в виду Максаржав (Магсаржав Навааанлувсанцэдэнгийн, 1869–1935), известный также как Магсаржав-хурц. Политический и государственный деятель, историк. С 1906 г. – учитель монгольского языка Богдо-гэгэна. Работал в министерстве внутренних дел. В 1912–1918 гг. принимал участие в переводе на монгольский язык и обработке цинских законодательных актов о Монголии. В 1920 г. арестован и заключен в китайскую тюрьму. Вместе с другими известными деятелями освобожден после взятия столицы Урги войсками барона Унгерна. Первый министр юстиции Народного правительства. В конце 1922 г. за утрату политической бдительности исключен из МНП, находился под следствием. В 1923–1926 гг. работал в правительстве, министерстве внутренних дел, участвовал в подготовке первой Конституции МНР и других законодательных актов. В 1926–1934 гг. написал несколько сочинений по истории Монголии, в том числе «Новую историю Монголии», впервые опубликованную в 1994 г. Скончался от болезни [Магсаржав 2010: 13–14].

[2] Искажены титул и имя министра двора – дайчин-джонон-ван Цогбадраха.

[3] Пропуск в документе.

№ 13

[1] Имеется в виду председатель правительства Джалханцза-хутухта С. Дамдинбазар. См. док. 4, комм. 4.

[2] Имеется в виду Ринчино Элбек-Доржи Ринчинович (Ринчино Элбэгдорж, 1888–1938) – государственный, политический, военный и общественный деятель России и Монголии, переводчик. Один из лидеров революционного и национального движения бурятского народа. Участвовал в Октябрьской революции 1917 г. В 1917 г. избран председателем Бурятского национального комитета, первый глава бурятской автономии. Секретарь Военно-революционного комитета, член полевого штаба на Даурском фронте, командующий и организатор бурят-монгольской Красной гвардии. В 1918 г. заочно избран министром просвещения Временного Сибирского правительства. Принял участие в I съезде угнетенных народов Востока (1920); после съезда вместе с А. Доржиевым участвовал в обсуждении бурятского и монгольского вопросов в Политбюро ЦК РКП(б). В 1920 г. назначен секретарем Монголо-Тибетской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна. Один из деятелей революционного движения в Монголии. Внес вклад в организацию Монгольской народной

революции 1921 г., содействовал активизации разгрома частей барона Унгерна. Со второй половины 1921 г. начал работать в Монголии, в связи с чем сменил гражданство на монгольское и вышел из РКП(б). Участвовал в организации Народно-революционной партии и национальной армии Монголии, формировании правительства страны. В 1921–1925 гг. – председатель Реввоенсовета Монголии, советник правительства, член президиума ЦК МНП, член Великого народного и Малого государственного хуралов страны. Один из авторов первой Конституции Монголии (1924). Идеолог некапиталистического развития. Участвовал в организации борьбы с буддизмом в Монголии. В 1925 г. отозван в Москву, одной из причин был конфликт с новым полпредом Коминтерна в МНР Тураром Рыскуловым. В 1926–1930 гг. учился в Институте красной профессуры (Ленинград); с 1927 г. преподавал в КУТВ. В 1930 г. вернул гражданство СССР, стал кандидатом в члены ВКП(б). Арестован в Москве (1937), этапирован в Иркутск. Расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Японии, панмонголизме, антисоветизме (1938). Реабилитирован (1957).

№ 14

[1] Имеется в виду военный министр Хатан-Батор С. Максаржав (С. Магсаржав, не путать с министром юстиции Н. Магсаржавом).

№ 15

[1] Мандал – поселок в Центральной Монголии. В документе речь идет о выполнении постановления правительства Монголии о выселении русских жителей из этого и других поселков. Назревавший конфликт был урегулирован путем переговоров.

№ 16

[1] Цэрэн-Доржи (Цэрэндорж Балингийн, 1868–1928) – государственный и политический деятель. Родился в отоке Хэрлэн-Барсдай Шабинского ведомства, ныне сомон Хэрлэнбаян-Улаан аймака Хэнтий. Получил домашнее образование. Писарь, переводчик, учитель в школе переводчиков при русском консульстве в Урге (1895–1911). Участвовал в национально-освободительной революции 1911 г., в 1911–1919 гг. работал в МИД (чиновник, зам. министра, министр – с 1915 г.), в 1913 г. входил в состав монгольской делегации, выезжавшей в Петербург, участвовал в трехсторонних русско-китайско-монгольских переговорах в Кяхте в 1915 г., в 1919 г. подписал вместе с другими министрами петицию о «добровольной» ликвидации автономии Внешней Монголии. После восстановления автономии Монголии при участии белогвардейской дивизии под командованием барона Унгерна назначен вице-министром внутренних дел в правительстве Богдо-хана. После победы национально-демократической революции 1921 г. работал в МИД, с января 1922 г. – министр иностранных дел, зам. премьер-министра, премьер-министр (с 1923), член и председатель Малого государственного хурала (1923–1928), член МНП и президиума ЦК МНП (с 1921). Возглавлял Комиссию по подготовке первой Конституции Монголии. Конституция была принята на I Великом народном хурале 26 ноября 1924 г. [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 468 и др.].

№ 17

[1] Тиунов В. Ф. – уполномоченный полномочного представительства ГПУ по Сибири в Монголии.

[2] Датируется по содержанию.

[3] Бурятский комитет – общественная организация, созданная бурятами, проживавшими в Монголии, для представления и защиты интересов ее членов. В 1920-е годы Бурятский комитет возглавлял сотрудник Монценкоопа Ц. Г. Бадмажапов, предприниматель,

общественный деятель, переводчик монгольского языка, участник экспедиций П. К. Козлова.

[4] Имеется в виду К. К. Баторун. См. док. 10, комм. 24.

№ 18

[1] Коркин Петр Андреевич (1900–1940) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД, майор государственной безопасности (1936). Член РКП(б) с 1920 г. В 1919–1921 гг. работал в РККА. В 1920–1921 гг. учился в партийной школе при Политотделе 5-й армии (Иркутск). В 1921–1922 гг. – уполномоченный Особого отдела 5-й армии (Иркутск), помощник начальника отделения Особого отдела 5-й кавалерийской дивизии (Троицкосавск), начальник Особого отдела 36-й стрелковой дивизии. В 1922–1930 гг. – начальник 1-го пограничного отделения Особого отдела 5-й кавалерийской дивизии, Отделения Бурят-Монгольского облотдела ГПУ, начальник Секретно-оперативной части и зам. начальника Бурят-Монгольского облотдела ГПУ, зам. начальника Отделения Полномочного представительства ОГПУ по Дальнему Востоку, начальник КРО Приморского губотдела ГПУ, Владивостокского окротдела ГПУ. В 1930–1932 гг. – начальник Секретно-политического отдела полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю (в резерве), оперативный уполномоченный IV отделения, и. о. помощника начальника II отделения Секретно-политического отдела ОГПУ при СНК СССР. В 1932–1933 гг. – начальник III отделения Секретно-политического отдела ОГПУ при СНК СССР. Затем – на работе в органах ОГПУ. Арестован (1939). Расстрелян (1940).

[2] Сводка № 4 не публикуется. Публикуются дополнение и приложение к сводке.

[3] Дворкин Павел Соломонович (1894–1974) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ– НКВД. В 1922–1924 гг. – начальник агентуры; нач. отделения по борьбе с бандитизмом Прибайкальского, Бурят-Монгольского обл. отделов Госполитохраны и ОГПУ, заместитель уполномоченного секретного отдела Прибайкальского губернского отдела ГПУ.

[4] См. док. 10, комм. 27.

[5] Схема не публикуется.

[6] Имеется в виду главком С. Данзан. См. док. 10, комм. 4.

[7] Имеется в виду советско-монгольская Комиссия по обследованию русских колоний, созданная для урегулирования спорных вопросов, связанных с попыткой правительства Монголии выселить русских поселенцев из Монголии.

[8] Названия поселений даны по документу.

[9] Ташур (монг. *ташуур*) – кнут, плеть.

[10] Автор имел в виду отсутствие центрального органа, которое занималось бы управлением делами русских поселенцев в Монголии.

[11] Ганинская экспедиция. Видимо, имеется в виду экспедиция русских предпринимателей во главе с Ганиным, прибывшая в Монголию в 1923 г.

[12] Ганин – русский предприниматель, руководитель экспедиции предпринимателей, прибывшей в Монголию в 1923 г.

[13] Токмаков – русский предприниматель, член экспедиции предпринимателей, прибывшей в Монголию в 1923 г.

[14] Имеется в виду военный министр Хатан-Батор-ван С. Магсаржав.

[15] Сайр-ус – одна из станций (уртонов) в хошуне Тушэту-вана Тушэтуханского аймака на старой почтовой дороге из Калгана в Ургу.

[16] Цаган-нур в Сайннойонханском аймаке (*Цагаан нуур, Сайн нойон хан аймаг*) – местность около оз. Цаган-нур, где в 1922–1925 гг. работала американская научная экспедиция Р. Ч. Эндрюса.

[17] Имеется в виду Рой Чепмен Эндрюс.

[18] Кабим – член советско-монгольской Комиссии по обследованию положения русских колонистов, проживающих в Монголии.

№ 19

[1] Имеется в виду смерть премьер-министра Джалханцзы-хутухты С. Дамдинбазара.

[2] Имеется в виду кандидатура министра иностранных дел Б. Цэрэндоржа на пост премьер-министра.

[3] Видимо, имеется в виду Жамцарано Цыбен Жамцаранович (*Цэвээн Жамсран*, 1880–1942) – российский/советский и монгольский политический и общественный деятель, монголовед, педагог, переводчик, писатель. Вольнослушатель факультета восточных языков (1902–1906), преподаватель монгольского языка на восточном факультете С.-Петербургского университета (1907–1908). Переводчик-драгоман при МИД России (1911–1917). Учитель первой светской школы в Монголии (1911–1917). Активный участник революционных событий в Монголии (1911) и позднее народной революции (1921) Один из идеологов панмонгольского движения. С 1911 г. – советник российского консульства в Урге, одновременно исполнял обязанности советника по вопросам образования в монгольском правительстве. До 1917 г. работал при дворе Богдо-гэгэна VIII. Член Бурнацкома (1917–1918), с декабря 1917 по март 1918 г. – его председатель, комиссар по национальным делам Забайкальской обл. Преподаватель Иркутского государственного университета (1919–1920). С 1920 г. через Дальневосточный секретариат Коминтерна активно включился в революционное движение в Монголии. Принимал участие в подготовке I съезда МНП, автор устава и Манифеста (Кяхтинской платформы) партии. Член ЦК МНП (до 1925). После победы революции 1921 г. – зам. министра внутренних дел Монгольского народного правительства, член Экономического совета и Совета Госбанка, глава ЦКК МНРП. Ученый секретарь Ученого комитета МНР (1921–1931). Выдвигал идею объединения всех монгольских народов не только в экономическом и культурном отношении, но и в политической сфере. В период «левого уклона» выслан из МНР (1932). Старший научный сотрудник Монгольского кабинета ИВ АН СССР (1932–1937). Арестован (1937). Приговорен к пяти годам ИТЛ по обвинению в монгольском национализме и шпионаже в пользу Японии (1940). Скончался в Соль-Илецкой тюрьме. Реабилитирован (1956).

[4] Имеется в виду главком С. Данзан.

[5] Видимо, ошибка. Следует читать «создании».

№ 20

[1]Амагаев (Амуга, Амугаев) Матвей Иннокентьевич (1897–1944) – бурят, член РСДРП(б) с 1917, председатель ЦИК и Госплана Бурят-Монгольской АССР (1923–1925), уполномоченный Коминтерна в МНР (1926–1927, 1929–1930), председатель Экономического совета при правительстве и советник министерства финансов МНР по совместительству (с 1925). Директор Востоккино (1927–1929), директор Ленинградского восточного института (1930–1937). На IV (1925) и V (1926) съездах МНРП выступал как представитель Коминтерна, на VII съезде МНРП (1928) входил в состав делегации ИККИ. Арестован (1937). Приговорен к 8 годам ИТЛ (1940). Умер в заключении (1944). Реабилитирован (1956).

[2] Имеется в виду представитель правительства Монголии Япон-Данзан.

[3] Имеется в виду советник министерства юстиции Монголии Г. Г. Бадмажапов.

[4] Так в документе.

№ 21

[1] Бонов Ф.И. – заместитель начальника Отдела пограничной охраны (ОПО) № 1. Пашкин-Бонов Федор Иванович (1896 – после 1970) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД (с 1918), капитан государственной безопасности (1936), почетный чекист. Зам. нач. ОПО № 1 ОГПУ (1920-е гг.), сотрудник УГБ УНКВД по ДВК (1936–1939). Виновен в необоснованных массовых арестах граждан, фальсификации следственных дел, применении к аре-

стованным мер физического воздействия с целью получения ложных показаний. К уголовной ответственности не привлечен. Уволен из НКВД (1939).

[2] В документе – «Пред. ГПУ Берману». Берман Матвей Давыдович (1898–1939) – сотрудник ВЧК – ОГПУ – НКВД, комиссар государственной безопасности 3-го ранга (1935). Участник Октябрьской революции и Гражданской войны в Сибири. Член РКП(б) с 1918 г. В 1918–1921 гг. – на руководящих должностях в органах ВЧК Пермской, Вятской, Екатеринбургской губ., нач. ОО Сибирской ЧК, Омск (1919–1920); пред. Верхнеудинской (1920), Енисейской (1920), Семипалатинской (1920–1921), Иркутской (1921–1922) губ. ЧК, нач. ОО 5-й Отдельной армии (1921–1923), нач. Иркутского губ. отдела ГПУ (1922–1923), нач. Бурят-Монгольского обл. отдела ГПУ (1923–1924), нарком внутренних дел Бурят-Монгольской АССР (1923–1924), нач. СОУ ПП ОГПУ по Средней Азии (1924–1927), зам. полпреда ОГПУ в Туркестане, по Средней Азии (1924–1928), нач. ОО 13-го стрелкового корпуса (1927), пред. ГПУ УзбССР (1927–1928), нач. ОО 2-й стрелковой дивизии (1927–1928), нач. Владивостокского окр. отдела ГПУ (1928–1929), зам. полпреда ОГПУ по Ивановской пром. обл., нач. СОУ (1929–1930), зам. нач. ГУЛАГ ОГПУ СССР (1930–1932), нач. ГУЛАГ ОГПУ СССР (1932–1934), нач. ГУЛАГ НКВД СССР (1934–1937), нач. Упр. строительства канала Москва – Волга НКВД (1936–1937), зам. наркома внутр. дел СССР (1936–1937). Зам. наркома связи СССР (1936–1937), нарком связи СССР (1937–1938). Арестован (1938); приговорен ВКВС СССР к высшей мере наказания. Расстрелян (1939). Верховный суд СССР отменил приговор за отсутствием состава преступления (1957).

[3] Имеется в виду главком МНРА С. Данзан.

[4] Шлихт – следователь ГВО в 1923 г.

[5] Имеется в виду Э. Ринчино.

[6] Войцеховский – уполномоченный Особого отдела ГВО.

[7] Меркулов – временно исполняющий должность начальника штаба МНРА в 1923 г.

[8] Бошкин – заместитель начальника Особого отделения при 5-й отдельной Кубанской кавбригаде, уполномоченный ОПО № 1 в Монголии.

[9] Имеется в виду представитель КИМ в Монголии А. Г. Старков.

[10] Имеется в виду Монгольский революционный союз молодежи (МРСМ, ревсомол).

[11] Имеется в виду группа военных инструкторов-калмыков, командированных на работу в монгольской армии.

№ 22

[1] Имеется в виду регистрационный отдел военного министерства Монголии.

[2] Сороковиков И. А. – уполномоченный Дальневосточного секретариата Коминтерна в Монголии (1920), содействовал установлению прямых связей между первыми монгольскими революционерами и представителями советской власти в России, временно исполнял обязанности начальника отделения разведотдела 5-й армии (1921), участвовал в Монгольской революции (1921), в становлении МНРА. Инструктор регистрационного отдела Военного министерства (1923) [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008, ч. II: 302 и др.].

№ 23

[1] Имеется в виду председатель правительства Монголии Б. Цэрэндорж.

[2] Имеется в виду II съезд Монгольской народной партии, состоявшийся 18 июля – 18 августа 1923 г.

[3] Имеется в виду Военный совет Монгольского государства. Официальное название «Монгольское государство» (*Монгол улс*) было принято в 1911 г. одновременно с введением нового летосчисления: 12-й год Монгольского государства соответствует 1922 г.

[4] Осведсеть – осведомительная сеть.

[5] Имеются в виду части Монгольской народной армии.

[6] Имеются в виду секретные сотрудники ГВО.

[7] По мнению автора, советские военные инструкторы и молодые, неопытные сотрудники монгольских спецслужб нередко использовались противниками народной власти и сближения Монголии с СССР для сбора разведывательной информации.

№ 24

[1] Зырянов – временно исполняющий должность начальника части Пограничной охраны Прибайкальского губернского отдела ГПУ (1923).

[2] Британская экспортно-импортная компания – одна из иностранных торговых компаний, действовавших в Монголии в 1920-х гг.

[3] Название дается по документу. Юен-Фунг-Трейдинг и К° – китайская торговая компания, которая занималась экспортом скота из Монголии в начале 1920-х гг.

[4] Фамилия указана неточно. Ларсон Франц Август (*Frans August Larson*, 1870–1957) – шведский протестантский миссионер в Монголии, коммерсант, дипломат. Первый миссионер Христианско-миссионерского альянса в Монголии, представитель общества библеистов. Владел монгольским языком. Проживал в Монголии и Китае с 1893 по 1939 г. С 1902 г. – представитель Британского миссионерского общества в Монголии. В 1911 г. Президент Китайской республики Юань Шикай назначил Ларсона советником правительства по монгольским делам. Ларсон был лично знаком с Богдо-гэгэном, который пожаловал ему в 1920 г. титул гуна. Сохранились его записи о Богдо-гэгэне. Выполнял поручения правительства Пекина [Батсайхан 2018: 43, 113, 309]. В 1923 г. открыл собственный бизнес – компанию «*Ф. А. Ларсон и К°*», которая имела свои представительства в Калгане и Урге. Принимал участие в экспедициях американского палеонтолога Р. Ч. Эндрюса (1923–1925) и шведского путешественника Свена Гедина (1927) [Болд 2015: 57, 66, 155–165 и др.].

[5] Гаиль-налог (монг. *гааль* ‘таможенный налог’) – таможенная пошлина.

[6] Желтуринский район – пограничный район в Бурятии.

[7] См. док. 9, комм. 1.

[8] Имеется в виду традиционный религиозный праздник в честь бодхисаттвы Майтрейи (монг. *Майдар*).

[9] Цам (монг. *цам*) – религиозная мистерия, театрализованное представление, совершается в буддийских монастырях.

[10] Буян-Нэмэху (Буяннэмэх Содномбалжирын, 1902–1937**)** – политический и общественный деятель, поэт, писатель. Принимал участие в революционной борьбе, член подпольного кружка в районе Восточного монастыря в Урге (*Зүүн хүрээ*). Принимал активное участие в создании МНП, издании газеты «Монголын үнэн» в Иркутске. С марта 1921 г. – представитель ЦК МНП и Временного народного правительства в Дальневосточном секретариате Коминтерна в Иркутске. В 1921 г. избран председателем ЦК МРСМ; в 1922 г. выступил на I съезде народов Дальнего Востока. На II съезде МНП (1922) выступил с отчетным докладом ЦК партии, был избран членом ЦК и членом Президиума ЦК. На III съезде (1924) МНП осужден как сторонник С. Данзана и арестован. В 1924–1927 гг. находился во Внутренней Монголии, участвовал в основании Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ), руководил изданием журнала «Народный журнал Внутренней Монголии» (*«Дотоод Монголын ардын сэтгүүл»*). Одновременно продолжал заниматься литературным творчеством. В 1928 г. преподавал монгольский язык в педучилище в г. Улан-Удэ, был редактором художественной литературы. В 1928–1929 гг. – секретарь горкома МНРП г. Улан-Батор, директор клуба им. Сухэ-Батора, директор стадиона. Редактор газеты «Үндэсний эрх» («Национальное право») и журнала «Соёлын зам» («Путь культуры»)

(1930–1937). Обвинен в контрреволюционной работе среди молодежи, приговорен к расстрелу (1937). Реабилитирован (1962).

[11] Имеется в виду Б. Цэрэндорж, который в то время занимал пост министра иностранных дел.

[12] В документе – Цэрэн-хан. Видимо, ошибка. Имеется в виду министр внутренних дел Сэцэн-хан (Цэцэн-хан) Ц. Навааннэрэн.

[13] В документе – минюст Сайдо-Со. Видимо, автор имел в виду министра юстиции Сономдоржа. Сономдорж – государственный и военный деятель богдоханской и Народной Монголии. До революции 1921 г. – князь с титулом гун, в 1912 г. – вице-министр Военного министерства в правительстве Богдо-хана, командующий войсками на восточной и юго-восточной границе. В августе 1913 г. – уполномоченный министр, командующий войсками Юго-Западной границы. За воинские заслуги указом Богдо-хана присвоен княжеский титул бэйсэ. В 1923 г. – министр юстиции в правительстве Народной Монголии.

[14] Имеется в виду военный министр Хатан-Батор-ван С. Максаржав. Магсаржав Сандагдоржийн (1878–1927) – государственный и военный деятель Монголии. Выходец из княжеского рода, в 1904 г. унаследовал титул гуна. Член МНРП с 1922 г. В годы правления Богдохана (1911–1919) удостоен почетных титулов: Хатан-Батор-ван, Дархан-дзасак и др. В литературе и в народе более известен, как Хатан-Батор. В 1911 г. работал чиновником в управлении г. Кобдо. По поручению правительства Богдо-хана вручил ультиматум китайскому амбаню в г. Кобдо с требованием немедленно покинуть город и передать власть монгольскому правительству. В 1912 г. вместе с Дамбиджанцаном и Ж. Дамдинсурэном руководил монгольскими войсками при освобождении г. Кобдо от китайской администрации и войск. В 1915–1916 гг. назначен командующим войсками в Кобдоском крае, в 1918 г. – на юго-западной границе, в 1917 г. – на юго-восточной границе и на р. Халхин-гол, в 1918–1919 гг. – в районе оз. Хубсугул и в Танну-Урянхае. Осенью 1919 г. арестован китайцами по подозрению в подготовке восстания против них. В начале 1921 г. назначен командующим монгольскими войсками. В июле 1921 г. уехал из Урги на запад Монголии, где примкнул к красным в борьбе против белых. В сентябре 1921 г. назначен командующим войсками Западного края, где совместно с частями Красной армии принимал активное участие в разгроме белогвардейских отрядов. В 1922–1927 гг. – военный министр Народного правительства. В 1924 г. отказался от княжеского титула «Дархан-чин-ван». В декабре 1922 г. вступил в МНП. На III съезде МНП (1924) избран кандидатом в члены ЦК, на IV съезде МНРП (1925) – членом ЦК.

[15] Меркулов – временно исполняющий должность начальника штаба МНРА.

[16] Под псевдонимом Гочитский имеется в виду Цэдэн-Еши Дашбалын (он же Цэдэн-Иш Дашипылов, Дашпилон), который в то время занимал пост председателя отдела госконтроля (Экономического совета). См. док. 10, комм. 6.

[17] Имеется в виду II съезд Монгольской народной партии, проходивший с 18 июля по 18 августа 1923 г. В документе он назван I съездом партии, так как до III съезда МНП, состоявшийся в 1924 г., II съезд (1923) считался первым. По решению III съезда партии ее первым съездом стали считать совещание представителей партийных организаций некоторых аймаков, хошунов и ополченцев, которое состоялось 1–3 марта 1921 г. в г. Кяхта.

[18] По уточненным данным, в работе съезда приняли участие 114 делегатов от 67 партийных организаций [Очерки истории Монгольской 1987: 94].

[19] В документе «условий».

[20] По данным монгольских источников, в работе II съезда МРСМ приняли участие более 700 делегатов из 30 первичных ревсомольских организаций.

[21] Коммунистический интернационал молодежи (КИМ) – международная молодежная организация, секция Коминтерна. Организован в 1919 г., распущен в 1943 г. III съезд КИМ состоялся 4–16 декабря 1922 г.

[22] В то время в Монголии высших учебных заведений не было. Видимо, речь идет о новооткрытом «народном университете», светском учебном заведении.

[23] В 1921–1924 гг., до III съезда МНРП (август 1924), руководители МРСМ, который быстро рос и был готов во имя революции к более решительным действиям, чем партия, стали проявлять стремление к полной политической независимости от МНРП. Это нашло отражение в решениях I (1921) и II (1923) съездов МРСМ. Конец политическому соперничеству между руководством МНП и ревсомола был положен на III съезде МНРП.

[24] Здесь и далее имеются в виду объединенные заседания МНП и Союза молодежи (ревсомола).

[25] Косич Дмитрий Иосифович (1886–1937) – советский военный деятель, коринтендант (1935). Член ВКП(б) с 1918 г. Участник Первой мировой войны. Проходил службу на Юго-Западном фронте. В 1918 г. работал в подполье на Украине; был арестован немцами и заключен в тюрьму. С мая 1919 г. в Красной Армии, в которой занимал руководящие должности. После Гражданской войны занимал ответственные должности в войсках и центральном аппарате РККА. С августа 1922 г. – начальник и военком 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. В 1923 г. окончил Высшие академические курсы (ВАК) при Военной академии РККА и был командирован в Монголию на должность начальника Главного штаба Монгольской народной армии. После возвращения из Монголии – помощник начальника Управления Северо-Кавказского ВО (август 1925); командир и военком 9-й Донской стрелковой дивизии (с февраля 1926); начальник снабжения Северо-Кавказского ВО (с сентября 1927), инспектор формирований РККА (с марта 1931), помощник командующего войсками Московского ВО по материальному обеспечению (с июня 1932 г. по август 1935), начальник Управления обозно-вещевого снабжения РККА (с августа 1935). Арестован по обвинению в участии в военном заговоре (1937). Решением ВКВС СССР приговорен к высшей мере наказания, расстрелян (1937). Реабилитирован (1956).

[26] Имеется в виду группа советских военных инструкторов-калмыков (торгутов).

[27] Имеется в виду председатель правительства Монголии Б. Цэрэндорж.

[28] Видимо, имеется в виду, что с приездом советского уполномоченного Бошкина улучшилась работа ГВО среди противников просоветской ориентации Монголии.

[29] Здесь: Кукунор – пограничный пост на восточной границе МНР с Баргой.

[30] Далай-нор, Далай-нур (монг. *Далай нуур*) – пресноводное озеро, расположено в Внутренней Монголии.

[31] Баргуты – монгольская этническая группа, проживающая, главным образом, на востоке государства Монголия и на северо-западе Внутренней Монголии (бывшая Барга, или Хулунбуир).

[32] Акша – поселок в российском Забайкалье.

[33] В 1913 г. во Внутренней Монголии был образован особый район Чахар (Цахар), который в 1928 г. преобразован в провинцию Чахар. В него вошли восточная часть Внутренней Монголии и часть провинции Хэбэй.

[34] Удэ (Уддэ) – пограничный населенный пункт Дзамын-удэ (монг. *Замын Үүд*) на юго-востоке Монголии.

[35] Видимо, имеется в виду несвоевременное получение монгольских паспортов.

[36] Народный дом был открыт в Урге в 1923 г.

[37] Упомянутый документ отсутствует.

№ 25

[1] Бельский Лев Николаевич (наст. ФИО – Левин Абрам Михайлович, 1899–1941) – один из руководителей органов государственной безопасности. Комиссар государственной безопасности 2-го ранга (1935). Член РСДРП (1917). Пред. Симбирской губ. ЧК (1918–1919);

нач. ОО 8-й армии (1919–1920); 1920–1931 – на руководящих должностях в органах ВЧК – ГПУ – ОГПУ в Астраханской, Тамбовской губ., на Дальнем Востоке, в Туркестане, Средней Азии, Московской обл.; нач. Главного управления народного питания Наркомснаба СССР, член коллегии Наркомснаба СССР (1931–1933); полпред ОГПУ по Нижне-Волжскому краю (1933–1934); нач. Главного управления рабоче-крестьянской милиции ОГПУ – НКВД СССР (1934–1937); зам. наркома НКВД СССР (1936–1938); 1-й зам. наркома путей сообщения СССР (1938–1939); нач. строительства железной дороги Карталы – Акмолинск (1939). Арестован как «участник антисоветской заговорщицкой организации в НКВД и правотроцкистской организации в НКПС» (1939). Приговорен ВКВС СССР к высшей мере наказания, расстрелян (1941). Не реабилитирован.

[2] См. док. 21, комм. 2.

[3] Датируется по смежным документам.

№ 26

[1] Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – нарком иностранных дел РСФСР/СССР (1918–1930).

[2] Вероятно, указан номер спецсообщения.

[3] Имеется в виду Соглашение между Правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией, подписанное 5 ноября 1921 г. в г. Москва.

№ 27

[1] Козлов Петр Кузьмич (1863–1935**)** – полковник Генерального штаба Российской императорской армии, академик АН УССР (1928), исследователь Центральной Азии, участник экспедиций Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, В. И. Роборовского, руководитель монголо-тибетских (1899–1901 и 1923–1926) и монголо-сычуанской (1907–1909) экспедиций. Исследовал остатки древнего города Хара-хото, курганные могильники гуннов (хунну), в том числе Ноин-ула, собрал обширные археологические и этнографические материалы [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 447 и др.].

[2] Горбунов Николай Петрович (1892–1938) – советский государственный и партийный деятель, член РСДРП(б) с 1917 г., в 1919 г. – на политической работе в Красной Армии, в 1920–1928 гг. – управляющий делами СНК РСФСР/СНК СССР и Совета труда и обороны, член Госплана СССР, академик и непременный секретарь АН СССР (с 1935). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1954) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 438 и др.].

[3] Вероятно, пропуск. Следует читать «Урге».

№ 28

[1] Имя дается по документу. Субинтан – представитель Барги на монголо-баргутских переговорах об отношениях между Монголией и Баргой в 1923 г.

[2] Баргутцы – жители Барги. Правильно: баргуты.

№ 29

[1]Абрамов В. А. – начальник областного отдела ОГПУ Бурят-Монгольской АССР.

[2] Агданные – агентурные данные.

[3] Имеется в виду негативная реакция руководителей МНП и Народного правительства Монголии на заключение советско-китайского «Соглашения об основных принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой» от 31 мая 1924 г., в соответствии с которым (ст. 5) правительство СССР признало Монголию составной частью Китайской республики и уважает суверенитет Китая.

[4] Так в тексте. Возможно, автор имел в виду «негодное оружие».

[5] Имеются в виду антибурятские настроения среди части халха-монголов.

[6] Видимо, ошибка в тексте. Правильно: вооруженное выступление.

[7] Имеется в виду агентурная сеть.

[8] Вероятно, ошибка в тексте: слово «против» лишнее, оно меняет смысл.

[9] Имеется в виду Военный совет.

[10] Беляев – инструктор политуправления МНРА в 1923 г.

[11] Жадамба Наваандоржийн, 1899–1939 – политический, государственный и военный деятель. Получил образование в Иркутске. В 1921–1922 гг. – переводчик в МИД, зам. министра финансов, обучался в КУКС (1922–1923), начальник политуправления МНРА (1923), секретарь ЦК МРСМ (1924–1925), с сентября 1925 по январь 1929 г. – председатель Военного совета, одновременно зам. председателя и член президиума ЦК МНРП, председатель правления Госбанка МНР, министр народного хозяйства. Член Малого государственного хурала (1924–1928). На VII съезде МНРП (1928) обвинен в «правом уклоне» и смещен со всех постов. В 1929–1938 гг. – торгпред Монголии в СССР, советник дипмиссии МНР в СССР. Без отрыва от работы окончил Институт народного хозяйства им Г. В. Плеханова. Арестован (1938), скончался в тюрьме (1939). Реабилитирован (1968). Восстановлен в МНРП (1990) [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008, ч. II: 280 и др.].

№ 30

[1] Правильно: Кобдоского округа.

[2] Имеется в виду кавалерийский дивизион.

[3] Сазонов – командир советского кавдивизиона, бывший командир красного пехотного полка.

[4] Цирик (монг. *цэрэг*) – военнослужащий, солдат, рядовой.

[5] Большая Будара – погранпост на советско-монгольской границе с Забайкальем.

[6] Бабкевич Павел Петрович (1900–1939) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД, капитан государственной безопасности. В 1920–1921 гг. работал в РККА; 1921–1936 гг. проходил службу в органах ВЧК – ГПУ – ОГПУ на Западном фронте, в Белорусской ССР, Средней Азии, Московской обл., центральном аппарате, в Туркменской ССР. Окончил Центральную школу НКВД СССР; нач. Управления НКВД по Бурят-Монгольской АССР, нарком внутренних дел Бурят-Монгольской АССР (1936–1937). Входил в состав «особой тройки», активно участвовал в репрессиях. С октября 1937 г. – зам. нач. Управления Карагандинского ИТЛ НКВД. Арестован (1938). Приговорен ВКВС СССР к высшей мере наказания. Расстрелян (1939). В реабилитации отказано (2013).

№ 31

[1] Мельников Борис Николаевич (1896–1938) – советский разведчик и дипломат. В 1916 г. вступил в РСДРП(б). В том же году призван в армию. С июля 1917 г. проходил службу в Иркутске; член Иркутского Совета солдатских и рабочих депутатов. В ноябре назначен начальником городского гарнизона, участвовал в революционных событиях декабря 1917 г., секретарь Иркутского ревкома. В январе 1918 г. демобилизовался и переехал в Троицкосавск, был избран председателем уездного совета. С июля 1918 г. воевал в рядах Красной Армии; находился в плену у японцев, после освобождения эмигрировал в Китай. Вернулся в Россию в начале 1920 г., был командирован на Амур; член Военного Совета Временного Приморского правительства и Приморского областного комитета РКП(б). Комиссар штаба Амурского фронта (1920), 2-й Амурской армии, член РВС Восточного фронта ДВР (1921–1922). В 1922 г. назначен зам. Разведупра Сибири; председатель Приморского областного бюро РКП(б). С мая 1922 г. – в Разведотделе штаба РККА. В 1923 г. назначен

резидентом Разведупра в Харбин в должности секретаря советского консульства. В 1924–1928 гг. – нач. отделения Разведотдела штаба РККА, одновременно зав. отделом Дальнего Востока НКИД. Генеральный консул СССР в Харбине (1928–1929 и 1930–1931), зам. начальника Разведупра Штаба РККА (1932), уполномоченный НКИД СССР при Дальневосточном крайисполкоме (1933–1935). В 1935–1936 гг. – на партийной работе, в 1936–1937 гг. – зав. Отделом международных связей ИККИ (под именем Борис Мюллер). Арестован (1937). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1956).

[2]Давтян (Давыдов) Яков Христофорович (1888–1938**)** – сотрудник советских спецслужб, дипломат. Первый руководитель внешней разведки. Вступил в РСДРП(б) в 1905 г. В сентябре 1907 г. избран членом Петербургского комитета РСДРП. В конце того же года арестован за революционную деятельность. В мае 1908 г. эмигрировал в Бельгию, где окончил Политехнический ун-т. Участвовал в работе русских эмигрантских организаций, был членом Бельгийской социалистической рабочей партии. В 1915 г. арестован в Германии и заключен в тюрьму, затем переведен в лагерь для интернированных. В 1918 г. был освобожден и вернулся в Россию. В 1918–1919 гг. на партийной работе. С марта 1920 г. работал в НКИД РСФСР. С декабря 1920 г. – в ВЧК под фамилией Давыдов (фамилия была изменена в целях конспирации) временно исполнял обязанности начальника внешней разведки. В апреле 1921 г. назначен начальником ИНО ВЧК. В августе 1921 г. – вновь на работе в НКИД. Полпред РСФСР в Литве (1922), советник полпредства РСФСР и одновременно руководитель резидентуры ОГПУ в Китае (1922–1924), полпред СССР в ТНР (1924), советник полпредства СССР во Франции (1925–1927), полпред СССР в Иране (1927–1930). В 1930–1932 гг. – на партийной и административной работе. Полпред СССР в Греции (1932–1934), полпред СССР в Польше (1934–1937). В 1937 г. отозван в Москву и арестован в ноябре того же года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян (1938). Реабилитирован (1957).

[3] Имеется в виду правительство Танну-Тувинской Народной республики (ТНР).

[4] Имеются в виду власти Кобдоского округа Монголии, которые считали Туву (б. Урянхайский край) частью территории Монголии и на этом основании рассылали циркулярные распоряжения, минуя центральное правительство Тувы.

[5] Имеется в виду сайд, уполномоченный министр, губернатор Кобдоского округа Монголии.

[6] «Урянхайский вопрос» – в данном случае имеется в виду вопрос о международном статусе Урянхайского края после революции в Монголии (1921).

[7] Имеется в виду полномочный представитель правительства Монголии, военный министр Хатан-Батор С. Максаржав, направленный в г. Красный для урегулирования вопросов, связанных с Хемчикским восстанием.

[8] Сандаг – представитель Кобдоского сайда, направленный в ТНР после начала восстания в Хемчикском (Кемчикском) хошуне ТНР в марте 1924 г.

[9] Имеется в виду Батарху-мерин (Баатархуу мэйрэн) – монгольский чиновник, представитель сайда Кобдоского округа.

[10] Чичаев Иван Андреевич (1896–1984) – советский разведчик; дипломат; сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД. Полковник, Чрезвычайный и Полномочный посланник (1945), сотрудник органов ВЧК (с 1919). В 1923 г. направлен в НКИД СССР; в том же году командирован в Монголию службой внешней разведки; работал под прикрытием, был заведующим консульским отделом Полпредства СССР. В 1924 г. перешел на работу в ИНО ОГПУ. Консул СССР в Танну-Туве (1924–1925), референт НКИД (1925–1927). В 1927–1940 гг. работал в разных странах Европы под прикрытием. В начале Великой Отечественной войны выполнял различные задания НКВД. В 1941 г. назначен резидентом советской разведки в Лондоне; в 1944–1945 гг. – поверенный в делах в посольстве СССР при Союзных прави-

тельствах в Лондоне; резидент в Чехословакии (1945–1947). В 1947–1952 гг. – начальник отдела, затем зам. начальника управления в Комитете информации (название советской внешней разведки в 1947–1951 гг.). Вышел на пенсию в 1952 г. по состоянию здоровья.

[11] Пропуск в документе.

[12] Речь идет о русско-тувинском отряде, созданном для охраны г. Красный (совр. г. Кызыл, бывш. Белоцарск) и населения от грабителей и недопущения выступлений в других районах Тувы.

[13] Имеется в виду обстрел местного монастыря.

[14] Имеется в виду колония русских поселенцев в Туве.

[15] Речь идет об истории ареста и расстрела С. Данзана.

[16] Имеется в виду место и роль Э. Ринчино в политической жизни Монголии после резонансных событий (арест и расстрел С. Данзана и др.).

[17] Имеется в виду С. Буяннэмэх.

[18] Имеется в виду А. Данзан (Япон-Данзан).

[19] Имеется в виду монгольский ревсомол.

№ 32

[1] Имеется в виду бывший главком МНРА С. Данзан.

[2] Имеется в виду бывший председатель МНРП А. Данзан (Япон-Данзан).

[3] Имеется в виду ведомство (монг. *Их Шавь*), созданное в 1723 г. для управления шабинарами (учениками) Богдо-гэгэна.

№ 33

[1]Ташанта – пограничный пункт на западном участке границы МНР с СССР.

[2] Кемчик (Хемчик) – река и местность в Туве.

[3]Алаш – местность в Туве.

[4] Делюнь (монг. *Дэлүүн*) – монгольский погранпункт в Кобдоском округе на границе с Синьцзяном.

[5] Имеется в виду Булган, населенный пункт в Кобдоском округе.

[6] Шара-сумэ (монг. *Шар сүм*) – административный центр Алтайского округа в Синьцзяне.

[7]Алтайский округ – часть Кобдоского округа Монголии, в 1907 г. указом цинского императора выделен в отдельный округ, а затем включен в состав Синьцзяна.

[8]Ольский (наст. фамилия Куликовский) Ян Каликстович (1898–1937**)** – один из руководителей органов ВЧК – ОГПУ – НКВД, председатель ГПУ при СНК БССР, начальник ОО ОГПУ при СНК СССР. Вступил в РСДРП(б) в 1917 г. Участник Октябрьской революции 1917 г. В 1918 г. вступил в РККА. В 1919–1931 гг. – в органах ВЧК, руководитель аппарата объединения «Моснарпит» (1931). Арестован как «участник шпионской и террористической польской организации» (1937). Расстрелян (1937). Реабилитирован (1955).

№ 34

[1] Имеется в виду Эльбек-Доржи Ринчино, член ЦК МНРП.

[2] Волленберг Николай Львович (1892–1937) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД, майор госбезопасности. Участник Первой мировой войны. Один из организаторов Красной гвардии в Белоруссии (1917), член РКП(б) с 1917 г. Служил в Красной Армии. С 1920 г. – в органах ЧК – ОГПУ. Умер от болезни в Москве.

[3] Буробком РКП – Бурятский обком РКП. Копия заявления Э.-Д. Ринчино в деле отсутствует.

[4] Трилиссер Меер Абрамович (псевд. Москвин Михаил Александрович, Мурский Анатолий, 1883–1940) – революционер, один из руководителей органов государственной безо-

пасности СССР. В 1901 г. вступил в РСДРП. После Февральской революции 1917 г. переехал в Иркутск, где работал редактором социал-демократической газеты; в октябре того же года избран членом Центрального исполкома Советов Сибири, управляющим делами Сибирского СНК, членом сибирской ЧК и членом Военно-Революционного комитета Сибири и Забайкалья. Организатор борьбы с контрреволюцией в Сибири. С февраля 1918 г. – председатель контрразведывательного аппарата Революционной следственной комиссии при Иркутском губернском Военно-революционном комитете, который просуществовал несколько недель до правительственного решения об организации местных ЧК. Затем председатель Амурского ревкома, комитета РКП(б), комиссар Дальневосточной республики (ДВР) по Амурской области, член Дальбюро ЦК РКП(б). Один из руководителей Госполитохраны ДВР – аналога ВЧК. С декабря 1921 г. – в центральном аппарате ВЧК. С марта 1922 г. – нач. ИНО ГПУ. Возглавлял внешнюю разведку до октября 1929 г. В 1930–1934 гг. – в Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, занимал пост зам. наркома. В 1935–1938 гг. – член президиума и кандидат в члены секретариата ИККИ. Арестован (1938). Расстрелян (1940). Реабилитирован (1956).

[5] Имеются в виду бурятские работники.

[6] Лавров – работник из Бурятии, кандидат для командирования в Монголию в целях укрепления Экономического совета в 1925 г.

[7] Имеется в виду М. И. Амагаев

[8] Э.-Д. Ринчино выступил с предложением к руководству СССР «вернуть» Танну-Тувинскую Народную Республику (б. Урянхайский край) в состав Монголии с тем, чтобы через 5–6 лет установить свой контроль над всей Монголией. Это предложение не получило поддержки.

[9] Тихоновцы – самоназвание противников «обновленцев», т. е. сторонников движения обновленчества в русском православии после Октябрьской революции 1917 г., которые выступали за преобразование церкви, демократизацию управления, модернизацию богослужения. Употребляя термин «буддийские тихоновцы», Э.-Д. Ринчино, вероятно, имел в виду противоречия, возникшие в среде бурятского буддийского духовенства между сторонниками революционного обновления в деле богослужения и приверженцами сохранения традиций.

[10] Живоцерковники – члены обновленческой организации «Живая церковь», созданной в 1922 г. усилиями ГПУ при НКВД РСФСР.

[11] Имеется в виду комсомольская ячейка в одном из районов Бурятии, которые посетил автор.

[12] Названия даны по документу. Возможно, автор дает перечень населенных пунктов Бурятии, где наблюдал аналогичные явления.

[13] Имеется в виду слабость партийного влияния на взрослое население, народные массы Бурятии.

[14] Э.-Д. Ринчино был членом ЦК МНРП.

[15] Ербанов Михей Николаевич (1889–1938) – советский государственный и партийный деятель. Член Бурят-Монгольского революционного комитета (1917), член Иркутского подпольного комитета РКП(б) в 1918–1919 гг., член Иркутского губернского комитета РКП(б) в 1920–1921. Председатель ревкома Бурят-Монгольской автономной обл. (1921), председатель ее исполкома; председатель СНК БМАССР (1923–1927), одновременно председатель ЦИК БМАССР (1925–1927), первый секретарь Бурят-Монгольского обкома и член Сибирского крайкома ВКП(б) (1929–1937). Арестован как «руководитель панмонгольской, контрреволюционной, повстанческо-диверсионной, вредительской организации» (1937). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1956).

[16] Имеется в виду репрессивная политика атамана Семенова по отношению к представителям советской власти, большевикам и их сторонникам в годы Гражданской войны (1917–1922).

[17] Правильно: Ринчино.

№ 35

[1]Альпов Александр Павлович (1891–1950) – сотрудник ВЧК – ОГПУ – НКВД. С 1907 г. участвовал в революционном движении. В 1914–1917 гг. служил в русской армии. В органах ВЧК – с 1918 г.: председатель ЧК Царицына, затем Саратова, сотрудник Московской ЧК (1919). Председатель Екатеринославской (1919–1920), Николаевской (1920–1921) и Киевской ГубЧК. Полпред ГПУ по Юго-Восточному краю (1922–1923), полпред ОГПУ по Дальнему Востоку (сентябрь 1923 – март 1926). В дальнейшем перешел на хозяйственную работу. Арестован (1938). Оправдан и освобожден (1939). В 1939–1950 гг. – на хозяйственной работе.

[2] Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – революционер, партийный деятель, один из руководителей ВЧК – ОГПУ. Участник революционного движения, член РСДРП с 1902 г. В 1906 г. арестован, заключен в тюрьму; после освобождения эмигрировал в Европу (с 1907). В 1917 г. вернулся в Россию. Во время Октябрьской революции член петроградского ВРК, комиссар ВРК в Госбанке. Затем – зам. наркома финансов, нарком финансов РСФСР (январь – март 1918). С декабря 1917 г. – в составе Петроградской ВЧК. Советский консул в Берлине (1918), нарком Рабоче-крестьянской инспекции Украины (1919), особоуполномоченный ОО, зам. нач. ОО ВЧК (с сентября 1919), нач. ОО (1920–1922). Ему же подчинили образованный в декабре 1920 г. ИНО ВЧК. Первый зам. председателя ОГПУ (1923), председатель ОГПУ (1926–1934).

[3] Военвед – военное ведомство, т. е. Народный комиссариат по военным и морским делам СССР.

[4] Радецкий – главный инструктор ГВО МНР (1925).

№ 36

[1]Дьяков Таричан (Торичан) Михайлович (1897–1939) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД. В 1923–1926 гг. работник центрального аппарата ОГПУ, начальник 2-го отделения Восточного отдела. В 1926–1937 гг. – на руководящих должностях в органах ОГПУ – НКВД. Арестован (1938). Расстрелян (1939). Реабилитирован (1956).

[2] Неточность в документе. Вероятно, подразумевается поддержка Советской Россией революции в Монголии 1921 г.

[3] Так в документе.

[4] Найман-ван – князь из Внутренней Монголии.

[5] Мерсэ, Мерсе, Мэрсэ (монг. Мэрсээ, кит. Го Даупу, 1894–?) – политический и общественный деятель Внутренней Монголии, один из основателей Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ). Даур. В 1917 г. окончил Институт русского языка при МИД Китая. Владел китайским, монгольским, английским, русским языками. Член президиума, секретарь ЦК НРПВМ (1925), член президиума Центрального совета профсоюзов МНР (1926–1927), принимал участие в съезде Профинтерна. Один из руководителей Баргинского восстания в августе 1928 г. После поражения восстания отошел от революционной деятельности, занимался преподавательской работой, примирился с маньчжурскими властями, сотрудничал с Чжан Сюэляном и японцами. По некоторым данным, выехал в СССР, где был осужден на 10 лет лагерей (подробнее см.: [Рубин 2008: 173–195; Коминтерн ба Монгол 1996: 473]).

[6] Имеется в виду Кемчикское (Хемчикское) восстание в Туве.

[7] Так в документе.

[8] Названия местностей даются по документу. Имеется в виду перевал Урмагайты (Урмогайт) в Синьцзяне.

[9] Имеется в виду начальник местной военной и гражданской администрации уезда Шара-сумэ. Цзянцзюнь (кит.), жанжин (монг.) – военный губернатор в Цинской империи и в раннем республиканском Китае.

[10] Имеется в виду Чултэм – да-лама (старший, главный лама) Урянхайского края, местный светский и духовный глава, ошибочно назван в документе гэгэном.

[11] Имеется в виду штаб военного округа.

[12] Р. Елты – место расположения резиденции да-ламы Чултэма.

[13] Видимо, автор имел в виду местного китайского чиновника.

[14] Имеется в виду администрация сайда, наместника Кобдоского округа.

[15] Название хошуна искажено. Возможно, речь идет о хошуне Тариат-вана.

[16] Имеется в виду военный министр Хатан-Батор-ван С. Максаржав.

[17] Дэмбэрэл – комиссар Кобдоского военного округа, член комиссии по расследованию инцидента на монголо-китайской границе в 1925 г.

[18] Начальник штаба округа Донин и начальник учебной команды.

[19] «Данзаинада». Правильно: «данзаниада». Видимо, подразумеваются события, связанные с разоблачением и расстрелом бывшего главкома МНРА С. Данзана в августе 1924 г.

[20] Так в документе.

[21] Синьцзянский китайский ду-дзюн (кит. *ду-цзюнь*). Здесь: губернатор.

[22] Ошибка в имени. Правильно: Найман-ван

[23] Цыдыпов Цыден-Еши (1884–?) – царский, затем советский разведчик, дипломат. До 1917 г. российский агент в Маньчжурии. Во время русско-японской войны (1904–1905) был переводчиком с монгольского, потом служил в управлении КВЖД и при штабе Заамурского округа. Участвовал в провозглашении независимости Барги. Один из основателей бурятской государственности, член Даурского панмонгольского правительства. Посетил с тайным визитом Далай-ламу, пытаясь заручиться его поддержкой. В 1918 г. направлен генералом Хорватом в Забайкалье в помощь атаману Семенову для работы с местным населением. Агент Семенова в переговорах с представителями Внутренней и Внешней Монголий. После разгрома в 1919 г. Бурнардумы из-за несогласия с политикой атамана Семенова эмигрировал в г. Хайлар (Китай), работал там на советскую разведку. После провала летом 1927 г. бежал в Монголию. Возглавлял контору Монценкоопа в восточных районах МНР; занимался созданием ячеек МНП в Барге. Арестован и вывезен в СССР (1929). Осужден и сослан на Соловки. Реабилитирован (1989) [Базаров 2002; Курас 2017: 55].

[24] Не прилагается.

[25] Неясно, о какой делегации идет речь.

[26] Фэн Юйсян (1882–1948) – китайский военный и политический деятель, маршал Китайской республики (1927). В 1920-х гг. действовал в Северном Китае, воевал при поддержке СССР и МНР против Чжан Цзолиня. Из СССР через МНР ему поставлялись вооружение и боеприпасы. В 1926 г. впервые посетил СССР, пригласил в Пекин советских военных советников, впоследствии оказавших помощь в реорганизации войск на севере страны. Вступил в Гоминьдан. Один из влиятельных лидеров «левого» крыла этой партии, председатель политсовета ЦК Гоминьдан (1928). Погиб в Крыму «в результате несчастного случая».

[27] Так в документе.

№ 37

[1] Заголовок документа.

[2] Б/б офицерство – бывшее белое офицерство.

[3] Видимо, автор не знал ни имени, ни должности губернатора провинции Синьцзян и поэтому использовал выражение «”королек” провинции».

[4] Анненков Борис Владимирович (1889–1927) – атаман, казачий офицер, командующий Семиреченской отдельной армией. В апреле 1920, после поражения перешел в Китай, служил в Главном Управлении провинции Синьцзян. В 1926 г. схвачен Фэн Юйсяном, передан чекистам, вывезен через МНР в СССР. Расстрелян (1927) [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008, ч. II: 213, 215 и др.].

[5] Так в документе. Видимо, указанная цифра означает три с половиной года.

[6] Имеются в виду дунгане (хуэй), проживающие в Синьцзяне.

[7] Видимо, имеется в виду I Великий народный хурал, состоявшийся в 1924 г. в столице г. Урга, на котором была принята первая Конституция Монголии.

[8] Видимо, район оз. Толбо в Кобдоском округе.

[9] Видимо, здесь имеются в виду казахи, граждане СССР, проживавшие в Кош-Агачском районе.

[10] Бак Соломон Аркадьевич (1902–1940) – сотрудник ОГПУ – НКВД СССР. Майор государственной безопасности (1937). Нарком внутренних дел Башкирской АССР. Входил в состав особых троек НКВД СССР (1937–1938), активный участник массовых репрессий. В РККА с 1924 г. В ОГПУ СССР на различных командных должностях – с 1926 г., зам. народного комиссара внутренних дел Бурят-Монгольской АССР (1937–1938), начальник 3-го отдела Волжского ИТЛ НКВД (1938). Арестован (1938). Расстрелян (1940). Не реабилитирован.

№ 38

[1] Заголовок документа.

[2] Хемчикское (Кемчикское) восстание началось на востоке Танну-Тувы в 1923 г. Оно было вызвано недовольством тувинцев политикой руководства республики, в основном ее социальными аспектами, изменением формы правления, притеснениями со стороны присланных войск. Восстание поддержала местная знать и духовенство. Восставшие потребовали присоединения Тувы к монгольскому государству. Монголия заявила о своей поддержке движения, но СССР добился сохранения статус-кво. В 1924 г. на конференции в Туве при участии представителей тувинской, монгольской и советской сторон вопрос с восстанием был урегулирован, принята советско-монгольская декларация о невмешательстве во внутренние дела ТНР и уважении ее суверенитета [Кузьмин 2018: 2–14].

[3] Буян-Бадрах – председатель правительства Танну-Тувинской Народной республики (ТНР).

[4] Нямжав – председатель правительства ТНР, пришедший на смену Буян-Бадраха. Сторонник присоединения Тувы к Монголии.

[5] В 1914 г. по просьбе части тувинских нойонов во главе с высшим феодалом Урянхая – амбын-нояном Комбу-Доржу (Гомбодорж) Россия установила протекторат над Тувой. Военными и административными делами управлял Енисейский генерал-губернатор. В августе 1921 г. Всетувинский учредительный хурал, на котором присутствовала делегация Советской России и представители Дальневосточного секретариата Коминтерна в Монголии, принял резолюцию о создании самостоятельного тувинского государства Танну-Тува. В начале 1920-х гг. некоторые советские партийные и государственные деятели, в частности Б. З. Шумяцкий, склонялись к присоединению Тувы к МНР, однако позже от этой идеи отказались в пользу присоединения Тувы к СССР. На территорию Тувы претендовала также Монголия, исторически связанная с ней культурными, религиозными, политическими и экономическими отношениями: с XI в. тувинцы входили в состав мон-

гольских племен и подчинялись монгольским правителям. В 1920-е гг. Монголия не оставляла попыток возвратить Туву под свою юрисдикцию. В 1926 г. МНР признала независимость ТНР.

[6] В документе «превозносят».

[7] В документе «таможний».

[8] Госторг РСФСР – организация, образованная в 1922 г., осуществляла экспортно-импортные операции на внешнем рынке, одно из важнейших подразделений Наркомата внешней торговли.

[9] Сафьянов Иннокентий Георгиевич (1873–1953) впервые приехал в Туву в 1888 г. В 1913–1916 гг. возглавлял российско-урянхайское земство. Летом 1916 г. был выслан из Тувы. Весной 1918 г. вновь выехал в Туву, устанавливал там Советскую власть (Урянхайский краевой совет). Вернул тувинцам их печати и родовые списки, ранее отобранные царским комиссаром, заключил с ними дружественный договор о ликвидации царского протектората над Тувой. После начала Гражданской войны в Сибири выехал из Тувы; был арестован белыми и как политический заключенный посажен в тюрьму в Красноярске. В 1920 г. освобожден красноармейцами. В 1920–1924 гг. вновь работал в Туве, готовил Всетувинский учредительный хурал (1921). Вступил в конфликт с советским партийным руководством по вопросу о присоединении Тувы к МНР; был против такого решения. Исключен из партии и вновь выслан из Тувы. В 1926 г. восстановлен в партии, занимал руководящие должности в различных организациях.

[10] В документе «отмечаются».

№ 39

[1] Заголовок документа.

[2] АМБО – аббревиатура от «Автономная Монголо-Бурятская область», правильно – Бурят-Монгольская автономная область.

[3] Активность монгольских войск была вызвана намерением Монголии возвратить себе Алтайский округ Синьцзяна, земли которого издавна принадлежали ей, но со временем перешли во владение Китая. Там часто происходили монголо-китайские столкновения.

[4] Т. е. командующего войсками Кобдоского округа.

[5] Фамилия искажена. Имеется в виду Гомбо-Идшин – бывший командующий войсками Кобдоского округа.

[6] Дэмбэрэл – командующий войсками Кобдоского округа.

[7] Имеется в виду штаб командования войсками Кобдоского округа.

№ 40

[1] Радецкий, см. док. 35, комм. 4.

[2] Васильев Алексей Николаевич (1880–1941, по другим данным, 1877–1940) – советский дипломат. Большевик (с 1904), член МК РСДРП (1905), участник революции 1905–1907 гг. в России. Юрист. Сотрудник нелегальной газеты МК РСДРП «Голос труда». В июне–декабре 1905 гг. возглавлял Военную организацию МК РСДРП. Устанавливал связь с революционно настроенными солдатами и информировал МК РСДРП о положении в войсках Московского гарнизона. После Октябрьской революции – на юридической, с 1923 г. – на дипломатической работе. Полпред СССР в Монголии (1923–1925). В 1925–1926 гг. – генеральный консул СССР в Мукдене (Китай), сотрудник Восточного отдела Исполкома Коминтерна (с 1926), управляющий делами АН СССР (1929–1930).

[3] Резидентура – заграничное учреждение органа внешней разведки.

[4] Разведывательный отдел Монгольской народной армии (РОМНА).

[5] Документ в деле отсутствует.

[6] Материалы в деле отсутствуют.

[7] Баторун К. К. – начальник ГВО. См. док. 10, комм. 24.

[8] Балдаев (Болдаев) Николай Михайлович (1901–1937) – бурят, из крестьян, образование низшее, член ВКП(б) с 1920 г. Уполномоченный Иркутской ГубЧК в Бурят-Монголии (1921), зав. отделом агитации и пропаганды айкома РКП(б) и член Буробкома РКП(б) (1922), начальник Восточного отдела Бурят-Монгольского областного отдела ОГПУ (1924). С 1924 г. сотрудник резидентуры ИНО в Монголии, инструктор, затем главный инструктор ГВО Монголии. В 1926 г. инструктор СОЧ, врид главного инструктора ГВО МНР, сотрудник ИНО ОГПУ (с ноября 1926), нач. ИНО ПП ОГПУ по Дальневосточному краю в Хабаровске (с февраля 1932). Полковой комиссар (1935), состоял в распоряжении Разведуправления РККА. Уволен в запас (1937).

[9] Луковский – инструктор ГВО.

[10] В документе ошибка. Правильно: в Кобдоском.

[11] Письма не прилагаются.

[12] Имеется в виду г. Верхнеудинск.

№ 41

[1] См. док. 36, комм. 26.

[2] Имеется в виду советско-китайское «Соглашение об основных принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой» от 31 мая 1924 г. Подписав этот договор, СССР пошел на уступку Китаю в монгольском вопросе. Советский Союз признал Монголию составной частью Китая и его суверенитет над Монголией (ст. 5).

№ 42

[1] См. док. 36, комм. 26.

№ 43

[1] См. док. 31, комм. 1.

[2] Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – революционер, партийный деятель, один из руководителей ВЧК – ОГПУ. Член РСДРП с 1902 г. Во время Октябрьской революции – член петроградского ВРК, комиссар ВРК в Госбанке. Затем зам. наркома финансов, нарком финансов РСФСР. С декабря 1917 г. в составе Петроградской ВЧК. Советский консул в Берлине (1918), нарком Рабоче-крестьянской инспекции Украины (1919). Особоуполномоченный ОО (с сентября 1919), зам. нач., затем нач. ОО ВЧК (1920–1922); ему же в дек. 1920 г. подчинили реорганизованный в самостоятельный из состоявшего до этого при Особом отделе ИНО ВЧК. Первый зам. председателя ОГПУ (1923), председатель ОГПУ (1926–1934).

[3] Ягода Генрих Григорьевич (Енох Гершенович, 1891–1938) – один из главных руководителей ВЧК – ОГПУ – НКВД. Расстрелян (1938).

[4] См. док. 36, комм. 23.

[5] Убур-монгол (монг. *өвөр монгол*) – монгол из Внутренней Монголии.

№ 44

[1] Дуань-Ци-Жуй (Дуань Цижуй, 1864/5–1936) – премьер-министр Китайской республики (1916–1918; 1924).

[2] См. док. 6, комм. 4.

[3] Видимо, речь идет о советско-китайской конференции, предусмотренной в советско-китайском Соглашении об основных принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой от 31 мая 1924 г.

[4] Фу Гун – возможно, старший сын фудутуна Барги – Фу-угурда.

[5] Лин Гун – возможно, Линшэн, другой сын фудутуна Барги.

[6] См. док. 36, комм. 26.

№ 45

[1] Чантунга – местность во Внутренней Монголии.

[2] Суйюань – провинция в Китайской республике, существовавшая в 1928–1954 гг. на землях монголов.

[3] Речь идет о планах правительства Китайской республики направить военную экспедицию во Внешнюю Монголию с целью включения ее в состав Китайской республики.

№ 46

[1] Танну-Тувинская республика (1921–1926 гг., официальное название – Народная республика Танну-Тува), с 1926 г. – Тувинская Народная республика. Признана СССР в 1924 г., МНР – в 1926 г. В 1944 г. вошла в состав СССР как Тувинская автономная область в составе РСФСР. В 1961 г. преобразована в Тувинскую АССР в составе РСФСР, с 1992 – Республика Тува, с 1993 – Республика Тыва.

[2] Количество листов не указано.

[3] В тексте ошибка «урянцайцы». Урянхайцы – монгольская этническая группа. Урянхайцами, урянхами русские называли тувинцев в XVII – начале XX в.

[4] Т.Т. – Танну-Тува.

[5] Сафьянов Георгий Павлович – промышленник, городской голова, член РГО. Содействовал научным экспедициям в Урянхайском крае и Монголии.

[6] Медведев Павел Сафронович – советский политический деятель. Сыграл важную роль в укреплении советско-тувинских отношений. Член, затем председатель комиссии по делам с Монголией (с 1919); председатель крайревкома, глава дипломатического отдела представительства Сибревкома в Урянхайском крае (с 1920).

№ 47

[1] Гун-ван. Возможно, имеется в виду князь Внутренней Монголии, чин-ван Гунсэнноров (сокращ. князь Гун-ван). Гунсэнноров (Гунгсангнорбу, 1871–1930) – сын князя Вандуднамжила из Правого хошуна сейма Дзосоту на востоке Внутренней Монголии. В 1913 г. президент Китайской республики Юань Шикай назначил его президентом Комитета по делам Монголии и Тибета [Дилова-хутухта 2018: 314].

[2] См. док. 6, комм. 4.

[3] Найман-ван – князь из Внутренней Монголии.

[4] Имеется в виду Комитет по делам Монголии и Тибета. В апреле 1912 г. в министерстве внутренних дел Китайской республики был создан Отдел по работе в Монголии и Тибете, который в том же году преобразован в Управление по делам Монголии и Тибета. В 1914 г. президент Юань Шикай перевел Управление в свое прямое подчинение под названием Совет по делам Монголии и Тибета. В 1928 г. политическая конференция ЦК Гоминьдана приняла «Закон об организационных основах Комитета Национального правительства по Монголии и Тибету», который определил его полномочия и административный статус.

[5] У Шанхай – китайский чиновник.

[6] Фу-минтай (Фуминтай, ?–1938) – член ЦК Народно-революционной партии Внутренней Монголии, в середине 1920-х гг. добивавшейся отделения Внутренней Монголии от Китая. Впоследствии жил в СССР. Арестован (1937). Расстрелян (1938).

[7] На-ван. Возможно, имеется в виду князь Наянт-ван (Наянту-ван).

[8] Возможно, в документе опечатка: должно быть не РКП, а НРП.

[9] См. док. 36, комм. 26.

[10] Фэн Юйсян в то время пытался использовать монголов в своей борьбе с чжилийскими и фэнтянскими милитаристами.

[11] Видимо, в документе опечатка. Следует читать «позицию».

[12] Газета «Шуньтянь жибао» основана в 1905 г. посольством Японии в Китае.

[13] Имеется в виду – на Дальнем Востоке.

[14] События осени 1924 г., когда имел место уход через границу в район Шара-сумэ части жителей Западной Монголии (в основном, казахов), недовольных политикой монгольского правительства. Пытаясь вернуть их, последнее выдвинуло на пограничный перевал Урмагайты войска, было несколько стычек между монгольскими и китайскими пограничными отрядами.

[15] Дунгане (хуэй) – этнос, проживающий в Центральной Азии, в том числе в Синьцзяне.

[16] См. док. 10, комм. 10.

[17] Байтак-Богдо (монг. *Байтаг богд*) – горы на границе Монголии (аймаки Баян-Ульгий и Кобдо) и КНР (Синьцзян).

[18] Сан-Джи. Возможно, имеется в виду г. Хами в Синьцзяне.

[19] Группа лам из Улангомского монастыря.

[20] Имеется в виду монастырь Намир-хурэ (монг. *Намирын хүрээ*). Основан в 1876 г. по решению дербетского Далай-хана Галсаннамжила [Монголын хүрээ хийд 2018: 321].

[21] См. док. 20, комм. 1.

№ 48

[1] Заголовок документа.

[2] Намирская курья – монастырь Намир-хурэ.

[3] Донин – советский военный инструктор штаба кавполка в Кобдоском военном округе.

[4] Ошибка в названии. Правильно: Кобдоский.

[5] Так в документе.

[6] Имеется в виду хошун Далай-хана.

[7] Так в документе.

[8] Имя искажено, дается по документу.

[9] Имеется в виду Монценкооп.

[10] Выше комиссар округа назван Топетьджи. Фамилия искажена. Какое написание имени правильно – Топетьджи или Топьджи, выяснить не удалось.

[11] Имя искажено, дается по документу.

№ 49

[1] Заголовок документа. В документе опечатка, правильно – Рой Чепмен Эндрюс (*Roy Chapman Andrews*, 1884–1960) – американский путешественник и натуралист, профессор, президент Американского музея естественной истории (1931–1934), затем его директор (1934–1941). Принимал участие в научно-исследовательских экспедициях в Юго-Восточную Азию, Корею, Арктику. В 1916–1917 гг. совершил поездку в южный Китай («Азиатская зоологическая экспедиция»). В 1918–1919 гг. служил в разведке, находился в Китае в качестве секретного агента ВМС США; во время этой командировки дважды побывал во Внешней Монголии. В мае – сентябре 1919 г. посетил Монголию с научными целями (2-я Азиатская зоологическая экспедиция). В 1922–1925 гг. руководил палеонтологической экспедицией в Монголии (Гоби). В 1930 г. по приглашению монгольского правительства продолжил научные исследования в этой стране.

[2] См. док. 18, комм. 1.

№ 50

[1] Документ публикуется в сокращении.

[2] В скобках за названиями хошунов указана преобладающая этническая группа в их населении: в хошунах Тув-засаг, Дайчин-ван, Дархан-бэйлэ – халхасцы (халха-монголы), Барун-Амбан-Урянхай, Гун-бэйлэ и Жанжин-гун – захчины, Дамби-Ольд – олёты. Халхасцы (монг. *халх*) – монгольский этнос, составляющий основное население Монголии. Захчины (монг. *захчин*) и олёты (монг. *өөлд*) – ойратские этнические группы.

[3] Тушэмил (монг. *түшмэл*) – чиновник.

[4] Дуцзюнь – в тот период в Китайской республике губернатор, имевший гражданскую и военную власть.

[5] Сарты – устаревшее наименование части оседлого населения Средней Азии.

[6] Вероятно, следует читать – Бичгийн ам.

[7] Точных сведений об этой компании обнаружить не удалось. Возможно, речь идет об «Интернациональной экспортной компании», прежнее название «Русское экспортное товарищество», созданное в начале XX в., представляло собой объединение московских капиталистов.

[8] Очевидно, имеется в виду Монценкооп (Монценкоп, Монгольский центральный кооператив) – государственная кооперативная организация, созданная народным правительством Монголии в декабре 1921 г. с целью вытеснения с внутреннего рынка торгово-ростовщического капитала и развития национальной экономики. Занимался заготовкой и экспортом сырья и продовольственных товаров, импортом потребительских товаров. Основная торговая организация в Монголии в 1920–1930. Созданию кооперативной торговой системы, охватившей своей деятельностью буквально все монгольское население, содействовал СССР. В 1920-е гг. была единственной в МНР организацией, через которую СССР проводил там свою экономическую политику.

[9] Возможно, фирма В. Кауфман начала свою деятельность в Монголии после 1917 г.

[10] Гуйхуачэн – китайское название города Хух-хото во Внутренней Монголии.

[11] «Дашэнкуй» – одна из крупнейших торговых фирм Северного Китая. Представляла торговое сообщество провинции Шаньси. Будучи самым крупным ростовщиком в Монголии, она охватывала своей деятельностью кроме Внешней Монголии Внутреннюю Монголию, Синьцзян, Кяхту, Сибирь и др. районы. На территории Монголии фирма имела филиалы в Кобдо и Улясутае. В 1929 г. «Дашэнкуй» была закрыта.

[12] Задавать – устар. ‘давать в долг’.

[13] Лан (лян) и фын (фэн) – китайские меры веса. Лан = 37,5 г, фэн = 0,01 ляна.

№ 51

[1] Фэн – имеется в виду китайский генерал (с 1927 г. – маршал) Фэн Юйсян (1882–1948), военный правитель провинции Шэньси (1917–1926). В октябре 1924 г. выступил против лидера чжилийской милитаристской группировки У Пэйфу, занял Пекин, возглавил государственный переворот и образовал новое пекинское правительство, лояльное к революционным силам Юго-Восточного Китая. В 1926–1927 гг. впервые посетил СССР; пригласил в Пекин советских военных советников, которые оказали помощь в реорганизации войск на севере страны, составивших основу 1-й революционной «Народной армии» (Гоминьцзюнь). Советский Союз оказывал Фэн Юйсяну материальную помощь: только за один год на вооружение его армии было выделено свыше 6 млн руб.

[2] Ларсен – возможно, Ларсон. См. док. 24, комм. 4.

[3] Маленький Сюй – китайский генерал Сюй Шучжэн (1880–1925), один из лидеров аньхойской группировки милитаристов, брат президента Сюй Шичана. В 1919 г. получил назначение комиссара-умиротворителя и главнокомандующего обороной Северо-Западной

границы Китая, ввел войска во Внешнюю Монголию и отменил ее автономию. В 1920 г. после поражения аньхойской группировки уволен с должности комиссара-умиротворителя и вернулся в Пекин. Ездил в Европу, в 1924 г. вернулся в Китай после долгого отсутствия. 29 декабря 1925 г. убит генералом Фэн Юйсяном.

[4] См. док. 6, комм. 4.

№ 52

[1] Вероятно, в документе опечатка и речь идет о признании Японией Монголии как де-факто самостоятельного государства.

[2] Возможно, это утверждение вызвано тем, что Чжан Цзолинь заботился об укреплении собственной власти в Маньчжурии и не желал установления там полного контроля Японии. Война Японии с МНР была бы невыгодна Чжан Цзолиню. После провозглашения независимости Монголии в 1911 г. Чжан Цзолинь неоднократно высказывался за ее захват военной силой, имитировал подготовку войск, но дело ограничивалось тем, что он оставлял себе оружие, боеприпасы и предметы снабжения, которые выделяло ему центральное правительство Китая для похода на Монголию.

№ 53

[1] Имена даются по документу.

№ 54

[1] Датируется по смежным документам.

[2] Местность Егузэр (в русскоязычной лит-ре Югодзыр) – район монастыря Егузэр-хутухты, в юго-западной части современного Сухэ-Баторского аймака. Егузэр-хутухта Галсандаш Жамсранжавын (1870–1930) – один из высших лам Монголии. Активный участник движения монголов за независимость, имевший большой авторитет в восточной части Внешней Монголии и соседней части Внутренней Монголии. В 1930 г. расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности («заговор Эрэгдэндагвы»). Реабилитирован (1990). См. док. 103, комм. 1.

[3] Японию интересовали вопросы, касавшиеся политической ситуации в Монголии, ее экономического положения, состояния советско-монгольских отношений, структуры административных органов и др. Япония вела в Монголии разведывательную работу под видом научных экспедиций, торговых и других дел. В документе идет речь об одной из таких экспедиций.

[4] Имя дается по документу.

[5] Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД) – часть КВЖД. Была построена в 1898–1903 гг. между Харбином и Порт-Артуром. После русско-японской войны (1904–1905) ЮМЖД отошла Японии.

[6] Название дается по документу.

№ 55

[1] См. док. 35, комм. 1.

[2] Уншлихт Иосиф (Юзеф) Станиславович (1879–1938) – партийный деятель, один из создателей и руководящих работников органов ВЧК – ОГПУ – НКВД. Начальник Главного управления Гражданского воздушного флота при СНК СССР (1933–1935). Арестован (1937). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1956).

[3] См. док. 1, комм. 5.

[4] См. док. 31, комм. 1.

[5] См. док. 35, комм. 2.

[6] См. док. 43, комм. 3.

[7] Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891–1937) – член РСДРП(б) с 1917, с декабря 1918 по 1935 гг. работал в ВЧК – ОГПУ СССР, с 1935 г. – зам. начальника IV (разведывательного) управления штаба РККА. Арестован (1937). Расстрелян (1937). Реабилитирован (1956) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 428].

[8] См. док. 34, комм. 4.

[9] См. док. 16, комм. 1.

[10] Унгерн Роман Федорович (Роберт Николас Максимилиан фон Унгерн-Штернберг, 1885–1921) – российский генерал, деятель Белого движения в Забайкалье. Автор идеи реставрации империи Чингисхана от Тихого океана до Каспия. С 1918 г. – командир Азиатской конной дивизии. В августе 1920 г. во главе этой дивизии барон Унгерн вторгся на территорию Внешней Монголии, а в феврале–апреле 1921 г. освободил страну от китайских оккупантов и восстановил теократическую монархию. Потерпел поражение от красных при походе на Сибирь в мае–августе 1921 г. Расстрелян в Новониколаевске (1921).

[11] Шарже д'афер (франц. *chargé d'affaires,* дип. 'поверенный в делах', 'временный поверенный в делах'). Здесь имеется в виду представитель НКИД в Монголии В. И. Юдин.

[12] Возможно, речь идет о каких-то местных сборах в отдельных районах, где растут ягоды, а не о госналоге по всей стране.

[13] В июне 1924 г. в Урге был открыт Монгольский торгово-промышленный банк (Монголбанк), созданный на акционерных началах Народным комиссариатом финансов СССР и правительством МНР. Из 22 специалистов Банка 18 сотрудников были советскими гражданами, четыре – гражданами Монголии. В стране в то время в обращении были китайские серебряные и медные монеты, российские монеты, серебро в слитках, деньги других иностранных государств, различные денежные суррогаты. Постановлением правительства МНР от 22 февраля 1925 г. о проведении денежной реформы исключительное право выпуска национальной валюты было предоставлено Монголбанку. В декабре 1925 г. выпущены и поступили в обращение национальные денежные знаки – тугрики (монг. *төгрөг*). Монгольские денежные знаки были изготовлены в Советском Союзе. Монеты были отчеканены на Монетном дворе в Ленинграде, банкноты печатали в Москве.

[14] Во второй половине XIX – начале XX в. в Монголии существовала местная почтовая связь. В это же время в стране функционировали почтовые отделения Российской империи. Современная почта начала развиваться в Монголии с 1924 г.

[15] Первые монгольские почтовые марки выпущены в 1924 г. До этого в стране в почтовом обращении находились марки Китая.

[16] Политику колонизации Монголии сибирскими крестьянами ни Россия, ни СССР не проводили. Возможно, ошибочный вывод Г. Кауфмана основан на сведениях о том, что около тысячи бурятских семей переселились из РСФСР в Монголию.

[17] Документальных подтверждений такого обращения не существует. СССР, который незадолго до этого (31.05.1924) подписал Советско-китайское соглашение, не мог сделать подобное предложение правительству Монголии. В соответствии со ст. 5 этого Соглашения правительство СССР признавало Внешнюю Монголию составной частью Китайской республики и суверенитет Китая над ней.

[18] Имеется в виду заключенное 31 мая 1924 г. «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой». Соглашение предусматривало восстановление дипломатических отношений между двумя странами, отказ правительства СССР «от специальных прав и привилегий» (в соответствии с этим были ликвидированы российские концессии в Харбине, Тяньцзине и Ханькоу; Китай обязался не передавать этих специальных прав и привилегий третьей державе), отказ от российской части «боксерской контрибуции», от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции, заключение равноправных соглашений между СССР и Китаем. Оба правительства до-

говорились провести демаркацию советско-китайских границ; по инициативе советского правительства обе стороны договорились обменяться послами. В докладе Г. Кауфмана ошибочно указано, что Соглашение было временным.

№ 56

[1] Ермилов Николай Данилович (1883–?) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД. Член ВКП(б) с 1918 г. Начальник СОЧ, и. о. председателя Саратовской губ. ЧК (1921–1922), начальник Саратовского губ. отдела ГПУ (1923), начальник СОЧ Амурского отдела ГПУ (1924–1925). Начальник Бурят-Монгольского обл. отдела ОГПУ (1925–1929), член президиума ЦИК Бурят-Монгольской АССР (1927). В 1929 г. убыл в распоряжение ПП ОГПУ по Сибири (Новосибирск). С 1933 г. – начальник Хакасского обл. отдела ОГПУ.

[2] Вероятно, документ представляет собой перевод с китайского языка аналитического материала спецслужб Китая о важных внутриполитических событиях в Монголии в 1924 г., о роли СССР в развитии этой страны. Особое внимание обращено на антикитайские настроения среди монголов. Сложностями перевода можно объяснить ошибки в названиях: «Монгольская Трудовая Республика» вместо «Монгольская народная республика», «Народное собрание» вместо «Великий народный хурал» и др.

[3] Имеется в виду Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII (1869–1924) – теократический монарх и последний великий хан (Богдо-хан) Монголии. Родился в Тибете. В 1874 г. прибыл в столицу Их-хурэ и с тех пор безвыездно жил во Внешней Монголии. С молодых лет интересовался техническими достижениями России и Запада, отказывался слепо выполнять предписания цинских властей, проявлял самостоятельность. Был высокообразованным человеком в области буддизма, имел ученую степень габджу. Поддерживал контакты с представителями России, с 1895 г. посылал в Россию миссии в поисках поддержки движения за независимость Монголии, сыграл ключевую роль в достижении ее независимости в 1911 г. Интронизирован как Богдо-хан 29 декабря 1911 г. После прихода к власти МНП объявлен ограниченным монархом. В этом статусе пребывал до кончины в 1924 г. [Кузьмин 2016].

[4] Богдо-гэгэн VIII скончался 20 мая 1924 г.

[5] Богдо-гэгэн VIII прибыл столицу Их-хурэ в 1874 г. и безвыездно жил во Внешней Монголии до самой смерти в 1924 г.

[6] Речь идет о начале работы I Великого народного хурала 8 ноября 1924 г.

[7] 26 ноября 1924 г. новый парламент страны (Великий народный хурал – ВНХ) провозгласил создание Монгольской Народной Республики (МНР) и принял первую Конституцию страны.

[8] Янданзан – имеется в виду А. Данзан. См. док. 10, комм. 2.

[9] См. док. 40, комм. 2.

[10] III Интернационал, Коминтерн (Коммунистический интернационал) – международная организация, объединявшая коммунистические партии разных стран. Основан в 1919 г. по инициативе РКП(б) для развития и распространения идей революционного социализма в международном масштабе. Распущен в 1943 г. От Коминтерна на первом Великом народном хурале речь держал его официальный представитель Т. Р. Рыскулов. От имени правительства Бурят-Монгольской автономной области выступил его председатель М. Н. Ербанов.

[11] Автор документа (или переводчик) пишет о том, что, согласно Конституции, «свобода во всех ее видах и привилегии признаются только в интересах пролетариата (бедного трудового населения)». В монгольском тексте Конституции слова «пролетариат» нет, употребляется словосочетание «подлинный народ» (монг. *жинхэнэ ард*).

[12] По всей видимости, неточность в переводе. В Конституции МНР говорилось, что постоянный центральный административный орган власти – это правительство (монг. *ардын засаг* ‘народная власть, правительство’), а не «Народный комитет».

[13] Неточность перевода. Следует читать: «Кроме правительства и Экономического совета есть еще Военный совет».

[14] Имя сильно искажено. Председателем правительства в это время был Б. Цэрэндорж.

[15] Имя искажено. Должно быть Амар. Амар Анандын (Агданбуугийн, 1886/7–1941) – политический и государственный деятель, дипломат, историк. В 1923 г. вступил в МНП. Родился в Булганском аймаке, знал маньчжурский и тибетский языки. В годы монархии работал чиновником МИД, затем вице-премьер первого состава Малого государственного хурала (1924), министр иностранных дел, министр внутренних дел, министр народного хозяйства, зам. главы правительства (1923–1928), премьер-министр (1928–1930, 1936–1939), председатель Комитета наук МНР (1930–1932), председатель президиума Малого государственного хурала (1932–1936), член президиума ЦК МНРП (1934). Арестован (1938). Вывезен в Советский Союз. Расстрелян (1941). Реабилитирован (1956) [Коминтерн ба Монгол 1996: 443; Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 427–428].

[16] Речь идет об эвакуации советских войск из МНР в соответствии с Советско-китайским соглашением (1924). По этому Соглашению СССР взял на себя обязательство вывести свои войска из Монголии после согласования сроков вывода на предстоящей двусторонней конференции. Советские войска, кроме одного дивизиона, покинули МНР в марте 1925 г.

[17] Так в документе.

[18] Неясно, о каких военных законах идет речь. Возможно, автор документа имел в виду постановления I (1924) и II (1925) Великих народных хуралов об укреплении Народно-революционной армии и принятое правительством «Положение о прохождении военной службы гражданами МНР» (1925).

[19] Великий народный хурал.

[20] Объединение «Дальгосторг» (Дальневосточная государственная торговля СССР) действовало в Китае, Монголии, регионах советского Дальнего Востока. Главная контора объединения находилась в Хабаровске. Наряду с торгово-экономической деятельностью выполняла разведывательные функции, в частности среди белоэмигрантов.

[21] Видимо, допущена ошибка в информации относительно строительства железной дороги Верхнеудинск – Кяхта – Урга. До настоящего времени нет никаких документов, подтверждающих это сообщение, хотя известно, что вопрос о прокладке железной дороги от Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) до Кяхты и далее до Урги (ныне Улан-Батор) неоднократно обсуждался на разных уровнях до и после Октябрьской революции. Межправительственное соглашение об учреждении Советско-монгольского акционерного общества (АО «УБЖД») для строительства железной дороги Наушки – Улан-Батор было подписано 6 июня 1949 г. Соглашение бессрочное.

[22] Хучжао (кит.) – паспорт.

[23] Республика пяти народов (или «пяти рас» – ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы, мусульмане). Имеется в виду Китайская республика.

[24] Дубань – в Китайской республике того времени одна из высших должностей с военными и административными функциями.

№ 57

[1] Дугар-бэйсэ (Дугаржав-бэйсэ, 1883–?) – нойон из Цэцэнханского аймака на востоке Монголии, имевший личный (не передаваемый по наследству) титул бэйсэ. В цинский период был пограничным сановником в Кяхтинском Маймачене. Затем примкнул к революции. В 1922 г. назначен командиром пограничного отряда на юго-востоке Монголии. В ав-

густе 1922 г. вместе с Нанзад-Батором и четырьмя солдатами участвовал в ликвидации Дамбиджанцана (о нем см. док. 10, комм. 18). После этого назначен сайдом (наместником) Юго-Восточного края. Служил также в должности командующего военно-воздушными силами МНР [Революционные мероприятия 1960: 130–133; Кузьмин 2016: 209; Дилова-хутухта 2018: 133, 199–203, 321]. В публикуемом документе приводятся сведения о его уходе в Маньчжурию. Из Маньчжурии вывезен в МНР агентами ГВО. Согласно его показаниям, в 1926 г. он растратил государственные средства и бежал во Внутреннюю Монголию и Китай, где его стали обрабатывать для организации бунта в пограничных войсках МНР [ЦА ФСБ. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 227–230].

[2] Дашэнкуй, см. док. 50, комм. 11.

[3] Утай-Шань («Пять вершин») – одно из священных мест, объект поклонения буддистов в пров. Шаньси.

№ 58

[1] Заголовок документа.

[2] ВПО – Военно-пограничный отдел.

[3] Нарармия, М. Армия, МНА – Монгольская народно-революционная армия (МНРА).

[4] В тексте опечатка: должно быть ‘Государственной внутренней охраны’.

[5] См. док. 40, комм. 8.

[6] Год вступления Д. Б. Дудикова в РКП не указан. Дудиков (Дудиков-Гринштадт) Давид Борисович (1895–1981) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД (с 1921), капитан государственной безопасности (1937). До 1926 г. – начальник ИНФО СОЧ Бурят-Монгольского облотдела ОГПУ, начальник СОЧ 51 Троицко-Савского погранотряда Бурят-Монгольского облотдела ОГПУ, в дальнейшем – на работе в аппарате главного инструктора ГВО МНР, затем – в центральном аппарате ГУГБ НКВД СССР, зам. начальника 5-го отдела УГБ УНКВД по Московской обл. (1937–1938), затем начальник 3-го отдела УГБ УНКВД по Московской обл. Арестован (1939). Приговорен к 8 годам лишения свободы (1940). Реабилитирован (1956).

№ 59

[1] Государственная внутренняя охрана (ГВО) (монг. *Дотоодыг хамгаалах газар*) – спецслужба Монголии создана в июле 1922 г. по образцу ВЧК РСФСР. Первый руководитель – Д. Балдандорж. В 1936 г. преобразована в Главное управление внутренней охраны (монг. *Дотоодыг хамгаалах ерөнхий газар*), в 1955 г. – в министерство военной и общественной безопасности, в 1959 г. – в министерство общественной безопасности.

[2] Здесь и далее *мон-* – это сокращение от прилагательного «монгольский».

[3] Бодо Догсомын (Бодоо Догсомын, 1885–1922) – политический и государственный деятель Монголии. До революции 1921 г. работал писарем в Шабинском ведомстве, преподавал монгольский язык в школе переводчиков при российском консульстве в Урге. Кроме монгольского владел маньчжурским, тибетским, китайским и русским языками. Основал в Урге один из подпольных кружков. В 1920 г. в составе монгольской делегации вел переговоры в Иркутске с представителями Коминтерна. В 1921 г. передавал из Урги революционерам сведения об Азиатской конной дивизии. Министр иностранных дел правительства МНП (с 1 марта 1921), премьер-министр Временного правительства (16 апреля 1921). В 1922 г. подал в отставку. Расстрелян (1922). Реабилитирован (1991).

[4] См. док. 10, комм. 4.

[5] См. док. 13, комм. 2.

[6] См. док. 10, комм. 24.

[7] Здесь: инструкторский состав ГВО.

[8] Нетупский (Поливанов) Михаил Матвеевич (1896–?) – член РКП(б). В 1919–1928 гг. работал в РККА и ВЧК – ОГПУ. В середине 1920-х гг. – инструктор ГВО Монголии. Был отозван в СССР. Репрессирован. Реабилитирован.

[9] Территория, находившаяся под контролем китайского генерала Фэн Юйсяна.

[10] В документе сумма не проставлена.

[11] Хамагалха (монг. *хамгаалах*) – охранять, защищать.

[12] Слово неразборчиво.

[13] Монценкооп, см. док. 50, комм. 8.

[14] См. док. 47, комм. 6.

[15] Секи – секретные сотрудники (сексоты).

№ 60

[1] Медведь Филипп Демьянович (1889–1937) – советский государственный деятель, сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД. Член контрольной коллегии ВЧК, председатель Тульской губ. ЧК (1918); член коллегии ВЧК (1919–1920), одновременно – председатель Петроградской губ. ЧК (1919), далее – на руководящей работе в органах ВЧК – ОГПУ в европейской части и на Дальнем Востоке СССР. Арестован (1934) после убийства С. М. Кирова, приговорен за «преступно-халатное отношение к своим обязанностям по охране госбезопасности» к трем годам лишения свободы. Нач. Южного горнопромышленного управления Главного управления строительства Дальнего Севера (Дальстрой) НКВД СССР (1935–1937). Арестован и расстрелян (1937). Реабилитирован (1957).

[2] Документы в деле отсутствуют.

[3] Приложение в деле отсутствует.

№ 61

[1] Не публикуются.

[2] Петросян (Петросьян) Хорен Самвелович (1900–1940) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД, капитан госбезопасности (1935). С 1921 г. – на руководящей работе в ОГПУ – НКВД, нач. УНКВД Читинской обл. (1934), нач. Читинского опер. сектора НКВД (1934–1937), начальник ОО ГУГБ НКВД Забайкальского ВО (1936–1937), пом. нач. УНКВД Восточно-Сибирского края (1936–1937). Расстрелян (1940).

[3] См. док. 37, комм. 10.

[4] См. док. 19, комм. 3.

[5] 9 марта 1926 г. ЦК МНРП по просьбам духовенства принял постановление о созыве I Великого религиозного собора, для чего была создана специальная комиссия. Возможно, имеется в виду она.

[6] Очевидно, такая формулировка связана с курсом МНРП на поддержку «обновленцев» в тот период. К буддизму как таковому государство декларировало лояльность, но буддийскую церковь продолжало ограничивать.

[7] На гербе МНР был изображен соёмбо, является символом монгольской государственности. В 1924–1992 гг., когда Монголия была народной республикой, соёмбо венчала пятиконечная звезда.

[8] Шигемуни – Будда Шакьямуни.

[9] Имеется в виду многозначное буддийское понятие ‘дхарма’, по-видимому, в данном случае обозначающее мельчайшую частицу потока сознания, качество и т.п. Заявление Ц. Жамцарано можно считать одной из первых констатаций аналогии учения о дхармах с квантовой механикой.

[10] Согласно буддийскому канону, Будда – не бог, а существо, достигшее Просветления.

[11] Самвара – здесь: обет, обязательство (монг. *санваар*).

[12] Имеется в виду женщина, которую прозвали «Мэргэн-хухэн» (монг. *Мэргэн хүүхэн,* «прозорливая женщина») Цэнджав. В период V съезда МНРП был распространен слух о том, что Богдо-гэгэн VIII (ум. 1924) переродился в 1925 г. как Т. Лувсандорж – сын Цэнджав из местности Ялбаг (Ялбиг) (в совр. Сэлэнгэ аймаке Монголии). Сын Цэнджав – Т. Лувсандорж не был канонически подтвержден как новое воплощение Богдо-гэгэна, а сам процесс его выявления не был доведен до конца [Кузьмин 2016: 384].

[13] Ялаганза-хутухта – ошибочное написание, должно быть: Джалханцза-хутухты. Джалханцза-хутухта (Жалханз хутагт). См. док. 4, комм. 4.

[14] Панчен-Богдо (Банчин Богд, Банчин Эрдэнэ) – европейцам известен как Панчен-лама. Панчен-лама IX Тубтэн Чокьи Ньима (1883–1937) – в 1888 г. был распознан как воплощение Панчен-ламы Далай-ламой XIII и получил указанное выше монашеское имя. Участвовал в политической жизни Тибета в период распада империи Цин. В 1924 г. бежал из Тибета, из-за несогласия политикой централизации Тибетского государства, проводившейся Далай-ламой XIII, и противоречий между приближенными Далай-ламы и Панчен-ламы. В Китае, Внутренней Монголии и Маньчжурии занимался религиозной деятельностью и готовил свое возвращение в Тибет, рассчитывая на собственные силы и поддержку китайской армии. Скончался в эмиграции в Китае.

[15] Китайское управление – Лифаньюань, служба в империи Цин, ведавшая «внешними народами» в том числе монголами и тибетцами. Занчия-хутухта – неверное написание, должно быть: Чжанчжа-хутухта – глава монастыря Юнхэгун, центра тибетского буддизма в Пекине. Имеется в виду процедура выявления новых перерождений монгольских хубилганов.

[16] Джебцзундамба-хутухта (Жавзандамба хутагт) – линия перерождений в тибетском буддизме, восходящая к одному из ближайших учеников Будды Шакьямуни – Ананде. Начиная с Дзанабазара, воплощения Джебцзундамба-хутухты, являются главами буддийской церкви Внешней Монголии.

[17] Имеется в виду период войн ойратов с халхами. Богдо-гэгэн I Дзанабазар (Ундур-гэгэн, 1635–1723), первый глава буддийской церкви Халхи, убедил ее князей для защиты от ойратов принять подданство маньчжурского императора Энх Амгалана (Канси, 1654–1722). Галдан Бошокту-хан (Галдан бошигт, 1645–1697) – правитель Джунгарского ханства (1671–1697).

[18] Утверждение о том, что Богдо-гэгэн VIII будет последним в своей линии перерождений, по-видимому, появилось до революции: есть сведения, что его инспирировали китайцы перед распадом империи Цин, чтобы воспрепятствовать становлению Монголии как государства во главе с Богдо-гэгэном. Позже это утверждение было включено в итоговые документы V съезда МНРП. Целью было приостановить, а затем запретить поиски Богдо-гэгэна IX [Кузьмин 2016: 374–376].

[19] В документе – «представился» (а не «преставился»).

[20] Согласно буддийскому канону, бодхисаттвы и боги – не одно и то же.

[21] Имеются в виду Нагарджуна – индийский буддийский мыслитель II–III в. н.э., основатель школы мадхьямака (мадхьямика) буддизма махаяны, и Цонкапа (монголизир. Цзонхава – в документе ошибка) (1357–1419) – основатель и реформатор школы Гэлуг, распространенной в Монголии, философской основой которой является учение мадхьямака.

[22] Приведенные здесь выкладки о причинах выявления хубилганов не соответствуют буддийским канонам и принятым в науке воззрениям.

[23] Неверно, что программа МНРП «одинакова с религиозным учением». Приведенные фразы свидетельствуют о попытке объединения буддийского «обновленчества» с марксистско-ленинскими принципами разделения духовенства на группы по признаку имущественного ценза и «эксплуатации низших лам высшими».

[24] Довчин-хубилган – один из высших лам, попытавшийся получить поддержку японцев и китайцев в борьбе против власти МНРП. Был признан участником одного из первых заговоров против революции. Расстрелян (1922).

[25] Имеется в виду «Мэргэн-хухэн» Цэнджав. См. док. 61, комм. 12.

[26] Имеются в виду светские феодалы («черные») и высшее духовенство («желтые»).

[27] V съезд МНРП постановил, что по вопросу о поисках следующего перерождения надо получить санкцию Далай-ламы.

№ 62

[1] Заковский Леонид Михайлович (Штубис Генрих Эрнестович, 1894–1938) – сотрудник органов госбезопасности, комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Один из организаторов массовых репрессий; входил в состав особой тройки НКВД СССР. На службе в ВЧК с января 1918 г. В апреле 1938 г. уволен из НКВД, исключен из ВКП(б). Арестован. Расстрелян (1938). Не реабилитирован.

[2] Приглашение хутухт и хубилганов – имеется в виду выявление их новых воплощений.

[3] «Желтые харгисы» – «желтые реакционеры» (монг. *харгис* ‘жестокий’). С 1920-х гг. слово *харгис* в монгольском языке употребляется и в значении «реакционер». Имеются в виду «церковные реакционеры».

[4] Скорее всего, речь идет о делегате из Дариганги (местности в Восточной Монголии).

[5] Чимэд Дунгарын (1904–1932) – политический, государственный и общественный деятель 1920–1930-х гг. Участник в революции 1921 г. В составе ополченцев воевал с китайскими оккупантами и белогвардейцами. Член МНП (с 1922), делегат IV (1925) и V (1926) съездов МНРП, был избран членом ЦК МНП и зам. председателя ЦК МРСМ. С 1928 г. учился в КУТВ, стал членом ВКП(б). На VII съезде МНРП выступил с резкой критикой руководства партии, в том числе своего учителя Ц. Жамцарано по вопросам панмонголизма и политики в отношении религии и духовенства. В 1929 г. вместе с У. Бадрахом и С. Буяннэмэхом создал первое Объединение революционных писателей, прообраз будущего Союза писателей Монголии. После возвращения из Москвы возглавлял Улан-Баторский партком. На VIII съезде партии (1930) избран членом президиума ЦК МНРП, в правительстве Ц. Жигжиджава был министром скотоводства и земледелия. Выступал за продолжение политики полного искоренения экономических основ класса феодалов путем проведения джасской кампании и конфискации имущества джас. Последовательный сторонник «левого» курса.

[6] Желтая религия – тибетский буддизм школы Гэлуг.

[7] Перерожденец – то же, что хубилган.

[8] Закон «Об отделении церкви (или религии) от государства» (*Тус улсын төр шашин хэргийг тусгаарлан явуулах тухай хууль*) принят в МНР в 1926 г.

[9] «Обновленческие» идеи, развивавшиеся в буддийской церкви Монголии с XIX в., были направлены в основном на «обновление» и «очищение» религиозной жизни согласно Винае (Винайе) – каноническому своду правил буддийской монашеской общины. Позже многие «обновленцы» разделяли идеи социальной справедливости, считали капиталистические страны Европы образцом для подражания и считали установки МНРП не противоречащими буддизму. МНРП некоторое время использовала «обновленцев» для разделения буддийского духовенства.

[10] Очевидно, опечатка – верно: ‘создать’.

[11] Имеется в виду религиозная администрация (монг. *шашны захиргаа*), состоявшая из ученых лам и действовавшая под контролем властей. Создана в 1926 г. при монастырях Гандантэгченлин и Дзун-хурэ в Улан-Баторе [Kaplonski 2014: 146–148]. В 1936 г. президиум ЦК МНРП постановил создать такие администрации с расширением их функций в ряде других монастырей.

[12] В документе опечатка – должно быть ‘худонах’.

[13] Чойбалсан Хорлоогийн (1895–1952) – государственный и партийный деятель МНР, родился в хошуне Сан-бэйсэ Цэцэнханского аймака. Зам. главкома МНРА (1921–1922), главком (1924–1928), председатель президиума Малого государственного хурала (1929–1930), министр иностранных дел (1930–1932), министр скотоводства и земледелия (1932–1934), первый заместитель премьер-министра (1935–1939), министр внутренних дел (с 1936), военный министр (с 1937), премьер-министр (с 1939) [Рощин 2005; 2008; Коминтерн ба Монгол 1996: 420].

[14] См. док. 29, комм. 11.

[15] Имеется в виду национально-освободительное движение 1911 г. против политики руководства империи Цин, направленной на китаизацию Монголии. Оно завершилось интронизацией 29 декабря 1911 г. главы ее буддийской церкви – Богдо-гэгэна Джебцзундамбахутухты VIII (1869–1924) и провозглашение его Богдо-ханом независимой Монголии.

[16] Гендун (Гэндэн Пэлжидийн, 1895–1937) – политический и государственный деятель, член партии с 1923 г., делегат I съезда ревсомола и I Великого народного хурала, председатель президиума Малого государственного хурала и председатель центрального бюро профсоюзов (1924–1927), председатель правления Госбанка (1927–1928), секретарь ЦК МНРП (1928–1932), премьер-министр, министр иностранных дел (1932–1936). В 1936 г. освобожден от должности премьер-министра. Репрессирован (1937). Реабилитирован (1956) [Рощин 2008; Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 436; Коминтерн ба Монгол 1996: 452–453].

[17]Дамбадорж Цэрэн-Очирын (1899–1934) – государственный и общественный деятель, один из основателей и первых руководителей МНП–МНРП. Родился в г. Урга. Один из основоположников современной монгольской художественной литературы, переводчик, журналист. Учился в школе переводчиков маньчжурского и русского языков при консульстве России в Урге (1910–1912), Троицкосавской гимназии (1913–1914), средней школе в г. Иркутск (1917–1918), московском Институте народного хозяйства им Г. В. Плеханова (1929–1932). Образование высшее, по специальности экономист. В 1918–1921 гг. работал телеграфистом в Чойре, Урге и Кяхте. Во время революции 1921 г. – партизан, политработник, агитатор, участвовал в освобождении Кяхтинского Маймачена от китайских оккупантов. Член МНП (с 1921), участник I съезда МНП (март 1921), на котором был избран членом ЦК МНП. Зам. председателя ЦК МНП (январь–март 1922), председатель ЦК МНП/МНРП (март 1922 г. – январь 1923; 1924–1928). На VII съезде МНРП (1928) освобожден от занимаемого поста как лидер «правых уклонистов». В 1928 г. направлен на работу в полпредство МНР в Москве в должности торгового представителя. Работал во Внешнеторговом издательстве в Москве. Исключен из МНРП (1932), восстановлен (1991). Скончался от болезни в Москве (1934).

[18] Имеется в виду разделение лам по имущественному признаку.

[19] В документе опечатка – должно быть ‘Ялбаг’.

№ 63

[1] Блюмкин Яков Григорьевич (1900–1929) – российский революционер, сотрудник ВЧК, разведчик. Член партии левых эсеров с 1917 г., с 1920 – член РКП(б). С мая 1918 по направлению руководства партии эсеров – на работе в ВЧК: заведующий отделением борьбы со шпионажем Отдела по борьбе с контрреволюцией. В 1920–1921 гг. учился на восточном факультете Военной академии РККА в Москве, где изучал китайский, монгольский, турецкий, арабский языки. С 1923 г. – во внешней разведке ОГПУ, представитель ОГПУ и главный инструктор ГВО МНР (1926–1927), руководил советской разведкой в Тибете и Северном Китае, военный советник генерала Фэн Юйсяна. При содействии монгольских развед-

чиков создал резидентуры во Внутренней Монголии, Синьцзяне и Северном Китае. В ноябре 1927 г. отозван в Москву. В 1928–1929 гг. – резидент ОГПУ в Константинополе, откуда курировал советскую разведку в странах Ближнего Востока. Арестован в Москве. Расстрелян (1929). Реабилитирован (1956).

[2] Дамдинсурэн Жанцангийн (1898–1938) – монгольский государственный, политический и общественный деятель, член МНРП (1922). Руководитель партячейки хошуна (1921–1922), помощник чиновника аймачного министерства (1926), председатель ЦК ревсомола, Малого государственного хурала МНР (1926–1928), заместитель премьер-министра правительства МНР, министр сельского хозяйства (1928–1930), председатель колхоза (1930–1931), член правления Монценкоопа (1931–1934), начальник отдела сельского хозяйства администрации Дзабханского аймака (1934–1938). Принимал активное участие в политической жизни в период, когда «худонцы» пришли к власти. На V съезде МНРП (1926) избран кандидатом в члены ЦК партии, вскоре был избран председателем ЦК МРСМ. 15 ноября 1927 г. утвержден в должности председателя президиума Малого государственного хурала МНР. После I пленума ЦК партии (1927) сохранил свое место в составе президиума ЦК МНРП. Член президиума, председатель ЦК МРСМ (1926–1928); зам. премьер-министра, министр народного хозяйства (1928–1930); председатель колхоза (1930–1931); член правления кооператива г. Улан-Батор (1931–1934); второй зам. председателя администрации Дзабханского аймака, зав. отделом животноводства (1934–1938). Кандидат в члены ЦК МНРП (с 1926), член ЦК, член президиума ЦК МНРП (1928–1930). Расстрелян как «член контрреволюционной организации» (1938). Реабилитирован решением Верховного суда МНР (1959).

[3] Экономический совет (ЭКОСО) при правительстве МНР создан в 1924 г. с целью реализации первой национальной программы экономической политики народного правительства, которая нашла отражение в документе «Основы экономической политики», принятом на II съезде МНП в августе 1923 г. В состав ЭКОСО помимо ответственных работников Монголии входили также советники из СССР (например, М. И. Амагаев в 1925–1927 гг., Е. А. Стулов в начале 1930-х гг. и др.).

[4] Никифоров Петр Михайлович (1882–1974) – советский государственный деятель, дипломат. В революционном движении с 1901 г. Председатель Дальневосточного крайкома, член Дальбюро ЦК РКП(б), председатель совета министров ДВР (1920–1922), полпред СССР в МНР (1925–1927). Работал в Совнаркоме СССР, затем зам. наркомснаба РСФСР. В годы Великой Отечественной войны был на партийной работе.

[5] См. док. 20, комм. 1.

[6] Дорлигжав Ваанчигийн (1893–1937) – монгольский политический и государственный деятель. Секретарь хошунного управления, чиновник, помощник министра финансов (1921–1925), министр иностранных дел (1925–1928), зав. Орготделом ЦК МНРП (с декабря 1928), с октября 1929 г. – председатель парткома аймака Богдо-хан-уул, председатель аймачного суда, заведующий отделом госхозов министерства скотоводства и земледелия. На IV–VII съездах МНРП избирался членом ЦК партии и членом президиума, в 1925–1928 гг. – член Малого государственного хурала МНР. В 1928 г. вместе с Д. Лосолом и Янжинсурэном участвовал в работе VI съезда Коминтерна. Арестован по обвинению в участии в контрреволюционной деятельности (1937). Расстрелян (1937). Реабилитирован (1956).

[7] «Худонцы» (монг. *хөдөө* ‘сельская местность’) – представители «левого» крыла МНРП, опиравшиеся преимущественно на аратов; пользовались поддержкой Коминтерна.

[8] Нанзад Гомбын (1898–1938) – монгольский политический и общественный деятель. Получил домашнее образование. С 1924 г. – писарь, инструктор, чиновник хошунного управления. В 1928 г. избран председателем комитета ревсомола аймака Хан-Хэнтэй-ул, вскоре стал председателем ревизионной комиссии Улан-Баторского отделения Монценкоопа. На VII съезде МНРП (1928) избран членом президиума ЦК, в 1929–1930 гг. возглавлял

Экономический совет при правительстве МНР. Принимал участие в деятельности «левых» (конфискация собственности феодалов, запрещение частной торговли, повышение налогов). В 1930 г. работал в Главном правлении Кооператива взаимопомощи – зав. отделом, председателем Монгольского союза потребителей. В 1937 г. во время поездки в Москву по торговым делам арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности как «член контрреволюционной группы Гэндэна». Расстрелян (1938). Реабилитирован (1964).

[9] По-видимому, автор справки неточно указал фамилию, что в то время было обычным среди советских специалистов, которые в большинстве своем не знали монгольский язык. К тому же в то время не было единых правил написания монгольских имен, географических названий. В списке делегатов VI съезда МНРП (22 сентября – 5 октября 1927) был делегат по фамилии Шадав, но не было Шарава.

[10] Батухан (Батуханов Никита Федорович, 1888–1942) – бурятский и монгольский государственный деятель. Родился в улусе Нижняя Тарас-Баханского хошуна Балаганского района Иркутской губ. Окончил Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (1934). В 1914–1929 гг. проживал в Монголии. В марте 1921 г. назначен управделами монгольского народного правительства, в ноябре того же года в качестве переводчика участвовал в переговорах российской и монгольской делегаций по подписанию Соглашения об установлении дружественных отношений между РСФСР и Монголией. Член Малого государственного хурала (1924), министр просвещения Монголии (1924–1929); переписывался с М. Горьким по вопросам организации в МНР системы образования. В 1929 г. выслан из Монголии как «враг революции». В 1930-е гг. преподавал в Ленинградском восточном институте, доцент. Репрессирован (1937). Скончался в Вятлаге. Реабилитирован (1956).

[11] См. док. 24, комм. 14.

[12] Видимо, речь идет о С. Дэндэве.

№ 64

[1] См. док. 61, комм. 14.

[2] Хошун Халхин-гол расположен на востоке МНР, у оз. Буир-нур, аймак Хан-Хэнтэй; хошун Новый Улз-гол – на р. Улз в том же аймаке.

[3] В документе ошибка: в 1927–1929 гг. Х. Чойбалсан был главнокомандующим МНРА, а не «главкомом МНК партии».

[4] Все перечисленные утверждения, использованные для агитации, не соответствовали истине.

[5] Возможно, имеется в виду хошун Баян-Тумэн-ул (примыкает с юга к хошуну Улз-гол, аймак Хан-Хэнтэй).

[6] Речь идет о хошуне Гурван-Сайхан-ул (аймак Цэцэрлэг-Мандал).

[7] Аймак Хан-Тайшири располагался между центральными и южными регионами Монголии.

[8] Имеются в виду казахи, которых до 1925 г. называли киргиз-кайсаками, или киргизами.

[9] Данный документ относится к периоду «левого уклона» в МНРП (1928–1932). В 1926 г. в Монголии было введено прогрессивное налогообложение монастырских хозяйств, что привело к их существенному сокращению.

[10] Имеется в виду церковная администрация. См. док. 62, комм. 11.

[11] Неясно, о ком идет речь.

[12] Названия хошуна и дацана искажены.

№ 65

[1] Заголовок документа.

[2] Захчинцы, дзахчины (монг. *захчин*) – западномонгольская (ойратская) этническая группа, компактно проживающая в сомонах Манхан, Уенч, Зэрэг, Муст, Алтай Кобдоского

аймака Монголии. Галдан Бошогту-хан (годы правления 1671–1697) обязал джунгарских нойонов выделить своих подданных (торгутов, дербетов) с семьями для охраны границ ханства. Именно это распоряжение Галдана послужило первым шагом к формированию пограничных войск; оно относится к началу 70-х годов XVII в. Иными словами, обозначение рода деятельности, или занятия, части народа со временем стало наименованием этнической группы [Орлова 2012].

[3] Киттерритория, китвласти, китсолдаты – китайская территория, китайские власти, китайские солдаты.

[4] *Анги* (монг.) – подразделение.

[5] Возможно, имеется в виду «урумчинское командование», т. е. командование китайских войск в г. Урумчи.

№ 66

[1] Заголовок документа.

[2] Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) – учебное заведение Коминтерна, созданное для подготовки революционных кадров советских азиатских республик и стран Востока. Организован при Наркомпросе РСФСР по постановлению ЦК РКП(б). Открыт в Москве в 1921 г. на базе Восточных курсов при Наркомнаце РСФСР. В 1938 г. в связи с реорганизацией всей системы партпросвещения был закрыт.

[3] Имеется в виду тенденция к усилению проявлений «правого уклона», отход от генеральной линии МНРП на некапиталистическое развитие в руководстве партии и правительства МНР в 1926–1928 гг., ошибочного и опасного с точки зрения идейно-политических установок руководства СССР и Коминтерна. В настоящее время в монгольской и российской исторической науке «правый уклон» в МНРП трактуется преимущественно с положительной стороны, как высшая точка борьбы монгольских национальных демократов (Б. Цэрэндорж, Ц. Жамцарано, А. Амар и др.) за проведение менее революционной, более умеренной внутренней политики, в большей степени отражавшей особенности и потребности развития страны.

[4] Имеется в виду возникновение разногласий между руководством СССР и ИККИ, с одной стороны, и руководством МНРП и правительства МНР (Ц. Дамбадорж и др.) – с другой по вопросам, касавшимся существования «правого уклона» в МНРП, характера внутренней и внешней политики МНР, советско-монгольских отношений в 1926–1928 гг. Из документа видно, что эти серьезные разногласия находили свое отражение не только в руководстве МНРП и правительства, но и среди рядовых членов партии, а также среди монгольских студентов, обучавшихся в СССР.

[5] С 1926 г. Монголия стала направлять своих учеников и студентов во Францию и Германию. В конце апреля 1926 г. первая группа из 35 учеников начала обучаться в Германии. 13–15-летние дети учились в средней школе Германии до 1930 г. Некоторые из них после окончания школы поступили в различные университеты Германии, другие обучались во Франции. Обучение монгольских студентов в Европе продолжалось до 1933 г. Большинство студентов по окончании обучения вернулись в Монголию, многие из них были впоследствии репрессированы.

[6] Гочитский (Гачитский). См. док. 10, комм. 6.

[7] Имеется в виду находившееся в 1927–1937 гг. в Нанкине правительство Китайской республики, провозглашенной Сунь Ятсеном в 1911 г. Китайская республика контролировала значительную часть материкового Китая и Внешнюю Монголию (последнюю – с 1919 до 3 февраля 1921 г.).

[8] После VI съезда МНРП, прошедшего с 22 сентября по 5 октября 1927 г., в Монголии обострилась внутрипартийная борьба. На съезде критике было подвергнуто руководство

партии за ограничение внутрипартийной демократии, «засорение» государственного и партийного аппарата феодалами и старыми чиновниками, за торможение развития кооперативного движения и т.д.

[9] Речь идет о статьях Ц. Жамцарано, опубликованных в центральном печатном органе МНРП и журнале Монгольского революционного союза молодежи (МРСМ), в которых автор, один из идеологов и лидеров «правых», излагал свои взгляды на политику партии и государства в отношении религии. В то время Жамцарано считал, что цели МНРП и буддизма не противоречат друг другу, поскольку обе заботятся о благе народа. Жамцарано не был воинствующим атеистом, он видел в религии как положительные, так и отрицательные стороны, выступал за «очищение» буддизма. Эти взгляды нашли отражение в решениях V и VI съездов МНРП, что вызвало неоднозначную реакцию в партии и обществе, в частности негативное отношение со стороны приверженцев «левого» крыла в МНРП и левой молодежи, включая монгольских студентов, обучавшихся в КУТВ и других вузах СССР.

[10] В 1926–1928 гг. ЦК МНРП проводил относительно умеренную политику в отношении буддийского духовенства, что объясняли деятельностью «правых» в партийном руководстве, в то время как задачей Коминтерна было привести к власти «левых».

[11] По-видимому, имеется в виду поражение революции в Китае в 1925–1927 гг. и ухудшение международного положения МНР.

№ 67

[1] Сводка «Жизнь бурят в Улан-Батор-Хото» не публикуется.

[2] Волленберг Николай Львович (1892–1937) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД, майор госбезопасности. Участник Первой мировой войны. Член РКП(б) с 1917 г. Служил в Красной Армии. С 1920 г. – на различных должностях в ЧК – ОГПУ. Умер от болезни в Москве.

[3] До 1931 г. – Цэцэрлэг-Мандальский аймак, в 1931 г. преобразован в Ара (Ар)-Хангайский аймак.

[4] Речь идет о сторонниках движения «обновленцев» в монгольском духовенстве и приверженцах традиционного буддизма.

[5] Аббревиатура Улан-Батор-Хото (УБХ) – город Улан-Батор.

[6] Имеется в виду дворец Богдо-гэгэна VIII в Улан-Баторе.

№ 68

[1] Дата в документе ошибочна.

[2] Дзун Хурэ, Дзун-хурэ (монг. *Зүүн хүрээ*) – крупный монастырский квартал, обосновавшийся в 1799 г. в Их хурээ, столице Монголии. Состоял из монастырских построек, жилищ для лам. В этом монастыре состоялась церемония возведения Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII на престол Богдо-хана независимого государства Монголия (о монастыре подробнее см.: [Мягмарсурэн 2015; Ванчикова, Аюшеева 2015: 137–141]).

[3] Панчен-Богдо (Панчен-лама) – в 1925 г. с ним встречалась делегация правительства МНР, прибывшая в Китай для переговоров с Фэн Юйсяном. Делегация привезла в ЦК МНРП письмо Панчен-ламы, где он писал о желании побывать в Монголии. Поездка в МНР так и не состоялась из-за противодействия лидеров ВКП(б) и МНРП, но слухи о предстоящем приезде в МНР ходили примерно до начала 1930-х гг.

[4] Хийд Дэчингалба – Дэчэнгалба-дацан («Храм 40 мировых периодов») в Дзун-хурэ. Построен в 1801 г., в 1937 г. закрыт, затем разрушен.

[5] Очевидно, речь идет о Палден Лхамо (монг. *Балданлхам*) – женском гневном божестве, одном из восьми основных Дхармапал (защитников Учения).

[6] Имеется в виду тибетское гадание на костях *шо мо*, связанное с определенным религиозным ритуалом.

[7] Далай-лама XIII Тубтен Гьяцо (1876–1933) – теократический монарх Тибета, высший лама школы Гэлуг тибетского буддизма.

[8] Имеется в виду Ц. Лувсанхаймчиг (1872–1937) – тибетец, один из высших лам Монголии, учитель Богдо-гэгэна (ёнзон-хамбо). Расстрелян как «глава контрреволюционного центра». Реабилитирован.

[9] Имеются в виду хамбо-ламы.

[10] Религиозные обряды аврал (монг. *аврал*) и гурэм (монг. *гүрэм*).

[11] Монастырь Манджушри-хийд (монг. *Манзушир хийд*) основан в 1733 г. недалеко от столицы Монголии Их-хурэ. Его настоятелем был один из высших лам Монголии Манджушри-хутухта С. Цэрэндорж (1872–1937) – буддийский ученый, премьер-министр страны (с марта по октябрь 1921). Повторно арестован по делу «Центральной контрреволюционной группы». Расстрелян (1937). Реабилитирован (1990).

[12] Пандита-гэгэн – один из высших лам Внутренней Монголии. Его монастырь находился в сейме Силингол. Панчен-лама IX приезжал туда в 1928 г.

[13] Имеется в виду Симба Ринпоче – донир (заведующий канцелярией высшего ламы), ведавший имуществом Далай-ламы XIII и выполнявший функции представителя правительства Тибета в столице Монголии в 1920-е гг.

[14] По-видимому, имеются в виду члены МНРП.

[15] Здесь: монастырский аймак (одна из внутримонастырских общин монахов).

[16] Имеются в виду хошуны Дзун-Сунуд или Барун-Сунуд Силингольского (Шилингольского) сейма Внутренней Монголии.

[17] Хара-усу – населенный пункт в Барге на р. Ялу.

[18] Имеется в виду барон Р. Ф. Унгерн.

[19] Возможно, имеется в виду пребывание Р. Ф. Унгерна в Монголии в 1913–1914 и 1920–1921 гг.

[20] Житель сельской местности.

[21] Монастырь Гандантэгченлин в Улан-Баторе. Основан в 1838 г.

[22] Здесь: подготовка к дамджа (монг. *дамжаа*) – экзамен на получение степени габджу.

[23] Хурал – молебствие, богослужение.

[24] Здесь: цогчин – соборный храм.

[25] Возможно, имеется в виду совместное чтение «Молитвы о рождении в северной Шамбале».

[26] Главнокомандующий и начальник главного штаба – неясно, о чем идет речь в документе.

[27] Здесь: кредитки – кредитные билеты. Вероятно, имеются в виду бумажные тугрики.

[28] Янчан – мексиканский серебряный доллар (песо), бывший в обращении в Китае с середины XIX в. до 1933 г. Наряду с китайским ляном (таэлем) в стране имели хождение различные серебряные монеты других государств. Наиболее распространен был мексиканский доллар («китайский янчан», «орлиный доллар»). В Монголии до 1925 г. обращались китайские серебряные и медные монеты, российские монеты, серебро в слитках, деньги других государств. Основной валютой был янчан. 22 февраля 1925 г. правительство МНР приняло постановление о выпуске национальной валюты – тугрика, который был введен в обращение в декабре того же года.

№ 69

[1] См. док. 33, комм. 8.

[2] Хаянхирва (Хаянхирваа Намжилын, 1885–1934) – работник полпредства Монголии в России (1922), зав. орготделом ЦК ревсомола (1923), комиссар, начальник ГВО МНР

(1925–1928), министр здравоохранения (1928–1934) директор Центральной партийной школы. Репрессирован по «Делу Лхумбэ» (1934). Реабилитирован (1968).

[3] Вульфович – очевидно, один из братьев Вольфовичей. Один из них находился в войсках Унгерна во Внешней Монголии, другой – в Харбине.

[4] Юмтаров Доржидамба (Доржидамба Ю., 1883–1937) – бурят, родом из мурочинских цонголов, из казачьей семьи. В 1906 г. призван на военную службу. В 1910–1912 гг. работал почтальоном в Урге. В 1912 г. – переводчик в российской военной школе в Худжир-Булане. Служил переводчиком в штабе барона Р. Ф. Унгерна, затем в штабе генерала Б. П. Резухина. Гражданин Монголии. В 1934 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности («Дело Лхумбэ»). В марте 1937 г. вновь осужден по обвинению в шпионаже в пользу Японии и приговорен к расстрелу. Реабилитирован (1989).

[5] Клярфельд Владимир Иосифович (1895–1939) – советский военный деятель, майор (1935). С 1919 г. на руководящих должностях в разведорганах РККА. Секретарь правления КВЖД в Китае (1926), инструктор по информации Разведотдела Монгольской народной армии (1926–1928); в 1929–1930 гг. – консул СССР в г. Двинск (Латвия). Нач. сектора, пом. нач. 2-го отдела IV управления штаба РККА (1932–1933), слушатель технического ф-та Военно-химической академии РККА (1933–1935). В 1935–1938 гг. – в распоряжении Разведупра РККА. Арестован (1938). Расстрелян (1939). Реабилитирован (1956).

[6] Имеются в виду принципы Винаи – канонического свода правил буддийской монашеской общины; один из разделов буддийского канона.

[7] МИЖВЯ – ошибка автора документа или опечатка. Такого института не было, были ЛИЖВЯ – Ленинградский институт живых восточных языков и МИВ – Московский институт востоковедения. Какой из них имеется в виду, неясно.

[8] Нирванизм – направление в буддизме в 1920-е гг., провозглашенное Э. Вамбоцыреновым. Нирванисты представляли себя как независимое направление, отличное и от консерваторов, и от «обновленцев». Считали, что храмы, иконы, ритуалы, молитвы, духовные звания несовместимы с буддизмом.

[9] Дамбадаржа-хийд – монастырь, расположенный недалеко от Улан-Батора. Построен в 1761–1765 гг. Насчитывал 25 дуганов и 1500 лам. В монастыре находились гробницы нескольких воплощений Джебцзундамба-хутухты. В 1937 г. монастырь закрыли.

№ 70

[1] Датируется по смежным документам.

№ 71

[1] Специальный отдел (Спецотдел) ВЧК – ОГПУ – первая криптоаналитическая служба СССР. Образован в 1921 г. для координации и контроля ведомственных шифровальных служб и централизованной организации секретного делопроизводства в государственных учреждениях.

[2] Датируется по содержанию.

[3] Речь идет о премьер-министре Японии Г. Танаке.

[4] Так как автор документа не указал, о каком именно договоре идет речь, можно предположить, что имеется в виду Симоносекский мирный договор, заключенный 5 (17) апреля 1895 г. в г. Симоносеки между Японской и Цинской империями после поражения последней в японо-китайской войне 1894–1895 гг. Согласно договору, Пекин признавал самостоятельность Кореи, что создавало благоприятные возможности для японской экспансии в этой стране. В результате подписания договора Цинская империя понесла существенные потери. Считая Монголию частью Китая, Япония, вероятно, предполагала признать мон-

гольское правительство, но продолжать пользоваться в МНР всеми правами и возможностями, которые предоставлял ей Симоносекский договор на китайской территории.

[5] Вероятно, в тексте документа допущена опечатка, следует читать «на Монголию».

№ 72

[1] Имеется в виду подготовка баргинского восстания 1928 г.

№ 73

[1] См. док. 19, комм. 3.

[2] См. док. 47, комм. 6.

№ 74

[1] Кацнельсон Зиновий Борисович (1892–1938) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД. Комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935). С 1918 г. на руководящих должностях в ВЧК – ОГПУ. Арестован (1937). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1957).

[2] Вероятно, в документе опечатка. Следует читать: кавалерийский дивизион.

[3] В документе – Дылгыр Мунку-Ульский сомон Баян-Тумэн Хан-ульского хошуна. Сомон Дэлгэрмунх-ул хошуна Баянтумэн-хан-ул входил в аймак Хан-Хэнтий-ул (ранее – Цэцэнханский аймак). В 1941–1963 гг. – Чойбалсанский аймак; с 1963 г. – Восточный (монг. *Дорнод*) аймак.

[4] В документе – на заводу.

[5] Документ оборван.

№ 75

[1] Имя искажено. Установить точное имя князя не удалось; скорее всего, следует читать – Намжилвандан.

[2] Хасак, хасык (монг. *хасаг* ‘казах’). В документе имеются в виду казахи, проживавшие в Синьцзяне и выразившие желание переселиться в МНР.

№ 76

[1] Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – советский политический и государственный деятель, первый нарком внутренних дел РСФСР (1917), председатель Совнаркома СССР (1924–1930), председатель ВСНХ СССР (1923–1924), член политбюро ЦК ВКП(б) (1922–1930). Арестован (1937). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1988).

[2] Пятницкий Осип Аронович (Таршис Иосель Ориолович, 1882–1938) – советский партийный и государственный деятель. Сотрудник ИККИ, глава Отдела международных связей Коминтерна (с 1921); зав. административно-политическим отделом ЦК ВКП(б) (1935–1937). Арестован (1937). Расстрелян (1938). Реабилитирован и восстановлен в партии (1956).

[3] Дерибас Терентий Дмитриевич (1883–1938) – комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД с 1920 г. В 1929 г. переведен на Дальний Восток, где руководил массовыми репрессиями. Арестован (1937). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1957).

[4] См. док. 55, комм. 7.

[5] Устаревшее название США: САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты.

[6] Чжан Сюэлян (1901–?) – генерал, командующий войсками в Маньчжурии (1928), командующий Северо-Западной армией Китая, зам. главкома вооруженных сил Китайской республики (1930–1931) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 469; Коминтерн ба Монгол 1996: 473]. Правитель трех восточных провинций (1928–1931), один из ведущих деятелей гоминьдановского Китая.

[7] Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), проходившая по территории Маньчжурии, связывала Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Построена в 1897–1903 гг., принадлежала России. КВЖД была акционерным обществом с участием государственного капитала. После русско-японской войны 1904–1905 гг. Японии отошла южная часть дороги (Южно-Маньчжурская железная дорога). До сентября 1920 г. Китай признавал владельцем КВЖД дореволюционную русскую железнодорожную администрацию во главе с генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом. В феврале 1921 г. по договоренности с китайскими властями КВЖД была объявлена международным акционерным предприятием и перешла в управление Международного технического комитета (Международного совета) во главе с инженером Б. В. Остроумовым. Права Международного технического комитета были аннулированы китайскими властями в 1922 г. В 1924 г. СССР и Китай подписали соглашение о совместной эксплуатации и владении дорогой. Вопрос о продаже КВЖД японо-маньчжурской стороне был поднят в 1933–1935 гг. Продажа состоялась в 1935 г. (подробнее см.: [Русско-китайские отношения 2010, т. III: док. № 253, 290]). Вопрос о возвращении КВЖД СССР вновь возник в 1943 г., когда И. В. Сталин принял решение о вступлении в войну с Японией. 14 августа 1945 г., было подписано советско-китайское соглашение, по которому КВЖД, включая ЮМЖД, получила официальное название Китайская Чанчуньская железная дорога (КЧЖД) с правлением в Чанчуне и объявлялась собственностью СССР и Китайской республики. Соглашение было заключено на 30 лет, после чего дорога безвозмездно передавалась Китаю. 15 сентября 1952 г. было подписано советско-китайское Коммюнике о передаче КЧЖД правительству КНР. 31 декабря 1952 г. в Харбине был подписан «Заключительный протокол смешанной советско-китайской комиссии по осуществлению безвозмездной передачи правительством СССР правительству КНР в полную собственность всех своих прав по совместному управлению Китайской Чанчуньской железной дорогой со всем принадлежащим дороге имуществом» [Советско-китайские отношения 2015: 71–74].

№ 77

[1] МНКА – неточное название, официально вооруженные силы Монголии назывались МНА – Монгольская народная армия (создана в 1921), с 1924 г. – Монгольская народно-революционная армия (МНРА).

[2] Т. е. чтения молитв.

[3] В прошлом основные школы тибетского буддизма подразделяли на две группы по цвету ритуальных головных уборов: «желтошапочники» (школа Гэлуг) и «красношапочники» (школы Ньингма, Сакья и Кагью). Из текста документа неясно, представители каких именно школ обозначены как «красношапочники».

[4] Это неверно.

[5] Имеется в виду путь тантры (монг. *жүд*). Тантраяна – часть буддизма махаяны. И «желтошапочники», и «красношапочники» признают тантраяну наряду с другими путями. Тантра – система методов, позволяющих быстрее продвигаться по пути просветления; не является «эротическим мистицизмом».

[6] В данном случае имеется в виду дэд-хамбо Дамдин, который раньше был одним из приближенных Богдо-гэгэна VIII.

[7] Хошун Мэргэн-вана находился на юго-востоке Внешней Монголии (сейчас территория Восточно-Гобийского аймака).

[8] «Пестрые» представляли синкретизм разных школ буддизма, а не особую школу.

[9] Гусиноозерский дацан (др. название Тамчинский) – буддийский монастырский комплекс в Бурятии, основан в 1741 г., первоначально резиденция хамбо-лам. В 1809 г. – официально становится центром управления буддийского духовенства.

[10] Агинский дацан – буддийский монастырь в Бурятии, основан в 1811 г.

[11] Имеется в виду Союз воинствующих безбожников СССР – добровольная общественная организация, создана в 1925 г., в 1929 г. переименована в Союз воинствующих безбожников (распущен в 1947).

[12] «Обновленческое» движение в бурятском обществе, начавшееся в конце XIX – начале XX в. в среде национальной интеллигенции и части буддийского духовенства реформаторского толка, возникло как реакция на политику насильственной ассимиляции, русификации и христианизации, проводившуюся российскими властями; было тесно связано с национальным движением бурятского народа.

[13] Имеется в виду Духовный совет.

[14] Эрдэнипэл, Эрдэнэпил (Эрдэнэпэл Н., 1887–1960) – один из известных лам-«обновленцев» в МНР, первый хамбо-лама монастыря Гандантэгченлин после восстановления в нем религиозных служб в 1944 г. Родился в хошуне вана Далай Чокура Сайннойонханского аймака (ныне аймак Завхан, сомон Их уул). Получил степень габджу (монг. *гавж*) [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 174–175; История в трудах ученых лам 2005]. Автор трактатов религиозной тематики, а также исторических записок. Член Религиозного управления.

[15] Комиссия по улучшению религиозных дел (*Шашны хэргийг сайжруулах тухай комисс*). Создано по решению 37-го пленума президиума ЦК МНРП от 2 октября 1928 г.

[16] На IV съезде партии (1925) было решено передать церкви предметы церковной утвари, остальное разделить: 2/3 – государству, 1/3 – церкви.

[17] Имеется в виду монголо-советская миссия, побывавшая в Тибете в 1927 г. См. док. 1, комм. 4.

№ 78

[1] Датируется по содержанию.

[2] Из документа неясно, кто собеседник донира.

[3] Имеется в виду англоязычная газета “North China Standard” (кит. «Хуабэй чжэнбао»), выходившая в Пекине с декабря 1919 г. Одна из двух официальных газет, которые издавались в Китае министерством иностранных дел Японии. По решению МИД Японии выпуск газеты был прекращен в марте 1930 г.

[4] Вероятно, речь идет о решении учредить национальное правительство Китая, принятом на IV Пленуме ЦИК Гоминьдана в Нанкине в феврале 1928 г. 10 октября 1928 г. было создано национальное правительство Китая во главе с Чан Кайши.

[5] Донир – заведующий канцелярией высшего ламы.

[6] Сведений о существовании такого храма нет.

[7] Видимо, речь идет не о буддийском, а о теософском центре. Доктрина Рерихов, хотя и декларируется как буддизм, в действительности является не буддизмом, а теософией. Рерих Владимир Константинович (1882–1951) – агробиолог, преподаватель. Средний брат Н. К. Рериха. В годы Гражданской войны воевал на стороне белых; был интендантом Азиатской конной дивизии барона Р. Ф. Унгерна. Осенью 1921 г. после поражения Азиатской дивизии в боях с красными вместе с частями, отступавшими из Внешней Монголии, добрался до Маньчжурии. Работал в Земельном отделе КВЖД (1922–1925). Последние 30 лет жизни постоянно проживал в Харбине. Участвовал в маньчжуро-монгольской экспедиции Н. К. Рериха на первом ее этапе (1934–1935). Рерих Юрий (Георгий) Николаевич (1902–1960) – старший сын Н. К. Рериха, российский, советский востоковед, лингвист, филолог, этнограф, профессор, доктор исторических наук. Занимался изучением культуры Востока, особенно Монголии, Тибета и Индии; переводчик с тибетского, монгольского, санскрита, пали и ряда других языков, автор словарей и монографий. Вместе Н. К. Рерихом участвовал в экспедициях в Центральную Азию (1924–1928) и Маньчжурию (1934–1935). В 1957 г.

вернулся в СССР, работал старшим научным сотрудником сектора истории религии и философии Индии в ИВ АН СССР.

[8] Долина Чумби – долина на границе Тибета с Индией (Сикким) и Бутаном.

[9] Имеется в виду войско буддистов, которое в будущую Шамбалинскую войну нанесет окончательное поражение врагам буддизма.

[10] Имеется в виду, что попытка властей СССР наладить отношения с Тибетским государством для распространения там революционных идей была неудачной. После этого начавшие развиваться отношения между СССР и Тибетом фактически прекратились.

№ 79

[1] Хар-Торол (монг. *Хар Төрөл*) – пограничный пункт на границе МНР и Барги.

№ 80

[1] Гомбо-Идшин Л., Гомбо-Еше (1882–1930) – политический и военный деятель Монголии в период теократической монархии и в первые послереволюционные годы, гун с почетным званием Хичэнгуй-Батор. Возглавлял монголо-советское посольство в Тибет (1926–1927), откуда привез в МНР бумагу с подтверждением того, что Т. Лувсандорж (см. док. 61, комм. 12) – новое воплощение Богдо-гэгэна (что и вызвало «движение лам», упоминаемое в данном донесении).

[2] Санджи-Богдо, Санджи Панчен-Богдо – это не Панчен-Богдо (т. е. Панчен-лама), резиденция которого – монастырь Ташилхунпо. Панчен-лама в то время не был в Тибете и, в частности, в Ташилхунпо. В Тибете был Сакья-Тризин или Сакья-панчен (монг. Саж Богд, Саж Банчин) – глава другой школы тибетского буддизма (Сакья). Его резиденция – монастырь Сакья, также находящийся в округе Шигацзе. Очевидно, частная резиденция Сакья-Тризина была в городе Шигацзе, где находится монастырь Ташилхунпо. К нему и обратился Гэдэнсодном [Кузьмин 2016: 381, 384].

[3] Мэргэн-хухэн – Цэнджав из Ялбага. См. док. 61, комм. 12.

[4] Цаннид-Чойра – высшая философская школа в тибетском буддизме (аналог духовной академии). После изучения полного курса цаннида (цанида), выдержав диспут, монах получал высшую ученую степень габджу.

[5] Хошун Авзага-Хайрхан-ул находился на северо-востоке аймака Богдо-хан-ул (*Богд Хан уул*), восточнее Улан-Батора.

[6] Ловон Бадамжунай – Падмасамбхава, индийский учитель буддийской тантры, махасиддха, один из основоположников тибетского буддизма (VIII в. н.э.).

[7] Манджушри-лама – Манджушри-хутухта, см. док. 68, комм. 11.

[8] Мунга, мунгу (монг. *мөнгө*) – деньги, мелкая разменная монета, равная 0,01 тугрика. В 1990-е гг. металлические монеты в Монголии были изъяты из обращения.

[9] Ваджрадхара (монг. *Очирдарь*) – отождествляется с изначальным Буддой, или Ади-Буддой.

[10] По-видимому, речь идет о премьер-министре Б. Цэрэндорже, скончавшемся 13 февраля 1928 г.

[11] Согласно монгольским архивным документам, Богдо-гэгэн VIII был высокообразованным человеком в области буддизма, первым в своей линии перерождений получил высшую ученую степень габджу, знал наизусть многие религиозные сочинения, написал книгу [Кузьмин 2016: 79]. По-видимому, в документе приводятся высказывания лам-«обновленцев», сотрудничавших с МНРП.

[12] «Обновленцев» отталкивало от Богдо-гэгэна то, что он был женат. Однако он снял монашеские обеты, т. е. религиозного нарушения не было.

[13] Имеется в виду, что будет в точности следовать уставам школы Гэлуг.

[14] Вероятно, имеется в виду руководитель ГВО МНР Н. Хаянхирваа.

[15] В документе ошибка: должно быть Гэндэнсодном.

[16] Гомбо Б. (?–1930) – монгольский политический деятель, дипломат. Окончил КУТВ, хорошо владел русским языком; имел прозвище «Орос-Гомбо» («русский Гомбо»). Работал первым секретарем монгольского полпредства в Москве. Делегат IV, VI, VII съездов МНРП. Дата ареста неизвестна. Вероятно, осужден в 1928 г., перед VII съездом МНРП. Расстрелян (1930).

[17] Вероятно, имеется в виду религиозный обряд *золигт гаргах* – вынос дзолигов, или отпущение грехов. *Золиг* – фигурка человека из теста, которая символизирует средоточие всех бед и несчастий, своеобразный «козел отпущения», который выбрасывается из юрты или сжигается.

№ 81

[1] Пузицкий Сергей Васильевич (1895–1937) – комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935). С 1920 г. – на руководящих должностях в ОГПУ – НКВД. В 1930 г. назначен начальником опергруппы ОГПУ, занимавшийся выселением крестьян-кулаков. Арестован, расстрелян (1937). Реабилитирован (1956).

[2] Тубала Иоганн Фридрихович (Иван Федорович, 1897–1938) – майор госбезопасности (1936). В ВЧК с декабря 1918 г. Начальник отделения КРО ОГПУ, затем – работа в ИНО ОГПУ – НКВД СССР (1922–1930); начальник ОМЗ ГУЛАГ НКВД (с июля 1936), нач. ОО ГУПВО НКВД СССР (с декабря 1936), начальник 1-го отдела Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР (1937). Арестован (1937). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1958).

№ 82

[1] Агван-лхарамба – А. Доржиев.

[2] Лашин-хубилган Агваанпринлэйжамц (1869–1939) – автор книги на тибетском языке по истории буддизма в Монголии и перерождений Богдо-гэгэна. Переведена на монгольский язык и издана на кириллице в Монголии в начале 2000-х гг.

[3] Общество безбожников – очевидно, местный филиал Союза безбожников СССР.

[4] В данном случае, видимо, шанцзотба ведал делами Тибетской миссии в Пекине.

[5] Имеется в виду дацан хамбо-ламы.

[6] Челутайский (Шулутский) дацан в Бурятии основан в 1825 г.

[7] А. Доржиев был одним из активных участников «обновленческого» движения в Бурятии.

№ 83

[1] Заголовок документа.

[2] Видимо, имеется в виду монастырь Дзун-Хурэ.

[3] См. док. 80, комм. 2.

[4] Искаженное монг. *аврал* ‘спасение, покровительство’. В данном случае – письмо высшего ламы с утверждением подлинности выявления хубилгана.

№ 84

[1] Данных о деятельности Бюро по обследованию Внешней Монголии не обнаружено.

[2] Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) – казачий атаман, один из лидеров Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант Белой армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В июне 1917 г. назначен комиссаром Временного правительства по формированию добровольческих частей из монголов и бурят в Забайкальской

области. После Октябрьской революции продолжил формирование в Забайкалье конного бурято-монгольского казачьего отряда. Возглавлял белые войска в борьбе против красных в Забайкалье. В 1919 г. избран войсковым атаманом Забайкальского казачьего войска. После поражения белых в 1921 г. эмигрировал, проживал в Маньчжурии. Возглавлял Дальневосточный союз казаков, занимался делами русских эмигрантов. Арестован представителями советских спецслужб в Маньчжурии (1945) и вывезен в СССР. По обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, шпионаже против СССР, диверсиях, терроризме приговорен ВКВС СССР к высшей мере наказания (1946). Казнен (1946).

№ 85

[1] Имеется в виду Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика (со столицей в Верхнеудинске), вошедшая в состав РСФСР. Образована в 1923 г. В 1958 г. Бурят-Монгольская АССР переименована в Бурятскую АССР. В 1990 г. Бурятия отказалась от статуса автономии и провозгласила государственный суверенитет Бурятской ССР; в 1992 г. переименована в Республику Бурятия.

[2] Чесанский (Чесановский) дацан – по официальным данным, дацан основан в 1831 г., согласно указу Иркутского губернского правления. По данным А.М. Позднеева, дацан основан в 1824 г., строительство завершено в 1827 г. «В пользу ранней даты основания говорит тот факт, что в Государственном архиве Республики Бурятия на старописьменном монгольском языке хранится список лам данного дацана за 1828 г.» [Жамсуева 2018: 298].

№ 86

[1] В документе опечатка. Следует читать: 1928 г.

[2] Гэлэгсэнгэ Ганжуурын (1895–1938) – монгольский государственный и политический деятель. Чиновник министерства внутренних дел и министерства юстиции в правительстве Богдо-хана. Член МНРП (1922). В 1923–1924 гг. – чиновник министерства юстиции, командир погранотряда на Восточной границе, глава администрации п. Алтан-Булак, начальник отдела контроля народного правительства Монголии. В 1924 г. был назначен полпредом в СССР, однако в связи с избранием на III съезде МНРП секретарем ЦК партии был на партийной работе до 1928 г. В 1928–1937 гг. – сотрудник ГВО МНР, уполномоченный правительства при монастырях. На I–IV Великих народных хуралах МНР избирался членом Малого государственного хурала. Считался «правой рукой» председателя ЦК МНРП Ц. Дамбадоржа. Обвинен в «правом уклоне»; исключен из партии (1930). Репрессирован по обвинению в шпионаже в пользу Японии (1938). Реабилитирован (1962).

№ 87

[1] Текст данного документа идентичен документу № 81 «Информационное сообщение КРО ОГПУ о предложении Посольства Японии в Москве признать Внешнюю Монголию» от 2 октября 1928 г.

№ 88

[1] Эта дата указана в тексте документа. Фигурирующая выше дата документа – 20 октября 1928 г. Вероятно, в тексте допущена опечатка.

[2] «Худонская» оппозиция («худонцы») возникла как противовес курсу, который был позже объявлен «правым уклоном» (1926–1928). «Правых» представляли, прежде всего, «старые деятели», опиравшиеся на чиновный аппарат и ориентировавшиеся на укрепление государственности, лояльное отношение к религии, становление Монголии объединяющим центром для монгольских народов. «Худонцев» представляли в основном «молодые», которые ратовали за радикализацию реформ, стояли за вытеснение старых кад-

ров новыми, опирались на аратство, пользовались поддержкой Коминтерна [Рощин 1999: 158–162].

[3] Бадархо, Бадрах (У. Бадрах, О. Бадрах, Бадрах Өлзийтийн, 1895–1941) – политический и государственный деятель, уроженец сомона Давст Убсунурского аймака, дербет. В 1923 г. вступил в ревсомол, в 1924 г. – в партию. Выдвиженец I Великого народного хурала, один из лидеров худонской, «левой» оппозиции, член президиума ЦК МНРП (1925, 1930–1932), министр финансов (1924–1925), зав. орг. отделом ЦК МНРП (1926–1927), редактор газеты «Үнэн», министр здравоохранения (1932–1933). Арестован в СССР (1937). Осужден (1941). Реабилитирован (1956) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 429; Коминтерн ба Монгол 1996: 459; Рощин 1999: 219].

[4] Дэндэв Сурэнгийн (1901–1937) – монгольский государственный и военный деятель. Служил писарем в хошунном управлении. В 1921 г. вступил в МНРА. Принимал участие в боях за освобождение Кяхтинского Маймачена от китайских оккупантов, затем в военном походе армии МНП на Ургу. В 1922 г. вступил в МНП, работал писарем в аппарате уполномоченного министра Алтан-Булака, в Отделе обучения МНРА, преподавателем военного училища, заведующим военными изданиями, членом президиума и секретарем суда. На II съезде ревсомола (1923) избран в руководство, непродолжительное время исполнял обязанности секретаря ЦК МРСМ. Секретарь Управления обучения рядового состава МНРА (1924), начальник Управления обучения рядового состава (1925–1927), председатель Всеармейского Совета (с ноября 1925). Входил в группу военных работников, придерживавшихся левоцентристских взглядов, которую возглавлял зам. председателя ЦК МНРП Н. Жадамба. На IV съезде МНРП (1925) избран кандидатом в члены ЦК, на V съезде (1926) – членом ЦК и президиума ЦК, на VI съезде (1927) – членом президиума ЦК. В ноябре 1927 г. постановлением Малого государственного хурала назначен военным министром. На VII съезде МНРП (1928) отрицал наличие «правого уклона» в партии, выступал против введения прогрессивного налога и конфискации собственности феодалов. В 1929 г. как сторонник «правых уклонистов» освобожден от должности военного министра. С 1929 г. работал в местных органах власти и в хозяйственных организациях. Арестован, расстрелян (1937). Реабилитирован (1989).

[5] Довчин Санжийн (1894/95–1941) – монгольский политический и государственный деятель, экономист. В 1908–1921 гг. – писарь в канцелярии хошуна, помощник секретаря аймака, военного комитета Сайннойонханского аймака, военного министерства, затем – чиновник хошунной канцелярии. После революции 1921 г. вступил в МНП. С июля 1921 г. – чиновник военного министерства, министр-командующий погранвойсками на юго-восточной границе (1922–1923); ответственный чиновник МИД (1923–1924); ответственный чиновник министерства финансов (1924–1926); министр финансов (1926–1939). Зам. директора Госбанка МНР (1926–1930); директор Госбанка (1932–1939); зам. председателя совета министров МНР (1928–1934). На III, V–IX съездах МНРП избирался членом ЦК, на III, VIII съездах – кандидатом в члены президиума ЦК, на VI съезде и III пленуме ЦК МНРП (1937) – членом президиума ЦК. В 1925–1936 гг. неоднократно избирался членом Малого государственного хурала. На VII съезде МНРП (1928) осуждал политику «левых». Арестован и этапирован в СССР (1939). Расстрелян (1941). Реабилитирован (1965).

[6] Следует читать «Миннархоза» – министерство народного хозяйства.

[7] Имеется в виду VII съезд МНРП, проходивший с 23 октября по 11 декабря 1928 г. в Улан-Баторе.

№ 89

[1] Дугаржав, Дугаржап (Дугаржав Бадамын, 1888–1941) – заведующий сектором пропаганды (1924–1929), министр просвещения, начальник управления статистики, заведующий отделом коммерческих организаций, специалист Госбанка, переводчик представительства

МНР в СССР, директор финансово-экономического техникума (1929–1940). Член ЦК МНРП (1926–1928). Репрессирован (1941). Реабилитирован (1957) [Коминтерн ба Монгол 1996: 455; Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 442].

№ 90

[1] Соответствует 6 декабря 1928 г.

[2] Н/примеч. – 'наше примечание' – помета готовившего документ.

[3] Возможно, имеются в виду проблемы с регулярным автомобильным сообщением между Улан-Батором и Калганом.

№ 91

[1] Баргинское восстание. В послании баргутов в ЦК МНРП сказано: цель восстания – «объединение монгольских племен и подготовка Великой революции народов в Восточной Азии». В начале августа 1928 г. отряд (в восстании участвовало от 600 до 1000 чел.) под командованием Мэрсэ, Фуминтая и других захватили несколько баргинских хошунов. Вскоре китайцам удалось переломить ситуацию: многие восставшие были взяты в плен, часть уничтожена. Осенью 1928 г. восстание было подавлено [Лузянин 2000: 131, 140].

[2] См. док. 36, комм. 5.

[3] См. док. 36, комм. 23.

№ 92

[1] 9 декабря 1925 г. по решению правительства МНР была введена в обращение национальная денежная единица – тугрик. После этого правительство МНР приняло меры к ограничению хождения и вытеснению из обращения других иностранных валют, в том числе китайского янчана, мексиканского доллара и российского червонца. Решение о прекращении обращения валюты и денежных знаков СССР на территории МНР было принято в соответствии с договоренностью между правительствами СССР и МНР, которая нашла отражение в соглашении «Об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР» (1929).

[2] Так в документе.

№ 93

[1] Намжилон Бадма Намжилович (1903 – после 1956) – сотрудник органов ОГПУ – НКВД. Комбриг. Член ВКП(б) с 1926 г. Принимал активное участие в борьбе за установление советской власти в Забайкалье, член и секретарь хошунного ревкома, организатор комсомольского движения в Агинском и Хоринском аймаках Бурятии. Обучался в краевой партшколе при Дальбюро ЦК РКП(б) в г. Чита (1922–1923); направлен на работу в Забайкальский губком комсомола инструктором, избран секретарем Агинского райкома комсомола. В июне 1924 г. направлен на работу в органы ОГПУ Бурят-Монгольской республики: помощник уполномоченного ОГПУ в Хоринском аймаке, помощник 2-го отделения Особого отдела ОГПУ БМР, начальник Восточного отдела ОГПУ БМР, в 1929–1930 гг. – в аппарате полномочного представительства ОГПУ по Сибкраю в г. Новосибирск. В 1930 г. переведен в центральный аппарат ОГПУ СССР, преподавал в Высшей пограничной школе НКВД монгольским студентам и курсантам. Уволен из органов госбезопасности по обвинению в «грубых нарушениях революционной законности», исключен из партии (1937). Участник Великой Отечественной войны.

[2] Улангомский хийд (Дэчинравжаалин-хийд) – основан в 1756 г. в г. Улангом, административном центре аймака Увс.

[3] В районе Кобдо было несколько монастырей. О каком именно монастыре идет речь, неясно.

№ 94

[1] Датируется по содержанию.

[2] Имеется в виду III Пленум ЦК МНРП, состоявшийся 10–20 октября 1928 г. и VII съезд МНРП, проходивший с 23 октября по 11 декабря 1928 г.

[3] Намсарай (Намсрай Даваагийн, 1895–1937) – монгольский государственный и политический деятель. В 1927–1928 гг. работник кооператива, секретарь партийного комитета Хэнтэйского аймака. В 1928–1936 гг. – зав. сектором, отделом, зам. начальника, начальник ГВО, полпред МНР в ТНР. В 1932–1936 гг. – избран членом президиума ЦК МНРП. Возглавлял судебную комиссию по выселению бурят с территории МНР [Рощин 2008: 123; Коминтерн ба Монгол 1996: 473].

[4] Дамба – здесь и далее в документе: Ц.-О. Дамбадорж.

[5] Полпред СССР в МНР в 1927–1933 гг. А. Я. Охтин.

[6] Имеются в виду попытки Барги отделиться от Китая и воссоединиться с Монголией (позже предпринимались попытки получить автономию).

[7] По всей видимости, речь идет о группе членов МНРП, состоявшей преимущественно из выпускников КУТВ, которые занимали крайне «левые» позиции, были радикально настроены против «правоуклонистского» руководства партии (Ц.-О. Дамбадорж, Н. Жадамба и др.) и ради отстранения его от власти были готовы прибегнуть к решительным мерам, вплоть до вооруженного выступления и террористических актов.

[8] Решение о направлении Ц.-О. Дамбадоржа и Н. Жадамбы после их отстранения от руководящих постов (председателя и заместителя председателя соответственно) в Москву для работы в Посольстве МНР было принято в ходе работы VII съезда МНРП по согласованию с руководством СССР и Коминтерна. Ц.-О. Дамбадорж и Н. Жадамба выехали в Москву вместе с делегацией ИККИ во главе с Б. Шмералем.

[9] Панзычи – мн. число от монг. *панзчин* ‘спекулянт’. Имеются в виду спекулянты и перекупщики, которые скупали товары по заниженным ценам, а затем продавали их населению по завышенным.

[10] Балдан-Доржи (Балдандорж Дашийн, 1894/95–1937) – монгольский государственный деятель, выходец из Тушетуханского аймака, один из руководителей разведки МНР. С 1909 г. – служащий Таможенного управления в Урге, бухгалтер, сотрудник духовного ведомства. В 1921 г. вступил в МНА, участвовал в боях за Кяхту и Ургу, затем служил в Военном министерстве, участвовал в операциях на восточной границе, командир I кавалерийской бригады, секретарь Военного совета, председатель ЦК ревсомола. Обучался на курсах ОГПУ в Москве (апрель 1922). В 1922 г. – начальник управления внутренних дел, зав. отделом пропаганды ЦК ревсомола, секретарь монгольского представительства в СССР. Возглавил комитет, занимавшийся формированием ГВО Монголии, первый руководитель этой организации (1922–1923). Принимал участие в ликвидации Дамбиджанцана (о нем см. док. 10, комм. 18). После смерти Д. Сухэ-Батора отстранен от должности начальника ГВО. В 1923 г. назначен секретарем Военного совета (Всеармейского совета) Монголии; со специальной миссией находился во Внутренней Монголии. Секретарь Посольства МНР в СССР (1925), с 1926 г. – в министерстве народного хозяйства совмещал должности ответственного чиновника и председателя комитета торговли и здравоохранения; начальник мясокомбината. На V (1926) и VI (1927) съездах МНРП избран членом ЦК. На VII съезде МНРП (1928) осужден как один из активных «правых уклонистов» (в то время был зам. министра народного хозяйства МНР Н. Жадамбы) и исключен из партии. В 1933 г. при содействии премьер-министра П. Гэндэна назначен заведующим отделом в Улан-Баторском городском отделении Монценкоопа, зам. председателя Улан-Баторского кооператива. Арестован по обвинению в деятельности, направленной на создание Всемонгольского государства Монголия, казнен (1937). Реабилитирован (1967).

[11]Даридзап (Дарьзав Лхамхуугийн, 1891–1937) – монгольский государственный и военный деятель, командующий корпусом, генерал-полковник. Родился в хошуне Боржигон-сэцэн-вана Сэцэнханского аймака (ныне сомон Говь-Угтал аймака Дундговь). В 1911 г. призван в армию, службу проходил в Хужир-Булане. В 1915 г. принимал участие в боях против китайских войск, в 1917 г. – против войск гуна Бавужава. В начале 1921 г. вступил в МНРА (командир 1-го полка 1-й кавбригады), участвовал в освобождении Кяхты, в изгнании белогвардейцев из северо-западной Монголии. В 1929 г. назначен военным министром, инспектор МНРА, член РВС (1930). В 1930 г. принимал участие в подавлении восстания лам монастыря Тугсбуянт. После восстановления Военного министерства и Военно-революционного совета в 1932 г. избран членом этого Совета и работал начальником 2-го управления военного министерства. Полпред МНР в СССР (1934–1936), военный министр, 1-й зам. главкома (1936), военный министр и первый зам. командующего всех войск (1936). Получил звание генерал-полковника. При возобновлении работы монголо-маньчжурской конференции по вопросу о границе между МНР и Маньчжоу-го назначен руководителем монгольской делегации. В сентябре 1937 г. при массовом аресте высших руководителей МНРА по делу «Заговор» арестован, в октябре того же года по «Делу 14-ти» обвинен в шпионаже в пользу Японии и активном участии в контрреволюционной группировке. Расстрелян. Реабилитирован (1962).

[12]Лосол Дарьзавын (1890–1939) – политический, государственный и общественный деятель. Родился в хошуне Дайчин-бэйсэ Сэцэнханского аймака (ныне сомон Батноров аймака Хэнтэй). В детстве был учеником в монастыре (1899), стал ученым ламой. Принимал участие в военных действиях против китайских войск в годы автономии Монголии (1915–1919). На формирование его мировоззрения повлияли поездки в Китай и Россию, знакомство с западным образом жизни и культурой. Входил в состав делегации МНП в РСФСР с просьбой о помощи в 1921 г. На I съезде МНП в марте 1921 г. избран членом ЦК. Зав. отделом министерства финансов, военный лама, чиновник военной медицинской службы (1921–1925), зампред президиума Малого государственного хурала, директор Монголбанка (1925–1939). Делегат Конгресса восточных народов (1922), принимал участие в V съезде Коминтерна (1928). Арестован по обвинению в участии контрреволюционной националистической организации (1939). Скончался в СССР. Реабилитирован Комиссией по реабилитации при Президиуме Великого народного хурала МНР (1962).

[13] В данном случае речь идет о планах некоторых монгольских политических деятелей – выходцев из монгольских этнических групп, в данном случае дербетов Западной Монголии (У. Бадрах, Л. Лааган и др.), отделения Дербетского аймака от Халхи, или автономизации запада МНР. Дербеты (дюрбеты, дэрбет, дэрбэт) – ойратская (западно-монгольская) этническая группа. Отсюда это движение получило название «дербетское».

[14] Видимо, имеется в виду сохранение А. Амаром поста премьер-министра в новом составе правительства, в котором доминировали представители «левых».

[15] Речь идет о монголах, окончивших КУТВ.

[16] Лхунбо, Лхунбэ, Лхумо (Лхумбэ Жамбын, 1902–1934) – государственный и партийный деятель МНР. В 1927–1930 гг. обучался в партийной школе и КУТВ. Председатель Центрального совета профсоюзов Монголии (1930), член ЦК МНРП (1930–1932), секретарь ЦК партии (1932). В 1933 г. обвинен в шпионаже, связях с контрреволюционной бурятской эмиграцией, антиправительственном заговоре. Процесс над ним получил название «Дело Лхумбэ». В июле 1933 г. ИНО ОГПУ в записке информировало И. Сталина о раскрытии заговора Лхумбэ. Расстрелян (1934). Реабилитирован (1962) [Коминтерн ба Монгол 1996: № 230; Рощин 2008: 81–83].

[17] Имеется в виду движение лам за поиски и выявление нового воплощения Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты.

[18] По всей видимости, речь идет о сравнении внутрипартийной ситуации в партии в 1928 г. с аналогичной ситуацией, которая сложилась на III съезде МНП (1924), когда председателя партии С. Данзана обвинили в контрреволюционной деятельности, решением специальной комиссии приговорили к высшей мере наказания и расстреляли во время работы съезда.

№ 95

[1] Каширин Иван Дмитриевич (1890–1937) – советский военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войн. С июня 1918 г. – председатель исполкома Верхнеуральского уездного совета (Оренбургская губ.). Гражданскую войну закончил командиром Особой казачьей кавалерийской бригады Туркестанской армии Восточного фронта. В органах ВЧК – ОГПУ – НКВД (с июля 1920). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Расстрелян (1937). Реабилитирован (1957).

[2] VII съезд МНРП проходил с 23 октября по 11 декабря 1928 г.

[3] Указанный материал в деле отсутствует.

[4] Приложение в деле отсутствует.

[5] См. док. 80, комм. 1.

[6] См. док. 61, комм. 12.

[7] Ёнзон-хамбо Ц. Лувсанхаймчиг.

[8] Хухэн-хутухта Джамьян-Данзан-Дамби-Джанцан – один из высших монгольских лам. Родился на территории совр. сомона Дэлгэр аймака Хэнтий.

[9] Раковина и литавры – ритуальные предметы буддийского культа.

№ 96

[1] Датируется по содержанию.

[2] Имеется в виду восстание в монгольском регионе Барга (Хулунбуир). См. док. 91, комм. 1.

[3] Имеются в виду некоторые члены монгольского партийно-государственного руководства, которые рассматривали возможность реинтеграции западных монголов, разделенных государственными границами.

[4] Лаган (Лааган Лосолын, 1887–1940) – политический и государственный деятель, родился в Западной Монголии. В 1923 г. вступил в МНРП, председатель партийной контрольной комиссии Чандмань-ульского аймака (1925–1928), председатель президиума Малого государственного хурала (1930–1932). В 1932 г. направлен на работу в Кобдоский аймак, делегат IV–VIII съездов МНРП, член ЦК, член президиума ЦК МНРП. Репрессирован (1937). Расстрелян (1940). Реабилитирован (1962) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 449; Коминтерн ба Монгол 1996: 463].

[5] Имеются в виду уйгуры и джунгары (ойраты), проживающие в Синьцзяне.

[6] Карашарские и юлдузские монголы – ойраты, живущие в областях Карашар и Юлдуз в Синьцзяне.

№ 97

[1] 28 марта 1929 г.

[2] Документ в деле отсутствует.

[3] Богдоские горы – гора Богдо-ула к югу от Улан-Батора.

№ 98

[1] Эта информация относится к разряду слухов; подобного наступления в то время не велось.

[2] Утверждение, что «народники сильно встревожены и переживают последние дни своего правления», противоречит действительному положению дел в стране, где роль МНРП возрастала. После VII съезда МНРП («народников») в 1928 г. укрепились позиции «левых», проводивших курс на ускоренное строительство социализма в Монголии, чем и объяснялось резкое усиление давления на религию.

[3] Возможно, это – пропаганда докторов тибетской медицины, возможно – выдумка информатора.

[4] Бурятские ламы, несомненно, рассказывали о ситуации в СССР, где с 1928 г. проходила коллективизация (основной этап: 1930–1933), которая также сопровождалась антирелигиозной кампанией, обложением монастырей высокими налогами, притеснениями священнослужителей и верующих, осуждением «обновленчества», переводом лам на положение мирян.

[5] Вероятно, имеется в виду мост через р. Тола у п. Сонгино в 20 км к юго-западу от Улан-Батора.

[6] Так в документе.

[7] «Нашей границе».

[8] «Наш восточный район».

№ 99

[1] Т. н. – здесь: ‘тому назад’.

№ 100

[1] Имеется в виду военное училище, созданное по инициативе и при участии Д. Сухэ-Батора.

[2] Маргаш (монг. *маргааш*) – завтра.

№ 101

[1] Документ публикуется в сокращении.

[2] Солоны – народность тунгусо-маньчжурской языковой семьи. Проживают в Барге и Маньчжурии.

[3] Амбань-ямын – управление (администрация) амбаня.

[4] Так в документе. Верно: «барановец».

[5] Неясно, какое консульство имеется в виду. Так как в документе речь идет о востоке МНР, можно предположить, что это консульство в Баян-Тумэн-хан-ул, в сферу деятельности которого входили восточные районы МНР.

[6] Дархан-цорджи – титул: цорджи – в Монголии второе лицо после настоятеля монастыря (в небольших монастырях – настоятель), дархан – аристократический титул, который могли присваивать и духовенству. Судя по документу, этот гэгэн мог быть заместителем хамбо-ламы Егузэр-хийда: известно, что шабинарами Егузэр-хутухты были некоторые хубилганы.

[7] Гунза (монг. *гуанз*) – столовая.

№ 102

[1] Бодеско (Бодеско-Михали) Яков Михайлович (1892–1937) – сотрудник органов госбезопасности, майор госбезопасности (1935). В органах ВЧК – ОГПУ – НКВД с 1918 г. Расстрелян (1937). Реабилитирован (1957).

[2] Яругийн-хурэ (Яруугийн хүрээ) – основан в 1811 г. у р. Яру-гол, в хошуне Баатар-вана Дзасактуханского аймака (ныне сомон Алдархан, аймак Завхан).

[3] Причины такого заявления неясны, так как в это время Манджушри-хутухта решением ЦК МНРП пребывал в своем монастыре без права выезда и свиданий и говорил, что хочет отказаться от титула, привилегий и вести жизнь обычного ламы.

[4] Джуд-дацан – тантрийский факультет в буддийских монастырских школах.

[5] В период «левого» курса, к которому относится этот документ, в связи с расширяющимся недовольством народа, распространялись слухи о скором свержении власти МНРП, в том числе вследствие прихода китайских войск. В действительности у Китая таких планов не было.

[6] Имеется в виду конфликт между СССР и Китайской республикой в 1929 г., когда китайские войска захватили КВЖД, которая была под совместным управлением двух стран. Советские войска разбили захватчиков. Был подписан Хабаровский протокол – соглашение между СССР и Китаем о ликвидации конфликта на КВЖД (1929), ее работа нормализовалась.

[7] Очевидно, имеются в виду события на КВЖД в 1929 г.

[8] Зая-пандита – халхаский Зая-пандита-хутухта Жамбацэрэн (1905–1930), один из наиболее влиятельных хутухт. Является шестым воплощением по линии халхаского Зая-пандиты Лувсанпринлая [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 118]. Арестован за сотрудничество с бароном Р. Ф. Унгерном (1928). Арестован (повторно) за «эксплуатацию бедняков», сопротивление политике правительства, попытку пригласить Панчен-ламу и т. д. Расстрелян (1930) [Кузьмин, Оюунчимэг 2015: 21–22].

[9] Дудукалов Андрей Александрович (1868–?) – ветеринарный врач, сотрудник Монгольской противочумной станции (1905–1906), главный ветеринарный врач территорий Северного Китая и Монголии (1911), зам., нач. экспедиции в Монголию для заготовки мяса для российской армии (1915–1918). В 1923–1931 гг. жил и работал в Монголии. Арестован (1932) и этапирован в Читу по «делу ветеринарных врачей». Коллегией ОГПУ приговорен к расстрелу (1933), который заменен 10-ю годами лишения свободы. Умер в заключении. Реабилитирован (1957).

[10] Имеется в виду уполномоченный Коминтерна.

[11] М/инф. – «монгольские информаторы».

№ 103

[1] Речь идет о задержании Егузэр-хутухты (см. док. 54, комм. 2), авторитетного деятеля Восточной Монголии. Он вызывал подозрения, так как в прошлом был связан с белыми. Примерно через год после задержания Егузэр-хутухта обвинен в участии в «заговоре Эрэгдэндагвы». Тайджи Эрэгдэндагва, ряд высших лам и бывших феодалов обвинялись в антигосударственной деятельности, в марте 1930 г. Эрэгдэндагва обратился с письмом к высшему военному командованию и сановникам Китая от проживавших в Урге высших лам, в котором просил китайские власти защитить приверженных религии и традиционализму монголов от притеснений со стороны МНП. Дело было сфабриковано и послужило предлогом для репрессий. 29 сентября 1930 г. расширенное заседание Верховного суда МНР приговорило к расстрелу Егузэр-хутухту, Эрэгдэндагву и еще 5 человек. В 1990 г. Егузэр-хутухта и другие «заговорщики» были реабилитированы.

[2] Очевидно, административно-хозяйственный аппарат «чистили» от людей, верных Егузэр-хутухте.

[3] Дальнейшее развитие событий показало, что опасения лам были оправданны: Егузэр-хутухту расстреляли через год после «эвакуации в Улан-Батор».

[4] Монгольские слова сильно искажены, понять смысл невозможно.

[5] Вероятно, имеется в виду лама манба-дацана. Манба дацан – факультет, где изучают медицину, или школа тибетской медицины.

№ 104

[1] Ном (монг. *ном*) – здесь: религиозные книги.

[2] Ялгусан-гэгэн-лама – речь идет о Ялгуусан-хутухте (Чимэдцэрэн Санжавын, 1912–1937), родился в хошуне Далай-Чокур-вана Сайннойонханского аймака (ныне сомон Цахир, аймак Архангай). В возрасте четырех лет Богдо-гэгэн VIII признал его воплощением Ялгуусан-хутухты. Возведен в настоятели монастыря Ялгуусан-хутухты. Расстрелян (1937). Реабилитирован (1990) [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 125–126].

[3] Возможно, речь идет о гэскуе из тантрического дацана.

[4] Речь идет об «обновленцах». Интеллигенцией монголы их не называли.

[5] Имеется в виду М. И. Амагаев.

[6] «Запрет» перерождений хубилганов и конфискация имущества лам из Винаи не следуют.

[7]Имеется в виду, что монахи не должны жить вместе с мирянами (монг. *хар хүн*), не могут ночью находиться в одном доме с женщинами.

№ 105

[1] Учком – Ученый комитет (монг. *Судар бичгийн хүрээлэн*), создан в ноябре 1921 г., в 1930 г. преобразован в Комитет наук МНР, в 1961 г. – в Академию наук МНР. Первый руководитель Учкома – О. Жамъян-гун (1864–1930).

[2] В документе перепутаны инициалы Кондратьева. Имеется в виду Кондратьев Сергей Александрович (1896–1970) – советский музыковед-фольклорист, археолог, композитор, исследователь музыки разных народов, в том числе монголов. Участник Монголо-тибетской экспедиции (1923–1926) под руководством П.К. Козлова. Сотрудник Учкома МНР (1925–1930); занимался географическими и метеорологическими исследованиями страны, изучал музыкальное творчество монголов. Записал на фонограф более 1000 монгольских песен.

[3] Чингультушка – русифицированное название района Улан-Батора Чингэлтэй.

[4] «Стормонг» – акционерное общество торговли СССР с Монголией. Создано в 1927 г. с целью укрепления торговых связей; в структуру общества вошли все ранее работавшие на монгольском рынке советские экспортно-импортные организации. Стормонг прекратил свое существование в 1933 г. С 1934 г. торговые операции Монголии с СССР стали вестись через пограничные перевалочные базы.

[5] Симуков Андрей Дмитриевич (1902–1942) – советский монголовед, географ, археолог, этнограф. С осени 1926 г. жил и работал в Монголии, сотрудник отдела экспедиционных исследований Учкома МНР, в 1927–1939 гг. заведовал географическим отделом и Государственным музеем МНР, впоследствии – географическим отделением Комитета наук МНР. Составил первую подробную тиражированную географическую карту МНР («зеленая карта») и «Географический атлас МНР» (Улан-Батор, 1934). Арестован в Улан-Баторе (1940); в 1941 г. приговорен Особым отделом НКВД советской группы войск к восьми годам ИТЛ, этапирован в Печорлаг, где скончался (1942). Реабилитирован (1956).

[6] Иконников-Галицкий Николай Петрович (1892–1942) – советский ученый-ботаник, научный сотрудник Ботанического института АН СССР. Неоднократно выезжал в Монголию в составе ботанических экспедиций (1926–1929, 1931). Изучал флору Хэнтэя, Гобийского Алтая, других регионов страны. Кандидат биологических наук без защиты (1937). Арестован (1938). Реабилитирован (1939). Умер в блокадном Ленинграде (1942). Профессором не был: в документе ошибка.

[7] В одном из своих докладов А. Д. Симуков вскользь упомянул о «военных работах», которые он выполнял. Возможно, в документе речь идет именно о таком задании, связанном с обороноспособностью МНР.

[8] Имеются в виду Сергей Александрович Кондратьев и его супруга Мелетина Ивановна Клягина-Кондратьева.

[9] Имеется в виду Владимир Константинович Рерих.

[10] Рачковский Иван Петрович (1878–1961) – советский геолог, исследователь Центральной Азии. Доктор геологических наук (1936). В 1903 г., еще студентом Петербургского университета, был командирован Российским минералогическим обществом для геологических исследований в Урянхайском крае. С 1915 г. ежегодно выезжал в экспедиции в Монголию. В 1916–1917 гг. занимался изучением геологического строения южной части Енисейской губ., Урянхайского края и Западной Монголии. Начальник Монголо-Урянхайской геологической экспедиции (1922–1934). В 1931–1933 гг. Рачковский и его сотрудники составили первую сводную геологическую карту МНР. Действительный член Комитета наук МНР (1935), ученый секретарь, зам. председателя Монгольской комиссии АН СССР. При его активном участии разработан и заключен первый официальный договор между АН СССР и Ученым комитетом МНР о реализации пятилетнего плана изучения Монголии. Звания профессора не имел – в документе ошибка.

[11] Каллиников (Калинников) Анатолий Дмитриевич (1899/1900–1937) – советский монголовед, участник экспедиции Центросоюза по экономическому обследованию Монголии под руководством И. М. Майского (1919–1920). Сотрудник НКИД РСФСР/СССР (1922–1930), заведующий бюро информации в полпредстве СССР в Монголии (1926–1930), преподаватель МИВ (1930–1932) и ЛВИ (1932–1937). Кандидат экономических наук (1935). Арестован, погиб (1937).

[12] Имеется в виду семья Шастиных, проживавшая в Монголии до 1937 г. Глава семьи Шастин Павел Николаевич (1872–1953) – советский медик. В 1923 г. был командирован в Монголию налаживать здравоохранение; открыл первую в стране больницу и амбулаторию. Супруга – фельдшер Мария Игнатьевна Орловская. Дети: Николай Павлович Шастин, медик, приехал в Монголию в 1926 г. При его непосредственном участии в Улан-Баторе открылись двухгодичные курсы медсестер, где он преподавал; Шастин Леонид Павлович (1904–1942) – сотрудник Ученого комитета МНР в 1920–1930-е годы; Шастина Нина Павловна (1898–1980) – ученый-монголовед, специалист по истории и историографии Монголии. В 1924–1937 гг. жила и работала в Монголии. Сотрудник Учкома МНР (1928–1936); изучала монгольский и тибетский языки, буддийскую философию, буддийские храмы, монгольскую литературу. В 1937–1942 гг. жила и работала в Ленинграде – в библиотеке АН СССР и библиотеке Института этнографии АН СССР. Преподавала историю Монголии в Иркутском государственном университете (1943–1945), сотрудник Монгольского кабинета ИВ АН СССР (с 1947), старший научный сотрудник ИВ АН СССР (1950–1978). Внесла большой вклад в изучение и публикацию ценнейших памятников монгольской историографии – летописей и монгольских хроник. Преподавала историю Монголии в МГУ.

[13] «Хубилганство» – термин, используемый в данном документе, производное от ‘хубилган’.

[14] Хэниш Эрих (Haenisch Erich, 1880–1966) – немецкий китаевед и монголовед, исследователь китайско-монгольских двуязычных памятников, специалист по истории Китая и Монголии периода монгольских завоеваний. Профессор Берлинского университета (1920–1924 и 1932–1945); профессор Гёттингенского и Лейпцигского университетов (1925–1931), директор Восточноазиатского семинара (Ostasiatisches Seminar) и заведующий кафедрой синологии Мюнхенского университета (1947–1951).

[15] Буручком (Бурят-Монгольский ученый комитет) – создан в 1922 г.; занимался научной и просветительской деятельностью, изучением истории, археологии, духовной и материальной культуры бурят, языка, религии и др. В 1929 г. преобразован в Государственный институт культуры Бурят-Монгольской АССР. После преобразований, с 1997 г. – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

[16] В июле 1927 г. на центральной площади Улан-Батора (ныне – площадь Чингисхана) был открыт народный театр («Нардом»). В 1949 г. Нардом сгорел во время пожара и на его месте был построен Дворец правительства.

[17] Нацагдорж Шагдаржавын (1918–2001) – монгольский историк, академик АН МНР (1961). Сотрудник Учкома МНР (1929), зав. сектором истории Комитета наук МНР (1935–1961); преподаватель в МонГУ, директор Института истории АН МНР (1961–1984).

[18] Монг. *Шүүх яам* ‘министерство юстиции’.

[19] Документ в деле отсутствует.

[20] Лао-Цзы – китайский философ VI–V в. до н.э.

[21] Бимбаин Ринчин (Ринчен Бимбаев, Бимбаев Ринчин-Доржи Раднажапович, Бямбын Ринчен, 1905–1977) – общественный деятель, писатель, ученый, переводчик, профессор, академик АН МНР (1961). Бурят. Работал переводчиком на I съезде МНП (Троицкосавск, 1–3 марта 1921). Окончил ЛИЖВЯ (1924–1927), сотрудник Учкома МНР (с 1927). С 1958 г. работал в системе АН МНР, профессор МонГУ. Арестован как участник контрреволюционной группы Лхумбэ (1937), приговорен к расстрелу (1939). Смертный приговор заменен 10-ю годами заключения в тюрьму, освобожден в 1942 г. Реабилитирован (1963).

[22] В результате политической чистки, проведенной в аппарате Учкома, Ц. Жамцарано как представитель «правой» оппозиции был отстранен от должности ученого секретаря (1929), однако продолжал работать в Учкоме до отъезда в СССР в 1932 г. Остальные руководители остались на своих местах.

[23] Жамъян-гун Онхудын (1864–1930) – монгольский ученый, организатор и первый председатель Учкома (1921–1930).

[24] В документе опечатка, следует читать «разваливается».

[25]Дамдинсурэн Цэндийн (1907/8–1986) – монгольский ученый, писатель, поэт, переводчик, общественный и политический деятель, классик современной монгольской литературы. Работал в ревсомоле (1926–1929), был руководителем Центрального совета монгольских профсоюзов (1929–1930). Сотрудник Комитета наук МНР (1932), студент Института малых народов в Ленинграде (1933–1938), ЛГУ (1933–1938), главный редактор газеты «Үнэн» (1942–1945), председатель Комитета наук МНР (1950–1953), секретарь Союза писателей МНР (1953–1955), директор Института языка и литературы (1955–1959), научный сотрудник Института языка и литературы (с 1959). Профессор (1957). Академик АН МНР (1961).

[26] Имеется в виду Цэндийн Дамдинсурэн, который в 1929–1930 гг. возглавлял Центральный совет профсоюзов.

№ 106

[1] Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – советский партийный и государственный деятель, сподвижник И. В. Сталина. В начале 1930-х гг. принимал участие в определении политики по отношению к МНР и подготовке директив политбюро ЦК ВКП(б) руководству этой страны о методах преодоления кризиса, вызванного «левым» курсом.

[2] Дьяков Таричан (Торичан) Михайлович (1897–1939) – сотрудник органов ВЧК – ОГПУ – НКВД. В 1923–1926 гг. – в центральном аппарате ОГПУ. В 1926–1937 гг. – на руководящих должностях в ОГПУ – НКВД. Арестован (1938). Расстрелян (1939). Реабилитирован (1956).

[3] В известных нам сборниках документов российских архивов, историографии, воспоминаниях и мемуарах нет каких-либо сведений о встречах Япон-Данзана с В. И. Лениным и Л. Д. Троцким и об их позиции в отношении панмонголизма.

№ 107

[1] Имеются в виду хошуны Барун-Удзумчин (Западный Удзумчин) и Дзун-Удзумчин (Восточный Удзумчин) на северо-востоке Силингольского сейма.

[2] Речь идет о провале в 1928 г. восстания в Барге против власти Китая (руководители восстания рассчитывали на поддержку со стороны СССР и МНР).

№ 108

[1] Датируется по содержанию.

[2] С конца XIX в. Япония проводила курс, направленный на укрепление своих позиций в Восточной Азии, в частности в Маньчжурии и Внутренней Монголии. В марте 1932 г. при участии и под контролем японцев было создано государство Маньчжоу-го.

[3] Японские имена даны в китайском прочтении.

[4] Южно-Маньчжурская железная дорога. См. док. 54, комм. 5.

[5] Вероятно, опечатка в имени: выше тот же человек назван Во-И-Цзен.

[6] См. док. 76, комм. 7.

[7] Имеется в виду комплекс целебных источников Халхин-Халун-Аршан в юго-восточной части Барги.

[8] Не публикуется.

[9] Ганжурва (Ганжирва)-гэгэн Данзан Норбоев (1888–1935) – ученый-лама, лхарамба (1916), бурят, хубилган Ганжурва-гэгэна (ганжирва – титул «знаток Ганджура») из г. Долоннор Внутренней Монголии. Настоятель монастыря Бадгар-хийд. По настоянию А. Доржиева уехал в Ленинград, где стал и. о. настоятеля храма и представителем Тибета в России по делам тибето-монгольской миссии (1927).

[10] Вероятно, в документе допущена опечатка, речь идет о Бурят-Монгольской АССР (БМАССР).

[11] Имеется в виду «Меморандум Танаки», авторство которого приписывается генералу Г. Танака, ставшему премьер-министром Японии в 1927 г. Согласно этому документу для достижения мирового господства Япония должна была завоевать Маньчжурию и Монголию, а впоследствии весь Китай. Впервые опубликован в декабре 1929 г. в Нанкине в китайском националистическом издании. В настоящее время обычно рассматривается как фальшивка.

[12] В 1927–1937 гг. столицей Китайской республики был г. Нанкин, где в апреле 1927 г. Чан Кайши создал и возглавил правительство. Под правительством Мукдена имеется в виду администрация Мукденской провинции.

[13] Янь Сишань (1883–1960) – китайский военный и политический деятель, генерал, премьер-министр Китайской республики (1949–1950). В 1927 г. перешел на сторону Гоминьдана. В 1928–1930 гг. – председатель Комиссии по делам Монголии и Тибета.

[14] Название неточное. Правильно – Народно-революционная партия Внутренней Монголии.

№ 109

[1] Хошун, созданный из бывших шабинаров Егузэр-хутухты.

[2] См. док. 105, комм. 4.

[3] Ямб – серебряный слиток, служил валютой.

[4] Тырлык (монг. *тэрлэг*) – летний халат.

[5] Монголтранс (Монголтранспорт) – первое совместное советско-монгольское акционерное общество, созданное в соответствии с соглашением между правительствами СССР и МНР от 30 декабря 1929 г., в результате объединения первой монгольской государственной транспортной организации «Монголтранспорт» и советской торговой организации «Совторгфлот». Большую помощь в организационном и материально-техническом укреплении Монголтранспорта оказали советские транспортные организации – Совторгфлот и Селенгинское пароходство. АО создано с целью развития автомобильного и водного транс-

порта в Монголии; подготовки национальных кадров; строительства и ремонта дорог и мостов; совершенствования работы гужевого транспорта и конно-уртонных станций.

[6] Жамбалов Жамьян – сотрудник Управления уполномоченных МИД МНР, переводчик.

[7] Имеется в виду Егузэрский хошун.

№ 110

[1] В районе Улангома в 1925 г. поднялось восстание в защиту религии. После его подавления недовольство властью МНРП продолжалось, появлялись листовки, перевод одной из которых приводится. В 1930 г. в Улангоме произошло новое восстание.

[2] Вероятно, речь идет о подписавших листовку участниках собрания.

№ 111

[1] В деле отсутствует.

[2] Чапчаев Араши Чапчаевич (1890–1938) – советский государственный деятель, калмык. В октябре 1926 г. по заданию советского правительства (формально в должности советника при монгольском после) выехал с секретной миссией в Тибет (подробнее см. док. 1, комм. 4). Арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности (1936). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1956).

[3] См. док. 1, комм. 1.

[4] См. док. 62, комм.13.

[5] Не обнаружен.

№ 112

[1] Возможно, имеется в виду Дашепылон (Дашипылон) Чимыт Дашепылонович (1897–?).

[2] Документ составлен в разгар «левого уклона» в Монголии. Он отражает результаты курса МНРП, направленного на расслоение духовенства и раздувания антагонизма между разными группами лам, а также на установление контроля государства над церковной жизнью. Целью было предотвращение консолидации церкви для борьбы с ней. Кроме того, расколу также способствовало раздувание противоречий в среде духовенства по имущественному принципу (хотя более высокое положение и достаток были следствием почитания населением за религиозные заслуги). Еще одной причиной раскола было использование властями Духовного управления для проведения в жизнь партийных установок, что настроило против него ряд лам. В самом Управлении тоже были «консерваторы» и «прогрессисты». Приводимый материал весьма разнородный – он варьируется от непроверенных слухов и ложных обвинений до установленных фактов.

[3] Это заключение не согласуется с другими материалами.

[4] Видимо, имеется в виду один из золотых дипломов, полученных Богдо-гэгэном при признании его титула.

[5] Т. е. ездил на поклонение к Панчен-ламе во Внутреннюю Монголию.

[6] Лунг – устная передача учителем ученику благословения на слушание, чтение и изучение буддийского текста или практики. Ванг – освящение, посвящение, наделение правом (авшиг).

[7] Цонгольский дацан – монастырь в Бурятии, основан в 1741 г.

[8] В 1928 г. ЦК МНРП принял постановление об обязательном обучении хувараков монгольской грамоте. На его основе правительство издало соответствующее постановление.

[9] Сэмба-гэгэн – Симба Ринпоче.

[10] Согласно «Закону об отделении церкви от государства» (1926), центром буддизма в Монголии объявлялся столичный Хурэ (ст. 8); при нем учреждалось Духовное управление, которому подчинялись все монастыри Урги (ст. 9).

[11] Речь идет об олбоках (монг. *олбог*) – подушки для сидения; существует строгая регламентация числа олбоков в зависимости от ранга монаха.

[12] Бадма-Ёга дацан основан в 1919 г., действует и в настоящее время.

[13] Имеются в виду гэскуи.

[14] В Учении Будды такой сентенции не содержится.

[15] Одно из эсхатологических пророчеств о сроках начала Шамбалинской войны, в которой воины Шамбалы уничтожат врагов буддизма. В период «левого» курса такие пророчества появлялись в Монголии неоднократно и объяснялись «подгонкой» предсказаний под современность.

[16] Гумбум и Лавран – крупные буддийские монастыри в Тибете.

[17] Габджинары (мн. ч. от монг. *гавж нар*) – ученая степень лица, прослушавшего курс философии.

[18] Имеются в виду консерваторы, не согласные с «обновленцами».

[19] См. док. 68, комм. 8; док. 123, комм. 10.

[20] Богдосы – здесь: высшие ламы (мн. ч. от слова «богдо»).

[21] Тарни (санскр. *дхарани*) – мантры. «Сотор» (монг. *сахил*) – обет, обязательство. «Обыкновенных простых религиозных обрядов в виде сожжения Дзонхабы» (т. е. Цонкапы) не существует.

[22] Имеется в виду VIII съезд МНРП, состоявшийся 21 февраля – 3 апреля 1930 г.

[23] Тулелекчи (монг. *төлөөлөгч*) – делегат, представитель, уполномоченный.

[24] Эрхэлекчи (монг. *эрхлэгч*) – управляющий, заведующий.

[25] Очиров Бадма-Намжил (1880–1937) – бурят, габджу. Обучался в Тибете. В 1920-е годы служил в буддийском храме «Дацан Гунзэчойнэй» в Ленинграде, зам. главы Тибетской миссии в СССР А. Доржиева. Читал лекции в ЛИЖВЯ. Арестован. Приговорен к высшей мере наказания за контрреволюционную деятельность (1937). Реабилитирован (1989) [Андреев 2004].

[26] Имеется в виду «хошун Пурэвжава».

[27] Неточная трактовка. Цель здесь – установление истины путем аргументов и контраргументов, а не спор ради спора. Дуйра («Собрание [учебных] тем») – раскрытие темы путем дискуссии (отрицание чужих мнений, установление своего мнения, опровержение возражений).

[28] Видимо, в предложении пропуск. Номер не указан.

[29] Это приложение в деле отсутствует.

[30] «Цэнхэр-габджу» и «Тугдур-габджу» – прозвища этих габджу: один белобрысый, другой – сутулый.

[31] Бову (монг. *боов*) – печенье, кондитерские изделия.

[32] Имеется в виду Верховный суд.

[33] Шара-дуган – Желтый дуган (храм) Богдо-гэгэна.

[34] В буддизме нет дьяков.

[35] Так в документе.

[36] Курда, кюрд (монг. *хүрд*) – молитвенный цилиндр (барабан).

[37] «Устраним и очистим» – «Устраним препятствия на духовном пути и очистим омрачения».

[38] «Люди пяти языков» – имеются в виду «пять рас» Китайской республики. См. док. 56, комм. 23.

[39] На самом деле VIII съезд МНРП принял резолюцию по «ламскому вопросу», ужесточавшую религиозную политику и объявлявшую духовенство враждебным новому строю.

[40] Здесь: Монголбанка.

[41] Жаяг (монг. *жаяг*) – устав; дэглэм (монг. *дэглэм*) – распорядок.

[42] Бакшинар (мн. ч. от монг. *багш нар*) – учителя.

[43]Соргакчи (монг. *сургагч*) – инструктор.

[44] Однако в письме ИККИ от 4 декабря 1929 г. VIII съезду МНРП отмечалось, что партия запоздала с развертыванием колхозного движения.

[45] Имеются в виду монголы, окончившие высшие учебные заведения в СССР.

[46] Буле (монг. *улаан булан*) – красный уголок.

№ 113

[1] Это обвинение не соответствует действительности, но оно использовалось сторонниками «левого» крыла в МНРП в борьбе с «правыми».

[2] VIII съезд МНРП проходил 23 октября – 10 декабря 1928 г. На нем, благодаря поддержке Коминтерна, победили «левые», которые стали форсировать курс на строительство социализма и борьбу с религией. Позже этот курс был назван «левым уклоном» (перегибом, монг. *нугалаа*).

[3] Имеется в виду запрет на выявление новых перерождений хубилганов после кончины предыдущих и разделение духовенства на группы по материальному положению.

[4] Попытка создания такого блока не доказана. Это была одна из идеологических установок «левых» во внутрипартийной борьбе.

[5] Шамбала – в буддийских текстах мифическая страна; впервые упоминается в «Калачакра-тантре» (X в.).

[6] Район Шаньхайгуань расположен в восточном Китае. Крайняя восточная застава у Великой китайской стены. В 1949 г. получил статус города; в 1952 г. передан в состав провинции Хэбэй и стал частью специального района Таншань. В 1953 г. присоединен к городу провинциального подчинения Циньхуандао как один из его районов. Утверждение, что туда вывезли Богдо-гэгэна неверно.

[7] Ноенат (от монг. *ноён*) – владетельный аристократ.

[8] Имеется в виду государственная монополия на добычу тарбагана (монгольского сурка) на мех.

[9] Дамбиджанцан был убит агентами ГВО в 1923, а не 1924 г. См. док. 10, комм. 18.

[10] Багш-гэгэн в ночь на 20 сентября 1929 г. бежал из Егузэр-хийда в хошун Дзун-Удзумчин Внутренней Монголии, где у него был свой монастырь.

[11] См. док. 102, комм. 6.

[12] Дилова-хутухта Джамсранжав (Дилав хутагт Жамсранжав Башлуугийн, 1884–1965) – монгольский религиозный и государственный деятель. Один из высших теократов Монголии, оставивший ценные мемуары [Дилова-хутухта 2018]. Его монастырь находился на западе страны. Один из вдохновителей национально-освободительного движения в 1911 г. В 1919 г. выполнял особые поручения на западной и южной границах; был войсковым ламой в армии Хатан-Батора Максаржава. В 1920–1922 гг. первый зам. сайда (министра) Улясутая, позже стал сайдом. В 1930 г. осужден на пять лет с отсрочкой исполнения приговора по делу о «заговоре Эрэгдэндагвы». В феврале 1931 г., опасаясь за свою жизнь, бежал из МНР в Китай. Там сотрудничал с правительством Чан Кайши и мэнцзянским правительством вана Дэмчигдонрова, встречался с Панчен-ламой. Участвовал в выявлении хубилгана Богдо-гэгэна IX в Тибете. В 1950-е гг. эмигрировал в США, где читал курс лекций по монголоведению в Балтиморском университете. Стал хамбо-ламой храма Ницан, построенного в Хауэлле на средства калмыцкой общины штата Нью-Джерси (США). Написал автобиографию [Дилова-хутухта 2018].

[13] Имеется в виду Манджушри-хутухта.

[14] Данные тезисы отражают вмешательство государства в дела церкви. Экономические противоречия между «высшими и низшими» ламами были вызваны политикой МНРП. В тибетском буддизме нет установлений, что в управлении духовными делами должны

участвовать ламы «низшей» категории с 18 лет, а почетных званий не предусмотрено. Верующие делали приношения, в основном, высшим ламам как наиболее почитаемым.

[15] Приложение в деле отсутствует.

[16] Массовая конфискация имущества феодалов и высших лам началась в сентябре 1929 г., но в ряде случаев проводилась и раньше.

[17] Имеется в виду аграмба.

[18] Шабинское ведомство – структура, ведавшая делами шабинаров (духовных учеников) Богдо-гэгэна. Отдельные шабинские структуры были при крупных монастырях.

[19] «Кружковцы» – ламы, занимавшиеся в различных кружках, в которых обучались грамоте и изучали общеобразовательные предметы по школьной программе.

[20] Имеется в виду переход аратов в шабинары, что избавляло их от службы и повинностей в своем хошуне.

[21] Нярб (мн. ч. от монг. *нярав*) – монастырский казначей, управитель, смотритель.

[22] Это показывает, что некоторые «низшие» ламы использовали монастырь как источник средств к существованию. Они старались обосновать Винаей материальные претензии к тем ламам, которые получали более крупные «паи». Эти «паи» они получали потому, что их религиозные заслуги и, соответственно, приношения от мирян были больше.

[23] Т. е. поисков Богдо-гэгэна IX и приглашения Панчен-ламы IX.

[24] Термин «паразиты» в отношении духовенства как класса был характерен для большевиков и их последователей.

[25] Эти цифры ни о чем не говорят без сравнения с доходами других слоев населения.

[26] Такой вывод не следует из приводимого документа.

[27] Запрет добровольных пожертвований на религию был важной мерой борьбы МНРП с церковью.

[28] Обучение будущих монахов в тибетском буддизме начинается в детском возрасте. Поэтому запрет принимать в банди и хувараки несовершеннолетних означал разрушение традиционного религиозного образования.

[29] «Неофициальная политика» – разрушение церковных структур (при официальном декларировании отделения церкви от государства и содействия ее «очищению»).

№ 114

[1] Жигжиджав Цэнгэлтийн (1894–1933) – монгольский политический и государственный деятель, родился в Дариганге. В МНРП вступил в 1925 г., окончил курсы бухгалтеров при министерстве финансов, председатель Монценкоопа (1928–1930). Лидер «левого» крыла в МНРП (1927–1928), член президиума ЦК МНРП, премьер-министр (1930), министр торговли, промышленности, транспорта и связи (1932–1933). Погиб в результате несчастного случая [Коминтерн ба Монгол 1996: 471; Рощин 1999: 239–240].

[2] Элдуб-Очир (Элдэв-Очир Бат-Очирын, 1905–1937) – политический и государственный деятель, уроженец Дзабханского аймака. В 1922 г. вступил в РСМ и НП, секретарь ревсомольской ячейки в хошуне. Делегат III съезда ревсомола, обучался в центральной партшколе в Улан-Баторе (1924), КУТВ (1925–1928), секретарь ЦК МНРП (1928–1937), начальник ГВО (1930–1932), член президиума ЦК МНРП, Малого государственного хурала (1928–1937). В период «левого уклона» выступал за насильственную коллективизацию, конфискацию имущества зажиточных, принимал активное участие в ликвидации буддийской церкви в Монголии. Скончался от болезни (1937) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 472; Коминтерн ба Монгол 1996: 472].

[3] Чойжил Зэсэнжавын (1904–?) – монгольский политический деятель. После революции 1921 г. создал в хошуне Далай-гуна Тушэтуханского аймака (ныне сомон Баян-Ундур аймака Увс) ревсомольскую ячейку и стал ее руководителем. В 1925–1927 гг. окончил Цен-

тральную партийную школу. Принадлежал к «левому» крылу МНРП. На VII съезде МНРП избран членом ЦК, затем – членом президиума ЦК, возглавлял общий отдел ЦК МНРП до весны 1930 г., некоторое время исполнял обязанности секретаря ЦК МНРП, руководил второй «чисткой» в партии, проводил политику «левых». В то же время вместе с секретарем ЦК МНРП Б.-О. Элдэв-Очиром выступал против ультрареволюционной политики и практики «левых», за более умеренную демократическую политику, по этой причине на VIII съезде партии (1930) был выведен из состава руководства партии и назначен председателем парткома хошуна Эрдэнэцаган-ул Хан-Хэнтэйского аймака.

[4] Коняев Феофан Романович (1900–1973) – советский общественный и политический деятель. Был инструктором агитационно-пропагандистского отдела ЦК МНРП (1920), затем учился на подготовительных курсах Института Красной профессуры (1929). Дальневосточной секцией ИККИ откомандирован в Улан-Баторскую партийную школу (1929–1930) и работал в аппарате ИККИ (1932), в дальнейшем занимался преподавательской деятельностью.

[5] Кучумов (Майер) Владимир Николаевич (1900–1937) – заведующий иностранными курсами в КУТВ (1922–1926), проректор КУТК (1928–1929), сотрудник Восточного секретариата ИККИ (с 1929), редактор журнала «Коммунистический Интернационал» (1931–1933) [Коминтерн ба Монгол 1996: 473–474; Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 449].

[6] См. док. 50, комм. 8.

[7] Шмерал (Шмераль) Богумир (1880–1941) – основатель Коммунистической партии Чехословакии, член ЦК КПЧ (1921–1929, 1936–1941), член ИККИ, оргбюро, президиума ИККИ (1922–1935). На VII съезде МНРП возглавлял делегацию Коминтерна. По указаниям Шмераля и при непосредственном участии делегации была разработана «Платформа членов левого крыла партии», избрано ее новое руководство, которое стало проводить «левый» курс [Лузянин 2003: 174–175]. Придерживался взгляда, что сохранение влияния Коминтерна в МНР «важнее, чем строительство социализма в стране, населенной 800 тыс. пастухов… Территория имеет большее значение, чем население» (цит. по: [Рощин 1999: 222–223]). Умер в Москве.

[8] Речь идет о восстаниях в Тугсбуянт, Улангомском (Дэчинравжаалин) и Ламын-гэгэнском (Дашиджонайлин или Дашжиднилин) монастырях. Подготовка к этим восстаниям началась в 1929 г., однако фактически восстание произошло в 1930 г. только в монастыре Тугсбуянт (подробнее см.: [Кузьмин 2015: 53–59]).

[9] Имеется в виду некое международное движение всех «религиозников» во главе с Римским папой и Панчен-ламой. Такого движения не было.

[10] Шиджи (Шижээ Золбингийн, 1901–1941) – политический и государственный деятель, родился в Синьцзяне, по национальности чахар, участник боев 1921 г., в 1923 г. вступил в партию, окончил КУТВ (1923–1928). Сторонник «левого» курса партии, член президиума ЦК МНРП, секретарь Центрального совета профсоюзов (1928–1929), начальник ГВО (с 1929), секретарь ЦК МНРП (1930–1932), зам. председателя правления Монголбанка (1930), научный сотрудник КУТВ (1933–1937). Репрессирован (1937). Расстрелян (1941). Реабилитирован (1963) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 471; Коминтерн ба Монгол 1996: 472].

[11] Шантанов Карп Халбаевич (1901 – после 1938) – бурят, окончил Свердловский коммунистический университет им. Я. М. Свердлова. Инструктор ЦК МНРП (1929–1931). С 1932 г. работал на различных должностях в БМАССР. Арестован по обвинению в участии в контрреволюционной панмонгольской организации, срыве латинизации бурят-монгольской письменности и др. (1937) Постановлением тройки НКВД БМАССР приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет (1938). Где и когда погиб, неизвестно. Реабилитирован (1956).

[12] Дэмид Гэлэгдоржийн (1900–1937) – государственный и партийный деятель, родился в Архангайском аймаке. В 1922 г. окончил кавалерийские курсы в Урге, Тверскую кавалерийскую школу. После VIII съезда занимал посты председателя Военного совета, военного министра, главкома, первого заместителя премьер-министра (1932). Член президиума ЦК МНРП. Умер от отравления в поезде по пути в Москву [Рощин 1999: 240, 292; Коминтерн ба Монгол 1996: 481–482].

[13] Тарантаева – возможно, Тарантаева (Немчинова) Антонина Ильинична. В 1926 г. вышла замуж на Николая Максимовича Тарантаева, сотрудника ОГПУ, которого вскоре командировали в Монголию.

[14] Содном Гомбын (1903–1932) – политический, государственный и общественный деятель МНР. В 18-летнем возрасте вступил в МНРА. Командир среднего воинского состава (1921–1923), начальник Управления здравоохранения (1923–1927), секретарь ревсомола. В 1925–1927 гг. учился в КУТВ. На VII съезде партии избран членом президиума ЦК МНРП, на VIII съезде МНРП (1930) – в руководстве партии. На XII съезде МРСМ избран секретарем ЦК ревсомола. Сменил пост секретаря ЦК МРСМ на пост министра торговли и промышленности (1930). Руководитель полномочной правительственной комиссии по подавлению вооруженных выступлений в приграничных сомонах Южно-Гобийского аймака (1931). В мае 1932 г. получил задание организовать подавление вооруженного восстания в Архангайском аймаке. Отряд во главе с Содномом, находившийся в сомоне Тариат, подвергся нападению повстанцев и был разбит, а сам он убит [Коминтерн ба Монгол 1996: 471–472].

[15] Загд Р. – председатель аймачного комитета МНРП Дербетского аймака, член ЦК МРСМ, член президиума ЦК МНРП (1928–1930).

№ 115

[1] VIII съезд МНРП состоялся 21 февраля – 3 апреля 1930 г. Его решения были направлены на углубление и развитие «левого» курса, принятого на VII съезде МНРП (1928).

[2] См. док. 24, комм. 10.

[3] Тайшир – имеется в виду аймак Хан-Тайшири-ул (Хан-Тайшир-ул). Совр. аймак Говь-Алтай.

[4] Возможно, имеется в виду С. Дэндэв, после VII съезда МНРП освобожденный от всех руководящих постов и работавший в местных органах власти и в хозяйственных организациях.

[5] Имеется в виду Хэнтэйский аймак на северо-востоке Монголии.

[6] Речь идет о письме Восточного секретариата ИККИ, адресованном ЦК МНРП от 04.12.1929, с предложениями о выработке дальнейшей линии партии на предстоящем VIII съезде МНРП. В письме наряду с успехами в реализации решений VII съезда партии был отмечен ряд недостатков: слабое развертывание массовой работы, направленной на разъяснение политики партии (новый налог, «чистка» партии и госаппарата, промедление с развертыванием колхозного движения, созданием профсоюза аратов-скотоводов и бедноты, аратских союзов взаимопомощи, слабое развитие самокритики, борьбы с проявлениями «правого уклона» в партии и др.).

[7] II пленум ЦК МНРП состоялся 27 мая 1929 г.

[8] Вероятно, имеется в виду Б. Гомбо, выпускник КУТВ. Осужден за призывы к применению радикальных методов борьбы с «правыми уклонистами» в правительстве.

[9] Имеется в виду ямынь (монг. *яам*) – государственное учреждение, администрация аймака.

[10] Возможно, речь идет о советском специалисте по имени Илья.

[11] На VIII съезде МНРП речь шла о подготовке проекта первого пятилетнего плана развития народного хозяйства МНР на 1931–1935 гг.

[12] В решениях VIII съезда МНРП (1930) было указание о включении в будущий проект плана строительства железной дороги из Улан-Батора до Кяхты.

[13] Имеются в виду казахи.

[14] Вероятно, речь идет об аресте группы лам из сомона Баян-Мандал, которые распространяли слухи о восстании в Танну-Туве.

[15] Речь идет о восстании в защиту религии в районе монастыря Тугсбуянт в Западной Монголии в марте–апреле 1930 г. В помощь повстанцев пришло несколько сот человек из Тувы, где также шло восстание.

[16] Туслакчи (монг. *туслагч*) – помощник; помощник управляющего хошуном. Вероятно, упомянутый чиновник занимал должность главы хошунного управления.

[17] Речь идет о конфискации и государственном распределении имущества Богдо-гэгэна VIII после его смерти в 1924 г.

[18] Имеется в виду Ж. Дамдинсурэн.

[19] ПУР – Политическое управление Монгольской народной армии, центральный военно-политический орган, проводивший партийно-политическую работу в вооруженных силах Монголии.

[20] Имеются в виду инструкторы, направленные в Монголию из СССР для работы в государственных, партийных и хозяйственных органах.

[21] На VIII съезде МНРП П. Гэндэн, желавший занять пост премьер-министра, предложил вывести себя из состава секретариата ЦК партии.

[22] Имеется в виду Малый хурал (Малый Хурулдан) (*Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын Бага Хурал*) – законодательный, распорядительный и контрольный орган МНР в 1924–1949 гг. Упразднен в 1949 г. в связи с введением изменений к Конституции 1940 г.

[23] Мэнд Ринчингийн (1901–1938) – монгольский политический и государственный деятель, руководитель хошунной ревсомольской ячейки и комитета (1923–1928), секретарь ЦК МРСМ, председатель Монценкоопа (1933–1937), министр торговли, промышленности, транспорта и связи (1933–1937). Член президиума ЦК МНРП (1928). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1962) [Коминтерн ба Монгол 1996: 486; Рощин 1999: 293].

[24] Фокин Николай Алексеевич (1899–1938) – представитель КИМ в Китае (1926–1927), член делегации ВЛКСМ в КИМ (с 1928), зав. Восточным отделом ИККИ (1927–1930), зам. зав. Восточным отделом Профинтерна (1930–1933). Принимал участие в работе VIII съезда МНРП (1930). Расстрелян. Реабилитирован [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 465].

[25] С политическим докладом на VIII съезде МНРП выступил П. Гэндэн.

[26] Содном-Иш С. – монгольский военачальник; окончил Тверскую кавалерийскую школу, начальник ПУР МНРА (1931–1932), член президиума ЦКК МНРП (1932).

[27] Здесь и далее приводится дословное повторение высказывания У. Бадраха, изложенные в док. 114, Приложение 3.

[28] Союз безбожников МНР был создан в 1930 г. по советскому образцу.

№ 116

[1] Датируется по смежным документам.

[2] Жамбо-Церен, Заин-геген, Дзаин-гэгэн (Жамбацэрэн, Заинский гэгэн, Заяын-гэгэн**,** Заин-гэгэн, 1905–1930) – халхаский Зая-пандита-хутухта Лувсантубдэнчойджиням (Джамбацэрэн). См. док. 102, комм. 8.

[3] Гурум (монг. *гүрэм*) – молебен, магический обряд для предотвращения и изгнания нечистых сил, опасностей, мучений, болезней с чтением соответствующих религиозных книг [Сүхбаатар 1997: 72]; торжественная церемония жертвоприношения, молебен, молебствие

об исцелении больного [Позднеев 1993: 272]; обряд против врагов веры и отечества, болезней и несчастий [Барадийн 1924, № 2–3: 18; 1924, № 4–5: 12].

[4] Курма (монг. *хүрэм)* – куртка с широкими и короткими рукавами, надеваемая поверх одежды.

[5] См. док. 80, комм. 16.

[6] Возможно, речь идет о Япон-Данзане. См. док. 10, комм. 2.

[7] Кюрд (монг. *хүрд*) – молитвенный цилиндр (барабан).

[8] Амгалан-зайсан – управделами министерства иностранных дел МНР, в прошлом был в духовном звании багши (учителя). Возможно, имеется в виду секретарь Амгалан, который вошел в состав миссии МНР, направленной в Тибет в 1926 г. (см. док. 1, комм. 4), в составе Гомбо-Идшина, Пунцагбалжира, калмыков А. Ч. Чапчаева, М. Т. Бимбаева [Батсайхан 2018: 357].

Зайсан(г) – звание чиновника; а также глава рода.

№ 117

[1] Заголовок документа. Собеседник Манджушри-гэгэна неизвестен. Манджушри-гэгэн (Манджушри-хутухта VI, Самбадондогийн Цэрэндорж, 1872–1937) – один из лам-перерожденцев Монголии. В возрасте семи лет был опознан как 6-е воплощение Манджушри-гэгэна. После обучения в монастыре Дашчойнпэл в Их Хурээ получил степень габджу (монг. *гавж*). С марта по октябрь 1921 г. – премьер-министр страны. В 1936–1937 г. в числе других 23 лам проходил по делу «Центральной контрреволюционной группы» как один из главных обвиняемых. Расстрелян (1937). Реабилитирован (1990) [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 131; Кузьмин, Оюунчимэг 2011: 134–135].

[2] См. док. 114, комм.8.

[3] См. док. 46, комм. 1.

[4] Дархан-ван – княжеский титул, даровался подданному за преданную службу, освобождался от налогов и повинностей; чин-ван – княжеский титул первой степени.

[5] Такие слухи действительно циркулировали. Например, в «Краткой истории монастырей Монголии» сказано, что после заключения Заин-гэгэна в тюрьму какие-то люди видели его верхом на черном иноходце [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 118].

[6] Перейти в «хару» – т. е. в светское состояние.

[7] Желтые «харгисы» (монг. *харгис* – жестокий и *шар шашин* – желтая вера) – термин, обозначающий реакционное духовенство школы Гэлуг. Появился после революции 1921 г.

[8] Гандан (Гандантэгченлин) – главный буддийский монастырь в Монголии, основан в 1838 г.

[9] См. док. 68, комм. 2.

[10] В 1920–1930-е гг. на учебу в ЛИЖВЯ были отправлены 20 монголов, среди них Мэргэн-гун Гомбоджаб (Гомбожав), Б. Ринчен, Ц. Дамдинсурэн, О. Намнандорж и др.

№ 118

[1] См. док. 88, комм. 3.

[2] См. док. 114, комм. 2.

[3] См. док. 96, комм. 4.

[4] См. док. 62, комм. 16.

[5] См. док. 114, комм. 10.

[6] См. док. 114, комм. 5.

[7] См. док. 114, комм. 8.

[8] Казачество Западного края – имеются в виду казахи, проживающие на западе Монголии (Кобдоский аймак).

[9] См. док. 105, комм. 1.

[10] Бадрах несколько раз выезжал в Москву для лечения [Рощин 2008: 56, 59, 65].

№ 119

[1] Чуцкаев Сергей Егорович (1876–1944/46) – зам. председателя Сибревкома (1921–1922), полпред СССР в МНР, уполномоченный ЦК ВКП(б) в Монголии (1933–1935). Репрессирован [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 470; Коминтерн ба Монгол 1996: 479].

[2] Лубсан Шираб (Лувсаншарав Доргижавын, 1900–1941) – политический и государственный деятель, родился в Хубсугульском аймаке, бывший лама, снял с себя обеты и перешел в светское состояние (1924). В 1925 г. вступил в партию, занимался партийной работой в аймаке. Учился в центральной партшколе в Улан-Баторе (1927–1928), затем в КУТВ (1928–1929). Делегат VII, VIII, IX съездов МНРП, член президиума ЦК МНРП, секретарь ЦК МНРП (1934–1937). Член ламской комиссии. Арестован (1939). Расстрелян (1941). Реабилитирован (1962) [Коминтерн ба Монгол 1996: 485; Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 450; Рощин 2008: 93–94].

[3] Барадийн Базар (Барадин, 1878–1937) – бурятский государственный и общественный деятель, монголовед. Первый нарком просвещения Бурятии (1923–1926), председатель Бурятского Ученого комитета (1923–1929). В 1930-е гг. работал в Институте востоковедения АН СССР. Арестован как член японо-бурятского центра (1937). Расстрелян (1937). Реабилитирован (1958).

[4] См. док. 117, комм. 8.

[5] Габджу (монг. *гавж*) – букв. «знаток в 10 науках», ученая степень прослушавшего курс философии.

[6] Дашичойнпель (Дашчойнпэл дацан) основан в Долонноре в 1736 г., в 1756 г. перекочевал в Их Хурээ; Гунгачойлин (Гунгаачойлин дацан) основан в 1809 г. Богдо Джебцзундамба-хутухтой IV; Идга-Чойндзин (Идгаачойнзинлин дацан) основан в 1910 г. Все три цаннид-дацана входили в комплекс Гандантэгченлин монастыря; основная специализация – изучение философии [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 804–806].

[7] О какой публикации (здесь и далее указанные страницы) идет речь, неизвестно.

[8] Мурэн-хурэ – Мөрөнгийн хүрээ (Гандандаржаалин) основан в 1765 г. в хошуне Ахай бэйсэ Дзасактуханского аймака (ныне аймак Хубсугул) [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 724–725].

[9] Хурал – молебствие, богослужение.

[10] Сокчин, цогчен (цогчин) – соборный храм; молитва, читаемая во время торжественных служб.

[11] См. док 68, комм. 2.

[12] Три цаннид дацана. См. док. 119, комм. 6.

[13] Джуд-дацан – тантрийский факультет в буддийских монастырских школах.

[14] Здесь и далее ЛШ – Лувсаншарав.

[15] Наступление на церковь началось в период «левого» курса в МНР, начало которому положил VII съезд МНРП (23 октября – 10 декабря 1928 г.). Одной из основных задач партии была определена борьба с религией. В резолюции съезда прямо указывалось на необходимость противодействовать консолидации лам, вовлекать их низы в борьбу против ламских верхов, строго соблюдать принцип отделения церкви от государства. Фактически было задано направление на ликвидацию буддийских монастырей, ограничение прав и свобод их служителей. В последующие годы политика по отношению к буддийской церкви ужесточилась.

[16] Так в тексте.

[17] Чандмань-ульский, Чиндомани-ульский аймак (монг. *Чандмань уулын аймаг*) – с 1925 по 1931 гг. носил это название, с 1931 по 1932 гг. – Дербет / Дербет Далай-хан аймак, с 1933 – Убсунурский аймак (ныне *Увс аймаг*). Адм. центр – г. Улангом, основан в 1754 г. у подножия горы Хархираа.

[18] После VIII съезда МНРП (1930) реализация «левого» курса партии продолжалась. Началась конфискация собственности. В активную стадию вступила джасская кампания (передача монастырского скота на выпас аратам), усилились гонения на лам, которым оставляли скот и имущество стоимостью «не более 100 хувь (1 хувь равен 30 тугрикам, когда речь идет о скоте, и 90 тугрикам – о недвижимом имуществе)», излишки передавались неимущим аратам. За 1929–1930 гг. экспроприации подверглись 427 светских и церковных феодалов и 302 чиновника [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 25; История Монголии 2007: 88–90; Рощин 1999: 227].

[19] Здесь: влиянием.

[20] Т. е. в светское состояние.

[21] Хашан (монг. *хашаан*) – забор, загон для скота, двор, хозяйство, подворье.

[22] Бадар (монг. *бадар*) – чаша для сбора подаяния; милостыня, подаяние, пожертвование.

[23] Сумэ (монг. *сүм*) – небольшой храм, монастырь.

[24] Гэскуй (монг. *гэсгүй*) – блюститель порядка во время богослужения, надзиратель за поведением монахов в монастыре.

[25] Худон (монг. *хөдөө*) – сельская местность.

[26] Виная (Винайя-питака) – канонический свод правил буддийской монашеской общины; один из разделов буддийского канона Ганжур.

[27] Наробанчин-хийд (Нарвачин-хийд) – местопребывание Наро панчена хутухты (Нарвачин-хутухты), шестого воплощения панчена Джугдэрнамжил (1904–?); основан в XVIII в.

[28] Дилова-хутухта. О нем см. док. 113, комм. 12.

[29] Цэн – денежная единица, равная 3,75 г серебра; мера веса, равная примерно 4 г.

[30] Мунга, мунгу (монг. *мөнгө*) – деньги, мелкая разменная монета, равная 0,01 тугрика.

[31] Так в документе.

[32] Хан-Хэнтэйский аймак – ныне аймак Хэнтий; Хан-Тайширский аймак (Дзасактуханский аймак) – ныне аймак Говь-Алтай.

[33] Бакши (монг. *багш*) – учитель.

[34] Армен-хийд – возможно, речь идет о Хантайширийн/Арын-хийде, основан в 1741 г. в хошуне Эрдэнэбишрэлт Дзасактуханского аймака (ныне сомон Халиун аймак Говь-Алтай).

[35] Пять основных видов скота – лошади, крупный рогатый скот, верблюды, овцы, козы.

[36] Барат – мена, обмен товара на товар, бартер.

[37] Гуруд-моление – возможно, речь идет о проведении тантрийского обряда.

№ 120

[1] Элдэв-Очир – начальник ГВО (1930–1932). О нем см. док. 114, комм. 2.

[2] Имеется в виду 20-й год Монгольского государства (начиная с 1911 г.), т. е. 1930 г.

[3] См. док. 3, комм. 11.

[4] Джунгария (монг. З*үүн гар*) – исторический регион, расположенный на северо-западе КНР и западе Монголии.

[5] Дербеты – ойратская этническая группа.

[6] Дайцинская династия (*Дай* / *Да Цин*) – в 1636 г. Абахай принял государственную печать и новый титул Вэньхуанди. Новая династия стала называться Дай (Да) Цин, а правление – Чундэ (1736–1644). Империя Цин (1644–1911) в результате Синьхайской революции пала, провозглашена Китайская республика [Ермаченко 1974: 69].

[7] Вслед за отречением от власти последнего маньчжурского императора Пу И (1912) и образования Китайской республики ее президентом стал Юань Шикай, который своими декретами приравнял статус Халхи к китайской провинции. В том же 1912 г. Юань Шикай внес на рассмотрение парламента законопроект о статусе Западной Монголии, как новой

административной единице в составе своей страны, куда предполагалось включить Кобдоский и Алтайский округа, Урянхайский край и земли торгоутов. В связи с этим монгольское правительство направляет в Улясутай свои войска для его обороны и взятия Кобдо. К кобдоскому амбаню были направлены переговорщики с предложением о сдаче города, однако они были казнены, что и привело к его осаде. Руководили осадой и взятием Кобдо С. Максаржав, Дамбиджанцан (Джа-лама) и Ж. Дамдинсурэн. 20 августа 1912 г. Кобдо был освобожден [Белов 1997: 133–135].

[8] Тройное соглашение в Кяхте – Тройственное Кяхтинское соглашение, подписанное в мае 1915 г. между Россией, Монголией и Китаем. Заключению Соглашения предшествовала конференция трех стран, каждая из которых выдвинула свой проект статуса Монголии. Китайская сторона видела будущее этой страны как своей провинции, Россия выступала за предоставление Внешней Монголии широкой автономии под властью Китая, а Монголия претендовала на статус независимого государства. В результате Монголии был предоставлен статус автономии в составе Китая с правом «в границах Халхи и Кобдоского округа ведать всеми делами внутреннего управления и заключать с иностранными государственными договора по всем вопросам, кроме политических и территориальных» [История Монголии 2007: 41–43].

[9] Дамбиджанцан (Дамби-Джамцан, Дамбийджанцан, Джа-лама). Подробнее см. док. 10, комм. 18.

[10] В документе – Амур-Санан. Амурсана (1722–1757) происходил из аристократического рода «хойт белого знамени» («*цагаан туг хойт*»). Предки Амурсаны в начале XVII в. вместе с торгоутами во главе с Хо-Урлюком покинули Джунгарию и до начала XVIII в. жили на Волге. Пытался с помощью Цинов стать всеойратским ханом, в 1755 г. поднял антикитайское восстание, однако потерпел поражение, в 1757 г. бежал в Россию, где и умер в Тобольске [Златкин 1983: 286, 294–303].

[11] Бакич Андрей Степанович (1877/8–1922) – генерал, бывший командующий 4-м Оренбургским корпусом армии А.В. Колчака. В 1921 г. под натиском Красной армии отступил на территорию Западной Монголии. В декабре 1921 г. сдался С. Максаржаву, доставлен в Ургу, передан советским властям. Расстрелян (1922);

Кайгородов Александр Петрович (1887–1922) – есаул, в 1921 г. действовал со своим белогвардейским отрядом на территории Западной Монголии. Убит (1922);

Ванданов Жалцаб (?–1921) – забайкальский бурят, есаул, бывший лама. В 1921 г. командовал белогвардейским отрядом в Улясутае. Убит (1921).

[12] Жанжин-сайд-ямынь (монг. *жанжин сайдын яам*) – наместничество, управление, администрация генерал-губернатора, командующего войсками.

[13] Коренизация аппарата – в данном случае речь идет о сокращении числа советских инструкторов, калмыков в том числе, и увеличении числа собственно монголов в учреждениях и организациях. Аналогичная кампания проводилась в 1920-х гг. в Советском Союзе, когда на руководящие должности выдвигались представители национальных регионов.

[14] Восточно-дербетский и Западно-дербетский аймаки – до 1912 г. в два аймака: Далайхана и Унэн-Дзоригту-хана (см. также док. № 119, комм. 17) входили Дзун (Восточный) аймак с 23 сомонами, включавших 12 хошунов, и Баруун (Западный) аймак с 16 сомонами, включавших 4 хошуна. После 1912 г. в Дзун аймак были включены 12 хошунов, в Барун аймак – 11 хошунов [Дэмбэрэлням 2012: 10; Нямдорж 2006: 279–280].

[15] См. док. 24, комм. 14.

[16] Имеются в виду казахи.

[17] Цагда (монг. *цагдаа*) – полиция, милиция, стражник, в данном случае речь идет о пограничных заставах.

[18] См. док. 50, комм. 8; док. 105, комм. 4.

[19] Так в документе.

[20] Мончок (мончак) – тюркоязычная этническая группа мончаки, или кок мончаки (монг. *хөх мончогоо*). Вместе с алтайскими урянхайцами составляли Эетэй засгийн хошун (ныне сомон Цэнгэл аймака Баян-Ульгий) [Монгольские народы: исторический опыт 2016: 244].

[21] Дзахчины (монг. *захчин*). См. док. 65, комм. 2.

[22] Хотоны Монголии представляют особую этноконфессиональную группу ойратского населения, традиционно исповедующую ислам [Нанзатов 2013: 141].

[23] Кремли (монг. *хэрэм*) – крепость, крепостная стена, вал, городище.

[24] Здесь и далее приложения (№ 1, № 2, № 3) к таблицам не публикуются.

[25] Хуби, хоби (монг. *хувь*) – доля, пай, акционерный капитал; условная счетная налоговая единица, равная 30 тугрикам применительно к скоту и 90 тугрикам – недвижимому имуществу в конце 1920-х – начале 1930-х гг. [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 25].

[26] Мунга, мунгу (монг. *мөнгө*) – деньги, мелкая разменная монета. В данном случае, вероятно, в документе опечатка: следует читать «тугриков».

[27] Дзомия – лама, ведавший посевами на пахотных землях как лам, так и светских лиц.

[28] Содномджар Унэн-Дзоригту-хан – имеется в виду Содномджамцо (1886–1921), возглавлявший хошун Зоригту-хана в Западно-дербетском аймаке [Нямдорж 2006: 279].

[29] Таблица не публикуется.

[30] Количество джасы и размер хуби не указаны.

[31] Дамал (монг. *даамал*) – староста, смотритель, нарядчик.

[32] Бодо (монг. *бод*) – условная единица учета скота; 1 бод равен 1 лошади, 1 корове, 2 верблюдам, пяти овцам и семи козам.

[33] Единица посевной площади не указана.

[34] Джин (монг. *жин*) – мера веса, равная 0,6 кг.

[35] «Сам –5» означает, что урожай зерна собран из расчета 1:5, т. е. в пять раз больше, чем посеяно.

[36] Нирб, нирав, нярба (монг. *нярав*) – монастырский казначей, управитель, смотритель.

[37] Ду (кит. *доу*) – китайская мера объема, равная 10,3 л.

[38] Сарлык (монг. *сарлаг*) – як.

[39] Алдан (монг. *алд*) – мера длины, равная приблизительно расстоянию вытянутых рук; маховая, ручная сажень.

[40] Приложение не публикуется.

[41] Дэджэлин (Дэжээлин) – баитский монастырь, основан в 1909 г. по решению дзасака Самданджамцо, располагается в сомоне Хяргас Увс аймака (подробнее см.: [Буддийская традиция 2015: 129–132]).

[42] Цалгор (Цалгарын Гандан Раашдаржалин хийд) – основан в 1876 г. в местности Цалгар-Улгий, ныне располагается в сомоне Малчин Убсунурского аймака (подробнее см.: [Монголын сум хийдийн туухэн 2009: 688; Сухбаатар 2000: 43]).

[43] Тугээмэл амаржуулагч (Ганданпунцагчойлин хийд, Шар сүм) – основан в 1766/67 гг. по указу цинского императора Цяньлуня (подробнее см.: [Монголын сүм хийдийн туухэн 2009: 709, 710]).

[44] Дзэрген-хурэ (*Зэрэгийн хүрээ*) – основан в 1778 г., ныне располагается в сомоне Зэрэг Ховд аймака [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 704–705].

[45] Бодончин хурэ (Дашпунцаглин хийд) – основан в 1825 г., ныне располагается в сомоне Алтай Ховд аймака [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 699].

[46] Приложение не публикуется.

[47] Улачин (монг. *улаач*) – ямщик, возничий, подводчик.

[48] Так распространялись листовки и слухи в монастырях Тугсбуянт, Улангомском и др. Эти данные подтверждаются документами из РГАСПИ (подробнее см.: [Кузьмин 2016: 400]).

[49] Так в документе.

[50] См. док. 24, комм. 9.

[51] Захиракчи (монг. *захирагч*) – помощник главы аймачного сейма; мэрэн (монг. *мэ-эрэн*) – командир знаменного корпуса, соединения, военный чин; дзалан, цзолин (монг. *залан*) – управляющий хошуном; командир роты или эскадрона.

[52] Бандза (монг. *банз*) – деревянная палка для порки.

[53] По материалам сборника «Монголия в документах Коминтерна» (ч. II), данные подтверждаются: восстание началось 25 марта 1930 г. с захвата хошунного управления, ареста его сотрудников, отделений Монценкопа, отчасти Стормонга. 30 марта восстание было подавлено (подробнее см.: [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 413]).

[54] Восставшие пытались заручиться поддержкой со стороны тувинцев, ойратов, китайского командования и населения Синьцзяна [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 413].

[55] Сор – жертвоприношение духам, религиозный обряд уничтожения злых духов.

[56] Ойротская автономная область (Ойратская автономная область). В 1922–1948 гг. – административно-территориальная область РСФСР, с 1948 по 1990 гг. – Горно-Алтайская АО, с 1991 – Горно-Алтайская АССР, с 1992 – Республика Алтай.

[57] МЦК – Монценкооп.

[58] Двадцатка – 20 домохозяйств.

[59] Приложение не публикуется.

№ 121

[1] Копии материалов не публикуются.

[2] Вероятно, местных.

[3] См. док. 76, комм. 6.

[4] Сунит, Сунуд (монг. *Сөнөд*) – хошун Шилингольского сейма в Южной Монголии.

№ 122

[1] Буряты издревле кочевали в Монголию и возвращались обратно на родину. В их истории выделяется несколько больших волн миграций: земельные и административные реформы в России (1900–1911); провозглашение независимости Монголии (1911), Первая мировая война (1914–1918), Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, социальные преобразования в России (1917–1930) (подробнее см.: [Трансграничные миграции в пространстве 2010; Ринчинова 2013: 39, 66; Збигнев 2007: 75–89]). Согласно докладу полпредства СССР в Монголии «Вопрос о бурятах восточных районов Монголии» (1929), буряты из Халхингольского и др. хошунов были объявлены контрреволюционерами, что послужило основной причиной их бегства из МНР [Ринчинова 2013: 80–81].

[2] См. док. 107, комм. 1.

[3] Хошун Улз-гол (монг. *Улз гол хошун*) Цэцэнханского аймака образован в 1923 г. из бурятского населения, у р. Улз-гол [Тубчинов 2007: 102]. В 1930 г. при образовании аймака Дорнод Улзгольский бурятский хошун вошел в его состав, в 1931 г. хошун упразднен [Ринчинова 2013: 68–69].

[4] Баргуты – монгольская этническая группа, подразделяется на «старых» и «новых» баргутов, компактно проживают на северо-востоке АРВМ КНР.

[5] См. док. 36, комм. 5.

[6] Баргинское восстание. См.: док. 91, комм. 1.

[7] См. док. 76, комм. 6.

[8] Дарга (монг. *дарга*) – начальник, руководитель, председатель, командир, управляющий.

[9] Так в документе.

[10] Шэнэхэн – местность в Хулунбуире, часть бурят переселилась в эти места в 1918 г., в 1924 г. они основали бурятский хошун.

№ 123

[1] Имеется в виду IV Егузэр-хутухта Галсандаш (1870–1930) – родился в Цэцэнханском аймаке в семье тайджи Жамсранжава. Поддержал революцию 1911 г. и Богдо-гэгэна. Наместник Восточного края Монголии (1914). Обвинен в заговоре по делу Эрэгдэндагвы, или «Дело 38» (1930). Расстрелян. Реабилитирован (1990) (подробнее см.: [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 127–128; Кузьмин 2016]).

[2] В начале 1925 г. в Улангом-хурэ высшие ламы организовали антиправительственные выступления. В ночь на 6 мая ламы монастырей Намир и Улангом собрались в монастыре Намир, где и предполагался сбор основных сил повстанцев. У Мунджикского (Мундупского) монастыря повстанцы арестовали четырех солдат МНРА. В Улангомский район был направлен отряд под командованием советского инструктора Донина – два взвода (60 чел.) при двух пулеметах. 10 мая повстанцы сдались: признали народную власть, заявили об отказе от выступлений против местных самоуправлений, восстановили уртонную связь. Было арестовано 30 повстанцев, выявлены руковоители и организаторы выступлений [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 33. Л. 381–382; ЦА ФСБ. Ф. 65. Д. 71. Л. 96]. Сбор повстанцев намечался у р. Кобдо, отряд Донина выдвинулся из г. Кобдо. По этой причине восстание называется Кобдоским, хотя главные события по современному административно-территориальному делению были в аймаке Увс, а не Ховд.

[3] По «Соглашению об общих принципах урегулирования отношений между СССР и Китайской республикой» (31 мая 1924 г.) должна была состояться конференция (не состоялась) по КВЖД. 10–11 июля 1929 г. китайское войска взяли под свой контроль КВЖД, 17 июля советское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений. В декабре 1929 г. был подписан советско-китайский протокол (Мукденский), согласно которому восстанавливался статус-кво КВЖД, освобождались арестованные советские граждане, возобновлялась работа консульских учреждений обеих сторон [Русско-китайские отношения 2010, т. III: 794–796].

[4]Конфликт на КВЖД привел к экономической блокаде МНР со стороны Китайской республики и прекращению торговых операций, «на долю которых приходилось 43,5% монгольского импорта и 22 % экспорта» [Лузянин 2000: 163].

[5] См. док. 117, комм. 1.

[6] Аграмба (букв. «знаток мантры») – степень, присваиваемая окончившим тантрийский факультет.

[7] См. док. 119, комм. 24.

[8] Эрдэнэпил – возможно, речь идет о Н. Эрдэнэпэле. См. док. 77, комм. 14.

[9] Так в документе.

[10] Ёнзон-хамбо – учитель Богдо-гэгэна VIII, один из влиятельных лам Монголии [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 115].

№ 124

[1] См. док. 33, комм. 8.

[2] См. док.119, комм. 21.

[3] См. док. 113, комм. 12.

[4] Геше (монг. *гэвш*) – ученое звание монаха, присваиваемое после завершения обучения в цаннид-дацанах.

[5] Домо (монг. *домо*) – торжество, устраиваемое духовным лицом по случаю окончания обучения; экзамен.

[6] Монгольская народная партия (*Монгол Ардын Нам*) – основана 1 марта 1921 г. В 1924–2010 гг. – Монгольская народно-революционная партия (*Монгол Ардын Хувьсгалт нам*).

[7] См. док. 68, комм. 2.

[8] Хийд – монастырь, кумирня, обитель.

[9] Положение о местном самоуправлении утверждено Народным правительством Монголии 5 марта 1923 г. В I Конституции МНР (1924), принятой Великим народным хуралом, содержалась глава «О местном самоуправлении». Эта система органов власти с небольшими изменениями просуществовала до 1930 г.

[10] См. док. 68, комм. 11; док. 117, комм. 1.

[11] См. док. 116, комм. 2.

[12] Аймак – здесь: внутримонастырская община монахов.

[13] Маймачен (*Наймаа хот, Маймаа хот, Маймаачин*) – торговое поселение. Название китайских торговых поселений во Внешней Монголии (XIX – начало XX в.).

[14] Ревсомол – Монгольский революционный союз молодежи (МРСМ), основан в 1921 г.

[15] Хорон (монг. *хороо*) – район, квартал. Здесь: за пределами монастыря.

[16] См. док. 24, комм. 9.

[17] Надом (монг. *наадам* или *эрийн гурван наадам,* букв. «три игрища мужей») – спортивный праздник, который включает соревнования по трем национальным видам спорта: стрельба из лука, борьба, конные скачки.

[18] См. док. 104, комм. 2.

[19] Сурхарбан (бур. *һурхарбан*) – традиционный бурятский праздник стрельбы из лука, аналог надома.

[20] Обон (монг. *овоо*) – груда камней на горных вершинах, перевалах, у водоемов, воздвигаемая в честь духа-хозяина местности.

[21] Далемба (монг. *даалимба*) – вид хлопчатобумажной ткани.

[22] Марамба (монг. *маарамба*) – степень, присваиваемая окончившему факультет медицины.

[23] Цолгинский дацан (Бурятия) основан в 1830 г.

№ 125

[1] Главный фигурант этого процесса тайджи Эрэгдэндагва в 1930 г. в письме правительству Китая просил ликвидировать власть МНРП и восстановить в Монголии власть Богдогэгэна IX и Панчен-ламы IX. Обвинения в заговоре предъявили еще 37 лицам, в том числе: Манджушри-хутухте, Дилова-хутухте и Егузэр-хутухте. Само письмо было объявлено «программой феодально-теократической контрреволюции». Семь человек были приговорены к расстрелу, включая Егузэр-хутухту. В 1990-е гг. осужденные по «Делу 38» были реабилитированы (подробнее см.: [Кузьмин 2016: 392–398]).

[2] Выступления в Цэцэрлэг-Мандальском аймаке (ныне аймак Архангай) были вызваны административными мерами против монастырей.

[3] Гэлун (монг. *гэлэн*) – монах, получивший полное посвящение и принявший 253 обета.

[4] Имеется в виду дата по лунному календарю.

[5] Возможно, Дархад-хурэн (Дархадын хүрээ; др. назв.: Ганданнамжиллин хийд, Зөөлөнгийн хүрээ) – монастырь основан в 1750 г. [Хатанбаатар 2018: 309].

[6] Под аббревиатурой МНКА подразумевается Монгольская народная Красная армия. Действительное название – Монгольская народно-революционная армия.

[7] Имеется в виду Ялгуугсан-гэгэн хийд.

[8] Имеется в виду крова.

№ 126

[1] Имеется в виду Хубсугульское восстание 1932 г., направленное против политики партии и государства в Монголии, за реставрацию теократической монархии в стране (подробнее см.: [Кузьмин, Оюунчимэг 2015]).

[2] Высшее буддийское духовенство.

[3] Так в документе. Здесь и далее имеется в виду Монгольская народно-революционная армия (МНРА).

[4] Имеются в виду зажиточные араты, использовавшие наемный труд.

[5] См. док. 120, комм. 25.

[6] В 1932 г. повстанцам на короткое время удалось восстановить старый хошун Далай-вана и создать хошунное управление во главе с приемным сыном его прежнего князя – Жигжидсурэном.

[7] Повстанцы утверждали, что действуют с санкции Панчен-ламы. Для агитации использовались некоторые пророчества. Подлинность части пророчеств не установлена, другие были подделками; некоторые представляли старые пророчества, интерпретированные так, чтобы представить восстания 1930-х гг. как давно предсказанные (подробнее см.: [Кузьмин, Оюнчимэг 2015: 127–161]).

[8] См. док. 119, комм. 17.

[9] В русской и советской литературе Хубсугульский аймак (*Хөвсгөл аймаг*) называли Косогольским, озеро Хубсугул (*Хөвсгөл*) – Косоголом.

[10] Так в документе.

[11] 14 апреля 1932 г. ЦК МНРП и правительство для борьбы с восстанием назначили полномочную правительственную комиссию во главе с Ж. Лхумбэ, первым секретарем ЦК МНРП (впоследствии репрессирован).

[12] Сомон Архангайского аймака.

[13] Тарят (*Тариат*) – местность у монастыря Тариатын-хурэ (аймак Архангай), где были крупные бои с повстанцами в 1932 г.

[14] Арын-хурэ (*Арын хүрээ*) – основан в 1861 г. в сомоне Далай Чойнхор-вана Сайнной-онханского аймака (ныне сомон Жаргалант Хубсугульского аймака) [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 722–723; Хатанбаатар 2018: 296].

[15] После революции 1921 г. конно-уртонная (конно-почтовая) служба продолжала существовать, и частные аратские хозяйства были обязаны нести государственную уртонную повинность, т. е. обслуживать конно-почтовые станции (уртоны), поставлять для них лошадей, продовольствие. Правом пользоваться конно-уртонной службой обладали государственные чиновники и уполномоченные, имевшие специальное письменное разрешение. Уртонная повинность для аратских хозяйств отменена в 1949 г.

[16] Урга-ула (монг. *ургийн улаа*) – вид уртонной повинности, состоящий в предоставлении путникам, имеющим специальное разрешение, лошадей из частного аратского хозяйства с возвратом после одного перегона коня хозяину через сопровождающего.

[17] Автор описывает одно из нарушений положения о пользовании услугами конно-уртонной службы и выступает за полный запрет таких злоупотреблений, которые ущемляют интересы простых аратов-скотоводов.

[18] Светское состояние.

[19] Аргал – сухой помет скота, использовался как топливо.

[20] Речь идет об аймачных территориальных воинских формированиях (полках), в которые набирались молодые араты призывного возраста для прохождения военных сборов (учений).

[21] Видимо, под «сорокодворкой» имеется в виду административная единица, объединяющая 40–50 хозяйств.

[22] Колхозцентр – административный орган в правительстве МНР, созданный в 1931 г. в разгар массовой кампании по созданию колхозов. В 1932 г. упразднен.

№ 127

[1] См. док. 91, комм. 1.
[2] См. док. 80, комм. 16.

№ 128

[1] Улзийбат Д. (Өлзийбат Далантайн, 1901–1937) – учитель, военный (с 1922), командир взвода, политрук, руководитель партбюро, глава военного суда, директор общеобразовательной школы, главнокомандующий запаса. Начальник политуправления МНРА (1932–1934). После обучения в Советском Союзе в высшем военном институте (1932–1934) первый заместитель министра внутренних дел (с февраля 1936), министр здравоохранения (с июня 1936). Член ЦК МНРП (1933). Репрессирован (1937). Реабилитирован (1962) [Коминтерн ба Монгол 1996: 486].

[2] С апреля по июль 1932 г. восстаниями были охвачены Хубсугульский, Архангайский аймаки, Алтай, Южная Гоби, Дариганга, далее волнения стали распространяться в сторону Убурхангайского и Дзабханского аймаков. У. Бадрах в письме И. А. Пятницкому и П. А. Мифу сообщал, что волнения на этих территориях не отличаются по целям и задачам от предыдущих восстаний. Повстанцы тщательно готовились и выжидали благоприятный момент. Кроме того, Бадрах считал, что истоками этих событий стали курс на форсированное строительство социализма, налоговая политика, конфискация имущества зажиточных аратов и феодалов, ущемление интересов ламства, извращение линии партии. Восстание полностью ликвидировано в октябре 1932 г. [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: док. № 227].

[3] Документ представляет собой перевод рапорта члена Революционного военного совета МНРА и начальника политуправления МНРА Д. Улзийбата, назначенного председателем временного совета обороны Хубсугульского и Архангайского аймаков, почти полностью охваченных восстанием.

[4] Отряд повстанцев, действовавший в районе монастыря Тариатын-хурэ. В сомоне Тариат было два монастыря – Тариатын Доод (Дзун) хурэ и Тариатын Дээд (Барун) хурэ. События происходили на территории Тариатын Доод хурэ, основанном в 1698 г. Сожжен после подавления восстания.

[5] См. док. 114, комм. 14.

[6] Здесь и далее в документе приводятся названия местностей Архангайского аймака.

[7] Речь идет о ламе Д. Дамдинсурэне, командире крупного отряда повстанцев; в Тариатын-хурэ находился его штаб.

[8] Главком – так в документе назван командир повстанческого отряда (монг. *жанжин*: командир военного формирования; главком, верховный командующий войсками).

[9] Имеется в виду Эрэндэндэв (Дэндэв) – бывший лама монастыря Рашантын-хурэ, командир крупного отряда повстанцев численностью 300 человек.

[10] Здесь и далее документ частично поврежден, в квадратных скобках дается реконструкция текста.

[11] Дурэкчи-хурэн (*Дүүрэгч вангийн хүрээ*) – в документе речь идет о монастыре в Архангайском аймаке.

[12] Товарищество (монг. *нөхөрлөл*) – одна из первичных форм кооперации в Монголии.

[13] Здесь: Дзун-хурэ. См. док. 68, комм. 2.

[14] Имеется в виду маневренный военный отряд, в который входили слушатели школы ГВО.

[15] Имеется в виду отряд повстанцев, базировавшихся на горе Их-уул.

[16] ОВУ – Объединенное военное училище, создано в августе 1921 г. по инициативе и при личном участии главкома Д. Сухэ-Батора. Программа обучения в училище была разработана применительно к программам, принятым для обучения младшего командирского состава Красной Армии, с учетом местных условий. Руководили учебным процессом советники П. М. Толпыгин и И. Вакунаев (калмык, наст. фамилия Х. Б. Кануков). IV съезд МНРП (1925) принял программу, в которой были определены приоритеты военного строительства. С 1926–1927 гг. училище выпускало командиров, артиллеристов, пулеметчиков, связистов, хозяйственников, политработников со средним военным образованием.

[17] Среди повстанцев распространялись слухи о том, что началась Шамбалинская война, в результате которой будут побеждены враги буддизма.

[18] Обобществление скота проводилось в соответствии с политикой массового кооперирования бедняцких и середняцких хозяйств и коллективных хозяйств в форме артелей, колхозов, коммун.

[19] Имеется в виду созданная в апреле 1932 г. ЦК МНРП и правительством МНР полномочная комиссия во главе с Ж. Лхумбэ (с правом принятия решений по политическим преступлениям), которая санкционировала жесткое подавление восстания в Хубсугульском аймаке и других регионах страны.

[20] Реконструировать текст не удалось.

[21] Имя дается по тексту документа.

[22] Возможно, имеется в виду «Молитва о перерождении в северной Шамбале» [Дамдинсурэн 2008: 22–27].

[23] Так в документе.

[24] 29–30 июня 1932 г. состоялся III чрезвычайный пленум ЦК МНРП и Центральной Контрольной комиссии партии, на котором политика «левых», направленная на форсированное строительство социализма, игнорирование особенностей МНР и представлявшая собой механическое копирование методов хозяйственного и государственного строительства в СССР, была признана ошибочной. На 17-й чрезвычайной сессии Малого государственного хурала МНР (2 июля 1932 г.) принято решение об отказе от «левого» курса, провозглашен курс на отказ от форсированного строительства социализма, принудительной коллективизации, нарушений законодательства о налогах, религии, закрытии монастырей и т. д.

№ 129

[1] Комацубара Мититаро (1886–1940) – полковник, военный атташе в СССР (1927–1929), начальник военной миссии в Харбине [Дацышен 2012: 126–133].

[2] Маньчжоу-го (Маньчжурия) – государство, образованное Японией на оккупированной ею территории Маньчжурии. В состав государства (март 1932 г. – август 1945) вошли часть земель Внутренней Монголии (Восточная Монголия), Барга и Маньчжурия. 12 марта 1932 г. в ноте министра иностранных дел Маньчжоу-го наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову было сообщено о создании маньчжурского государства. Дипломатические отношения с СССР установлены в апреле 1935 г., генеральное консульство СССР в Маньчжоу-го располагалось в Харбине. В 1949 г. Маньчжоу-го вошла в состав КНР [Русско-китайские отношения 2010, т. III: № 40].

[3] Документ публикуется в сокращении.

[4] Су Бинвэнь, Су Бин-Вэнь (Су Бинвэнь, 1892–1975) – китайский генерал, один из руководителей антияпонского движения в Маньчжоу-го (1931–1941). Командовал Северо-восточной антияпонской армией национального спасения (1932–1933).

№ 130

[1] После состоявшегося в 1932 г. III чрезвычайного пленума ЦК МНРП и 17-й сессии Малого государственного хурала в стране началась реализация «нового» курса: отказ от «левой» линии партии, чистка партийного и государственного аппарата, проведение выборов в местные органы власти, восстановление в избирательных правах зажиточных аратов, смягчение политики в отношении религии и другие важные меры, которые способствовали оздоровлению социально-экономической обстановки в стране. Однако в руководстве не было единства при выработке решений и их реализации, одни деятели считали, что «новый» курс отвечает интересам страны и народа, в частности, П. Гэндэн, другие – полагали, что это «явление временное, своеобразный тактический прием». Лидерство Гэндэна никем не оспаривалось, но постепенно формировалось противостояние премьеру [Рощин 2008: 80–81; История Монголии 2007: 96]. На пленуме в прениях выступали многие партийные деятели, суть выступлений которых можно сформулировать выдержкой из речи З. Шижээ (о нем см.: док. 114, комм. 10): «…не понимал действительной сути <…> не только я, но и многие другие товарищи из ЦК ошибались» (цит. по: [Рощин 1999: 261]).

[2] Элиава Шалва Зурабович (1883–1937) – член РСДРП (1904) председатель СНК Грузинской ССР (с 1923), председатель СНК РСФСР (с 1927), зам. наркома внешней торговли СССП (с 1931), зам. наркома легкой промышленности СССР (с 1936 г.), член Президиума ЦИК СССР, кандидат в члены ВКП(б) с 1922 г. Репрессирован (1937). Реабилитирован (1956) [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 472; Коминтерн ба Монгол 1996: 487].

[3] Д. Лувсаншарав, см.: док. 119, комм. 2.

[4] П. Гэндэн стал премьер-министром и министром иностранных дел; Х. Чойбалсана назначили министром скотоводства и земледелия; премьер-министром станет в 1939 г.

[5] См. док. 62, комм. 13.

[6] См. док. 114, комм. 12.

[7] См. док. 94, комм. 16.

[8] См. док. 94, комм. 3.

[9] См. док. 115, комм. 23.

[10] Идам-Сурэн – возможно, речь идет о Ядамсурэне М., члене президиума ЦКК МНРП (1932), прокуроре МНР (1934);

Дэндэв Лхамсурэнгийн (1895–1956) – монгольский политический и государственный деятель. Окончил партшколу в Улан-Баторе, учился в Москве. Начальник военного училища (1921–1925), министр юстиции, прокурор Монголии (1925–1936), председатель Комитета наук МНР (1937–1941), председатель ЦКК МНРП. Член Малого государственного хурала (1925–1930). Арестован, приговорен к 25-ти годам тюремного заключения, освобожден по амнистии Малого государственного хурала МНР (1944). После освобождения работал в Государственном центральном историческом архиве, государственном университете преподавал маньчжурский язык. Скончался в 1956 г. [Коминтерн ба Монгол 1996: 239; Рощин 1999: 293].

[11] Гевапыл, речь идет о Гиваапил Цэрэнгийн (Сэрээнэнгийн, 1906–1938). Монгольский политический и государственный деятель, начальник политического отдела ГВО (1931–1932), секретного и политического отделов, заместитель начальника ГВО (1932–1934). В 1934 г. обвинили по делу Лхумбэ, выслали в Советский Союз. В 1937 г. вновь арестован. Репрессирован (1938). Реабилитирован (1962) [Коминтерн ба Монгол 1996: 485].

[12] Ульдзий-Бат (Өлзийбат Далантайн, 1901–1937) – с 1922 г. военнослужащий, учитель, секретарь партийного бюро, председатель военного суда. Обучался в Военном институте в СССР (1934–1936), первый заместитель министра внутренних дел (с февраля 1936), министр здравоохранения (с июня 1936). Избирался членом ЦК МНРП, Центральной контрольно-ревизионной комиссии на III чрезвычайном пленуме (1932), член ЦК партии (1933). Репрессирован (1937). Реабилитирован (1962) [Коминтерн ба Монгол 1996: 486].

[13] См. док. 114, комм. 1.

[14] Речь идет о недовольстве монгольского населения недостатками в организации поставок советских товаров широкого потребления через систему Монценкоопа, который после вытеснения частной торговли превратился в монополиста в сфере торговли.

[15] Так в документе.

[16] Дарги (мн. ч. от монг. *дарга*) – начальники.

[17] Речь идет о позиции руководства Монголии в отношении завышенных планов поставки экспортных монгольских товаров в СССР, особенно по скоту.

[18] Так в документе.

[19] В результате административно-территориальной реформы (1931) созданы 13 аймаков, в том числе Земледельческий (*Газар тариалангийн аймаг*), в 1932 г. переименован в Селенгинский аймак (*Сэлэнгэ аймаг*).

[20] Приложения не публикуются.

№ 131

[1] Сипайло Леонид Викторович – подполковник, глава комендантского управления («бюро политического сыска»), сподвижник барона Унгерна.

[2] Гоби (юань Маньчжоу-го) – официальная валюта Маньчжоу-го с июня 1932 по август 1945 г.

[3] Япония.

[4] Японцы.

[5] Имеется в виду Монгольская Народная республика.

[6] Так в документе.

[7] Ямынь (монг. *яам*) – присутственное место, орган административного управления, государственное учреждение, администрация аймака.

[8] Асерсун сумэ (Асар-сүм) – монастырь у оз. Буир-нур, основан примерно в 1825 г. [Материалы по Маньчжурии и Монголии 1905: 41].

[9] Речь идет о хошуне Илдэн-джун-вана Доржпалама, который находился на востоке Цэцэнханского аймака.

[10] Долотай-сумэ (Долот-сүм) – буддийский монастырь в районе Халхин-гола. Возможно, монастырь у оз. Долот-нур в Барге.

[11] Халхин-сумэ (Халхын сүм) – монастырь основан в 1697 г. у оз. Буир-нур; разрушен после войны на Халхин-голе (1939). В 1920 г. монастырь был закрыт ввиду близости к границе. В середине 1930-х гг. здесь располагалась монгольская пограничная застава, которая в 1935 г. была захвачена японским военным отрядом [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 419].

[12] Плашкот – плоскодонное судно для перевозки грузов.

[13] «Рыбалка Водакова» – местность около рыбозавода в низовьях р. Халхин-гол при ее впадении в оз. Буир-нур.

[14] Гачи-лама-сумэ (Гачин ламын сүм) – монастырь основан в 1903 г. в хошуне Дайчин-вана Сайннойонханского аймака (ныне сомон Эрдэнэцогт аймака Баянхонгор).

[15] Торная дорога (устар.) – наезженная, утрамбованная дорога.

[16] Имеется в виду Цэцэнханский аймак, один из четырех аймаков Северной Монголии.

[17] Так в документе.

[18] Имеется в виду рыбный консервный завод.

№ 132

[1] Казаков Василий (1888–1945) – казак, полный Георгиевский кавалер. Участник Первой мировой войны, после Октябрьской революции примкнул к атаману Семенову, полковник.

[2] См. док. 84, комм. 2.

№ 133

[1] Юлбарс (1889–1971) – уйгурский военачальник, один из руководителей национально-освободительного движения мусульман провинции Синьцзян.

[2] Алтайский аймак МНР – бывший Дзасактуханский аймак; часть современного аймака Гоби-Алтай (*Говь-Алтай аймаг*), образованного в 1940 г.

№ 134

[1] Заголовок документа.

[2] Неразборчиво.

[3] Об этом же говорилось на заседании ИККИ (10 ноября 1934 г.) на основании сообщения военного министра Дэмида: на западной границе значительные бои, грабительские (казахские) банды из Синьцзяна перешли границу Монголии с запада, а японцы – с востока под лозунгами войны [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: док. № 243].

№ 136

[1] Ли Шэн (Линшэн, Шин) – губернатор Северного Хингана, возглавлял маньчжурскую делегацию на первой монголо-маньчжурской конференции по урегулированию пограничных конфликтов.

[2] См. док. 131, комм. 7.

[3] В 1935 г. участились пограничные конфликты и инциденты у восточных границ Монголии. В 1932 г. японские войска захватили Маньчжурию, часть Внутренней Монголии и образовали государство Маньчжоу-го. В 1934–1935 гг. резко возросло число случаев нарушения границы, в 1935 г. японцы овладели пограничной заставой в районе Халхин-сумэ. Правительство МНР при поддержке Советского Союза предложило созвать монголо-маньчжурскую конференцию по урегулированию пограничных конфликтов. Конференция открылась в июле 1935 г. на станции Маньчжурия. Однако сразу же обнаружились разные подходы и цели к разрешению проблемы. Монгольская делегация во главе с Г. Самбуу предложила провести конференцию в целях урегулирования пограничных конфликтов с созданием на постоянной основе смешанной комиссии; маньчжурская делегация во главе Ли Шэном предложила расширить рамки конференции – установить дипломатические отношения, признать Маньчжоу-го де-юре и обменяться представителями. Поскольку стороны не пришли к согласию в течение нескольких раундов – переговоры были прерваны [Русско-китайские отношения 2010, т. III: № 291, 295].

№ 137

[1] Заголовок документа.

[2] Цирик (монг. *цэрэг*) – военнослужащий, солдат, рядовой.

[3] Ханки (Канки) – японец, член маньчжурской делегации на монголо-маньчжурской конференции [Русско-китайские отношения 2010, т. III: док. № 296].

[4] Инукай (Инукаи) – японец, входил в топографическую группу для обследования и картографирования прилегающих к р. Халхин-гол территорий; задержан монгольской погранохраной (23 июня 1935 г.). В июле вместе с русским белогвардейцем передан японской стороне [Русско-китайские отношения 2010, т. III: док. № 295].

№ 138

[1] БРП («Братство русской правды») – белоэмигрантская диверсионно-террористическая организация, создана в Берлине в 1921 г. Маньчжурский филиал БРП создан в Харбине в 1925–1927 гг. [Егоров, Цыбин 2008: 81–82].

[2] Баранов Константин Владимирович – японский агент и член Северо-Восточного отдела БРП.

[3] См.: док. 113, комм. 12.

[4] Дэ-ван, Дэван, Дэмчиг Донров (Дэмчигдонров, 1902–1967) – князь хошуна Барун-Сунуд Силингольского сейма Внутренней Монголии, глава автономного объединенного правительства Монголии, избран на съезде представителей западной Внутренней Монголии (1939), выступал за предоставление Внутренней Монголии широких автономных прав, против обязательной военной службы монгольских князей, сторонник независимости Внутренней Монголии [Автономный район Внутренняя Монголия 1980: 30–32; Лузянин 2000: 168].

[5] Востваг – акционерная сеть коммерческих предприятий советской военной разведки за рубежом. Начальник сети в 1928–1936 гг. С. И. Мрочковский [Лурье, Кочик 2002].

[6] См. док. 24, комм. 4.

№ 139

[1] Судя по докладной записке наркома иностранных дел М. М. Литвинова И. В. Сталину такая возможность не исключалась, в записке прямо указывалось, что пассивность СССР к провокациям Японии в отношении Монголии, толкает Гэндэна к соглашению с Японией [Русско-китайские отношения 2010, т. III: 440, 442].

[2] Таиров Владимир Христофорович (наст. ФИО Тер-Григорян Рубен Артемьевич; псевдонимы: Таиров, Теруни, Тер, 1894–1938) – советский военный деятель и политработник, разведчик, дипломат. Полномочный представитель СССР и уполномоченный ЦК ВКП(б) в Монголии (1935–1937). Арестован (1937). Расстрелян (1938). Реабилитирован (1956).

№ 140

[1] См. док. 76, комм. 7.

[2] В ходе монголо-маньчжурской конференции (1935) маньчжурская делегация поставила перед МНР вопрос об установлении дипломатических отношений и обмене официальными представителями. Советская сторона категорически возражала против установления дипломатических отношений между МНР и Маньчжоу-го; монгольской делегации было рекомендовано не выходить за рамки обсуждения пограничного конфликта в Халхин-сумэ.

[3] П. Гэндэн родился в хошуне Уйзэн-гун Сайннойонханского аймака (ныне сомон Тарагт, аймак Увс).

[4] См. док. 50, комм. 8.

[5] Возможно, секретные агенты.

[6] Баратные операции – меновая торговля, безденежный обмен товаров.

№ 141

[1] С июля по ноябрь 1935 г. проведено несколько раундов переговоров (21 заседание) монголо-маньчжурской конференции. На заседании в июле 1935 г. монгольская сторона, отклонив очередные предложения об установлении дипломатических отношений с Маньчжоу-го, предложила создать постоянную смешанную комиссию для демаркации границы на спорных территориях и урегулирования пограничных вопросов (подробнее см.: [Русско-китайские отношения 2010, т. III: док. № 295, 296]).

[2] В ноябре 1934 г. П. Гэндэн, находясь в Москве на переговорах с советским руководством, предложил заключить устный договор (джентельменское соглашение) о взаимной помощи и поддержке в связи с японской угрозой. Такая договоренность была достигнута: в случае нападения на одну из сторон оказать помощь, в том числе и военную. 26 ноября

1935 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) была подтверждена устная договоренность об оказании помощи и поддержки МНР, в данном случае Советский Союз выступил гарантом безопасности МНР.

№ 142

[1] Одна из публикаций появилась в газете «Правда» (10 июля 1935 г.) под заголовком «Провокация японской военщины против МНР». Кроме того, в докладной записке наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова И. В. Сталину сообщается, что мировую общественность о маньчжуро-монгольском конфликте рекомендовано известить опубликованием интервью Х. Чойбалсана с комментариями в советской прессе [Русско-китайские отношения 2010, т. III: № 292].

№ 143

[1] Заголовок документа.

[2] Отношения П. Гэндэна с новым полпредом В. Х. Таировым, сменившим на этом посту С. Е. Чуцкаева, не сложились. 4 сентября 1935 г. Таиров направил в НКИД предложение о снятии Гэндэна с поста премьер-министра [Рощин 2008: 116]. Озабоченность резкими суждениями Гэндэна выражали Элдэв-Очир, Лувсаншарав и другие, касаясь рассуждений Гэндэна, когда он говорил о необходимости присутствия в Улан-Баторе полпредов не только из СССР, но и других государств; торговли, помимо Советского Союза, с другими странами, а также поощрял товарищей по партии выражать недовольство советскими инструкторами [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: док. № 242].

[3] Несмотря на заявления Д. Намсрая, на встрече с советским руководством (30 декабря 1935) Сталин прямо обвинил его в том, что в отношении буддийского духовенства ничего не делается, наоборот, оно поощряется.

[4] Имеется в виду ЦК МНРП.

№ 144

[1] 9 июля 1935 г. на очередном заседании монгольско-маньчжурской конференции монгольская сторона выдвинула предложение о создании комиссии по урегулированию пограничных вопросов из представителей каждой стороны. Уточнялись вопросы базирования уполномоченных с обеих сторон, их обязанности и количественный состав [Русско-китайские отношения 2010, т. III: 449, 453].

[2] В письме зам. наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинского наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову (31 августа 1935 г.) сказано, что маньчжурская сторона предлагает назначить трех уполномоченных с каждой стороны: по одному уполномоченному в Урге и Чанчуне и двух других – у границы. Монгольская сторона предложила по одному уполномоченному у границы [Русско-китайские отношения 2010, т. III: док. № 297].

№ 147

[1]Текст документа оборван.

[2] Обвинения бурят в контрреволюционной деятельности, в частности, звучали в выступлении начальника ГВО Д. Намсрая: «…империалисты в первую очередь опираются на бурят, изменников октябрьской революции, осевших в Монголии. Контрреволюционные элементы все глубже проникали в партию и к власти. Они кричали о социализме, а занимались провокациями, мутили руководство партии и власти…» (цит. по: [Рощин 2008: 88]).

[3] См. док. 120, комм.17.

[4] Документ не имеет конца.

№ 148

[1] Согласно документам из РГАСПИ, повстанцы удерживали семь сомонов Архангайского и 11 сомонов Дзабханского аймаков. Все они имели связь с Баргой и Внутренней Монголией. В состав повстанцев входили 13 соединений численностью свыше трех тысяч человек [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 346, 417].

[2] Амор (Амар Агданбуугийн, 1886/7–1941), см. док. 56, комм. 15.

№ 149

[1] Заголовок документа.

[2] Имеется в виду казах.

№ 150

[1]Авиабригада им. Д. Сухэ-Батора образована в 1933 г., состояла из двух авиаотрядов, была частью ВВС РККА. В 1935 г. авиабригада насчитывала 34 самолета. Этим объясняется особое внимание советских представителей к авиабригаде.

[2] Судец Владимир Александрович (1904–1981) – советский военачальник, маршал авиации (1955). Инструктор авиабригады МНРА (1933–1937); командир авиационной группы ВВС РККА. Герой МНР (1971).

[3] Союзнефтеэкспорт – всесоюзное объединение по экспорту и импорту нефти и нефтепродуктов, создано в 1931 г.

№ 151

[1] П. Гэндэн не возражал, чтобы местопребыванием уполномоченного Маньчжоу-го стал Улан-Батор, кроме того, он считал, что полпреды должны быть не только из Советского Союза, но и из других стран. Он выражал недовольство по поводу некоторых советских инструкторов и эмиссаров Коминтерна [Рощин 1999: 276].

[2] См. док. 143, комм.2.

№ 152

[1] См. док. 24, комм. 34.

[2] В 1867–1912 гг. Японией правил император Муцухито (девиз правления Мэйдзи). Маловероятно, чтобы японский император выезжал в местность Убур-Билют (монг. *Өвөр Билүүт*) для изучения геологии. Возможно, приезжал высокопоставленный чиновник из Маньчжоу-го.

[3] Улан-Цавский сейм Внутренней Монголии (Уланцаб) – один из ее шести сеймов, ныне городской округ АРВМ КНР.

№ 153

[1] По сообщению Б. Шмераля и В. Коларова (октябрь 1934 г.) в ИККИ, расхождения касались ситуации в стране и партии. С одной стороны, так называемая «восьмерка» членов правительства: Элдэв-Очир, Лувсаншарав, Дэмид и другие, с другой – «тройка» Гэндэн, Намсрай, Мэнд. Расхождения касались борьбы с ламством, решения пограничных конфликтов, разного понимания лозунга «обогащайтесь» (впервые этот лозунг был выдвинут в 1926 г.: «всемерно обогащайтесь без эксплуатации других»), роли партии и государственных органов [Рощин 1999: 276; 2008: 117].

[2] На IX съезде партии (сентябрь – октябрь 1934 г.) с отчетным докладом выступил П. Гэндэн, в котором определил МНР как буржуазно-демократическую республику. В отношении ламства и религии высказался за свободу религиозных верований, дифференцированный подход к разным слоям ламства и привлечение их к труду [Рощин 1999: 274; История Монголии 2007: 98–99].

[3] Г. Дэмид на встрече с С. Е. Чуцкаевым в декабре 1935 г. откровенно высказался о взаимоотношениях Гэндэна с Д. Намсраем: Гэндэн полностью подчинил себе Намсрая и ГВО [Рощин 2008: 117]. Гэндэна и Намсрая связывало «Дело Лхумбэ», в информации ИНО ОГПУ сообщается, что Ж. Лхумбэ был арестован по решению Гэндэна, двух секретарей и военного министра [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 354].

№ 154

[1] Заголовок документа.

[2] В 1934 г. на сессии Малого государственного хурала премьер-министром вновь был избран Гэндэн. Однако его позиции уже были не столь прочны: выявились разногласия с другими партийными деятелями, в частности с Элдэв-Очиром, Лувсаншаравом по вопросам внутренней и внешней политики страны. Москва уже проявляла сомнения в благонадежности премьер-министра и ставку сделала на его заместителя – Х. Чойбалсана. Гэндэн это понимал и, возможно, с этим связана его нервозность и нетерпимость.

№ 155

[1] Тесин-хурен (*Тэсийн хүрээ*) – основан в сомоне Дуурэгч-вана Дзасактуханского аймака (ныне сомон Цэцэрлэг, аймак Хувсгул) в 1820 г. [Монголын сүм хийдийн түүхэн 2009: 743].

[2] Лувсандорж (Лувсандорж Хас-Очирын, 1910–1937) – секретарь хошунной канцелярии (1926–1928), председатель айкома ревсомола (1928–1933), секретарь Селенгинского айкома МНРП (1933–1934), секретарь ЦК МНРП (1934–1936), член президиума и секретарь ЦК МНРП (1934), участник VII конгресса Коминтерна с совещательным голосом (1935). В 1936 г. учился в СССР (1936). Репрессирован (1937). Реабилитирован (1962) [Коминтерн ба Монгол 1996: 490; Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 450].

№ 156

[1] Имеется в виду Ж. Лхумбэ. См.: док. 94, комм. 16.

[2] Самбуу Жамсрангийн (1895–1972) – монгольский государственный и политический деятель, дипломат, родился в хошуне Дзоригту-вана Тушэтуханского аймака. Полпред МНР в СССР (1930-е гг.), Чрезвычайный и Полномочный посол МНР в СССР (1937–1946), заместитель министра иностранных дел (1946–1950), Чрезвычайный и Полномочный посол МНР в КНДР (1950–1952), председатель президиума Великого народного хурала (1954–1960).

[3] Так в документе.

№ 160

[1] См. док. 89, комм. 1.

[2] Доксом (Догсом Дансранбилэгийн, 1884–1939) – родился в хошуне Далай-вана Цэцэнханского аймака, и. о. секретаря хошунной канцелярии, министерства финансов, чиновник военного министерства, член ургинской тайной ячейки. Чиновник МВД (с 1921), начальник отдела военного министерства (1922–1924), представитель правительства в Кобдо (1924–1926), секретарь полномочного представительства МНР в СССР (1926–1927), министр в Алтан-Булаке (1927), начальник отдела Экономического совета (1928–1929), директор музея революции (1931–1932), начальник управления в г. Улан-Батор (1923–1933), председатель ЦК МНРП (1936–1939), председатель Малого государственного хурала (1937–1939). Репрессирован (1939). Реабилитирован (1962) [Коминтерн ба Монгол 1996: 419; Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 441].

[3] Второй пленум ЦК МНРП состоялся в марте 1936 г. Резкая критика в отношении П. Гэндэна прозвучала со стороны А. Амара, Х. Чойбалсана, Г. Дэмида, Д. Лувсаншарава. В ответном слове Гэндэн критику отметал <…> «речь была не спонтанной, продуман-

ной, речь человека, трезво оценивающего сложившуюся вокруг него ситуацию» [Рощин 2008: 28].

[4] В декабре 1935 г. – начале января 1936 г. состоялся визит в СССР монгольской правительственной делегации: П. Гэндэн (глава делегации), Г. Дэмид и Д. Намсрай. С советской стороны монголов принимали И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Б. С. Стомоняков, М. М. Литвинов. Переговоры проходили в напряженной обстановке. Сталин вновь высказал Гэндэну претензии в связи с пограничными инцидентами, монголо-маньчжурскими переговорами, позицией в отношении лам, антисоветскими высказываниями. Есть сведения, что после переговоров в посольстве МНР произошел конфликт [Рощин 2008: 118–126].

№ 161

[1] Еще в 1930 г. В. Н. Кучумов в своем письме П. А. Мифу сообщал «об определенной правой» линии Гэндэна. В письме излагалась позиция Гэндэна в отношении помощи и поддержки со стороны СССР отсталым странам, в отношении лам – за наделение имуществом не только бедноты, но и всех лам, в отношении политики цен – за повышение цен на сырье. В марте 1936 г. на пленуме ЦК МНРП о проявлениях «правого» уклона Гэндэна говорилось в докладе А. Амара, о политических просчетах Гэндэна выступали Х. Чойбалсан, Д. Лувсаншарав, Г. Дэмид. В основном обвинения и критика касались принижения роли партии, искажений «нового» курса, нерешительности и непоследовательности в решении вопроса о ламстве, нарушений и использования в личных целях ГВО. Было принято специальное постановление «О Гэндэне», в котором осуждались его политические ошибки. Пленум вывел его из состава ЦК, тем самым было предрешено лишение поста премьер-министра [Монголия в документах Коминтерна 2012, ч. II: 58; Рощин 2008: 128–130].

[2] См. док. 119, комм. 2.

[3] В 1932–1933 гг. Бадрах – министр здравоохранения, о нем см. док. 88, комм. 3.

[4] Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР («Иностранный рабочий»), основано в 1931 г. В 1930-е годы в монгольской секции издательства переводчиками, редакторами, консультантами работали многие монголы.

№ 162

[1] Здесь: министр промышленности, транспорта и связи.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1. 1922 г., апреля 24. – Шифрограмма от сотрудника Восточного отдела НКИД РСФСР С. С. Борисова о переговорах с А. Доржиевым и Б. Вампилоном по вопросу о Тибетской экспедиции
2. 1922 г., мая 14. – Шифрограмма заместителя Полномочного представителя РСФСР в Монголии А. Я. Охтина заведующему Восточным отделом НКИД РСФСР Л. М. Карахану о прибытии в Монголию американской научной экспедиции
3. 1922 г., мая 15. – Шифрограмма заместителя Полномочного представителя РСФСР А. Я. Охтина о текущей ситуации в Монголии
4. 1922 г., мая 22. – Шифрограмма заместителя Полномочного представителя РСФСР в Монголии А. Я. Охтина об указе Богдо-гэгэна от 22 мая 1922 г.
5. 1922 г., мая 29. – Шифрограмма Полномочного представителя СССР в Монголии А. Я. Охтина заведующему Восточным отделом НКИД СССР Л. М. Карахану о ситуации с расквартированием полка охраны посольства
6. 1922 г., июля 5. – Шифрограмма заместителя Полномочного представителя РСФСР в Монголии А. Я. Охтина зав. Отделом Востока НКИД С. И. Духовскому о приезде в Ургу консула США в Калгане С. Сокобина
7. 1922 г., июля 8. – Шифрограмма заместителя Полномочного представителя РСФСР в Монголии А. Я. Охтина заведующему Отделом Востока НКИД РСФСР о создании Государственной военной охраны
8. 1923 г., января 6. – Шифрограмма полномочного представителя РСФСР в Монголии Н. М. Любарского заведующему Восточным отделом НКИД СССР Л. М. Карахану о посланиии илийских монголов с просьбой о присоединении к Внешней Монголии
9. 1923 г., февраля 18. – Шифрограмма полномочного представителя РСФСР в Монголии Н. М. Любарского заведующему Восточным отделом НКИД СССР Л. М. Карахану
10. 1923 г., марта 9. – Сводка № 1 по иностранному обозрению Прибайкальского губернского отдела Госполитуправления по состоянию на 1 марта 1923 г.
11. 1923 г., марта 14. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану
12. 1923 г., марта 23. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану
13. 1923 г., марта 27. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану
14. 1923 г., апреля 10. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану
15. 1923 г., апреля 12. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану
16. 1923 г., апреля 14. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану
17. 1923 г., не ранее 1 июня. – Из сводки уполномоченного ПП ГПУ по Сибири в Монголии В. Ф. Тиунова «Политическое положение Монголии»

18. 1923 г., июня 6. – Сводка Прибайкальского губернского отдела ГПУ по Монголии и указания начальника Пограничного отдела Иркутского Губотдела ГПУ, начальника Особого отделения при 5 Отдельной Кубанской кав. бригаде, уполномоченного по Троицкосавскому уезду Прибайкальского Губотдела ГПУ П. А. Коркина по созданию советско-монгольской Комиссии для обследования положения русских граждан, проживающих в Монголии
19. 1923 г., июня 30. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану
20. 1923 г., июля 11. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина заведующему Восточным отделом НКИД Л. М. Карахану
21. 1923 г., августа 11. – Письмо Поверенного в делах РСФСР в Монголии В. И. Юдина заместителю начальника ОПО № 1 Ф. И. Бонову
22. 1923 г., сентября 4. – Сообщение Начальника пограничного отделения № 1 Прибайкальского губернского отдела ГПУ П. А. Коркина. об организации разведывательной работы в Монголии
23. 1923 г., сентября 7. – Из доклада о Монголии начальника пограничного отделения № 1 П. А. Коркина
24. 1923 г., сентября 19. – Сводка Прибайкальского Губотдела ГПУ по Монголии
25. 1923 г., не позднее 23 сентября. – Письмо полномочного представителя ГПУ по ДВО Л. Н. Бельского Начальнику Монголо-Бурятского ГПУ М. Д. Берману о задачах Монголо-Бурятского ГПУ в Восточной Монголии
26. 1923 г., ноября 9. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину
27. 1923 г., декабря 3. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину
28. 1923 г., декабря 8. – Шифрограмма временного поверенного в делах СССР в Монголии В. И. Юдина наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину
29. 1924 г., не позднее 25 августа. – Доклад заместителя начальника Особого отделения при 5-й отдельной Кубанской кавбригаде, уполномоченного ОПО № 1 Бошкина о политическом положении в Монголии
30. 1924 г., августа 30. – Из Оперативно-разведывательной сводки Отдела пограничной охраны ОГПУ за июнь 1924 г.
31. 1924 г., сентября 10. – Письмо заведующего отделом Дальнего Востока НКИД СССР Б. Н. Мельникова Полпреду СССР в Монголии А. Н. Васильеву
32. 1924 г., октября 24. – Оперативное задание советскому резиденту в Монголии по вопросу о ситуации в монгольском правительстве
33. 1924 г., ноября 22. – Из Оперативно-разведывательной сводки Отдела погранохраны ОГПУ за август 1924 г.
34. 1925 г., января 13. – Письмо Э.-Д. Ринчино Полномочному представителю СССР в Монголии А. Н. Васильеву
35. 1925 г., 15 января. – Информационное сообщение полномочного представителя ОГПУ по Дальнему Востоку А. П. Альпова о ГВО Монголии
36. 1925 г., февраля 7. – Информационное сообщение ВО ОГПУ о Монголии

37. 1925 г., февраля 17. – Сводка № 1 зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 15 февраля 1925 г.
38. 1925 г., февраля 25. – Сводка № 2 зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 23 февраля 1925 г.
39. 1925 г., марта 14. – Сводка № 2 зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 13 марта 1925 г.
40. 1925 г., марта 21. – Письмо начальника областного отдела ОГПУ Бурят-Монгольской АССР В. А. Абрамова Полпреду ОГПУ по Дальнему Востоку А. П. Альпову с отчетом о командировке в Монголию для проверки работы российской резидентуры
41. 1925 г., марта 26. – Поручение резиденту ИНО ОГПУ в Урге о выяснении планов Фэн Юйсяна в отношении Монголии
42. 1925 г., апреля 9. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ об обращении монгольских князей Внутренней Монголии к Фэн Юйсяну касательно отправки секретного агента в Ургу
43. 1925 г., июня 3. – Характеристика монгольских деятелей из Хайлара
44. 1925 г., апреля 29. – Поручение резиденту ИНО ОГПУ в Урге касательно выяснения планов Китая в отношении Монголии
45. 1925 г., мая 6. – Оперативное задание резиденту в Монголии по вопросу о планах Фэн Юйсяна в отношении заселения Монголии китайскими семьями
46. 1925 г., июня 16. – Из информационного сообщения ПП ОГПУ по ДВО о ситуации в Танну-Туве
47. 1925 г., июня 24. – Информационные сообщения ИНО ОГПУ о политической ситуации в Монголии летом 1925 г.
48. 1925 г., июля 7. – Сводка № 9 зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 6 июля 1925 г.
49. 1925 г., июля 28. – Инструкция уполномоченному Государственной внутренней охраны МНР при 3-й Азиатской экспедиции американца Рой Чемпон Эндрюса
50. 1925 г., июля 28. – Информационное сообщение КРО ПП ОГПУ по Сибири о Юго-Западной Монголии
51. 1925 г., августа 14. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о положении в Монголии
52. 1925 г., августа 14. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ об отправке военной комиссии из Японии в Монголию для изучения русского влияния
53. 1925 г., сентября 15. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о подготовке генерала Сюй Шучжэна к борьбе с монгольским правительством
54. 1925 г., не ранее 1 ноября. – Доклад инструктора Ведомства пограничной охраны Куликова о японской экспедиции на территории МНР
55. 1925 г., ноября 17. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о докладе датского посланника в Пекине Г. Кауфмана по ситуации во Внешней Монголии
56. 1925 г., декабря 30. – Заграндонесение об отношениях между Внешней Монголией и Советской Россией
57. 1926 г., не позднее 28 февраля. – Информационное сообщение о планах Дугара во Внешней Монголии
58. 1926 г., без даты. – Государственная внутренняя охрана Монголии

59. 1926 г., марта 1. – Докладная записка врид главного инструктора ГВО Балдаева о Государственной внутренней охране Монголии
60. 1926 г., июня 16. – Служебная записка Нельхайского об этапировании Дугара-бэйсэ из Китая в Монголию
61. 1927 г., мая 19. – Информационное сообщение ВО ОГПУ о прениях по ламскому вопросу на V съезде МНРП
62. 1927 г., мая 25. – Информационное сообщение ВО ОГПУ о прениях по ламскому вопросу на V съезде Монгольской народно-революционной партии
63. 1927 г., ноября 29. – Справка представителя ОГПУ и главного инструктора ГВО МНР Я. Г. Блюмкина о новом составе монгольского правительства
64. 1927 г., декабря 12. – Сводка ВО ОГПУ по Монголии за апрель–сентябрь 1927 г.
65. 1928 г., февраля 24. – Выписка из информационной сводки ГВО МНР за ноябрь 1927 г.
66. 1928 г., марта 28. – Краткий обзор по монгольскому студенчеству в Москве и Ленинграде
67. 1928 г., июня 9. – Информационное сообщение ВО ОГПУ по ламскому вопросу за март 1928 г.
68. 1928 г., июня 11. – Информационное сообщение из Улан-Батора о ламстве Гандана и Хурэ
69. 1928 г., июня 4. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о монгольской контрразведке
70. 1928 г., не позднее 28 июня. – Из информационного сообщения «Современная Красная Монголия»
71. 1928 г., не ранее 27 июля. – Информационное сообщение Спецотдела ОГПУ о меморандуме посольства Японии в Москве по поводу посылки официального японского представителя в Монголию
72. 1928 г., августа 15. – Меморандум. Материалы спецотдела
73. 1928 г., августа 16. – О переговорах баргинцев с монгольским пр[авитель]ством (в доп. к № 81769 от 17.08.28 г.)
74. 1928 г., сентября 3. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о бандитизме на северо-восточной границе МНР
75. 1928 г., сентября 6. – Информация ИНО ОГПУ о переселении монголов и казахов из Синьцзяна в МНР
76. 1928 г., сентября 10. – Оперативная информация ИНО ОГПУ о политике США и Японии в Маньчжурии
77. 1928 г., сентября 14. – Информационное сообщение о тибетских лекарях в Монгольской народной армии и по ламскому вопросу. Запись беседы сотрудника Полпредства СССР в Монголии И. Минина с Ц. Жамцарано
78. 1928 г., не ранее 22 сентября. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ «О тибетском донире в Урге»
79. 1928 г., сентября 24. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о конфликте на монголо-китайской границе
80. 1928 г., сентября 29. – Информационное сообщение о движении лам за реставрацию власти Богдо-гэгэна

81. 1928 г., октября 2. – Информационное сообщение КРО ОГПУ о предложении Посольства Японии в Москве признать Внешнюю Монголию
82. 1928 г., октября 5. – Информационное сообщение о деятельности Агвана Доржиева по признанию Богдо-гэгэна
83. 1928 г., октября 8. – Показания ламы Гэндэнсоднома о ламском заговоре
84. 1928 г., октября 20. – Информационное сообщение КРО ОГПУ о Бюро по обследованию Внешней Монголии
85. 1928 г., октября 23. – Информационное сообщение о нелегальной отправке А. Доржиевым лам в Тибет
86. 1928 г., октября 25. – Выписка из протокола заседания Духовного совета о Богдо-гэгэне
87. 1928 г., октября 20. – Служебная записка КРО ОГПУ по вопросу о признании МНР Японией
88. 1928 г., ноября 6. – Сводка ИНО ОГПУ о политическом положении в Монголии
89. 1928 г., декабря 5. – Информационное сообщение о высказываниях заведующего организационным отделом ЦК МНРП Б. Дугаржава о политике Советского Союза
90. 1928 г., декабря 20. – Информационное сообщение об обращении китайского штаба к МНР о восстановлении торговых отношений
91. 1928 г., декабря 24. – Информационное сообщение о переговорах между Баргой и Внешней Монголией
92. 1928 г., декабря 26. – Информационное сообщение о прекращении обращения в МНР советских денежных знаков
93. 1928 г., декабря 28. – Информационное сообщение о попытке организации ламской либерально-клерикальной партии
94. 1928 г., не позднее 31 декабря. – Из информационного сообщения о политической ситуации в МНР за октябрь–ноябрь 1928 г.
95. 1929 г., января 4. – Информационное сообщение ВО ОГПУ об арестах лам в связи с движением в поддержку Богдо-гэгэна
96. 1929 г., не ранее 1 февраля. – Информационное сообщение о планах монгольских сторонников автономии относительно присоединения Синьцзяна к МНР
97. 1929 г., апреля 24. – Информационное сообщение о контрреволюционной организации в МНРА
98. 1929 г., мая 25. – Информационное сообщение по материалам из разных источников о ламстве в Улан-Баторе и на местах и о бывшем военном министре С. Дэндэве
99. 1929 г., мая 30. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о деятельности тибетских лекарей в Монголии
100. 1929 г., мая 30. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о настроениях в Монгольской народной армии
101. 1929 г., октября 8. – Информационное сообщение по Восточному району МНР
102. 1929 г., октября 20. – Информация ОО ОГПУ БМР по Монголии (по состоянию на сентябрь 1929 г.)
103. 1929 г., октября 20. – Информационное сообщение об эвакуации Егузэр-ламхая в Улан-Батор

104. 1929 г., октября 28. – Информационное сообщение о настроениях ламства в связи с конфискацией имущества хубилганов и феодалов
105. 1929 г., октября 29. – Информационное сообщение ВО ОГПУ о ситуации в Ученом комитете МНР
106. 1929 г., ноября 1. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о партийной чистке в Улан-Баторе
107. 1929 г. декабря 28. – Информационное сообщение ОО КРО ОГПУ Бурят-Монгольской области о ситуации в Северо-Восточной Монголии
108. 1929 г., не позднее 31 декабря. – Информационное сообщение ВО ОГПУ о положении на Дальнем Востоке
109. 1930 г., 2 января. – Информационное сообщение по восточному району МНР за ноябрь–декабрь 1929 г.
110. 1930 г., января 6. – Воззвание участников собрания в г. Улангом в защиту религии
111. 1930 г., января 6. – Информационное сообщение Облотдела ОГПУ БМР о настроениях в тибетских кругах
112. 1930 г., февраля 13. – Информационное сообщение Облотдела ОГПУ БМР о настроениях в среде ламства
113. 1930 г., марта 10. – Информационное сообщение о ламстве при правом руководстве МНРП
114. 1930 г., марта 22. – Информационное сообщение о настроениях секретаря ЦК МНРП У. Бадраха в связи с разногласиями в ЦК МНРП и записи бесед с ним
115. 1930 г., апреля 8. – Информационное сообщение о настроениях делегатов VIII съезда МНРП
116. 1930 г., не позднее апреля 12. – Информационное сообщение о пребывании в тюрьме Заин-гэгэна
117. 1930 г., мая 17. – Из беседы с Манджушри-гэгэном (16 мая 1930 г.)
118. 1930 г., мая 18. – Информационное сообщение о беседе с секретарем ЦК МНРП У. Бадрахом
119. 1930 г., мая 21. – Записка представителя ИККИ С. Е. Чуцкаева о взглядах монгольского партийного деятеля Д. Лувсаншарава по ламскому вопросу
120. 1930 г., мая 31. – Доклад начальника ГВО МНР Б.-О. Элдэв-Очира о ликвидации контрреволюционного восстания ламства и феодалов в Северо-Западной Монголии (10 мая 1930 г.)
121. 1930 г., июля 13. – Информационное сообщение о заговорах в 19-м и 42-м эскадронах заставы в Баян-Тумэне
122. 1930 г., июля 13. – Информационное сообщение о положении в Восточном районе Монголии (май–июнь 1930 г.)
123. 1930 г., августа 10. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о настроениях в среде ламства
124. 1930 г., августа 30. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о ламских настроениях
125. 1930 г., ноября 21. – Информационное сообщение ИНО ОГПУ о настроениях в среде ламства

126. 1932 г., июня 25. – Записка советника Экономического совета МНР Е. А. Стулова о поездке в Ара-Хангайский аймак
127. Без даты. – Справка об участии японцев в Баргинском восстании
128. 1932 г., августа 8. – Рапорт члена Революционного военного совета МНРА и начальника Политуправления МНРА Д. Улзийбата о работе особого отряда по подавлению контрреволюционного восстания в западных районах
129. 1933 г., февраля 5. – Из донесения полковника Комацубара о положении во Внешней Монголии
130. 1933 г., апреля 8. – Информационное сообщение ПП ИНО ОГПУ по Сибкраю о настроениях в руководстве МНРП
131. 1934 г., декабря 7. – Справка Гомбо. Доклады полковника Сипайло о разведке, проведенной в районе оз. Далай-нор и оз. Буир-нор
132. 1935 г., апреля 26. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР об организации японцами русских военных поселений на границе МНР
133. 1935 г., мая 4. – Информационное сообщение о подготовке вооруженных налетов казахских банд на территорию МНР
134. 1935 г., июня 13. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «Об антиправительственных настроениях среди монгольских казахов»
135. 1935 г., июня 13. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР об организации атаманом Г. М. Семеновым отряда на границе с Монголией
136. 1935 г., июня 20. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о планах Японии по присоединению Монголии к Маньчжоу-го
137. 1935 г., июля 3. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О задержании на монгольской границе японца и белогвардейца»
138. 1935 г., июля 10. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О работе японцев в МНР»
139. 1935 г., июля 11. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о настроениях монгольского руководства по вопросу о Халхин-Сумэ
140. 1935 г., июля 15. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о настроениях монгольского руководства в связи с переговорами между Монголией и Маньчжоу-го
141. 1935 г., июля 17. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о монголо-маньчжурских переговорах
142. 1935 г., июля 17. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о настроениях монгольского руководства в связи с монголо-маньчжурскими переговорами
143. 1935 г., августа 11. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О настроении монгольского руководства»
144. 1935 г., августа 14. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о создании монголо-маньчжурской пограничной комиссии
145. 1935 г., августа 21. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «Об активизации казахских банд на алтайской границе МНР»
146. 1935 г., августа 26. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О политико-моральном состоянии Улан-Баторского гарнизона МНРА»

147. 1935 г., сентября 2. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О численности и боеготовности Монгольской народно-революционной армии»
148. 1935 г., сентября 15. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о предполагаемом аресте главарей контрреволюционных повстанческих организаций
149. 1935 г., сентября 21. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О налетах закордонных банд на пограничное население МНР»
150. 1935 г., сентября 21. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О состоянии авиабригады МНРА»
151. 1935 г., сентября 21. – Информационное сообщение «О поведении председателя Совета министров МНР Гэндуна»
152. 1935 г., сентября 22. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О новой провокации японцев на юго-восточной границе МНР»
153. 1935 г., сентября 27. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «Состояние монгольского руководства в освещении секретаря ЦК МНРП Элдэв-Очира»
154. 1935 г., октября 8. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «Об отношении секретаря ЦК МНРП Лувсаншарава к премьер-министру Гэндуну»
155. 1935 г., октября 10. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о готовящемся в Косогольском аймаке МНР контрреволюционном восстании
156. 1935 г., декабря 9. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о беседе секретаря ЦК МНРП Д. Лувсаншарава с полпредом СССР в МНР В. Х. Таировым
157. 1936 г., января 3. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О состоянии частей МНРА в Тамсаге»
158. 1936 г., января 20. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О показаниях задержанных баргутских цириков»
159. 1936 г., января 28. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О мероприятиях японцев в связи с событиями в Монголии»
160. 1936 г., января 28. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О настроении монгольского руководства»
161. 1936 г., февраля 3. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР «О заявлениях Ульдзе-Очира о провокационных действиях Гэндуна»
162. 1936 г., февраля 4. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о беседе премьер-министра МНР А. Амара с полпредом СССР В. Х. Таировым
163. 1936 г., февраля 5. – Информационное сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР об отряде атамана Семенова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке:

Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. М.: ГРВЛ, 1980. 157 с.

Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ, изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.

Базаров Б.В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.

Барадийн Б. Очерки Монголии // Жизнь Бурятии (журнал). 1924. № 4–5. С. 8–13.

Барадийн Б. Поездка в Монголию (путевые очерки) // Жизнь Бурятии (журнал). 1924. № 2–3. С. 17–26.

Барон Унгерн в документах и мемуарах. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. 661 с.

Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2002. 230 с.

Батсайхан О. Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. 406 с.

Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М.: ИВ РАН, 1997. 316 с.

Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: ГРВЛ, 1999. 239 с.

Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США – Россия – Китай, 1910–1973. М.: Изд-во «Весь мир». 2015. 400 с.

Большая Российская энциклопедия. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. 768 с.

Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты / Э.П. Бакаева, К.В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг. М.: Наука – Вост. лит., 2015. 238 с.

История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Ванчикова Ц.П., Аюшеева М.В. Зуун хурээ и современный Дашчойлин-хийд // Гуманитарный вектор. 2015. № 4 (44). С. 137–141.

ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М.: Вече, 2013. 512 с.

Выдающиеся бурятские деятели. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 180 с.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: ИВ РАН, 1927. 222 с.

Дамдинов А.В., Чимитдоржиев Ш.Б. Агван Доржиев – выдающийся религиозный и общественно-политический деятель. Улан-Удэ: «Бэлиг», 2010. 76 с.

Дацышен В.Г. «Миссия Комацубары». Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 3. С. 126–133.

Дилова-хутухта Монголии. Политические мемуары и автобиография перевоплощения буддийского ламы. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2018. 351 с.

Егоров Н.А., Цыбин А.Ю. Белоэмигрантские организации на Дальнем Востоке в 20-х – 30-х гг. XX в. и деятельность советских спецслужб // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 77–88.

Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: ГРВЛ, 1974. 195 с.

Жамсуева Д.С. Чесанский (Чесановский) дацан: архивные свидетельства истории возведения храма // Республике Бурятия – 95 лет: Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 297–299.

Збигнев Ш. Бурятская диаспора в Монголии // Диаспоры в современном мире. Материалы Международного круглого стола (Улан-Удэ, 15.10.2007, Хулунбуйр, 13.12.2007). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. С. 75–89.

Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. 764 с.

История в трудах ученых лам / Сост. А.С. Железняков, А.Д. Цендина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 275 с.

История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ГРВЛ, 1967. 537 с.

История МНР. 3-е изд. М.: Наука, 1983. 663 с.

Каллиников А. Национально-революционное движение в Монголии. М.–Л.: Московский рабочий, 1926. 119 с.

Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.

Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М.: ООО «Изд-во МБА», 2015. 212 с.

Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. Буддизм и революция в Монголии // Буддизм России. 2011. № 43. С. 124–141.

Кузьмин С.Л. Западно-монгольское восстание в 1930 г. в защиту религии // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. 2015. № 1. С. 53–59.

Кузьмин С.Л. Теократическая государственность и буддийская церковь в Монголии в начале XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 496 с.

Кузьмин С.Л. К вопросу о «крепостных церковных феодалов» в дореволюционной Монголии // Восток. 2018. № 1. С. 23–30.

Кузьмин Ю.В. Доктор П.А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2014. 184 с.

Кунгуров Г., Сороковиков И. Аратская революция. Иркутск: ОГИЗ. 1946. 142 с.

Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 188 с.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000. 268 с.

Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: люди и судьбы: биографический справочник. СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 639 с.

Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии. М.: Стройиздат, 1970. 216 с.

Майский И.М. Современная Монголия: Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз»). Иркутск: Гос. изд-во. Иркутск. отд., 1921. 472 с.

Майский И.М. Монголия накануне революции. М.: ГРВЛ, 1959. 310 с.

Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып 2: Монголия, Барга и Халха / Сост. Заамурского округа ротмистр Баранов. Харбин: Типо-литография штаба Заамурского округа, 1905. 59 с.

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. I (1919–1929) / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. II (1930–1934) / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 491 с.

Монгольская историческая энциклопедия. / Авт.-сост. Гатапов А.С. Улан-Удэ: Буряад соёл, 2015. 688 с.

Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953). СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2006. 280 с.

Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии (колл. монография). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. 624 с.

Монгольское законодательство. Вып. 1. Основной закон и приложения. Улан-Батор-хото: Изд-во Полпредства СССР в Монголии, 1928. 77 с.

Нанзатов Б.З. Этнический состав и расселение народов Монгольского Алтая и Прихубсугулья в начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. 2013. № 2(3). С. 138–151.

Орлова К.В. История захчинского буддийского монастыря. М.: ИВ РАН, 2012. 202 с.

Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. Изд. 3-е, испр. и доп. Улан-Батор: Госидат, 1987. 519 с.

Петров Н., Скоркин К. Кто руководил НКВД: 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999. 503 с.

Позднеев А. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. СПб.: Типография Имп. АН, 1896. 696 с.

Позднеев А. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 2. СПб.: Типография Имп. АН, 1898. 516 с.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд. репринтное. Серия «Наше наследие». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.

Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Документы. М.: ГРВЛ, 1960. 211 с.

Революционный подвиг сибиряков: биография борцов Советов на земле Иркутской / гл. ред. Е. Н. Антипин. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1972. 364 с.

Ринчинова О.С. Буряты Монголии: вопросы теории. Улан-Удэ: Изд-во ФБГОУ «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова», 2013. 177 с.

Ринчино Э.-Д. О Монголии. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 1998. 142 с.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. Ч. 1. М. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2008. 349 с.

Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. 276 с.

Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

Рощин С.К. П. Гэндэн, монгольский национальный лидер. Штрихи биографии. М.: ИВ РАН, 2008. 160 с.

Рощин С.К. Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М.: ИВ РАН, 2005. 158 с.

Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 861 с.

Сабиров Р.Т. Буддизм в Монголии на рубеже XX–XXI вв. // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 3. С. 95–100.

Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов / Отв. ред. С.В. Лавров. М.: КнигоГрад, 2015. 338 с.

Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 162 с.

Тубчинов С.Д. Миграция бурят в Монголию и места их расселения (конец XIX – первая треть XX вв.) // Диаспоры в современном мире. Материалы Международного круглого стола (Улан-Удэ, 15.10.2007, Хулунбуйр, 13.12.2007). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. С. 97–103.

Дамдинсурэн Цэндийн: к 100-летию со дня рождения / Сост. А.Д. Цендина. М.: Вост. лит., 2008. 574 с.

Цэцэгма Ж. Бурятская национальная интеллигенция в становлении монгольского государства в первой трети XX в. Улан-Удэ: Изд-во ФГОУ ВПО ВСГАКИ. 2006. 231 с.

Цыренова М.Г., Аюшиева И.Г. Политические репрессии в России и Монголии: историческая память. Улан-Удэ: изд-во БГУ, 2011. 118 с.

Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 234 с.

Чойбалсан Х. Краткий очерк истории Монгольской народной революции. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1952.78 с.

Чойбалсан Х. Избранные статьи и речи. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 360 с.

Ширендыб Б. Народная революция в Монголии и образование Монгольской Народной Республики. 1921–1924. М.: Изд-во АН СССР. 1956. 158 с.

Ширендыб Б. Хатанбатор Максаржав / Пер. с монг. М.И. Гольмана. М.: ГРВЛ, 1980. 51 с.

Энциклопедия секретных служб России / Автор-составитель А. И. Колпакиди. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. 800 с.

На монгольском языке:

Агваанпринлэйжамц. Живзун Дарнатын гэгээний дээд хувилгаан Агваанлувсанчойджиннямданзанванчүгбалсанбогийн дур хийгээд түүхэнд ялгуулсад бээр бошог үзүүлсэн ба хаяны угсааны ёсыг тодруулан үйлдсэн эндүүрэлт үзэгдлийг машид арилгагч, шашин төрийн наран саран хосолсны гэрлийн гэгээ хэмээгдэх оршив. Улаанбаатар: ШУА, Түүхийн хүрээлэн, 2001. 106 х.

Бадарчи О.С., Дугарсүрэн Ш.Н. Богд хааны амьдралын он дарааллын товчоон. Улаанбаатар: Хаадын сан, 2000. 229 х.

Батсайхан О. Монгол үндэстэн бүрэн эрхт болох замд (1911–1946). Улаанбаатар: Монгол Улсын ШУА, 2007. 396 х.

Батсайхан О., Лонжид З., Энхбат Ч., Баатар С., Амарсанаа С. Монголын түүх 1911–2017. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. 672 х.

БНМАУ-ын түүх. Т. 2. 1968. Улаанбаатар, 620 х.

Болдбаатар Ч. XX зууны Монголын улс төрийн зүтгэлтнүүд / Отв. ред. Ц. Гомбосурэн, З. Лонжид. Улаанбаатар: Admon, 2004. 370 х.

Дашбадрах Д. Монголын хутагтууд (XVI–XX зуун). Улаанбаатар: ШУА, Түүхийн хурээлэн, 2004. 216 х.

Дэмбэрэлням Ч. Нар тоссон нутаг. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 317 х.

Жамсранжав Г. Богд хаан. Улаанбаатар: Хаадын сан, 1998. 240 х.

Коминтерн ба Монгол (Баримтын эмхэтгэл). Улаанбаатар: Шинжлэх ухаан, технологийн мэдээлийн компаний цехэд хэвлэх, 1996. 501 х.

Лам нарыг егүүтгэсний учир. Улаанбаатар, 2013. 210 х.

Лам нар, сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал. Улаанбаатар, 2008. 140 х.

Магсаржав Н. Монгол улсын шинэ түүх / Сост. О. Батсайхан, З. Лонжид. Улаанбаатар, 2010. 376 х.

Монгол улсын түүх. Т. V / Под ред. Ж. Болдбаатара, М. Санждоржа, Б. Ширэндэва. Улаанбаатар: Admon, 2003. 502 х.

Монгол улсын түүхийн нэвтэрхий толь // https://mongoltoli.mn/history/h/627 (дата обращения 30.03.2019).

Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон. Улаанбаатар: Admon, 2009. 888 х.

Монголын сүм хийдийн түүхээс. Улаанбаатар: Тагнуулын Ерөнхий Газрын Хэвлэх хэсэгт хэвлэв, 2012. 341 х.

Монгол улсын үндэсний атлас. Улаанбаатар: ШУА Газарзүйн хүрээлэн, 2009.

Монгол цэргийн түүхийн товчоон (1911–1990-ээд он). Улаанбаатар: Алтан үсэг, Өнгөт хэвлэл компани, 1996. 569 х.

Монгол-зөвлөлтийн соёл, шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл (1921–1960). 1 боть. Улаанбаатар, 2000.

Монголын тухай БХК(б)Н-ын баримт бичигт (1920–1952). В 3-х томах. Т. I (1920–1932). Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл компани, 2002. 539 х.; Т. II (1933–1940). Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл компани, 2005. 472 х.; Т. III (1941–1952). Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл компани, 2009. 590 х.

Мягмарсамбуу Г. Монголын шашин, төрийн нэрт зүтгэлтэн Егүзэр хутагт Жамсранжавын Галсандаш (1870–1930). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2014. 270 х.

Мягмарсурэн Г. Зүүн хүрээ түүхэн уламжлал. Улаанбаатар: «Голден легион ХХД», 2015. 135 х.

Нямдорж Б. Ховдын хязгаар (1911–1919). Улаанбаатар: Ховд их сургууль, 2006. 280 х.

Пүрэв О. Монгол улсын түүхэн газарзуй (1911–1931 он). Улаанбаатар: Admon, 2004. 275 х.

Пүрэвжав С., Дашжамц Д. БНМАУ-д сум, хийд, лам нарын асуудлыг шийдвэрлэсэн нь. 1921–1940 он. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1965. 262 х.

Рубин Г. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө Мэрсэ (Merse)-ийн үйл ажиллагаа // Эрдэм шинжилгээний бичиг. Түүх (VII). 2008. Х. 173–195.

Сталин ба Монгол орон (архивын баримтын эмхэтгэл). Улаанбаатар: Бэмби сан, 2010. 343 х.

Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар: Admon, 1997. 233 х.

Сүхбаатар На. Баруун хязгарын гийгэм улс төрийн хөгжлийн түүхэн тойм (XX зууны эхэн үеэс 1930-аад он). Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль, 2000. 113 х.

Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн Цагаан ном. Т. 1. 2010; Т. 2. 2012; Т. 3. 2013. Улаанбаатар. Режим доступа: http://tsauzbuk.mn (дата обращения 30.03.2019).

Хатанбаатар Н. Монголын хүрээ хийд, лам нар (XVI–XX зууны эхэн). Улаанбаатар: «Мөнхийн үсэг» ХХК-д эхийг бэлтгэж хэвлэв, 2018. 343 х.

Хишигт Ш. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй) / Ред. Ч. Дашдаваа. Улаанбаатар: Бэмби сан, 2011. 299 х.

Цэрэндоо Ш. Манзуширийн хийд хийгээд хутагтууд. Улаанбаатар, 2009. 153 х.

На западных языках:

Atwood C.P. Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931. Vol. 1. Leiden – Boston – Koeln, 2002. 516 p.

Bawden Ch.R. Modern History of Mongolia. London: Kegan Paul International, 1968. 460 p.

Brown W.A., Onon U. History of the Mongolian People's Republic. London: Harvard University, 1976. 922 p.

Dashpurev D., Soni S.K. Reign of Terror in Mongolia 1920–1990. New Delhi: South Asian Publ., 1992. 93 p.

Kaplonski Ch. The Lama Question: Violence, Sovereignty, and Exception in Early Socialist Mongolia. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014. 257 p.

Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia. Leiden: E.J. Brill, 1955. 181 p.

Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962. 238 p.

Murphy G. Soviet Mongolia. A study of the oldest political satellite. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1966. 224 p.

Rupen R. The Mongols of the 20th Century. Bloomington: Indiana University, Vol. 1, 2. 1964.

Sandag Sh., Kendall H.H. Poisoned Arrows. The Stalin – Choibalsan Mongolian Massacres, 1921–1941. Boulder: Westview Press, 2000. 228 p.

Teleki K. Monasteries and Temples of Bogdiin Khuree. Ulaanbaatar: Institute of History, Mongolian Academy of Sciences, 2011. 383 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

агданные – агентурные данные
агит.-проп. – агитационно-пропагандистский
агитпропотдел – отдел агитации и пропаганды
адм. – административный
АзербССР – Азербайджанская Советская Социалистическая Республика
айком – аймачный комитет
айм. – аймак, аймачный
аймцентр – аймачный центр
АО – административный отдел
АОУ – административно-организационное управление
АОЧ – административно-организационная часть
АПО – агитационно-пропагандистский отдел
АРВМ – Автономный район Внутренняя Монголия
артдивизион – артиллерийский дивизион
арш. – аршин
ат. – атаман
б. – бывший
бандналет – бандитский налет
бар. – барон
Б/б офицерство – бывшее белое офицерство
Б.-М. – Бурят-Монгольская
БМАССР – Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика
БМР – Бурят-Монгольская Республика
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
Бур. (бурят., бурятск.) – бурятский
Бурнардума – Бурятская народная дума
Буробком – бурятский обком
Бурреспублика – Бурятская республика
Бурфобия – фобия против бурят
быв. (бывш.) – бывший (-ее)
вел. (велик.) – великий
вет. – ветеринарный
ВО – Восточный отдел
В.-Удинск – Верхнеудинск
ВКВС – Военная коллегия Верховного суда
ВМН – высшая мера наказания
вн. (внешн.) – внешний
внутр. – внутренний
воен. – военный
военвед – военное ведомство
военмин – военный министр
Военсовет – Военный совет
вост. – восточный
ВПО – Военно-пограничный отдел
врид – временно исполняющий должность
ВРК – Военно-революционный комитет
ВСВО – Восточно-Сибирский военный округ
ВСК – Восточно-Сибирский край
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВУЧК – Всеукраинская чрезвычайная комиссия
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
высш. – высший
ВЧК при СНК РСФСР – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР
ГВО (Госвнутрохрана) – Государственная внутренняя охрана
ген. – генерал
главн. – главный
ГО – губернский отдел
гор. – городской
гос. – государственный
ГПУ – Государственное политическое управление
гр. (гр-н) – гражданин
губ. – губерния, губернский
губком – губернский комитет
губревком – губернский революционный комитет
ГубЧК – Губернская чрезвычайная комиссия
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГУПВО – Главное управление пограничной и внутренней охраны
ГУПО – Главное управление пограничной охраны
ГУШОСДОР – Главное управление шоссейных дорог

ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
Д. – дело
д-р – доктор
Дальбюро – Дальневосточное бюро
Дальвосток (Д.В.) – Дальний Восток
ДВК – Дальневосточный край
ДВО – Дальневосточный военный округ
ДВР – Дальневосточная республика
дес. – десятина
див-н – дивизион
докт. – доктор
др. (друг.) – другой
ДС – Духовный совет
дух. – духовный
ж. д. – железная дорога, железнодорожный
жел. – железный
зав. – заведующий
заворг – заведующий организационным отделом
закагентура – закордонная (заграничная) агентура
закбанда – закордонная банда.
зам. – заместитель
замначособотделения – заместитель начальника особого отделения
зап. – западный
ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
ИВ АН СССР – Институт востоковедения Академии наук СССР
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
ин-т – институт
ИНО – иностранный отдел
ИНФО – информационный отдел
искаж. – искаженное
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
к. р. – контрреволюционный
кав. – кавалерийский
кавбригада – кавалерийская бригада
кавполк – кавалерийский полк
кап. – капитан
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
КВО – Кобдоский военный округ
КЧЖД – Китайская Чанчуньская железная дорога
КИМ – Коммунистический интернационал молодежи
Киркрай – Киргизский край
кит. (китайск.) – китайский
КК – контрольная комиссия
командарм – командующий армией
комвойск – командующий войсками
комвуз – коммунистическое высшее учебное заведение
Коминтерн – Коммунистический интернационал
комкор – командир корпуса
комэска – командир эскадрона
коринтендант – интендант корпуса (должность и воинское звание высшего начальствующего состава в Красной Армии)
к/р, к.-р. – контрреволюционный
КРО – контрразведывательный отдел
КУКС – курсы усовершенствования командного состава
КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока
КУТК – Коммунистический университет трудящихся Китая
Л. – лист
ЛВИ – Ленинградский восточный институт
ЛИЖВЯ – Ленинградский институт живых восточных языков
м-ц – месяц
МВО – Московский военный округ
мех. – механический
МИВ – Московский институт востоковедения
МИД – министерство иностранных дел
мин. – министерство, министр
мин-во – министерство
минвнудел – министр внутренних дел
мининдел – министр иностранных дел, министерство иностранных дел
минздрав – министестро здравоохранения
Миннархоз – министерство народного хозяйства
Минпрос – министерство просвещения, министр просвещения
Минскотозем – министерство скотоводства и земледелия МНР
Минторгпром – министерство торговли и промышленности МНР

Минфин – министерство финансов, министр финансов
мл. – младший
МНА, МНАрмия – Монгольская народная армия
МНКА – Монгольская народная Красная армия
мн. ч. – множественное число
МНП – Монгольская народная партия
МНРА – Монгольская народно-революционная армия
МНРП – Монгольская народно-революционная партия
мон. (монг., монгол.) – монгольский
Монголпра (Монпра, Монправительство) – монгольское правительство
МонГУ – Монгольский государственный университет
Монг. нар.-рев. пр-во – Монгольское народно-революционное правительство
монгобат – монгольский батальон
Монценкооп (Монценкоп) – Монгольский центральный кооператив
МРСМ – Монгольский революционный союз молодежи
м-ц – месяц
н-к – начальник
н/ист. – наш источник
наз. – называемый
нар. – народный
Наркоминдел – Наркомат иностранных дел
Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
Наркомснаб – Народный комиссариат снабжения
нар-рев. – народно-революционный
Нарправительство – народное правительство
Нарревпартия – Народно-революционная партия (МНРП)
нац. – национальный
нач. – начальник, начальствующий
начкро – начальник контрразведывательного отдела
начоперотдел – начальник оперативного отдела
начпобриг – начальник политотдела бригады
начполитуправление – начальник политического управления
начсоч – начальник секретно-оперативной части
начучкоманды – начальник учебной команды
нач. Ч. Погранохраны – начальник части погранохраны
наштаглав – начальник штаба главнокомандующего армией
наштакор – начальник штаба корпуса
наштаокр – начальник штаба военного округа
НВК – Нижне-Волжский край
нем. – немецкий
неск. – несколько
НИИ – научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКВТ – Народный комиссариат внешней торговли
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НП – Народная партия
НРА ДВР – Народно-революционная Армия и Флот Дальневосточной Республики
НРП (НРпартия) – Народно-революционная партия
ОАЧ – общеадминистративная часть
об-во – общество
обл. – область, областной
облотдел – областной отдел
ОВУ – объединенное военное училище
ОГПУ – объединенное государственное политическое управление
ОДОН – отдельная дивизия особого назначения
оз. – озеро
ок. – около
ОКДВА – Особая Краснознаменная Дальневосточная армия
окр. – округ
ОО – особый отдел
Оп. – опись
опер. – оперативный
ОПО – отдел пограничной охраны
орг. – организационный
осведсеть – осведомительная сеть
ОСНАЗ – отряд особого назначения

ОСО – особое совещание
ответработник – ответственный работник
отд. – отдельный
отд. – отдел
отд-е – отделение
отделком – командир отделения
п. – пуд
парт. – партийный
пех. – пехотный
пехчасть – пехотная часть
ПО – пограничный отдел
погр. (погран.) – пограничный
Погрохрана – пограничная охрана
Подив – политический отдел дивизии
ПП – полномочное представительство
полит. – политический
политотдел – политический отдел
Политупр – политическое управление
полк. – полковник
полпред – полномочный представитель
полпредство – полномочное представительство
пом. – помощник
помнач – помощник начальника
п/п – пограничный пункт
прав. (прав-во, пр-во) – правительство
пред. – председатель
предвоенсовета – председатель военного совета
предгосконтроль – председатель государственного контроля
предсовмин – председатель Совета министров
президиум – президиум
приграничный – приграничный
прилож. – приложение
пром. – промышленный
прос. – просвещение
прос. – просветительный
проф. – профессор
проч. – прочее
пулькоманда – пулеметная команда
ПУР – политическое управление
р-н – район
развед. – разведывательный
разн. – разный
разведот – разведывательный отдел
Разведупр – Разведывательное управление Штаба РККА
райбюро – районное бюро
РВС – Революционный военный совет
РВСР – Революционный военный совет республики
РГО – Русское географическое общество
Реввоенсовет – Революционный военный совет
ревиз. – ревизионный
Ревсомол (РСМ) – Революционный союз молодежи
регистротдел – регистрационный отдел
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП – Российская коммунистическая партия
РЛКСМ – Российский ленинский коммунистический союз молодежи
РО – разведывательный отдел
РОМНА – разведывательный отдел Монгольской народной армии
РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РУ РККА – Разведывательное управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии
русск. – русский
с. г. – сего года
САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты
СВО – Сибирский военный округ
Секаппарат – секретный аппарат
Секрнадобности – секретные надобности
сексот – секретный сотрудник
сельск. – сельский
Сибкрай – Сибирский край
след. – следующий
следчасть – следственная часть
СНК – Совет народных комиссаров
СО – секретный отдел
сов. – советский
Совмин – Совет министров
Совпра – советское правительство
Совсостав – советский состав
Сомуправление – сомонное управление
СОУ – секретно-оперативное управление
СОЧ – секретно-оперативная часть
спец. – специальный
СПО – секретно-политический отдел
СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ст. – станция
старш. – старший
СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район
т. (тов.) – товарищ
т. – том
т/г – текущий год
т. д. – так далее
тгр. (туг., тугр.) – тугрик
тиб. – тибетский
ТНРП – Тувинская народно-революционная партия
тт. – товарищи
ТНР – Тувинская Народная Республика
Т.Т. – Танну-Тува
ТуркмССР – Туркменская Советская Социалистическая Республика
У.-Батор – Улан-Батор
УБХ – Улан-Батор-Хото (город Улан-Батор)
УГБ – управление государственной безопасности
УзбССР – Узбекская ССР
ун-т – университет
УНКВД – Управление Народного комиссариата внутренних дел СССР
УПО – управление пограничной охраны
упол. (уполн., уполном., уполномоч., уполномочен.) – уполномоченный
уполкоминтерна – уполномоченный Коминтерна
уполнаркоминдел – уполномоченный наркома иностранных дел
уполСО – уполномоченный секретного отдела
упр. (управ.) – управление
ур. – урочище
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
Учком – Ученый комитет
УЧОСО – учетно-осведомительный отдел
ф. – фонд
фин. – финансы, финансовый
хоз. – хозяйственный, хозяйство
хош. – хошун, хошунный
хошком – хошунный комитет
хошуправление – хошунное управление
ЦДС – Центральный духовный совет
ЦДУ – Центральное духовное управление
ЦК – Центральный Комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦСПС – Центральный совет профсоюзов
ЦУПЧРЕЗКОМ – Центральное управление чрезвычайных комиссий
ЧПО – часть пограничной охраны
челов. – человек
чрезполпред – чрезвычайный и полномочный представитель
шт. – штука
штабарм – штаб армии
штаокр – штаб военного округа
эконом. – экономический
ЭКОСО – экономический совет
ЭКУ – экономическое управление
ЮМЖД – Южно-Маньчжурская железная дорога
яз. – язык
яп. – японский

ГЛОССАРИЙ

аборал (монг. *аврал*) – спасение, покровительство; очистительный ритуал в буддизме.
аграмба, гарамба (букв. «знаток мантры») – степень, присваиваемая окончившим тантрийский факультет.
аймак (монг. *аймаг*) – административно-территориальныя единица; внутримонастырская община монахов.
алдан (монг. *алд*) – мера длины, равная приблизительно расстоянию вытянутых рук; маховая, ручная сажень.
амбань – губернатор, маньчжурский наместник.
амбань-ямын – управление (администрация) амбаня.
аргал (монг. *аргал*) – сухой помет скота, использовался как топливо.
бадар (монг. *бадар*) – чаша для сбора подаяния, милостыня, подаяние, пожертвование.
бадарчин (монг. *бадарч*) – странствующий монах, живущий подаяниями.
байшин (монг. *байшин*) – здание, дом.
бакши (монг. *багш*) – учитель.
банди (монг. *банди*) – низшая монашеская степень в буддизме; послушник, принявший пять обетов.
бандза (монг. *банз*) – деревянная палка для порки.
бову (монг. *боов*) – печенье, кондитерские изделия.
бодо (монг. *бод*) – условная единица учета скота; 1 бод равен 1 корове, 1 лошади, двум верблюдам, пяти овцам, семи козам.
бодхисаттва – букв. ‘стремящийся к просветлению’; тот, кто достиг состояния будды, но ради спасения живых существ отказался от нирваны.
буле (монг. *булан*) – уголок.
бурхан – у монгольских народов скульптурное или живописное изображение Будды.
бэйсэ (монг. *бэйс*) – князь четвертой степени.
ван – княжеский титул.
ванг – освящение, посвящение, наделение правом (авшиг).
виная (винайя-питака) – канонический свод правил буддийской монашеской общины, один из разделов буддийского канона Ганжур.
габджу, габжи (монг. *гавж*) – букв. «знаток в 10 науках», ученая степень прослушавшего курс философии.
гаиль-налог (монг. *гааль* ‘таможенный налог’) – таможенная пошлина.
гелон(г) гелун, (монг. *гэлэн*, *гэлун*) – монах, получивший полное посвящение и принявший 253 обета.
генен (монг. *гэнэн*) – мирянин, принявший и соблюдающий религиозные обеты; принявший пять главных обетов.
гецул (монг. *гэцэл*) – монашеская степень принявшего 36 обетов.
геше (монг. *гэвш*) – ученое звание, присваиваемое после завершения обучения в цаннид-дацанах.
гуджир (монг. *гужир цаншив*) – партнер по философскому диспуту.
гун (монг. *гүн*) – князь четвертой степени.
гунза (монг. *гуанз*) – столовая.
гуртэмба, гурутымба – лама, проводящий ритуал очищения.
гурэм (монг. *гүрэм*) – молебен, магический обряд для предотвращения и изгнания нечистых сил, опасностей, мучений, болезней, с чтением соответствующих религиозных книг; торжественная церемония жертвоприношения, молебен, молебствие об исцелении больного; обряд против врагов веры и отечества, болезней и несчастий.

гэскуй, гэбкуй (монг. *гэсгүй*) – блюститель порядка во время богослужения, надзиратель за поведением монахов в монастыре.
да-лама – сотрудник канцелярии шанцзотбы (лица, ведавшего делами шабинаров хутухты).
далай-ван – титул удельного князя.
далемба (монг. *даалимба*) – вид хлопчатобумажной ткани.
дамал (монг. *даамал*) – староста, смотритель, нарядчик.
дамджа (монг. *дамжаа*) – экзамен на получение степени габджу.
дарга (монг. *дарга*) – начальник, руководитель, председатель, командир, управляющий.
дархан-ван – княжеский титул, даровался подданному за преданную службу, освобождался от налогов и повинностей.
дархан-хубилган – титул.
дархан-цорджи – титул.
дацан – отделение высшего монастырского образования; буддийский монастырь, где ведутся занятия; монастырь.
джанк (монг. *жаяг*) – устав.
джаса (монг. *жас*) – с середины XVII в. накопления и хозяйство монашеской общины буддийских монастырей в Монголии.
джасын цорджи – помощник настоятеля буддийского монастыря, руководивший деятельностью джас.
джин (монг. *жин*) – мера веса, равная 0,6 кг.
джонон-ван, джонон-бэйсэ – княжеский титул.
джуд-дацан – тантрийский факультет в буддийских монастырских школах.
дзалан, цзолин (монг. *залан*) – управляющий хошуном; командир роты или эскадрона
дзанги – чиновник низшего разряда.
дзахирагчи, захирагчи (монг. *захирагч*) – помощник главы аймачного сейма.
дзурхайч (монг. *зурхайч*) – лама-астролог.
домо (монг. *домо*) – торжество, устраиваемое духовым лицом по случаю окончания обучения; экзамен.
донир – заведующий канцелярией высшего ламы, настоятеля монастыря.
ду (кит. *доу*) – китайская мера объема, равная 10,3 л.
дубань – в Китае высшее должностное лицо с военно-административными функциями.
дуган – зал для молитвенных собраний.
дугуй (монг. *дугуй*) – круг, круглый.
дунза – особый вид трубочного табака, в состав которого при ароматизации добавляются различные масла.
ду-цзюнь – прежнее название губернаторов в Китае.
дэглэм (монг. *дэглэм*) – распорядок.
дэд-хамбо – заместитель настоятеля монастыря.
жанжин – командир военного формирования; главком, верховный командующий войсками.
жанжин-сайд-ямынь (монг. *жанжин сайдын яам*) – наместничество, управление, администрация генерал-губернатора, командующего войсками.
жаяг – устав.
зайсан(г), дзайсан (монг. *зайсан*) – звание чиновника, глава рода.
занги, дзангин – адъютант.
дзул, дзоло (монг. *зул*) – лампада.
курма (монг. *хүрэм)* – куртка с широкими и короткими рукавами, надеваемая поверх одежды.
курда, кюрд, хурдэ (монг. *хүрд*) – молитвенный цилиндр (барабан).
ламхай, ламтан – уважительное именование ламы.
лан (лян) – мера веса, равная 37,5 г; денежная единица в Маньчжурской империи.
лобон (ловон) – руководитель богослужения в монастыре, звание в монастырях.

лунг – устная передача учителем ученику благословения на слушание, чтение и изучение буддийского текста или практики.
лундун (монг. *лүндэн*) – наставление, пророческое писание, булла теократического правителя.
манба-лама – лама-врачеватель, лекарь.
марамба (монг. *маарамба*) – степень, присваиваемая окончившему факультет медицины
мунга, мунгу (монг. *мөнгө*) – деньги, мелкая разменная монета, равная 0,01 тугрика.
мэрэн, мейрен, мейрен-цзанги (монг. *мээрэн, мэйрэн-занги*) – командир знаменного корпуса, соединения, военный чин.
надом (монг. *наадам* или *эрийн гурван наадам,* букв. «три игрища мужей») – спортивный праздник, который включает соревнования по трем национальным видам спорта: стрельба из лука, борьба, конные скачки.
нирба, нярб, нирав (монг. *нярав*) – монастырский казначей, управитель, смотритель.
нойон (монг. *ноён*) – князь; светский правитель, владетельный аристократ.
ном (монг. *ном*) – учение, религиозные книги.
обон (монг. *овоо*) – груда камней на горных вершинах, перевалах, у водоемов, воздвигаемая в честь духа-хозяина местности.
олбок (монг. *олбог*) – подушки для сидения; существует строгая регламентация числа олбоков в зависимости от ранга монаха.
оток (монг. *отог*) – административная единица в дореволюционной Монголии.
панзычи (монг. *панзчин*) – спекулянт.
сайд (монг. *сайд*) – министр, сановник.
самвара (монг. *санваар*) – обет.
сарлык (монг. *сарлаг*) – як.
сейм – военно-административная единица, введенная для южномонгольских территорий в Маньчжурской империи, в Северной Монголии – собрание князей.
сойбон (монг. *сойвон*) – прислужник знатного духовного лица.
сомон (монг. *сум*) – административно-территориальная единица.
сор – жертвоприношение духам, религиозный обряд уничтожения злых духов.
соргакчи (монг. *сургагч*) – инструктор.
сотор – обет, обязательство.
субурган (монг. *суварга*) – буддийское культовое сооружение
сумэ (монг. *сүм*) – небольшой храм, монастырь
сурхарбан (бур. *һүрхарбан*) – традиционный праздник стрельбы из лука у бурят, аналог надома.
сэцэн (цэцэн) – мудрый.
тагнул (монг. *тагнуул*) – разведчик, шпион, агент.
тахилчи (монг. *тахилч*) – прислужник в храме.
ташур (монг. *ташуур*) – кнуть, плеть.
тулелекчи (монг. *төлөөлөгч*) – делегат, представитель, уполномоченный.
туслагчи (монг. *туслагч*) – помощник, помощник управляющего хошуном, глава хошунного управления.
тушимил, тушэмил (монг. *түшмэл*) – чиновник.
тырлык (монг. *тэрлэг*) – летний халат.
улачин (монг. *улаач*) – ямщик, возничий, подводчик.
унзат – уставщик, начинающий чтение молитв, запевала.
урга-ула (монг. *ургийн улаа*) – вид уртонной повинности, состоящий в предоставлении путникам, имеющим специальное разрешение, лошадей из частного аратского хозяйства с возвратом после одного перегона коня хозяину через сопровождающего.
уртон (монг. *өртөө*) – почтовая станция; помещение для остановки; перегон между двумя уртонами.

фын (фэн) – китайская монета, 0,01 лана.
хадак (монг. *хадаг*) – шелковый церемониальный шарф, который подносится в знак уважения.
харахун (монг. *хар хүн*) – мирянин, светское лицо.
харгис (монг. *харгис*) – жестокий, реакционный.
хашан (монг. *хашаан*) – забор, загон для скота, двор, хозяйство, подворье.
хамбо-лама – настоятель буддийского монастыря, первое лицо в крупном монастыре.
хийд (монг. *хийд*) – монастырь, кумирня, обитель.
хорон (монг. *хороо*) – район, квартал.
хошун (монг. *хошуу*) – удел нойона; административная единица Монголии с XVI в. до 1931 г.
хуби, хоби (монг. *хувь*) – доля, пай, акционерный капитал; условная счетная налоговая единица, равная 30 тугрикам применительно к скоту и 90 тугрикам – недвижимому имуществу.
хубилган (монг. *хувилгаан*) – перерожденец.
хуварак (монг. *хувраг*) – послушник, ученик монахов до получения им духовного звания.
хучжао (кит.) – паспорт.
худон (монг. *хөдөө*) – сельская местность.
хурал – молебствие, богослужение.
хуралдан (хурулдан, хурал) – название выборных органов верховной и местной власти в Монголии.
хурэ (хурэн, курень; монг. *хурээ*) – крупный монастырь с постоянно проживающими монахами.
хутухта (монг. *хутагт*) – высший сан буддийского духовенства, хутухта.
цаган-сар (монг. *Цагаан сар* ‘Белый месяц’) – Новый год по лунному календарю, национальный праздник.
цагда (монг. *цагдаа*) – полиция, милиция, стражник.
цанидская (цаннидская) школа – высшая школа буддийской философии.
цам – религиозная мистерия, театрализованное представление, совершается в буддийских монастырях.
цзянь-цзюнь – военный губернатор, главнокомандующий, полководец.
цирик (монг. *цэрэг*) – военнослужащий, солдат, рядовой.
цогчин, цогчин-дуган (сокчин) – соборный храм; большая служба; молитва, читаемая во время торжественных служб.
цорджи – настоятель или распорядитель, ведающий жизнью монастыря.
цэн – денежная единица, равная 3,75 г серебра; мера веса, равная примерно 4 г.
чин-ван (цин-ван) – княжеский титул первой степени
чойджин – хранитель учения
шабинары (монг. *шавь нар*) – ученики духовенства.
шанцзотба (монг. *шанзав*) – управляющий шабинского ведомства, должность управляющего делами шабинаров, казначей.
шанцзотба-хамбо – главный шанцзотба.
ширэтуй – настоятель дацана.
эмчи (монг. *эмч*) – врач, лекарь.
эрхэлекчи (монг. *эрхлэгч*) – управляющий, заведующий.
ямынь (монг. *яам*) – присутственное место, орган административного управления государственное учреждение, администрация аймака.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамов 53, 61, 63, 79
Абрамов В.А. 74, 418
Агабуин Дамба 332
Агван Джамцо 153
Агранов Я.С. 328, 365, 369–398
Александр 333
Алимов 314
Амабазар 243
Альпов А.П. 65, 66, 74, 80, 99, 100, 423
Амагаев (Амугаев) М.И. 133, 149, 177, 181, 183, 208, 210, 239, 252, 413, 422, 440, 459
Амар (Амор) А. 375, 376, 385, 386, 398, 434, 442, 455, 486, 488,
Амар, цирик 242
Амабазар 223
Амгалан, зайсан 267, 470
Амгалан 223
Амурсана (Амарсанаа, Амур-Санан) 473, 499
Андо 215
Анненков 70, 425
Аралов 99
Арзагай Мызыген 199
Аро-гэгэн (Ари-гэгэн) Дамдин Ч. 298
Артузов (Фраучи) А.Х. 83, 99, 100, 145, 153, 156, 165, 365, 431
Арцалановы 313
Афанасьев М.И. 13, 405
Аюрзана, баргут 194, 314
Аюр 301, 302
Аюш 394
Аюшжав 262

Ба-угурда 395
Бабкевич П.П. 57, 62, 419
Бавуудорж 146
Багш-гэгэн 465
Бадма-Гарбу 172
Бадмадорж (Бадмадоржи) 206
Бадмажапов Г. (Гомбо-нойон) 33, 50
Бадмажапов Ц.Г. 178, 201, 204, 211, 413
Бадмаин Радна-Доржи 370
Бадмацырен 174
Бадрах (Бадархо) У. 257, 269, 270, 438, 452, 455, 470, 471, 479, 493
Базар 209
Байкадам (Байхадым) 270, 286, 287
Бай Юньти, см. Цэрэндондов
Бак С.А. 73, 74, 128, 132, 134, 138, 141, 143, 157, 176, 425
Бакич А.С. 284, 473
Балган-тайджи 315
Балдаев (Болдаев) Н.М. 117, 118, 124, 145, 146, 179, 187, 192, 193, 218, 427, 491
Балдан, габджу 168, 187, 308
Балдаев (Болдаев) Н.М. 77, 117, 118, 124, 145, 146, 179, 192, 193, 218, 427
Балдан-Самбуу 315
Балдандорж Д. 183, 232, 434, 454
Балджир (Балжир, Бальжир) 250, 305
Балжинням 332
Балицкий В.А. 360
Бальжир 250
Балыков 118
Банзрагч 167
Банчен-Богдо, см. Панчен-лама
Барадийн (Барадин) Б. 270, 470, 471, 496
Баранов К.В. 373, 484
Барду 301–303
Барлой 219
Бассейн 118
Бат, инструктор 315
Бат, тахилч 205
Бат-Очир 219
Батарху-мэйрэн 420
Батмунх, лама 226
Бато-Мунку (Батмунх) 266
Баторун К.К. 77, 93, 120, 409, 411
Бат-Тумур, комиссар кавполка 262
Баттумур, член ЦК МНРП 363
Батосухэ 305
Батуханов (Батухан, Эрдэни-Батухан) Н.Ф. 132, 441
Баянгэрэл 152
Баяр185
Баяртсайхан 263
Беккенкампф 373
Беккер 22
Беликов Г.Н. 10, 402
Бельский Л.Н. 51, 417, 418
Беляев 56, 419
Берегер 373
Берзин 73, 80, 83, 91, 93, 156, 165
Берман М.Д. 34, 51, 414
Билэг 315
Бимбаев М.Т. 470
Блюмкин Я.Г. 132, 134, 145, 146, 439-440
Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта 10–13, 19, 23, 33, 39, 42, 43, 47, 48, 54–56, 104, 127–131, 136, 144, 162–173, 185, 187, 188, 190, 202, 217, 227, 230–238, 242–249, 262, 283, 327, 403–405,

408, 410, 413–416, 421, 433, 437, 439, 443–445, 447, 449–451, 456, 459, 463–466, 469, 471, 476, 477, 489
Бодеско (Бодеско-Михали) Я.М. 199, 203, 204, 221, 222, 225, 241, 252, 311, 313, 458
Богословский 91
Бодо Д. 13, 118, 403, 405, 407, 435
Бойм 256
Большаков Л.И. 197
Большаков Ф.Ф. 207
Бом 308
Бонов Ф. И., см. Пашкин-Бонов
Борисов С.С. 9, 79, 223, 400–401
Боролой 263
Бошкин Т.М.
Буд (Буда) 180, 190
Будаев П. 233
Будаин Д. 207
Будбазар 261
Буй 145
Букатый В.Л. 9–12, 14, 401
Бултыгир Шираб (Бултгур-Шарав) 293, 303, 306
Бума 309, 310
Буньков 67, 68
Бучихин 348
Буяннэмэх С. 42, 43, 60, 259, 415, 421
Буяндэлгэр, член ЦК МНРП 185
Буян-Дэлдэр, председатель военного трибунала 304

Валакшин 21
Валейко Г.И. 71, 73, 74
Вампилон (Вампилун) Б.В. 9, 400
Вангай 168
Ванданов Ж. 284, 473
Ванжилун С. 332
Ванчиг 226
Вань 351
Васильев А.Н. 58, 61, 63, 74, 76, 78, 79, 105, 426
Вильнер 267
Витте (Виттэ) 118, 407
Во И-Цзен 214
Водаков 367, 483
Во-Шоу-Цзи 214
Войцеховский 35–37, 40, 44
Волленберг Н.Л. 63, 66, 141, 143, 421, 443
Волохов Н. В. 214
Вольфович (Вульфович) 145, 146, 445
Ворошилов К.Е. 6, 156, 165, 488
Во-Шоу-Цзи
Вульфович, см. Вольфович

Гава 210
Гевапыл (Гаваапил) 363, 482
Гай (Штоклянд) М.И. 360, 365, 371, 373, 382, 383, 387, 396–398
Галдан Бошогту-хан 127, 437, 442
Галсан, габджу 318
Галсан, лама Гандана 236, 323
Галсанням 267
Галсанов 174
Ганжур Гобан 136
Ганин 30, 412
Гангэн-хубилган 238
Гарамсан-Бичим 138
Гачитский (Гочитский), см. Цэдэн-Еши Дашбалын
Генденов Дамбижалсан 174
Гергель А.А. 197
Герт И.Г. 361
Гиваапил Цэрэнгийн (Гевапыл) 363, 482
Глубоковский А. 31
Гнандберг 208
Гомбо 139, 169, 182–185, 189, 223, 236, 245, 266, 267, 311, 352, 365, 450, 469
Гомбо, житель Ундзэн-гунского хошуна 318
Гомбодо 236, 239
Гомбодорж 165, 235, 324, 425
Гомбожав (Гомбоджав), сотрудник Учкома 209, 210, 470
Гомбожав, лама 144, 202, 226, 227, 229–236, 239, 240, 246, 247, 319, 320
Гомбожав, председатель городского самоуправления 323
Гомбожав, зав. банковской школой 259
Гомбо-Идшин Л. 74, 166, 169, 171–173, 189, 426, 449, 470
Гомбо-Очир 137, 308
Гомбосурэн, делегат VIII съезда МНРП 261
Гомбосурэн, командир отделения 312
Гомбосурэн, лама Гунчанойлон дацана 145
Гомбосурэн, захчинский князь 308
Гомбосурэн Я. 262
Гонжон 388
Гонсурэн 309
Гончаров 207
Гончиг, член ЦК МНРП 185
Гончиг, лама 309
Гончик, начальник снабжения армии 364
Гончигдорж 341, 342
Гончигжав 235
Горбунов 52
Гордеев 49
Горожанин В.М. 365
Готов 263
Гочитский, см. Дашбалын Цэдэн-Еши
Гочо 266, 267
Гриневич 241
Гуй-фу 80

Гуллай-Субсан Цырен 332
Гун-Бэйлэ 93, 430
Гун-Ван 87, 428
Гундэин Юндун 332
Гунжав 309
Гунчин-Чойнджур 181
Гурванжав 199
Гурсэд, гэскуй 144
Гурсэд, министр иностранных дел 223, 259
Гутхар Бато Джаргал 303
Гэлэг-Джамцо 145
Гэлэгсэнгэ Ганжуурын (Гэлэк-Сэнгэ, Гелик-Сенге) 152, 175, 182, 187, 223, 451
Гэгэн-лама
Гэндэн, дербетский князь
Гэндэн Пэлжидийн (Гэндун)
Гэндэн, лама, см. Ялгуусан-хутухта
Гэндэн-Самбу 333
Гэндэсодном 166, 167, 172–173, 187, 450
Гэндэнсурэн 392

Да-Зангин (Да-Манда) 81
Дабдан 233
Даваа 354
Даваасамбуу 174
Давтян (Давыдов) Я.Х. 58–60, 83, 84, 420
Дагам 144
Дагвадорж 205
Далай-ван 355, 357, 488, 507
Далай-лама XIII Тубтен Гьяцо 11, 127, 143, 162–165, 170–172, 175, 202, 222–224, 230, 285, 400, 403, 424, 437, 438, 444
Далай-хан 285,302–304, 429, 472, 474
Далихан 286, 288
Далхасурэн 181
Дамба, бывший дзайсан 330, 331
Дамба, командир 5-го кавполка 153, 185
Дамба Агабуин 332
Дамба Сосун 332, 333
Дамбадорж Ц.-О. (Дамба-Дорджи) 131, 133, 146, 177, 182–184, 196, 242, 260, 330, 352, 406, 439, 442, 451, 454
Дамбаев Д. 243
Дамбаевы, братья 313
Дамбадорж, лама 205
Дамби 199, 227, 331
Дамбижалсан, лама 174
Дамбижанцан (Дамбижалцан, Джа-лама) 21, 22, 31, 244, 284, 308, 408, 416, 434, 454, 465, 473
Дамдин Б. 246, 318, 319
Дамдинбазар Содномын, см. Джалханцза-хутухта
Дамдинсурэн, лама 322
Дамдинсурэн, министр народного хозяйства 262
Дамдинсурэн Д., командир отряда повстанцев 354, 355, 358, 480
Дамдинсурэн Ж. 265, 416, 440, 469, 473
Дамдинсурэн Ц. 464, 470
Дамнин-Самдан 332
Дамсан-Доржи-хубилган 327
Дамчасурэн (Дамчесурув) 158
Дамчой 235
Дандар (Дандор), лхарамба 232
Дандайджи-Хоран-Да 81
Данзан А. 16, 33, 50, 55, 56, 60, 212, 406, 421, 433, 462, 470
Данзан С. 16, 27, 33, 35, 39, 42, 43, 48, 53–56, 60, 105, 118, 266, 267, 403, 406, 407, 412–415, 421–424, 456
Данзан-ол 85
Данзан-Палам 85
Дансорон 238
Дариганга 17, 129
Дарьзав Л. 193, 260, 455
Дарьсурэн 354
Дархан-хубилган 355
Даш, секретарь аймачного комитета МНРП 317
Даш, чертежник Учкома 208, 211
Дашба 301
Дашбалжир 265
Дашвандан 262
Дашеев Ц.-Д. 238
Дашепылон (Дашипылон) Ч.Д. 225, 252
Даши Нима (Дашням) 260
Дашинимаев 253, 265
Даши Рабдан, бурят 322, 327
Даши-Равдан, лама монастыря Гандан 262
Дашням, тайджи 111
Дашням, лама 226
Дашцэвэг 265, 393
Дашпилон, см. Цэдэн-Еши Дашбалын
Дворкин П.С. 26, 31, 412
Дербенев 91
Дерибас Т.Д. 153, 156, 165, 360, 446
Джа-лама, см. Дамбижанцан
Джадамба С., б. председатель Духовного управления 330, 331
Джадамба, пред. Военного совета 153, 179
Джадгар 167
Джалханцза-хутухта Дамдинбазар Цэдэнсодномын 11, 19, 20, 24, 33, 42, 126, 132, 211, 404, 410, 412, 437
Джамцо 232
Джанцандамба 244
Джива 235
Джимба 181
Джуннай 235
Дзагда 145
Дзайсанин Л. 332
Дзаин-гэгэн, см. Зая-пандита-хутухта Лувсан-тубдэнчойджиням (Джамбацэрэн)

Дзанабадзар 437
Дзаулюгчи-Батор 298
Дзумбухуин Н. 332
Дзонхава, см. Цонкапа
Дилова-хутухта Жамсранжав Б. (Дэлиб-хутухта) 245, 278, 280, 322, 328, 373, 465–466, 472, 478
Добдон 199
Довдан 201
Довчин Санжийн 177, 183, 184, 265, 452
Довчин-хубилган 128, 438
Догсом Д. 397, 488
Доёд 209
Дойсилана 435
Долгор 292, 312
Долгорсурэн 267
Долонжав 331
Дондов Ц. 124
Дольма Лхакан 223
Дондовлин 144
Донин 68, 89, 90, 424, 429, 476
Доничай 324
Дорж, председатель Тарятинского ревкома 342
Дорж, лама 323
Дорж, сойбон 327
Доржи, габджу 240
Доржиев А. 237, 238, 240, 241, 243, 400, 410, 450, 464
Доржиев Д. 171
Доржиев Н. 240
Доржпалам Б. 39, 48, 85, 482
Дорлигжав В. 133, 178, 440
Дубровский (Давыдов) Б. 117
Дугар-бэйсэ 110, 111, 124, 134
Дугаржав Б. 170, 177, 178, 182, 210, 264, 397, 453
Дудиков (Дудиков-Гринштадт) Д.Б. 118, 146, 435
Дудукалов А.А. 201, 209, 458
Дуйнхордорж 262
Дулма 261
Духовской **(**Духовский**)** С.И. 13, 14, 52, 404
Душин 159
Дымчиков Б. 210
Дьяков Таричан (Торичан) М. 66, 212, 317, 322, 423, 461
Дэ Ван, см. Дэмчигдонров
Дэмбэрэл 387, 424, 426
Дэмбэрэл (Дэмбрил), член ЦК МНРП 188
Дэмбэрэл, командир отряда 387, 424, 426
Дэмид Г. 256, 264, 265, 312, 317, 363, 364, 374–380, 388, 389, 393, 468, 483, 487, 488
Дэмчигдонров (Дэ Ван) 466, 373, 484
Дэмчик-Баму 313
Дэндэв 134, 176, 194, 234, 235, 241, 260
Дэндэв, министр юстиции 237
Дэндэв (Эрэндэндэв), командир повстанцев 355
Дэндэв Л. 256, 481–482
Дэндэв С. 181, 183, 190-192, 354, 441, 452, 468
Дэндэвцэрэн, лама 205
Дэнсэнцодол 260

Егоров Б. 314
Егузер-хутухта Галсандаш Ж. (Югодзыр-ламхай, Егузер-хутухта, Егузер-ламхай) 97, 191, 197–206, 214, 219, 220, 245, 317, 328, 329, 431, 457–459, 462, 465, 478
Енде-Жуген 97
Ёндонжамц 235
Ёндонжамц-марамба 325, 327
Ёнзон-хамбо 143, 159, 169, 187, 199, 205, 226, 230, 237, 238, 246, 321, 323, 444, 456, 477
Ербанов М.Н. 64, 422
Ермилов Н.Д. 103, 110, 132, 134, 180, 186, 213, 433
Еши-Нима 389
Жадамба Н. 130–134, 153, 176, 177, 179, 182–186, 242, 419, 452, 454, 455
Жа-Дамба 56, 153
Жамбалов Ж. 196, 463
Жамбажамц 327
Жамсаранов Н. (Галсанов Н.) 147, 148
Жамц Ц. отряда 356, 358
Жамцаран 119
Жамцарано Ц.Ж. 125, 140, 153, 157, 159–162, 170, 177, 183, 185, 208–212, 413, 436, 438, 442, 443, 461
Жамьян-гун (Жамьян Онхудын) 211, 459, 461
Жамъян, лама 313
Жамъян, цирик 312
Жамъян-Шарав, габджу 327
Жанчив 262
Жаргал 210
Жигжид 145
Жинжиджав Ц. 252–254, 258–262, 363, 438, 466
Жигжидсурэн 358
Жугдэр, лама 309, 310
Жулун-Соном-ван 331
Журавлев И.Д. 306
Журмудэй-Нима 198

Завадамдин 227
Загд Р. 257, 264, 468
Заковский Л.М. (Штубис Г. Э.) 125, 128, 132, 134, 137, 138, 141, 143, 157, 176, 179, 180, 186, 190, 213, 438
Занаин-Гомбо 332
Запальный 19, 20
Запарин 40
Зая-пандита Лувсанпринлай 458

Зая-пандита-хутухта Джамбацэрэн (Заяын-гэгэн, Заинский гэгэн) 226, 266–268, 324, 470
Зимин 146
Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 106
Зирнис Ян (Иван) П. 360, 365, 371, 373
Золотухин 118
Зунда-гун 267
Зырянов 41, 51, 415

Игнатьев 22
Идам 243
Идам-Сурэн 363
Иконников-Галицкий Н.П. 207, 208, 459
Илдэн-ван 367
Инукай 372
Иш 145

Кабим 31, 412
Казаков В.Г. 369, 483
Казим 40, 184
Кайгородов А.П. 284, 473
Калинин М.И. 105
Калинников (Каллиников) А.Д. 208, 460
Канарейкин 103
Канка (Канки) 380, 381
Канси 437
Кантер 103
Кануков Х.Б. (Вакунаев И.) 480
Карахан (Караханян) Л.М. 9–15, 23–25, 33, 99–101, 106, 212, 401
Катакияма 395
Катков 118, 145, 146
Кауфман Г. 99, 100, 430, 432, 433
Кацнельсон З.Б. 153, 456
Каширин И.Д. 186, 456
Кичик 229
Кичиков 199, 203, 204, 221, 222, 229, 311, 313
Клиндер З. 26, 31, 41, 51
Клиндер Ю. (Иосиф) И. 22, 26, 31, 41, 51, 410
Клягина-Кондратьева М.И. 460
Клярфельд В.И. 146, 445
Козлов П.К. 52, 53, 411, 418, 459
Койчи 386
Колобов А.И. 196
Колобов И.И. 196
Комацубара Мититаро 352, 360, 361, 481
Конапатский 192
Кондратьев С.А. 207–211, 459, 460
Коняев Ф.Р. 252, 253, 257, 265, 267
Коркин П.А. 26, 32, 37, 38, 40, 83, 91, 93, 412
Корнилов 371
Косич Д.И. 47, 54, 56, 77, 78, 417
Костандогло М.П. 214
Котоба 163–165
Куликов 97, 99, 118
Кульцмеев 89
Куренков 365
Курсинов 19, 408
Кутхар 305
Кучумов В.Н. 252–257, 269, 467, 488

Лавран-Санжит, см. Лобон-Санжит
Лавров 63, 330
Лао-Цзы 211
Ларсон Ф. А. 373, 415, 430
Лашин-хубилган Агваанпринлэйжамц 170, 450
Лейджа 309
Лейкок 396
Ленин (Ульянов) В.И. 24, 102, 212, 229, 236, 402
Лепп 377
Лин Гун 82, 428
Линшэн 428, 483
Линдэ 87
Литвинов М.М. 484
Лобсанджамьянджамцо 308
Лобсан Дордже (Лобсан Дорце) 159, 160
Лобсан Чойдон (Лувсан-Чойдон) 223, 231
Лобон-Санжит 385, 392
Лобсанов И.-Д. 149
Ловон Бадамжунай, см. Падмасамбхава
Лодон-Шарав 357
Лондачинг-сан 389
Лосол Д. 184, 237, 440, 455
Лубсанцэвэг 234
Лубсанов 174
Лувсан, гэскуй 187
Лувсан, зам. председателя Учкома 210
Лувсан-жанжин 314
Лувсан, цирик 312
Лувсанбалдан, лама Гандана Дзу-аймака 320
Лувсанбалдан, сайд 205
Лувсангомбо 144
Лувсандамдин 149
Лувсанданзан (Лобсан-Данзан, Лобсанг Тензин) 202
Лувсандорж Х., секретарь ЦК МНРП 487
Лувсандорж, габджу 170, 187, 231
Лувсандорж Т. 437, 449
Лувсанжамц 205
Лубсанджамъянджамцо 310
Лувсандугар 230
Лувсанням 318
Лувсансодном 169
Лувсанхаймчиг Ц. 246, 444, 456
Лувсанцэрэн, гескуй 145
Лувсанцэрэн, габджу 229, 241
Лувсанцэрэн, лама аймака Намдолин 168
Лувсанцэрэн, лама аймака Энх-Дугар 229

Лувсаншарав Доргижавын (Лубсан-Шираб) 255, 270-282, 362–364, 388, 391–394, 471, 472, 481, 485, 487, 488
Лувсаншарав, габджу 230, 232, 233–241, 247, 248
Лудуб 332
Лужигал 332
Луковский 77, 427
Лундун-Дорж 232
Луннайжав 184
Лхагважав 250
Лхасурэнжав 145
Лхумбэ Ж. (Лхумбо) 185, 357, 363, 364, 380, 393, 445, 455–456, 461, 478, 480, 482, 487
Лыксок 233
Любарский Н.М. 14–16, 21, 405

Мажап 215
Мажин 314, 315
Майоров 21
Макаренко 192
Макарычев 159
Максаржав Н. (Магсаржав-хурц) 23, 410

Максаржав Сандагдоржийн Хатан-Батор-ван 23, 59, 60, 85, 155, 285, 308, 410, 411, 416, 420, 242, 465, 473
Мальгаузе 195
Мандаль 21
Манджур 171
Манджушри-лама (Манджушри-хутухта) Цэрэндорж С. 144, 149, 167, 169, 184, 187, 188, 199, 202, 206, 268, 318, 324, 325, 328, 329-331,444, 449, 458, 466, 470, 478
Марков 22
Маркс К. 227, 252
Медведев П.С. 85, 86, 428
Медведь Ф.Д. 124, 436
Мельников Б.Н. 58, 60, 80, 99, 100, 419
Менжинский В.Р. 65, 80, 99, 100, 123, 153, 155, 165, 177, 360, 427
Менинг 16, 407
Меркулов, врид начальника штаба МНРА 36, 44, 414, 416
Меркулов С.Д. 21, 409
Минджур, габджу 168, 187
Минин И. 157, 160
Миронов (Каган) Л.Г. 360
Мишээл 308
Молон-Пунцаг 305
Молотов В.М. 6, 488
Морозов 195
Мудрынин 371
Му-Ху 332
Мэгжиджав 264
Мэнд Р. 263, 264, 363, 375, 376, 388, 398, 469, 487
Мэргэн-хухэн – см. Цэнджав
Мэрсэ, Мэрсээ (Го Дау) 66, 69, 166, 179, 214, 215, 217, 223, 314, 353, 423, 453

На-Ван, см. Найман-Ван
Наван, казначей 144
Наван, лама 228
Наван-Лувсан (Наванлувсан) 194, 317
Наван-Намкал (Навааннамжил) 259
Наваннэрэн Цэрэндондовын Сэцэн-хан (Цэцэн-хан) 19, 20, 408, 416
Наван-Осор 230, 234, 235
Наваншарав, габджу 235, 327, 333
Найдансурэн, габджу 187
Найден-ван 81
Найман-ван 66, 68, 69, 87, 423, 424, 428
Накоскин И. 86
Намдинсурэн 189
Намжав 84
Намжи-Вандан (Намжилвандан, Намчживандан) 154
Намжил, габджу 241, 248
Намжил, делегат VIII съезда МНРП 253, 259, 265
Намжил, истопник 142
Намжилон Б.Н. 180, 190, 213, 453
Намжилун-Сультинодсор 332
Намкеевы, братья 313
Намсарай Д. 182, 454
Намсарай, бурят из Улз-гольского хошуна 322
Намсарай, сотрудник ГВО 195, 260, 267, 363, 377, 379, 385, 391, 393, 397, 398
Нанзад Г. 133, 434, 441
Наваншарав, габджу 235, 327, 333
Нармандах 85
Нармантха 207
Насанбат (Насан-Бат) 120
Нацагдорж Ш. 210, 211
Наянту-ван 87, 409, 428
Неверов А.А. 197
Нельхайский 124
Немаянцу 351
Нетупский (Поливанов) М.М. 120, 121, 440
Нивада 327
Нигудак 205
Никифоров П.М. 133, 210, 440
Нимаодсурун Лубсагай 332
Ничжао-Хо 389
Новандэ 314
Номун Молом 303
Норбоев Д. 200, 222, 227, 230, 238, 240, 241, 462
Норбу 231
Норов 264, 265

Нунайжав (Нуннай Джап) 211
Нямаа Журмэдийн (Журмудэй-Нима) 198
Нямжав, брат Лувсан-жанжина 314
Нямжав (Хан-Сицзу) 178
Нямжав, один из лидеров Баргинского восстания 179
Нямжав, председатель правительства ТНР 72, 198, 425
Няньдигла 222–225

Обара 361
Оджо 309
Одсор 263
Одойсо 309
Одсурэн 261
Ожин-Куй 332
Озеров 323-325
Окояма 98
Ольденбург С.Ф. 162
Ольский (Куликовский) Я.К. 62, 145, 153, 154, 165, 192, 193, 212, 317, 322, 328, 421
Ооой Сигэмото 97
Орги 84
Орос Гомбо, см. Гомбо Б.
Охор 309
Охтин (Юров) А.Я. 9–14, 133, 163, 223, 364, 422, 454
Очир 158
Очир Данги Церен, командир авиаотряда 387
Очиржав 146, 181
Очиров, полковник 22, 23
Очиров Б.Н. 139, 238, 464
Очир-Цэнд 253

Павлов 218
Падмасамбхава 167, 449
Пайкес А.К. 13, 404
Пандита-гэгэн 444
Панчен-лама IX Тубтэн Чокьи Ньима (Панчен-Богдо, Банчин-Богдо) 126, 135–137, 143–145, 162, 172, 186–193, 199–202, 213, 214, 217, 227, 228, 230, 238, 243, 244, 247, 249, 251, 255, 301, 308, 312–315, 318, 321, 322, 327, 331, 332, 336, 346, 347, 355, 358, 383, 385, 437, 443–444, 449, 458, 463, 466, 472, 478
Пашкин-Бонов Ф.И. 34, 413
Петросьян (Петросян) Х.С. 125, 128, 132, 134, 137, 138, 141, 154, 157
Пик П.П. 409
Пин-Ван 87
Приходько Л.А. 178, 187
Прокофьев Г.Е. 360, 369–398
Пузицкий С.В. 169, 173, 176, 450
Пунцаг, командир 326, 363
Пунцаг, лама 318, 319, 325
Пунцаг, габджу Дзугай аймака 145
Пунцаг, нирба 142, 144
Пунцагбалжир 470
Пурбо, см. Будаев П.
Пэлджид 309
Пэрэнлэй 230, 234, 235, 241
Пурэв 363
Пятницкий О.А. (Таршис И.О.) 156, 165, 212, 446, 479

Рабдан 166, 303
Равжа, лама Гандана 202, 231, 301, 320
Радецкий 77, 78, 423, 426
Раднабазар194, 253
Раднаин Г. 332
Ратсампил 312
Рачковский И.П. 208, 209, 460
Резухин Б.П. 145
Рерих В.К. 460
Рерих Н.К. 163, 164, 208, 211, 259, 400, 448, 449, 461
Рерих Ю. (Георгий) Н. 163, 449
Ринчин Бямбын (Ринчен Бимбаев, Бимбаев Ринчин-Доржи Раднажапович, Бимбаин Ринчин) 211, 259, 461
Ринчин, командир 355
Ринчин, лама 301
Ринчино Э.-Д. Р. 35, 50, 54, 55, 60, 61, 63, 68, 69, 74–79, 118, 120, 139, 400, 410–411, 414, 421–423
Ротт 21, 31, 40
Рыскулов Т.Р. 74–79, 411, 433
Рэгдэл 309

Садбо 323
Сазонов 57, 419
Сако Сюити 352
Салба 243
Салхи-Намджил 235
Самбу, брат хубилгана Сандуя 142
Самбу, бурят 174, 175
Самбу Г. 132, 372-377, 380, 381, 393, 483
Самбу Ж. 487
Самдан, тибетец, лама 313
Самдан-Ачиту, лама 325
Самданов 312
Сампил 312
Сампилон Д.С. 177, 178, 183
Сандаг, лама 175, 319, 358
Сандаг, представитель сайда 58, 420
Сандаг, рабджамба 230
Сандагдорж 226
Санджеев С. 230
Санджи-панчен (Санджи-Богдо), Сакья-панчен 166–169, 172, 449, 173, 187

Сандуджап 171
Сандуй 142
Санжаажамц 133
Санжжав, командир повстанческого отряда 354, 358
Санжжав, врач 158
Санчин-Бурэлгу 309
Саралжиндондов 248
Сафьянов Г.П. 85, 428
Сафьянов И.Г. (Эккендей) 73, 85, 86, 426
Семенов Г. М. 313, 369, 371, 398, 399, 405, 423, 424, 451, 483
Сенгэдорж Н. 331
Сергеев 21
Симба Ринпоче (Симбаримбучи) 144, 171, 200, 444, 464
Симсон 22
Симуков А.Д. 207–210, 459, 460
Сипайло (Сипайлов) Л. В. 365–368, 482
Слуцкий А.А. 361, 370
Содном, командир повстанцев 354, 357, 359, 468
Содном, лама 312
Содном Г. 257, 261, 264, 265, 468
Содномджамцой (Содномжар) 292, 474
Содном-Иш С. 267, 469
Содов 219
Сокобин С. 11, 13, 403, 405
Сономдорж 292, 474
Сорхобаяр (Сорхо-Баяр) 321, 323
Сосун Дамба 332, 333
Сталин И.В. 6, 155, 260, 375, 447, 456, 461, 484, 485, 488
Старков А. Г. 414
Стулов Е.А. 335, 351
Су Бинвень (Су Бинвэнь) 362, 481
Субинтан 53
Судец В.А. 387, 486
Судзуки Коазума (Лин-Му) 87
Сунгроб 138
Сунь Ятсен 216, 353, 406, 443
Сухэ-Дза 327
Сэрээтэр, делегат VIII съезда МНРП 119, 226, 260–263
Сэрэтэр, габджу 145, 226, 232, 240
Сэрэтэр-дзанги 332
Сырет 193
Сэмба-гэгэн, см. Симба Ринпоче
Сэнгэдорж Д. 330, 331
Сюй Шучжэн 96, 97, 430
Сюй Шичан 430

Табда, гелун 330
Табхай, гелун 332
Таиров В.Х. (Тер-Григорян Р.А.) 374–376, 379, 388, 389, 393, 394, 398, 484, 485
Такасита 97
Такшиев Ц. 177
Танаин Джамба 332
Танаин Ламоджа 332
Танака Гиити 97, 150, 151, 462
Такаянаки 97
Тапхаев Д. 216
Тарантаев Н.М. 118, 468
Тарантаева А.И. 256, 458
Терада 215, 352, 353, 450
Тобопов 19, 20
Того 267
Тогос 260
Тойн 312
Токмаков 30, 412
Трилиссер М.А. 63, 83, 99, 120, 124, 421
Тубала И.Ф. 169, 173, 176, 450
Тувану Еши 332
Тувдэн 199
Тугж, командир повстанцев 356
Тулга 324
Тэжичер 235
Тэмурдун 302

У, цицикарский губернатор 81
У Пэйфу 13, 405, 430
У Шанхай 87, 428
Удайжав 358
Уламбаяр 81
Улдзе-Очир 397
Улзийбат Д. 353, 363, 479, 482
Улымжи-Батор 196
Ульдзий 215
Ульдзийт 308–310
Унгерн-Штернберг Р.Ф. 12, 13, 29, 31, 42, 81, 147, 284, 313, 319, 365, 404, 409–411, 432, 444, 445, 448, 458, 482
Ундур-гэгэн, см. Дзанабадзар
Уншлихт Иосиф (Юзеф) С. 99, 100, 156, 165, 212, 431
Урицкий С.П. 383, 395, 396
Уртнасан 315
Утепов Ш. Г. 270

Фокин Н.А. 263, 469
Фриновский М.П. 365, 369, 370, 373, 383, 386, 389, 395
Фуминтай 87, 123, 153, 352, 428, 453
Фушан, Фу-угурда, Фу-гун 80, 82, 427
Фэн (Фын) Юйсян 69, 79–82, 87, 108–110, 139, 424, 425, 429–431, 436, 440, 443

Хайр Гелунин Джамба 332
Халзан-Чойдог 316
Хан Сицзу (Нямжав) 178

Ханки 372, 384
Хара Вармош 358
Хатан-Батор-ван, см. Максаржав
Хачка (Хачки)-гэгэн 384
Хаянхирваа Н. 145, 148, 169, 177, 181, 182, 185, 192, 261, 264, 445, 450
Хаяси Кюдзиро 156
Хибиру 332
Холбон-Тавга 293
Хорло 172, 173
Худэрчулуун 261
Хух Гэндэн 187
Хух Ойров 293
Хух Эрэнцэн 181
Хухэн-хутухта Джамьян-Данзан-Дамби-Джанцан 187, 206, 247, 456
Хуши-лама 355
Хэниш (Гейнишь) Э. 208, 460

Ца-Бурэлгу 159, 323
Цаган, мать нойона Гомбо-Очира 137
Цаганху 303, 305
Цагин Тайчин Очир 332
Цамба 235
Цао Кунь 69
Церенов Ц. 238
Цэерэгзэн 363
Цзин 166
Цицидарма 188
Цогтдамба 235
Цонкапа (Дзонхава) 232
Цултэм 320
Цыбиков Д. 174
Цыгантай-Самдан 332
Цыденов Л.-С. 409
Цыдып, бурятский эмигрант 199
Цыдып-Доржи 314
Цыдыпов, председатель правления 313
Цыдыпов, сотрудник ГВО 357
Цыдыпов Ц.-Е. 69, 81, 146–149, 183, 199, 216, 267, 241, 243, 313, 407, 416, 443
Цыренов Б. 238
Цыренов Ц. 238
Цэвэн 167, 187
Цэвэнноров (Цэвэннорбо) 111
Цэвэнсурэн 196
Цэдэвдорж (Цыдып-Доржи) 314, 315
Цэдэндондог 144
Цэдэн-Еши Дашбалын 16, 44, 139, 170, 227, 238, 243, 429
Цэнд, баргут 315
Цэнд, член Баян-Тумэнской коммуны 315
Цэнд-гун 80, 81
Цэнджав, Мэргэн-хухэн 126, 131, 167–173, 187, 437, 438, 449
Цэндсурэн, сотрудник ЦКК 260
Цэндсурэн, заведующий агитпром отделом ЦК МНРП 256
Цэрэндо 330
Цэрэндондов 123
Цэрэндондог 144
Цэрэндорж, врач 192
Цэрэндорж Б. 25, 33, 38, 39, 42, 43, 48, 52–56, 68, 69, 83, 101, 133, 168, 406, 411, 413, 414, 416, 434, 449
Цэрэндэндэв 205
Цэрэнпунцаг, зайсан 324
Цэрэнпунцаг, отшельник 319
Цэрэнчимэд 403
Цэцэг 315
Цэцэн-хан, см. Наваннэрэн Ц.

Чан-Чи 216
Чаплакидзе Н. 197
Чапчаев А.Ч. 163, 222–225, 463
Чекунков 32
Чан Кайши 448, 462, 466
Чан-Чи 416
Чжалицар 147
Чжан Вэнь 215
Чжан Гуанлинь 214
Чжан Сюэлян 155, 166, 173, 179, 215–217, 314, 423, 447
Чжан Цзолинь 13, 15, 19–21, 68, 69, 81, 87, 97, 111, 135, 144, 404–408, 424, 431
Чжан Цзосян 156
Чжан Чжа-бэйсэ 189
Чжао Хуаминь 215
Чимид Д. 129–130
Чимид, зайсан 331
Чимид, лама 131
Чимит, габджу 332
Чин Чан (Баин-Батор) 81
Чичаев И.А. 58, 84, 420
Чичерин Г.В. 52, 53, 63, 80, 105, 156, 418
Чогроб 293, 294
Чогсом 301
Чой 298, 301
Чойбалсан Х. 68, 129, 130, 134, 135, 177, 179, 184, 223, 264, 265, 363, 374, 376–381, 388, 393, 396, 397, 439, 441, 485, 487, 488,
Чойдагва 207–211
Чойджин 205, 235, 237
Чойжил З. 252, 253, 263, 467
Чойжинжав 264
Чойнзон, хамбо-лама 392
Чоймпил 312
Чойнхор 234
Чойнцзодба 224
Чойсон, бурятский лама 175

Чойчимид 235
Чултэм (Шултум), да-лама 67, 303, 424
Чултэм, лама Дзун-хурэ 205, 206, 226
Чултэм, делегат VIII съезда МНРП 260
Чултэм-Балсан, пастух 315
Чуцкаев С. Е. 258, 270, 275, 278–283, 379, 471, 485, 487
Шавгар-мэргэн 145
Шагдар 235
Шагды-Сурун 387
Шадав 133, 441
Шагдур 332
Шаддуб 318, 320–323
Шакьямуни Будда 64, 148, 171, 436, 229, 233, 236, 278, 437
Шалши 306, 307
Шамби 230
Шамин 67
Шантанов К.Х. 255, 256, 468
Шан-Тян-Фу 389
Шара Дамба 142, 236, 267, 355
Шара-Цэдэнгэй-Агван 198
Шарав, лама 206
Шарав, тибетский лекарь 158
Шарху 190, 193
Шастина Н.П. 208
Шастины 208
Шахов (Островский) А.Г. 20, 21, 30, 409
Шибогарин-Дашиджамцо 332
Шижээ (Шиджи) З. 255, 256, 265, 269, 307, 379, 467–468, 481
Шикалов 371
Шираб, габджи 147, 148
Шираб Бато 333
Ширабазар 195, 219, 347
Ширван-ямцо 333
Ширелба 171
Ширнэндамдин Ц. (Эрдэнэ-Джонон-ван) 212
Широков 218
Шлихт 35–37, 414
Шмерал (Шмераль) Б. 254, 454, 467, 487
Шойсорон 227, 230
Шомберг Р. 189
Шотдов 227
Шотуб 231, 240
Шулхи-Болтыгир 303, 305
Шумяцкий Б.З. 9, 400, 401, 409, 425

Элдэв-Очир Б.-О. (Элдуб-Очир) 252–254, 259–265, 269, 283, 311, 363, 365, 374, 376, 380, 388, 390, 391, 466–467, 472, 485, 487
Элиава Ш.З. 362–365, 481
Эндрюс Р.Ч. 91–93, 402, 412, 415, 429
Энх Амгалан, см. Канси
Эпов 197
Эрдэнэбат 358
Эргынзын 312
Эрдэмбаяр (Эрдэмбаир) 209
Эрдэни-Батухан (Батуханов Н.Ф.) 134, 441
Эрдэнэпил (Эрдэнэпэл) Н. 201, 232–235, 239, 247, 448, 477
Эринчин-Дорж 393
Эрхэмбат 184
Эрхимбато 152, 153, 353
Эрэгзэн (Эрыгзын) 312
Эрэндэндэв 480

Юань-Луц 389
Югодзыр, см. Егузэр
Юдин В.И. 23–25, 33, 34, 37, 50–53, 101, 410
Юдин, врач 347
Юлбарс-хан 370, 483
Юмтаров Д. 145–147

Ягода Г.Г. 80, 360, 369–398, 427
Ялгугсан-хутухта (Ялгусан-гэгэн, Гэгэн-лама) 81, 205, 326, 327, 459
Ян Шиджу 67
Янсурэн 309
Янь Сишань 217, 462
Япон-Данзан, см. Данзан Ажвайн
Яримпил 188

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абциг-Хаир (сайхан) хан-ул (Абцог-Хайрхан-ул), хошун 237, 244
Агинский, аймак 216
Акша, местность 49
Алаш, местность 62, 69
Аларский, аймак 77
Алтай (Алтайский) хребет 62, 67, 68, 74, 286, 297, 308, 309, 311, 381, 386
Алтайский, аймак 370, 392
Алтайский округ 62
Алтай-ул, сомон 308
Алтай-Урянхай 188, 288
Алтай-Хан-ул, хошун 285, 286, 288, 290, 296, 297, 298, 300, 308
Алтан-Булак 17, 20, 30, 32, 57, 121, 147–149, 162, 228, 233, 324
Алтан-Тэль, хошун 289, 307
Алатан-Эмэл, местность 314
Амбон, местность 368
Амдо 126, 217
Америка, см. США
Англия 70
Анси Чжоу 370
Аргунь, река 313
Арсай, местность292
Архангайский (Ара/Ар-Хангай) аймак 335, 337, 340, 342, 345, 346, 348, 354, 357, 359
Аршан 140

Бага-Мацзун-шань 370
Бага-ном, местность 386
Байтак-Богдо (Байдаг-Богдо) 88, 90, 154, 155
Байхадым, хошун 286, 287, 300
Бакиль, река 306
Барга 53, 66, 69, 70, 78, 111, 152–154, 164, 166, 179, 187, 195, 214, 216, 218, 228, 314–316, 360, 361, 362, 365–368, 372, 377, 395
Баркуль 94, 95, 370, 386
Барун-Амбан-Урянхай, хошун 93
Барун-Сунуд, хошун
Барун-Торей, озеро 17, 361
Бат-Нуруу (Бато-Норов-ул), хошун 263, 315
Батцэнгэл, хошун 329
Бахад, сомон 370
Бахалой, местность 196
Баяндун 17
Баянзурх (Баян-Дзурх), сомон 330, 331, 359
Баян-Мандал, хошун 285, 289, 291, 292, 296–298, 301, 302
Баян-Тумен 191, 195, 311, 315, 316, 394
Баянтумэн-хан-уул, хошун 153, 314
Баян-Улз, сомон 315
Баянхадам, хошун 155
Баян-Хонгор, хошун 250, 330
Баян-Чандмань, хошун 285, 289, 291, 292, 295, 297, 298
Бекаморин 304
Берлин 96
Билчир 28
Бичжийн Ам, местность 94
Бишрэл-ван, хошун 285
Богдо-Очир-ул, хошун 170
Богдо-Ула (Богдо-Хан-ула), гора 135, 167, 189, 191, 208, 334
Богдо-Хан (Богдо-Хан-ул), аймак 135, 167, 237, 244, 250
Бодончи, хошун 301, 306–308, 309
Болгатаи 28
Боро-Баргастай, местность 355
Бороты (Боротай) 39, 48
Ботохар (Ботохор), хошун 286, 287
Бошокто, местность 292
Буир-нор, озеро 361, 365–368, 372
Букулей 57
Булган, местность 355
Булган-Мандал, хошун 289, 296, 297
Булган Мандал-Мурин-Хан-ул, хошун 285, 286, 289
Булган-гол (Булугун, Булаган-гол), река 62, 286, 309, 310
Булуктай 28
Булун-дэрес, местность 384
Булун-Тохой 90
Бурд, сомон 344, 349
Бурин-ул, сомон 309
Бурэн, сомон 358
Бурятия (Бурят-Монгольская /Монголо-Бурятская республика, Бурятская республика, Бурреспублика) 44, 50, 51, 105, 112,117, 118, 144, 147, 148, 160, 161, 171, 172, 174, 175, 180, 190, 191, 199, 214, 222, 223, 238, 243, 251, 255, 327, 352
Бусхайрхан, хошун 308, 309

Верхнеудинск (Улан-Удэ) 15, 26, 41, 51, 53, 63, 79, 103, 108, 110, 132, 134, 146, 148, 149, 160, 161, 171, 180, 186, 190, 198, 209, 221, 222, 258, 361, 364
Владивосток 21
Восточно-Гобийский, аймак 385
Восточный аймак 365,382, 394

Галын-гол, местность 154, 314, 315
Ганжур, местность 380
Ганьсу 218, 369, 370
Германия 24, 139, 183, 208
Гималаи 163
Гичгэнийн-гол, река 354
Гоби 100
Гугус-Гулинул, хошун 137
Гуйхуачэн (Хух-хото) 95
Гун-бэйлэ, хошун 93
Гурван-Баян (Гурбун-баин), хошун 17, 135, 158, 166, 193, 315, 316
Гурван-Сайхан, хошун 329
Гучен (Гучэн) 93, 95, 154

Дагарай, аймак 168
Даин-куль, озеро 67
Дайрен (Далянь) 173, 215
Дайчин-ван, хошун 93–95
Далай-ван, хошун 357
Далай-Булак, местность 97
Далай-Нур (Далайнор), озеро 49, 365
Далай-хан, хошун 90, 285
Дальний Восток (Дальвосток) 26, 37, 65, 74, 87, 189, 214
Дамби-Ольд, хошун 93
Дариганга 129, 186
Дархад Сосун Дамба, местность
Дархан-бэйлэ, хошун 93, 94
Даурия 196
Даян-нуур, озеро
Дели 163
Делюнь 62, 68
Дербетский, аймак 336, 337
Джалай-нур 49
Джаруд-ван, хошун 81
Джунгария 189, 208, 283
Дзамын-Уд (Замын-Уд, Удэ Уддэ) 49, 121, 383, 389
Дзахчинский хошун 93, 137
Дзун-нур, озеро
Дзун-нур, местность 357
Дзун-Сунуд, хошун
Дзурх-ул, хошун 329
Дмитриевка 28
Долон-Нор (Долоннор) 135, 399
Доод-Цэцуух-гол, река
Дужумэ 373
Дульгонт 28
Дун Цаган-нор, местность 153
Дэджэлин, хошун 294
Дэлгэрмунх-ул, сомон 153
Дэлгэр-хан-ул, сомон 280
Дэлэд, хошун 81

Европа 101
Егузэр, местность 97, 191, 198, 204, 214, 219, 245
Елты, река 67
Еравнинский, хошун 147

Жанжин-гун, хошун 93
Жанжугин-эхэн, местность 355
Жар-Галантои 28
Жаргалант (Джаргалант), сомон 307, 344, 355
Желтуринский район 42

Забайкальская, область 50, 89, 92
Завхан (Забхан, Дзабхан), аймак 385, 392
Залбаг, местность 131
Западный (Западно-Кобдоский), край 283, 285
Захчин, хошун, см. Дзахчин
Земледельческий (Селенгинский), аймак 365

Идэр-Мандал, сомон 350
Ибицик (Ибицык) 28
Идэр, сомон 344, 359
Илийский край (округ, провинция) 14, 189
Индия 68, 74–76, 163, 224
Иркутск 9–14, 34, 38, 70, 73, 88
Иркутская губерния 64, 160
Иро-гол, хошун 243
Их-Булак, местность 243
Их-Жаргалант, сомон 359
Их-ул, сомон 350, 356, 359

Казахстан 269
Кавказ 64, 69
Калган 13, 17, 20, 30, 39, 40, 48, 49, 68, 69, 78, 79, 87, 96, 100, 108, 110, 111, 123, 151, 169, 176, 178, 186, 368, 369
Каспийское море 170
Кашгар 188, 189
Кемчик (Хемчик, Хэмчик) 58–60, 62, 72, 84
Керулен, река 17, 312, 366, 367, 368
Киран, река 148
Киргиз-Урянхай 288
Китай 11, 12, 17, 20, 41, 48, 49, 52, 54, 57, 62, 66, 68–71, 74–76, 78, 80–84, 87, 88, 90, 93, 94, 97, 98, 100–102, 105, 107–110, 122, 124, 135, 139, 150, 151, 167, 177, 182, 187, 189, 198, 202, 208, 214, 216–218, 224, 242, 261, 270, 283, 305, 308, 318, 319, 361, 377, 393
Кобдо 17, 57, 59, 62, 67, 68, 71, 73, 74, 88–91, 94, 95, 135, 189, 190, 193, 201, 257, 261, 284, 285, 289, 309, 310, 322
Кобдоский аймак 10, 78, 201, 385
Кобдоский округ (район) 10, 71, 90, 91, 94, 114, 201, 264, 284
Корнаковка 28
Косогольский аймак, см. Хубсугульский

Кошак, хошун 287, 300
Кош-Агачский район 71
Красный, город 59, 72, 73, 83–86
Красноярск 70, 72, 73, 88
Кудара 28
Кульджа 189
Кяхта 17, 20, 31, 38, 52, 86, 108, 147, 222, 241, 258, 260, 284, 383

Ленинград 138, 139, 141, 209, 223, 231
Лун, сомон 343, 344, 349
Лхаса 79, 104, 127, 147, 164, 166, 171, 172, 174, 200, 222, 223, 230, 328

Маджин-Шан (Мадзин-Шан) 21
Маймачен, см. Алтан-Булак
Мандал 25, 39, 48
Маньчжоу-го 361, 362, 366–369, 372, 374, 375, 380, 381, 388
Маньчжурия 22, 24, 49, 78, 82, 98, 118, 122, 123, 147, 156, 164, 178, 195–197, 215, 216, 346, 352, 361, 372, 375, 381
Маньчжурия, ж. ст. 24, 178, 198, 366
Мензы 39, 48
МНР 92, 97, 98, 135, 136, 138, 139, 140, 149, 150, 153–155, 167, 170, 177, 186–189, 191, 193, 194, 209, 212, 213, 218, 227, 242, 243, 249, 256, 268, 275, 286, 287, 302, 306, 309, 334, 346, 358, 360, 365, 369, 370, 372–376, 379–381, 389–391, 395, 397, 399
Монголия Автономная 42, 127
Монголия Внешняя 14, 22, 30, 49, 52, 66, 76, 79, 80, 84, 93, 98–101, 103–111, 119, 123, 127, 140, 153, 156, 166, 169, 173, 178, 179, 186, 188, 214–218, 227
Монголия Внутренняя 66, 68–70, 76, 78, 79, 98, 111, 123, 126, 135, 140, 153, 156, 161, 166, 173, 176, 178, 179, 186–189, 191, 198, 213–218, 225, 227, 245, 251, 327, 352, 373, 390, 396
Монгольский Алтай
Москва 9, 10–12, 14, 15, 23–25, 33–37, 43, 44, 52, 53, 57, 58, 61, 63, 65, 69, 74, 76, 82, 83, 87, 91, 96, 97, 99, 100, 105, 112, 125, 128, 132, 134, 137–141, 143, 145, 146, 148, 149, 150, 152, 154, 157, 160, 161, 165, 169, 173, 176, 177, 182–184, 212, 223–225, 227, 231, 239, 240, 242, 257, 260, 301, 318, 319, 352, 375, 390, 391, 393, 396–398
Мукден 20, 82, 87, 96, 97, 111, 156, 166, 214–217, 227, 247, 314, 353, 371
Мунко-Обон, сомон 386
Мурэн, сомон 350, 355
Мухоршибирский район 327
Мэргэновский (Мэргэн-ван) хошун 19, 111, 160
Мянган-Булак, урочище 386

Наин-Хаир, хошун 289, 290
Нам-Гурген, местность 366
Намир**,** местность 88
Нанкин 139, 216, 217
Наран-Хайрхан, хошун 285, 289, 296–298
Наран-Джаргалант, хошун 320
Нижний Цэцуух, местность 355
Ниппон, см. Япония
Нирун, местность 292
Новосибирск (Новониколаевск) 70, 83, 88, 93, 125, 128, 132, 134, 137, 141, 143, 157, 176, 198, 221, 225
Норте-Буинул, хошун 135
Номон-хан, аймак 145,167
Нью-Йорк 10

Ойротская область 71, 88, 306
Октом 245
Онон, озеро 361
Онон-го, хошун 243
Онон-гол, хошун 197, 243
Орол, местность 292
Ордос 111
Орхон, река 390
Оршуун (Уршуун), река
Очир-Сумбэр, колхоз 316

Пекин 13, 19, 20, 22, 69, 71, 78, 80, 81, 87, 100, 101, 104, 110, 123, 126, 127, 144, 147, 163, 171, 188, 398
Порт-Артур 98
Прибайкалье 50

Россия 11, 13, 15–17, 24–26, 28, 30, 38, 42–44, 47, 50, 52, 84, 101–104, 107, 110, 125, 163, 164, 184, 197, 215, 216, 223, 224, 227, 228, 230, 268, 361

Сайннойонхановский аймак 30
Сайр-Ус 30
Самара 208
Сан-бейсе (бэйсэ) 19, 121, 135, 146, 161, 162, 166, 180, 196, 264, 367, 394
Сангийн-Далай-Нуур, озеро 356
Сан-Джи 88
Сан-тао-фуй, местность 95
Сант, сомон 343, 344
Саньчжи, населенный пункт
Саратов, 186
Сартул район 292
Саур, горный хребет 62
Селенга, река 390
Семипалатинск 70, 73, 88
Сибирь 26, 70, 71, 73, 83, 91, 124, 128, 134, 138, 141, 157, 176, 180, 186, 190

Синьцзян 62, 66–68, 70, 78, 88, 93, 122, 154, 155, 188, 189, 216, 218, 257, 269, 285, 286, 302. 303, 308, 309, 317, 369, 370, 386
Соельджи, горы 111
Соловьевск 146
Солон-ул 81
Солунь 367
Сонгино 387
СССР 50, 54, 55, 57–59, 70–72, 75, 83, 85, 86, 90, 97, 99, 102, 106, 107, 118, 124, 133, 134, 138–141, 147, 149, 151, 156, 163, 169, 175–177, 180, 191, 194, 209, 212, 214, 216, 218, 223, 224, 258, 260–262, 265, 274, 284, 302, 318, 319, 323, 346, 352, 353, 361, 362, 364, 366, 368, 374, 375, 376, 378–391
Старо-Цурухтайск 313
Судутуи 28
Суйюань 111
Сунуд, местность 312
США 13, 71, 101, 156, 183, 186
Сюйюань 82

Тайшир 263–265
Тамцак (Тамсаг, Тамцак-Булаг, Тамцак-Булак) 194, 315, 380, 381, 394
Танну-Тува 58, 70, 83, 85, 86, 264, 268, 302, 303, 308, 332, 346, 388
Тариат 346, 354, 357, 359
Тариачин, хошун 285
Ташанта 62
Тибет 21, 75, 76, 78, 79, 104, 126, 162–165, 169–172, 174, 187, 222–225, 232, 251
Тогс-Буянт, хошун 289, 291, 292, 294–298, 301–304, 306, 308, 311
Тойтыш, местность 67
Токио 74, 96, 98, 150
Тола, река 191, 258, 390
Толбо-Нур, озеро 17
Торгоутский хошун 286
Торити-ван, хошун, 67
Торхалик, местность 292
Троицкосавск, см. Кяхта
Тув-Засаг, хошун 93, 94
Тулба 71
Туркестан 64, 93
Тынгелик, местность 197
Тэль, местность 292
Тэрхийн-Гол, река 354, 355
Тяньцзинь 13, 20, 21, 373
Тяньшань 189

Убей, озеро 17
Убур-Билют, местность 389
Убурхангайский аймак 358, 383
Убчугин-гол 310
Угий-нур, сомон 344, 350
Удэ (Уддэ), см. Дзамын-Уд
Удзэр-Мянган-Булак, урочище 382
Узэмчин (Узумчин), местность 197, 213, 313, 314
Улан-Батор 124, 125, 141–143, 147–150, 152, 166–172, 174, 175, 179, 181, 187, 190, 191, 198, 203, 208, 212, 219, 224, 225, 230, 243, 245, 248, 249, 258, 260, 267, 302, 308, 312, 314, 315, 317, 318, 320, 324, 334, 353, 355, 361, 367, 370, 373, 374, 377–381, 383, 385–389, 390–392, 394–396
Улангом 17, 88, 89, 181, 268, 294, 295, 300, 301, 303, 306, 311, 392
Улангом, долина 285
Улан-Дабан, горный хребет 303, 304
Улан-нор, озеро 366
Улан-Худун, хошун 367, 368
Улугуй (Улегей), местность
Улзгол (Ульдза, Улдза), река 17, 314, 327
Ульдза-гол, хошун 17, 135, 243, 315, 316
Ульдзийту, сомон 310
Улясутай 17, 21, 121, 199, 201, 261, 309, 373, 381
Ундзэн-гун, хошун 318
Ундэрхаан (Ундэр-Хан, Ундур-Хан, Ундерхаан) 170, 219, 383
Уныктэй 17
Урга 9–17, 19–26, 30–34, 37–40, 43, 48–53, 58, 59, 61, 63, 65, 67, 69, 71–80, 82, 87, 89, 90, 99–103, 104, 107–111, 119, 123–125, 151, 153, 159, 163, 166, 169, 171, 174, 176–179, 188, 189, 202, 208, 216, 223, 236, 283, 311, 312, 318, 353, 367, 368, 373
Уртон-Уде 17
Урумчи 62, 70, 71, 88, 135, 138
Урунгол, река 68
Урхогойт, перевал 67
Уршун (Оршун-гол), река 366, 367
Урянхай (Урянхайский край) 58–60, 63, 70, 72, 73, 83–86, 181, 302, 303
Утай-Шань (Утай) 111, 124, 227, 230
Ушелак, местность 292

Франция 71, 100, 139

Хабаровск 65, 83, 91, 173, 372
Хаза 28
Хайлар 69, 80, 82, 123, 144, 147, 178, 179, 197, 216, 316, 353, 362, 366, 372
Хайрхан-уул, хошун 167
Халиун-гол 314, 315, 381
Халха 10, 66–69, 93, 119, 124, 127, 160, 214, 234, 236, 244, 283, 366–368
Халха-Нумруг, хошун 313
Халхингол, хошун 135, 243, 270, 317, 327
Халхин-Сумэ, местность 375–377, 380, 381

Халхин Халун Аршан 215, 367
Хамотай, местность 67
Хан-Батор, хошун 285, 289, 290, 296–298, 301, 306, 307, 309
Хандон 28
Хан-Тайшир-ул (Хан-Тайшир), аймак 135, 244, 280, 282, 285, 289, 292, 295, 297, 301, 310, 334
Хангай 207, 359
Хандагай, местность 353
Хан-Хугшин, хошун 330
Хан-Хэнтэй, горы 242
Хан-Хэнтэй-ул, аймак 195, 243, 244, 263, 264, 318, 334
Ханх 333
Хар-нор 395
Хара-того, местность 309
Хар-Торол, местность 166
Хара-Усу 144
Харанта 197
Харбин 21, 23, 30, 80, 104, 156, 215, 323, 365, 371, 396
Харитон-Гоби 17
Харун-Урсу, местность 368
Хатан-Булак, сомон 386
Хатгал (Хатхыл) 10, 333
Хашат, сомон 344, 349, 350
Хинган, горы 152, 166, 367
Хирунай-Эхин, местность 355
Хоёр-Ульдзийт Агулинский аймак 226
Холбо-Нор 17
Хонхирын-Нуруу, местность 356
Хонхирын-Эхин, местность 356
Хор, река 20
Хори 148
Хошууч, сомон 154
Хубсугул, хошун 261
Хубсугульский аймак 355, 358, 385, 392
Хубсугул-Далай-Дэлгэр-ханул, хошун 332
Хунжилийн-Эх, местность 355
Хулунбуир 80–82, 218
Хулустон-Гол 372
Хунт, хошун 314
Хухо-Молодо, хошун 155
Хух-Хото (Гуйхуачэн) 90
Хэйлунцзян, провинция 178
Хэнтэй, аймак 361

Цаган-гол, река 67
Цаган-Нур 30, 332
Цаган-Обог (Обо), местность 144, 332
Цаган-Тунги, местность 308
Центральная Азия 30
Центральный аймак 365, 383
Цицикар 81
Цэцуух, местность 356
Цэцэнханский аймак 11, 19
Цэцэнхановский хошун 19
Цэцэрлэг, аймак 220, 260, 261, 266, 267, 280, 282, 285, 289, 335, 339, 342, 383
Цэцэрлэг, сомон 245, 344, 345
Цэцэрлэг-Мандальский аймак (Цэцэрлэг-Мандал) 137, 142, 170, 244, 250, 320, 329, 332, 334

Чадан, город 302
Чандмань-ульский (Чиндомани-ульский) аймак 138, 244, 275, 278, 280, 283, 285, 287, 295, 303, 327, 334
Чанчун 22, 396

Чабригад (Чабригар), хошун 287, 300
Чантунга 82
Чахарская республика 49, 87
Черный Иртыш 62
Чингиль-гол 370
Чиручи, хошун 287, 300
Чита 9, 15, 21, 23, 26, 37, 41, 65, 108
Чумби, долина 163

Шабартуй 28
Шаморы 28
Шанх, сомон 343, 344
Шанхай 369, 373
Шаньси 111
Шаньхайгуань 20, 243
Шар-Сабоктай, местность 356
Шараголки 28
Шара-Сумэ 62, 67, 68, 71, 73, 74, 88, 90
Шигацзе (Шигадзе)
Широжи, хошун 155
Шутэн, аймак 145, 229, 230, 234, 235, 325
Шудорин гол, река 198
Шэнэхэн, местность 316

Эрдэнэ-Мандал, хошун 329
Эрдэнэ-Булган-ул, хошун 142
Эрдэнэ-ул, сомон 307
Эрдэнэ-Цаган-ульский, хошун 313

Югодзыр, см. Егузэр
Южно-Гобийский аймак 385
Южный Бакулай 28

Ялбаг, местность 128
Ямато-Усу, местность 309
Япония 69, 71, 96–98, 128, 150, 151, 156, 197, 212, 214, 215, 218, 346, 352, 353, 360–362, 366, 383, 389, 390
Яшалка, река 17

SUMMARY

This is scientific publication of declassified archival documents about Mongolia, which were kept under the heading "secret" and "top secret" in the Central Archive of the FSB of Russia in Moscow and the FSB Bureau in the Omsk region. Until recently, these documents were inaccessible to researchers and a wide range of readers. In the 20th Century, Russia and Mongolia for more than 70 years were connected by close and allied, ideological, political, trade, economic, military and cultural relations during the historical experiment on the construction of socialism in Mongolia (1921–1993).

Preparation of this book is joint project of the Central Archive of FSB of Russia and the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. This publication aims at introducing into scientific and public circulation important archival documents on the history of Mongolia and Soviet-Mongolian relations in 1922–1936.

Documents of this collection relate to various aspects of the Soviet-Mongolian political, trade, economic, military and cultural relations, political, social and economic history, and international position of the Mongolian People's Republic (MPR) during this period. This publication sheds new light on the features of Soviet-Mongolian relations, internal political and social economic development of the country, internal and foreign policy of the ruling Mongolian People's Revolutionary Party and the Government of the MPR, internal party struggle, relations with the Buddhist Church, the role of the RSFSR/USSR, the RCP(b)/AUCP(b) and the Comintern, the Soviet Plenipotentiary Representative, Soviet advisers and specialists who worked in the MPR, shows new facts of the activities of political, state and military figures of Mongolia and their relationship to the RSFSR/USSR.

Chronological framework of the collection is primarily due to the time frame of those documents that have been declassified and made available for study and publication. The collection covers not the entire period of Soviet-Mongolian relations (1920–1993) but only a small, very important and disputable part of this history, period from 1922 to 1936, i.e. the first 15 years after the victory of the revolution in Mongolia in 1921 and until 1936, i.e. before the beginning of the "Great Repressions" in the USSR and the MPR in 1937–1939.

The book will be useful for historians, political scientists, orientalists, teachers and university students, as well as a broad range of readers interested in the history of Mongolia and Russian/Soviet–Mongolian relations.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие …….. 3

Документы ……. 9

Комментарии к документам …… 400

Перечень документов ……. 489

Список литературы ……. 497

Список сокращений …… 502

Глоссарий …… 507

Именной указатель …….. 511

Географический указатель ……. 521

Summary …… 526

Научное издание

Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)

Сборник документов

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор
А. З. Алмазова

Компьютерная верстка
Г. М. Абишева

Подписано к печати 23.08.2019
Формат 70x100/16
Усл.печ.л. 43. Уч.–изд.л. 36
Тираж 500 экз. Заказ 390

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»
г. Москва, ул. Рождественка, д. 12/1, стр. 1,
офис 8, 9, 10, 11. Тел.: (495) 726–31–69;
(495) 968–24–16; (495) 623–45–54, (495) 625–38–13.
e–mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо